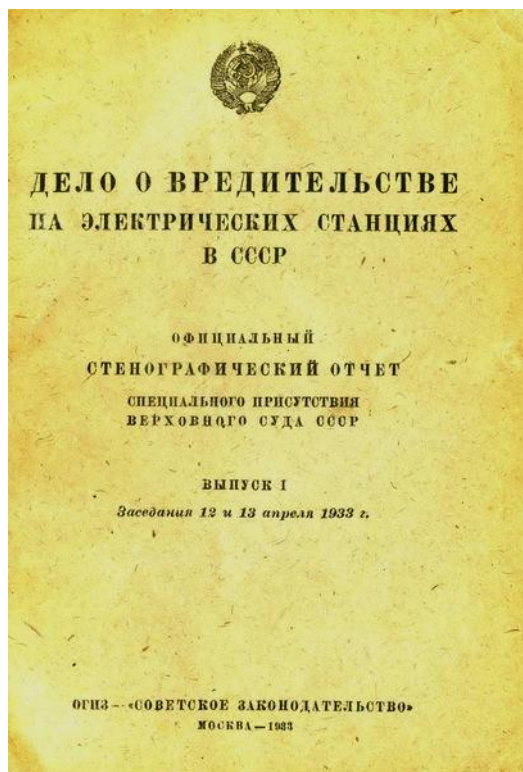

«Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР», 1933 г.

СОСТАВ СУДА

По постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 30 марта 1933 г. настоящее дело передано на рассмотрение специального Присутствия Верховного Суда СССР в следующем составе: Председатель УЛЬРИХ, В.В., Член Верховного Суда СССР; Члены суда – МАРТЕНС, Л.К., Директор Дизельного Института, Профессор по кафедре моторов внутреннего сгорания; ДМИТРИЕВ, Г.А., Начальник «Главэнерго» Инженер-электрик; Запасный член суда ЗЕЛИКОВ, А.В., Председатель Центрального Комитета профессионального союза рабочих, инженеров и техников электротехнической промышленности и электрических станций.

Секретарь: КОСТЮШКО, А.Ф., Старший инспектор Верховного суда СССР.

ОБВИНЕНИЕ: ВЫШИНСКИЙ, А.Я., Прокурор РСФСР; РОГИНСКИЙ, Г.К., Помощник прокурора РСФСР.

ЗАЩИТА: БРАУДЕ, И.Д.; СМИРНОВ, А.А.; КОММODOV, Н.В.; ЛИДОВ, П.П.; ДОЛМАТОВСКИЙ, А.М.; ШВАРЦ, Л.Г.; ПИНЕС, И.Г.; КАЗНАЧЕЕВ, С.К.; ЛИБСОН, И.Н., Члены Коллегии защитников.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 12 апреля 1933 г. 12 час.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Объявляю заседание Специального присутствия Верховного суда СССР открытым. Слушается дело группы вредителей на электростанциях СССР граждан Витвицкого, Гусева, Грегори и других по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58 под знаками 6-7-9-11 Угол. кодекса РСФСР. Тов. секретарь, кто из подсудимых явился?

Секретарь. Подсудимые все налицо, кроме подсудимого Витвицкого. Согласно полученной справке от дежурного врача Бутырского изолятора Витвицкий болен и на суде присутствовать не может.*

Председатель. Мнение прокуратуры о возможности слушания дела, в отсутствие Витвицкого?

Вышинский. Я полагаю дело в отношении Витвицкого выделить и слушание настоящего дела продолжать. Ходатайствую в соответствии с 295-й ст. Угол, кодекса разрешить сторонам сослаться на показания Витвицкого на предварительном следствии, касающиеся других подсудимых.

Председатель. Заключение защиты?

Голоса защитников. Защита не возражает.

Председатель. Судебное присутствие определяет: дело в отношении Витвицкого выделить в особое производство. Кто из экспертов явился? Огласите, во-первых, кто допущен в качестве экспертов.

Секретарь. Допущены в качестве экспертов и явились инженеры: Браилов, Голубцов, Новиков, Смирнов, Улатов. Снедков по неизвестным причинам пока что не явился. Он должен быть здесь.

Председатель. Повестка ему вручена?

Секретарь. Да.

Председатель. Подсудимый Гусев, ваше имя и отчество?

Гусев. Василий Алексеевич.

Председатель. Сколько лет?

Гусев. 34 года.

Председатель. Последняя занимаемая должность?

Гусев. Начальник электростанции.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Гусев. Да.

Председатель. Подсудимый Грегори, ваше имя и отчество?

Грегори. Альберт Вильям Грегори.

Председатель. Сколько вам лет?

* Здесь какая-то «непонятка» – гл. инженер Челябинской ГРЭС Н.П. Витвицкий покончит с собой во время следствия в 1933 г.? С сайта Музея энергии:

Крохин Александр Васильевич. Родился 22 октября 1903 г в Нижнем Новгороде в семье конторского служащего. В 1925 г. закончил Московский институт народного хозяйства им. Плеханова. С 1925 по 1927 г. работал представителем Егоршинской электростанции в Москве (его дипломную работу – проект Егоршинской электростанции – купил трест Ураласбест). С 1927 по 1929 г. работал инженером-экономистом на Свердловской электростанции, с 1929 по 1932 г. – временно исполняющий должность зав. электрочастью Челябинской ГРЭС, с 1933 г. – зам. начальника сектора эксплуатации Уралэнерго (Свердловск). В конце 1933 г. началась кампания по истреблению инженерных кадров в энергетике Урала. Были арестованы коммерческий директор Уралэнерго М.А. Канторович (покончил с собой во время следствия), гл. диспетчер Уралэнерго Б.И. Хамкин, начальник проектного бюро Свердловских электросетей А.А. Кудряшев, инженер сетей И.Д. Педашенко, начальник строительства ЧелябГРЭС Н.Н. Гинтовт и гл. строитель ЧелябГРЭС Ч.М. Ковалевский, главный инженер ГРЭС Н.П. Витвицкий (покончил с собой во время следствия), гл. инженер строительства Егоршинской ГРЭС М.П. Еднерал и многие другие ведущие специалисты. Арестован 24 января 1934 г. экономическим отделом ПП ОГПУ по Уралу как активный участник контрреволюционной диверсионно-вредительской организации в энергетическом хозяйстве Урала. По статье 58-7, -9, -11 постановлением Коллегии ОГПУ по Уралу приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Дмитлаге на строительстве канала Москва-Волга (до 1937 г.) – некоторое время на общих работах, но потом в разных отделениях энергоснабжения в управлении строительства. После окончания строительства переведен в Ухтижемлаг в Коми АССР, где работал инженером (после 1943 г. – главным инженером) в проектно-отделе Ухтинского комбината (до 1962 г., формально срок окончился в 1943 г., но Крохин был оставлен в Ухте). Реабилитирован в 1956 г. В 1990 г. жил в Москве.

Грегори. 48 лет.
Председатель. Английский подданный?
Грегори. Да.
Председатель. Последняя должность в СССР?
Грегори. Инженер-конструктор на Дзержинке*.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Грегори. Получил.
Председатель. Подсудимый Зиверт, ваше имя, отчество, возраст, должность?
Зиверт. Юрий Иванович, 50 лет, старший инженер теплогруппы по турбинному хозяйству Мосэнерго.
Председатель. Последняя должность?
Зиверт. Производитель работ.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Зиверт. Получил.
Председатель. Подсудимый Зорин, ваше имя, отчество?
Зорин. Николай Григорьевич.
Председатель. Ваша должность?
Зорин. Старший инженер сектора рационализации.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Зорин. Получил.
Председатель. Подсудимый Крашенинников, ваше имя, отчество?
Крашенинников. Михаил Дмитриевич.
Председатель. Сколько вам лет?
Крашенинников. 33 года.
Председатель. Должность какая?
Крашенинников. Начальник ремонтно-монтажного цеха 1-й МОГЭС.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Крашенинников. Получил.
Председатель. Подсудимый Котляревский, ваше имя, отчество?
Котляревский. Моисей Львович.
Председатель. Сколько вам лет?
Котляревский. 29 лет.
Председатель. Какую должность занимали?
Котляревский. Старший инженер турбинного сектора Мосэнерго.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Котляревский. Получил.
Председатель. Подсудимый Кушни, ваше имя Джон?
Кушни. Да.
Председатель. Сколько вам лет?
Кушни. 34.
Председатель. Вы английский подданный?
Кушни. Да.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Кушни. Получил.
Председатель. Подсудимый Лебедев, ваше имя, отчество?
Лебедев. Вячеслав Петрович.
Председатель. Сколько вам лет?

* Последняя работа Грегори – модернизация приводов сортового стана Днепропетровского металлургического комбината им. Дзержинского.

Лебедев. 52 года.

Председатель. Должность?

Лебедев. Мастер электроотдела.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Лебедев. Получил.

Председатель. Подсудимый Лобанов, ваше имя, отчество?

Лобанов. Александр Тимофеевич.

Председатель. Возраст?

Лобанов. 35 лет.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Лобанов. Получил.

Председатель. Подсудимый Макдональд, ваше имя Вильям?

Макдональд. Да.

Председатель. Сколько вам лет?

Макдональд. 29 лет.

Председатель. Вы английский подданный?

Макдональд. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Макдональд. Получил.

Председатель. Какую должность вы занимали?

Макдональд. Монтажный инженер.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, ваше имя?

Монкгауз. Аллан.

Председатель. Сколько вам лет?

Монкгауз. 46.

Председатель. Английский подданный?

Монкгауз. Да.

Председатель. Вы уполномоченный фирмы «Виккерс»?

Монкгауз. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Монкгауз. Получил.

Председатель. Подсудимый Нордволл, ваше имя?

Нордволл. Чарльз.

Председатель. Сколько лет?

Нордволл. 31 год.

Председатель. Подданный Великобритании?

Нордволл. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Нордволл. Получил.

Председатель. Подсудимый Олейник, ваше имя, отчество?

Олейник. Петр Еремеевич.

Председатель. Сколько вам лет?

Олейник. 52 года.

Председатель. Какую должность занимали?

Олейник. Старший монтер фирмы «Виккерс».

Председатель. Вы гражданин СССР?

Олейник. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Олейник. Получил.

Председатель. Подсудимый Соколов, ваше имя, отчество?

Соколов. Василий Андреевич.

Председатель. Сколько вам лет?

Соколов. 33 года.

Председатель. Ваша должность?

Соколов. Помощник начальника электростанции Златоустовского завода.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Соколов. Получил.

Председатель. Подсудимый Сухоручкин, ваше имя, отчество?

Сухоручкин. Леонид Алексеевич.

Председатель. Сколько вам лет?

Сухоручкин. 39.

Председатель. Должность?

Сухоручкин. Начальник эксплуатационного отдела.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Сухоручкин. Получил.

Председатель. Подсудимый Торнтон, ваше имя?

Торнтон. Лесли.

Председатель. Возраст?

Торнтон. 45 лет.

Председатель. Какую должность занимали?

Торнтон. Главный инженер.

Председатель. Вы подданный Великобритании?

Торнтон. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Торнтон. Получил.

Председатель. Подсудимая Кутузова, ваше имя, отчество?

Кутузова. Анна Сергеевна.

Председатель. Сколько лет?

Кутузова. 37 лет.

Председатель. Какую должность занимали до ареста?

Кутузова. Секретарь уполномоченного фирмы «Метро-Виккерс».

Председатель. Гражданка СССР?

Кутузова. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Кутузова. Да.

Председатель. Защита налицо? Перечислите фамилии защитников, кто кого защищает?

Секретарь. По ходатайству подсудимых персонально допущены по их выбору защитники: для защиты Торнтон – защитник Брауде; для защиты Макдональда – защитник Смирнов; для защиты Монкгауза – защитник Коммодов; для защиты Кушни – защитник Лидов; для защиты Грегори, Нордволла – защитник Долматовский; для защиты Зорина, Крашенинникова, Сухоручкина – защитник Шварц; для защиты Лобанова, Лебедева – защитник Пинес; для защиты Гусева, Соколова, Олейника – защитник Казначеев; для защиты Кутузовой, Котляревского – защитник Либсон.

Председатель. Вся защита налицо?

Секретарь. Так точно.

Председатель. У защиты нет никаких изменений по защите обвиняемых?

Защита. Нет.

Председатель. Какие имеются ходатайства от прокуратуры о вызове свидетелей?

Прокуратура. Пока ходатайств нет.

Председатель. Но они возможны?

Прокуратура. Зависит от хода процесса. Пока нет.

Председатель. У защиты нет ходатайств?

Защита. Пока нет.

Председатель. Состав суда: председатель Специального присутствия – Ульрих, В. В.; члены суда: Мартенс, Л.К.; Дмитриев, Г.А.; запасный член суда Зеликов, А.В. Государственное обвинение поддерживают прокурор РСФСР Вышинский А.Я. и его заместитель Рогинский Г.К. Отводов против состава суда не имеется?

Защита. Нет.

Председатель. Подсудимые не заявляют отвода? Переводчик, переведите вопрос и ответ. (Переводчик спрашивает подсудимых по-английски.)

Переводчик. Отводов нет. *Председатель.* Приступаем к чтению обвинительного заключения. Секретарь (читает):

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу: Витвицкого Николая Петровича, Гусева Василия Алексеевича, Грегори Альберта Вильяма, Зиверта Юрия Ивановича, Зорина Николая Григорьевича, Кушни Джона, Крашенинникова Михаила Дмитриевича, Котляревского Моисея Львовича, Кутузовой Анны Сергеевны, Лобанова Александра Тимофеевича, Лебедева Вячеслава Петровича, Макдональда Вильяма Лионель, Монкгауза Аллана, Нордволла Чарльза, Олейника Петра Еремеевича, Сухоручкина Леонида Алексеевича, Торнтон Лесли Чарльза и Соколова Василия Андреевича.

В официальном сообщении ОГПУ, напечатанном 14 марта 1933 года в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК», было указано:

«Произведенным ОГПУ расследованием ряда неожиданных и последовательно повторявшихся аварий, происшедших за последнее время на крупных электростанциях (Московская, Челябинская, Зуевская, Златоустовская), установлено, что аварии эти являются результатом вредительской деятельности группы преступных элементов из числа государственных служащих в системе Наркомата тяжелой промышленности, поставившей себе целью разрушение электростанций СССР (диверсионная деятельность) и вывод из строя обслуживаемых этими станциями государственных заводов».

Расследование показало, как указывается в этом сообщении, что

«в деятельности этой вредительской группы принимали активное участие также некоторые служащие английской фирмы «Метро-Виккерс», работающие в СССР на основании договора с этой фирмой о технической помощи предприятиям электропромышленности СССР...».

Дальнейшее расследование установило, что контрреволюционная вредительской группы, действовавшей на ряде государственных электростанций, состояла:

- 1) в порче оборудования с целью подрыва мощи советской промышленности и ослабления Советского государства;
- 2) в собирании и использовании во вред государству секретных сведений военно-государственного значения;
- 3) во взяточничестве и подкупе отдельных служащих государственных электростанций в связи с осуществлением ими вредительской контрреволюционной деятельности.

Экспертная комиссия в составе инженера-теплотехника Браилова Г.П., инженера-энергетика Голубцова В.А., инженера-турбинщика Новикова М.Ф., инженера-технолога и электрика Смирнова Б.Н., инженера-турбинщика Снедкова А.П., инженера-турбинщика Улатова П.П., образованная прокуратурой РСФСР для проверки и технической оценки всех имеющихся в деле документов, а именно: аварийных актов, составленных на месте немедленно после аварии, протоколов технических совещаний по вопросам, связанным с этими авариями, и всех иных материалов, собранных следствием по обстоятельствам, сопровождавшим аварию, пришла к выводу о наличии во всех обследованных случаях аварий либо преступной небрежности либо прямого вредительства со стороны ряда лиц технического персонала, обслуживающего эти станции.

I

ВРЕДИТЕЛЬСТВО И ШПИОНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

На Златоустовской электростанции и Златоустовском металлургическом заводе в течение ряда лет, и в частности в период 1931-1933 гг., имел место ряд аварий с моторами, котлами, углеподачей и другими агрегатами.

Аварии с мотором в 1 400 л.с., установленным для прокатного цеха Златоустовского металлургического завода, имели место 16 апреля, 12 мая и 3 июня 1932 г.

Анализируя причины первой из этих аварий (16 апреля), Экспертная комиссия пришла к следующему заключению:

«1. Смещение статорного железа с последующим за этим повреждением ротора могло произойти из-за попадания в междужелезное пространство мотора постороннего металлического тела. Смещение могло произойти особенно легко при отсутствии контроля над затяжкой болтов, стягивающих железо.

2. Наличие постороннего куска железа в междужелезном пространстве мотора должно привести к аварии мотора, деформации пакетов железа, пробое изоляции мотора, т.е. в конечном счете к выводу мотора из работы.

3. В нормальных эксплуатационных условиях постороннее железо не может попасть в мотор и может быть втиснуто только искусственно».

Вслед за этой аварией, за короткий срок, т.е. 12 мая и 3 июня, с этим же мотором произошли еще две аварии, явившиеся, по заключению Экспертной комиссии, следствием неустранимых дефектов в моторе после первой аварии.

Зимой 1932 г. на Златоустовской электростанции произошла авария с котлом № 8, стоявшим в холодном резерве. Персоналом котельной не были закрыты шибера и не была спущена вода, вследствие чего произошли замораживание котла и разрыв ряда трубок.

По заключению Экспертной комиссии авария могла произойти лишь от халатного отношения котельного персонала к оборудованию или от злого умысла.

На той же Златоустовской электростанции в начале 1932 г. была произведена разборка резервной углеподачи.

На поставленный следствием Экспертной комиссии вопрос о допустимости таких действий со стороны администрации электростанции Экспертная комиссия ответила, что

«разбор резервной углеподачи может быть допущен лишь в том случае, если эта углеподача является неудовлетворительной или недостаточной и вместе с тем может быть быстро заменена новой, для монтажа которой имеются все необходимые части и сделаны все подготовительные работы».

Этих условий в данном случае не было, и разборка углеподачи была произведена с явно вредительскими целями.

Наряду с данными о ряде аварий, происшедших на Златоустовской электростанции, следствием были получены данные о разрыве рабочей мощности котельной и машинного зала.

Следствием установлено (справка заводоуправления от 20 марта 1932 года), что котлы Стерлинга №№ 1 и 2, каждый поверхностью нагрева по 260 кв. метров, с мая 1928 г. выведены из эксплуатации для переделки их топок под пылеугольное отопление, которые до сих пор однако не закончены, хотя не достававшее вначале импортное оборудование находится на станции с 1930 г. Котел № 11 с поверхностью нагрева в 400 квадратных метров находится в монтаже в течение 2½ лет.

Эта исключительная медлительность монтажа котлов №№ 1, 2 и 11, по заключению Экспертной комиссии, объясняется

«наличием злого умысла или по меньшей мере преступной халатностью...».

В результате чего

«затяжка в монтаже котлов №№ 1, 2 и 11 послужила причиной того, что станция развивает примерно половинную мощность от установленной мощности турбогенераторов».

В связи с этими систематическими авариями был привлечен к ответственности начальник Златоустовской электростанции инженер Гусев Василий Алексеевич, который в силу предъявленных ему улик признал себя виновным в организации вредительской группы на Златоустовской электростанции и заявил, что за совершение этих аварий он, Гусев, получал деньги от третьих лиц, и указал, что таковым лицом был английский монтажный инженер Макдональд Вильям.

На Златоустовскую электростанцию Гусев поступил в 1922 г. в качестве мастера заводской электростанции и до дня ареста работал на этой станции, занимая последовательно следующие должности:

С 1922 г. по 1923 г. – дежурным мастером, с 1923 г. по 1925 г. – старшим мастером, с 1925 г. по март 1929 г. – помощником начальника указанной станции, с марта 1929 г. по день ареста – начальником электростанции».

Отношение Гусева к советской власти за весь этот период времени было резко враждебное. Гусев показывает:

«Я вращался, в основном, в кругу тех инженеров и техников, которые впоследствии были осуждены за вредительство (Шалаев, Богословский и др.), и вообще в кругу тех людей, которые враждебно относились к советской власти».

Начало своей активной контрреволюционной деятельности Гусев относит к концу 1929 г., когда на Златоустовскую электростанцию приехал монтажный инженер Макдональд – служащий английской фирмы «Метрополитен-Виккерс».

«Макдональд приехал в конце 1929 г. в Златоуст, – показывает Гусев, – и поселился в заводском поселке в квартире, предоставленной ему заводоуправлением. Мое сближение с Макдональдом произошло постепенно, охватив примерно двухмесячный период времени...»

По мере сближения с Макдональдом Гусев делался все более и более откровенным с ним и, не скрывая, высказывал Макдональду свое враждебное отношение к советской власти. Встречая явно сочувственное отношение со стороны Макдональда, Гусев рассказывал Макдональду о своей службе в белой армии, о своем участии в походах белых против Красной армии и т.п.

В преступную контрреволюционную связь с Макдональдом Гусев вступил при следующих обстоятельствах.

«При одной из встреч у него, Макдональда, на квартире он, Макдональд, уже откровенно предложил мне заняться собиранием сведений о работе Златоустовского завода. Для меня было ясно, что он предложил мне заняться шпионской работой. Не дав ему в этот раз окончательного согласия, я примерно через 2-3 дня при вторичной его беседе со мною на эту тему дал свое согласие. Побудительными мотивами, по которым я так легко согласился заняться шпионажем, – показывает далее Гусев, – явились мои антисоветские взгляды, мое стремление активизироваться в своей враждебности в отношении советской власти».

Одновременно Гусев, дав согласие на шпионаж, был заверен Макдональдом, что эта его преступная деятельность будет оплачена, однако эта сторона дела играла для него, по его словам, второстепенную роль.

«Материальная сторона, – показывает Гусев, – играла для меня второстепенную роль, тем более что я материально был обеспечен».

Вопрос о том, в чьих интересах и для кого действует Макдональд, для Гусева также не представлял существенного значения.

«Вопрос о том, для кого Макдональд собирает сведения, – говорит Гусев, – не представлял для меня особенно большого интереса. Я пытался несколько раз выяснить у Макдональда этот вопрос, однако поскольку эти попытки не встречали у Макдональда сочувствия и он уклонялся от ответов на мои вопросы, я считал неудобным и невозможным настаивать на выяснении этого вопроса. Больше того, я понимал, что моя особая настойчивость может быть не только неприятна Макдональду, но и может вызвать у него известное недоверие ко мне».

Одно было ясно Гусеву – это то, что те сведения, которые интересовали Макдональда,

«не могут быть собираемы Макдональдом ни в силу его любознательности, как инженера, ни в интересах фирмы «Метро-Виккерс». Для меня, – заявляет Гусев, – было ясно, что такого рода сведения могли собираться исключительно в политических целях, враждебных Советскому союзу».

Привлеченный к ответственности по этому делу, Макдональд после предъявления ему конкретных фактов его преступлений, при первом же допросе 12 марта, признал правильность показаний Гусева и подтвердил на очной ставке от 13 марта.

«Уже на следующий день после своего приезда в Златоуст, – показывает Макдональд, – я познакомился с заведующим Златоустовской электростанцией инженером Гусевым. В дальнейшем в процессе своей работы в Златоусте ежедневно встречался с Гусевым, с которым непосредственно был связан по своей работе, так как монтировал турбогенераторы как раз на этой станции, которой заведывал Гусев...»

«...сначала при встрече с Гусевым я с ним разговаривал преимущественно на деловые темы, но потом мы стали разговаривать и по отвлеченным вопросам, причем я интересовался бытовыми условиями инженерства и рабочих».

«Примерно месяцев через 8-9 после моего приезда в Златоуст, – показывает далее Макдональд, – я стал откровенно говорить с Гусевым. Разговор происходил или у меня на квартире (я к тому времени имел уже квартиру), или на квартире Гусева – точно не помню. Я прямо сказал Гусеву, что мне нужны сведения о военных производствах Златоустовских заводов, состоянии энергоснабжения и т.п.»

Макдональд в своих показаниях дал ответ и на вопрос о том, по чьему поручению он получал от Гусева указанные выше сведения. Макдональд показывает:

«В 1929 г. я был летом на даче у Торнтонна, который в разговоре со мной сказал, что его интересуют сведения о политическом и экономическом положении СССР, и просил меня собирать и передавать ему эти сведения».

Торнтон является главным монтажным инженером, под руководством которого работал у «Метро-Виккерс» Макдональд.

Уже этот разговор дал понять Макдональду, что помимо его, Макдональда, деловой работы в СССР у него будут и нелегальные задания. Более конкретные задания со стороны Торнтон также не заставили себя долго ждать. Непосредственно перед выездом Макдональда на Златоустовскую электростанцию, у него, по его показанию, произошел с Торнтоном второй разговор.

«Он тогда просил меня собирать для него сведения о военных производствах Златоустовских заводов, а также о состоянии электроснабжения этих заводов». В этом же разговоре с Торнтоном, как утверждает Макдональд,

«в несколько завуалированной форме, т.е. не в порядке прямого приказа, Торнтон дал мне задание организовать в Златоусте аварии для создания перебоев в работе заводов; при этом он конкретно не указал, какие именно аварии надо произвести, так как я это сам должен был на месте определить».

Макдональд показывает, что, давая эти задания, Торнтон указал, что если для этого потребуются денежные суммы, то он может их у него получить.

Подобный характер заданий со стороны Торнтон не мог бы конечно иметь место, как и согласие Макдональда на исполнение этих заданий, если бы оба лица не были связаны иной связью, чем чисто служебные отношения. Об этом показал сам Макдональд.

По вопросу о том, для кого предназначаются интересующие Торнтон сведения, Макдональд показал следующее:

«Получив это задание от Торнтон, – говорит Макдональд, – я согласился его выполнить, так как мне неудобно было отказать ему, как моему начальнику и как человеку, к которому я относился с большим уважением. Я не задавал вопроса Торнтону, для какого именно учреждения он собирает эти сведения и по заданиям кого именно он действует, так как считал, что в данном случае, чем меньше я буду знать, тем лучше. Во всяком случае я понимал, что Торнтон действует в интересах Англии...».

Характер шпионской деятельности Гусева и ее объем постепенно изменялись в соответствии с теми заданиями, которые он получал от Макдональда.

«Сначала задания Макдональда, – показывает Гусев, – и те сведения, которые я ему передавал, ограничивались вопросами электроснабжения. Сведения, представляемые ему мною, давали ему представление о состоянии энергоснабжения заводов. В дальнейшем круг вопросов в заданиях Макдональда все расширялся...»

Гусев на поставленные ему вопросы ответил:

«Я ему стал давать сведения следующего содержания: 1) по вопросам энергоснабжения Златоустовских заводов и предполагаемой реконструкции электроснабжения. Это несомненно было секретно, так как давало представление о размерах военно-оборонного производства, находящегося в системе работы Златоустовских заводов; 2) по вопросам производственной программы снарядного производства, представлявшим собой чисто военную тайну; 3) по вопросам о типах снарядов и расширении снарядного производства, что тоже являлось военной тайной; 4) по вопросам производства высококачественной стали и в частности производства авто-рессорной и авиационной сталей и снарядной заготовки...».

Служебное положение Гусева как начальника электростанции, обслуживавшей Златоустовские заводы, давало ему широкую возможность получать необходимые для его шпионской деятельности сведения.

«Возглавляемая мною с марта 1929 г. Златоустовская электростанция, – показывает Гусев, – обслуживала Златоустовские механические, керамические и металлургические заводы, а также самый город и железную дорогу...»

В моем ведении, как начальника электростанции, находилось воздуходувное хозяйство для доменных, печей, заводских водонасосов и с конца 1931 г. понизительная трансформаторная подстанция Челябингрэса. По своей должности начальника электростанции, помимо предприятий, входящих в мое: ведение, я имел почти беспрепятственный доступ на механический военный завод... Ход работы металлургического завода, в центре которого находилась электростанция, был мне хорошо знаком; имея беспрепятственный доступ во все цехи металлургического завода, я имел полную возможность получать любые сведения и данные о состоянии производства, в том числе и о состоянии и ходе того производства, которое было засекречено...»

Однако Гусев для получения сведений использовал не только свое служебное положение.

«Работая 10 лет на этой станции, – указывает в дальнейшем в своих показаниях Гусев, – мне было легко использовать доверие ко мне отдельных начальников цехов, мастеров и т.д. На механическом заводе, куда я не имел столь свободного доступа, и где мне труднее было ориентироваться, я использовал свои посещения этого завода, во время которых я мог собирать определенное количество данных о работе завода, во-первых, и, во-вторых, свое знакомство с инженерно-техническим составом завода, представители которого частью относились ко мне с доверием, а отдельные лица впоследствии оказались в числе тех, кто работал для Макдональда».

Как начальник электростанции Гусев имел в своем распоряжении, официальные данные по вопросам, связанным с расширением производства всех заводов, в том числе и военного.

О порядке передачи собираемых Гусевым сведений Гусев показывает:

«Необходимое соблюдение тщательной конспирации естественно должно было отразиться на технике передачи мною Макдональду собираемых сведений, поэтому я стремился избегать всех записей и предпочитал передавать Макдональду сведения в устной форме. Однако в тех случаях, когда сведения содержали в себе цифровые данные, я отмечал их в своей записной книжке и составлял дома краткую письменную сводку, которую затем передавал Макдональду, оставаясь с ним наедине».

Гусев указывает и на то, как соблюдал конспирацию при получении сведений и Макдональд:

«Макдональд, получая от меня, – показывает Гусев, – сведения, делал отметки в своей записной книжке, и письменные сводки, как я наблюдал, если эти сводки давались ему дома, он уничтожал путем сжигания, предварительно сделав заметки в своей записной книжке».

Показания Гусева о характере и объеме его шпионской деятельности подтвердил и Макдональд, показавший:

«Гусев имел от меня поручение собирать и собирал систематически секретные сведения по следующим вопросам: 1) о работе военных цехов механического и металлургического заводов. Сюда входили: производственная мощность снарядных цехов, количество выпускаемых снарядов, их типы и прочие моменты; 2) о расширении военных цехов; 3) данные о выпуске специальных сталей, идущих на военные заводы для производства вооружений; 4) энергоснабжение заводов и вопросы, связанные с бесперебойной работой военных цехов».

Дальнейшее развертывание следствия привело к установлению и иных лиц, связанных с Макдональдом по шпионской работе, кроме Гусева. Таким лицом оказался помощник начальника электростанции Соколов Василий Андреевич.

Макдональд показывает:

«В этом мне помогли инженер электростанции Гусев и отдельные использованные им люди Соколов и др.».

Будучи допрошен, Соколов показал:

«Состоя помощником начальника силовой станции Златоустовского завода, – показывает Соколов, – и связавшись летом (июнь-июль, точно месяц не помню) 1930 г. с монтажным инженером английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» английским гражданином Макдональдом, по заданию и при содействии начальника силовой станции Гусева передал Макдональду непосредственно устно секретные сведения производственного характера о выработке на заводе высококачественных сталей...»

В апреле 1931 г. Макдональд уезжает из Златоуста и после отпуска направляется на работу в качестве монтажного инженера на Зуевку. Отъезд из Златоуста не прерывает связи Макдональда с Гусевым. Связь была организована через специальных лиц.

Макдональд показывает:

«Когда я уехал из Златоуста, я условился, что Рябова переедет ко мне в Зуевку и инженер Гусев пришлет мне с Рябовой письмо, содержащее новейшую информацию».

Причем после переезда Макдональда в Зуевку он продолжал получать от Гусева такую же секретную информацию как через свою знакомую Рябову и ее сыновей, так и путем поддержания личной связи с Гусевым.

Об этом Макдональд показывает:

«Рябова приехала в Зуевку в январе 1932 г. и привезла мне письмо от Гусева, содержащее информацию о положении в Златоусте, а именно о политическом положении и производстве военного снаряжения, снарядов и т.д. на механическом и металлургическом заводах. В мае 1932 г. сын Рябовой Петр, приехав в Зуевку, оставался там в течение 2 дней. Он привез с собой письмо от Гусева, содержащее дальнейшую информацию, касающуюся военного шпионажа, и возвратился в Златоуст, взяв с собой письмо Гусеву от меня, в котором я просил его продолжать эту шпионскую работу. В июне 1932 г. второй сын Рябовой приехал ко мне в Зуевку, оставался там в течение месяца, он также привез письмо, содержащее шпионскую информацию от Гусева, и взял с собой при отъезде письмо, приглашающее Гусева навестить меня в Зуевке. В соответствии с этим письмом Гусев приехал ко мне в сентябре 1932 г. и оставался у меня несколько дней. Он привез информацию о политическом и экономическом положении в Златоусте, а равно сведения о работе металлургического и механического заводов по производству военного снаряжения, снарядов и т.д.».

При возвращении Гусева в Зуевку у него на станции Харцызск произошло свидание и с Торнтоном, которому Гусев передал секретные сведения военно-государственного значения о положении на Златоустовских заводах.

«Накануне моего отъезда, – показал Гусев, – была получена телеграмма от Торнтонна, извещающая о его приезде в Зуевку. По приезде на вокзал, пока для меня доставали билет, пришел поезд, с которым приехал Торнтон... его на вокзале ожидал инженер, приехавший из Макеевки на автомобиле. Этот инженер и Торнтон пошли в ресторан, находящийся позади станции. Через некоторое время туда ушел Макдональд, затем и я по настоянию последнего. Там я имел разговор с Торнтоном, который интересовался положением в Златоусте с продовольствием, работой заводов и электростанции, производством снарядов и проделанной мною работой. На все эти вопросы я дал ему ответы, насколько позволило короткое время свидания».

Такие же секретные сведения военно-государственного значения Макдональду передавал через того же Гусева и обвиняемый Соколов, показавший, что он

«также передавал Макдональду секретные сведения из области производства и эксплуатации завода, в письменном виде, через инженера Гусева по заданию последнего в 1932 г. В частности в письменном виде мною были даны Макдональду через Гусева следующие сведения: а) о недельном производстве крупносортового стана; б) о днях прокатки снарядной заготовки; в) о затруднении на заводе с цветными металлами...»

Данные о связи Макдональда с Гусевым и о систематическом получении Макдональдом от Гусева писем после отъезда Макдональда из Златоуста в Зуевку подтверждаются и показаниями допрошенной на предварительном следствии Рябовой Марии Федоровны.

Однако основным содержанием контрреволюционной деятельности Гусева являлись организация и совершение аварий на Златоустовской электростанции и организация в целях подрыва промышленности и военной мощи СССР задержки работ по расширению этой электростанции.

«Спустя несколько месяцев после начала моей шпионской работы, – показывает Гусев по этому поводу, – в начале второй половины 1930 г. ... мне в одну из встреч моих с Макдональдом было последним указано на то, что надо перейти к совершению аварий, которые могли бы задержать работу заводов в производстве снарядов и высококачественных сталей». «Так как это предложение, – продолжает Гусев, – целиком соответствовало моим контрреволюционным настроениям... я без колебания принял предложение Макдональда об организации и совершении аварий на заводе». «С этого времени, – показывает дальше Гусев, – т.е. примерно со второй половины 1930 г., я вступил на второй путь контрреволюционной работы, на путь совершения вредительских и диверсионных актов».

По утверждению Гусева, он получил от Макдональда два задания:

- «1) сокращение выпуска снарядов и холодного оружия на механическом заводе,
- 2) сокращение выпуска высококачественных сталей на металлургическом заводе».

То же подтвердил обвиняемый Соколов:

«Макдональд заявил мне, что на меня совместно с Гусевым возлагается задача проведения диверсионных актов на основных агрегатах металлургического завода, о чем Гусев уже знает, и я должен с ним договориться о конкретных актах в осуществлении этой задачи...» «...будучи со школьной скамьи другом Гусева, зная его хорошие отношения с Макдональдом, я окончательно дал свое согласие на вступление в контрреволюционную организацию и выполнение возложенных на меня задач...»

Макдональд признал правильность этих показаний.

«Уже перед отъездом из Златоуста, – показывает Макдональд, – я сказал, что надо произвести порчу оборудования, что сорвет работу заводов и вызовет простой последних. Гусев согласился...»

«...В конце 1930 г. при разговоре с Соколовым я, – показывает Макдональд, –не давая ему конкретных заданий по порче оборудования, сказал, что на него и Гусева возлагается проведение работы по порче оборудования и что он, Соколов, должен по этому вопросу договориться непосредственно с Гусевым».

В свою очередь Гусев также проявил соответствующую инициативу.

«Дав согласие на совершение и организацию диверсионных актов, я, – признается Гусев, – при выработке плана и методов организации этих актов увидел еще одну возможность повлиять на расстройство работы заводов путем вредительской задержки происходившего тогда расширения электростанций. Этот план я сообщил Макдональду, который его принял».

О своем участии в дальнейшем осуществлении вредительских актов Гусев дал следующие показания:

«По заданию инженера фирмы «Метро-Виккерс» Макдональда, нами на Златоустовском металлургическом заводе проведены следующие вредительские акты: 1) выведен из строя 5 или 6 раз мотор мощностью в 1 400 л.с., служащий для привода в действие крупносортного стана прокатного цеха. Аварии проделаны мною и Соколовым В.А. в мае и июне 1932 года. Кроме того в августе мотор из-за этих аварий был поставлен на перемотку на срок около 20-25 дней; 2) замораживание котла № 8, поверхность нагрева 400 кв. метров ЛМЗ на Златоустовской электростанции. Авария проведена мною в декабре 1931 года и в январе 1932 г. – точно я не помню. Котел во время сильных морозов был оставлен с водой, а регистр на борове, ведущем к дымовой трубе, не был закрыт, вследствие чего были заморожены полностью перегреватель и часть труб котла; 3) выведена из строя углеподача в конце 1931 г. путем неправильной установки мотора и закладывания небольших металлических предметов в цилиндрическую зубчатую передачу, благодаря чему был разбит фундамент и весь приводный механизм ленточного транспортера и ковшевого элеватора. Авария проведена мною; 4) задержаны монтаж и пуск в эксплуатацию котла № 11, поверхность нагрева 400 кв. метров ЮМТ, вследствие того, что мною были отравлены в мартен в качестве шихты под видом металлического лома детали арматуры котла в разобранном виде. Сделано это мною в апреле 1932 г.».

Опрошенный более подробно о порче мотора крупносортного стана Гусев показал:

«Я получил задание от Макдональда произвести порчу мотора крупносортного стана прокатного цеха металлургического завода с целью приостановить выпуск снарядов и снарядные заготовки. Я это выполнил. Мотор был выведен из строя, и снарядные цехи не работали 1½ месяца. Сделано это было и выполнено мною и главным электриком металлургического завода Соколовым Василием Андреевичем».

В соответствии с этим конкретным вредительским заданием Гусев по его показанию

«при контрольном осмотре этого мотора в вентиляционный канал статора подбросил кусок листового железа небольшого размера. В дальнейшем этот кусок железа явился причиной аварии, так как, попав в межжелезное пространство, произвел сдвиг части пакетов статорного железа и ротора. Сдвинутое железо повредило гильзе, в которой заложена обмотка статора, что и явилось причиной аварии».

Достигнув таким способом вывода из строя мотора, Гусев не остановился на этой порче мотора.

«Сдвиг железа произошел в нескольких местах, – показывает Гусев. – Так как этот дефект не был исправлен, то он в дальнейшем вызвал 5-6 аварий за время до августа месяца и вызвал необходимость остановки мотора и его капитального ремонта».

Допрошенный по этому поводу Макдональд показал:

«Повидимому это было у меня или у инженера Гусева на квартире. Я указал Гусеву после достаточно тесного сближения с ним, что в качестве средства борьбы с советской властью нужно использовать такое средство – совершение аварий на производстве, причем в наиболее важных его пунктах. Я просил, как крайне важную меру для задержки производства, произвести порчу указанного выше мотора, зная, что этот акт будет иметь определенно эффективные последствия. Гусев вначале колебался, а затем согласился, причем вывод из строя мотора произвел в мае месяце, а затем повторил этот же акт несколько раз в июне-августе 1932 г. после моего отъезда из Урала на Украину».

О своем участии в систематической порче мотора прокатного цеха металлургического завода названный в показаниях Гусева помощник начальника электрической станции Соколов В.А. показал следующее:

«Мотор 1 400 л.с. на металлургическом заводе вращал стан «800», являвшийся ведущим, и стан «600». С этих станов заготовка металла шла для всех остальных станков прокатного цеха...» «Вентилятор на моторе в 1 400 л.с. был установлен при моем участии в целях вызова систематических аварий. Сущность вредительства заключалась в том, что этот вентилятор засасывал в мотор грязный воздух, засоряя обмотки статора и ротора». «При производстве капитального ремонта, – показывает далее Соколов, – комиссия, прибывшая из Москвы от Спецстали, констатировала, что устроенная нами вентиляция вредна для работы мотора, и предложила ее снять, что и было сделано».

Показание Соколова полностью подтверждается имеющимися в распоряжении следствия актами комиссии Спецстали, производившей 31 августа 1931 г. осмотр мотора. Комиссия признала:

«Отсасывающую вентиляционную установку убрать как не дающую положительных результатов в смысле охлаждения и распределения одинаковых температурных расширений статора и кроме того вызывающую усиленное загрязнение мотора вследствие интенсивного притока неочищенного воздуха».

Цель, к которой стремились вредители, была таким образом достигнута: мотор был выведен из строя на длительный период времени, и прокатные цехи не работали 1½ месяца. Следующим вредительским актом был вывод из строя углеподачи. На очной ставке между Макдональдом и Гусевым, произведенной 13 марта 1933 г., обвиняемый Гусев показал: «Я получил от Макдональда... задание вывести из строя углеподачу».

Макдональд подтвердил показания Гусева, указав, что им действительно было дано Гусеву задание вывести из строя углеподачу электростанции. В дальнейших своих показаниях Гусев подробно указывает на тот способ, посредством которого он осуществил этот вредительский акт. Гусев показал:

«В целях вывода из строя углеподачи я произвел разрушение цилиндрической передачи путем введения в зубья шестерни куска железа. Кроме того я неправильно во время нескольких ремонтов производил установку мотора, приводящего в действие ленточный транспортер и ковшевой элеватор, вследствие чего произошло разрушение фундамента мотора»

Разрушив фундамент мотора, Гусев не ограничился этим вредительским актом, а, используя свое служебное положение начальника электростанции, отдал мастеру Боронникову распоряжение разобрать весь механизм углеподачи, что и было сделано.

«В результате, – показывает дальше Гусев, – углеподача примерно в декабре 1931 г. или в январе 1932 г. была выведена из строя и не работала до дня моего ареста...»

Допрошенный в качестве свидетеля техник-электрик Златоустовской электростанции Сапожников Андрей Григорьевич показал:

«В начале 1932 г. Гусев дал распоряжение ремонтному мастеру Боронникову разобрать углеподачу № 1, что последний и сделал. Эта разборка вызвана частым ремонтом углеподачи, но этого можно было бы избежать, закрепив фундамент углеподачи № 1 сквозными болтами, так как плита, на которой установлен был мотор, и шкив конвейера были плохо закреплены. На предложение Боронникова о закреплении фундамента болтами Гусев не обратил внимания, а решил переоборудовать передачу от мотора к конвейеру вместо шестеренной на червячную. Сейчас находится в резерве углеподача № 3, что не обеспечивает работу части котлов...»

Таким образом разбором углеподачи была достигнута и эта цель вредителей, т.е. нарушение нормальной эксплуатации станции путем необеспечения ее работы потребным количеством угля. Тот же свидетель Сапожников в соответствии с уже изложенными выше обстоятельствами дела подтвердил, что зимой 1932 г. были заморожены котлы №№ 7 и 8, державшиеся в резерве заполненными водой.

«На требование помощника мастера цеха Бурдина к Гусеву о спуске воды ответ последнего был таков: «Не ваше дело, с котлами ничего не случится».

Однако, по показанию того же Сапожникова, при осмотре котла № 8 мастер ремонта Боронников Яков установил, что в задних трубах котла – в 2 или 3 – был лед. Точно так же оказалось, что был заморожен пароперегреватель котла. На ремонт этого котла было затрачено около 5 000 руб., и ремонт продлился 2 месяца. Давая объяснения по вопросу о замораживании котла № 8, Гусев сознался, что

«замораживание котла № 8 явилось преднамеренным, продуманным мною, еще одним вредительским актом, совершенным на Златоустовской электростанции».

Порча котла № 8 была Гусевым произведена также по согласованию с Макдональдом. На очной ставке между Гусевым и Макдональдом от 13 марта 1933 г. Гусев показал, что «ему было дано задание вывести из строя котлы №№ 1, 2, 8, 11.

Макдональд на той же очной ставке подтвердил это показание, указав, что действительно давал Гусеву задание:

«произвести вывод из строя котлов №№ 1, 2, 8, 11».

Наконец в осуществление тех же задач ослабления работы котельного хозяйства Златоустовской электростанции вредители провели задержку реконструкции котлов Стерлинга №№ 1 и 2, переконструировавшихся с твердого топлива на пылевидное, и задержку монтажа котла ЮМТ №11. Опрошенный в качестве свидетеля главный механик Златоустовского завода Шевкун Григорий Александрович показал:

«Котлы №№ 1 и 2 Стерлинга установлены на электростанции металлургического завода примерно в 1914 г. Будучи на топках с ручной заброской, эти котлы в апреле 1930 г. были остановлены для монтажа котлов и топок под пылевидное топливо. Кому принадлежит инициатива переделки этих котлов №№ 1 и 2 – я не знаю. По моему личному мнению переделка топок котлов №№ 1 и 2 была сделана для увеличения производительности котлов... О сроках окончания демонтажа я не знаю, знаю, что они чрезвычайно часто менялись и давно уже прошли. Примерно в мае-июне 1931 г. монтаж котлов был закончен, и они были предъявлены заводу для сдачи. При осмотре котлов начальником электростанции Гусевым эти котлы были забракованы и не приняты по случаю отсутствия экранирования топок. После забракования котлов №№ 1 и 2 Гусевым работа шла с большими перерывами и медленно. Таким образом эти котлы №№ 1 и 2 не смонтированы до настоящего времени».

По вопросу о монтаже котла № 11 ЮМТ свидетель Шевкун говорит:

«Котел № 11 ЮМТ ставился тоже в целях увеличения производительности. О сроке окончания его монтажа и пуска в эксплуатацию я не знаю, но все сроки безусловно не выполнены... Все вопросы по монтажу этого котла согласовывались с самим начальником электростанции Гусевым. Задержкой монтажа котлов №№ 1 и 2 и 11 мощность станции снижена...»

Опрошенный по этому вопросу свидетель техник-электрик Центральной электрической Златоустовской станции Сапожников Андрей Григорьевич показал:

«Котлы № 1 и 2 с 1930 г. по сей день находятся в переоборудовании на пылевидное топливо. Срок окончания монтажа их пуска в работу неизвестен, хотя по плану должны были быть даны еще в 1931 г. Котел № 11 только с 14 марта с. г. находится на сушке, обмуровке котла...»

Снижение производительности получилось по вине бывш. начальника станции Гусева, который был ответственным за контроль и наблюдение за ходом реконструкции паросилового хозяйства. Его действия привели к омертвлению капиталовложения в реконструкции хозяйства и в то же время к постепенному минимальному использованию котлов...»

Задержка в монтаже котлов №№ 1, 2 и 11 подтверждается кроме показаний свидетелей Сапожникова и Шевкуна справкой заводоуправления и приведенным выше заключением Экспертной комиссии, констатировавшей, что вследствие затяжки монтажа станция развивала примерно половинную мощность. Эта задержка находилась в полном соответствии с планом контрреволюционной вредительской деятельности на Златоустовской электростанции, выработанным вредительской группой в составе Соколова, Гусева и Макдональда.

«Обсуждая с Гусевым, – показывает обвиняемый Соколов, – план нашей дальнейшей работы, мы остановились на котельной, так как последняя лимитировала работу силовой станции. Было решено задержать пуск котлов Стерлинга №№ 1 и 2, переконструировавшихся с твердого топлива на пылевидное. Официально задержка объяснялась разными неполадками, новизной дела и другими причинами. Котлы не были пущены до моего ареста. Кроме того был задержан монтаж котла ЮМТ № 11 на срок около 2 лет».

Опрошенный по вопросу о задержке реконструкции котлов №№ 1 и 2 и монтажа котла № 11 Гусев дал следующие показания:

«Я получил от Макдональда... задания вывести из строя котлы №№ 1, 2, 8 и 11. Все эти задания, – показывает дальше Гусев, – были мною выполнены».

Макдональд показывает:

«Я ставил перед собой задачей непосредственное расстройство электроснабжения указанных обоих заводов (Златоустовских металлургического и механического заводов), что должно было свернуть работу военных производств. Средством для осуществления этого я избрал снижение мощности электростанции с 12 000 киловатт до 6 000 киловатт, ровно наполовину. При таком положении малейшая авария на станции должна была привести к полному параличу и остановке заводов. В силу этих соображений я и дал задание Гусеву произвести вывод из строя котлов №№ 1, 2, 8 и 11, а также углеподачу...»

Как видно из заключения Экспертной комиссии, задача по сокращению примерно на половину мощности работы станций вредительской группой, работавшей на Златоустовских заводах, практически была также осуществлена. Но преступная деятельность на Златоустовской электростанции вредительской группы не ограничивалась выводом из строя тех или иных машин в целях подрыва мощи советской промышленности и ослабления Советского государства, но была направлена и на подготовку диверсионных актов на случай войны. Обвиняемый Гусев на очной ставке с Макдональдом 13 марта 1933 г. по этому поводу показал:

«Макдональд обсуждал со мной мероприятия по выводу из строя оборудования станции на случай войны. Он указал мне и дал прямые задания совершать аварии при объявлении войны в самых ответственных пунктах станции, а именно в котельном хозяйстве и углеподаче. Этим путем я должен был стремиться к тому, чтобы держать станцию постоянно на уровне, значительно меньшем, чем это предусматривалось мобилизационным планом, Таким образом если бы мне удалось сохранить уровень порядка 6 000 киловатт вместо 12 000 номинальных киловатт, предусматривавшихся мобпланом, то это означало бы срыв работы военных производств в военное время».

Опрошенный по этому же вопросу на этой же очной ставке обвиняемый Макдональд показал:

«Сказанное Гусевым по этому вопросу соответствует тем указаниям, которые я ему давал, преследуя задачи подрыва военных производств в военное время на Златоусте, я ясно отдавал себе отчет, что через инженера Гусева и связанных с ним лиц я могу причинить крупнейший урон военным производствам. В этих целях мною совместно с инженером Гусевым был разработан план совершения аварий в военное время на электростанции. Разработанное задание включило в себя расстройство котельного хозяйства и углеподачи станции».

Обвиняемый Соколов равным образом подтвердил наличие плана действий вредительской группы на случай войны, говоря о

«подготовке путем систематического вредительства ряда крупных диверсий, которые в совокупности должны были вывести из строя электростанцию и лишить энергии потребителей в момент внешних затруднений в Союзе (интервенция)».

«В связи с этим, – показал далее обвиняемый Соколов, – нам необходимо было проработать план наших действий. Обсудив детально этот вопрос, мы (Гусев, Соколов) решили, что объектом наших диверсионных действий должна явиться силовая станция со своими агрегатами, а именно: во-первых, выводить из строя насос, во-вторых, котельные установки, в-третьих, воздуходувные средства для домны, в-четвертых, турбогенераторы и в-пятых, распределительное устройство подстанции...»

Контрреволюционная вредительская и шпионская деятельность Гусева и Соколова на Златоустовской электростанции не оставалась неоплаченной. По показаниям Гусева, данным им на очной ставке с Макдональдом 13 марта 1933 г., он, Гусев, всего получил от Макдональда в разное время и разными суммами от 2 000 до 3 000 рублей. Это подтвердил и Макдональд, показывающий на очной ставке:

«...я давал деньги Гусеву за проводившуюся им шпионскую работу по моим заданиям, а также за работу по совершению аварий. Всего я ему дал примерно 2 000-2 500 рублей».

Не был забыт и Соколов, равным образом получивший деньги за свои вредительские акты.

«В июне месяце 1932 г. Гусевым в его кабинете, – показывает Соколов, – мне были вручены деньги в сумме 1 000 руб. со словами: «Вот тебе премия от Василия Васильевича». Я считаю, – продолжает Соколов, – что данная сумма мною получена главным образом за вывод из строя мотора в 1 400 л.с.».

Показания Гусева и Макдональда о причастности Торнтон Лесли Чарльза – главного монтажного инженера конторы «Метро-Виккерс» в Москве – к контрреволюционной группе на Златоустовской электростанции, указания их же на Торнтон как на источник оплаты контрреволюционных актов, имевших место на Златоустовской электростанции, повлекли привлечение Торнтон к настоящему делу в качестве обвиняемого.

Арестованный и допрошенный Торнтон, в частности после очной ставки с Гусевым и Макдональдом показал, что:

1) В тех местах, где Макдональд производил монтажную работу, «Макдональд действительно занимался собиранием сведений для Торнтон и по его поручению».

2) Что впервые Торнтон привлек Макдональда к шпионской деятельности в мае-июне месяце 1930 г. в Лосиноостровской.

3) Что Торнтон действительно получал от Макдональда сведения по Златоустовскому и Зуевскому районам. «По Златоусту и по Зуевке, – показывает Торнтон, – я получил подробные сведения...»

4) Признал Торнтон и то, что ему было известно, что Гусев, «является тем лицом, которое привлечено Макдональдом для собирания сведений о работе Златоустовской электростанции по его Торнтону поручению».

5) Показания Макдональда и Гусева о двукратном приезде Торнтон в Златоуст и о встречах его с Гусевым в Златоусте также подтверждены Торнтоном. «Инженера Златоустовской электростанции Гусева, – показывает Торнтон, – я знаю и лично с ним виделся во время двукратных своих приездов в Златоуст в 1930 г.».

6) Признаны правильными Торнтоном показания Гусева и Макдональда о его Торнтоне встречах с Гусевым на станции Харцызск после посещения Гусевым Макдональда в Зуевке, когда Гусев приезжал по специальному вызову Макдональда для доклада о совершенных вредительских актах и о собираемых им сведениях на Златоустовской электростанции.

Торнтон также подтвердил показания Макдональда о получении от Торнтон денежной суммы для оплаты «людей», которые давали шпионскую информацию (показания Макдональда). В области конкретизации этих актов Торнтон расходится с Макдональдом лишь по вопросу о размере выданной Макдональдом денежной суммы. На очной ставке с Макдональдом от 19 марта Торнтон указал, что передал Макдональду «полторы тысячи рублей» (показания Торнтон). Макдональд же утверждал на этой очной ставке, что им было получено от Торнтон 4 500 руб., но Торнтон отрицал: 1) получение им от Макдональда и Гусева секретных сведений, составляющих военно-государственную тайну, и 2) свое участие в организации и совершении вредительских актов по выводу из строя и порче машин и оборудования, произведенных вредительской группой на Златоустовской электростанции.

Это отрицание Торнтоном легко опровергается однако анализом следующих его собственных признаний:

а) Сведения о Златоустовском районе, в частности о работе Златоустовской электростанции, как показывает сам Торнтон, он получал от Макдональда, причем основным источником получения сведений по Златоустовскому району, по показаниям опять-таки самого же Торнтон, был Гусев. Иного источника получения сведений о Златоустовском районе Торнтон не называет. Указания Торнтон, что он получал по Златоустовскому району исключительно безобидные сведения, «могущие быть полезными фирме», находятся также в прямом противоречии с показаниями самого Торнтон. В своем показании, данном 28 марта 1933 г., Торнтон указывает: «Я был мало заинтересован в получении информации из Златоуста в интересах нашей фирмы».

В самом деле, если «сведениями, могущими быть полезными фирме», являются, как показывает Торнтон, сведения – «будут ли новые заказы на оборудование», то по Златоустовскому району, по показанию того же Торнтон, никакие подобные заказы не предполагались». Если же фирму мог интересовать вопрос, как «обращались с нашими машинами», то на Златоусте, как это вынужден был признать также Торнтон, «была всего одна небольшая турбина».

б) В тех же показаниях от 28 марта Торнтон, не будучи в состоянии дать удовлетворительное объяснение своему отрицанию фактов в показаниях Макдональда и Гусева, сам подтвердил получение им ряда и. таких сведений, которые носят несомненно секретный характер. Торнтон признал, что получал от Макдональда сведения: «о нагрузке электростанции и тем самым о состоянии электроснабжения Златоустовских заводов, что давало картину работы этих заводов». «...об общем состоянии Златоустовской электростанции, особенно о ее слабых, в смысле возможности аварий, местах». Наконец, если Златоуст не представлял, по словам самого Торнтон, для него «фирменного» интереса, то какие же услуги оплачивал Торнтон через Макдональда.

По этому вопросу Торнтон вынужден был ограничиться следующим ответом:

«Полторы тысячи я, – говорит Торнтон, – дал Макдональду по его требованию.

Так как меня как представителя фирмы мало интересовал Златоуст, то я не могу объяснить, зачем Макдональду понадобилось столько денег и куда и на что он их израсходовал. Отчета у Макдональда, – продолжает Торнтон, – я не просил».

В то же время на очной ставке с Торнтоном от 15 марта 1933 г. Гусев по вопросу о том, знал ли Торнтон о планах по умышленной порче оборудования и принимал ли непосредственное участие в разработке этих планов, прямо сказал:

«Когда я получил такое задание (порча оборудования) от Макдональда, я наметил способы выполнения этого задания и это сообщил Макдональду. Затем по приезде Торнтон в Златоуст Макдональд сообщил этот план Торнтону во время нашего разговора в моем кабинете. Мы утвердили этот план, и я получил задание от Торнтон проводить его в жизнь».

Макдональд равным образом показал, что при сообщении им об этом Торнтону «он был этим доволен».

И на очной ставке с Торнтоном Макдональд показал, что «в Зуевке в прошлом году в сентябре месяце я сказал Торнтону о том, что моторы были испорчены».

Уточняя свои показания о тех заданиях по совершению вредительских актов на Златоустовской электростанции, которые, по словам Гусева, были выработаны совместно и непосредственно с Торнтоном, Гусев на очной ставке с Торнтоном 16 марта 1933 г. показал:

«Указанный мною план предусматривал сокращение мощности электростанции. Рабочая мощность по мобплану была намечена в 12 000 киловатт, и мы наметили снизить ее наполовину; чтобы заводы не могли работать, я наметил вывод части котлов из строя и углеподачи. Торнтон согласился с этим планом и сказал, что его нужно провести в жизнь. Причем он сказал, что наше беспокойство о том, что этот план не будет действительным, так как Челябингрэс будет передавать ток без перебоев, неосновательно, что этот факт не должен нас беспокоить, так как Челябингрэс находится в их влиянии».

Это указание, данное Торнтоном Гусеву, что Челябинская государственная районная электростанция «находится в их влиянии», нашло свое полное подтверждение в данных, добытых следствием о деятельности контрреволюционной группы на Челябинской государственной районной электростанции, действовавшей под руководством обвиняемого Витвицкого, но связанного с Макдональдом, Гусевым и Торнтоном.

II

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАЙОННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Как было указано Гусевым, по словам Торнтон, на Челябингрэсе было обеспечено его, Торнтон, «влияние». Гусев понимал это в смысле наличия на Челябингрэсе вредительской контрреволюционной группы. И действительно, в течение всего 1931/32 года на Челябингрэсе имел место ряд умышленно произведенных аварий.

В ночь на 12 марта 1932 г. при вскрытии стопорного клапана турбины № 2 под клапаном был обнаружен кусок железа. Железо было защемлено между седлом и клапаном, в результате этого явился пропуск пара через закрытый клапан. Кроме того у сетки обнаружен ряд мелких металлических частей (гайка, шпилька и т.д.).

Экспертная комиссия по этому поводу дала следующее заключение:

«1) попадание куска железа 1 150X60X0,7 [мм?] в паровую коробку под стопорный клапан не могло произойти случайно;

2) наличие этого куска железа под стопорным клапаном могло привести к крупнейшей аварии с турбиной...»

Кроме этого в ряде случаев имели место поломки клапанных штоков, объясняемые тем, что из 2 перегрузочных клапанов один, как оказалось при ревизии, вовсе не соответствовал по размерам – болтался и все время пропускал пар в перегрузочную камеру турбины.

Экспертная комиссия утверждает:

«несоответствия размеров клапана не мог не заметить монтажный персонал, монтировавший машину. Подобное явление говорит о явной недобросовестности или о злонамеренности».

В конце октября 1931 г., по показанию обвиняемого по настоящему делу главного инженера Челябингрэса Витвицкого, имела место серьезная авария в результате короткого замыкания на питавшемся от станции заводе «Строитель», когда вся нагрузка станции была сброшена. Весной 1932 г. произошла авария с топочным мотором котла вследствие короткого замыкания питающего мотора кабеля 220 вольт. В связи с рядом неполадок на агрегате № 1, и в частности чрезмерным нагреванием генератора и связанным с ним истечением лака из его лобовых обмоток, станция сообщила Электроимпорту о необходимости перемотки лобовых частей генератора.

В июне 1931 года для осмотра этих неполадок на Челябингрэс прибыл Торнтон. Осмотрев генератор, Торнтон успокоил относительно его чрезмерного нагревания, а об истечении лака обещал сообщить фирме. Лично Витвицкий считал неполадки в машинах преднамеренными, равно как и дефекты поставляемого фирмой оборудования и неправильности монтажа. Разговор с Торнтоном еще более укрепил Витвицкого в его мнении.

Во время, разговора, происходившего в машинном зале, Торнтон, как передает Витвицкий, заметил:

«что фирма понесла бы большой убыток в случае необходимости исправлять вскрывающиеся дефекты, так как это повлекло бы за собой присылку новых деталей, монтеров и т.п., и дал мне понять, что представляемая им фирма будет очень довольна, если я буду смотреть на дефекты сквозь пальцы».

Осведомленность о политических установках Витвицкого, полученная от Олейника, старшего монтера конторы фирмы «Метро-Виккерс», помогла Торнтону немедленно предпринять шаги, чтобы связаться с Витвицким по контрреволюционной деятельности.

В дальнейшем разговоре Торнтон прямо указал, что фирме нужно иметь постоянную и систематическую информацию о положении дел на станции в смысле хода постройки, особенности эксплуатации и т.п. При этом Торнтон указал, что фирма имеет подробную информацию от целого ряда союзных станций, в том числе Златоустовской, и хотела бы иметь от Челябингрэса.

«Я конечно прекрасно понимал, – говорит Витвицкий, – какого рода и для какой именно цели требуются фирме «Метрополитен-Виккерс» сведения, о которых говорил Торнтон, понимал, что Торнтон лишь передаточное звено к другим лицам и организациям, занимающимся собиранием таких сведений».

Торнтон обещал, что передача информации будет хорошо оплачиваться, причем указал, что Витвицкий может передавать эти сведения монтеру той же фирмы в Златоусте Макдональду через заведующего Златоустовской силовой станцией инженера Гусева во время приезда последнего в Челябинск. При этом Торнтон сообщил, что Гусев уже дает информацию по Златоустовской станции.

С Торнтоном у Витвицкого, по его словам, было всего три разговора. Первый в июле 1931 г., второй – в апреле 1932 г. так же на Челябингрэсе, когда Торнтон предложил Витвицкому проводить эксплуатацию машин таким образом, чтобы увеличить их снос [(износ)], и третий – в Москве, в Электроимпорте, в августе 1932 г., в котором Витвицкий сообщил Торнтону о положении дела на Челябингрэсе и о том, что его задания о прекращении борьбы с чрезмерно высокой температурой перегрева пара им выполнены.

За свои вредительские действия Витвицкий неоднократно получал взятки в общей сумме 6 900 рублей. Данные, указанные Витвицким о полученных им денежных суммах, совпадают с показаниями Гусева, подтвердившего, что в первый раз, т.е. в сентябре месяце, он передал Витвицкому по указанию Макдональда 2 000 рублей деньгами.

Далее, по показаниям того же Гусева, при получении других двух писем он передал Витвицкому оставшиеся у него от Макдональда деньги, всего, как указывает Гусев,

«в эти три раза я передал Витвицкому около 4 500 рублей».

Письма, передаваемые Витвицким Макдональду, содержали в себе следующие данные:

а) в ноябрьской сводке 1931 г. сообщалось Витвицким о намечавшейся на Челябингрэсе контрреволюционной группой разработке плана вредительства;

б) в сводке от января 1932 г. Витвицкий сообщал уже о вырешенном контрреволюционной группой плане диверсии, заключавшемся в выведении главных турбин из строя путем подачи воды и сырого пара в турбины;

в) переданные Витвицким в феврале и марте 1932 г. сводки были аналогичны по содержанию январской сводке, переданной через Гусева, но в этих сводках Витвицкий дополнительно сообщал о мерах, принятых им для подготовки указанной в январской сводке диверсии, заключавшихся в постановке на ответственные участки по наблюдению за питанием котлов малоопытных работников;

г) июльская сводка 1932 г. содержала информацию о проводившейся контрреволюционной группой по заданию Торнтона вредительской работе, заключавшейся в том, что было прекращено регулирование высокой температуры перегрева пара, что должно было вредно отражаться на лопаточной системе турбины.

Согласно показанию Витвицкого, основные задачи вредительской группы на Челябингрэсе в части вредительства сводились к тому, чтобы всеми средствами задерживать дальнейшее развитие станции по линии строительства и проводить организацию и эксплуатацию станции таким образом, чтобы последняя шла с перебоями в снабжении потребителей электроэнергией и авариями, что и было осуществлено в действительности.

Это достигалось следующими способами:

а) некомплектными заявками на материалы;

б) задержкой в передаче сведений проектирующим организациям;

в) длительной проектировкой отдельных элементов оборудования;

г) сосредоточением внимания на объектах, не имеющих отношения к станции;

д) сдачей оборудования с громадным количеством недоделок, весьма затруднявших ее нормальную эксплуатацию и вызывавших большое количество аварий;

е) попустительством, заключавшимся в непринятии достаточных мер в случае, когда на каком-либо участке станции создавались условия, угрожавшие бесперебойной работе станции.

Указанные выше задачи контрреволюционной группы на Челябинской государственной районной электростанции достигались применением еще одного способа умышленной неправильной расстановки работников, когда более опытные работники назначались на менее ответственные участки и наоборот.

Об этом методе вредительства Витвицкий показывает следующее:

«Осуществлялось это следующим образом: обычно персонал для наблюдения за питанием котлов подбирался из старых испытанных кочегаров, хорошо освоивших технику этого дела, не способных растеряться на минуту какой-либо аварии. Особенно это важно на котлах большой производительности, как и в Челябинске, когда в случае остановки питания при работе котла на полную мощность запаса воды у него хватает максимум на 6 минут. На Челябинске же на должность водосмотров ставился малоопытный персонал, и перевод вниз на пост, в обязанности которого входило наблюдение за процессом горения, считался повышением, тогда как, наоборот, должны были быть созданы такие условия, чтобы более опытные кочегары стремились занять должность водосмотра».

Как и на Златоустовской электростанции, вредительская группа, действовавшая на Челябинске, имела разработанную программу действий и на случай войны.

Подготавливая крупную диверсию для выведения из строя всей электростанции в момент внешних затруднений в Союзе, контрреволюционная организация на Челябинске, выполнявшая отдельные диверсионные акты, имела целью подвести необходимую базу для вывода из строя на случай войны всей электростанции.

III

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ЗУЕВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАЙОННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Экспертная комиссия, проверив и дав техническую оценку документов об авариях на Зуевской электростанции, установила, что авария с генератором № 3 в июне-июле 1932 г. произошла вследствие нахождения в нем посторонних предметов – болта, куска доски, камня и пр., и пришла к следующему выводу:

«Случаи нахождения в генераторе № 3 разных посторонних предметов (болт, кусок доски, камень и пр.)... не может рассматриваться иначе, как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-либо прямого злого умысла».

«Всякий техник не мог не понимать, – как указывает дальше Экспертная комиссия, – что попадание посторонних предметов, в особенности болта, в межжелезное пространство генератора может привести к серьезным повреждениям статора и выходу из строя всего агрегата».

По авариям, происшедшим на турбинах №№ 1 и 3 в масляных насосах, та же Экспертная комиссия пришла к выводу, что

«помимо отказа от работы регулирования имеет место отказ от работы автоматического клапана масляного турбонасоса, благодаря чему не происходит автоматическое включение насоса при остановке машины, а также вследствие неправильности монтажа имели место аварии главного масляного насоса».

«Подобное состояние масляных насосов, – утверждает Экспертная комиссия, – ставит под прямую угрозу надежность турбины и могло иметь место лишь при явно недобросовестном отношении к делу лиц, производивших монтаж».

Ряд других аварий, происшедших на Зуевской электростанции, равным образом нашедших свою техническую оценку со стороны Экспертной комиссии, также свидетельствует об аварийном состоянии машины на Зуевской электростанции.

Создание такого состояния осуществлял переброшенный на работу на Зуевскую электростанцию из Златоуста в сентябре 1931 г. тот же монтажный инженер конторы «Метро-Виккерс» Макдональд, сам признавший в своих показаниях, что он

«ставил перед собой задачу создать аварийное состояние по возможности на длительные сроки на Зугрэсе».

Эта задача, по его же утверждению, ему в значительной мере удалась.

Основным вредителем на Зуевской государственной электростанции являлся заведующий турбинным цехом инженер Котляревский. Привлеченный в качестве обвиняемого Котляревский признался в своей вредительской деятельности и показал, что он осуществлял ее также совместно с Макдональдом. Познакомившись с приехавшим на Зуевскую государственную районную электростанцию Макдональдом, он вскоре установил с ним

«тесные взаимоотношения, косившие даже дружественный характер, которые Макдональд старался все время поддерживать».

Установившиеся дружеские отношения, как показал Котляревский, послужили почвой для совместного совершения вредительских актов. Признавая свое участие в совершении вредительских актов, Котляревский однако ограничивает их лишь заведомым сокрытием дефектов оборудования. Эти попытки Котляревского умаления вредительской деятельности опровергаются полностью, имеющимися в деле документами и показаниями Макдональда, рисующими участие Котляревского в гораздо более активном виде.

Допрошенный 3 апреля 1933 г. Макдональд показал:

«В июне-июле 1932 г. была организована авария 3-го генератора. Эта авария произошла вследствие оставления (of leaving) болта в межжелезном пространстве. Сделал это по моему заданию или Фомичев или Котляревский».

Выше указано, что это показание находит свое подтверждение в акте Экспертной комиссии. Что же касается аварии с масляными насосами турбин №№ 1 и 3, то сам Котляревский признал, что он был предупрежден Макдональдом о том, что они будут выведены из строя на срок от нескольких дней до 2 недель, как это и было в действительности.

В том же показании Макдональд признал, что на турбинах №№ 1 и 3 были аварии с масляными насосами, которые были засорены, и что это вредительство было произведено Васильевым по его заданию (Васильев умер до возникновения дела).

Акт Экспертной комиссии о происшедших авариях на турбинах №№ 1 и 3, связанных с неправильной работой масляных насосов, подтверждает эти показания Макдональда.

Показания Котляревского об оплате его вредительской контрреволюционной деятельности также подтверждены Макдональдом, признавшим, что им действительно было выплачено Котляревскому около 1 000 рублей.

Котляревский показывает:

«У меня не хватило решимости не взять деньги и заявить в соответствующий орган, ибо я решил, что это повлечет для меня чрезвычайно неприятные последствия. Все это привело меня к тому, что я деньги взял и этим самым отрезал себе путь на будущее в том смысле, чтобы отказаться от роли агента Макдональда».

IV

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ИВАНОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАЙОННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

На Ивановской районной электростанции в течение времени с января 1932 г., т.е. с момента пуска агрегата в работу, по день возбуждения расследования по настоящему делу имел место ряд разнообразных аварий, выведших из строя агрегаты и причинявших государству большие убытки. Анализ аварийных актов, составленных после каждой аварии, привел Экспертную комиссию к заключению о следующих причинах этих аварий:

1) Наличие ненадежного регулирования турбин, которое с момента пуска не выдерживало гарантии и не обеспечивало нормальной эксплуатации.

«Работа агрегата при расстроенном регулировании, – заключает Экспертная комиссия, – может либо привести к серьезным авариям, либо увеличить их».

В этих условиях, по заключению Экспертной комиссии:

«Эксплуатация агрегата может быть допущена лишь при явно недобросовестном или злонамеренном отношении персонала станции и представителей фирмы».

Экспертная комиссия указывает дальше, что

«хроническое расстройство регулирования в течение полутора лет на всех турбинах должно было обратить большее внимание станционного персонала и представителей фирмы на устранение неполадок в случае добросовестного отношения к делу».

2) Вторым серьезным обстоятельством, выведившим агрегаты из строя на длительный срок, по заключению Экспертной комиссии, является явно ненадежное облопачивание. Служащим фирмы были хорошо известны аварии от ненадежного облопачивания машин в Баку и на других станциях. Однако они не сочли нужным поставить станцию об этом в известность, равно как не приняли мер к устранению этих недостатков.

Эксплуатационный персонал в свою очередь не принял мер:

а) ни к исправлению этих дефектов,

б) ни к предъявлению жестких требований представителям фирмы о приведении в порядок турбин.

3) Представленные акты о работе машин на Ивгрэсе говорят о дефектах контрольно-измерительной аппаратуры для обслуживания агрегатов. Экспертная комиссия после анализов этих актов пришла к выводу, что

«контрольная измерительная аппаратура для обслуживания агрегатов вследствие небрежного монтажа и неряшливой эксплуатации пришла частью в негодность, частью дает неверные показания».

На вопрос о степени серьезности этих дефектов Экспертная комиссия дала следующий ответ:

«Практическое отсутствие правильно работающей измерительной аппаратуры на станции не дает возможности надлежащего контроля за работой агрегатов, что может привести к различным авариям и выходу агрегатов из строя».

Подобное состояние явилось следствием преступного отношения к своим обязанностям как со стороны служащих фирмы, так и станционного персонала, не сумевшего добиться надлежащей настройки всей аппаратуры.

4) К явно недобросовестному отношению к своим обязанностям при монтаже турбин на Ивгрэсе служащих фирмы Экспертная комиссия относит и следующие обстоятельства:

«Во время монтажа турбины были обнаружены трещины в цилиндре низкого давления, заделанные на заводе специальными накладками, делающие отливку цилиндра дефективной».

По мнению Экспертной комиссии даже в случае, если персонал фирмы считал эти трещины неопасными для длительной работы машин, то необходимо было:

«составить акт о наличии дефектов, поставить об этом в известность заказчиков и дать специальную гарантию работы цилиндра».

Представителями фирмы, монтировавшими машины, ничего этого сделано не было, и таким образом были скрыты дефекты оборудования, и электростанция была лишена возможности проконтролировать значение этих трещин для дальнейшей работы турбины и принять соответствующие меры к предотвращению аварий.

5) Следующим слабым местом на Ивгрэсе являлся регенеративный подогреватель № 3 высокого давления, в котором предохранительная аппаратура на случай разрыва трубок была явно ненадежна. Между тем, как видно из акта Экспертной комиссии, служащие фирмы запрещали станционному персоналу произвести необходимые переделки, которые были сделаны персоналом станции лишь после их отъезда. Экспертная комиссия по этому поводу дает следующее заключение:

«Это обстоятельство позволяет утверждать, что представители фирмы пустили турбину в эксплуатацию при наличии дефектов, которые могли бы повлечь за собой серьезную аварию с турбиной вследствие попадания воды в турбину после разрыва труб подогревателя при явно ненадежной предохранительной аппаратуре».

Монтажный персонал фирмы в процессе монтажа агрегатов на Ивгрэсе допустил, по мнению экспертизы,

«грубые технические нарушения, которые не должны были иметь место при нормальном ведении монтажа цепи возбуждения генератора».

Результат этого грубого технического нарушения привел к тому что, как устанавливает Экспертная комиссия,

«имели место заземление ротора и блуждающие токи, которые вызвали разъедание шеек валов баббитовой заливки подшипника и разъедание червячной пары для привода регулятора и масляного насоса».

Помимо аварий, перечисленных выше, на этой же электростанции в период времени с 1930 по 1932 год включительно сверх того имел место ряд случаев прямой порчи оборудования, подробно изложенный ниже.

Данными, добытыми предварительным следствием по расследованию причин перечисленных выше аварий и случаев порчи оборудования, устанавливается, что все они произошли отнюдь не вследствие халатности, неопытности или небрежности персонала, а в результате умышленного и обдуманного вредительства. Как было установлено следствием все эти вредительские акты на Ивгрэсе производились контрреволюционной вредительской группой, состоявшей, из отдельных представителей инженерно-технического персонала, организованной зав. Эксплуатационным отделом Ивгрэса инженером Лобановым в соучастии с служащим фирмы «Метро-Виккерс» инженером Нордволлом.

Инженер Лобанов, сын фабриканта, кончивший в 1929 г. Ивановский институт и получивший звание инженера, пришел на работу на Ивгрэс с вполне сформировавшимися антисоветскими настроениями и взглядами.

Познакомившись в 1930 г. с инженером Нордволлом, приехавшим на Ивгрэс производить монтаж оборудования, поставленного на Ивгрэс фирмой «Метро-Виккерс», Лобанов неоднократно высказывал Нордволлу во время своих с ним бесед недовольство существующим советским строем, говорил о переживаемых затруднениях и в частности о том, что пятилетка не будет выполнена; жаловался на якобы плохое материальное положение, указывая при этом, что до революции его отец был заводчиком и имел торговлю и что ему, Лобанову, так жить не придется.

По показаниям Лобанова его встречи с Нордволлом впоследствии участились, их разговоры стали еще более откровенными, благодаря чему Нордволл понял возможность использования Лобанова для активной антисоветской деятельности, и действительно, примерно в феврале 1932 г. Нордволл, после одной из обычных бесед с Лобановым, предложил ему прямо перейти «к делу» – на организацию умышленной порчи оборудования. При этом Нордволл добавил, что как он, Лобанов, так и другие соучастники «в обиде не останутся».

По словам Лобанова, Нордволл указал, что порча оборудования должна производиться систематически, создавая перебои в снабжении промышленности энергией, и что

«при этом должно быть обращено внимание на то, чтобы портить оборудование, не входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», а если будет подвержено порче оборудование фирмы «Метро-Виккерс», на которое гарантийные сроки еще не окончились, то повреждения оборудования должны быть произведены так, чтобы нельзя было ответственность за это свалить на фирму «Метро-Виккерс».

В соответствии с этой установкой и были намечены практические мероприятия по порче турбин. Для осуществления этих вредительских актов Лобанов, привлек к участию мастера Ивгрэса Лебедева, старшего техника Угрюмова и слесаря Китаева, которые до революции работали на заводе отца Лобанова.

О совершенных Лобановым вредительских актах им даны подробные показания, в которых он указал следующие основные моменты:

1) Систематическое выведение из строя моторов, цепных решеток котлов путем перелома кабеля, питающего эти моторы, что осуществлялось мастером электроотдела Лебедевым.

2) Умышленное засорение подшипников мотора питательного насоса котлов песком, вследствие чего подшипники грелись и мотор выбывал из строя на ремонт, что так же выполнялось тем же Лебедевым.

3) Неоднократное выключение вручную фидеров собственных нужд из помещения распределительного устройства Ивгрэса, якобы включающихся под действием максимальных реле.

4) Умышленное выведение из строя мотора дымососа котла № 5 путем умышленного закрытия вентиляции мотора, в результате чего сгорела обмотка мотора и котел № 5 был выведен из строя.

5) Умышленно ненадежная изоляция обмотки трансформатора и ртутника в целях выведения из строя электровозов, обслуживающих торфоподачу.

6) Оставление неотремонтированной крышки контактной коробки у мотора пожарного насоса с той целью, чтобы через оставленную трещину попало постороннее металлическое тело и создалось короткое замыкание в муфте.

7) Систематическое выведение из строя телефонной связи.

В том же показании Лобанов подробно перечисляет и ряд вредительских мероприятий, намеченных им после своего перевода в отдел рационализации и направленных на производство аварий в отношении автоматов «Ганнемана», хаус-генератора и трясунгов на котлах №№ 3 и 4 и в ряде других случаев.

Допрошенный на следствии в качестве обвиняемого мастер электроотдела Лебедев подтвердил приведенные выше показания Лобанова, объяснив, что

«ближайшей целью контрреволюционной группы являлась дезорганизация работы Ивгрэса путем сознательной порчи оборудования для вызова аварий с агрегатами и оборудованием, перебоев в работе станций, сокращения электропередачи и полного прекращения электроснабжения заводов, питавшихся энергией от Ивгрэса».

Переходя к изложению конкретных вредительских актов, совершенных им по указанию Лобанова, Лебедев показал, что по его вине произошел ряд аварий с редукторами цепных решеток вследствие плохого монтажа и небрежного отношения к кабелю, которое он умышленно допускал с целью вызова этих аварий на циркуляционном насосе хаус-турбины, и что им не была исправлена крышка с трещиной на контактной коробке мотора пожарного насоса так же с целью вызвать аварию. В результате вода попала на контакты и их перекрыла, и произошел взрыв, которым разорвало коробку. Взрывом были испорчены масляники [(выключатели)] мотора, в которых сгорели включающие катушки и погнулись тяги.

В результате описанных действий с агрегатами на Ивгрэсе действительно произошел ряд аварий, повлекших за собой перебой в работе станций и сокращение электроснабжения заводов и фабрик, питающихся электроэнергией с Ивгрэса.

Действовавшая на Ивановской электростанции преступная вредительская группа так же имела разработанный план действий на случай войны.

Как показал Лебедев со слов Лобанова, Нордволл ставил своей целью подготовку вывода из строя всех турбин Ивгрэса для прекращения подачи электроэнергии промышленности на случай объявления войны.

Все эти контрреволюционные вредительские действия сопровождались подкупом и дачей взятки. Так, по показаниям Лобанова, он получил 5 000 рублей.

«После того, – показывает Лобанов, – как я сообщил Нордволлу о вредительской и диверсионной работе, проделанной организованной мною группой, он в мае или июне 1931 г. на электростанции после разговоров на щите передал мне во время совместного прохождения через площадку машинного зала 3 000 руб., завернутые в газету. При этом он сказал, что если работа будет энергичнее, то вознаграждение будет больше. Эти деньги я распределил таким образом: Лебедеву – 1 000 руб., Угрюмову – 800 руб., а остальные деньги взял себе».

В дальнейшем, после того как были неоднократно произведены ложные выключения фидеров и был выведен из строя мотор питательного насоса, Лобанов получил от Нордволла еще 2 000 рублей.

Лебедев также признал получение им денег за совершенные вредительские акты.

Привлеченный по настоящему делу к ответственности инженер фирмы «Метро-Виккерс» Чарльз Нордволл показал, что никогда никаких Заданий Лобанову о совершении вредительских актов он не давал и никаких денег Лобанову не передавал.

На очной ставке, произведенной между Лобановым и Нордволлом, последний, не отрицая своих неоднократных встреч с Лобановым и антисоветских разговоров с ним, однако продолжал отрицать передачу Лобанову каких бы то ни было денежных сумм и каких-либо поручений, связанных с совершением вредительских актов.

К вредительству на Ивановской электростанции был причастен также и Торнтон.

Вредительство в области монтажа турбин, поставленных фирмой «Метро-Виккерс», производилось на Ивановской электростанции мастером трансформаторного и масляного хозяйства гр. Зивертом Юрием Ивановичем, который в этой должности работал на Ивановской электростанции с июня 1930 по июль 1931 г. По показаниям Зиверта, он был вовлечен во вредительскую деятельность старшим монтажным инженером фирмы «Метро-Виккерс» Торнтоном. Впервые Зиверт познакомился с Торнтоном в 1925 г. на Горьковской электростанции (тогда Нигрэс), где Зиверт работал по монтажу трансформаторов фирмы «Метро-Виккерс» в качестве старшего мастера.

Первое задание по вредительству от Торнтон Зиверт получил в июне 1930 г., причем тогда же получил от Торнтон и 500 руб., сопровождавшееся предложением

«...тормозить монтаж трансформаторов следующих групп, главным образом трансформаторов первой группы, для передачи электроэнергии на торфоразработки, а также не наблюдать за качеством монтажа так, как я это делал на Нигрэсе. ...Поддавшись на обещания Торнтон вознаградить меня, я согласился на предложение Торнтон тормозить монтаж агрегатов, находившихся в моем ведении, и не следить за качеством монтажа, зная хорошо, что это предложение является вредительским и продиктовано контрреволюционными целями задержать и ухудшить строительство электростанций».

Согласившись на предложение Торнтон тормозить монтаж агрегатов и умышленно небрежно производить монтаж электрооборудования по трансформаторному и масляному хозяйству, Зиверт, как это явствует из его дальнейших показаний, выполнил задания Торнтон, причем:

1) умышленно не принимал мер к изоляции от пыли коллектора при его обточке, в результате чего были пробиты секции на коллекторе и умформер был выведен из строя, что задержало пуск электровозов, служивших для подачи торфа;

2) умышленно небрежно и неправильно производил монтаж масляников [(выключателей)] и трансформаторов.

В результате такого рода деятельности Зиверта в дальнейшем, в 1931 и 1932 гг. имел место целый ряд аварий с электрической частью оборудования Ивановской государственной районной электростанции. В течение 10 месяцев произошло 15 аварий с приводами масляников. После монтажа в течение 2 месяцев произошло пять отказов масляников от правильной работы. Сверх 500 руб. за совершенные вредительские акты Зиверт получил еще 300 рублей.

VI

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ, ВХОДЯЩИХ В СИСТЕМУ МОСЭНЕРГО

На протяжении 1927-1932 гг. на электростанциях, входящих в систему Мосэнерго, произошел ряд аварий, приведших к остановке на длительный срок ряд турбин, к понижению работоспособности их и к повышению расходов по эксплуатации электрооборудования.

1) Исследуя вопрос об авариях на 1-й Московской городской электростанции с турбинами №№ 27 и 28, имевших место 9 марта, 10 мая 16 июня и 28 ноября 1931 г., вызвавших остановку циркуляционных насосов турбин, Экспертная комиссия, останавливаясь на том факте, что при всех авариях станционным персоналом причины аварии не были обнаружены и что «причинами аварий могли явиться недостатки конструкции масляников [(выключателей)] «Метро-Виккерс», которые могли время от времени выключаться вне зависимости от посторонних причин», и исходя из того, что

«несмотря на повторение аварий персонал станции не предъявил соответствующих претензий фирме»

и что

«специальных испытаний масляников не производилось»,

приходит к выводу, что

«не исключена возможность того, что выключение масляников производилось умышленно...»

2) 1 октября 1932 г. была испытана после ее монтажа трансформаторная группа № 2 105 000 вольт 45 000 киловольт-ампер. Своевременный пуск этой группы представлял особо важное значение для Мосэнерго, так как существовавшая трансформаторная установка была перегружена и не могла пропустить требуемой для Мосэнерго мощности. Монтаж производился вначале под руководством представителя фирмы «Метро-Виккерс» монтера Райзина, который однако до окончания монтажа был отозван фирмой, послан на другую работу, а монтаж был передоверен фирмой мастеру 1-й Московской городской электростанции Марину. Испытание происходило в присутствии фирменного инженера Монкгауза и окончилось аварией. Вот что сообщает об этой аварии Экспертная комиссия:

«При переводе регулятора напряжения из одного положения в другое на щите управления был отмечен толчок, после чего генератор немедленно же был включен от руки... После вскрытия баков обнаружено подгорание контактов и втулок. Оба бака переключателя оказались незаполненными маслом, что и явилось причиной аварии».

Экспертная комиссия добавляет:

«Является совершенно непонятным, как мог опытный персонал, монтировавший трансформатор, позабыть залить маслом баки регуляторов и дать агрегату напряжение без проверки наличия масла».

Между тем

«представитель фирмы Монкгауз, – продолжает Экспертная комиссия, – допустил производить испытания трансформатора без предварительной проверки его исправного состояния, качества монтажа и степени его законченности».

Необходимо подчеркнуть, что

«трансформатор мощностью в 45 000 киловольт-ампер является очень крупным агрегатом, и при его испытании должны быть приняты все обычные меры предосторожности, каковые в подобных случаях предписываются».

Экспертная комиссия в заключение приходит к выводу, что

«подобное небрежное и крайне легкомысленное отношение как представителя фирмы, так и персонала станции, производившего монтаж, по отношению к столь крупной и важной для электроснабжения Московской области установке может быть определено по меньшей мере как преступная небрежность».

3) Указание на аналогичное преступное отношение персонала электростанции к эксплуатации машин мы имеем в выводах Экспертной комиссии и по аварии 4 декабря 1931 г. на Шатурской государственной электростанции, где

«во время перехода с одного маслоохладителя на другой персоналом было допущено неправильное переключение вентилей, благодаря чему сократилась подача смазки к подшипникам турбогенератора. Неправильные действия персонала повлекли за собой различные степени оплавления всех подшипников, срабатывание лабиринтной крышки генератора, срыв с рабочего колеса со стороны генератора балансировочных грузов и т.д.».

Анализируя эту аварию, Экспертная комиссия приходит к выводу, что

«причиной аварии могли быть или полная неопытность и растерянность персонала при условии отсутствия правильной организации дела в машинном зале или же сознательные действия персонала с целью вывести машину из строя».

4) По авариям на Орехово-Зуевской теплоэлектроцентрали 22 мая 1931 г., 18 ноября 1931 г. и 19 мая 1932 г. Экспертная комиссия установила следующее:

«По аварии 22 мая 1931 г. Вследствие закрытия водосточного циркуляционного канала уровень в канале поднялся, и вода проникла в распределительное устройство, благодаря чему пришлось выключить генератор № 1 и мощность снизилась на 3 000 киловатт. После понижения уровня воды генератор был вновь включен в сеть. Причина аварии – после бетонировки канала строительной организацией была оставлена опалубка, а эксплуатационный персонал станции пустил воду, не удалив опалубку, каковая была смыта водой и закрыла выходное отверстие. В данном случае налицо либо злой умысел, либо небрежность строительной организации и эксплуатационного персонала, граничащая с преступлением».

Расследованием было установлено, что, кроме указанных выше аварий, имел место еще ряд аварий на 1-й Московской городской электростанции и на станциях Мосэнерго. В отношении их не представилось возможным провести полную техническую экспертизу за отсутствием некоторых необходимых документов. Технические причины их устанавливаются однако прямыми показаниями обвиняемых.

К этим авариям относятся следующие:

1) Аварии с турбинами №№ 26 и 27 на 1-й МГЭС, явившиеся результатом организационных дефектов лопаток турбин, приведших к остановке этих турбин на срок 7 дней и больше и к понижению рабочей мощности их в дальнейшем после ремонта на 20-25%. Эти аварии происходили систематически вплоть до марта 1933 г.

2) Органический дефект штока 2-го регулирующего клапана турбины № 26 на 1-й Московской городской электростанции, заключающийся в том, что была сделана слишком глубокая нарезка штока, 29 апреля 1932 г. привел к обрыву этого штока и к понижению вследствие этого нагрузки на турбине № 26 на 5 000 киловатт. 9 декабря 1931 г. на 1-й Московской городской электростанции произошел разрыв трубки маслопровода вследствие дефекта пайки его, что привело к остановке турбины и могло бы быть причиной пожара на станции.

3) На протяжении того же периода времени турбины систематически останавливались из-за того, что масло проникало через маслозащитные щиты на переднем подшипнике генератора по валу его в возбуждатель.

4) Плохая изоляция в выводах ротора генераторов систематически приводила к остановке генераторов.

5) 22 ноября 1932 г. произошла авария, которая привела к остановке части машин 1-й Московской городской электростанции вследствие выхода из работы турбины собственных нужд и отсутствия достаточного химического контроля.

6) В конце 1931 г. на одном из генераторов 1-й Московской городской электростанции были соединены свинцовая оболочка однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 железной палкой, что могло привести к полному выбытию из строя одного из генераторов, и не привело к этим результатам лишь из-за бдительности рабочих.

7) 11 декабря 1932 г. произошла авария с турбиной № 2 на Ореховской теплоэлектрической централи вследствие гидравлического удара в самой турбине. 31 августа 1932 г. произошла авария с турбиной № 1 на Ореховской теплоэлектрической централи по причине резких колебаний нагрузки, недостаточной мощности упорного подшипника и отсутствия разгрузочных отверстий: в результате этой аварии турбина была выведена из строя на 8-9 месяцев. Аналогичная авария произошла с турбиной № 2 в начале февраля 1933 г.

Как было выяснено следствием, в дальнейшем эти аварии вызывались вредительскими действиями на электростанциях инженеров Сухоручкина, Крашенинникова и Зорина, действовавших в соучастии со служащими фирмы «Метро-Виккерс».

Сын торговца, Сухоручкин начал работать в 1925 г. на 1-й Московской городской электростанции в должности инженера электроцеха, потом заведующим электротехническим отделением и начальника эксплуатационного отдела. По его признанию, еще в 1927 г. он вступил в связь с Торнтоном, которому систематически передавал экономические сведения. В 1929 г. Сухоручкин перешел к вредительской работе. О своей контрреволюционной деятельности Сухоручкин показал следующее:

«С середины 1929 г. я уже, помимо доставки разного рода сведений... умалчивал о ряде дефектов в поставляемом фирмой оборудовании... В 1931 г. по директивам Торнтонна сам лично перешел к прямой диверсионной работе».

В целях вредительства Сухоручкин тщательно скрывал все органические дефекты в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс», обнаруживаемые им в процессе своей работы, и сознательно держал это оборудование в постоянно аварийном состоянии. Таким образом им были скрыты дефекты маслозащитных щитов на переднем подшипнике генератора, дефекты в выводах ротора генераторов, дефекты регуляторов, трансформаторов и т.п.

Помимо этого Сухоручкин осуществлял и прямые диверсионные действия. Как он сам об этом показывает в качестве заведующего в электроотделе, он в конце 1931 г.

«по прямому заданию Торнтон с целью вызвать аварию на одном из генераторов 1-й МГЭС лично соединил свинцовую оболочку однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 железной палкой, что могло привести к полному выбытию из строя одного из генераторов и не привело к этому результату лишь из-за бдительности рабочих».

Одновременно Сухоручкин и Торнтон обсуждали ряд диверсионных актов, которые они намерены были осуществить на случай войны в более широких размерах.

«Таких разговоров с Торнтоном было четыре: 1) В феврале 1930 г., когда я с ним осматривал распределительное устройство, он указал мне на легкую выполнимость диверсионного акта как в шинном отделении 5-го щита, так и в кабельном туннеле станции. 2) В октябре и декабре 1930 г. на центральной подстанции он мне указал на возможность разрушения в 3-м этаже 4-го щита, которое могло нарушить энерго-снабжение центра Москвы, и на возможность разрушения отдельной трансформаторной группы центральной подстанции. 3) В октябре 1931 г. на центральной подстанции Торнтон подробно разъяснил мне способы разрушения 5-го щита или через устройство пожара в 6-м и 7-м этажах над распределительным устройством, или путем взрыва шинного отделения».

За приведенную вредительскую и диверсионную работу Сухоручкин разновременно суммами в 200-300 руб. получил от Торнтон около 2 000 руб., а кроме того 350 руб. торг-синовскими бонами.

Одновременно с Сухоручкин вредительскую работу при 1-й МГЭС проводил и Крашенинников – начальник ремонтно-монтажного отдела этой станции.

Крашенинников так же начал с сокрытия дефектов оборудования, что в ряде случаев приводило к авариям, повреждению машин и их простоею, а в конце 1929 и в начале 1930 г. вступил в связь с приехавшим на 1-ю МГЭС для монтажа турбины № 28 старшим монтажником фирмы «Метро-Виккерс» Олейником, который и передал ему от имени Торнтон 500 руб. за его действия с указанием, что Торнтон в дальнейшем ждет от него продолжения этой деятельности.

В результате такого вредительского отношения Крашенинникова к своим обязанностям и были скрыты дефекты рабочих лопаток, роторов турбин №№ 26 и 27, что привело к неоднократным остановкам этих турбин и к уменьшению их рабочей мощности на 20-25%, как показывают о том сами обвиняемые. Именно в силу такого отношения Крашенинникова к своим обязанностям не были проверены вновь прибывшие из Англии лопатки; в феврале и марте 1933 г. эти лопатки начали ломаться, и это снова вызвало остановку турбин на продолжительный срок. Крашенинников скрыл также дефект регулирующих клапанов турбин вследствие их термической необработан, что также привело к остановке турбины и к необходимости пускать старые турбины, что вызывало пережог топлива – мазута. Им же были скрыты и дефекты конструкции уплотнения циркуляционного насоса турбины №.27, что привело 10 мая 1931 г. к остановке этой турбины; дефекты нарезки штока 2-го регулирующего клапана, что 29 апреля 1932 г. привело к обрыву этого штока и к понижению нагрузки на турбине № 26 на 5 000 киловатт; дефектная пайка трубки Маслопровода, что 9 декабря привело к разрыву трубки и остановке турбины.

Старший инженер тепловой группы по турбинному хозяйству Мосэнерго Зорин, выполнявший специальные поручения по расследованию причин аварий турбин и защите в Электроимпорте интересов Мосэнерго по рекламациям к иностранным фирмам по турбинам, под влиянием своих антисоветских убеждений энергично развивал контрреволюционную вредительскую деятельность.

Начав в 1931 г. с передачи Торнтону сведений о регулировке турбин других иностранных фирм, конкурирующих с «Метро-Виккерс» в СССР, и об авариях с этими турбинами, он постепенно перешел на передачу сведений о перспективном плане развития станций Мосэнерго, а вслед за этим принял на себя обязанность скрывать дефекты оборудования, поставляемого этой фирмой в СССР.

О преступной деятельности Сухоручкина и Крашенинникова Торнтон предусмотрительно предупредил Зорина с тем, чтобы Зорин не вскрыл их вредительства.

Зорин так же, как и Крашенинников, знал о дефектах рабочих лопаток роторов турбин №№ 26 и 27 и так же, как и Крашенинников, скрыл эти дефекты, приведшие к ряду аварий.

Такого же образа действия держался Зорин и по отношению к Ореховской ТЭЦ. В своем показании от 26 марта с. г. Зорин говорит следующее:

«11 декабря 1931 г. произошла авария с турбиной № 2 на Ореховской ТЭЦ вследствие гидравлического удара в самой турбине. Произошло повреждение ротора; так как ротор был открыт, то я его осмотрел и убедился, что упорный подшипник ротора недостаточно мощен для ротора, не имеющего разгрузочных отверстий, и это может впоследствии привести к аварии подшипника без гидравлического удара, при резких перегрузках, всегда возможных в эксплуатации при толчках сети. Этот органический дефект подшипников я умышленно скрыл, и 31 августа 1932 г. произошла авария с турбиной № 1 Ореховской ТЭЦ, имевшей аналогичный с турбиной № 2 упорный подшипник, по причине резких колебаний нагрузки, недостаточной мощности упорного подшипника, при отсутствии разгрузочных отверстий. В результате этой аварии турбина выбыла из строя на 8-10 месяцев... Аналогичная авария произошла с турбиной № 2 в начале февраля 1933 г., однако с гораздо меньшими результатами, так как были подплавлены только сегменты подшипников и турбина была остановлена всего на одни сутки».

За совершенные вредительские акты Зорин одновременно получил от Торнтонна, по его словам, 1 000 рублей.

Особую роль во всей этой контрреволюционной вредительской группе играл старший monter фирмы «Метро-Виккерс» Олейник, по его собственным словам прослуживший в этой фирме в течение почти 20 лет с небольшими перерывами и проживший ряд лет в Америке и Англии.

«Мое всегдашнее благополучие, – говорит Олейник в своих показаниях, – было связано с английской фирмой «Метро-Виккерс», и дальнейшее мое благополучие я всегда строил в расчете на эту фирму...».

Олейник выполнял вредительскую работу, но взял на себя и организацию агентуры для вредительской работы, одновременно выполняя роль связующего звена между некоторыми служащими фирмы «Метро-Виккерс» и их агентурой на местах.

Поставив себе задачей способствовать созданию аварийного режима с целью выведения из строя работающих агрегатов и машин, Олейник, работая по монтажу и ремонту оборудования на многих электростанциях Союза, систематически скрывал дефекты этого оборудования, тем самым не давая возможности принять меры к предотвращению аварий. Наряду с этим Олейник, согласно полученным инструкциям, умышленно сдавал дефектное оборудование электростанциям СССР, оттягивая всеми возможными способами производство испытаний сдаваемого оборудования.

О шпионской работе Олейника по заданию привлеченного в качестве обвиняемого Монкгауза будет сказано ниже.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА БАКИНСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

На Бакинской электростанции так же имел место ряд аварий с турбогенераторами, поставленными фирмой «Метро-Виккерс».

Анализ актов аварий, имевших место на Бакинской электростанции с турбогенераторами №№ 11 и 12, поставленными фирмой «Метро-Виккерс», приводит Экспертную комиссию к необходимости прежде всего отметить аналогичность всех аварий с лопатками рабочих колес, приуроченных к определенным ступеням турбин.

«Характер аварий, – говорится в заключении Экспертной комиссии, – позволяет утверждать о наличии органических пороков в конструкции лопаток в ряде аварийных ступеней обеих турбин. Лопатки разрушаются по причине преждевременной усталости металла лопаток, вызванной резонансовыми вибрациями».

Экспертная комиссия утверждает, что

«однотипичность аварий должна была обратить внимание персонала станции и представителей фирмы на необходимость радикального изменения конструкции аварийных ступеней турбины. Недостаточно полная техническая оценка аварии, зафиксированная в первых актах об авариях на Бакинской ГРЭС, не вскрыла их основных причин во время обследования аварии и тем самым не обеспечила своевременного и правильного их устранения. В результате этого аварии продолжались уже через 3 дня после ремонта машин».

Особое внимание с точки зрения оценки поведения персонала станции и представителей фирмы «Метро-Виккерс» обращает на себя следующий вывод Экспертной комиссии:

«Первые аварии, зарегистрированные от 11 марта 1930 г., от 15 февраля 1931 г., от 21 февраля 1931 г. и 22 марта 1931 г., обнаружены только при вскрытии турбины № 11 для ревизии перед производством испытания машины согласно договору, хотя, учитывая размеры происшедших аварий, нужно признать, что они (аварии) должны были сопровождаться внешними признаками – стук в цилиндре машины, усиление ее вибрации, нарушение плавности хода, которые обязывали персонал фирмы и станции, работающий у турбины, к немедленной остановке машины».

По поводу аварии на Бакинской электростанции Олейник показал, что

«в конце 1928 г. произошла авария с турбиной вследствие того, что при этом произошел бросок воды в турбину».

Когда в 1932 г. Торнтон говорил с Олейником о диверсионной работе, он в виде примера, по словам Олейника, привел именно этот случай в Баку, указав, что эта авария была организована инженером Кушни. Это же Олейник подтвердил на очной ставке 13 марта 1933 г. с Кушни. В свою очередь, подтверждая факт этой аварии, Кушни отрицал, что давал какие-либо указания монтерам по проведению этой аварии и что эта авария произошла умышленно под его руководством.

Необходимо однако подчеркнуть, что причиной аварии, имевшей место в Баку в 1927 г., сам Кушни признает заброс в турбину воды, что могло иметь место, по данным Экспертной комиссии, при наличии злого умысла.

По поводу ряда таких аварий, и в частности аварии от 11 марта 1930 г., Экспертная комиссия обратила внимание на то, что эта авария была обнаружена лишь впоследствии, при вскрытии турбины № 1 для ревизии перед производством испытания машины, и следовательно своевременно не была замечена, несмотря на то, что размеры этой аварии должны были сопровождаться такими внешними признаками, при которых персонал обязан был немедленно остановить машину и подвергнуть ее ревизии.

По показаниям свидетеля Емельянова И.С. явствует, что Кушни говорил о необходимости портить оборудование и в особенности электростанции «Красная звезда», чтобы приостановить работу электростанции и рост нефтепромыслов.

Для характеристики положения, наблюдавшегося на Бакинской ГРЭС в 1930 г., можно сослаться на акт № 006110, составленный по поводу повреждения ротора и его дефектов, в котором между прочим было указано, что

«самый характер имевшегося повреждения дает повод усматривать не только небрежность в выполнении, но и злой умысел».

Но роль Кушни не ограничивалась вредительской деятельностью на Бакинской ГРЭС, так как Кушни, как и другие, привлеченные по настоящему делу инженеры фирмы «Метро-Виккерс», систематически занимался шпионажем.

По этому поводу Макдональд в показании от 12 марта говорил:

«Разведывательная деятельность, проводимая в СССР под прикрытием фирмы «Метрополитен-Виккерс», руководилась Торнтоном, работавшим в Москве в представительстве фирмы в должности главного монтажного инженера. Возглавлял представительство Монкгауз, который также участвовал в этой нелегальной деятельности Торнтон. Разъездным помощником Торнтон и участником шпионской работы являлся инженер Кушни, офицер английской армии, ныне инженер фирмы «Метро-Виккерс». Это основная группа разведчиков, занимавшаяся шпионской деятельностью в СССР».

На очной ставке Торнтон с Кушни 22 марта оба признали собрание Кушни и передачу по назначению сведений не только таких, которые непосредственно в деловом смысле могли интересовать фирму, но и таких, которые могли быть использованы в определенных политических целях. Характер же сведений, собираемых по поручению Торнтон, в достаточной степени был выяснен выше в связи с вопросом о Златоустовской электростанции. К изложенному нужно добавить, что, как это выяснилось из очной ставки Емельянова с Кушни 23 марта 1933 г., Кушни за полученные сведения давал ряду бакинских рабочих мелкие суммы денег, а также устраивал на свои деньги угощения для рабочих с выпивкой.

При предъявлении Кушни данных, изобличающих его в шпионской деятельности, Кушни отказался отвечать на поставленные ему вопросы, отказавшись также назвать и мотивы своего отказа, как отказался назвать и имена лиц из граждан СССР, собиравших для него шпионские сведения.

С 1927 г. секретарем представительства фирмы «Метро-Виккерс» в СССР являлась гр. Кутузова Анна Сергеевна. Как это установлено обстоятельствами дела и показаниями самой Кутузовой, она, состоя на службе в конторе «Метро-Виккерс», считалась там своим человеком и была в курсе всей контрреволюционной работы, проводившейся инженерами названной фирмы. По показаниям Кутузовой, ее пригласил на службу в контору «Метро-Виккерс» уполномоченный фирмы Монкгауз, с которым она познакомилась в начале 1927 г. на Волховстрое, где в тот период времени она служила. В апреле 1927 г. она была зачислена в штат представительства фирмы.

В 1929 г. контора фирмы «Метро-Виккерс», ранее находившаяся в Ленинграде, переехала в Москву в помещение Электроимпорта. Кутузова так же переехала из Ленинграда в Москву, причем поселилась в Перловке на даче, в которой жили все англичане – служащие фирмы «Метро-Виккерс». Впоследствии от нее перестали скрывать шпионскую и диверсионную деятельность.

Обвиняемая Кутузова показывает:

«Еще в 1930 г. я стала замечать, что Торнтон, Кушни, Макдональд, Монкгауз и другие сотрудники представительства, помимо дел, связанных с Интересами и заданиями фирмы, занимаются еще какой-то нелегальной работой. У них происходили секретные беседы с какими-то советскими гражданами, они часто запирались в кабинетах, вели секретные записи и т.п.».

В результате нескольких лет своей работы в представительстве фирмы «Метро-Виккерс», Кутузова, по ее показаниям, еще в 1930 г.

«пришла к заключению, что все эти лица занимаются экономическим и политическим шпионажем и собираемые сведения пересылают в Англию».

Пользуясь своим положением, Кутузова решила выяснить у Торнтонна характер и цели этой нелегальной деятельности:

«Я стала расспрашивать Торнтон а, – показывает Кутузова, – и он сначала в общей форме мне сказал, что, помимо службы «Метро-Виккерс», имеет и другие задания секретного порядка. Я после этого продолжала его расспрашивать. В конце концов Торнтон мне рассказал, что он и другие английские инженеры собирают секретные сведения политического и экономического порядка через завербованных ими русских инженеров и техников, которым платят за это деньги».

Как это установлено обстоятельствами дела, Кутузова принимала и непосредственное участие в оплате инженеров и техников, которые занимались шпионской и диверсионной деятельностью. Так например она, по указанию Макдональда, направила посылку в Златоуст Гусеву, причем сделала на посылке выдуманный адрес отправителя, надписав вымышленную фамилию Ивановой.

На очной ставке с Торнтонном Кутузова подтвердила, что она была в курсе целого ряда моментов шпионской и диверсионной деятельности английских и русских инженеров, указав, что расходы по оплате русских инженеров и техников, доставлявших секретные сведения, Торнтон фиксировал не в бухгалтерии конторы, а в своих записных книжках, которые увез в Англию в декабре 1932 г.

«По бухгалтерии конторы, – показывает Кутузова, – была проведена только одна такая выплата в сумме 3 000 руб., которые Торнтон передал Долгову. Эта сумма была проведена по счету «переходящих сумм».

Это показание Кутузовой полностью подтвердилось при осмотре счета «переходящих сумм» бухгалтерии Московской конторы «Метро-Виккерс», а также при допросе Монкгауза, который подтвердил такого рода бухгалтерское проведение взятки. Вызванный в качестве свидетеля Долгов А.Н., заведующий конторой отдела Электроимпорта, подтвердил факт получения им денег, которые немедленно были им переданы ОГПУ.*

В дальнейших своих показаниях Кутузова назвала целый ряд лиц, работавших по заданиям Торнтонна, и в частности указала на Витвицкого, Гусева, Зорина, Сухоручкина и других обвиняемых по настоящему делу.

По вопросу об участии английских инженеров в совершении диверсионных актов Кутузова показывает:

«Я несколько раз слышала, как Торнтон и Монкгауз намечали планы порчи турбин на Нигрэсе, Зугрэсе, ленинградских и бакинских электростанциях, при этом говорилось, что надо портить турбины через посредство нанятых людей путем подбрасывания в части турбин разных посторонних предметов».

* Весьма темная история с не коммунистом, но сознательным беспартийным служащим А.Н. Долговым, руководство «Метро-Виккерс» утверждало, что он просил деньги в долг, но не вернул их, поэтому 3 000 руб. пришлось списать. А оказывается, что тов. Долгов сдал деньги, в день их получения, в доход государства, объявив их взяткой! Как мы увидим ниже, все это смахивало на чекистскую провокацию.

Переходя к вопросу о том, под чьим руководством действовали в своей шпионской и диверсионной работе Торнтон и другие служащие фирмы, Кутузова показывает:

«Я предполагаю, что Торнтон и другие работники представительства передавали сведения Ричардсу и подчинялись ему в своей шпионской работе. Это я заключаю из того, что когда приезжал Ричардс, то с ним велись секретные переговоры и кроме того фамилию Ричардса упоминали Торнтон и Монкгауз в своих секретных разговорах».

Названный Кутузовой Ричардс, как установлено следствием, является директором-распорядителем Экспортного отдела фирмы «Метро-Виккерс» в Англии.

В СССР, по показаниям Кутузовой, руководителями шпионской и диверсионной деятельностью являлись Торнтон, преступная деятельность которого охарактеризована выше, и Монкгауз.

При выяснении этих последних обстоятельств путем допроса Монкгауза и других установлено: Монкгауз при допросе в прокуратуре республики 25 марта 1933 г. подтвердил:

1) «получение сведений, относящихся как к работе нашей фирмы, так и характеристике общего положения в Советском союзе, и о состоянии больших строительных производившихся в СССР».

Эти сведения, как указал Монкгауз, ожидал от него Ричардс. В качестве мотива собирания этих сведений Монкгауз приводит указание на то, что «эти сведения могли быть интересны фирме».

2) Подтвердил Монкгауз, что

«эти сведения он считал возможным получать как от служащих фирмы «Метро-Виккерс», так и от русских инженеров и при разговорах с ними».

3) Признал Монкгауз, что

«из служащих представительства, доставлявших ему сведения, были главным образом Торнтон и Кушни, часто ездившие на строительство».

4) Подтвердил Монкгауз свое соучастие в даче взятки Торнтоном заведующему контрольным отделом Электроимпорта Долгову:

«Я... участвовал, – показывает Монкгауз, – в списании сумм, т.е. 3 000 руб. денег, данных в качестве взятки Торнтоном Долгову».

Списание 3 000 руб., данных Торнтоном Долгову в качестве взятки, по показаниям Монкгауза, было в дальнейшем произведено как коммерческий расход по приказанию упомянутого выше Ричардса, приехавшего в Москву и информированного об этой взятке.

5) Признал Монкгауз наличие серьезных дефектов, вызвавших серьезные аварии машин, смонтированных персоналом конторы «Метро-Виккерс» на ряде электростанций СССР – Могэс, Ивгрэс, Челябгрэс, Зугрэс, Бакгрэс, т. е. именно на тех электростанциях, где действовали вредительские и шпионские группы, связанные с отдельными служащими конторы «Метро-Виккерс» – Торнтон, Кушни, Нордволл, Олейник, Макдональд.

Монкгауз отрицает лишь:

1) свое участие в собирании сведений, носящих характер государственной или военной тайны;

2) соучастие в даче взяток за сокрытие дефектов оборудования, смонтированного служащими конторы «Метро-Виккерс» в Москве, и

3) соучастие в организации порчи оборудования и организации аварий на электростанциях СССР.

Ничего однако кроме голого отрицания Монкгауз не мог противопоставить фактам, добытым следствием.

О характере собираемых сведений и об их назначении достаточное представление дает обвиняемый Торнтон, который показал:

«Согласно предложению Ричардса, посредством служащих фирмы «Метро-Виккерс», проживающих в различных частях страны, собиралась информация касательно политического положения внутри страны и которая передавалась устно ему, Ричардсу, Монкгаузом или мною. Обычно Ричардс просил информацию о политическом положении в определенных районах и советовал, что информация может быть получена через персонал фирмы. Мы в свою очередь, – продолжает Торнтон, – предлагали нашему персоналу собирать информации елико возможно больше...» «...Шпионская деятельность на территории СССР руководилась мною и Монкгаузом...»

Отрицание же Монкгаузом своего участия в даче им взятки русским инженерам и техникам за сокрытие дефектов поставленного оборудования опровергается самим Монкгаузом, признавшим свое соучастие в даче взятки Долгову как лицу, могущему действовать в интересах фирмы при даче заказов на оборудование и при предъявлении фирме рекламаций и претензий, связанных с обнаруженными дефектами оборудования.

Из остальных служащих конторы «Метро-Виккерс», по указаниям Торнтона, занимался дачей взятки также инженер Грегори Альберт Вильям.

В связи с добытыми следствием этого рода данными следствие занялось более подробным выявлением личности Монкгауза, Торнтон и установило, что:

1) Монкгауз до революции долго жил в царской России, прибывши туда в 1911 г. в качестве монтажного инженера по поручению фирмы «Дик-Кер и компания».

После Октябрьской революции Монкгауз поехал во Владивосток и оттуда в Лондон.

Летом 1918 г., во время первой интервенции при второй английской экспедиции, был направлен в отряд, отправленный в Архангельск для борьбы с большевиками, причем в интервенционистской армии исполнял обязанности капитана инженерных войск.

При этом же экспедиционном отряде состоял Ричардс в чине капитана отряда секретной полиции (Интеллидженс Сервис).

Вместе с английскими войсками Монкгауз эвакуировался из Архангельска в Лондон.

О своих взаимоотношениях с Ричардсом он показал:

«С ним я знаком и состою в дружеских; отношениях с 1913 г. Мы с ним часто встречались, и он часто бывал у меня. С Ричардсом я встретился в 1917 г. в Москве и позднее в Архангельске, где он, как я утверждаю, служил в качестве капитана Интеллидженс Сервис. Мне известно, что в апреле или мае 1918 г. Ричардс был в Москве, – зачем он приезжал, я не знаю, – но зато мне известно из его рассказа, что он тогда тайно перешел границу Финляндии. С 1923 г. он (Ричардс) получил назначение директором экспортного общества «Метро-Виккерс», и после этого он в том же году выехал в Москву для переговоров о поставках для переоборудования».

Монкгауз в фирме «Метро-Виккерс» работает с 1919 г. Осенью 1924 г. как служащий «Метро-Виккерс» прибыл вновь в СССР уже в качестве уполномоченного фирмы «Метро-Виккерс», непосредственно подчиненного по службе тому же Ричардсу.

2) Торнтон оказался сыном крупного суконного фабриканта, собственника крупнейших текстильных мануфактур, родившийся в России, получивший образование за границей. В 1911 г. Торнтон вернулся в Москву, где работал от той же фирмы «Дик-Кер и компания», что и Монкгауз. В 1918 г. вместе с Монкгаузом эвакуировался через Владивосток в Англию. В 1924 г. был принят Ричардсом на работу в фирму «Метро-Виккерс» специально для работы в СССР, куда и прибыл в ноябре 1924 г.

В процессе предварительного следствия прокуратурой РСФСР были привлечены в качестве обвиняемых по ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР:

1. Витвицкий Николай Петрович.
2. Гусев Василий Алексеевич.
3. Грегори Альберт Вильям.
4. Зиверт Юрий Иванович.
5. Зорин Николай Григорьевич.
6. Крашенинников Михаил Дмитриевич.
7. Котляревский Моисей Львович.
8. Кутузова Анна Сергеевна.
9. Кушни Джон.
10. Лебедев Вячеслав Петрович.
11. Лобанов Александр Тимофеевич.
12. Макдональд Вильям Лионель.
13. Монкгауз Аллан.
14. Нордволл Чарльз.
15. Олейник Петр Еремеевич.
16. Сухоручкин Леонид Алексеевич.
17. Торнтон Лесли Чарльз.
18. Соколов Василий Андреевич.

В отношении остальных членов вредительской контрреволюционной группы, указанных в обвинительном заключении и привлеченных по настоящему делу, в соответствии со ст. 221, п. «б» УПК РСФСР, производится следствие.

На основании изложенного и в силу постановления президиума ЦИК СССР предаются суду Специального присутствия Верховного суда Союза ССР по обвинению:

1. Витвицкий Николай Петрович, 35 лет, уроженец г. Одессы, инженер-механик, окончил Кронштадтское инженерное училище, женат, в 1921 г. за участие в белогвардейском Кронштадтском восстании приговорен к 5 годам, по амнистии освобожден, государственный служащий – в том, что он, Витвицкий, вступил в 1927 г. в г. Златоусте во вредительскую контрреволюционную группу, действовавшую на Златоустовском заводе, и в дальнейшем, в 1931 году, в г. Челябинске, став руководителем контрреволюционной группы, действовавшей на Чгрэсе и поставившей себе целью подрыв мощи советской промышленности и ослабление Советского государства путем дезорганизации электросилового хозяйства методами вредительства, совершения диверсионных актов и подготовки к широкой диверсии на случай войны, в осуществление поставленных группой целей, совершил следующее:

1) в период с сентября 1931 г. по июль 1932 г. в г. Челябинске, состоя главным инженером Челябинской электростанции и войдя в связь в июле 1932 г. с представителем английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» английским гражданином Торнтоном и по его заданию участвовал лично и привлекал к участию других инженеров к разработке диверсионных планов и в частности плана крупной диверсии на Чгрэсе, имевшей задачей вывод из строя главных турбин в момент предполагаемой войны против СССР;

2) там же, в тот же период времени, принимал участие в осуществлении диверсионных актов, заключающихся в преднамеренном вызове аварий, имевших последствием дезорганизацию нормальной работы станции и перебои в снабжении заводов электроэнергией, и в частности принимал участие в осуществлении следующих диверсий:

а) серьезной аварии в конце 1931 г. вследствие короткого замыкания на присоединенном к электростанции заводе «Строитель», распространившейся на распределительное устройство станции, в результате чего сгорели трансформаторы тока фидера, дуга перебросилась на распределительное устройство собственных нужд и вся нагрузка станции была сброшена;

б) аварии топочных моторов весной 1932 г. вследствие короткого замыкания кабеля 220 вольт для питания моторов, в результате которого временно была сброшена вся нагрузка станции;

в) там же, в тот же период времени, руководил вредительской деятельностью на Чгрэсе, имевшей целью задержать строительство станции и организовать ее эксплуатацию таким образом, чтобы последняя протекала болезненно и с перебоями в снабжении заводов электроэнергией, получив за эти действия взятки в сумме 6 900 руб., в том числе через Гусева от Торнтонна 4 900 руб.,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

II. Гусев Василий Алексеевич, 35 лет, уроженец г. Пензы, холостой, с высшим техническим образованием, не судившийся, государственный служащий – в том, что в 1930-1932 гг., являясь начальником Златоустовской электростанции и состоя в контрреволюционной группе, поставившей себе целью подрыв мощи государственной промышленности и ослабление Советского государства:

1) по заданию инженера английской фирмы «Метро-Виккерс» Макдональда организовал и возглавил в Златоусте контрреволюционную вредительскую группу, поставившую себе целью дезорганизацию работы Златоустовской электростанции и срыв энергоснабжения местных заводов путем вредительства;

2) систематически собирал и передавал Макдональду ряд секретных сведений военно-государственного значения;

3) как лично, так и через посредство членов организованной им контрреволюционной группы – Соколова и других – совершил ряд диверсионных и вредительских актов по порче оборудования и созданию аварий на Златоустовской электростанции;

4) за свою шпионскую, вредительскую и диверсионную работу систематически получал от Макдональда взятки, часть которых передавал членам возглавляемой им контрреволюционной группы;

5) по поручению того же Макдональда передавал инженеру Челябингрэса Витвицкому одновременно денежные суммы за проводимую последним на Челябингрэсе вредительскую и диверсионную работу,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

III. Грегори Альберт Вильям, 52 лет, уроженец Англии, женатый, с высшим техническим образованием, английский подданный – в том, что работая с 1932 г. в СССР в качестве монтажного инженера английской фирмы «Метро-Виккерс», состоя во вредительской контрреволюционной группе, занимался систематическим сбором секретных сведений военно-государственного значения и передачей их Торнтону,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

IV. Зиверт Юрий Иванович, 50 лет, уроженец бывш. Курляндской губ., слесарь, с низким образованием, не судившийся, государственный служащий – в том, что в период времени с июня 1930 по июль 1931 г., работая на Ивгрэсе в качестве мастера по монтажу трансформаторов и масляников, систематически передавал английскому инженеру Торнтону ряд секретных сведений, относящихся к новым заказам на электрооборудование и состоянию Ивгрэса, а кроме того по заданию того же Торнтона умышленно вредительски производил монтажную работу, что в дальнейшем повлекло за собой ряд аварий на Ивгрэсе, кроме того, что тогда же в диверсионных целях допустил проникновение пыли в коллектор при его обточке, в результате чего были пробиты секции на коллекторе и умформер был выведен из строя, причем за свою вредительскую и диверсионную работу получил в виде взятки от Торнтона 500 рублей,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

V. Зорин Николай Григорьевич, 59 лет, с высшим образованием, по специальности инженер-механик, женат, не судившийся, государственный служащий – в том, что, занимая должность старшего инженера тепловой группы по турбинному хозяйству Мосэнерго, выполняя наряду с этим отдельные поручения по вопросам, связанным с ремонтом турбин, расследованием причин и защитой интересов Мосэнерго по рекламациям иностранным фирмам, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданию инженера конторы «Метро-Виккерс» в Москве Торнтона, с целью подрыва нормальной деятельности электростанций Московской области, на протяжении 1931-1932 гг.:

1) провел на 1-й МГЭС и на Ореховской теплоэлектростанции ряд вредительских мероприятий, скрывая органические дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, что приводило к систематическим авариям на этих станциях, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм;

2) одновременно получил в начале ноября 1932 г. от Торнтона за свою вредительскую работу 1 000 рублей,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

VI. Крашенинников Михаил Дмитриевич, 35 лет, уроженец села Новое, бывш. Владимирской губернии, инженер-электрик, женат, не судившийся, государственный служащий – в том, что занимая последовательно должности: мастера машинного цеха, заведующего машинным отделом и начальника ремонтно-монтажного отдела 1-й Московской городской электростанции, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданиям Олейника и Торнтона, на протяжении 1928-1932 гг. провел на 1-й МГЭС ряд вредительских актов, скрывая органические дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, а также дефективность монтажа этого оборудования, что приводило к систематическим авариям на станции, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм, за что получил в начале 1930 г. от Торнтона через Олейника 500 руб.,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

VII. Котляревский Моисей Львович, 29 лет, из бывших мещан Одесской области, по специальности инженер-механик, женат, не судившийся, государственный служащий – в том, что, занимая должность заведующего турбинным цехом Зуевской государственной электростанции, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданиям Макдональда, на протяжении 1931-1932 г.:

1) умышленно скрывал органические дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» для Зуевской электростанции оборудования, что приводило к систематическим авариям на станции, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм;

2) одновременно за свою вредительскую работу получил от Макдональда взятку в сумме 1 000 рублей,

т.е. в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-7 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

VIII. Кутузова Анна Сергеевна, 37 лет, дочь ремесленника, со средним образованием, не судившаяся – в том, что в период времени с 1927 по 1933 г., состоя на службе в конторе фирмы «Метро-Виккерс» в качестве секретаря, состояла в контрреволюционной группе, проводившей вредительскую, шпионскую и диверсионную работу в электросиловом хозяйстве СССР, причем, действуя по заданиям Торнтонна и других английских инженеров, систематически передавала денежные вознаграждения Гусеву и другим русским инженерам и техникам за их шпионскую и вредительскую работу,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

IX. Кушни Джон, 35 лет, уроженец г. Иоганнесбурга в Африке, акционер английской фирмы «Метро-Виккерс», английский подданный, с высшим техническим образованием, бывший офицер британской армии – в том, что в период времени с 1929 по 1933 г., работая на ряде электростанций СССР в качестве монтажного инженера и состоя в контрреволюционной вредительской группе:

1) систематически занимался экономическим и военным шпионажем, собирая через посредство группы советских инженеров и техников ряд секретных сведений военно-государственного значения;

2) организовал на Бакинской электростанции диверсионные и вредительские акты, направленные к порче оборудования и созданию аварий, давая соответствующие задания отдельным русским инженерам и техникам;

3) умышленно производил неправильный и недобросовестный монтаж электрооборудования, поставленного фирмой «Метро-Виккерс», что в дальнейшем влекло за собой ряд аварий на указанной станции;

4) шпионскую, вредительскую и диверсионную работу отдельных русских инженеров и техников систематически оплачивал разными суммами денег,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

X. Лебедев Вячеслав Петрович, 52 лет, уроженец г. Иваново-Вознесенска, со средним образованием, бывш. старший унтер-офицер, женатый, государственный служащий – в том, что в период с марта по октябрь 1931 г., являясь мастером Ивгрэса, он:

1) состоял членом контрреволюционной группы на Ивгрэсе, действовавшей под руководством инженера Лобанова и ставившей себе указанные выше контрреволюционные цели;

2) систематически производил умышленную порчу оборудования, вызывая тем самым аварии на ряде агрегатов Ивгрэса;

3) за свою вредительскую и диверсионную работу получил от Макдональда через Лобанова взятку около 900 рублей,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XI. Лобанов Александр Тимофеевич, 35 лет, уроженец бывш. Владимирской губ., сын заводчика, с высшим техническим образованием, женатый, не судившийся, государственный служащий – в том, что в 1931-1932 гг., являясь начальником эксплуатационного отдела Ивгрэса, он, действуя по заданию английского инженера Нордволла, на протяжении указанного периода времени:

1) организовал и возглавил на Ивгрэсе контрреволюционную вредительскую группу в составе Лебедева, Угрюмова и других и вместе с ними систематически совершал ряд вредительских и диверсионных актов, направленных к порче электрооборудования станций и созданию аварий, уменьшающих работоспособность таковой;

2) одновременно за свою вредительскую и диверсионную деятельность получил от Нордволла взятку, а в общей сложности получил 5 000 руб. и шубу,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XII. Макдональд Вильям Лионель, 29 лет, уроженец г. Лондона, сын инженера, с высшим техническим образованием, английский подданный – в том, что в 1930-1932-1933 годах, работая на электростанции в Златоусте и на Зугрэсе в качестве монтажного инженера английской фирмы «Метро-Виккерс», принял участие в контрреволюционной группе:

1) действуя по заданиям старшего монтажного инженера той же фирмы Торнтон, собирая через посредство группы советских инженеров и техников – Гусева, Соколова, Васильева и других – ряд секретных сведений военно-государственного значения в Златоусте, на Зугрэсе и Челябингрэсе, а также о производстве военных заводов в указанных пунктах;

2) давая прямые задания отдельным советским инженерам и техникам – Гусеву, Соколову, Васильеву и другим – о совершении ими диверсионных и вредительских актов, направленных к порче оборудования и созданию аварий, каковые его задания были в дальнейшем выполнены и повлекли за собой ряд аварий в Златоусте, на Челябингрэсе и Зугрэсе;

3) за проводимую отдельными советскими инженерами и техниками шпионскую диверсионную вредительскую работу, а также за сокрытие ими дефектов, имевшихся в оборудовании, поставленном фирмой «Метро-Виккерс», систематически выдавал им взятки разными суммами, в общей сложности около 10 000 руб.,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XIII. Монкгауз Аллан, 46 лет, уроженец г. Статфорд в Новой Зеландии, сын фермера, бывш. капитан инженерных войск британской армии, с высшим техническим образованием, женатый, английский подданный – в том, что в период времени с 1927 по 1932 г., работая в СССР в качестве уполномоченного английской фирмы «Метро-Виккерс» и состоя в контрреволюционной группе, поставившей себе указанные выше контрреволюционные цели:

1) собирал через посредство ряда своих подчиненных английских инженеров, а также и ряда русских инженеров и техников секретные сведения военно-государственного значения;

2) принял участие во вредительской и диверсионной деятельности указанной контрреволюционной группы;

3) за проводимую рядом советских инженеров и техников шпионскую, диверсионную и вредительскую работу систематически выдавал для их оплаты разные денежные суммы;

4) систематически давал взятки ряду русских инженеров за сокрытие ими дефектов, имеющихся в оборудовании, поставленном фирмой «Метро-Виккерс»,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9, и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XIV. Нордволл Чарльз, уроженец г. Берлина, сын инженера, с высшим техническим образованием, женатый, английский подданный – в том, что в 1931-1932 г., работая на Ивгрэсе в качестве монтажного инженера английской фирмы «Метро-Виккерс» и состоя в контрреволюционной вредительской группе:

1) давал задания группе инженеров и техников Ивгрэса – Лобанову и другим – совершать вредительские, диверсионные акты на Ивгрэсе, направленные к порче оборудования и созданию аварий, каковые задания и были выполнены;

2) за диверсионную и вредительскую работу Лобанова, Лебедева и других работников Ивгрэса, а так же за сокрытие ими дефектов, имевшихся в поставленном фирмой «Метро-Виккерс» электрооборудовании, систематически выдавал им через Лобанова взятки, причем в общей сложности выдал 5 000 руб.,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XV. Олейник Петр Еремеевич, 52 лет, уроженец хутора Перекрестовщица, бывш. Полтавской губернии, со средним образованием, специальность – монтер по турбинам, женат, не судившийся – в том, что, работая в должности старшего монтера фирмы «Метро-Виккерс» в Москве, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданиям инженеров этой фирмы Торнтон и Монкгауза, с целью подрыва нормальной деятельности электростанций СССР на протяжении 1928-1932 гг:

1) систематически собирал ряд секретных сведений военно-государственного значения, передавая их обвиняемому Торнтону;

2) провел на ряде электростанций СССР вредительские мероприятия, скрыл органические дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, а также дефектность монтажа этого оборудования, что приводило к систематическим авариям на электростанциях, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм;

3) развернул организационную деятельность по вербовке вредительской агентуры для упомянутой выше контрреволюционной организации;

4) за свою шпионскую, вредительскую работу получил возможность открыть себе текущий счет в одном из английских банков в Лондоне, куда тайным образом перевел 2 000 руб., на каковой счет за свою работу получал 10 фунтов стерлингов ежемесячно,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XVI. Сухоручкин Леонид Алексеевич, 39 лет, уроженец станицы Новопавловской, Северокавказского края, сын торговца, по специальности инженер-электрик, женат, государственный служащий – в том, что, занимая последовательно должности заведующего электротехнического отдела и начальника эксплуатационного отдела 1-й Московской городской электростанции, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданиям инженера конторы «Метро-Виккерс» в Москве Торнтон, с целью подрыва нормальной деятельности электростанций Московской области на протяжении 1928-1932 гг.:

1) провел на 1-й МГЭС ряд вредительских мероприятий, скрывая дефекты поставленного фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, а также дефектность монтажа этого оборудования, что приводило к систематическим авариям на станции и уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм;

2) в конце 1931 г. с целью вызвать аварию на одном из генераторов 1-й МГЭС учинил диверсионный акт, соединив умышленно свинцовую оболочку однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 железной палкой, результатом чего должен был быть вывод из строя одного из генераторов, предотвращенный лишь в силу бдительности рабочих;

3) одновременно за свою вредительскую и диверсионную работу получил от того же Торнтон взятки в сумме 2 500 руб. в советской валюте и 350 руб. торгсиновскими бонами,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XVII. Торнтон Лесли Чарльз, 1887 года рождения, сын крупного фабриканта, уроженец г. Ленинграда, женатый, английский подданный – в том, что в период времени с 1927 по 1933 г., работая в СССР в качестве старшего монтажного инженера английской фирмы «Метро-Виккерс» и состоя в контрреволюционной группе, поставившей себе указанные выше контрреволюционные цели:

1) занимался собиранием через посредство ряда русских инженеров и техников секретных сведений военно-государственного значения;

2) как лично, так и через посредство подчиненных ему английских инженеров – Макдональда, Кушни и других – систематически давал задания ряду советских инженеров и техников совершать вредительские и диверсионные акты, направленные к порче оборудования и созданию аварий, каковые вредительские и диверсионные акты и были в дальнейшем совершены на ряде электростанций СССР;

3) систематически подкупал ряд инженеров и техников – Гусева, Зорина, Соколова и других, оплачивая их шпионскую, диверсионную и вредительскую работу, а также сокрытия ими дефектов, имевшихся в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс»,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XVIII. Соколов Василий Андреевич, 33 лет, уроженец села Аскино, Бирского района, БАССР, сын кустика, окончивший Златоустовское техническое училище и военную школу по классу электромеханики, техник-электромеханик, женат, государственный служащий – в том, что он, Соколов, вступив летом 1930 г. в г. Златоусте в члены контрреволюционной группы, действовавшей на Златоустовском заводе под руководством начальника электростанции инженера Гусева и поставившей себе указанные выше контрреволюционные цели, путем дезорганизации электростанции методами вредительства, шпионажа, совершения диверсионных актов и подготовки к широкой диверсии на случай войны против СССР в осуществление поставленных целей:

1) состоя помощником начальника электростанции Златоустовского завода и связавшись летом 1930 г. с монтажным инженером английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» Макдональдом, по заданию и при содействии инженера Гусева передавал Макдональду секретные сведения военно-государственного значения;

2) там же в Златоусте, в период с лета 1930 по осень 1932 г., по заданию и под непосредственным руководством Гусева принимал участие и лично проводил диверсионные акты, повлекшие за собой ряд аварий на заводе, и в частности:

а) с мая по август 1932 г. вызвал пять аварий на крупнейшем моторе завода в 1 400 л.с. путем неправильного устройства вентиляции в моторе;

б) совместно с инженером Гусевым содействовал аварии масляника [(выключателя)] и разъединителей на силовой станции;

3) путем систематического вредительства по заданиям Гусева и совместно с ним готовил ряд диверсий, которые должны были вывести из строя электростанцию и лишить заводы электроснабжения в момент предполагаемых контрреволюционной группой внешнеполитических затруднений в Союзе, и в частности следующих диверсий:

а) повреждение электрического устройства – главных вводов трансформаторов масляных выключателей;

б) по машинному залу – повреждение и вывод из строя турбогенераторов;

в) по котельной – вывод из строя питательных агрегатов, котлов и задержку углепода-
чи;

4) там же, в Златоусте, с лета 1930 г. и до момента ареста по заданию Гусева и совме-
стно с ним проводил систематическое вредительство в электрической части завода, за что и
получил взятку в 1 000 руб.,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7 58-9 и 58-11 Угол. кодекса
РСФСР.

Настоящее обвинительное заключение утвердил:

8 апреля 1933 года

(подписал) Вышинский

Прокурор Российской социалистической федеративной советской республики

Согласен: Красиков

Прокурор Верхсуда СССР

Председатель. Подсудимый Гусев, вы признаете себя виновным в предъявленном об-
винении?

Гусев. Да, признаю.

Председатель. Садитесь, пожалуйста. Подсудимый Соколов, признаете себя винов-
ным?

Соколов. Признаю.

Председатель. Подсудимый Макдональд, признаете себя виновным?

Макдональд. Признаю.

Председатель. Подсудимый Котляревский, признаете себя виновным?

Котляревский. Признаю.

Председатель. Подсудимый Лобанов, вы признаете себя виновным полностью?

Лобанов. Признаю полностью.

Председатель. Подсудимый Грегори, вы признаете себя виновным?

Грегори. Не виновен.

Председатель. Подсудимый Зиверт, признаете себя виновным?

Зиверт. Признаю полностью.

Председатель. Подсудимый Крашенинников, вы признаете себя виновным?

Крашенинников. Признаю полностью.

Председатель. Подсудимый Торнтон, вы признаете себя виновным?

Торнтон. Не признаю.

Председатель. Ни в одном пункте?

Торнтон. Нет.

Председатель. Подсудимый Сухоручкин, признаете себя виновным?

Сухоручкин. Признаю.

Председатель. Подсудимый Зорин, признаете себя виновным?

Зорин. Признаю.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, признаете себя виновным?

Монкгауз. По всем пунктам не признаю.

Председатель. Подсудимый Олейник, признаете себя виновным?

Олейник. Признаю.

Председатель. Подсудимый Нордволл, признаете себя виновным?

Нордволл. Не признаю.

Председатель. Подсудимая Кутузова, признаете себя виновной?

Кутузова. Признаю.

Председатель. Подсудимый Кушни, признаете себя виновным?

Кушни. Категорически не признаю ни в одном пункте.

Председатель. Подсудимый Лебедев, признаете себя виновным?

Лебедев. Признаю.

Председатель. У меня вопрос к прокуратуре о порядке ведения судебного следствия. У вас есть конкретные предложения?

Вышинский. Предлагаю держаться следующего порядка. Во-первых, обследовать те факты, которые изложены в обвинительном заключении по Златоустовской электростанции, далее Челябинская электростанция, затем по Зуевской электростанции, потом по Ивановской, затем Мосэнерго, Бакинская электростанция и под конец обследование деятельности сотрудников Московской конторы «Метро-Виккерс», обвиняемых, которые привлечены по настоящему делу, Кутузова, Монкгауз и Торнтон. В таком порядке я предлагаю опрашивать следующих обвиняемых по Златоустовской станции: Гусев, Соколов, Макдональд, Торнтон; по Челябинской электростанции: Гусев, Витвицкий, Олейник, Торнтон; по Зуевской электростанции: Котляревский, Макдональд; по Ивановской электростанции: Лобанов, Нордволл, Лебедев, Зиверт; по Мосэнерго: Сухоручкин, Крашенинников, Зорин, Торнтон; по Бакинской электростанции: Олейник, Макдональд, Кушни. Затем предлагаю такой порядок: Кутузова, Монкгауз и Торнтон.

Председатель. Защита не возражает?

Защита. Не возражает.

Председатель. Судебное присутствие утверждает порядок ведения судебного следствия, предложенный прокуратурой. (В 15 час. 30 мин. объявляется перерыв до 18 часов.)

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 12 апреля 1933 г. 18 час. 15 мин.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание возобновляется. Подсудимый Гусев. (Гусев подходит к месту дачи показаний.) У суда к Гусеву вопросов пока нет. У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Разрешите? Гр. Гусев, будьте добры сообщить нам самые краткие ваши биографические данные.

Гусев. Я родился в 1898 г. в г. Пензе, в семье железнодорожного мастера. Вскоре после моего рождения, через 2-3 года, отец вместе с семьей переехал в г. Златоуст. Здесь в Златоусте прошла вся моя жизнь, за исключением кратких перерывов. До 1918 г. я учился – сначала в начальной школе, потом в городском училище, потом в среднем техническом училище.

Вышинский. Какое учебное заведение окончили?

Гусев. Я кончил в 1922 г. практический Златоустовский институт.

Вышинский. По какой специальности?

Гусев. Этот институт давал звание инженера по силовым установкам.

Вышинский. И с 1922 г. вы были на практической работе?

Гусев. Да.

Вышинский. На какой должности и где?

Гусев. Окончил я институт в 1922 г. и поступил на электростанцию Златоустовского завода, сначала в должности дежурного мастера, которую занимал в течение года.

Вышинский. Кто был тогда начальником станции?

Гусев. Инженер Морганов. Затем я был старшим мастером в течение 2 лет, сколько точно – не помню. После этого был помощником начальника станции так же в течение 2-2½ лет, и с марта месяца 1929 г. я работал уже в качестве начальника станции до момента ареста, т.е. до 24 января 1933 г.

Вышинский. Вы в качестве начальника электростанции чем заведывали? Всеми отделами или специальным отделом?

Гусев. Электростанция объединяла все силовое хозяйство завода. В моем ведении была электростанция, воздухоподводящая станция, которая питала воздухом доменные печи, затем водоносная станция и понизительная трансформаторная подстанция для приема тока от Челябинской электростанции.

Вышинский. Следовательно, все силовое хозяйство Златоустовской электростанции было под вашим ведением?

Гусев. Все силовое хозяйство металлургического Златоустовского завода было в моем ведении.

Вышинский. Электростанция с Златоустовским металлургическим заводом находилась в органической связи с точки зрения хозяйства и техники?

Гусев. Это заводская электростанция, территориально она была размещена в центре завода.

Вышинский. Кроме этой станции металлургический завод обслуживался какой-нибудь станцией?

Гусев. С октября-ноября месяца 1930 г. Златоустовский механический завод перешел на питание энергией от Челябинской электростанции, а до этого момента все три завода в Златоусте питались от Златоустовской электростанции.

Вышинский. Полностью?

Гусев. Да.

Вышинский. Скажите, где вы оказались в 1918 г. после Октябрьской революции?

Гусев. В 1918 году? В это время я, не окончив среднетехнической школы, ушел в белую армию.

Вышинский. Куда в белую армию?

Гусев. Я поступил в добровольческую учебную команду 22-го Златоустовского полка.

Вышинский. Вы поступили добровольцем в учебную команду, или поступили в добровольческую учебную команду?

Гусев. Я поступил в добровольческую учебную команду добровольцем.

Вышинский. Вас не мобилизовали?

Гусев. Нет.

Вышинский. Чем это объяснялось? Почему поступили в колчаковскую армию в это время? Сколько вам лет было тогда?

Гусев. Мне было 20 лет.

Вышинский. Чем это объяснялось? Почему вы сделали такой шаг?

Гусев. Это вытекало из моих убеждений и настроений, которые тогда были.

Вышинский. В двух словах, как эти убеждения можно характеризовать?

Гусев. Как враждебные Октябрьской революции.

Вышинский. Что вы скажете о своей службе в рядах белой армии?

Гусев. В этот период времени я прослужил в белой армии около 5 месяцев. Ушел из армии по слабому зрению. За этот период времени я принимал участие в боевых походах.

Вышинский. Против?

Гусев. Против Красной армии при наступлении в Уфимской губернии, в Златоустовском уезде, в Бирском. Потом по причине слабого зрения я был освобожден из армии и использовал это освобождение для того, чтобы окончить курс средней школы.

Вышинский. Где?

Гусев. В Златоусте. После этого я поступил на Златоустовский механический завод в машиностроительный цех в качестве конструктора. Здесь прослужил несколько месяцев, так как вследствие наступления Красной армии Златоустовский завод был эвакуирован в г. Томск.

Вышинский. А вы?

Гусев. Я эвакуировался вместе с белыми тоже в Томск.

Вышинский. Это было в каком году?

Гусев. В 1919 году.

Вышинский. Таким образом в период 1918-1919 гг. вы были частью в белой армии, частью вне ее, но во всяком случае на территории, занятой Колчаком?

Гусев. Да.

Вышинский. В Томске вы продолжали работать на этом заводе?

Гусев. В Томске работать почти не пришлось, потому что после приезда в Томск завод не мог развернуть своей работы.

Вышинский. Что же вы делали?

Гусев. Я и несколько моих товарищей были уволены с завода в виду отсутствия работы.

Вышинский. Дальше?

Гусев. Потом я был мобилизован опять в белую армию.

Вышинский. Значит с завода опять попали в белую армию. Уже по мобилизации или добровольно?

Гусев. По мобилизации. В первый учебный автоброневой дивизион. Здесь прослужил с августа месяца до начала декабря 1919 г.

Вышинский. Какую должность занимали в этом автоброневом дивизионе?

Гусев. Был рядовым шоферского взвода. Там были курсы, которые выпускали шоферов.

Вышинский. А вы курсы прошли?

Гусев. Я почти кончил, но не прошел практической школы езды. В то время я имел звание техника-механика.

Вышинский. Но техник-механик это еще не шофер. Вы очевидно прошли еще шоферские курсы?

Гусев. Я прошел шоферские курсы броневой части. Они были при первом учебном автоброневом дивизионе.

Вышинский. Значит вы прошли еще и специальные военные курсы?

Гусев. Эти курсы были при этом автодивизионе.

Вышинский. Окончили курсы и что же дальше?

Гусев. В это время пал Омск. Фронт передвинулся на восток и подходил к Томску. Томск уже начали эвакуировать.

Вышинский. А ваша часть?

Гусев. Я вместе со своей частью стал отступать дальше на восток.

Вышинский. Шли бои? Ваша часть бывала в это время в боях?

Гусев. Нет.

Вышинский. Что же, она только отступала?

Гусев. Да.

Вышинский. До каких же пор вы отступали?

Гусев. От станции Тайга на восток, километров 200-250.

Вышинский. Дальше?

Гусев. Затем я и два моих товарища бежали из эшелона.

Вышинский. Куда?

Гусев. В лес.

Вышинский. Почему? Может быть вы предварительно скажете, из кого состоял этот эшелон?

Гусев. Там было офицерство.

Вышинский. Офицерство повсюду было, но какое?

Гусев. Белое офицерство.

Вышинский. А может быть иностранные части?

Гусев. Нет, наш эшелон не включал в себя иностранцев. Иностранцы отступали по другому пути.

Вышинский. По каким мотивам, в силу каких обстоятельств вы дезертировали?

Гусев. Положение белой армии было совершенно безнадежное.

Вышинский. Положение было безнадежное, и поэтому вы бежали?

Гусев. Да.

Вышинский. Если бы положение было надежное, вы, пожалуй бы, остались?

Гусев. Я не могу сказать сейчас, как бы я сделал.

Вышинский. Во всяком случае вы бежали потому, что видели, что дело безнадежное?

Гусев. Это я могу сказать.

Вышинский. А каковы были ваши идейные побуждения? Может быть они колебались? Может быть ваши белые убеждения начали окрашиваться в другие цвета?

Гусев. Говоря правду, я не могу сказать, что мои убеждения резко изменились. Правда, те явления, те сцены, которые я наблюдал при отступлении, они до некоторой степени...

Вышинский. Какие сцены?

Гусев. Я видел порку крестьян.

Вышинский. Кем?

Гусев. Польскими легионерами. Я видел расстрелы мирных жителей.

Вышинский. Кем?

Гусев. Ими же. Видел издевательство над мирными жителями.

Вышинский. С чьей стороны?

Гусев. Тоже со стороны польских легионов.

Вышинский. Это повлияло на ваши убеждения?

Гусев. Мои антисоветские настроения, моя враждебность потеряла некоторую остроту. Хотя, конечно, я не могу сейчас сказать, что эта враждебность пропала совсем.

Вышинский. Острота враждебности сгладилась, и вы бежали? Куда же вы бежали?

Гусев. Сначала мы пошли, чтобы не попасть к своим и не быть расстрелянными, снова на восток из эшелона. Пройдя некоторое время, повернули просто в лес и здесь вдали от дорог в течение двух недель мы жили в лесной избушке вплоть до прихода Красной армии. Когда фронт перешел в то место, которое мы занимали, мы явились к комиссару одного из полков Красной армии, были допрошены там и после допроса отпущены.

Вышинский. В каком году это было?

Гусев. В декабре 1919 года.

Вышинский. Куда вы пошли дальше?

Гусев. Я вернулся, в Златоуст, который в это время был в руках Красной армии.

Вышинский. Чем занимались?

Гусев. Поступил в Практический институт.

Вышинский. Опять учиться?

Гусев. Да, опять учиться.

Вышинский. В третий раз вы поступаете учиться в промежуток между своими боевыми действиями?

Гусев. Да – это третий период.

Вышинский. Сколько же время вы учились?

Гусев. Два с половиной года. Осенью 1922 г. я окончил Практический институт с званием кандидата на инженера.

Вышинский. Куда поступили?

Гусев. Поступил на Златоустовский металлургический завод, на электростанцию.

Вышинский. В качестве кого?

Гусев. Сначала в качестве дежурного мастера.

Вышинский. В это время каковы были ваши политические взгляды? После того как вы 2½ года проучились, и острота прежних переживаний несколько смягчилась – в этот период времени каковы были ваши политические взгляды и ваше отношение к советской действительности, к революции?

Гусев. Мои взгляды и убеждения в основном остались теми же, что и были.

Вышинский. То есть?

Гусев. То есть – антисоветскими и контрреволюционными.

Вышинский. Значит уже за эти 2½ года та среда, в которой вы находились, обстановка, в которой жили, все, что вы видели во время гражданской войны, не закрепили перелом, который у вас известным образом наметился, когда вы от белых уходили к красным, а, наоборот, окрепли ваши антисоветские взгляды, вы даже их называете контрреволюционными. Под влиянием чего это было, какие были причины?

Гусев. Очевидно не было причин, которые заставили бы совершенно изменить мои прежние убеждения.

Вышинский. Ну значит, можно сказать, что, в сущности говоря, впечатления, которые вас заставили уйти от белых к красным, были совершенно мимолетными и случайными, наносными, не затронули ваших убеждений в корне?

Гусев. В основном я не могу сказать, что мои убеждения диаметрально изменились. В основном эти убеждения остались.

Вышинский. Таким образом в основном за весь этот период времени, с 1918 г до последнего времени, чуть ли не по день вашего ареста ваша линия политических убеждений была одной и той же?

Гусев. В основном – да.

Вышинский. Значит в основном убеждения те же, с небольшими отклонениями в зависимости от разных обстоятельств – когда дело у белых безнадежно, вы бежите, когда остаетесь в прежней среде, настроения прежние. Так я вас понимаю?

Гусев. Это почти так.

Вышинский. В период времени, когда вы уже становились помощником начальника этой Златоустовской станции, т.е. с 1925 по 1929 г., и затем, когда с 1929 г. по день ареста вы становитесь начальником Златоустовской станции, влияет ли на вас круг людей, с которыми вы встречаетесь, на ваше отношение к советской действительности и как, или вы остаетесь вне политики, совершенно нейтральным, безучастным к вопросам политического значения?

Гусев. В это время я вращался тоже, в основном, в кругу людей с антисоветскими настроениями.

Вышинский. Например – конкретно?

Гусев. Часть из этих людей в дальнейшем была осуждена за вредительство.

Вышинский. Кто это?

Гусев. Например Шалаев, Богословский и др.

Вышинский. Вы вращаетесь в этом кругу. Оказало ли это какое-нибудь влияние на ваше отношение к советской власти и социалистическому строительству?

Гусев. Это не изменило конечно моих антисоветских убеждений, они продолжали оставаться такими же, как и были.

Вышинский. Продолжали оставаться такими же, как были? Крепче они стали или остались такими же, как были?

Гусев. В этот момент я должен сказать, что они укрепились.

Вышинский. Укрепились именно под влиянием этой обстановки?

Гусев. Под влиянием этой среды.

Вышинский. Как же вы перешли к более активной контрреволюционной работе? Что вас подтолкнуло, в связи с чем вы активизировались и в какой форме произошла эта ваша активизация вашей контрреволюционной деятельности?

Гусев. Начало моей активной контрреволюционной деятельности я должен отнести к моменту, когда я стал заниматься шпионской работой.

Вышинский. В каком году?

Гусев. В начале 1930 года.

Вышинский. Может быть немножко раньше? Точнее.

Гусев. Нет. Это было в 1930 году.

Вышинский. В начале 1930 года. Под влиянием каких же обстоятельств вы занялись такого рода «почтенным» делом – шпионажем?

Гусев. В это время я познакомился с инженером английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» Макдональдом, в декабре 1929 г.

Вышинский. При каких обстоятельствах?

Гусев. Инженер Макдональд приехал в Златоуст для монтажа турбогенератора фирмы «Метрополитен-Виккерс» на электростанцию, которой я заведывал. Первоначальное наше знакомство произошло на деловой почве, так как монтаж этот находился в моем ведении.

Вышинский. Как начальника станции?

Гусев. Как начальника станции. Знакомство произошло, как я сказал, на деловой почве. Потом я получил приглашение от инженера Макдональда прийти к нему в гости. Знакомство перешло на личную почву. Те разговоры, которые мы вели в это время, не были только делового порядка, но касались общих политических вопросов.

Вышинский. В частности, какие же это вопросы были?

Гусев. В частности вопрос о бытовых условиях технической интеллигенции, вообще о правовом положении технической интеллигенции. Затем вопросы промышленности.

Вышинский. Что значит – вопросы промышленности?

Гусев. Точнее вопросы индустриализации.

Вышинский. Что значит – вопросы индустриализации, если еще точнее сказать?

Гусев. Вопрос о развитии в Советском союзе тяжелого машиностроения, вообще собственной индустрии, крупной промышленности.

Вышинский. Эта тема совершенно понятна. Но в чем же был антисоветский характер этих разговоров?

Гусев. Антисоветский характер разговоров заключался в том, что, касаясь бытовых условий технической интеллигенции, мы говорили, что ей плохо живется при советской власти.

Вышинский. Это понятно. Ну, а по поводу индустриализации? Здесь в чем заключались антисоветские разговоры?

Гусев. Мы говорили, что развитие собственного машиностроения для Советского союза не нужно.

Вышинский. Не нужно, и вы так думали?

Гусев. Я разделял эти взгляды.

Вышинский. Прекрасно, а дальше на этом дело остановилось, или ваше знакомство с Макдональдом крепло, или, наоборот, оставалось в пределах этих разговорчиков?

Гусев. Знакомство с течением времени укрепилось и в дальнейшем перешло и приняло оттенок дружбы.

Вышинский. Значит вы сейчас констатируете, что с Макдональдом у вас установились дружественные отношения, но сколько понадобилось времени, чтобы ваши отношения стали дружественными?

Гусев. Это порядка 2-2½ месяцев.

Вышинский. Эти дружественные отношения к чему дальше повели?

Гусев. Они повели к тому, что я получил от инженера Макдональда предложение, давать ему сведения о производствах Златоустовских заводов.

Вышинский. Какие предложения сделал вам Макдональд?

Гусев. Они им были формулированы как предложения давать сведения о работе Златоустовских заводов.

Вышинский. Какие конкретные сведения?

Гусев. В дальнейшем я давал...

Вышинский. Меня интересует не то, что вы давали, а какие сведения вам предложено было давать. Скажите сначала, что вам было предложено?

Гусев. Давать сведения об электроснабжении всех заводов.

Вышинский. В том числе и механического завода?

Гусев. В том числе и механического Златоустовского завода, который вырабатывает военное снаряжение.

Вышинский. Значит заводы военного значения?

Гусев. Военного значения. Затем о работе металлургического завода, который выпускает автотракторные рессоры, авиационную сталь, шарикоподшипниковые стали, т.е. высококачественные стали.

Вышинский. Идущие на какие цели?

Гусев. Идущие на военные заводы.

Вышинский. То есть и в первом и во втором случае шло дело о сведениях, касающихся военного снаряжения?

Гусев. Да. Вот круг вопросов, по которым я получил предложение давать сведения.

Вышинский. В материалах предварительного следствия говорится, что вы получили предложение давать сведения относительно количества вырабатываемых снарядов.

Гусев. Я уже сказал о производстве механического завода, что я под этим и подразумеваю.

Вышинский. Вы под производством механического завода подразумеваете все, в том числе и выработку снарядов?

Гусев. Да.

Вышинский. Макдональд просил и эти сведения давать?

Гусев. Он говорил, что ему нужно иметь сведения о количестве выпускаемых снарядов, типах этих снарядов и о расширении снарядного производства.

Вышинский. Эти вопросы военного порядка вам Макдональд поставил в самом начале вашего знакомства или уже в процессе укрепившихся с ним дружественных отношений?

Гусев. Вначале я давал сведения по энергоснабжению и затем перешел к сведениям, о которых я сейчас говорил.

Вышинский. Я так и понимаю: сначала были сведения общие, а потом сведения военные?

Гусев. Если говорить правильно, то когда я давал сведения об энергоснабжении, я давал сведения об энергоснабжении цехов, производящих военное снаряжение, следовательно тогда я давал сведения военного характера.

Вышинский. Я понимаю. Разрешите прервать вопросы к Гусеву и предложить один вопрос Макдональду.

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Обвиняемый Макдональд, вы слышали показания Гусева? Вы подтверждаете то, что он говорил о вашем с ним знакомстве в 1929 году?

Макдональд. О моем знакомстве – да.

Вышинский. Вы подтверждаете, что в течение этого времени с 1929 г. отношения с Гусевым были приятельскими, дружественными?

Макдональд. С 1930 года.

Вышинский. Вы действительно просили Гусева вам представлять такие сведения, о которых он сейчас говорил?

Макдональд. Да, в моих собственных интересах.

Вышинский. Может быть вы уточните этот собственный интерес. Сведения по электрооборудованию вы спрашивали у Гусева или нет?

Макдональд. Спрашивал.

Вышинский. Военные сведения?

Макдональд. Спрашивал.

Вышинский. Больше мне ничего не нужно.

Председатель. Садитесь.

Вышинский. Позвольте дальше перейти к Гусеву. Значит первоначально ваша контрреволюционная активность, начиная с 1930 года, стала выражаться в собирании сведений, которые вы сейчас квалифицировали как шпионские сведения. Правильно?

Гусев. Да.

Вышинский. Ограничивалась ли ваша контрреволюционная деятельность только собиранием этих и им подобных сведений, или же вы избрали еще иные формы контрреволюционной деятельности и в таком случае – какие именно?

Гусев. Я, вступив на этот путь, пошел дальше и в дальнейшем получал задания и выполнял задания по устройству аварий с оборудованием на Златоустовском заводе.

Вышинский. Задания по устройству аварий? Что же вы эти задания рассчитывали осуществить единолично или в компании с другими лицами?

Председатель. Подсудимый не сказал, чьи задания.

Вышинский. Я этот вопрос пока не ставлю, я хочу сейчас знать, задания по организации аварий Гусев рассчитывал осуществить единолично или в соучастии с другими лицами?

Гусев. Эти аварии были проводимы с участием других лиц. В выполнении аварий принимал участие сначала мой помощник, а затем инженер-электрик Соколов Василий Андреевич, подсудимый по данному делу. Затем производитель работ Патрин, затем принимал участие в сокрытии следов, вернее истинных причин аварий, Россман Николай Матвеевич...

Вышинский. Каким образом оказались эти лица, в частности Соколов, в этой группе, в вашей компании?

Гусев. Соколов, как и я, принял участие в этой работе под влиянием или вернее по предложению инженера Макдональда.

Вышинский. Откуда это вам известно?

Гусев. Когда я с инженером Макдональдом обсуждал план аварий, который я составил, и когда возник вопрос о способах выполнения, то в числе людей, которые могут быть использованы, этот Соколов был мне назван Макдональдом. Потом Соколов принимал участие в разработке этого плана, в обсуждении этого плана.

Вышинский. С кем?

Гусев. Со мною.

Вышинский. Вы предложили ему, или он предложил вам?

Гусев. Я предложил ему.

Вышинский. Почему вы ему предложили обсуждать план?

Гусев. Я сказал, что, с одной стороны, я получил извещение или сообщение от Макдональда, что Соколов может быть использован для этой работы. Это было уже достаточным для того, чтобы я мог привлечь его к участию в разработке этого плана.

Вышинский. И вы начали обсуждать этот план?

Гусев. Да.

Вышинский. В чем заключался этот план?

Гусев. Когда я дал согласие на совершение аварий, это задание дальше было конкретизировано следующим образом: я должен был вызвать такие аварии, в результате которых можно было бы сократить или совсем прекратить производство снарядов и холодного оружия на Златоустовских заводах. Для выполнения такого задания я наметил путь расстройств энергоснабжения и, с другой стороны, вывод из строя мотора крупносортового стана в прокатном цехе. Этот мотор приводил в действие...

Вышинский. Это мотор в 1 400 л.с.?

Гусев. Да.

Вышинский. Почему вы остановились на этом моторе?

Гусев. Я остановился на нем потому, что мартеновский цех дает крупные слитки. Этот слиток обжимается на крупносортовом стане, а затем в виде переделной заготовки поступает на другие станы.

Вышинский. Мы здесь далеко не все техники. Скажите, какую роль играл этот стан в деле военного производства?

Гусев. Если этот стан не работает, то все остальные станы, дающие готовую продукцию, в том числе и снарядные заготовки и автотракторные рессоры, так же не работают.

Вышинский. От чего зависела работа этого стана?

Гусев. Стан приводился в движение мотором мощностью в 1 400 л.с.

Вышинский. Следовательно в вашем плане нужно было ударить по этому мотору?

Гусев. По этому мотору. Да.

Вышинский. Ударивши по мотору, вы били и по стану и по военному производству?

Гусев. Да, и по военному производству.

Вышинский. Это ясно. Как же вы решили осуществить эту историю?

Гусев. В период, когда обсуждался вопрос о выводе стана, план окончательно намечен не был. Было намечено, что мотор должен быть выведен из строя. Впоследствии этот вопрос решился в зависимости от обстановки. Сейчас я могу сказать только, каким образом этот мотор был выведен из строя.

Вышинский. Пожалуйста.

Гусев. В 1932 г. в апреле месяце, во время контрольного осмотра этого мотора, я в вентиляционном канале этого мотора оставил небольшой кусочек листового железа, затем ушел. В дальнейшем, при пуске мотора, этот кусочек был затянут в межжелезное пространство, в результате чего получилось смещение части железа статора и ротора. Это сместившееся железо прошло в механические гильзы, в которых заложена обмотка статора, что послужило причиной пробоя изоляции обмотки статора. Мотор был выведен из строя в первый раз благодаря неправильному ведению ремонта, вернее благодаря тому обстоятельству, что смещение железа получилось по длине окружности статора в нескольких местах и не было устранено. Таких аварий было несколько.

Вышинский. Выходит так: вы начали с того, что оставили в этом моторе какой-то железный предмет. В результате произошло смещение железа статора, т.е. статорного железа. Вслед за этим...?

Гусев. Вслед за этим пробой изоляции обмотки статора.

Вышинский. Какие это имело последствия?

Гусев. Выход из строя мотора на срок (я сейчас точно не помню) в 6, 7, 8 дней.

Вышинский. В результате оказалось, что мотор выбыл из строя на некоторое количество дней?

Гусев. Да.

Вышинский. Этот акт был первым актом вредительства, произведенного вами в этот период времени?

Гусев. Нет. По времени это не первый акт.

Вышинский. Значит ему предшествовали еще какие-то?

Гусев. Да.

Вышинский. Почему же вы начали с него?

Гусев. Я думал, что вы поставили вопрос так, чтобы я сказал об этой аварии, произведенной мною именно с крупносортным станом.

Вышинский. А ей предшествовал еще ряд аварий?

Гусев. Да, ряд аварий на электростанции.

Вышинский. Какого характера?

Гусев. В период зимы 1931-1932 г. – замораживание котла № 8 на электростанции, вывод из строя углеподачи, то же на электростанции и наконец (это нельзя отнести к определенному времени – это длительное время) задержка монтажа котла № 11 и задержка переделки котлов Стерлинга №№ 1 и 2.

Вышинский. Значит мы можем сосчитать сейчас уже целый ряд этих вредительских актов. Если я начну с конца, то это котел Стерлинга №№ 1, 2 – раз, затем сознательная задержка монтажа № 11 ЮМТ – два, вредительская сознательная умышленная разборка углеподачи – три. Дальше?

Гусев. Котел № 8.

Вышинский. Замораживание котла № 8 через незакрытие шиберов. Затем мотор 1 400 л.с. И еще после этого ряд других аварий, связанных с неправильным устройством вентиляции.

Гусев. Да, были еще аварии, которые вызваны и мной, и Соколовым.

Вышинский. Это уже больше специальность Соколова?

Гусев. Да, я поэтому и не остановился на этом.

Вышинский. Значит в этот период времени добрый десяток, умышленных аварий и порч был произведен на электростанции – правильно?

Гусев. Да, мною было произведено несколько аварий за этот период времени на электростанции и в прокатном цехе.

Вышинский. Так. Теперь скажите пожалуйста – эти аварии вы осуществляли не только единолично, как вы сказали, но: еще и Соколов – правильно?

Гусев. Да.

Вышинский (к председателю). Может быть мне будет разрешено задать один вопрос Соколову?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Соколов, вы это подтверждаете или нет?

Соколов. Да, подтверждаю.

Председатель. В части аварий?

Соколов. Да.

Вышинский. Теперь у меня вопрос Макдональду. Вы подтверждаете показания Гусева в этой части?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский (Гусеву). Подсудимый Гусев, вы это делали как враг советской власти, как враг социалистического строительства, или же вы это делали из материальных побуждений, или и тех и других вместе?

Гусев. Так как я получал деньги за совершенные аварии, то из этого следует, что я не делал это из чисто идейных побуждений. Но я должен признаться, что основное – это мои убеждения.

Вышинский. А не основное?

Гусев. Это материальная сторона.

Вышинский. Это в виде платного приложения к вашим убеждениям или как?

Гусев. Эта формулировка не меняет существа дела.

Вышинский. Мне важно знать – деньги тут играли роль или нет, участвовали в этом деле деньги или нет, взятки вам платили за это или нет?

Гусев. Платили.

Вышинский. От кого вы получали деньги?

Гусев. От инженера Макдональда.

Вышинский. Сколько вы получали?

Гусев. За весь период времени, который я был связан с ним, я получил в разное время вознаграждение около 3 000 рублей.

Вышинский. В разное время?

Гусев. Да.

Вышинский. Соколов получал через вас или непосредственно, получал ли он вообще?

Гусев. Я не знаю, получал ли он деньги кроме полученных от меня. Я могу только сказать о том, что он получил один раз деньги через меня.

Вышинский. Из суммы, которую вы получили от кого?

Гусев. От инженера Макдональда.

Вышинский. Передавая вам эти деньги, Макдональд чем объяснял эту передачу?

Гусев. С самого начала, когда я получил предложение заняться этой работой, мне было сказано о том, что эта работа будет и оплачиваться. И потом эти деньги я получал именно как оплату лично меня и тех людей, которые участвовали в этой работе.

Вышинский. Сколько вы получали по должности начальника станций?

Гусев. В какое время?

Вышинский. В этот период.

Гусев. Я затрудняюсь вспомнить.

Вышинский. Меня интересует, имела ли значение для вас материальная выгода или это было между прочим?

Гусев. В момент ареста я получал 800 руб., а в то время, 500-600 рублей. Я человек не семейный, поэтому материальная сторона особой роли не играла для меня.

Вышинский. Макдональд, передавая эти деньги, что говорил?

Гусев. Он говорил, что это деньги для меня и для оплаты тех людей, которые участвуют в проведении работы.

Вышинский. Подсудимый Макдональд, в этой части подтверждаете вы показания Гусева или нет?

Макдональд. Я ему дал деньги.

Вышинский, Сколько?

Макдональд. Около двух с половиной тысяч рублей.

Вышинский. Откуда получили?

Макдональд. От фирмы. От московской конторы.

Вышинский. От кого персонально?

Макдональд. Через главного инженера Торнтон.

Вышинский. Пойдем дальше. Расскажите, как произошла у вас авария с углеподачей?

Гусев. Вывод из строя углеподачи был намечен планом по срыву энергоснабжения. Проведен он следующим образом. Первоначально мною несколько раз производилась неправильная установка мотора, приводящего в действие ковшевой элеватор и транспортер ленточный. В результате этой неправильной установки фундамент был разбит.

Потом я положил металлический предмет в зубчатую цилиндрическую передачу. Благодаря этому фундамент был разрушен.

Вышинский. Фундамент или передача?

Гусев. И фундамент и передача.

Вышинский. Для чего это нужно было вам сделать?

Гусев. Я уже сказал, что вывод углеподачи из строя не обеспечивал питание котельной углем, следовательно влек за собой срыв энергоснабжения Златоустовских заводов. Это наиболее удобный способ в смысле быстроты действия.

Вышинский. И простоты?

Гусев. И простоты.

Вышинский. И быстроты и простоты. Скажите, когда вы остановились на этом, у вас не было опасений, что вам удастся так просто и гладко провести разрушение углеподачи?

Гусев. Конечно были и опасения, были и колебания.

Вышинский. Чем вызванные?

Гусев. Вызванные тем, что вся эта деятельность могла быть обнаружена.

Вышинский. Сравнительно легко?

Мартенс. Опишите, как вы это проделали?

Гусев. Установка находится вверху на бункерах. Моторист, который обслуживает – он обслуживает два мотора – вверху и внизу, внизу на дробилке и вверху тот мотор, который я вывел из строя. Когда у этого мотора не было никого, когда он спустился вниз, в этот момент я заложил в него кусок металла, отрезок круглого железа.

Вышинский. Что же дальше, вы испортили фундамент и передачу, а затем?

Гусев. Затем я дал распоряжение разобрать механизм углеподачи, а сам заводоуправлению доложил, что эта углеподача работать не может и что нужна капитальная переделка всего механизма. Я доказал это заводоуправлению и получил разрешение на переделку.

Вышинский. Чем вызвано это действие – обращаться к заводоуправлению, получать разрешение и прочее?

Гусев. Это вызвано теми же мотивами, т.е. я хотел, чтобы эта углеподача была выведена на достаточно длительный срок.

Вышинский. Хорошо, но ведь вы же начальник электростанции, у кого же вы испрашивали разрешение?

Гусев. Я не имел самостоятельного права на разбор углеподачи и на переконструирование, так как это связано с расходом средств для переделки.

Вышинский. Что же в конце концов случилось с этой углеподачей?

Гусев. Она была разобрана. Я заказал проект переделки и сейчас не могу сказать о ней точно, потому, что до моего ареста углеподача была разобрана.

Вышинский. Первая разборка когда произошла?

Гусев. Это было в декабре 1931 года.

Вышинский. Когда вас арестовали?

Гусев. В ночь на 25 января 1933 года.

Вышинский. То есть с декабря 1931 г. по январь 1933 г. эта углеподача находилась в разобранном виде?

Гусев. В разобранном виде.

Вышинский. Что же вам не удавалось собрать ее по непреодолимым техническим трудностям или по другим обстоятельствам?

Гусев. Я уже сказал, это был вредительский акт, совершенный мною.

Вышинский. Я понял так, что сначала вы разрушили фундамент, затем подачу, прицепились к этому и начали перестраивать углеподачу и всю ее разобрали, но ее не перестроили и затагнули это на 2 года. Значит у вас не один вредительский акт, а целая серия. Сначала разрушение фундамента, затем сознательно вредительское предложение переделать углеподачу, затем разбор углеподачи и наконец оставление ее в разобранном виде в течение 2 лет. Так я понимаю?

Гусев. Да, я сказал, что я вывел углеподачу из строя, и все остальное было моими сознательными действиями, направленными на то, чтобы разрушить.

Вышинский. Какое имела значение эта углеподача для вашего силового хозяйства?

Гусев. Без нормального питания углем, без достаточного питания невозможна нормальная работа электростанции.

Вышинский. Кроме этой углеподачи была на станции другая углеподача?

Гусев. Были две углеподачи.

Вышинский. Одна работала?

Гусев. Одна работала.

Вышинский. Другая разобрана?

Гусев. Да.

Вышинский. Какое же значение имел вывод одной углеподачи?

Гусев. Одной было недостаточно.

Вышинский. При разборе второй углеподачи у вас получалось недопитание электростанции. Так я понял?

Гусев. Котельная электростанции получала недостаточное количество угля.

Вышинский. Следовательно станция питалась слабее, чем нужно. До чего – до полной нагрузки или до нормальной?

Гусев. До нормальной.

Вышинский. А станция работала с полной нагрузкой?

Гусев. Не с полной.

Вышинский. Следовательно тем, что вывели вторую углеподачу, вы сразу снизили работу этой станции?

Гусев. Работала с неполной мощностью.

Вышинский. Таким образом, какое активное значение имела для судьбы этой вашей электростанции разборка второй углеподачи?

Гусев. Вторая часть совершенного мною вредительства заключалась в том, что по мобилизационному плану Златоустовский завод переходил полностью на питание энергией от электростанции, на которой я работал, и вот тогда электростанция не смогла бы давать то количество энергии, которое нужно.

Вышинский. Следовательно опять мы упираемся в тот же военный вопрос. Так я понимаю?

Гусев. Да.

Вышинский. Следовательно вы, разрушая вторую углеподачу, действовали в том направлении, чтобы ослабить производственные возможности для военных целей?

Гусев. Да.

Вышинский. И вы этим достигли цели?

Гусев. Достиг.

Вышинский. В этом заключался план?

Гусев. Да.

Вышинский. Вы этот план продумывали с Соколовым, или кто-нибудь еще участвовал в продумывании этого плана?

Гусев. Соколов участвовал в деталях выработки этого плана и некоторых частей этого плана. Затем план полностью я сообщил...

Вышинский. Кому?

Гусев. Инженеру Макдональду.

Вышинский. Инженер Макдональд обсуждал этот план?

Гусев. Обсуждал.

Вышинский. Следовательно этот план с был выработан и обсужден вами с Соколовым и Макдональдом?

Гусев. Первоначально этими тремя лицами.

Вышинский. Один вопрос к Макдональду. Обвиняемый Макдональд, вы подтверждаете или нет показания Гусева, о том, что план разборки углеподачи вам был известен?

Макдональд. Это не было известно.

Вышинский. С вами обсуждал Гусев?

Макдональд. Нет.

Вышинский. А вам сообщил об этом?

Макдональд. Я потом слышал об этом.

Вышинский. Потом вы об этом слышали?

Макдональдс. Да.

Вышинский. Когда?

Макдональд. Когда его встретил.

Вышинский. И вы были в курсе этого вопроса?

Макдональд. Это было для меня новостью.

Вышинский. Когда вы его встретили и он сообщил, то с этого времени вы были в курсе вопроса?

Макдональд. Да.

Вышинский. А до этого вы не знали?

Макдональд. Нет.

Вышинский. А Гусев утверждает, что вы знали. (К Гусеву.) Может быть вы припомните, где вы это обсуждали, при каких обстоятельствах?

Гусев. Этот план обсуждался несколько раз на квартире у Василия Васильевича Макдональда, затем у меня на квартире, и в дальнейшем этот план еще раз был обсужден при приезде инженера Торнтон в Златоуст. Так что весь этот план инженер Макдональд знал.

Вышинский. Весь этот план касался только углеподачи или еще чего-нибудь?

Гусев. Под планом я подразумеваю все планы аварий, т.е. углеподачу, котлы №№ 1 и 2, котел № 8, котел N 11 и мотор 1 400 л.с. в прокатном цехе, а в дальнейшем еще целый ряд [порчи] отдельного оборудования.

Вышинский. Вы утверждаете, что весь этот план во всем объеме был известен Макдональду?

Гусев. Да, я это утверждаю.

Вышинский. В отношении мотора в 1 400 л.с. Макдональд подтвердил, но в отношении углеподачи Макдональд говорит, что он об этом узнал лишь после того, как это было ему сообщено.

Гусев. Нет, он знал раньше.

Вышинский. Ну, хорошо, перейдем к другим авариям.

Гусев. Авария с котлом № 8 была произведена зимой 1931-1932 г., месяца я точно не помню – январь или декабрь. Котел был в очень холодное время оставлен с водой, и дымовой регистр на борове [(отводе дымовых газов)] не был закрыт. Холодный воздух попал внутрь котла. В результате были заморожены перегреватель и часть труб котла.

Вышинский. Что получилось в результате?

Гусев. В результате получился вывод котла из строя и длительный ремонт. Срок ремонта я точно не помню, но более 1½ месяцев.

Вышинский. Это тоже входило в ваш план?

Гусев. Да, я уже сказал.

Вышинский. Котлы Стерлинга №№ 1 и 2 и котел № 11 – что с ними было?

Гусев. Котлы №№ 1 и 2 переделывались на пылевидное топливо. Велась установка фирмой «Рема». Вот эта установка, благодаря тем мерам, которые я принимал, была затянута до 2-2½ лет.

Вышинский. На сколько затянулась?

Гусев. Весь процесс этой работы происходил около 2 лет.

Вышинский. Углеподачу восстанавливали и не восстановили – два года прошло. Котел Стерлинга не могли отремонтировать в течение 2 лет и котел № 11...?

Гусев. Это новый котел, монтаж его затянулся сроком до 2 лет.

Вышинский. Выходит, что все, за что вы ни возьметесь, затягивается на 2 года. Почему у вас был такой порядок или, вернее, беспорядок порядка 2 лет?

Гусев. На этот вопрос я затрудняюсь что-нибудь ответить, потому что я могу сказать, что это вызвано мною, но почему именно 2 года...

Вышинский. Может быть 2 года потому, что не удалось 3 года, и может быть удастся и 3 года, если там на месте остались ваши заместители? Вы затягивали умышленно, сознательно или это затягивалось по обстоятельствам, от вас не зависящим?

Гусев. Я уже сказал, что задержка монтажа котлов №№ 1 и 2, а также № 11 была предусмотрена в плане аварии так же, как котла № 8. Все это было вызвано мною.

Вышинский. Все это вы производили сознательно и планомерно по вашему плану, который вы тогда выработали?

Гусев. Да.

Вышинский. А другие аварии, вроде вывода из строя масляных выключателей? Это к вам имеет отношение? Это не ваша специальность?

Гусев. Я знаю, что такие аварии были. Знал о проведении этих аварии, но непосредственного участия в выполнении не принимал.

Вышинский. В план они входили?

Гусев. В план входили.

Вышинский. Кто их должен по плану выполнять?

Гусев. Должен был выполнять Соколов.

Вышинский. А перевыполнения этого плана не было у вас?

Гусев. Нужно спросить Соколова.

Вышинский. Спросим Соколова в свое время. Следовательно и масляные выключатели выводились из строя по вашему плану. Так?

Гусев. Да.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У тов. Рогинского есть вопросы?

Рогинский. Да. Вы отметили три линии вашей контрреволюционной вредительской работы. Во-первых, собирание сведений секретного характера. Так?

Гусев. Да.

Рогинский. Затем организация и совершение порчи машин?

Гусев. Да.

Рогинский. И наконец третья линия – это задержка монтажа различного оборудования с целью затянута расширение Златоустовской электростанции?

Гусев. Да.

Рогинский. Помимо этих линий, какие еще функции были возложены на вас, как на члена контрреволюционной вредительской группы на Златоустовской электростанции?

Гусев. Помимо этого я еще служил передаточным звеном между отдельными лицами, которые были связаны с Макдональдом.

Рогинский. Следовательно четвертая линия – это связь между отдельными членами контрреволюционной группы и, как вы утверждаете, Макдональдом?

Гусев. Да.

Рогинский. Вы можете назвать тех лиц, которые через вас сносились с Макдональдом?

Гусев. Инженер Витвицкий Николай Петрович.

Рогинский. Где работал этот инженер Витвицкий?

Гусев. Главный инженер Челябинской районной электростанции.

Рогинский. Еще кто?

Гусев. Соколов.

Рогинский. И Патрин. Вы помните такого?

Гусев. Да и Патрин.

Рогинский. Вот определенные лица, которые через вас имели связь с Макдональдом?

Гусев. Да.

Рогинский. Эта связь осуществлялась вами в тот период времени, когда Макдональд был еще в Златоусте, или же после отъезда Макдональда из Златоуста?

Гусев. Я служил связью после отъезда инженера Макдональда из Златоуста.

Рогинский. А до этого? С Патриным например?

Гусев. До этого я имел сношение с Соколовым.

Рогинский. А с Патриным?

Гусев. И с Патриным.

Рогинский. Из ваших ответов мы можем установить следующее: и в момент пребывания Макдональда в Златоусте и после отъезда Макдональда из Златоуста вы осуществляли еще и связь определенных лиц с Макдональдом по передаче ему писем от этих лиц.

Гусев. Да.

Рогинский. От Макдональда этим лицам вы что-нибудь передавали?

Гусев. От Макдональда я передавал Соколову деньги.

Рогинский. Соколову передавали деньги, а затем?

Гусев. Передавал деньги Витвицкому.

Рогинский. Передавали деньги Витвицкому. Этим ограничивались ваши взаимоотношения с Макдональдом по части связи?

Гусев. Потом я передавал и пересылал письма от инженера Витвицкого инженеру Макдональду.

Рогинский. Хорошо. Теперь скажите, в момент пребывания Макдональда в Златоусте кто-либо еще из инженеров конторы «Метро-Виккерс» в Златоуст приезжал?

Гусев. Приезжал инженер Торнтон.

Рогинский. Инженер Торнтон. Когда он приезжал?

Гусев. Он приезжал два раза.

Рогинский. Когда?

Гусев. Первый раз летом 1930 г в июне-июле месяце, точно не помню, а затем зимой в 1930-1931 г.

Рогинский. Летом 1930 г. и зимой 1931 г. К моменту его первого приезда в Златоуст; вы уже начали практически осуществлять свою контрреволюционную деятельность?

Гусев. В это время я собирал сведения по Златоустовским заводам.

Рогинский. Значит к моменту этого приезда Торнтон вы практически осуществляли шпионаж?

Гусев. Да.

Рогинский. А какого характера те сведения, которые вы к этому времени доставляли Макдональду?

Гусев. В этот период времени сведения касались и энергоснабжения и военных производств.

Рогинский. Значит к этому времени сведения были явно секретного характера, так?

Гусев. Да.

Рогинский. Они касались работы военных производств Златоустовских заводов?

Гусев. Да, правильно.

Рогинский. Имели ли вы беседы с приехавшим Торнтоном?

Гусев. Да, я с ним разговаривал.

Рогинский. Зачем он приезжал в Златоуст?

Гусев. Он приезжал для контроля монтажных работ.

Рогинский. Для контроля кого?

Гусев. Инженера Макдональда.

Рогинский. Ваши встречи с Торнтоном происходили в служебной обстановке или вне служебной обстановки?

Гусев. Они происходили только в служебной обстановке.

Рогинский. А ваши беседы с ним носили чисто служебный характер, или же они носили иной характер?

Гусев. Поскольку у нас были деловые взаимоотношения, то мы говорили и о деле.

Рогинский. О каком деле?

Гусев. О деле монтажа. Но уже в первый раз я был ему рекомендован инженером Макдональдом как их человек по шпионской работе.

Рогинский. Вы были рекомендованы инженером Макдональдом Торнтону как их человек по шпионажу, так?

Гусев. Да.

Рогинский. В какой обстановке эта рекомендация была произведена, где?

Гусев. Это было в моем служебном кабинете.

Рогинский. Кто там был в это время?

Гусев. Инженер Макдональд, Торнтон и я.

Рогинский. Значит вы были втроем?

Гусев. Да.

Рогинский. О чем сообщил Макдональд Торнтону?

Гусев. Он сказал, что это наш парень.

Рогинский. А затем?

Гусев. Мне перед этим он сказал, что сказал Торнтону, что я для него даю шпионские сведения.

Рогинский. Значит, когда мы имели эту беседу с Торнтоном, то к тому моменту Макдональд уже сообщил Торнтону о том, что вы являетесь «нашим парнем»?

Гусев. Да.

Рогинский. Вы лично Торнтону передавали в этот его приезд какие-нибудь сведения, помимо Макдональда?

Гусев. Не передавал.

Рогинский. Следовательно беседа ваша с Торнтоном в присутствии Макдональда ограничилась только тем, что вы были рекомендованы как человек, который действует в их интересах?

Гусев. Да.

Рогинский. А о характере вашей работы, о характере того, что делает «наш парень», был информирован Торнтон? Имели ли беседу с ним по этому поводу?

Гусев. Я сказал уже, что о моей работе по шпионажу ему сообщил Макдональд, и я подробного разговора в этот раз не имел с мистером Торнтоном. Подробный разговор имел в дальнейшем.

Рогинский. В этот приезд были только рекомендованы. Вторичная встреча с Торнтоном где произошла?

Гусев. Вторичная встреча произошла зимой 1930-1931 г.

Рогинский. Если первая была в июле 1930 г., то вторая?

Гусев. В январе или в феврале 1931 г.

Рогинский. Макдональд был к этому времени в Златоусте?

Гусев. Был.

Рогинский. Ваша практическая контрреволюционная деятельность к этому моменту в чем заключалась?

Гусев. В этот момент нами был выработан план аварий по Златоусту.

Рогинский. Значит к этому моменту вы уже от шпионажа начали переходить к непосредственной организации вредительских актов?

Гусев. Да.

Рогинский. Был намечен план этих вредительских актов и как раз к этому моменту приехал Торнтон?

Гусев. Да.

Рогинский. Торнтон уже знал к этому времени, что вы свой человек?

Гусев. Да, он знал.

Рогинский. Была у вас беседа с Торнтоном по поводу вашей работы, как своего человека?

Гусев. Да, во второй раз этот план был обсужден уже нами троими, т.е. мною, Торнтоном и Макдональдом.

Рогинский. Значит план этих актов был обсужден вами тремя: вы, Макдональд и Торнтон?

Гусев. Да.

Рогинский. Где происходило?

Гусев. На электростанции, в моем служебном кабинете.

Рогинский. Правильно ли будет, что вообще все встречи во время приезда Торнтон происходили только в вашем служебном кабинете, вне служебного кабинета вы не встречались с ним?

Гусев. Я был предупрежден инженером Макдональдом, что мои встречи с Торнтоном вне служебной обстановки неудобны.

Рогинский. При просмотре плана перехода к диверсионным актам Торнтон сделал какие-либо замечания к этому плану? Указал ли какое-либо направление диверсионных актов или одобрил те мероприятия, какие были вами выработаны?

Гусев. В основном мистер Торнтон обдумал этот план и сделал свое замечание, касающееся работы Челябинской электростанции, так как, я уже сказал, Златоустовский металлургический завод частично перешел на питание энергией от Челябинской станции, и этот момент нас смущал.

Рогинский. В смысле действия?

Гусев. В смысле действия. Мистер Торнтон сказал, что план должен быть проведен, что этот момент работы Челябгрэса не должен смущать, так как Челябгрэс находится под их влиянием.

Рогинский. Под их влиянием? Значит помимо обсуждения самого плана и тех диверсионных актов, которые были вами переданы, Торнтон дал вам понять, что на Челябингрэсе находятся люди, находящиеся под их влиянием?

Гусев. Я не могу сказать, что он думал, но я понял так, что там что-то есть, что работа на Челябингрэсе ненадежна.

Рогинский. А впоследствии вы, как человек, практически осуществляющий условленный план, практически связались с теми лицами, которые на Челябинской электростанции осуществляли те же задания, какие вы осуществляли на Златоустовской электростанции?

Гусев. Я был связан с Витвицким по передаче сведений, а конкретных данных о вредительстве я не знал.

Рогинский. А во время беседы с Витвицким он указывал на то, с кем он связан, как он вступил или организовал контрреволюционную группу?

Гусев. В одной из встреч с Витвицким он сказал, что по предложению мистера Торнтона он обещал давать ему сведения в части работы Челябингрэс.

Рогинский. Помимо плана совершения диверсионных актов, были ли у вас еще задания от Торнтона в его этот приезд в Златоуст?

Гусев. В этот приезд был утвержден этот план. Затем на его вопрос о роли Златоустовской электростанции во время войны я ему сообщил то, что я знал в части мобилизационного плана по энергоснабжению Златоустовских заводов.

Рогинский. Значит вы давали сведения и относительно мобилизационного плана по энергоснабжению Златоустовской станции на случаи войны?

Гусев. Да.

Рогинский. Значит план диверсионных актов, мобилизационный план металлургического Златоустовского завода на случай войны и вообще вопрос, как построить вашу контрреволюционную деятельность на случай войны, занимал известное место в разработке этого плана или программы в то время, или этот вопрос был поднят впоследствии?

Гусев. Этот вопрос был поднят уже тогда.

Рогинский. К чему сводился план?

Гусев. Сводился к тому, что по мобилизационному плану мощность, необходимая для нормальной работы Златоустовских заводов, была 12 000 киловатт, а по этому плану мощность электростанции должна была быть сниженной до 6-6½, максимум 7 000 киловатт. Таким образом этот план уже предусматривал срыв энергоснабжения металлургического завода во время войны.

Рогинский. Диверсионные акты, о которых вы уже сообщали на вопросы тов. Вышинского, следовательно были направлены к тому, чтобы держать в таком пониженном состоянии мощность электростанции, о которой вы говорите?

Гусев. В результате всех аварий, которые были проведены по электростанции фактически при установленной мощности турбогенератора в 12 000 киловатт, мощность была сведена до максимальной мощности в 7 000 киловатт, это было в тот момент, когда я был арестован.

Рогинский. Значит вы своими вредительскими актами достигли того положения вещей, когда мощность электростанции была снижена почти наполовину?

Гусев. Это так.

Рогинский. Когда Макдональд уехал из Златоуста?

Гусев. Он уехал во второй половине апреля 1931 г.

Рогинский. Отъезд Макдональда из Златоуста прервал ваши с ним взаимоотношения, или связь была закреплена?

Гусев. Моя связь с инженером Макдональдом по отъезде его из Златоуста не прекратилась.

Рогинский. Как она поддерживалась?

Гусев. Она поддерживалась несколькими способами: через некую Рябову, затем я послал письма почтой в адрес этой же Рябовой, затем мною были использованы поездки сыновей Рябовых и затем моей личной поездкой на Зуевскую электростанцию.

Рогинский. Значит после отъезда Макдональда связь поддерживалась следующими путями: Рябовой, сыновьями Рябовыми и вашим личным посещением Макдональда в Зуевке?

Гусев. Да.

Рогинский. До выезда Макдональда в Зуевку вы с ним связь поддерживали, или она была прервана и восстановлена после приезда Макдональда на Зуевку?

Гусев. В сентябре 1931 г. я получил от него письмо.

Рогинский. Откуда?

Гусев. Я сейчас не помню – откуда.

Рогинский. Он в это время находился в пределах СССР или вне пределов?

Гусев. В пределах Союза.

Рогинский. Помимо этого письма были какие-нибудь извещения от Макдональда потом?

Гусев. Затем примерно в августе месяце 1931 г. я получил посылку.

Рогинский. От кого?

Гусев. На посылке была помечена отправителем Иванова, но посылка содержала письмо от инженера Макдональда.

Рогинский. Значит отправителем была помечена некая Иванова, а письмо в посылке было от Макдональда?

Гусев. Да.

Рогинский. Перед отъездом из Златоуста у вас с Макдональдом было обусловлено о том, что до своего приезда на Зуевку он так или иначе будет поддерживать с вами связь или это шло случайно?

Гусев. Когда он уезжал из Златоуста, основной способ передачи был обусловлен через Рябову. Затем он говорил, что если я хочу его найти, я могу обратиться в контору.

Рогинский. В Москве?

Гусев. Да. Затем он мне давал один адрес, но сейчас этот адрес я не помню, и раньше, когда я хотел им воспользоваться, я его не нашел.

Рогинский. Значит дал адрес, который вы не помните, и второй адрес – контору. Указал он конкретно, к кому вы можете обратиться в конторе?

Гусев. Он сказал, что я могу обратиться к секретарю Кутузовой или к инженеру Монкгаузу.

Рогинский. Торнтон он не называл?

Гусев. Сейчас я не помню.

Рогинский. Вы получили посылку от Ивановой. Эта Иванова фактически существовала, или такой Ивановой не существовало?

Гусев. Я не могу этого сказать. Я получил от Ивановой, но ни того, ни другого адреса я сейчас не помню.

Рогинский. Еще один вопрос к подсудимой Кутузовой (к Кутузовой). Может быть вы нам разъясните, откуда появилась эта Иванова и что это за посылка, которую получил обвиняемый Гусев?

Кутузова. Осенью 1931 г. инженер Макдональд, просил меня послать посылку в Златоуст Гусеву и просил не указывать ни фамилии, ни фирмы, ни адреса фирмы – просил поставить Иванову, просил указать адрес – я хорошо не помню – не то Неглинный, не то Петровка, вымышленный адрес.

Рогинский. Вы так и сделали?

Кутузова. Да.

Рогинский. Это было сделано по просьбе инженера Макдональда?

Кутузова. Да.

Вышинский (к Гусеву). Подсудимый Гусев, сейчас, когда вы давали объяснение на вопросы Рогинского, вы указали, что была по слана посылка, которая, как оказалось, была отправлена от имени фиктивного лица. Это был единственный случай практики употребления фиктивных имен, или таких случаев в вашей практике было несколько?

Гусев. К такому способу я лично прибегал при посылке писем.

Вышинский. В чем он выражался?

Гусев. Я писал письма, предназначенные инженеру Макдональду, я писал их в адрес Рябовой и отправителем называл фамилию Мочалова. Я писал на имя Рябовой от Мочалова.

Вышинский. А Уткиным вы не подписывались, это фамилия не фигурировала?

Гусев. Так я подписывал письма.

Вышинский. Значит вы подписывались и Уткиным?

Гусев. Да.

Вышинский. Значит вы практиковали применение фиктивных имен – Мочалов, Уткин, Иванова и адрес несуществующий – Неглинный проезд?

Гусев. Да.

Вышинский. А в сведениях вы так и называли – снаряды, или может быть иначе. Вот выработано столько-то снарядов, такая-то недельная выработка.

Гусев. Конечно слово «снаряды» не употреблялось.

Вышинский. А какое слово?

Гусев. В одной из сводок было слово «консервы».

Вышинский. Значит вы писали – вырабатывают столько-то консервов?

Гусев. Да.

Вышинский. Члены вашей группы носили только свои собственные имена, или были конспиративные, клички?

Гусев. Часть лиц носила клички.

Вышинский. Например?

Гусев. Котельников носил кличку «Федор».

Вышинский. А его имя?

Гусев. Федор.

Вышинский. Значит это его имя, а не кличка. Федор Федором так и остается. Вот если бы Федот, то получилось бы «Федот, да не тот». А Рябинин как назывался?

Гусев. «Дерево».

Вышинский. А еще?

Гусев. Ряд кличек был.

Вышинский. Значит можно сказать, что в практике ваших сношений как с Макдональдом, так и Макдональда с вами, как с Кутузовой, так и обратно, и с прочими у вас фигурировали повсюду конспиративные клички, вымышленные адреса, имена и прозвища. Правильно я говорю?

Гусев. Да, это правильно.

Рогинский. Когда вы приехали в Зуевку, к Макдональду?

Гусев. В половине сентября 1932 г.

Рогинский. К этому времени какие вредительские акты вами уже были совершены?

Гусев. Те, о которых я говорил, т.е. котлы Стерлинга №№ 1 и 2.

Рогинский. Задержка монтажа котлов №N 1 и 2. А потом?

Гусев. Задержка монтажа котла № 11, вывод из строя котла № 8, вывод из строя углеподачи.

Рогинский. И авария с мотором 1 400 л.с.?

Гусев. Да.

Рогинский. Все эти акты к этому времени практически были уже проведены?

Гусев. Да. Они были проведены.

Рогинский. Почему вы поехали в Зуевку? Какая цель была этой поездки?

Гусев. Я получил приглашение от инженера Макдональда, чтобы я приехал к нему для разговоров по делам.

Рогинский. О каких делах могла идти речь в том вызове?

Гусев. Тогда между нами было только одно дело.

Рогинский. Какое?

Гусев. Дело по проведению аварий на Златоустовских заводах.

Рогинский. Дело о вашей работе как членов контрреволюционной вредительской группы. Так?

Гусев. Да.

Рогинский. До своей поездки в сентябре 1932 г. использовалась та связь, которая была у вас через Рябову, сыновей Рябовой для того, чтобы сообщать Макдональду о вредительских актах. Или же Макдональд этого не знал?

Гусев. Он не знал точно и детально. Я опасался писать в письмах об этом. Но не прямо я говорил, что работа идет.

Рогинский. В завуалированной форме вы сообщали ему. Но о том, когда и конкретно какие машины выведены из строя – об этом Макдональд не знал?

Гусев. Не знал.

Рогинский. До вашего приезда?

Гусев. Да.

Рогинский. Вы в Зуевку поехали через Москву или другой путь избрали?

Гусев. Я ехал через Москву.

Рогинский. Сколько дней вы пробыли в Зуевке?

Гусев. В Зуевке я пробыл 4 дня, может быть 5 – точно не помню.

Рогинский. Информировали Макдональда?

Гусев. Да. Я сделал подробное сообщение о всех авариях, которые я провел и которые провела наша группа. Сообщил также о положении, которое создалось в результате этих аварий.

Рогинский. Значит в этот ваш приезд в Зуевку вы Макдональду сделали подробную информацию о результатах действия той вредительской группы, которая была организована на Златоустовской электростанции. Сообщили об углеподаче, о моторах и котлах?

Гусев. Да.

Рогинский. Вопрос Макдональду. Вы подтверждаете эти показания Гусева о его приезде к вам в Зуевку и о подробной информации вас о той вредительской работе, которую он проделал на Златоустовской электростанции?

Макдональд. Да, он сказал, что были такие аварии.

Рогинский. Он сообщил вам, что были аварии с углеподачей, что была задержка в монтаже котлов?

Макдональд. Только насчет аварий.

Рогинский. А вы подтверждаете, что вы сами специальным письмом вызвали его в Зуевку?

Макдональд. Не по этому делу.

Рогинский. По какому делу?

Макдональд. Я хотел его видеть.

Рогинский. Для чего, по какому вопросу?

Макдональд. Ни по какому определенному вопросу.

Рогинский. А вы слышали, что Гусев показал, что он поехал для того, чтобы информировать о контрреволюционной работе, которую он проделал в Златоусте? Правильно он показывает?

Макдональд. Нет, он не получал такого приглашения от меня.

Рогинский. Но когда он приехал, вас об этом информировал?

Макдональд. Да.

Рогинский. Больше вопросов к Макдональду нет.

Председатель. Объявляю перерыв на 20 минут.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь, пожалуйста. У прокуратуры еще есть вопросы. Подсудимый Гусев, пожалуйста сюда.

Рогинский. При вашем отъезде из Зуевки вы встретились с кем-либо еще из представителей конторы «Метрополитен-Виккерс», помимо Макдональда?

Гусев. Да, в момент отъезда из Зуевки я встретился с мистером Торнтоном на вокзале станции Харцызск.

Рогинский. Эта встреча была в момент вашего отъезда, или после того вы оставались в Зуевке?

Гусев. В момент отъезда. В тот момент, когда я ехал на вокзал к поезду.

Рогинский. Вы имели беседу с Торнтоном?

Гусев. Да, я разговаривал с мистером Торнтоном в этот раз в ресторане при вокзале.

Рогинский. Длительная беседа была?

Гусев. Нет, краткая, минут 20-30.

Рогинский. В чем заключалась эта беседа?

Гусев. Я кратко сообщил мистеру Торнтону о положении в Златоусте, т.е. о тех авариях, которые были, и потом ответил на его вопросы в отношении работы, которая была проделана на Златоустовских заводах.

Рогинский. Более конкретно, что вы сообщили Торнтону об авариях, которые были произведены на Златоустовской электростанции?

Гусев. Я сказал о всех авариях и о моторе 1 400 л.с., о порче и переделке котлов.

Рогинский. Кто присутствовал при этой беседе с Торнтоном?

Гусев. Мистер Макдональд.

Рогинский. Еще кто?

Гусев. В это же время в ресторане, но только за другим столом сидел инженер, не знаю его фамилии, тоже фирмы «Метрополитен-Виккерс», который приехал из Макеевки, но его не было при этой беседе.

Рогинский. Были вы трое: вы, Торнтон и Макдональд?

Гусев. Да.

Рогинский. Куда вы уехали после этого?

Гусев. В Златоуст.

Рогинский. Через Москву?

Гусев. Да.

Рогинский. Какие-либо поручения в Москву от Макдональда имели?

Гусев. Я получил от него записку к мистеру Монкгаузу, с которой я должен был пойти в их представительство в Москве.

Рогинский. Что это за записка была? Вы ее читали?

Гусев. Нет, не читал. Записка была написана на английском языке, а я английского языка не знаю.

Рогинский. А на словах не было вам сообщено Макдональдом, зачем вы должны зайти в контору и по какому вопросу повидаться с Монкгаузом?

Гусев. Нет, я не знал этого.

Рогинский. Можно мне задать один вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, вы подтверждаете показания Гусева о его встрече с вами на станции Харцызск?

Торнтон. Подтверждаю.

Рогинский. Эта встреча имела место?

Торнтон. Имела место.

Рогинский. Вы подтверждаете о двукратной встрече с вами в Златоусте?

Торнтон. Подтверждаю.

Рогинский. Значит ваши показания в этой части, в части встречи с Гусевым правильны?

Торнтон. Правильны.

Рогинский. У меня больше вопросов к Торнтону нет. Подсудимый Гусев, ваш отъезд из Харцызска в Златоуст был связан с какими-нибудь новыми заданиями или поручениями по вопросу о вашей вредительской работе?

Гусев. Я должен был принять меры, чтобы мощность, электростанции оставалась той, которая была достигнута в результате нашей вредительской деятельности, т.е. половинная мощность нормальной, а затем в случае военных осложнений, войны, вызывать аварии в части электростанций и в части заводского оборудования, которое бы вело к срыву производства Златоустовских заводов в части выпуска высококачественных сталей, а также выпуска снарядов.

Рогинский. Значит задание было такое – держать мощность станции в половинном размере ее действительной мощности и подготовить целый ряд серьезнейших диверсионных актов на случай войны, так?

Гусев. Так.

Рогинский. У меня нет больше вопросов.

Вышинский. У меня есть вопрос к подсудимому Гусеву. Обвиняемый Гусев, меня интересует следующий вопрос. Во-первых, вы указали на то, что сведения, доставляемые вами о Златоустовском заводе, передавались Макдональду. Так ли это?

Гусев. Да, я говорил.

Вышинский. Было ли известно Торнтону, что вы передаете сведения Макдональду?

Гусев. Я уже сказал, что в первый приезд мистер Торнтон знал о том, что я занимался шпионажем по поручению мистера Макдональда.

Вышинский. Так что Торнтон знал об этом в первый приезд?

Гусев. Знал.

Вышинский. Разрешите задать вопрос Торнтону. Подсудимый Торнтон, вы подтверждаете показания Гусева в этой части?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Следовательно вам не было известно, что Гусев передавал сведения Макдональду?

Торнтон. Разрешите спросить: эти сведения об авариях?

Вышинский. Нет, шпионские сведения.

Торнтон. Шпионские сведения – нет, а сведения по общему состоянию станции – да, насколько это интересует фирму.

Вышинский. Мы не говорим, насколько это интересовало фирму, мы говорим, насколько это интересовало вас. Ведь вы и фирма – не одно и то же. Я спрашиваю – известно ли вам было, что Гусев находился в такой связи с Макдональдом, вследствие которой, он, Гусев, передавал сведения того характера, о котором он говорил, называя их шпионскими, Макдональду. Вы мой вопрос понимаете?

Торнтон. Я слово «шпионские» не подтверждаю.

Вышинский. Исключим пока это слово. Обвиняемый Торнтон, правильно ли показание Гусева о том, что вам, Торнтону, было известно, что Гусев передавал Макдональду сведения по Златоусту?

Торнтон. Да.

Вышинский. Следовательно правильны или нет были ваши показания на очной ставке с Гусевым 15 марта? Вы помните эту очную ставку, или может быть вам ее напомнить?

Торнтон. Прошу напомнить.

Вышинский. Напомню: «Лист дела 71, том 18, вопрос к Торнтону: в ваших показаниях от 12 марта вы указали, что инженер Гусев с электростанции Златоустовского завода был связан с Макдональдом, который передавал для вас регулярно в течение ряда лет подробную информацию о состоянии Златоустовского района, о техническом состоянии электростанции и силовой установки. Подтверждаете ли это? Ответ – да. Макдональд передавал мне эти сведения, полученные им от Гусева».

Это вы подтверждаете?

Торнтон. Это подтверждаю.

Вышинский. Значит можно сказать, что в этой части протокол от 15 марта очной ставки с Гусевым вы подтверждаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. Второй вопрос: вам известно, что Гусев был не в случайной связи с Макдональдом, а что он был в постоянной связи, постоянно и систематически снабжал его различными сведениями?

Торнтон. Я этого не знал.

Вышинский. Тогда может быть вам напомнить то, что вы говорили на очной ставке?

Торнтон. Пожалуйста.

Председатель. Той же очной ставки?

Вышинский. Да. «Лист 71, том 18. Признаете ли вы, что инженер Гусев в Златоустовском районе был агентом и вашим и Макдональда, как вы это указывали в ваших показаниях. Ваш ответ: «Да, полагаю, что это так». Это вы подтверждаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Почему вы это говорили?

Торнтон. Я не говорю, что меня заставили говорить.

Вышинский. Позвольте тогда так спросить: это вы говорили?

Торнтон. Говорил.

Вышинский. Значит то, что записано в протоколе, есть то, что вы говорили?

Торнтон. Да, я так говорил.

Вышинский. Вы говорили правду или неправду?

Торнтон. В данном случае неправду.

Вышинский. Вы вообще говорите правду или неправду?

Торнтон. В данном случае говорил неправду – я был взволнован.

Вышинский. Значит, когда вы взволнованы, вы говорите неправду?

Торнтон. Да.

Вышинский. Сейчас вы не взволнованы?

Торнтон. Не взволнован.

Вышинский. Значит вы сейчас говорите правду?

Торнтон. Сейчас говорю правду.

Вышинский. Почему вы однако написали так, а не иначе. Вы сказали: «полагаю, что это так». Вы не утверждали, а полагали. Я спрашиваю, почему вы, будучи взволнованы, полагали именно это, а не что-нибудь другое? Вас заставляли?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Вы добровольно это сказали?

Торнтон. Добровольно.

Вышинский. Может быть к вам применяли особые методы?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Мучили вас?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Третья степень?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Я больше вопросов не имею.

Председатель. Есть ли у прокуратуры еще вопросы к подсудимому Гусеву?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Есть ли к подсудимому Гусеву вопросы у защиты?

Казначеев (к Гусеву). Вы рассказывали о вашей контрреволюционной деятельности на протяжении довольно долгого промежутка времени. Скажите пожалуйста, были ли такие моменты, когда вы хотели отойти от этой контрреволюционной работы, прекратить ее, или таких моментов не было?

Гусев. Такой момент был в 1932 г., в то время, когда я был в Зуевке, делал сообщения об авариях и получил задание от Макдональда, подтвержденное мистером Торнтоном, продолжать работу дальше. Когда я увидел, что на этом пути я захожу все дальше и дальше, тогда у меня было желание выйти из этого дела. Поэтому с той запиской, которая мне была дана, я не поехал в представительство «Виккерс» в Москве и не передал этой записки Монкгаузу, а поехал прямо в Златоуст.

Казначеев. Почему у вас появилось желание выйти – под влиянием страха провала или других моментов и если других моментов, то каких?

Гусев. Основной момент был в том, что я видел, что тот путь, на который я вступил, тот путь, на котором я работал, что он неправилен.

Казначеев. Вам все же не удалось отойти от работы?

Гусев. Я не нашел выхода из того положения, в котором я был, так как моя связь настолько далеко зашла, что, на мой взгляд, мне казалось, что у меня нет никакого выхода.

Казначеев. У вас не было ли каких-либо разговоров с Макдональдом или с кем-нибудь другим о вашем желании от этой работы отойти, не замечал ли кто-нибудь из них каких-либо колебаний с вашей стороны? Вы этого не припоминаете?

Гусев. Такой момент был в Зуевке.

Казначеев. Что там было?

Гусев. В Зуевке был разговор об опасности этой работы. В частности был разговор в Зуевке о том, что меня весной 1932 г. вызывали в Златоустовское отделение ГПУ по поводу одной аварии. Этот случай был передан мистеру Макдональду Рябовым в его приезд. Когда я приехал, Макдональд спросил, так ли это было. Я сказал, что это имело место. Тут он стал говорить о том, что это очень опасно, что надо быть чрезвычайно осторожным, что в случае провала надо отрицать всякую связь с ним, и в этот же раз он говорил о том, что он может устроить, в случае нужды, мой побег за границу.

Председатель. Вообще за границу или в определенную страну?

Гусев. Вообще за границу.

Казначеев. Не было ли когда-нибудь таких случаев, чтобы Макдональд или кто-нибудь другой угрожали вам тем, что вас нарочно провалят.

Гусев. Такой случай также имел место.

Казначеев. Расскажите о нем.

Гусев. Это было в тот момент, когда мне было предложено перейти к совершению аварий. Я колебался некоторое время. Это не была прямая угроза провала, но в виде примера было рассказано, как это может быть. Так как я занимался шпионажем для них, то они как иностранные подданные в случае провала не подлежали, по их мнению, ответственности, а я как советский гражданин подлежал строгой ответственности.

Казначеев. Приведение такого примера, если нельзя было расценивать как прямую угрозу, нельзя ли было расценивать это как желание оказать психологическое давление?

Гусев. Я так и квалифицировал этот разговор.

Казначеев. Вы расценивали это именно таким образом?

Гусев. Да.

Казначеев. А иначе нельзя было расценивать?

Гусев. Да.

Казначеев. Некоторое время тому назад вы рассказывали о своих политических убеждениях и взглядах, о своих враждебных настроениях советской власти. Что в данный момент, на сегодняшний день, ваши убеждения и взгляды изменились или остались теми же?

Вышинский. Что значит на сегодняшний день – на 12 апреля?

Казначеев. Нет, не на 12 апреля, а на последний промежуток времени.

Гусев. Да, мои взгляды изменились.

Казначеев. Как бы вы охарактеризовали эту перемену? Что вы по поводу этой перемены могли бы сказать?

Гусев. Я сейчас прекрасно представляю всю величину тех преступлений, которые мною сделаны, признаю, что это были действия неправильные.

Председатель. Только неправильные?

Гусев. Преступные.

Казначеев. Мне хотелось бы услышать из ваших уст более исчерпывающую оценку всего того, что вами совершено. Как субъективно вы это оцениваете. Вы могли бы это сформулировать?

Гусев. То есть то, что я сделал?

Казначеев. Да. Вы могли бы сказать, как лично вы расцениваете перемену в своих убеждениях?

Гусев. Я могу сформулировать это таким образом: я человек, который получил образование при советской власти. Вместо того, чтобы употребить все свои знания на полезное общее дело, я занимался шпионажем, занимался вредительством, подрывая государственную промышленность. Путем тех аварий, которые я проводил, я подрывал военную мощь Советского союза. Все это конечно преступления колоссальной величины, преступления, которые безусловно для гражданина СССР являются недопустимыми. Сейчас я признаю свою вину. Говорю здесь обо всем, что я сделал, не скрывая.

Казначеев. Вы считаете ваше признание, как вы формулируете – раскаяние, искренним?

Гусев. У меня сейчас такое состояние, что я уже сказал, что этот перелом начался раньше. В момент, когда я был арестован, и когда мне были предъявлены уличающие меня обстоятельства, я не стал скрывать свои преступления и на следствии рассказал все, как было дело.

В дальнейшем я могу только сказать, что если мне будет сохранена жизнь, если это возможно, то вся остальная жизнь будет употреблена на то, чтобы загладить свою вину, исправить все преступления, которые я сделал.

Казначеев. Разрешите попросить вас уточнить один момент из области вашей биографии. Отвечая на вопрос прокурора, вы сказали, что ваш отец был железнодорожным служащим. Каково было его имущественное положение?

Гусев. Отец был совершенно неимущий.

Казначеев. Почему вы, исходя из неимущей семьи, пришли к этому, под влиянием каких фактов сложились ваши контрреволюционные воззрения и убеждения?

Гусев. Я объясняю это влиянием среды, в которой, я вращался в период 1916-1917 г. и все остальное время.

Казначеев. То есть вы объясняете это влиянием среды за все годы вашей сознательной жизни. А какова была среда, в которой вы вращались?

Гусев. Первоначально, когда я поступил добровольцем в белую армию, это была среда, состоящая из сыновей купцов, заводчиков, а в дальнейшем после окончания института, когда я работал на электростанции, я, как уже говорил, вращался в кругу антисоветской части инженеров и техников. Часть этих инженеров впоследствии была осуждена за вредительство. Вообще я вращался в среде антисоветской части инженеров.

Казначеев. Я понимаю. Но к моменту, когда вы пошли добровольно в белую армию, у вас очевидно какие-то убеждения уже сложились? В какой же среде вам приходилось находиться до этого добровольного ухода в белую армию?

Гусев. Когда я учился и ушел добровольцем, я находился в среде сыновей купцов и заводчиков.

Казначеев. Последний вопрос – вы сказали, что кончили высший Практический институт. Это высшее учебное заведение?

Гусев. Да.

Председатель. Имеются ли вопросы у других защитников?

Смирнов. Скажите мне вот что, обвиняемый. Макдональд уехал из Златоуста в апреле 1931 г. – чем был вызван его отъезд из Златоуста? Вы не знаете?

Гусев. Окончанием его работы.

Смирнов. Скажите, остались ли после отъезда Макдональда какие-нибудь английские монтеры на Златоусте?

Гусев. Нет.

Смирнов. Никто не остался. Значит после отъезда Макдональда в Златоусте не осталось ни одного английского инженера?

Гусев. Нет.

Смирнов. Скажите пожалуйста, когда была первая авария, хотя бы с мотором в 1 400 лш. сил?

Гусев. В апреле 1932 г.

Смирнов. Это была первая авария хронологически?

Гусев. Да.

Смирнов. Вторая в мае, третья в июне 1932 г.?

Гусев. Совершенно верно.

Смирнов. Затем авария с котлом № 8 произошла зимой 1932 г., т. е. еще позднее?

Гусев. Да.

Смирнов. И наконец разбор резервной углеподачи, когда имел место?

Гусев. В декабре 1932 г.

Смирнов. Следовательно все эти аварии имели место после отъезда Макдональда из Златоуста и приблизительно спустя около года?

Гусев. Да.

Смирнов. Скажите, чем вы объясняете то, что все эти вредительства совершались тогда, когда Макдональд не находился на заводе?

Гусев. Это совершенно понятно. Я получил указания от мистера Торнтона и от Макдональда о том, что все аварии, которые намечены, должны быть проведены безусловно в их отсутствие.

Смирнов. Значит вы получили от мистера Торнтона и Макдональда указания, что все аварии должны быть проведены в их отсутствие? Скажите, этот мотор в 1 400 лш. сил какой фирмы?

Гусев. Насколько я помню, русского общества «Сименс Шуккерт».

Смирнов. Это общество действовало в дореволюционную эпоху?

Гусев. Да.

Смирнов. Следовательно этот мотор был поставлен на завод до 1917 г.?

Гусев. Он был пущен в работу, если мне память не изменяет, в 1923 г.

Смирнов. Значит с 1917 до 1923 г. он просто стоял?

Гусев. Не могу этого сказать. Я в то время не работал на заводе. Я поступил на завод в 1922 г. и ничего не могу сказать относительно этого.

Смирнов. Какой приблизительно изношенности был этот мотор к 1931 году?

Гусев. Я боюсь сказать. Этот вопрос надо задать Экспертной комиссии.

Смирнов. Ведь вы инженер? Какое ваше личное мнение?

Гусев. Во всяком случае я должен сказать, что мотор был работоспособный, что эти аварии, которые произошли, они были вызваны мною.

Смирнов. Я это понимаю, но может быть он был старой конструкции, устаревший и в достаточной степени изношенный, или нет?

Гусев. Мотор не новый, но мотор вполне работоспособный. Если вы хотите уточнить, я не берусь этого делать. Могу примерно сказать. Если мотор этот был пущен в работу в 1923 г., работал он до 1932 г. – 8 лет, если считать срок службы работы 25 лет, то третью часть он проработал. Износ его определялся 30%.

Смирнов. Скажите, кто был старший инженер Златоустовского завода в то время, когда приехал Макдональд?

Гусев. Я вам сейчас боюсь точно сказать и вот по какому обстоятельству, что в тот период времени у нас очень часто менялись главные инженеры. За время пребывания Макдональда был Попов, одно время был Титоровский.

Смирнов. Меня эта фамилия интересует. Не знаете ли вы, не имел ли Макдональд вскоре после приезда на завод разговора с Титоровским, с старшим инженером о том, что следовало бы переменить этот мотор и следовательно сделать заказ на мотор фирмы «Метро-Виккерс»?

Гусев. Об этом разговоре мне неизвестно.

Смирнов. Позвольте спросить вот о чем: когда, приблизительно в какой период времени, а может быть вспомните точно, когда, сколько раз вам передавал Макдональд деньги и приблизительно какими суммами. Эти 2 000-2 500 руб. во сколько раз он давал и в какой период времени?

Гусев. Я сейчас сказать не могу, так как весь этот период моей связи тянулся с декабря 1929 г. по день ареста, это 3 года, в течение которых через меня проходило достаточное количество денег, и упомянуть даты я не могу.

Смирнов. Позвольте тогда иначе поставить вопрос. Значит в течение всех этих 3 лет Макдональд передавал деньги, или может быть он вам передавал в последний раз, если так, то когда?

Гусев. Последний раз передал перед отъездом за несколько дней 5 000.

Смирнов. Перед отъездом куда?

Гусев. Из Златоуста.

Смирнов. Вы говорите – оставил 5 000, а какие же это 2½ тысячи?

Гусев. Я говорил о 2½ тысячах, которые я получил для себя.

Смирнов. Значит он вам дал 2½ тысячи до своего отъезда из Златоуста и 5 000 передал, уезжая из Златоуста?

Гусев. Да.

Смирнов. Вы не знаете, куда он уехал из Златоуста?

Гусев. В Англию.

Смирнов. А вернулся в Зуевку в августе 1931 г.?

Гусев. Я не знаю, об этом нужно спросить мистера Макдональда.

Смирнов. Когда вы ездили в Зуевку?

Гусев. В сентябре 1932 г.

Смирнов. Значит он вам передал эти еще новые 5 000, о которых вы на предварительном следствии не говорили, передал вам деньги до своего отъезда из Златоуста?

Гусев. Перед отъездом из Златоуста.

Смирнов. Иными словами, после своего отъезда из Златоуста, т.е. когда он находился в Зуевке, он вам деньги не передавал?

Гусев. Передавал.

Смирнов. Сколько вы получили?

Гусев. 1½ тысячи.

Смирнов. Значит 1½ тысячи, затем 2½, плюс 5, и в Зуевке 1½ тысячи рублей, так?

Гусев. Так.

Смирнов. Скажите пожалуйста, вы с Макдональдом были связаны, как говорите, приятельскими дружескими отношениями, вы бывали у него в гостях? Первоначально он жил в гостинице, так?

Гусев. Спросите лучше его, 3 года прошло. Я знаю, он жил в заводской квартире и я там бывал у него.

Смирнов. Только в заводской квартире. Можете ли вы сказать, что он вел широкий образ жизни, или нет?

Гусев. На мой взгляд достаточно широкий.

Смирнов. Что у него было – вино?

Гусев. Было вино.

Смирнов. Была какая-нибудь особая пища?

Гусев. Что значит особая пища? Что вы подразумеваете под особой пищей? Уточните вопрос, что вы под этим подразумеваете?

Смирнов. Если мои вопросы вас задевают, хотя я не вижу в них ничего особенно задевающего, вы можете не отвечать.

Гусев. Я с удовольствием буду отвечать, что могу. Вы спрашиваете о вине – я сказал. Вы спрашиваете – была ли особая пища, я прошу уточнить, что вы подразумеваете под особой пищей.

Смирнов. Тогда скажите, что вы понимаете под широким образом жизни?

Гусев. Широкий образ жизни я понимаю, когда вино, всякие деликатесы в части продуктов питания – фрукты и т.д.

Смирнов. Значит широкий образ жизни выражается в вине и деликатесах. Мне важно установить, какой образ жизни вел в Златоусте Макдональд? Для меня это существенно как для защитника Макдональда. Вел ли он в своей личной жизни широкий образ жизни? Можно ли было в Златоусте в заводской обстановке, в заводской квартире вести широкий образ жизни?

Гусев. Основное – это может быть разница в том, что вы вкладываете в широкий образ жизни и что я. На мой взгляд, это был широкий образ жизни. Я не мог так жить и никто из наших инженеров не мог так жить, как мистер Макдональд. Я беру средний определенный уровень всех условий, в каких мы живем, и сопоставляю с уровнем жизни мистера Макдональда и ряда других иностранных монтеров, которых я знал. Отсюда я делаю вывод, что он вел более широкий образ жизни.

Смирнов. Чем не только вы, но и другие иностранные монтеры?

Гусев. Да.

Смирнов. Значит это выражалось в том, что у Макдональда было вино и деликатесы?

Гусев. Да.

Смирнов. Скажите пожалуйста, этот широкий образ жизни мог ли давать основание предполагать, что Макдональд свободно располагает такими суммами, как 2½ тысячи, 5 000, 1½ тысячи и т.д., что у него имеются в его распоряжении такие личные средства, я подчеркиваю личные, а не полученные им откуда-то, что он мог вести такой широкий образ жизни?

Гусев. Вопрос требует уточнения. Вы хотите говорить о личных средствах. Я не знаю точно, сколько он имел денег, поэтому давал ли эти деньги из личных средств или из других источников, по-моему нужно его спросить. Я могу только сказать, что я получил деньги, какие суммы – я называл.

Смирнов. Скажите пожалуйста, вам неизвестно, Макдональд лично бывал в Челябинске?

Гусев. О его пребываниях в Челябинске мне неизвестно.

Смирнов. В то время, когда он работал в Златоусте, за исключением тех моментов, когда он уезжал в Иркутск, он не отлучался?

Гусев. Насколько я припоминаю, не отлучался.

Смирнов. С Витвицким лично он был знаком?

Гусев. Насколько мне известно – нет.

Смирнов. Вы сказали на суде, что Витвицкий, по вашему мнению, видел Торнтон и с ним сговорился лично насчет того, что он будет давать сведения?

Гусев. Я это говорил.

Смирнов. Тогда зачем понадобился Макдональд в части передачи сведений Торнтону? Вы указали, что Торнтон виделся с Витвицким. и сговорился с ним относительно передачи ему сведений?

Гусев. Я утверждаю, что Витвицкий мне говорил о том, что он имел свидание с Торнтон.

Смирнов. Вы утверждаете, что здесь был в качестве посредника еще и Макдональд?

Гусев. Вы что-нибудь путаете.

Смирнов. Я как будто бы записал ваше показание.

Гусев. Я говорил, что Витвицкий мне сказал, что Торнтон во время пребывания на Чегрэсе предложил Витвицкому давать сведения в части работы Челябинской электростанции, что Витвицкий согласился на это.

Смирнов. А Макдональд здесь ни при чем? Вы ничего не знаете, чтобы Макдональд здесь играл роль?

Гусев. Это другой момент. Я передал Витвицкому деньги в сумме около 4½ тысяч из тех 5 000, которые доставил Макдональд.

Смирнов. Почему же, если Торнтон сговорился с Витвицким, Витвицкий вам сообщал, что Торнтон с ним сговорился не причем – а деньги почему-то Макдональд передавал вам для передачи Витвицкому. Почему не непосредственно, а через кого-то другого?

Гусев. Я могу сказать то, что мне известно, но основные разъяснения, по-моему, вы можете получить у Торнтон и Макдональда. Когда уезжал Макдональд, я получил 5 000, причем мне было сказано, что небольшую часть денег я могу израсходовать для себя и для дела, а большую половину я должен израсходовать по указанию, которое получу в дальнейшем. Я это указание и получил от Макдональда в сентябре 1931 г., чтобы передать эти деньги, что я и сделал.

Смирнов. Выходит так, что Торнтон сговорился с Витвицким непосредственно, чтобы Витвицкий передавал ему сведения, а затем Макдональд передал вам деньги и сказал – когда я вам дам указания, каким образом передавать, вы передадите, – а вы получили указания передать деньги Витвицкому?

Гусев. Да, и разрешите добавить – Витвицкий мне сказал, что Торнтон ему говорил, что те сведения, которые я ему дам, они могут быть переданы через меня мистеру Макдональду.

Смирнов. Скажите пожалуйста, цех механического завода, на котором вырабатываются снаряды и высокосортная сталь, несомненно засекречен?

Гусев. Здесь нужно разделять: производство высококачественных сталей, в том числе автотракторных рессор, снарядных заготовок и авиационных сталей – на металлургическом заводе. Чисто снарядные же заготовки – на механическом заводе. Все эти производства в части механического завода засекречены. В части металлургического – тоже засекречены.

Смирнов. Вы являетесь начальником электростанции. Какое, собственно говоря, отношение вы как начальник электростанции имеете к этим цехам? Не является ли то, что там делается, секретом и для вас? Не должно ли являться?

Гусев. Я уже говорил, что я объединял не только электростанцию, но и насосную станцию, паровую станцию, воздухоудвную станцию, т.е. всю энергетику этого завода. Таким образом при составлении контрольных цифр, при определении производственной месячной программы, для того чтобы составить баланс энергетики и пара, я должен был знать размеры производства.

Смирнов. Размеры – я допускаю. Но разве для этого нужно знать типы снарядов?

Гусев. Для производственной программы?

Смирнов. Да.

Гусев. Нет, не нужно.

Смирнов. Не нужно. А между тем, вы получали сведения и о типах снарядов?

Гусев. Да, получал.

Смирнов. Иными словами, начальник цеха выдавал вам секрет, который он не имел права вам выдавать.

Гусев. Я был засекреченным сотрудником.

Смирнов. Разве всякий засекреченный сотрудник имеет право знать все секреты, даже те, которые никакого отношения к его функциям не имеют?

Гусев. Я получал такие сведения.

Смирнов. Что значит – получал. Как получали: при соучастии начальника цеха или путем обмана, или каким-нибудь другим путем?

Гусев. Без соучастия.

Смирнов. Каким же образом?

Гусев. Я в некоторых случаях использовал просто доверие начальников цехов, а в некоторых случаях использовал права того, что давало мне засекречивание.

Смирнов. Для того чтобы детально понять тип снаряда, не нужно самому быть специалистом? Что значит тип снаряда? Чертежи и т.д. – вы все это понимаете?

Гусев. Я не могу назвать себя специалистом этого дела.

Смирнов. Вы себя специалистом не считаете. Какие же все-таки сведения вы передавали при таких условиях. В чем они заключались? Что это было: чертежи, наименования?

Гусев. Чертежей там не было. Были наименования.

Смирнов. Только наименования?

Гусев. Наименования и количество выпуска.

Председатель. Наименования и количество вы здесь не оглашайте.

Смирнов. Я больше вопросов не имею.

Председатель. Я обращаю внимание защитника Смирнова на то, что им допущена следующая неверность. Подсудимый Гусев на один из вопросов защитника Смирнова сказал, что Макдональд перед отъездом передал ему 5 000 рублей. Защитник удивленно заметил, что он слышит это впервые и что на предварительном следствии подсудимый Гусев якобы этого не говорил. Я обращаю внимание на то, что в показаниях Гусева от 23 марта, том 3, стр. 73, сказано: «Перед отъездом Макдональд передал мне деньги в сумме 5 000 рублей, сказав при этом, что небольшую сумму из них я могу взять для себя и израсходовать по личному усмотрению для нашего дела. Больше же половины денег я должен сохранить и израсходовать по его указанию, которые получил в дальнейшем».

Смирнов. Я прошу меня извинить. Я понял первоначально так, что эти 5 000 были переданы так же для самого Гусева.

Председатель. Есть еще какие-нибудь вопросы у защитников?

Брауде. Скажите, обвиняемый, когда вы слышали от Витвицкого, что он виделся с Торнтоном?

Гусев. Если память мне не изменяет, это был конец июля месяца 1931 г.

Брауде. Конец июля месяца 1931 г., вы к нему приезжали или он к вам?

Гусев. Я приезжал в Чегрэс.

Брауде. По какому вопросу?

Гусев. Сейчас не помню.

Брауде. Вы имели все же служебную командировку или сами уехали по своим делам. Если это была командировка, то кто вас послал?

Гусев. Я затрудняюсь на это ответить.

Брауде. При каких обстоятельствах Витвицкий рассказывал о свидании с Торнтоном, почему он стал об этом рассказывать, имели вы с ним только служебные отношения или знали о соучастии в организации?

Гусев. Я был с Витвицким в дружеских отношениях еще по Златоусту. Он заведывал этой электростанцией в течение 3½ лет, а я работал помощником.

Брауде. В каких-либо контрреволюционных организациях до этого момента состояли?

Гусев. Нет.

Брауде. И до этого момента вы ничего компрометирующего о нем не знали и он о вас не знал?

Гусев. Я знал Витвицкого как человека антисоветски, контрреволюционно настроенного. То же обо мне знал Витвицкий. Этого было достаточно.

Брауде. Этого было достаточно, чтобы рассказать, что он получил поручение аварийного, диверсионного, вредительского характера – так надо понимать?

Гусев. По-моему, вы говорите больше, чем я сказал.

Брауде. Вы уточните.

Гусев. При свидании Витвицкий сказал мне, что он по предложению Торнтонна согласился давать сведения в части работы Челябинской электростанции.

Брауде. Только сведения. Значит я несколько ошибся. Я вопросов к Гусеву больше не имею. Разрешите задать вопрос Торнтону. Обвиняемый Торнтон, вы подтверждаете вашу встречу с Витвицким и разговор, о котором здесь упоминает Гусев?

Торнтон. Я был в Челябинске и видел его...

Брауде. Разговоры того характера, о котором говорилось, имели место?

Торнтон. Абсолютно нет.

Брауде. Обвиняемый Гусев показывает, что вы давали указания и поручения вредительского характера. Имело это место или нет? Имели ли вы сведения, что такого рода вредительские действия производятся Гусевым и по чьим заданиям?

Торнтон. Я не знал этого.

Брауде. Вы не знали этого, потому что не давали таких указаний?

Торнтон. Нет.

Брауде. На протяжении следствия где-нибудь, когда-нибудь вы говорили, что знали или поручали делать, или были осведомлены о вредительских актах, или нигде не говорили?

Торнтон. Никогда не говорил.

Брауде. Не говорили. А в этом смысле ваши показания не отличаются от прежних ваших показаний?

Торнтон. Я никогда не говорил, что я давал задания или знал о вредительстве.

Брауде. Вы здесь вначале упомянули о том, что вам было известно, что Гусевым собирается информация для ваших служащих. Уточните, какого рода информация, какие сведения и почему они собирались?

Торнтон. Сведения об электростанциях.

Брауде. О чем именно? Не об окраске и не о внешности ее? Какого порядка сведения?

Торнтон. Работа нашего оборудования. О работе того, что питает наше оборудование, котлы. Что принимает нагрузку от нашего оборудования, т.е. устройство трансформатора. Это нужно было, чтобы, если будет авария с машиной, мы имели достаточно возможности, чтобы определить причины.

Брауде. Кто получал эти сведения?

Торнтон. Я получал от Макдональда.

Брауде. Так что известного рода сведения получали, но они ограничиваются теми, которые сейчас сообщаете?

Торнтон. Да.

Брауде. Деньги передавали вы в аппарат за информацию?

Торнтон. За информацию – нет. Я передавал один раз Макдональду.

Председатель. Я не понимаю характера вопросов подсудимому. Мы еще не закончили допроса подсудимого Гусева. Мы еще допроса Макдональда и Торнтон не производили. Ваши вопросы касаются Макдональда и Торнтон.

Брауде. В связи с показаниями Гусева, я больше вопросов не имею.

Вышинский. Поскольку здесь затронут вопрос, связанный с Торнтоном, я прошу разрешить мне задать несколько вопросов Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, я не совсем уяснил ваш ответ на вопрос защитника Брауде, что же вас Златоуст интересовал или нет?

Торнтон. Интересовал.

Вышинский. Лично вас или как представителя фирмы?

Торнтон. Как представителя фирмы.

Вышинский. Может быть объясните, почему вы на предварительном следствии говорили о том, что вы были мало заинтересованы в Златоусте. Вы говорили так?

Торнтон. Говорил.

Вышинский. Как будто это противоречит одно другому.

Торнтон. Конечно я был больше заинтересован в большой станции.

Вышинский. Я спрашиваю, чем объяснить, что как раз на предварительном следствии вы говорили о том, что в интересах вашей фирмы Златоуст вас мало интересовал?

Торнтон. Разрешите мне говорить через переводчика.

Председатель. Хорошо.

Вышинский. Чем объяснить, что гр. Торнтон на предварительном следствии заявил следующее... Разрешите огласить это место из его показаний: «Я был мало заинтересован в получении сведений из Златоуста».

Торнтон (перевод). Я хочу сказать, что Златоуст представляет сравнительно малый интерес.

Вышинский. Сравнительно с чем? Я интересуюсь сейчас тем, в какой степени те сведения, которые собирал Торнтон о Златоусте, интересовали его и интересовали ли? Тут есть два показания. В одном месте говорится, что интересовали как представителя фирмы, а в другом месте говорится, что мало интересовали как представителя фирмы. Чем это объясняется?

Торнтон (перевод). Такое противоречие есть.

Вышинский. Чем объяснить это противоречие?

Торнтон (перевод). Противоречие в следующем: то, что написано мною, по-русски означает, что я не интересовался совсем Златоустовской станцией.

Вышинский. Вы сказали – мало интересовался.

Торнтон (перевод). На всех станциях фирму интересуют те же сведения.

Вышинский. Я знаю, что те же сведения.

Торнтон (перевод). Так как в Златоусте была только одна маленькая турбогенераторная станция, то меня это интересовало меньше, чем станция большего размера.

Вышинский. Правильно. Значит там была только одна маленькая турбина, поэтому Златоуст интересовал вас меньше, чем другие, так?

Торнтон (перевод). Так.

Вышинский. Тогда к нему следующий вопрос. Дали ли вы Макдональду в связи с получением сведений из Златоуста 1½ тысячи рублей?

Торнтон (перевод). Да. Во время предварительного следствия я не знал точной суммы, но с тех пор я успел эту сумму проверить.

Вышинский. Сколько дали вы денег Макдональду в связи с Златоустом?

Торнтон. Я дал 2 тысячи.

Вышинский. Вы говорили раньше 1½ тысячи, внесем поправку – не 1½ тысячи, а 2 тысячи. Вы дали эти деньги за получение сведений о Златоусте?

Торнтон. Это неправильно. Я говорил при следствии, что это было иначе.

Вышинский. А что же?

Торнтон. Дело было так. Прежде всего это было... (пытается читать по записке).

Вышинский. Не можете ли вы отвечать без записок?

Председатель. Каких записочек?

Вышинский. Торнтон отвечает по запискам.

Председатель. Вопрос не касается цифр, статистики, так что я не знаю, для чего записочки. Вы устали?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Почему вы давали эти деньги, если Златоуст вас не интересовал?

Торнтон. Я Макдональду дал эти деньги для Зуевки.

Вышинский. Тогда я не понимаю, что вы говорили раньше?

Торнтон. Я сказал, что я дал Макдональду 1½ тысячи руб., а я дал 1 900 руб. и это я поправил, когда был допрос у помощника прокурора Вышинского. Я дал эти деньги в 1932 г. для Зуевки.

Вышинский. Меня это не интересует. Меня интересует нечто другое. Я прочту показания 27 марта. Том 18. На листе дела 338. Вы говорили следующее: «1½ тысячи рублей я дал Макдональду по его требованию. Так как меня как представителя фирмы мало интересовал Златоуст, то я не могу объяснить, зачем понадобилось Макдональду столько денег и куда и на что он их израсходовал». Это подтверждаете?

Торнтон. Это подтверждаю.

Вышинский. Больше мне ничего не нужно.

Торнтон. Я хотел объяснить это дело более подробно.

Вышинский. Потом вы это будете объяснять более подробно.

Защитник Либсон. Скажите, обвиняемый Гусев, по своей служебной работе в Златоусте вы как-нибудь были связаны с Зуевкой и знали ли кого-нибудь из инженерного персонала, работавшего в Зуевке?

Гусев. Нет.

Либсон. Стало быть вы приезжали туда только по вызову Макдональда?

Гусев. Да.

Либсон. Сколько времени пробыли вы в Зуевке?

Гусев. Дня 4.

Либсон. За эти 4 дня кроме тех лиц, которых вы перечислили, с кем-нибудь вы сталкивались?

Гусев. То есть как это сталкивался?

Либсон. Встречались ли? Беседовали ли?

Гусев. Я встречался с Рябовой и больше не припомню, чтобы я встречался в том смысле, как очевидно вы это понимаете.

Либсон. Значит, вы добавляете только фамилию Рябовой. Вы уже указывали, что встретили там Макдональда, Торнтона и еще одного инженера, фамилию которого вы не назвали, который сидел за столиком на станции. Теперь такой вопрос: когда вы, получив записку на Зуевке, должны были в Москве зайти в московскую контору, с кем вы виделись в Москве? Ведь вы были в Москве?

Гусев. Нет, я проезжал через Москву, но в представительство не заходил.

Либсон. Когда возникли ваши взаимоотношения с Макдональдом, личные взаимоотношения, то не предлагались ли вам вначале эти деньги заимообразно?

Гусев. Не помню этого.

Либсон. А установились ли у вас личные дружеские взаимоотношения с Макдональдом?

Гусев. Были.

Либсон. Кто был инициатором этого сближения?

Гусев. На мой взгляд мистер Макдональд.

Либсон. У меня больше вопросов нет.

[Защитник] Коммодов. У меня есть вопрос к Кутузовой (к Кутузовой). Вам известно было содержание посылки, которую вы отправили от имени Ивановой?

Кутузова. В свое время было известно, но сейчас я не помню. Я только знаю, что это были продукты – масло, и другие продукты, точно не помню.

Коммодов. Я больше вопросов не имею.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Обвиняемый Гусев, защитника Смирнова интересуют некоторые вопросы, связанные с вашим отношением к Витвицкому. Вызывал некоторое недоумение вопрос: почему вы ему сообщали данные, которые в пределах вашей контрреволюционной работы носили конспиративный характер, чем это вызвано? Вы сказали – вашими дружескими отношениями, благодаря которым вы могли быть с ним откровенны. И дальше вы сказали – я знал, что его настроения такие же, как мои.

Гусев. Да.

Вышинский. Только ли об антисоветских настроениях вам было известно или может быть вам было известно о его некоторых антисоветских действиях?

Гусев. Я знал, что он был во вредительской организации.

Вышинский. Ну, а раньше? Вам известно было, например, его участие в кронштадтских событиях?

Гусев. Да, я знал.

Вышинский. Что вы знали?

Гусев. Что он участвовал в Кронштадтском мятеже.

Вышинский. В каком – белогвардейском?

Гусев. Да, белогвардейском.

Вышинский. Это давало вам право считать его своим братом?

Гусев. Я говорил об этом и опять подтверждаю: когда мы делились такими сведениями, то наша взаимная осведомленность друг о друге исключала всякую возможность опасения и боязни.

Вышинский. Здесь речь шла не только о настроениях, а о большем?

Гусев. Мы имели совершенно определенное представление друг о друге.

Вышинский. С какого года вы его знаете?

Гусев. Я с ним познакомился в первый раз примерно в 1925 г.

Вышинский. Значит знакомы несколько лет.

Гусев. С 1925 или 1924 года.

Вышинский. Прекрасно. Второй вопрос. Располагал ли Макдональд личными средствами в таком объеме и размерах, чтобы ему можно было дать вам 5 000 руб. перед отъездом из Златоуста? Мне не совсем ясно, почему ставится вопрос о личных средствах Макдональда. Он говорил вам, что дает из личных средств?

Гусев. Я сказал уже, что мне происхождение этих денег неизвестно.

Вышинский. За что давал?

Гусев. За передачу ему шпионских сведений и в дальнейшем за совершение аварий.

Вышинский. Воображали ли вы, что вы все это совершаете в личных интересах Макдональда?

Гусев. Безусловно нет.

Вышинский. Следовательно уместно ли вообще ставить в данном случае вопрос о личных средствах Макдональда?

Гусев. Я бы считал, что безусловно неуместно, но наши положения слишком разнятся: защитник и подсудимый. Мне можно ставить вопрос, как угодно, и я должен отвечать. Но если бы я мог ставить вопросы, то я нашел бы вопросы, какие поставить (смех).

Рогинский. Вопрос к подсудимому Гусеву, связанный с вопросом, поставленным ему защитником Смирновым. Вы по своей должности начальника электростанции имели свободный доступ на металлургический завод?

Гусев. У меня был пропуск, в котором было сказано: во все цеха, во всякое время дня и ночи, во все проходные и непроходные ворота.

Рогинский. Следовательно на металлургический завод вы имели совершенно свободный доступ во все цеха, засекреченные и незасекреченные?

Гусев. Да.

Рогинский. А на механический завод?

Гусев. Я не имел постоянного пропуска.

Рогинский. Но доступ?

Гусев. Доступ мне был обеспечен каждый отдельный раз.

Рогинский. В том числе и в засекреченные цеха механического завода?

Гусев. Да.

Председатель. У защиты будут вопросы?

Смирнов. Когда вы получали деньги от Макдональда, вам было ясно, что он дает вам деньги не из своих личных средств, или вам это не было ясно? Ответьте коротко.

Гусев. Разрешите мне ответить так, как я могу. В момент, когда я согласился давать сведения о работе завода, мне было заявлено, что эта работа будет оплачиваться. Затем, я могу сказать, что я получал деньги, а из каких средств эти деньги мне давались, спросите мистера Макдональда. Я не могу вам этого сказать. Как я могу сказать, откуда он брал деньги?

Смирнов. Вы считали вопрос неясным, из каких средств давались деньги?

Гусев. Я точно не знаю и могу делать только предположения. Ему как инженеру не нужны сведения, которые я ему давал.

Смирнов. Значит для вас это был тоже вопрос, откуда эти деньги берутся?

Гусев. Значит надо делать вывод, что это не личные деньги, но это мои предположения.

Смирнов. Вы не уверены?

Гусев. Не уверен.

Председатель. У обвинения нет больше вопросов?

Прокуроры. Нет.

Председатель. У защиты нет вопросов к подсудимому?

Защита. Нет.

Председатель. У подсудимых нет вопросов?

Подсудимые. Нет.

Председатель. Регламент устанавливается следующий: заседание начинается с 10 часов, перерыв на обед с 15 до 18 часов и конец в 22 часа. Сейчас 22 часа. Объявляю заседание закрытым до 10 часов утра 13 апреля 1933 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 13 апреля 1933 г. 11 час. 15 мин.

Комендант. Суд идет. Прошу встать.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается. Подсудимый Соколов, расскажите пожалуйста в самом кратком виде вашу биографию, основные моменты.

Соколов. Родился я в 1899 году 1 января в селе Остыне Бийского района, в семье сапожника, кустаря-одиночки. До 14 лет я жил в селе Остыне, в семье своего отца. Учился в начальной школе, затем учился в городском училище. Хорошие успехи по математике и склонность к математическим наукам...

Местные учителя предложили моему отцу дать мне возможность учиться дальше, но не имея средств содержать меня в городе, в котором есть строительное учебное заведение, отец вынужден был переехать в Златоуст. В 1914 г. в июле месяце, 10 июля наша семья переехала в Златоуст. В августе месяце я поступил учиться в Златоустовское среднее механико-техническое училище, которое мною было окончено в 1918 г. Затем в это же самое время, пока я учился в техническом училище, вечером я вынужден был работать на Златоустовском механическом заводе, так как средств к существованию семьи было недостаточно. Отец, часто болел.

Работал я сначала в модельном цехе на моделях, потом на присадке **шансового** [шанцевого?] инструмента, затем перешел в оружейную фабрику Златоустовского механического завода и работал до дня мобилизации в белую армию. Тогда еще белой армии как таковой не было. Был только приказ о мобилизации интеллигенции.

Вышинский. Чей приказ?

Соколов. Кажется генерала Болдырева. Это было 8 или 9. Был первый приказ о мобилизации интеллигенции. Нас также мобилизовали – учащих, не окончивших учебное заведение. Была организована городская рота, которая несла охранную службу в городе. При общей мобилизации городская рота была началом организации 22-го Златоустовского полка и в дальнейшем городская рота была переименована в учебную команду 22-го Златоустовского полка. В этой учебной команде я и служил в белой армии.

Председатель. По какому признаку была организована учебная команда?

Соколов. По образованию. Все люди, имеющие образование, были в учебной команде, потом, когда начали формировать полк, чтобы дополнить до полной численности, данная команда была также влита в состав полка. Затем я участвовал в походах.

Председатель. Кого-нибудь из подсудимых по данному делу в 22-м полку встречали?

Соколов. Встречал Гусева в этой же учебной команде.

Председатель. В этой же учебной команде?

Соколов. Участвовал в походах белой армии, действующей против Красной армии. Службу в белой армии я проходил в чине рядового, так как от военной школы я постарался отделаться. Уклонялся я всяческими способами, чтобы не попасть в военную школу, как и многие из моих товарищей, которые так же этого достигли. В белой армии я пробыл до декабря 1919 г.

В декабре месяце, по занятии г. Томска красными войсками, после регистрации оставшихся белых, я был направлен в ирбитский госпиталь в качестве санитаря, как переболевший сыпным и возвратным тифами. В должности санитаря я пробыл примерно 3 недели. После этого, это было в первых числах января 1920 г., был набор в военные школы. Я изъявил желание пойти в военную школу. Был направлен в радиодивизион при 3-й радиобазае. В 1920 г. в апреле месяце досрочно кончил радиошколу по классу электромеханики. После окончания по разверстке как техник был направлен на работу в радиотелеграфную мастерскую. В радиотелеграфной мастерской сначала работал на сборке двигателей внутреннего сгорания, затем изъявил желание работать в электроотделе.

Моя просьба была удовлетворена командиром дивизиона, меня перевели в электро-технический отдел. Здесь я начал специализироваться по электротехнике. В радиотелеграфной мастерской в должности младшего командира, приравняемой к командиру взвода, я работал по ремонту электрической части радиостанций и по монтажу вновь строящихся и ремонтируемых радиостанций.

В 1923 г., когда кончилась гражданская война, радиобаза по своей численности начала свертываться, начала свертываться и радиотелеграфная мастерская. Я был переброшен в полк связи на должность начальника учебно-ремонтной мастерской, на должность помощника командира роты. В этой должности я пробыл до 1924 г. октября месяца. Затем был демобилизован. После демобилизации в 1924 г. я начал работать сначала электро-монтером для того, чтобы изучить более глубоко данную специальность. Работал на государственных мельницах в г. Томске, мельницах №№ 1 и 2 до февраля месяца. По окончании монтажных и ремонтных работ на государственных мельницах я получил расчет. Поступил на учет биржи труда. Но состоя в дальней очереди на получение работы, я решил поехать в г. Златоуст. Приехав в г. Златоуст в 1925 г. 8 марта, я поступил работать в качестве нормировщика пока временно на Златоустовский механический завод.

Затем в июле месяце 1925 г. я получил перевод по специальности в качестве мастера на электростанцию Златоустовского металлургического завода по электрической части. В этой должности я проработал до весны 1929 г. Затем был назначен помощником начальника по электрической части Златоустовской электростанции. В этой должности я работал до мая месяца 1932 г.

Председатель. Помощником Гусева?

Соколов. Да. В 1932 г. в мае месяце я был назначен помощником главного механика по электрической части или, как числился по должности, главным электриком Златоустовского металлургического завода. Официально по штату Спецстали таковой должности нет, есть помощник механика по электрической части, но во всяком случае я возглавлял электрическую часть металлургического завода. В этой должности я работал по день ареста.

Председатель. Какой оклад получали в последнее время?

Соколов. 700 рублей.

Председатель. Когда и при каких условиях вы стали заниматься вредительством и шпионажем?

Соколов. Самая первая моя вредительская работа относится к 1927 г., но эта работа не имела связи с организацией – я не знал о существовании какой-либо организации. Мною были задержаны две работы на электростанции. Это было с Витвицким. Я не знал о существовании организации, и я ни в какой организации не состоял. В 1930 г., примерно в июне или в июле месяце, я связался с монтером английской фирмы – Макдональдом при содействии начальника силовой станции Гусева. К этому моменту относится начало контрреволюционной работы, с этого времени я числился членом контрреволюционной организации.

Вышинский. Вы сейчас, подсудимый Соколов, сказали «к этому моменту относится начало контрреволюционной работы». Это какой момент?

Соколов. Момент моей связи с английским монтажным инженером Макдональдом.

Вышинский. Следовательно вы рассматриваете всю свою деятельность до 1930 г. не как контрреволюционную деятельность?

Соколов. Это контрреволюционная деятельность, но я не состоял в контрреволюционной организации и не знал о существовании ее.

Вышинский. Давайте уточнять. Первый вопрос. У вас было очевидно несколько периодов. Первый период, когда вы служили в белой армии, занимали известную должность в учебной команде, участвовали в боях против большевиков.

Этот период начался с момента Октябрьской революции. Когда закончился этот период, в каком году?

Соколов. В вооруженных схватках »я не участвовал, в боях участия не принимал.

Вышинский. Но вы участвовали в белой армии?

Соколов. Участвовал.

Вышинский. Она была вооружена?

Соколов. Была вооружена.

Вышинский. Белая армия только смотрела на большевиков или дралась с ними?

Соколов. Дралась.

Вышинский. Вы были в рядах белой армии?

Соколов. Был.

Вышинский. Вы участвовали в белой армии, носили оружие, которое присвоено белой армией.

Соколов. Да.

Вышинский. Значит я вправе говорить о том, что вы активно, с оружием в руках, противостояли Красной армии?

Соколов. Да.

Вышинский. Пришлось ли вам участвовать в том или ином бою – это вопрос особый. Вы отвечаете на него отрицательно.

Соколов. Не пришлось.

Вышинский. Сколько времени вы были в белой армии?

Соколов. С июня 1918 г. по декабрь 1919 г.

Вышинский. Почти 1½ года и за это время вы были в резервной или арьергардной частях, или же в действующей армии?

Соколов. В действующей части.

Вышинский. В какой именно?

Соколов. В 22-м Златоустовском пехотном полку.

Вышинский. В качестве кого?

Соколов. В качестве рядового учебной команды.

Вышинский. В учебную команду обыкновенно набираются лучшие из рядового состава?

Соколов. Да.

Вышинский. Наиболее надежные, не только более грамотные, но наиболее твердые, те, на кого можно положиться?

Соколов. Да.

Вышинский. И там же находился Гусев?

Соколов. Да.

Вышинский. 22-й Златоустовский полк в боях участвовал?

Соколов. Да.

Вышинский. Как же могло получиться – 22-й полк в боях участвовал, а в это время команда, состоящая из наиболее надежных крепких людей, не участвовала. Здесь может быть только один ответ – или эта часть в боях участвовала, или же она предназначалась для других операций, внутреннего порядка?

Соколов. Когда Златоустовский полк вышел на фронт, стал лицом к лицу с Красной армией, я, будучи настроен...

Вышинский. Учебная команда на фронте в боях участвовала?

Соколов. Да.

Вышинский. А вы?

Соколов. Мне не пришлось.

Вышинский. А Гусеву?

Соколов. Не знаю, тогда его уже не было.

Вышинский. Когда дело дошло до боев, то Гусева уже не было?

Соколов. Не было.

Вышинский. И вас не было?

Соколов. Я постарался уйти с фронта – я сделал искусственное ранение левой ноги и эвакуировался с фронта.

Вышинский. Почему?

Соколов. Потому что был виден развал армии, возврат армии к старым порядкам. Новые пополнения, главным образом алтайские и акмолинские, нам рассказывали о том, что творится в Сибири.

Вышинский. Это был момент деморализации белой армии, и вы постарались дезертировать в тот момент, когда армия начала разлагаться?

Соколов. Да.

Вышинский. А до этого? Пока армия была крепкой, вы были в ее рядах, и попыток уйти у вас не было?

Соколов. Так точно.

Вышинский. Это был декабрь 1919 г?

Соколов. Да.

Вышинский. Что за этим последовало?

Соколов. За этим последовала моя служба в Красной армии.

Вышинский. Вы поступили по призыву?

Соколов. По призыву.

Вышинский. И служили в Красной армии до 1924 г?

Соколов. Да.

Вышинский. Где вы служили в Красной армии?

Соколов. Я служил сначала в санитарном госпитале.

Вышинский. Почему вы туда попали?

Соколов. Я был слаб, получил маршрут в выздоравливающую команду. Так как я переболел сыпным и возвратным тифом, то по общей разверстке я попал в санитары.

Вышинский. Разве в санитары попадают те, которые болели тифом?

Соколов. Я был очень слаб.

Вышинский. А вы сами не стремились туда попасть?

Соколов. Такого стремления у меня не было.

Вышинский. Сколько времени вы там служили?

Соколов. Около 3 недель.

Вышинский. В это время вы где находились?

Соколов. В г. Томске в Вербицком госпитале. В первых числах января я был направлен в военную школу в Томске, в радиодивизион. Радиошколу кончил в апреле месяце. По раскомандировке я был направлен на работу в радиотелеграфную мастерскую как техник.

Вышинский. В то время, когда вы находились в Красной армии с 1920 по 1924 г., части, где вы находились, бывали в боях?

Соколов. Часть в боях не была.

Вышинский. Следовательно и вам не пришлось.

Соколов. Да, и мне не пришлось.

Вышинский. Где был Гусев в это время?

Соколов. Не знаю.

Вышинский. А в автоброневом дивизионе вы не служили? И с Гусевым не встречались?

Соколов. Нет.

Вышинский. Когда вы с ним встретились в первый раз?

Соколов. В 1925 г. в Златоусте.

Вышинский. В качестве кого он тогда работал и в качестве кого были вы?

Соколов. Я был в качестве мастера на силовой станции. Он был в качестве помощника начальника. До этого я встречался с ним, когда работал на механическом заводе в качестве нормировщика.

Вышинский. В этот период времени в чем-нибудь выражалась ваша контрреволюционная деятельность?

Соколов. В этот период времени у меня контрреволюционной деятельности еще не было.

Вышинский. Значит после 1920 года перерыв. Так?

Соколов. Да.

Вышинский. И по какой год?

Соколов. До 1927 г.

Вышинский. Следовательно второй период вашей контрреволюционной деятельности начинается с 1927 г.? Правильно?

Соколов. Да

Вышинский. Почему, при каких обстоятельствах вы начали свою контрреволюционную деятельность в этот период и в чем она выражалась?

Соколов. Я не был настроен советски. Иначе говоря, был настроен антисоветски. Я задержал на электростанции ряд работ.

Вышинский. По собственному почину?

Соколов. Нет.

Вышинский. Нет? А по чьему?

Соколов. Мне было предложено бывшим начальником электростанции Витвицким.

Вышинский. Следовательно этот второй период вашей контрреволюционной деятельности уже связывает вас с Витвицким?

Соколов. Да.

Вышинский. Вы действовали в одиночку с Витвицким или же были еще другие лица?

Соколов. Больше я ни о ком не знаю.

Вышинский. Вас было двое?

Соколов. Да. Мне известно только двое.

Вышинский. Витвицкий вам дает поручения, или вы сами выполняете те или иные акты без предварительного поручения Витвицкого?

Соколов. Витвицкий сказал мне, что нужно задержать такую-то и такую-то работу.

Вышинский. Почему он вам это сказал?

Соколов. Он знал мои антисоветские настроения.

Вышинский. Откуда он знал?

Соколов. Наши частые разговоры в кабинете.

Вышинский. Сколько времени вы были с ним знакомы?

Соколов. С момента поступления его на электростанцию. Примерно с конца 1926 г. Приблизительно около года.

Вышинский. И в результате ваших разговоров с Витвицким он, распознавши в вас подходящего человека, указал вам на необходимость совершить... что?

Соколов. Совершать вредительские акты.

Вышинский. Каким образом?

Соколов. Путем задержки ряда работ.

Вышинский. Какие же работы были вами задержаны?

Соколов. Мною была задержана работа по включению передаточных трансформаторов на станции, перевод на побочное возбуждение турбогенератора Вестингауза и незначительная задержка турбины Целли.

Вышинский. Все это вы делали с ведома, а может быть по предложению Витвицкого?

Соколов. По предложению Витвицкого.

Вышинский. Вы сразу приняли это предложение?

Соколов. Нет, не сразу.

Вышинский. Почему не сразу?

Соколов. Потому что я считал, что это дело будет раскрыто.

Вышинский. Вы опасались, что дело будет раскрыто?

Соколов. Я боялся этого, но Витвицкий принял по отношению ко мне репрессивные меры.

Вышинский. Какие меры?

Соколов. Он выселил меня с квартиры, которая мной занималась, поселился в ней сам, а меня выселил на квартиру, находящуюся на болоте.

Вышинский. И это заставило вас слушаться его указаний?

Соколов. Да.

Вышинский. Когда вы стали слушаться его указаний, ваше положение окрепло?

Соколов. Да, его отношение стало лучше.

Вышинский. А квартира-то уплыла?

Соколов. Вопрос с квартирой был разрешен потом при помощи Гусева.

Вышинский. Значит квартира была восстановлена?

Соколов. Да.

Вышинский. Эта или другая?

Соколов. Нет, другая.

Вышинский. Гусев помог это устроить?

Соколов. Да, я просил его.

Вышинский. Значит не будь нажима Витвицкого, вы сохраняли бы свою нейтральную позицию?

Соколов. Да.

Вышинский. Вы прямо это относите за счет активности Витвицкого?

Соколов. Да, на счет активности Витвицкого.

Вышинский. В течение какого времени эти акты совершались?

Соколов. В 1927 году.

Вышинский. В течение одного года?

Соколов. Как будто в один год, я точно не помню. Эти акты следовали один за другим.

Вышинский. А в 1928 году?

Соколов. Может быть в 1928 году. Как будто вывод турбины был в 1928 г., точно даты не помню.

Вышинский. Значит 1927-1928 гг. отмечены такими действиями?

Соколов. Да.

Вышинский. А 1929 год?

Соколов. Никаких контрреволюционных действий не совершал.

Вышинский. Не совершали. А после перерыва в 1929 г. что наступило?

Соколов. После перерыва 1929 г наступила пассивность: я не принимал участия в контрреволюционной деятельности до 1930 г., примерно до июня или июля месяца, до момента моей связи с английским монтажным инженером Макдональдом.

Вышинский. Имели ли вы связь с Гусевым до установления связи с английским монтажным инженером Макдональдом?

Соколов. С Гусевым я всегда имел связь.

Вышинский. А может быть Гусев сыграл известную роль раньше, чем Макдональд, или оба вместе?

Соколов. Гусев был настроен антисоветски и я тоже. Мы один другого вполне понимали, но вредительскими актами и контрреволюционной деятельностью, как мне известно, по крайней мере тогда мы не занимались.

Вышинский. А кто вас познакомил с Макдональдом?

Соколов. В связь с Макдональдом я вошел через посредство Гусева.

Вышинский. Сначала все-таки Гусев или сначала Макдональд?

Соколов. Я познакомился через Гусева. Когда Макдональд пришел на электростанцию в конце 1929, в начале 1930 г., меня Гусев представил Макдональду.

Вышинский. Как он вас представил?

Соколов. Он сказал – мой помощник по электрической части.

Вышинский. По электрической или вредительской?

Соколов. По электрической. Помощник, с которым вам придется иметь дело. Это было в служебном кабинете.

Вышинский. А он не сказал, что это мой помощник по вредительской части?

Соколов. По электрической части.

Вышинский. В это время вы были связаны с Гусевым по контрреволюционным вождениям?

Соколов. Я деятельности Гусева в части контрреволюционной работы не знал.

Вышинский. В какое время?

Соколов. До 1930 года.

Вышинский. А в 1930 г. узнали?

Соколов. Да, узнал в 1930 году.

Вышинский. При каких обстоятельствах?

Соколов. Это вышло следующим образом. Когда я познакомился с Макдональдом, Гусев меня в дальнейшем рекомендовал Макдональду как человека, антисоветски настроенного. Макдональд этим воспользовался и начал со мной вести более откровенные антисоветские разговоры, говоря, что вы очень плохо живете, технический персонал слишком плохо оплачивается, плохо питается, ваше материальное положение слишком плохое. Жизненный уровень ваших рабочих очень низок. Все то строительство, которое вы затеяли, оно ни к чему.

Вышинский. Это обыкновенные антисоветские разговорчики. К чему привели эти разговорчики?

Соколов. Эти разговоры укрепили во мне бывшие до этого антисоветские настроения. Дальнейшее сближение мое с Макдональдом произошло у него на квартире, примерно в июне или в июле месяце. В это время еще не было передо мной поставлено каких-либо вопросов контрреволюционного порядка. Были только просто антисоветские разговоры.

Вышинский. Значит вы относите этот новый период вашей антисоветской деятельности к моменту, когда вас с Макдональдом познакомил Гусев, рекомендовал вас как антисоветского человека и когда Макдональд сделал вам ряд каких-то предложений?

Соколов. Тогда еще не сделал мне предложений, до посещения его квартиры. Только после посещения его квартиры были сделаны предложения.

Вышинский. Скажите, это посещение квартиры было днем или вечером и при каких обстоятельствах?

Соколов. Вечером.

Вышинский. Что это было – заседание?

Соколов. Просто была выпивка. Чай, выпивка и закуска.

Вышинский. Что же он часто практиковал выпивки, или это был единственный случай?

Соколов. Нет, не единственный.

Вышинский. Он охотник выпить?

Соколов. Да, это было часто.

Вышинский. Он в одиночку выпивал или собирал инженеров?

Соколов. Было собрание инженеров.

Вышинский. Кроме вас кто там был?

Соколов. Был я, Гусев.

Вышинский. Словом, своя публика?

Соколов. Да.

Вышинский. Как же проходил ваш вечер? Пили, провозглашали какие-нибудь тосты?

Соколов. Да.

Вышинский. Макдональд какой тост провозгласил?

Соколов. Гусев сказал: «За пятилетку в 4 года», а Макдональд сказал: «За пятилетку в 10 лет».

Вышинский. А почему Гусев провозгласил тост «за пятилетку в 4 года»?

Соколов. Это было сказано с сарказмом.

Вышинский. А Макдональд тоже сказал с сарказмом?

Соколов. Да, сказал с сарказмом и иронией.

Вышинский. Там сарказм, здесь ирония, а в общем антисоветская выпивка?

Соколов. Я поддержал это дело.

Вышинский. Какие были там разговоры?

Соколов. На отвлеченные темы.

Вышинский. О том, как вредить?

Соколов. На этом вечере этого разговора не было.

Вышинский. А какие были разговоры? Что значит – отвлеченные?

Соколов. Антисоветские разговоры общего порядка.

Вышинский. Отвлеченные разговоры о советской власти?

Соколов. Да, о советской власти, но конкретного разрешения каких-либо вопросов на этой вечеринке не было.

Вышинский. А были разговоры например о том, что некоторые капиталистические страны и некоторые капиталистические круги замышляют интервенцию и прочее, или этих разговоров не было?

Соколов. Я не помню этих разговоров.

Вышинский. Может быть вам напомнить? Разрешите?

В томе XVI дела на листе 38 говорится следующее: «Разговоры носили явно антисоветский характер». Вы это подтверждаете? Затем: «Гусев произнес тост за пятилетку в 4 года... Макдональд поправил: За пятилетку в 10 лет. Кроме того снова говорил о том, что все-таки Советский союз не освободится от иностранной зависимости, не наладит своего производства машин и т.д.».

Соколов. Правильно, это было.

Вышинский. А об интервенции не было разговора?

Соколов. Нет.

Вышинский. А может быть позже был?

Соколов. Был. Это было при обсуждении мною и Гусевым плана вредительской деятельности.

Вышинский. Что же там говорилось по этому поводу?

Соколов. Говорилось то, что в случае затруднений Советского союза, в случае интервенции нам необходимо каким-то путем приготовиться к этому делу, и был выработан план вредительства – нарушение нормального электроснабжения Златоустовских заводов – вывести станцию из строя.

Вышинский. Этот разговор был на вечеринке или после вечеринки?

Соколов. Это было после вечеринки.

Вышинский. Следовательно здесь выпивки не было?

Соколов. Нет.

Вышинский. Все это происходило в трезвом состоянии?

Соколов. В трезвом состоянии.

Вышинский. Вот этот разговор об интервенции, о том, что для подготовки интервенции необходим подрыв работы заводов с целью ослабления экономической мощности Советского союза, кто эти разговоры вел?

Соколов. Эти разговоры вел я и вел Гусев.

Вышинский. А Макдональд?

Соколов. С Макдональдом так же был разговор.

Вышинский. Какой смысл был этого вашего разговора с Гусевым?

Соколов. Смысл был тот, чтобы выполнять те инструкции и задания, которые нам дал Макдональд.

Вышинский. А какие задания вам давал Макдональд?

Соколов. Совершение аварий, диверсионных актов и дача сведений шпионского порядка.

Вышинский. Значит совершение аварий и диверсионные акты, с одной стороны, и с другой стороны, получение шпионских сведений. Это чье было задание?

Соколов. Макдональда.

Вышинский. Это задание он вам дал наедине или в присутствии Гусева?

Соколов. Было так: Макдональд от меня лично получил сведения о количестве рабочих на Златоустовском металлургическом заводе, затем о выработке высококачественных сталей – авто, авиационной, шарикоподшипниковой и инструментальной сталей.

Вышинский. А насчет болванок вы сведения давали?

Соколов. Макдональду лично не давал.

Вышинский. А кому?

Соколов. Я давал через Гусева.

Вышинский. Почему?

Соколов. Получилось так. Макдональд сказал – вы будете давать сведения, какие мне потребуются, через Гусева. Я согласился и в дальнейшем уже работал в контакте с Гусевым.

Вышинский. Эти задания вам давал Макдональд или Гусев?

Соколов. По первым двум вопросам – о количестве рабочих и о высококачественных сталях – я дал сведения непосредственно Макдональду.

Вышинский. Задания, которые вам дал Макдональд о том, чтобы совершать аварии, диверсионные акты, и сообщать те сведения, которые вы доставали, вами были получены лично от Макдональда или через Гусева?

Соколов. Я получал от Гусева, но знал, что от Макдональда.

Вышинский. А Макдональд не давал такого рода задания?

Соколов. Макдональд говорил, что на вас с Гусевым возлагается совершение аварий и диверсионных актов, обо всем этом вы договоритесь с Гусевым.

Вышинский. Разрешите по этому поводу спросить Гусева?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Гусев, вы следите за допросом?

Гусев. Да.

Вышинский. Вы слышали, что говорил подсудимый Соколов относительно дачи задания по поводу аварий, диверсионных актов и собирания шпионских сведений?

Гусев. Да.

Вышинский. Что можете сказать?

Гусев. Я не знаю содержания разговора между инженером Макдональдом и Соколовым, я могу только сказать, что после того как общий план был намечен, был разговор с инженером Макдональдом и последний мне сказал, что Соколов может быть использован для выполнения этого плана, т.е. для проведения аварии.

Вышинский. Вы с Соколовым говорили о том, что у Макдональда есть какая-то установка, какое-то задание?

Гусев. Впоследствии; я такие разговоры вел с Соколовым.

Вышинский. Прекрасно. Теперь позвольте задать вопрос подсудимому Макдональду. Подсудимый Макдональд, вы слышали показания Соколова?

Макдональд. Слышал.

Вышинский. Что скажете по поводу показаний Соколова, где говорилось, что вы давали задания о производстве аварий, диверсионных актов и собирании шпионских сведений?

Макдональд. Кому?

Вышинский. Соколову и Гусеву?

Макдональд. Нет.

Вышинский. А кому давали?

Макдональд. С Гусевым имел дело.

Вышинский. Значит это говорили Гусеву?

Макдональд. Да.

Вышинский. Следовательно ваши показания на предварительном следствии, где вы показывали таким образом, вы здесь подтверждаете?

Макдональд. Я не понимаю.

Вышинский. Вас спрашивал следователь на предварительном следствии, давали ли вы Гусеву поручении относительно производства аварий и собирания шпионских сведений?

Макдональд. Может быть можно через переводчика?

Вышинский. Позвольте сделать иначе, огласить показания Макдональда, которые переведет переводчик и Макдональд ответит так или нет?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. На листе 205, том XIX, апреля 2 дня 1933 г. следователь по важнейшим делам Шейн[ин] допрашивал Макдональда, который показал: «В дополнение к ранее данным показаниям сообщаю: я подтверждаю, что в конце 1930 г. при разговоре с Соколовым я, не давая ему конкретного задания по порче оборудования, сказал, что на него и Гусева возлагается выведение из строя завода и что он, Соколов, должен по этому вопросу договориться непосредственно с Гусевым».*

Макдональд (перевод). Что вы имели в виду, говоря, что на Соколова возлагается проведение работы по порче оборудования?

Вышинский (читает русский текст того же показания). Говорили ли вы это и подтверждаете ли данные вами показания?

Макдональд (перевод). Я не давал Соколову указаний подобного характера.

Вышинский. А почему вы так показали на предварительном следствии?

Макдональд (перевод). Потому что считал удобным сделать подобное заявление при тогдашних обстоятельствах.

Вышинский. А когда был этот допрос?

Макдональд (перевод). Не помню числа.

Вышинский. На каком языке вы давали показания – на русском, или английском?

Макдональд (перевод). Показания были записаны следователем по-русски, а затем они были переведены на английский.

Вышинский. Не вы их перевели на английский язык?

Макдональд (перевод). Нет.

Вышинский (к суду). Я прошу разрешить предъявить Макдональду подлинное дело, вызвав его сюда. На 204 листе, том XIX имеется подлинный протокол собственных показаний Макдональда. В этом протоколе на левой стороне листа имеется собственноручная подпись Макдональда. Его ли это рука или нет? Показания даны на допросе в прокуратуре, а не в ГПУ.

Председатель (к Макдональду). Пожалуйста сюда. (Макдональд подходит к столу Специального присутствия.) Показания на 204 стр. написаны вами собственноручно?

Вышинский (к Макдональду). Прочтите пожалуйста.

Макдональд. Да, я это подписал.

Вышинский. При каких условиях, почему вы подписали это?

* Лев Шейнин потом будет многократно издавать «Записки следователя», где распишет во всех подробностях дела всяких карманников, например «Брегет Эдуарда Эррио», но на гораздо более масштабное «Дело о вредительстве и шпионаже энергетиков» он не посягнет. Почему?

Макдональд. Я считал это удобным при этих условиях.

Вышинский. При каких же «этих» условиях? К вам применяли какие-нибудь особые методы?

Макдональд. Нет.

Вышинский. Вас заставили насильственно это сделать?

Макдональд. Нет, но я подписал потому, что это был не открытый суд.

Вышинский. Вас вынудили к этому?

Макдональд. Вначале я отказался от этого.

Вышинский. Где?

Макдональд. У следователя, когда следователь сказал: подпишите, я сказал – нет. Но он не разрешил сделать иначе.

Вышинский. Он вас заставил?

Макдональд (молчит).

Председатель. Оглашается протокол допроса обвиняемого Макдональда, произведенного следователем прокуратуры республики 2 апреля, написанный собственноручно Макдональдом на английском языке. (К переводчику.) Огласите пожалуйста на английском языке показания Макдональда. (Показания оглашаются.)

Переводчик (читает, по-английски полный текст показаний Макдональда). «В добавление к показаниям, которые я дал раньше, я констатирую следующее: Я подтверждаю, что в моем разговоре с Соколовым в конце 1930 г. я дал ему определенные задания о порче оборудования, но я при этом сказал ему, что он и Гусев должны взять на себя задачу вывести из строя завод и что он (Соколов) должен договориться непосредственно с Гусевым. Кроме этого я сказал Соколову, что за эту работу он должен получить денежное вознаграждение. Гусев сообщил мне, что он вывел из строя мотор в 1 400 л.с. 2 апреля 1933 г. В.Л. Макдональд.

Председатель. И есть подпись и дата?

Переводчик. Есть подпись и дата 2 апреля 1933 г.

Председатель. То есть всего 10 дней тому назад.

Вышинский. Я хочу зафиксировать несколько моментов. Я прошу суд обратить внимание на следующие моменты:

1) допрос, о котором шла речь, происходил 2 апреля и был произведен следователем по важнейшим делам при прокуратуре республики. На правой стороне, на листе 204 содержится собственноручно Макдональдом сделанный перевод показаний, данных им устно на русском языке и также скрепленных его собственной подписью, в которых был удостоверен ряд фактов, здесь сейчас оглашенных;

2) Макдональд заявил, что при тех обстоятельствах он считал нужным так сказать и

3) на мой вопрос, были ли применены к нему какие-нибудь особые методы, заставляющие дать такое показание, он ответил отрицательно. Сейчас я хотел бы задать еще один вопрос Макдональду. Подсудимый Макдональд, вы кому-нибудь после 2 апреля заявляли о том, что это ваше показание не соответствует действительности или никому не сделали такого заявления.

Макдональд (перевод). Не сделал такого заявления.

Вышинский. По окончании предварительного следствия получили ли вы протокол обвинительного заключения от прокурора республики было ли вам в то же самое время согласно закона предложено сделать то или иное заявление, если вы считали это нужным по поводу процедуры предварительного следствия?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. Вам указали, что вы имеете право заявить всякие претензии в связи с предварительным следствием. Делали ли вы кому-нибудь заявление о том, что ваше показание не соответствует действительности?

Макдональд (перевод). Нет.

Вышинский. А почему вы этого не сделали?

Макдональд (перевод). Не хотел заявлять об этом кому бы то ни было.

Вышинский. Почему вы не хотели сделать заявление, которое вы сейчас делаете?

Макдональд (перевод). Я не хочу дискуссировать по этому вопросу.

Вышинский. Вы понимаете значение того показания?

Макдональд (перевод). Понимаю.

Вышинский. Может быть вы тогда ответите на один вопрос. Вчера на вопрос о том, признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении, вы заявили, что да, я признаю себя виновным. Вы отказываетесь ли от этого сегодня или подтверждаете свою вину?

Макдональд (перевод). Согласно с теми показаниями, которые я давал, признаю себя виновным, но фактически считаю себя невиновным.

Вышинский. Я спрашиваю не об этом. Вчера вы говорили, что вы признаете себя виновным, или не говорили? Может быть я это во сне видел?

Макдональд (перевод). Вчера я признавал себя виновным.

Вышинский. А сегодня?

Макдональд (перевод). Сегодня в соответствии с тем, что я сказал, я не считаю себя виновным.

Вышинский. Следовательно у нас есть надежда, что может быть завтра вы сделаете обратное?

Макдональд (перевод). Нет.

Вышинский. Вчера вы сказали, что вы давали указания Гусеву относительно аварии мотора в 1 400 л.с. Давали вы такие указания Гусеву или нет?

Макдональд (перевод). Замечание, которое я сделал Гусеву по поводу этого мотора, было такого порядка, что мотор был в столь плохом состоянии, что требовал замены. Как Гусев истолковал мое замечание – я сказать не могу.

Вышинский. Как истолковал Гусев—это определено известно. Он получил от вас прямое указание, чтобы мотор этот вывести из строя посредством аварии. На мой вопрос вам – подтверждаете ли вы это или нет (это застенографировано) – вы вчера заявили, что да, подтверждаю. Я спрашиваю – сейчас вы подтверждаете это или не подтверждаете?

Макдональд (перевод). Я согласен, что это было написано в моем показании и находится в соответствии с вчерашним заявлением.

Вышинский. Правильно. Согласны ли вы с этим?

Макдональд (перевод). Согласен.

Вышинский. Чтобы покончить с диалогом по этому вопросу, я хочу знать, получали ли вы сведения от Соколова или нет?

Макдональд (перевод). Какого характера сведения?

Вышинский. О которых вы вчера говорили, о которых вчера говорил Гусев и о которых сегодня говорил Соколов.

Макдональд (перевод). Соколов мне передал о количестве рабочих, занятых на различных производствах и общие замечания такого порядка.

Вышинский. Остановимся на этом. Вы за это платили?

Макдональд (перевод). Нет.

Вышинский. Подсудимый Соколов, получали ли вы деньги от Макдональда?

Соколов. Через Гусева получил 1 000 рублей.

Вышинский. Подсудимый Гусев, передавали ли вы 1 000 руб. Соколову?

Гусев. Да.

Вышинский. Обвиняемый Макдональд, передавали ли вы 1 000 руб. Гусеву?

Макдональд (перевод). Обычно Гусеву деньги давал.

Вышинский. За что вы давали Гусеву деньги?

Макдональд (перевод). В некоторых случаях рабочие, занятые монтажом турбины фирмы «Метро-Виккерс», работали сверхурочно. Иногда по 24 часа.

Вышинский. Значит за сверхурочную работу?

Макдональд. Да.

Председатель. Подсудимый Макдональд, разве Гусев состоял у вас на службе?

Макдональд. Нет.

Председатель. А как же выполнял сверхурочную работу?

Макдональд. Рабочие-монтажники работали по 24 часа в сутки.

Вышинский. Жалованье они получали?

Макдональд. Да, получали.

Вышинский. Значит кроме того еще вы платили им?

Макдональд. Да.

Вышинский. Через Гусева?

Макдональд. Да.

Вышинский. И большую сумму заплатили?

Макдональд (перевод). Насколько я помню, за все время использовал для этой цели около 2 000-2 500 рублей.

Вышинский. Значит вы подтверждаете, что 2 500 руб. вы заплатили за так называемые сверхурочные работы?

Макдональд. Да.

Вышинский. Откуда вы получили эти 2 500 руб. на сверхурочные работы?

Макдональд. Часть денег – свои собственные, а часть от Московской конторы фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. От кого именно?

Макдональд. От главного инженера монтажного отдела Торнтонна.

Вышинский. Значит часть от Торнтонна, а часть из своих личных средств?

Макдональд. Да.

Вышинский. Следовательно для оплаты сверхурочных работ, производившихся монтерами на Златоустовской станции, вы пользовались своими личными средствами, из своего личного кармана платили за работу монтеров?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. И вы считали, что может заслуживать доверия объяснение, что вы своими средствами расплачивались?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. Прекрасно. Много у вас было таких личных средств?

Макдональд (перевод). Я не могу помнить.

Вышинский. Но много ли?

Макдональд (перевод). Всего у меня было 600-700 рублей.

Вышинский. Значит из 600-700 руб. вы заплатили 2500?

Макдональд (перевод). 600-700 руб. – это были мои собственные деньги.

Вышинский. А затем?

Макдональд (перевод). Я имел также деньги, которые получил из конторы фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. От Торнтонна?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. А много дал вам Торнтон?

Макдональд (перевод). Я точно не помню, но мне кажется, около 1½ тысячи рублей.

Вышинский. Около 1½ тысячи рублей, да еще 600 руб., выходит 2 100 рублей. Так?

Макдональд (перевод). Так.

Вышинский. А эти 600 рублей вам контора возместила или они пропали?

Макдональд (перевод). Пропали. (В зале шум.)

Вышинский. Когда вы были арестованы?

Макдональд (перевод). 11 марта.

Вышинский. Когда вас первый раз допрашивали?

Макдональд (перевод). На следующий же день.

Вышинский. Можно ли вам предъявить одно ваше показание и попросить объяснения?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. Это показание в томе XII, лист дела 14. Это показание написано на английском языке, это подлинник. Я попрошу предъявить эти показания Макдональду и спросить его, собственноручно написано им это или нет? (Передают для просмотра Макдональду подлинник показаний на английском языке.)

Вышинский. Ваши показания?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. Значит вы подтверждаете, что эти показания написаны вами собственноручно?

Макдональд (перевод). Подтверждаю.

Вышинский. Прошу прослушать следующую часть из этого показания – второй абзац первого листа. Я попросил бы переводчика прочитать это на английском языке. (Переводчик читает показания на английском языке). «Пока я был там, я ставил своей целью узнать все, что только можно о политическом, экономическом и военном состоянии страны. В этом мне сильно помогли инженер электростанции Гусев и отдельные, использованные им люди, Соколов и другие».

Вышинский. Что вы скажете по этому поводу?

Макдональд (перевод). Я считал, при данных обстоятельствах необходимым сделать заявление после предъявления мне других показаний.

Вышинский. Какие показания?

Макдональд (перевод). Первое показание, которое я видел, были написаны г-ном Торнтоном.

Вышинский. Значит вы говорили под влиянием показаний Торнтон?

Макдональд (перевод). Мне предъявили показания мистера Торнтон...

Председатель. От какого числа?

Вышинский. Он был арестован 11, очевидно могло быть 12. Я еще не знаю ответа на мой вопрос.

Макдональд (перевод). Прочитав текст показаний г-на Торнтон, который был мне предъявлен вместе со всем делом, и ознакомившись со всем этим, я решил, что при таких обстоятельствах, когда имеется столько данных против меня, я должен дать такое показание.

Вышинский. Следовательно показания Торнтон заставили вас дать такие показания?

Макдональд (перевод). Не показания, данные мистером Торнтоном, но тот факт, что существовали такие показания.

Вышинский. Какие же показания Торнтон вам были предъявлены? Поскольку сейчас вопрос переносится на Макдональда, может быть подсудимого Соколова попросить сесть, а Макдональда просить приблизиться?

Председатель. Подсудимый Соколов, садитесь. Подсудимый Макдональд.

Вышинский. Подсудимый Макдональд, вы дали показания 13 марта в силу того, что вам было предъявлено показание Торнтон. Будьте добры сказать, что содержалось в этих показаниях Торнтон?

Макдональд (перевод). В показаниях Торнтон было написано, что Торнтон использовал меня для собирания информации в Златоустовском районе и что с этой же целью был использован Гусев, а также упоминались фамилии некоторых английских инженеров.

Вышинский. В показаниях от 13 марта Макдональд говорит: «Пока я был там, я ставил своей целью узнать все, что только можно, относительно политического, экономического и военного положения страны. В этом мне много помогли инженер электростанции Гусев и использованные им люди – Соколов и другие».

Меня интересует эта часть – о военном положении страны – почему вы дали эти показания 13 марта? Выходит так, что предварительно вам показали показания Торнтон, который показал то же самое. Так ли я вас понял?

Макдональд (перевод). Я желаю, чтобы меня поняли следующим образом: я видел показания Торнтон и большую книгу, в которой заключены другие показания. Тогда я решил, что нецелесообразно или бесполезно дальше отрицать.

Вышинский. Вы решили, что дальше отрицать бесполезно. Правильно?

Макдональд. Да.

Вышинский (к суду). Я хочу спросить подсудимого Торнтон.

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, вы слышали этот допрос?

Торнтон. Слышал.

Вышинский. Макдональд здесь говорил, что когда его допрашивали 13 марта по поводу военного положения страны и когда он давал показания, то он это сделал под впечатлением ваших, Торнтон, показаний. Так вот, были ли вами даны такие показания, в которых вы говорите, что вы или Макдональд собирали военные сведения?

Торнтон. Были такие показания. Лист дела 26, 13 марта.

Вышинский. Значит не накануне 12 марта, а в тот же день?

Торнтон. Это было поздно ночью, или рано утром.

Вышинский. 14 числа?

Торнтон. Нет, я думаю, что это было 13.

Вышинский. Вы давали такие показания?

Торнтон. Давал, но я хочу сказать, что эти показания неправильны.

Вышинский. А вы под чьим влиянием давали эти показания? Макдональд давал под вашим влиянием, а вы очевидно под его влиянием? Почему вы дали неправильные показания?

Торнтон. Потому что я был очень взволнован, мужество потерял.

Вышинский. Почему вы потеряли мужество?

Торнтон. Под влиянием всех этих событий.

Председатель. Каких же событий?

Торнтон. Мой арест.*

* Оба джентльмена – Макдональд и Торнтон, конечно, не могли признаться, что их в ГПУ допрашивали с пристрастием, да еще угрожали то ли яички прищемить, то ли загнать иголки под ногти. Или же отдубасить резиновыми дубинками, которые не оставляют следов? Повторим показания Макдональда:

Вышинский. Вас вынудили к этому?

Макдональд. Вначале я отказался от этого.

Вышинский. Где?

Макдональд. У следователя, когда следователь сказал: подпишите, я сказал – нет. Но он не разрешил сделать иначе.

Вышинский. Неприятное событие, конечно.

Председатель. Один день просидели под арестом и уже мужество потеряли?

Вышинский. Вы кажется офицер?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Вы в армии служили?

Торнтон. Был.

Вышинский. В каком чине?

Торнтон. В обозе.

Вышинский. Обозная служба. Воевали в обозе?

Торнтон. Воевал в обозе.

Вышинский. Итак, вы были арестованы и арест произвел на вас впечатление?

Торнтон. Не арест, а это ужасное обвинение.

Вышинский. Вы вчера три раза ответили мне на три мои вопроса. Принуждали ли вас давать показания? Вы сказали: нет.

Торнтон. Я это и сейчас не говорю.

Вышинский. А вам предварительно показаний не предъявляли?

Торнтон. Они мне читали сводки из показаний.

Вышинский. Чьих?

Торнтон. Монкгауза.

Вышинский. Он тоже вас засыпал?

Торнтон. И Макдональда.

Вышинский. Значит Макдональд давал показания под впечатлением ваших показаний, которые ему предъявили. А вы давали показания под впечатлением макдональдовских показаний, которые вам предъявили? Какие же показания были раньше?

Торнтон. Я не совсем понял.

Председатель. Иными словами, кто кого выдал: Торнтон Макдональда или Макдональд Торнтон?

Торнтон. Я не знаю.

Вышинский. Позвольте удостовериться следующий факт. Макдональд объясняет свои показания 13 марта тем, что ему предварительно были предъявлены показания Торнтон. Под влиянием этих показаний он решил, что дальше отрицать нет никакого смысла и стал говорить то, что он сказал. Это правильно, Макдональд?

Макдональд. Правильно.

Вышинский. Торнтон утверждает, что он дал показания под влиянием предъявленных ему показаний Макдональда. Правильно это?

Торнтон. И других.

Вышинский. Пока меня интересует Макдональд. Это правильно?

Торнтон. Не целиком.

Вышинский. В этой части? В военной части?

Торнтон. Я дал явно неправильные показания.

Вышинский. Это мы потом разберем – правильные они или нет.

Торнтон. Я говорю, что они неправильные. Вы можете говорить, что угодно.

Вышинский. Я ничего большего не скажу, чем вы. Макдональд говорит, что он давал показания 13 марта под влиянием ваших показаний. Правильно ли я вас понял, что в этой части вы давали показания под влиянием макдональдовских показаний, вам предъявленных?

Торнтон. И других.

Вышинский. Я понимаю. Это правильно?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Какие показания были раньше, остается неразрешенным. Выходит, что влияли друг на друга. Но что-то предшествовало чему-то. Это вы можете объяснить?

Торнтон. Мне на руки не давали. Взяли папку и прочитали мне.*

Вышинский. Обвиняемый Макдональд, в этом же показании 13 марта вы признались в получении секретной информации относительно: 1) производства военных цехов механического и металлургического заводов, включая производство снарядных цехов, качества и количества изготовленных снарядов, их типы и др. данные; 2) о расширении военных цехов. Это вы подтверждаете, что вы так говорили?

Макдональд. Да, я так говорил.

Вышинский. Правильно, вы говорили. Но так не было на самом деле? Вы не получали таких сведений?

Макдональд. Гусев сказал, что они делают большие снаряды и маленькие.

Вышинский. Значит в этой части вы подтверждаете, что от Гусева получали сведения о снарядах – правильно?

Макдональд. Правильно.

Вышинский. Итак, вы действительно получали эти сведения от Гусева о снарядах?

Макдональд. Да, он мне сказал, что они там делаются.

Вышинский. Эти сведения о снарядах к фирме «Метро-Виккерс» какое-нибудь отношение имеют или нет?

Макдональд. Никакого.

Вышинский. Никакого. Почему же вы, служащий фирмы «Метро-Виккерс» получали сведения, которые никакого отношения к фирме «Метро-Виккерс» не имеют, для кого вы получали?

Макдональд. Для никого. Для себя.

Вышинский. Почему вас интересовали снаряды?

Макдональд. Из любопытства.

Вышинский. Любопытство – большой порок. Пока у меня к Макдональду вопросов нет.

Председатель. У меня есть вопрос. Почему вы сегодня решили сделать себя смешным в глазах суда и всех присутствующих в зале?

Макдональд (перевод). Я не думаю, что я выгляжу смешным.

Председатель. У меня еще один вопрос контрольного порядка к подсудимому Торнтону. Вы заявили на вопрос прокурора, что дали показание 12 марта на 2-й день после ареста, потому что потеряли мужество. Когда же мужество к вам вернулось и какого числа – не помните?

Торнтон. Мужество вернулось 4 апреля.

Председатель. В котором часу?

Торнтон. В 6 часов... (Шум, смех в зале.)

Председатель. Продолжаем допрос Соколова.

Вышинский. Подсудимый Соколов, что вы можете ответить по поводу того, что сейчас произошло в части, касающейся вашей шпионской работы? Действительно ли вы давали сведения военного характера или нет?

Соколов. Я давал сведения военного характера.

Вышинский. Когда вы получали деньги от Гусева, то вы слышали от него или может быть догадывались, за что вы получали деньги и от кого, чьи эти деньги, хотя вообще деньги не пахнут?

Соколов. Деньги были получены мной от Гусева и при этом было сказано – вот тебе премия от Василия Васильевича.

* Следователи ГПУ запросто могли и сфальсифицировать показания одного англичанина (зачитать их вслух с липовой бумажки), чтобы принудить другого дать такие же признательные показания, и наоборот.

Вышинский. Кто это такой?

Соколов. Макдональд.

Вышинский. Так называли Макдональда. Вы это подтверждаете, подсудимый Гусев?

Гусев. Да, я передавал.

Вышинский. Итак, Соколов получил 1 000 рублей от Гусева, Гусев получил 1 000 рублей и больше от Макдональда. Подтверждают Соколов, Гусев, Макдональд. Второе. Соколов сообщал сведения и военного характера, имеющие военно-государственное значение [(«делают снаряды большие и маленькие»!!!)]. Это подтвердил Соколов и Макдональд, что он такие сведения получал. Правильно?

Соколов. Да.

Вышинский. Гусев, правильно?

Гусев. Да.

Вышинский. Макдональд, правильно?

Макдональд. Да.

Вышинский. Больше у меня вопросов нет.

Председатель. У защиты есть вопросы к Соколову?

Защита. Нет.

Председатель. У подсудимых есть вопросы к Соколову?

Подсудимые. Нет.

Председатель. Объявляю перерыв на 20 минут.

Комендант. Суд идет. Прошу встать.

Председатель. Пожалуйста садитесь. Допрос Соколова будем считать законченным.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Казначеев. У меня два вопроса. Вы сказали здесь о некоторых периодах вашей контрреволюционной деятельности. За последний период вы указали на то, что вы получали деньги. А в прежние периоды, в частности в то время, когда у вас были отношения с Витвицким, тогда такое вознаграждение получали или нет?

Соколов. Нет.

Казначеев. Тогда материальный момент не играл роли?

Соколов. Нет.

Казначеев. В первый момент вашей работы материальный момент тоже не играл роли?

Соколов. Не играл большой роли.

Казначеев. Значит какую-то роль играл?

Соколов. Некоторую, потому что получаемый мной оклад был достаточно приличным.

Казначеев. Последний вопрос. Роль Гусева, когда он вас познакомил с Макдональдом, сводилась к простому посредничеству или к чему-нибудь другому?

Соколов. Роль Гусева была просто посредническая, потому что главным фактором, который толкал меня на контрреволюционную деятельность, активизирующим фактором, были частые разговоры с Макдональдом.

Казначеев. Вы интересовались у Макдональда, для чего он собирает сведения?

Соколов. Нет не интересовался, но я понимал, что это не его личные интересы. Если бы он спросил о работе турбины, это интересовало бы его фирму, но вопрос о количестве рабочих...

Казначеев. Это вы говорите о своих предположениях, а я спрашиваю, были ли конкретные разговоры на эту тему с ним?

Соколов. Конкретных разговоров не было, для чего эти сведения ему нужны.

Казначеев. Считали ли вы неудобным заводить такие разговоры или полагали, что он не ответит вам?

Соколов. Я считал неудобным.

Казначеев. Больше вопросов у меня нет.

Председатель (прокурору). Может быть у вас есть какие-нибудь вопросы?

Вышинский. Не имеется.

Председатель. Подсудимый Макдональд, пожалуйста сюда. У суда пока нет вопросов.

Вышинский. Подсудимый Макдональд, скажите пожалуйста, когда вы приехали впервые в СССР?

Макдональд. В начале 1928 года.

Вышинский. И какую должность заняли, приехавши в СССР?

Макдональд. Монтажного инженера по турбинам.

Вышинский. В каком городе вы поселились?

Макдональд. В Москве.

Вышинский. Значит вы приехали в 1928 г. в Москву и здесь поступили на должность монтажного инженера при московской конторе фирмы «Метро-Виккерс» или на какое-нибудь другое предприятие?

Макдональд. На 1-ю МГЭС.

Вышинский. Сколько времени вы проработали на этой должности?

Макдональд. 9-10 месяцев.

Вышинский. Кому вы были подчинены в этой работе по линии фирмы «Метро-Виккерс»?

Макдональд. Главному инженеру Монкгаузу.

Вышинский. Имели ли вы какое-нибудь служебное отношение в то время к Торнтону?

Макдональд. Нет.

Вышинский. Когда вы вошли в служебное отношение с Торнтоном?

Макдональд. В конце 1928 г. или в начале 1929 г.

Вышинский. Из Москвы с 1-й МГЭС вы куда направились?

Макдональд. После отпуска в Лондоне направился в Ленинград.

Вышинский. В Ленинграде вы оказались в конце 1928 г. Или в начале 1929 г.?

Макдональд. В конце 1928 года.

Вышинский. Где вы там работали?

Макдональд. На 5-й ГЭС.

Вышинский. Имели ли вы какое-либо отношение к «Красному Октябрю»?

Макдональд. Да.

Вышинский. Это 5-я ГЭС и есть «Красный Октябрь»?

Макдональд. 5-я станция называется «Красный Октябрь».

Вышинский. Вы во время пребывания в Ленинграде собирали какие-нибудь сведения?

Макдональд. Да.

Вышинский. Какие сведения?

Макдональд. Какие есть в показаниях.

Вышинский. Может быть разрешите огласить? Если потребуется, то это будет переведено. Вы говорили, что занимались систематическим, экономическим шпионажем. Подтверждаете это?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский. Политическим – подтверждаете это?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский. А военным?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский. А где вы получали сведения военного порядка?

Макдональд. Так около нашей электростанции был завод «Большевик».

Вышинский. Какие сведения вы получали с «Большевика» или о «Большевике»?

Макдональд. Там делают авиационные моторы и эти моторы испытывают.

Вышинский. А кроме авиационных моторов, относительно работы полигонов, где испытывались артиллерийские орудия, вы тоже сведения получали?

Макдональд. То, что было слышно.

Вышинский. Так что вы получали сведения по испытанию орудий. Так?

Макдональд. Да.

Вышинский. Эти сведения вы собирали в каких целях, для чего они нужны были?

Макдональд. Эти сведения мне были интересны.

Вышинский. Хорошо. Вы на предварительном следствии показали, что вы не один и не только вы лично занимались этой разведывательной деятельностью, но что этой разведывательной деятельностью вы занимались под руководством некоторых других лиц. Вы это подтверждаете?

Макдональд. Все, что я там узнал, говорил об этом с мистером Торнтоном.

Вышинский. В том числе и сведения насчет полигонов, орудий, авиационных моторов также передали Торнтону?

Макдональд. Тоже сказал.

Вышинский. Следовательно вы подтверждаете ваши показания о том, что разведывательная деятельность проводилась в СССР под руководством Торнтонна?

Макдональд. Да.

Вышинский. Подтверждаете и то, что участниками этой разведывательной деятельности кроме Торнтонна были и некоторые другие инженеры фирмы «Метро-Виккерс»?

Макдональд (перевод). Я не знал, но предполагал.

Вышинский. В частности вы предполагали, что инженер Кушни, бывший офицер английской армии, также был участником этой работы?

Макдональд. Предполагал.

Вышинский. Тоже предполагали. Значит в этой части у нас никаких разноречий нет.

Теперь позвольте вас спросить о следующем: когда вы переехали в Златоуст?

Макдональд. В начале 1930 года.

Вышинский. С кем вы там встретились?

Макдональд. Что?

Вышинский. С кем из русских инженеров было первое знакомство?

Макдональд. С самого начала было с главным инженером. Фамилию его я забыл.

Вышинский. С Гусевым когда познакомились?

Макдональд. Потом с Гусевым.

Вышинский. Какие были у вас отношения с Гусевым?

Макдональд. Дружеские.

Вышинский. У меня вопрос такого рода: говорили ли с Гусевым о порче оборудования? Ваши предварительные показания о моторе 1 400 л.с. вы подтверждаете или не подтверждаете?

Макдональд. Я подтверждаю, что я там показал.

Вышинский. Вы показали, что вы давали указание Гусеву произвести порчу мотора 1 400 л.с., вы это подтверждаете или нет?

Макдональд. Да.

Вышинский. Прекрасно. Подсудимый Гусев, вы подтверждаете ваши вчерашние объяснения об обстоятельствах, при которых вы получили от Макдональда такое поручение?

Гусев. Да, я полностью подтверждаю.

Вышинский. Садитесь. Скажите пожалуйста, в каком порядке вы получали сведения от Гусева, содержащие в себе данные военного характера. Получали ли вы за его подписью или как-нибудь иначе?

Макдональд. У нас был только разговор.

Вышинский. А те сведения, которые он посылал через Рябову, вы получили?

Макдональд. Да.

Вышинский. Почему пользовались Рябовой?

Макдональд. Потому, что она была моей хозяйкой.

Вышинский. Вам, что же, удобно было так?

Макдональд. Конечно, если она ехала из Златоуста в Зуевку, она могла привести письмо.

Вышинский. Значит вы пользовались услугами Рябовой, потому что так было удобно?

Макдональд. Да.

Вышинский. Когда вы передавали Торнтону ваши сведения, какие получили от Гусева, то эти сведения, которые получил от вас Торнтон, его удовлетворяли, он был доволен ими? считал их достаточными?

Макдональд. Да.

Вышинский. Вам Торнтон давал какие-нибудь поручения?

Макдональд. Какое поручение?

Вышинский. Чтобы собирать разные сведения.

Макдональд. Да, он мне сказал об этом.

Вышинский. Позвольте вас спросить теперь так: вы на предварительном следствии показывали, что Торнтон интересуется определенными вопросами – политические, экономические, военные – и что вами были собраны сведения о продовольственном положении, о работе завода «Большевик», о моторах для аэропланов, о производстве орудий, что эти сведения вы передавали Торнтону в декабре 1929 г.?

Макдональд. Да.

Вышинский. Значит вы подтверждаете, что в декабре вы передали сведения Торнтону о моторах для аэропланов, о работе завода «Большевик», о производстве орудий?

Макдональд. Да.

Вышинский (к Торнтону). Вы слышали показания Макдональда, где он говорит, что он вам в декабре 1929 г. передал сведения о моторах для аэропланов, о работе завода «Большевик», вы это подтверждаете?

Торнтон. Я не помню, чтобы он это говорил, но что завод «Большевик» делает орудия, это я сам знал.

Вышинский. А вы не припомните – был у вас разговор с Макдональдом относительно орудий, моторов и т.д.?

Торнтон. Не помню.

Вышинский. Так что, когда он говорит, что он вам сообщал...

Торнтон. Он говорит неправильно.

Вышинский. Значит, вы говорите...

Торнтон. Я не помню, что он это говорил.

Вышинский. Но нельзя сказать, чтобы он говорил неправильно – вы не можете утверждать, что это неверно.

Торнтон. Я говорю, что я этого не помню, но я говорю, что знал о работе завода «Большевик» и о полигоне. Когда там стреляют, на станции все окна трясутся.

Вышинский. Но все, которые слышат эту стрельбу, они еще не знают всего, что можно узнать об этих орудиях?

Торнтон. Они знают то, что я знаю. Я знаю, что там полигон и больше ничего.

Вышинский. Это мало.

Торнтон. Да, очень мало.

Вышинский. Макдональд говорит иначе. Конечно, когда речь идет об орудиях – ну хорошо, их все слышат. Ну, а когда речь идет о моторе для самолета?

Торнтон. Этот мотор испытывался против станции на другой стороне Невы, и эти моторы очень шумят, так что все могли слышать и этот шум.

Вышинский. Вы значит только слышали шум и больше ничего?

Торнтон. Больше ничего.

Вышинский. Значит Макдональд вам не передавал сведений?

Торнтон. Нет.

Вышинский. А Макдональд утверждает, что передавал. (К Макдональду.) Вы ведь это говорили?

Макдональд. Да, у нас был такой разговор.

Вышинский (к Торнтону). Значит кроме шума мотора был еще тихий разговор.

Торнтон. Этого я не подтверждаю.

Вышинский. А вы помните улицу Войкова в Ленинграде?

Торнтон. Да.

Вышинский. Помните дом № 13?

Торнтон. Да.

Вышинский. Может быть на этой улице, в этом доме у вас был разговор с Макдональдом перед его отъездом в Златоуст? Перед тем как Макдональд поехал в Златоуст, там у вас был какой-нибудь разговор?

Торнтон. Я думаю, что в это время было неизвестно вообще, что Макдональд уедет в Златоуст. Впрочем хорошо не помню.

Вышинский (к Макдональду). Было это известно, или это был секрет?

Макдональд. Конечно я знал, куда я еду.

Вышинский. Вы знали. А другие ваши товарищи – знали или нет? Например Торнтон. Или вы скрывали от них?

Макдональд. Все знали.

Вышинский. И Торнтон знал?

Макдональд. Я думаю, знал.

Вышинский (к Торнтону). А вы говорите, что не знали.

Торнтон. Я не могу это твердо сказать. Я думал, что он был назначен в Златоуст из Англии. Может быть я и знал.

Вышинский. Так вы не помните? Может быть вы знали? У вас что, вообще память слабая?

Торнтон. На числа слабая память.

Вышинский. На числа и на факты?

Торнтон. Это вы добавляете – на факты?

Вышинский. Я только спрашиваю вас – факт разговора и факт вашей осведомленности о том, что Макдональд едет – это не числа, а факты. На факты у вас слабая память?

Торнтон. Я хорошо не помню.

Вышинский. Итак, вы не помните разговора, который был у вас с Макдональдом о Златоусте?

Торнтон. Если я не знал, что он туда едет, то я не помню и разговора.

Вышинский. Я хочу вам напомнить. В этом разговоре вы просили Макдональда достать сведения о военных производствах на Златоустовских заводах?

Торнтон. Это абсолютная ложь.

Вышинский. Макдональд, вы давали показания на следствии: «Торнтон просил меня достать сведения о военных производствах»? Вы это подтверждаете?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский (к Торнтону). Может быть вспомните?

Торнтон. Я никогда не просил собирать военных сведений.

Вышинский. На предварительном следствии вы говорили об этом при очной ставке с Макдональдом?

Торнтон. Да, говорил. Следователь спрашивал – Макдональд сообщал мне насчет этих полигонов?

Вышинский. А был ли у вас разговор о военно-оборонительных средствах, о сведениях оборонительно-наступательного порядка, о том, каковы военные возможности оборонительно-наступательного порядка Советского союза. Такой разговор был у вас?

Торнтон. Не был. Там есть мое показание.

Вышинский. Повторите его.

Торнтон. Если это от 26 марта, то я отрицаю.

Вышинский. Нет, это не 26. Тоже отрицаете?

Торнтон. Отрицаю.

Вышинский. У вас была очная ставка с Макдональдом?

Торнтон. Была.

Вышинский. На этой очной ставке Макдональд заявил о том, что вы интересовались и получили сведения от Макдональда оборонительно-наступательного характера, характеризующие оборонительно-наступательные военные возможности Советского союза?

Торнтон. Насколько я помню, Макдональд это говорил.

Вышинский. А вы подтвердили это?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Тогда не подтвердили?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Позвольте огласить. На листе 121, том XVIII, вопрос 10 к Торнтону: «Вы сказали, что получили от Макдональда сведения, освещающие оборонительно-наступательные возможности Советского союза. Подтверждаете ли вы эти ваши показания?» И ответ Торнтон: «Да, подтверждаю получение от Макдональда сведений об оборонительно-наступательных возможностях Советского союза». Что вы скажете?

Торнтон. Я имел в виду, что Макдональд мне сказал...

Вышинский. Я огласил то, что он сказал. А вы подтвердили?

Торнтон. Да.

Вышинский. Подтвердили. Так как же вы сейчас говорите, что не подтвердили?

Макдональд, вам был задан вопрос, давали ли вы информацию Торнтону о наступательных и оборонительных возможностях и каких именно? Вы отвечали – да. Это правильно? Вы это подтверждаете?

Макдональд. Правильно.

Торнтон. А я что сказал?

Вышинский. И вы сказали – подтверждаю, получал от Макдональда сведения об оборонительных и наступательных возможностях Советского союза.

Торнтон. О снарядах я отрицаю окончательно.

Вышинский. Вы говорили только о том, что шумят моторы, стреляют пушки и больше ничего?

Торнтон. Да.

Вышинский. Почему вы раньше иначе говорили?

Торнтон. Я уже объяснял вам.

Председатель. Мужество потеряли?

Торнтон. Да.

Вышинский. Дальше вам был задан вопрос – подтвердите ли вы, что Макдональдом были переданы эти сведения. Ваш ответ – он мне говорил, что делают снаряды вообще в Златоусте. Говорил он это?

Торнтон. Я это сам знал.

Вышинский. Это не написано. Дальше здесь сказано – он мне говорил, что в Ленинграде собрано много войск.

Торнтон. Это правильно.

Вышинский. А о снарядах говорил?

Торнтон. Может быть, по-обывательски.

Вышинский. Это понятно – сообщал обывательские сведения о снарядах? И так, можно сказать, что у вас происходил с Макдональдом разговор о Златоустовских заводах и в частности о выделке снарядов? Правильно?

Торнтон. Может быть, это и все. Я хорошо не помню.

Вышинский. Вы же говорите, что были разговоры?

Торнтон. Я подтверждаю, что были обывательские разговоры.

Вышинский. Еще с кем-нибудь были такие обывательские разговоры?

Торнтон. Было много людей.

Вышинский. Например с Монкгаузом о военных снарядах?

Торнтон. Нет, с русскими.

Вышинский. И так, были специальные обывательские разговоры с русскими о снарядах?

Торнтон. Нет, с Макдональдом. Он говорил, что делают снаряды. Это и я знаю.

Вышинский. Значит вы, интересуясь этим, проверяли свои знания? Ну, а скажите, вы кроме того знали о том, что Гусев связан шпионской работой с Макдональдом?

Торнтон. Я знал, что Гусев друг Макдональда.

Вышинский. А что он друг по шпионажу?

Торнтон. Этого я не знал.

Вышинский. А на предварительном следствии вас спрашивали; об этом?

Торнтон. Там написано, что Гусев является резидентом, если не ошибаюсь.

Вышинский. А вы сказали, что это подтверждаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Сейчас не подтверждаете?

Торнтон. У нас нет шпионской работы вообще.

Председатель. Дело не в названии, можно назвать это иначе.

Вышинский. Давайте проверим некоторые факты еще раз. Гусев друг Макдональда, Гусев собирает для Макдональда какие-то сведения. Это вы знали?

Торнтон. Сведения, которые могли интересовать нашу фирму.

Вышинский. Я не знаю, какие сведения вашу фирму могут интересовать. Это мы увидим дальше при вашем содействии. Я спрашиваю, было ли известно вам, что Гусев собирал для Макдональда какие-то сведения?

Торнтон. Макдональд получил сведения от Гусева благодаря его дружескому отношению.

Вышинский. И кроме того благодаря еще деньгам? Деньги-то платились?

Торнтон. Я здесь слышал, что платились.

Вышинский. Ах, здесь, а раньше не слышали. Макдональду вы дали две тысячи с лишним рублей?

Торнтон. Дал Макдональду две тысячи рублей, чтобы исправить его скверный дебет.

Вышинский. Что же, он растранижил деньги?

Торнтон. Нет, не транжирил.

Вышинский. А почему плохой был дебет?

Торнтон. Потому, что он взял много денег вперед.

Вышинский. Почему?

Торнтон. Я не знаю – почему. Он должен был несколько тысяч рублей.

Вышинский. И вы хотели поправить его денежные дела?

Торнтон. Я расскажу подробно, как это было.

Вышинский. Значит в это время, когда Гусев передавал Макдональду сведения, вам не было известно, что Гусев получал от Макдональда деньги?

Торнтон. Я этого не знал.

Вышинский. А какие сведения Гусев давал, вы это знали?

Торнтон. Самые обыкновенные сведения о станции.

Вышинский. То есть?

Торнтон. Как работают машины.

Вышинский. Зачем это Гусев должен был сообщать? Макдональд, он мог, сообщить это.

Торнтон. Когда сам Макдональд был – это другое дело.

Вышинский. А то, что он эти сведения давал шире, чем только о работе станции, вы это отрицаете?

Торнтон. Может быть немножко шире давал. Говорил вообще о Златоусте, затем о прочности местной власти.

Вышинский. Местной советской власти Златоустовской или вообще?

Торнтон. Вообще и на месте.

Вышинский. Может быть вас интересовали слабые места электростанции с точки зрения аварий?

Торнтон. Это меня очень интересовало, только позвольте сказать – почему.

Вышинский. Мы потом это выясним.

Торнтон. Так нельзя, я хочу докончить.

Вышинский. Пожалуйста.

Торнтон. Мне надо знать слабые места, чтобы определить, если будет авария на генераторе, то в каком порядке распределительные устройства, линии, трансформаторы и вообще внутренняя проводка, в каком она виде.

Вышинский. Не интересовали ли вас слабые места для того, чтобы эти слабые места как-нибудь покрыть?

Торнтон. Зачем я буду покрывать их оборудование?

Вышинский. Ваше.

Торнтон. Мы говорили о слабых местах не нашего оборудования.

Вышинский. Ваше оборудование там было?

Торнтон. Были турбины, были распределительные устройства.

Вышинский. Может быть вы интересовались слабыми местами, чтобы их как-нибудь покрыть?

Торнтон. Конечно это тоже нужно было знать, чтобы не покрыть, а исправить.

Вышинский. Вы знали механика Марина?

Торнтон. Знал.

Вышинский. Это где было?

Торнтон. На 1-й ГЭС [в [Москве](#)].

Вышинский. Этому Марину вы давали какие-нибудь деньги?

Торнтон. Давал.

Вышинский. Много?

Торнтон. Может быть 300-400 рублей.

Вышинский. А за что давали?

Торнтон. За исправление мелких дефектов, может быть без ведома начальства, и вообще за наше оборудование.

Вышинский. Может быть за то, чтобы Марин не сообщал об этих дефектах по начальству?

Торнтон. Это слишком громко.

Вышинский. Вы так сказали.

Торнтон. Мало ли что я сказал, ведь суд-то здесь.

Вышинский. Суд ничего не рассматривает оторванно. Суд проверяет то, что было раньше. Вот в XIX томе, на стр. 337 вы говорили, что «монтер Марин из МОГЭС получил от меня в общей сложности 400 рублей. Деньги я ему дал за то, чтобы в случае обнаружения им мелких дефектов в нашем оборудовании он не сообщал об этом по начальству и таким образом, чтобы фирма не имела претензий и рекламаций». Вы это подтверждаете?

Торнтон. Подтверждаю.

Вышинский. Так было на самом деле?

Торнтон. Это немного загнуто.

Вышинский. А кто загнул?

Торнтон. Я сам. То, что я там написал, меня это не так трогает, потому что здесь суд и здесь разберутся.

Вышинский. Вот мы и разбираем.

Председатель. Очевидно он нарочно загнул, чтобы дать больше работы суду.

Вышинский. Вы дали такие показания в отношении Марина. Пойдем дальше. Вы писали тогда же: «Подтверждаю, что всем инженерам и техникам, перечисленным в показаниях от 13 марта, были даны денежные средства, чтобы они скрывали отдельные обнаруженные дефекты нашего оборудования». Такие показания вы давали?

Торнтон. Давал.

Вышинский. Они соответствуют действительности?

Торнтон. Нет не все.

Вышинский. Но здесь записано в протоколе, и здесь перечислены конкретные лица.

Торнтон. Инженеров нет, это был один инженер.

Вышинский. Какому же инженеру вы давали деньги?

Торнтон. Инженеру не давал.

Вышинский. Вы сказали – был один инженер.

Торнтон. Дал заимобразно.

Вышинский. Как фамилия этого инженера?

Торнтон. Долгов.

Вышинский. Сколько дали ему заимобразно?

Торнтон. 3 000 рублей.

Вышинский. Из ваших собственных средств?

Торнтон. Нет, из кассы общества.

Вышинский. Как провели по книгам эти деньги? Написали Долгову заимобразно?

Торнтон. Так не было написано.

Вышинский. Это были «переходящие суммы»?

Торнтон. Да. (В зале шум.)

Председатель. Суммы, «переходящие» из кармана в карман!

Вышинский. Значит, подсудимый Торнтон, у вас был такой порядок в конторе, что когда вы даете заимобразно, в книгах записываете не то, что было на самом деле? Почему написали «переходящие суммы»?

Торнтон. Потому что мы думали, что заимобразно.

Вышинский. Нужно было открыть счет Долгову – заимобразно 3 000 рублей.

Торнтон. Так было бы лучше.

Вышинский. Может быть это было бы лучше, но опаснее, «переходящие суммы» показывать менее опасно?

Торнтон. Если хотите, я расскажу об этом.

Вышинский. Расскажите потом, когда вас будут допрашивать.

Торнтон. Но сейчас получается так, что ваша половина выходит, а моя нет.

Вышинский. Сейчас я допрашиваю вас, поэтому выходит моя половина. Мы к Долгову вернемся, и вы тогда дадите точное показание. Значит можно сказать, что инженер Долгов получил от вас под видом займа «переходящих сумм» 3 000 руб., которые вы записали затем как «переходящие суммы»?

Торнтон. Да.

Вышинский. Какие техники получали?

Торнтон. Монтеры, техники не получали.

Вышинский. Значит и это правильно. Что же в этих показаниях неправильно? Долгов получал, монтеры получали, значит – все правильно?

Торнтон. Инженеры, кроме Долгова, ничего не получали.

Вышинский. Я говорю об одном Долгове. Долгов получал, монтеры получали. Может быть они получали за сверхурочную работу?

Торнтон. Это имело место с монтером Мариным.

Вышинский. Значит за сверхурочную работу?

Торнтон. Нет, за командировки и за сверхурочную работу.

Вышинский. А Долгова тоже командировали?

Торнтон. Долгова – нет.

Вышинский. Он сверхурочно работал?

Торнтон. Может быть. Он много работал. Позвольте мне рассказать.

Председатель. Товарищ Вышинский, вы удалились от допроса Макдональда.

Вышинский. Это настаивает подсудимый [Торнтон].

Председатель. У вас больше к Торнтону вопросов нет?

Вышинский. Нет. У меня вопрос к Макдональду.

Торнтон. Товарищ председатель, я хочу договорить свою половину, так как получается неудобно для прессы. Я прошу разрешить рассказать, как было дело.

Председатель. Через полчаса вы расскажете, а сейчас надо закончить допрос Макдональда.

Вышинский. Значит показания, которые давали на очной ставке, вами частично подтверждаются, а частично отрицаются?

Торнтон. Да.

Вышинский. А вы, подсудимый Макдональд, подтверждаете показания на очной ставке с Торнтоном?

Макдональд. Да.

Вышинский. У меня к Макдональду вопросов нет.

Рогинский. У меня есть вопросы. У вас очная ставка с Гусевым была?

Макдональд. Была.

Рогинский. Вы свои показания на этой очной ставке по вопросу о характере тех сведений, которые вам передавал Гусев, помните?

Макдональд. Я подтверждаю эти показания.

Рогинский. Вы подтверждаете эти показания?

Макдональд. Да.

Рогинский. Я прошу разрешения огласить эти показания Макдональда и в связи с этим задать несколько вопросов.

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Том XII, страница 29 из дела Макдональда. Вопрос Макдональду: «Прошу перечислить, какие именно сведения военного характера вы собирали через Гусева». Был вам поставлен такой вопрос?

Макдональд. Да.

Рогинский. Макдональд ответил: «Гусев имел от меня поручение собирать и собирал систематически секретные сведения по следующим вопросам: Во-первых, о работе военных цехов механического и металлургического заводов. Сюда входило: производственная мощность снарядных цехов, количество выпускаемых снарядов, их типы и т.п. моменты. Во-вторых, о расширении военных цехов. Третье – данные о выпускаемых специальных сталях, идущих на военные заводы для производства вооружений, и четвертое – энерго-снабжение заводов и вопросы, связанные с бесперебойной работой военных цехов». Это те показания, которые вами были даны на очной ставке?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы их подтверждаете?

Макдональд. Да. Рогинский. Эти сведения вы получили от Гусева?

Макдональд. Да. Рогинский (к Гусеву). Такого характера сведения вы собирали?

Гусев. Да.

Рогинский. И передавали Макдональду?

Гусев. Да.

Рогинский (к Макдональду). Ваши показания по вопросу об организации порчи машин на Златоустовских заводах, данные на очной ставке, вы помните?

Макдональд. Помню.

Рогинский. Был вам поставлен вопрос, что по вашему прямому поручению Гусев производил порчу мотора крупносортового стана металлургического завода с целью задержать выпуск снарядов?

Макдональд. Да.

Рогинский. Правильно ли здесь отражены ваши показания, когда вы ответили: «По-видимому это было у меня или у инженера Гусева на квартире. Я указывал Гусеву, пользуясь сближением с ним, что в качестве средств борьбы с советской властью нужно использовать такое средство, как совершение аварий на заводе, причем в особо важных его пунктах. Я просил, как крайне важную меру для задержки производства снарядов, произвести порчу указанного выше мотора, зная, что это будет иметь определенные эффективные последствия. Гусев сначала колебался, а потом согласился. Таким образом, что приостановка мотора имела место в мае. Впоследствии это повторялось несколько раз в июне и августе 1932 г., после моего отъезда с Урала на Украину». Правильны эти показания?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы их подтверждаете?

Макдональд. Да.

Рогинский (к Гусеву). Такой разговор имел место?

Гусев. Да.

Рогинский. При такой обстановке, как она показана здесь?

Гусев. Да.

Рогинский (к Макдональду). А о порче других машин, кроме мотора, был у вас разговор, с Гусевым?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы помните те показания, которые вами на очной ставке с Гусевым были даны по вопросу о порче иных машин – о задержке монтажа котлов №№ 1, 2 и 11, о замораживании котла № 8?

Макдональд. Прошу повторить еще раз этот вопрос.

Рогинский. Вам был задан вопрос: «Подтверждаете ли вы, что давали инженеру Гусеву ряд других заданий по совершению аварий?». Был задан такой вопрос?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы на предварительном следствии дали следующий ответ: «Средством для осуществления этого я избрал снижение мощности электростанции с 12 000 киловатт до 6 000 киловатт, ровно наполовину. При таком положении малейшая авария на станции должна была привести к полному параличу и остановке работы завода. В силу этих соображений я дал инженеру Гусеву задание вывести из строя котлы №№ 1, 2, 8, 11 и так же углеподачу. Задания были выполнены». Правильны эти показания?

Макдональд. Да.

Рогинский (к Гусеву). Имели место такого рода задания?

Гусев. Да.

Рогинский. Вопрос к подсудимому Макдональду. Эти аварии имели место во время вашего пребывания в Златоусте или после отъезда?

Макдональд. После отъезда.

Рогинский. Когда вы узнали о том, что эти аварии выполнены?

Макдональд. Когда Гусев приехал ко мне в сентябре месяце 1932 г.

Рогинский. После приезда Гусева к вам в Зуевку?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы Торнтону о совершенных авариях сообщали?

Макдональд. Я ему сказал, что Гусев мне сказал, что были такие аварии.

Рогинский. Когда вы сообщили Торнтону об этом?

Макдональд. Сейчас не помню. Когда была наша следующая встреча.

Рогинский. Не в Зуевке?

Макдональд. В Зуевке.

Рогинский. У вас очная ставка с Торнтоном была?

Макдональд. Была.

Рогинский. По этому вопросу на очной ставке вы помните какие показания давали?

Макдональд. Сейчас не помню.

Рогинский. На листе 123, том XVIII мы имеем следующий вопрос и следующий ответ. Вопрос Макдональду: «Рассказывали ли вы об аварии на Златоустовке и как Торнтон отнесся к этой деятельности?». Ответ: «Я думаю, это было хорошо сделано, и все, что я сказал Торнтону – он был этим доволен». Имело место это?

Макдональд. Это была очная ставка с Торнтоном?

Рогинский. Да.

Макдональд. Сейчас я не могу вспомнить.

Рогинский. Такого рода разговор с Торнтоном был у вас?

Макдональд. Да, я ему сказал, что такие аварии были.

Рогинский. Со слов Гусева вы ему сказали, что такие аварии произошли. Правильно?

Макдональд. Да.

Рогинский. И это имело место в Зуевке?

Макдональд. Да.

Рогинский. Сведения, которые вам передал Гусев, вы в свою очередь передали Торнтону?

Макдональд. Да, что Гусев сказал мне, я передал Торнтону.

Рогинский. Один вопрос Торнтону. На вопрос товарища Вышинского вы заявили, что никаких сведений военного характера не собирали.

Торнтон. Нет.

Рогинский. Какие показания уже не 13 марта, не 15 и не 19, а в тот самый день, когда, по вашему заявлению председательствующему, к вам вернулось мужество, по этому вопросу вы дали? Вы не помните? У следователя по важнейшим делам 4 апреля?

Торнтон. Я ошибочно подписал, что я виновен.

Рогинский. Я о том, что вы ошибочно подписали, не говорю. Я спрашиваю вас о характере тех сведений, которые вы собирали? Вы об этом сказали, это том XIX, на листе дела 343, оборот.

Торнтон. Я не понимаю вопроса.

Рогинский. Я спрашиваю вас, подтверждаете ли вы свои слова: «Шпионские сведения военного характера я имел с Путиловского завода [[«Красный Путиловец» в Ленинграде](#)]».

Торнтон. Да, только это не касается Макдональда.

Рогинский. Правильно это?

Торнтон. Путиловский завод есть.

Рогинский. С Мытищинского завода?*

Торнтон. Есть.

Рогинский. Значит, вы собирали сведения военного характера?

Торнтон. Это обывательские сведения.

Рогинский. Эти «обывательские» сведения, имеющие военно-государственное значение, вами собирались?

Торнтон. Нет, не собирались, мне эти сведения попали случайно.

Вышинский. От кого?

Торнтон. Я ей-богу не знаю. Если говорить подробно...

Вышинский. Скажите коротко – от кого?

Торнтон. Простые ответы не годятся. Можно немного подробнее?

Рогинский. Пока можно зафиксировать следующее, что случайные сведения военно-государственного значения к вам попадали и вы их собирали по Путиловскому заводу.

Торнтон. Они попадали и больше ничего.

Рогинский. По Путиловскому заводу, Мытищинскому заводу и такого же рода сведения по поручению Гусева через Макдональда попадали к вам и по Златоусту?

Торнтон. Нет.

Рогинский. 10 минут тому назад вы это подтвердили, отвечая на вопрос Вышинского.

Торнтон. Я только знал, что там делали снаряды и больше ничего.

Рогинский. Перейдем к другим фактам. Следователь тут записал с датой 4 апреля: «При предъявлении обвинения подсудимому Торнтону ему было предъявлено постановление по 4 пунктам. Первый пункт обвинения – занимался экономическим и военным шпионажем. Второй пункт – привлек для шпионской работы ряд советских инженеров и техников и давал им разными суммами деньги за передаваемые сведения. Третий пункт – как лично, так и через посредство Макдональда и других инженеров указанной фирмы, ему подчиненных, систематически давал взятки ряду советских инженеров за скрывание ими дефектов в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс». Четвертый пункт – давал задания Макдональду и другим инженерам фирмы: организовывал и проводил через посредство специально привлеченных советских инженеров и техников порчу оборудования и аварии на ряде электростанций и предприятий СССР». Предъявили вам это обвинение?

Торнтон. Да.

Рогинский. Вслед за этим написано Торнтоном следующее: «Виновным себя в предъявленных мне обвинениях я признаю кроме 4-го пункта, т.е. кроме организации аварий». Следовательно в экономическом и военном шпионаже виновным себя признали?

* Мытищинский вагонный завод входил в оборонную номенклатуру под №40.

Торнтон. В данном документе да.

Рогинский. В даче денег за экономический и военный шпионаж признали себя виновным?

Торнтон. В этом документе да.

Рогинский. В даче взяток за скрытие дефектов оборудования себя признали?

Торнтон. В этом документе да.

Рогинский. Этот документ от 4 апреля, данный не в ОГПУ, а у следователя по важнейшим делам в присутствии заместителя прокурора республики. Перехожу дальше. На другом допросе, произведенном вам 20 марта заместителем прокурора республики Рогинским в присутствии прокурора республики Вышинского, вы помните ваши показания по этому же вопросу?

Торнтон. Это было в ГПУ?

Рогинский. Допрос был произведен в ГПУ заместителем прокурора в присутствии прокурора республики. Вот что в протоколе написано: «Мне объявлено, что дело, возбужденное против меня органами ОГПУ, передано в прокуратуру». Вам было сказано, что с этого момента уже дело передано в прокуратуру и следствие ведется прокуратурой. Так?

Торнтон. Да.

Рогинский. «Данные мной сведения в органах ОГПУ были предъявлены на этом допросе». На этом допросе ваши показания предъявлялись?

Вышинский. Были вам предъявлены вот эти показания от 11 марта?

Торнтон. Я хорошо не помню, может быть были.

Вышинский. Вы обсуждали их в нашем присутствии, эти три предыдущих протокола. Постарайтесь припомнить.

Торнтон. Не знаю.

Вышинский. Значит на этот вопрос мы не получаем от вас ответа. Помните ли вы, что 19 марта, примерно в 6 часов вечера вам было предъявлено товарищем Рогинским, в присутствии прокурора республики, несколько ваших показаний, данных вами в ОГПУ, вы ознакомились с ними и после этого вам был предложен ряд вопросов. Вы это помните?

Торнтон. Да, помню.

Вышинский. Значит можно удостовериться, что вам были предъявлены Рогинским, в присутствии прокурора республики ваши предыдущие показания?

Торнтон. Да.

Рогинский. В этом протоколе после предъявления вы признали следующее: «Признаю свою виновность в том, что, состоя главным инженером по монтажу фирмы «Метро-Виккерс», занимался шпионажем». Говорили вы это?

Торнтон. Да.

Рогинский. Дальше: «В том, что для проведения означенной шпионской деятельности я привлек ряд русских инженеров и техников, фамилии которых указал в ранее данных показаниях». Ваше показание?

Торнтон. Да.

Рогинский. «В том, что за проводимую шпионскую работу выплачивалось привлеченным мною лицам денежное вознаграждение». Ваше показание?

Торнтон. Да.

Рогинский. «В том, что эта работа проводилась в соучастии не только с привлеченными русскими инженерами и техниками, но проводил и организовывал ее по соучастию с рядом работников фирмы «Метро-Виккерс» – Макдональд, Кушни, Монкгауз и ряд других, указанных в протоколе от 13 марта 1933 г., о которых буду говорить дальше». Правильно?

Торнтон. Да.

Рогинский. Эти показания были даны вами?

Торнтон. Да, вы их писали.

Рогинский. Правильно. Записаны с ваших слов?

Торнтон. Писали-то вы?

Рогинский. Говорили-то вы?

Торнтон. Я так хорошо по-русски не говорю.

Рогинский. Хорошо, когда окончим эти показания – посмотрим, кто писал эти показания.

Вышинский. Все то, что здесь записано, вы говорили или нет?

Торнтон. Я говорил так, но [сейчас на суде] отрицаю их, конечно.

Рогинский. Дальше: «Признаю вину в том, что я давал взятки русским инженерам и техникам за сокрытие ими дефектов и недостатков в работе поставляемых нашей фирмой машин и оборудования». Эти показания вами давались?

Торнтон. Давались.

Рогинский. Наконец седьмое: «В том, что давал взятки за собирание мне сведений о предполагаемом получении машин и оборудования из-за границы». Так?

Торнтон. Я говорил так, но давать не давал.

Рогинский. Я прошу разрешения предъявить эти показания Торнтону и спросить, кто их писал. Он говорит, что я их писал (показывает Торнтону). Это ваша рука?

Торнтон. Моя рука. Это перевод того, что вы писали.

Вышинский. Кто вел этот допрос, кто вас спрашивал и кому вы отвечали?

Торнтон. Помощник прокурора гражданин Рогинский.

Вышинский. Значит он вас допрашивал?

Торнтон. Да.

Вышинский. Он записал то, что вы ему говорили, или не то, что вы говорили?

Торнтон. Дело было так. Он собрал все те сведения, которые я писал в ОГПУ.

Вышинский. Он вам их предъявил?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы просмотрели и прочитали?

Торнтон. Да.

Вышинский. И потом отвечали?

Торнтон. И потом он написал.

Вышинский. То, что здесь написано Рогинским, это то, что вы ему говорили, или не то, что ему говорили?

Торнтон. Я так хорошо по-русски говорить не умею.

Вышинский. По этому протоколу сколько времени был допрос? 5 минут, 10 минут или час?

Торнтон. Совсем мало.

Вышинский. Примерно около часу?

Торнтон. Не больше.

Вышинский. Он писал то, что вы говорили, или он говорил, а вы соглашались?

Торнтон. Он говорил, а я соглашался.

Вышинский. А почему вы соглашались?

Торнтон. Я соглашался на основании этих ложных бумаг.

Рогинский. А 4 апреля вы подтвердили эти показания? Почему вы их подтвердили?

Торнтон. 4 апреля в ОГПУ подтвердил.

Рогинский. А после вручения вам обвинительного заключения вы какое-нибудь заявление сделали по поводу этого показания?

Торнтон. Не делал, потому что не знал, что можно делать.

Вышинский. А вам не было объявлено, что можно сделать замечания?

Торнтон. Мы пришли в комнату, нам дали бумагу и сказали – распишитесь. Вот и все.
Вышинский. А вы прочитали, что подписали в прокуратуре республики?

Торнтон. Я не был в прокуратуре республики кроме того случая, когда приходили за вещами.

Рогинский. Вот протокол объявления, что предварительное следствие закончено. Оглашаю: «4 апреля 1933 г. следователь по важнейшим делам при прокуроре республики Шейнин, руководившийся 207 ст. УПК, объявил Торнтону о том, что предварительное следствие по его делу окончено, и Торнтон заявил – дополнить показания ничем не могу, желаю ознакомиться с делом и желаю иметь защитника». Это было 4 апреля?

Торнтон. Да.

Рогинский. Значит 4 апреля, когда вам было объявлено об окончании следствия, вы никаких заявлений не сделали. 5 апреля, когда вы в ОГПУ уже не были, вы заявления не сделали, 6 апреля вы заявления не сделали, 7 апреля вы заявления не сделали.

Торнтон. Я не понял, что можно. Я знал, что суд будет разбирать.

Рогинский. Суд и разбирает. Значит до открытия судебного заседания вы такого заявления не сделали?

Торнтон. Мне говорили, что нельзя.

Рогинский. Вас спрашивали, чем вы желаете дополнить оконченное предварительное следствие или какие заявления имеете?

Торнтон. Я не дополнить хотел, а взять обратно. (Шум в зале.)

Вышинский. Следовательно можно установить. Во-первых, Торнтон на всех допросах давал показания по всем эпизодам, по которым допрашивался. Всюду, в каждом следующем показании, он подтверждал свои предыдущие показания. Правильно? Нигде, никогда, ни в присутствии следователя по важнейшим делам, ни в присутствии прокурора и его заместителя точно так же никаких попыток опорочить эти свои показания не проявил. Не проявил своего недовольства этими показаниями. Правильно это?

Торнтон. Да, я считал, что это делать нужно на суде.

Вышинский. И кроме того 19 марта на специально поставленный вопрос о том, как он давал свои показания на предварительном следствии в ОГПУ, дал следующий ответ, который я прошу разрешить мне огласить с тем, чтобы можно было спросить по этому поводу Торнтон. Торнтон 19 марта сообщил: «Эти показания мной даны совершенно добровольно, без какого бы то ни было влияния или давления. Показания мной даны на английском языке и подписаны собственноручно. Протоколы очных ставок между мной и Гусевым и между мной и Кутузовой, предъявленные мне на этом допросе, в котором я подтвердил факт своей шпионской работы, мои связи с другими лицами, я читал, никаких замечаний сделать к записям этих протоколов не могу. Протокол записан правильно и подтвержден моей подписью. Протокол мной прочитан, записан правильно. Торнтон, 19 марта 1933 года». Подтверждаете это?

Торнтон. Нет. Это было написано; подпись моя.

Вышинский. Вы подтверждаете, что добровольно давали, без всякого влияния, без всякого давления?

Торнтон. Да.

Вышинский. Все, что вы прочитали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Потом подписали?

Торнтон. Да, и теперь суд будет разбирать их.

Председатель. Для чего же вы все-таки давали тогда такие сведения, лишь для того, чтобы отнимать у всех время – у суда, у прокуратуры, или из каких-либо особых соображений? Ведь то, что вы говорите, является абсурдом, вы в продолжение трех недель давали показания с тем, чтобы их теперь отрицать.

Торнтон. Я просто...

Председатель. Решили дать работу суду?

Торнтон. Я делал это потому, что, как! я говорил, я был напуган.

Председатель. Как напуган, кем напуган, где и когда напуган?

Торнтон. Не напуган арестом, последствиями, а просто вот...

Председатель. Нет, вы отвечайте точно, чтобы было всем ясно и понятно – кем напуганы, когда напуганы, в какой комнате?

Торнтон. Я хочу говорить через переводчика.

Председатель. Когда вы затрудняетесь ответить, вы всегда прибегаете к помощи переводчика. Ну, что ж, пожалуйста.

Торнтон. Нет, я по-русски. Я просто боялся, а чего и сам не знал.

Председатель. И вы боялись 11 марта, 12 марта, 13 марта и 4 апреля, вы боялись по видимому и 10 апреля, накануне суда, потому что никаких заявлений не сделали?

Торнтон. Там есть некоторые правильные моменты, но некоторые я хотел взять обратно, и мне говорили, что это нужно сделать во время суда.

Председатель. Кто вам говорил, назовите фамилию?

Торнтон. Мне говорил... (вспоминает).

Вышинский. Это уж не так важно. Разрешите узнать вот что. Меня интересует обстановка, в которой вы в прокуратуре республики допрашивались моим заместителем Рогинским, в моем присутствии, тогда эти факты, которые здесь изложены, они точно были записаны, как вы их излагали, или не точно?

Торнтон. Как говорил. Да, правильно.

Вышинский. Ничего не извращено?

Торнтон. Нет, чтоб вы что-нибудь переменили – нет.

Вышинский. Рогинский может быть?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Может быть ОГПУ извратило?

Торнтон. Нет, это моей собственной рукой подписано все.

Вышинский. И вашей головой. Ведь когда вы писали, вы обсуждали, думали?

Торнтон (молчит).

Председатель. А теперь чья голова за вас думает?

Торнтон. Теперь я чувствую себя иначе.

Вышинский. Давайте закончим с этим протоколом. Мне важно установить факт. Мы ведь выводы будем делать потом. Мне сейчас важно подтвердить из показаний, которые были даны 19 марта, что факты, которые здесь изложены, действительно излагались вами, что никакой фальсификации, подтасовки здесь не было допущено?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Показания, которые были вами даны до этого, были так же даны совершенно свободно, добровольно, без каких бы то ни было давлений и принуждений. Правильно я вас понимаю?

Торнтон. Правильно.*

* Прокуроры Вышинский и Рогинский, председатель суда Ульрих как ни в чем не бывало «ломают судебную комедию»: подсудимый Торнтон на открытом судебном процессе отказывается от признаний, выбитых из него на предварительном следствии «совершенно добровольно, без какого бы то ни было влияния или давления», а они на это плюют!!!

Вышинский. Больше у меня вопросов нет. Разрешите перейти к Макдональду. В январе 1932 года приезжала к вам в Зуевку Рябова. Что привезла вам Рябова, приехавши в Зуевку?

Макдональд. Письмо.

Вышинский. От кого?

Макдональд. От Гусева.

Вышинский. Вы прочитали это письмо?

Макдональд. Прочитал.

Вышинский. Что в этом письме было?

Макдональд. Сведения, информация, которая...

Вышинский. Которую вам, вообще давали?

Макдональд. Да.

Вышинский. Что сделали с письмом?

Макдональд. Бросил в печку.

Вышинский. Сожгли?

Макдональд. Да.

Вышинский. Почему; сожгли это письмо?

Макдональд. Вообще я все письма сжигаю.

Вышинский. Все письма от Гусева?

Макдональд. Не только от Гусева, но и все.

Вышинский. Всю переписку сжигали?

Макдональд. Да.

Вышинский. А это письмо особенно?

Макдональд. Нет, так же, как и другие.

Вышинский. С кем еще переписывались?

Макдональд. В России?

Вышинский. Да.

Макдональд. Ни с кем.

Вышинский. Только с Гусевым?

Макдональд. Да.

Вышинский. И все письма, которые получали от Гусева, вы бросали в печку?

Макдональд. Да.

Вышинский. Больше нет вопросов.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде. Какую сумму денег вы получили от Торнтонна?

Макдональд. Я не могу припомнить.

Брауде. А не было ли случая, чтобы вы сами перевели Торнтону какую-нибудь сумму денег?

Макдональд. Нет.

Брауде. Вы перевели из Англии 66 фунтов для Торнтонна. Не помните такого случая?

Макдональд. Нет.

Брауде. Такого случая не было, или вы не помните?

Вышинский. Он сказал, что не помнит.

Брауде. Вопрос Торнтону. Будьте добры сказать, сколько всего и какие суммы денег, и при каких обстоятельствах вы давали Макдональду?

Торнтон. Я платил ему 2 000 рублей. Макдональд дал чек на 66 фунтов, который я послал в свой банк.

Брауде. Откуда вы получили эти деньги? Откуда он их перевел? Через какой банк?

Торнтон. Нужно будет посмотреть.

Брауде. У вас есть документ?

Торнтон. Да.

Брауде. Официальный документ, который мы представим суду?

Вышинский. Вопрос защитника Брауде касается какого-то документа, который никому не предъявлен. Мне кажется правильнее был бы иной порядок: нужно было бы предъявить сначала документ, а потом вести допрос.

Брауде. Слушаю[сь], я полагал, что сделаю это в конце допроса. Мы сейчас заканчиваем допрос подсудимого Макдональда. Прокурор допрашивал подсудимого Торнтон. Я думаю, что мне можно его допрашивать в связи с допросом Макдональда.

Вышинский. Но нужно предварительно передать документ, а потом уже допрашивать. Сейчас был предъявлен какой-то документ. Защитником Брауде были заданы вопросы в связи с документом, поэтому я прошу дать возможность ознакомиться с этим документом. После этого было бы целесообразно проверить, дополнить или повторить ряд вопросов, которые по этому документу были заданы. Я об этом ходатайствую.

Председатель. Документ вы сейчас получите и с ним ознакомитесь.

Смирнов. Скажите, Макдональд, какое образование вы получили? Учились ли вы в средней школе, в колледже?

Макдональд. Нет.

Смирнов. Почему нет?

Макдональд (перевод). Когда мне было 11 лет, я получил увечье и не мог посещать школу.

Смирнов. Какое увечье?

Макдональд (перевод). Нога.

Председатель. Что нога?

Макдональд (перевод). Смещение кости.

Смирнов. А затем вы учились в Шеффилдском университете?

Макдональд (перевод). Во время, когда я не мог посещать школу, я занимался дома.

Смирнов. Что это значит – я не совсем понимаю. Это то, что по-русски называется вольнослушатель университета или штатный студент?

Макдональд (перевод). Я был штатным студентом университета.

Смирнов. Был штатным студентом. Разве можно поступить в английский университет, не имея какого-нибудь документа из средне-учебного заведения?

Макдональд (перевод). Принимая во внимание мои особые обстоятельства, можно было.

Председатель. Какие же особые обстоятельства?

Макдональд (перевод). То, что я не мог посещать обычную среднюю школу.

Смирнов. Вы держали какой-нибудь экзамен, испытания при поступлении в университет?

Макдональд (перевод). Да, я держал вступительный экзамен.

Смирнов. Скольких лет вы поступили?

Макдональд (перевод). 16 лет.

Смирнов. Когда вышли из университета, какого возраста были?

Макдональд (перевод). Я ушел после первого курса. Мне было 17 лет.

Смирнов. Значит были в университете в течение одного курса?

Макдональд. Да.

Смирнов. Таким образом являетесь ли вы инженером в русском смысле слова, т.е. окончившим высшее учебное заведение или по-теперешнему прошедшим большой практический стаж?

Макдональд (перевод). Я себя считаю инженером по своей практической работе.

Смирнов. Гражданин Макдональд является тем, что у нас называется старший монтер или техник, или это надо считать выше? Ведь вы знакомы с русскими монтерами и техниками. Считаете ли вы, что имеете большее образование, чем они, или нет?

Макдональд (перевод). Я считаю, что у меня образование больше, чем у обычного монтажника.

Смирнов. Во всяком случае можно сказать, что вы были в московской конторе или вообще в фирме «Метро-Виккерс» рядовым монтажным инженером?

Макдональд. Да.

Смирнов. Не можете ли вы сказать, какое вы получали жалование в Англии, когда работали по выходе из Шеффилдского университета?

Макдональд (перевод). Я поступил на завод «Метро-Виккерс» в качестве ученика и получал 2 фунта 10 шиллингов в неделю.

Смирнов. На наши деньги приблизительно 25 рублей? До отправления в Россию, какое получали максимальное жалование, служба в Англии?

Макдональд (перевод). До отъезда в Россию мое жалование было повышено до 3 фунтов в неделю.

Смирнов. Какое жалование вам было уплачено в России?

Макдональд (перевод). 12 фунтов в неделю.

Смирнов. 12 фунтов в неделю. Это было все, что вы имели от фирмы «Метро-Виккерс» в смысле денежном?

Макдональд. Это было условленное стандартное жалование.

Смирнов. Уплачивалось ли это жалование вам в валюте или каким образом?

Макдональд (перевод). Я получал в советской валюте 189 руб. в месяц, а остальные деньги я получал в английских, которые зачислялись на мой счет в Англии.

Смирнов. Значит так: из получаемых вами денег в Англии в банк вносилась вся сумма за исключением 20 фунтов, которые составляли по русскому курсу 189 рублей. Так?

Макдональд. Да, так.

Смирнов. Эти 189 руб. выплачивались вам в советской валюте? Так?

Макдональд. Так.

Смирнов. Какие-нибудь еще дополнительные средства вы получали по командировкам, то, что у нас называется суточными, квартирными, ваша квартира оплачивалась или кем предоставлялась?

Макдональд (перевод). Квартира, свет и отопление были, предоставлены мне русскими властями.

Смирнов. Тем заводом, на котором вы работали?

Макдональд. Да.

Смирнов. Получали ли вы какие-нибудь посылки продовольственного порядка, одежды, обуви из Англии, через контору «Метро-Виккерс» или непосредственно?

Макдональд. Получал.

Смирнов. Значит вы имели квартиру, отопление и освещение от завода. Вы получали продовольственные посылки, одежду и обувь из Англии. Затем вы располагали 189 руб., т.е. 20 фунтами, которые в переводе на русскую валюту составляют 189 рублей. Так?

Макдональд. Так.

Смирнов. Это все средства, которые вы имели. Скажите пожалуйста, почему у вас образовалась задолженность в кассе конторы, о которой творит Торнтон, что у вас была большая задолженность, если она была, то почему?

Макдональд. Я тратил много денег.

Смирнов. На что? На свои нужды?

Макдональд. На свои нужды.

Смирнов. Или вы тратили на то, что давали деньги Гусеву, монтерам?

Макдональд. Я тратил деньги, которые были на моем счету, на себя и кроме того я давал монтерам.

Смирнов. Скажите, когда было окончено дознание в ГПУ, то вы также были допрошены следователями по данному делу?

Макдональд (перевод). Да.

Смирнов. В присутствии прокурора республики и заместителя прокурора республики?

Макдональд. Да.

Смирнов. Вы подтвердили все ваши показания, которые дали раньше?

Макдональд. Да.

Смирнов. А кроме того не обращались ли вы с каким-либо личным заявлением, адресованным на имя председателя Верховного суда или на имя председателя Государственного политического управления?

Макдональд (перевод). Прошу повторить вопрос.

Смирнов. Я спрашиваю, не обращались ли вы с заявлением на имя прокурора Верховсуда и председателя ОГПУ?

Макдональд. Да.

Смирнов. Не можете ли вы приблизительно сказать, что было в этом заявлении написано?

Председатель. Если нужно, это можно огласить.

Макдональд (перевод). В настоящее время я не желаю повторять это заявление.

Смирнов. Тогда, у меня больше вопросов нет.

Макдональд (перевод). Я не хочу, чтобы это заявление было прочитано в данный момент.

Смирнов. Пожалуйста. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У других защитников есть вопросы?

Коммодов. Скажите, Макдональд, вы признали, что давали сведения политического, экономического, военного секретного свойства, признали акты диверсии, подкупа. Получали ли вы непосредственно от Монкгауза какие-нибудь поручения по той, по другой или по третьей линии обвинения?

Макдональд. Нет.

Коммодов. Давали ли вы когда-нибудь непосредственно Монкгаузу информации о проделанной работе по той, другой, или третьей из основных линий обвинений?

Макдональд. Нет.

Коммодов. Вы ответили на вопрос прокурора республики, что об участии других инженеров фирмы «Метро-Виккерс» вы только предполагаете. Вы подтверждаете это?

Макдональд. Да.

Коммодов. У меня вопросов больше нет. Позвольте обратить внимание судей на то, что показания Макдональда находились в соответствии с показаниями Макдональда, данными на предварительном следствии в части тома XII, листа дела 64.

Председатель. Есть еще вопросы у защиты?

Вышинский. У меня вопрос к Макдональду по поводу Монкгауза. Монкгауз участвовал в нелегальной работе, которую вела группа разведчиков, в том числе и Торнтон?

Макдональд. Этого я не знаю.

Вышинский. Как вы предполагали?

Макдональд. Мы все служащие этой фирмы думали, раз один занимается этим делом, значит все занимаются.

Вышинский. Я хотел напомнить для уточнения. В томе XII лист 10 вы говорите: «Возглавлял представительство Монкгауз, который так же участвовал в этой нелегальной деятельности Торнтон; разъездным помощником Торнтон и участником шпионской работы являлся офицер британской армии Кушни, сейчас инженер фирмы «Метро-Виккерс». Это главная группа разведчиков, которые занимались шпионажем в СССР.

Тут вы говорите, что возглавлял представительство Монкгауз, который повидимому так же участвовал в нелегальной работе. На вопрос относительно Кушни, вы говорите, что предполагали, что Кушни участвовал также. Вы это подтверждаете?

Макдональд. Да, я предполагал...

Вышинский. Что Монкгауз участвовал в шпионской работе?

Коммодов. Я должен обратить внимание суда на то обстоятельство, что это единственное показание Макдональда, которое огласил сейчас прокурор республики. В этом показании – лист 10 от 12 марта – имеется следующее место: «Все получаемые мною данные я передавал только Торнтону».

В показании от 13 марта, лист 14, имеется следующее место: «Когда я был в Златоусте, меня посещал Торнтон, и к нему поступали все информации».

Лист 64 от 19 марта, он говорит еще раз по вопросу, о котором вы спрашивали: «Зная, что это преступление против СССР, я привлек к соучастию не только русских инженеров и техников, но и служащих «Метро-Виккерс», названных мною в моих прежних показаниях, действуя непосредственно с Торнтоном и предполагая участие в этой деятельности Монкгауза, Кушни».

Лист дела 64, том XIII, по тому же самому вопросу: «Считаю необходимым произвести запись в протокол этого допроса, что все директивы и инструкции по шпионажу, организации аварий и порче машин; я получал от Торнтон». Считаю также необходимым отметить, что сведения шпионского характера, передаваемые Торнтону, передавались им «Интеллидженс Сервис».

Вышинский. Разрешите зафиксировать следующие два факта: во-первых, что о Монкгаузе Макдональд показывает не один единственный раз, а два раза: он указывал, что Монкгауз участвовал в этой деятельности, т.е. деятельности, связанной с военным и прочим шпионажем, наряду с другими лицами. Это он показывает на листе 10-м, это он показывает на листе 64-м, как правильно отметил здесь защитник Коммодов. Следовательно не один раз, а два раза.

Коммодов. Только с одним коррективом «предполагая».

Вышинский. Теперь разрешите высказаться по поводу документа, о котором защита возбудила ходатайство о приобщении.

Брауде. Этот документ приобщается по следующему поводу: в вопросах прокурора – давал ли Торнтон деньги Макдональду – шла речь о 2 000 рублях. В разъяснение того, какие это были 2 000 руб., Торнтон предъявляет документ, который должен свидетельствовать, что это были деньги в погашение дебиторской задолженности.

Вышинский. Здесь предъявлено 3 листа: первый лист содержит в себе сообщение, написанное на английском языке, со штампом, если я не ошибаюсь, английского посольства, в котором указано, что министерство иностранных дел препровождает такую-то телеграмму. Второй документ содержит в себе текст этой телеграммы в переводе. И третий документ содержит в себе какое-то, никем не подписанное объяснение. Объяснение очевидно самого подсудимого. Не подвергая никакому сомнению достоверность первых двух документов, я считаю абсолютно невозможным приобщать к делу какие-то, никем не подписанные документы.

Брауде. Последний документ попал случайно, это моя ошибка.

Вышинский. Давайте исправим эту ошибку. Так вот, против приобщения последнего документа, т.е. этого объяснения, никем не подписанного, я возражаю.

Брауде. У меня просьба все-таки этот документ на английском языке предъявить Макдональду. И разрешите мне спросить его, что он означает.

Вышинский. Может быть правильнее поступить так: предварительно задать ему вопрос такого рода: имелись ли между Макдональдом и Торнтоном какие-нибудь денежные расчеты через английский банк?

Макдональд. Да.

Вышинский. Имелись. Второй вопрос: связаны ли эти расчеты именно с оплатой различным инженерам за услуги или не связаны?

Макдональд. Не связаны совсем.

Вышинский. И не касаются ли тогда эти расчеты каких-то личных взаимоотношений, которые были между Торнтоном и Макдональдом, не имеющих отношений к существу настоящего дела.

Макдональд. Никакого отношения не имели.

Председатель. Если не имеют никакого отношения, то зачем приобщать?

Брауде. Я полагал, что сейчас мое право опрашивать Макдональда. Товарищ Вышинский использовал мое право. Я прошу разрешить мне использовать мое право. Вопрос определяется не только показаниями Макдональда, но и показаниями Торнтонна.

Вышинский. Разрешите теперь использовать мне свое право. У меня есть три вопроса, на которые я получил исчерпывающие ответы. Четвертый вопрос: имел место перевод вами 66 фунтов стерлингов в августе 1932 г. на имя Торнтонна через английский банк, или вы этого не помните?

Макдональд. Повторите еще раз.

Вышинский. Был ли случай, что в августе 1932 г. вы перевели через английский банк на имя Торнтонна 66 фунтов стерлингов?

Макдональд. Да.

Вышинский. По какому поводу? Почему вы перевели ему эти деньги?

Макдональд. Я у него купил советские деньги и ему дал за это чек.

Вышинский. А почему вы купили эти советские деньги?

Макдональд (перевод). Был перебор по личному счету.

Вышинский. Как образовался этот перебор?

Макдональд. Я очень много денег тратил.

Вышинский. Для кого? Для себя или на какие-нибудь надобности?

Макдональд. Для себя.

Вышинский. Вам, что же, не хватало вашего жалования?

Макдональд. Не хватало.

Вышинский. У меня вопросов нет.

Брауде. Скажите пожалуйста, Макдональд, какова сумма перебора?

Макдональд. Около 2½ тысяч.

Брауде. Эти советские денежные знаки были приобретены вами непосредственно или Торнтоном для вас?

Макдональд (перевод). Я приобрел их у Торнтонна.

Брауде. Как нужно понимать? Сначала вы получили эти деньги, потом перевели из Лондона английский эквивалент, или одно было непосредственно связано с другим. В Англии это было или в СССР? Где получили эти деньги?

Макдональд (перевод). Получал в СССР.

Брауде. Таким образом вы признаете, что получили некоторую сумму денег, как показал Торнтон, в погашение его задолженности. Так или нет?

Макдональд (перевод). Да.

Брауде. Вопросов к Макдональду больше нет.

Вышинский. Позвольте вопрос для уточнения. Это было для погашения задолженности, связанной с его личными нуждами?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. А 2½ тысячи, которые он давал Гусеву, это те же деньги или другие?

Макдональд. Это совсем другое дело.

Председатель. Какое отношение к делу имеет данная справка?

Брауде. Мне приходится считаться с объяснениями, которые давал мой подзащитный, а он объясняет, что давал единожды и именно в этом случае. Я представляю документ, который представляется моим подзащитным. Будьте добры, Торнтон, объяснить, что вы хотели сказать этим документом, который дали мне?

Торнтон. Я хотел сказать, что это единственная сумма, которую я дал Макдональду.

Вышинский. У меня вопрос к Торнтону. Почему за 2 000 вы платили 66 фунтов? Сколько стоили в то время 66 фунтов официально по курсу, а не по черной бирже – рублей 500?

Торнтон. Рублей 500.

Вышинский. Значит вы за 500 руб. покупали 2 000 рублей? Больше у меня вопросов нет.

Брауде. У меня вопрос к подсудимому Торнтону. Вы слышали, что Макдональд признал перед судом и на предварительном следствии, что им предпринимался целый ряд аварийных вредительских шагов, что он участвовал в шпионаже? Он это делал по вашему поручению или на свой страх и риск?

Торнтон. Я поручений не давал.

Брауде. Значит на свой страх и риск?

Вышинский. А вам было известно, что он это делал?

Торнтон. Нет, иначе я бы его уволил. Если бы я знал, что он вредит, я бы его уволил.

Председатель. А если бы он занимался военным шпионажем, вы бы не уволили?

Торнтон. Тоже уволил бы.

Вышинский. А за обывательские сведения о снарядах не уволили или тоже уволили бы?

Торнтон. За обывательские сведения – зачем же?

Вышинский. За сведения о снарядах? Вы помните, что получали обывательские сведения о снарядах [(«**делают большие снаряды и снаряды маленькие**»)]? За это вы бы уволили?

Торнтон. Конечно, нет. Это всякий может знать.

Вышинский (Макдональду). Знал Торнтон об этих авариях или не знал?

Макдональд. Я подтверждаю мои показания.

Вышинский. Знал или не знал?

Макдональд. Знал.

Вышинский. У меня вопросов к Макдональду больше нет.

Председатель. У подсудимых есть вопросы к Макдональду?

Подсудимые. Нет.

Председатель. У защиты есть вопросы к Макдональду?

Защита. Нет.

Брауде. Теперь разрешите мне. Обвиняемый желает предъявить еще одно доказательство подтверждения своей версии о происхождении этой суммы денег.

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. По первому вопросу есть определение суда о приобщении телеграмм?

Председатель. Нет еще.

Брауде. Разрешите представить книгу. Здесь имеется запись в 2 000 рублей.

Председатель. Что это за книга?

Брауде. Книга бухгалтерская «Метро-Виккерс».

Торнтон. Это книга персональных счетов.

Председатель. Заверена она кем-либо? Есть подписи?

Брауде. Книга, которая ведется у них.

Вышинский. Можно ознакомиться?

Председатель. Пожалуйста. Вопросы к подсудимому Макдональду я полагаю закончены.

Смирнов. Я прошу разрешить мне задать вопрос Торнтону в связи с этим инцидентом, касающимся Макдональда.

Председатель. Пожалуйста.

Смирнов. Гражданин Торнтон, вы подтверждаете то, что показал Макдональд, что его жалование выплачивалось ему частью в английской валюте, а 20 фунтов выплачивалось здесь в СССР в русской валюте?

Торнтон. Да, подтверждаю.

Смирнов. Таким образом если он 12 фунтов зарабатывал в неделю, т.е. 48-50 фунтов в месяц, то выходит, что приблизительно 30 фунтов лежали на его текущем счете в банке в Лондоне.

Торнтон. Это остается в Англии.

Смирнов. Я понимаю, что фирма «Метро-Виккерс» вносила в Лондонский банк на счет Макдональда 30 фунтов ежемесячно?

Торнтон. Служащие сами распределяют, как хотят.

Смирнов. Не можете ли объяснить, если у Макдональда образовалась личная задолженность и вы своих личных денег ему не могли дать, а взяли из кассы Московской конторы, то почему нельзя было снести с вашей Лондонской конторой, чтобы перестали вносить на его текущий счет эти 30 фунтов и таким образом покрыть перебор.

Торнтон. Можно было так сделать, но тогда была бы большая задолженность.

Смирнов. Если бы вы давали из личных ваших средств, я понял бы, что вы требуете, чтобы он перевел через банк деньги, когда приедет в Лондон. Это было бы понятно. Но ведь вы эти деньги, которые по вашим словам были нужны Макдональду на его личные нужды, взяли из кассы Московской конторы. В то же время в Лондоне это самое предприятие «Метро-Виккерс» продолжало вносить на счет Макдональда по 30 фунтов в месяц. Не проще ли было бы приостановить этот платеж на 2 месяца и таким образом покрыть его задолженность? Фактически это все равно. Приехали в Лондон и через тот же банк переводите те же 60 фунтов, которые можно покрыть через 2 месяца, если вы распорядитесь перечислить на его текущий счет.

Торнтон. Если бы Макдональд посылал деньги сюда, то для того, чтобы заплатить 2 000 руб., нужно было платить 200 фунтов, потому что у нас был такой старый курс, а таким образом, как я сделал, он заплатил только 66 фунтов. Правда, это нелегально, я не спорю.

Смирнов. И вы за 66 фунтов где-то купили, как у нас называется, на черной бирже 2 000 рублей. Так?

Торнтон. Так.

Смирнов. Хорошо. Вы в этой части поступили нелегально, но зачем вам нужно было получать перевод из Лондона вместо того, чтобы приостановить платежи, пока не будет покрыта задолженность?

Торнтон. Это не касается нашего дела. Макдональд прислал телеграмму, чтоб ему посылали деньги.

Смирнов. Значит он требовал денег на монтаж, а потому не отсчитывался в средствах?

Торнтон. Да.

Смирнов. Это то, что у нас называется растратой.

Торнтон. Это не так, это не растрата.

Смирнов. Ну, будем это называть недостачей.

Председатель. Это не наше дело разбираться – были ли растрочены средства фирмы.

Смирнов. Мне хочется уяснить, почему понадобилась такая комбинация для уплаты растроченных средств.

Вышинский. Я не совсем понял подсудимого Торнтона. Чьи же это в конце концов были деньги – из сумм фирмы или нет?

Торнтон. Нет. Это я лично дал.

Вышинский. Если я правильно уловил ответ на вопрос защитника Смирнова, вы где-то эти 2 000 купили. У кого?

Торнтон. У немецкого специалиста, который уезжал в Германию. Он очевидно много получил советской валюты.

Вышинский. Значит вы купили частным образом?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит это дело никакого отношения к фирме не имеет?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит и эти деньги никакого отношения к фирме не имели?

Торнтон. Так.

Вышинский. Вы для покрытия этих денег приобрели советскую валюту частным образом. Почему же вы эти деньги провели по книгам фирмы? Почему вы провели по книгам, разве частные суммы проводятся в книгах? Ведь книги отражают операции конторы. Что эта за книга?

Торнтон. Личные счета.

Вышинский. Устанавливающие отношения – кого к кому, фирмы к служащим?

Торнтон. Да.

Вышинский. А ваши отношения к Макдональду в этом случае имеют отношение к фирме?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Почему же эта сумма проводилась по книгам, счета которых должны отражать только отношение между фирмой и ее служащими. Может быть это было вроде Долгова с переходящими суммами [свидетеля Долгова А.Н., зав. конторой отдела Электроимпорта, получившего «взятку» в 3 000 руб. и сдавшего их в ГПУ]?

Торнтон. Нет. Я хочу объяснить. Допустим, что мне нужно 1 000 руб. для того, чтобы поехать.

Вышинский. По делам фирмы?

Торнтон. По любым делам. Я беру 1 000 рублей. Я иду к бухгалтеру, беру кассовый ордер, и на дебете пишется 1 000 рублей. Я при приезде обратно для того, чтобы избавиться от этой суммы, должен сдать 1 000 руб. или разобрать детально поездку по пунктам, и тогда эта сумма будет сбалансирована. Но в данном случае Макдональд взял 2 000 руб. и обратно заплатил.

Вышинский. Он взял эти деньги у вас?

Торнтон. Нет. Он сделал большой дебетный баланс.

Вышинский. Тогда давайте скажем так, что он растратил деньги?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Тогда он задолжал деньги с вашего разрешения?

Торнтон. Да.

Вышинский. Причем же ваши личные счета?

Торнтон. Чтобы исправить счет, я мог бы Макдональду выдать награду, прибавить жалованье.

Вышинский. А может быть перечислить те суммы, которые вносятся в Лондоне на счет Макдональда в покрытие этой суммы?

Торнтон. Я мог это сделать.

Вышинский. Могли это сделать?

Торнтон. Да.

Вышинский. Почему не сделали?

Торнтон. У него был большой расход.

Вышинский. Всего 66 фунтов.

Торнтон. Если бы не было 66 фунтов, он платил бы по новому курсу 300 фунтов.

Вышинский. Вы дали 66 фунтов.

Торнтон. Если бы через фирму, то 300 фунтов.

Вышинский. Разве фирма обогащается за счет ваших расчетов?

Торнтон. Нет. Для меня это совершенно ясно.

Вышинский. А мне это совершенно не ясно.

Торнтон. Я сознаю, что эта операция – дешевая покупка денег – была незаконной.

Вышинский. Да, не совсем благовидной.

Торнтон. Я не знаю, как это рассматривается в отношении иностранцев.

Вышинский. Иностранцам все можно?

Торнтон. Нет.

Брауде. В середине книги указано, что через Торнтон принято 2 000 рублей.

Вышинский. Когда это было?

Брауде. Это нужно его спросить.

Вышинский. Это было в августе 7 дня, когда были получены 1 500 руб., о которых говорил Торнтон.

Торнтон. Я сказал, что 1 500, а на самом деле 2 000.

Вышинский. Когда это было? Когда Макдональд от вас получил 2 000?

Торнтон. Написано в книге.

Вышинский. Вчера мы установили, что в 1931 г., в связи с пребыванием Макдональда в Златоусте, он получил деньги, которые были первоначально определены в сумме 1 500 руб., а вчера уточнены в 2 000 рублей. Известно, что в 1932 г. Макдональда в Златоусте не было? Правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит он получил эти деньги, будучи в Златоусте в 1931 г., а в книге говорится об августе 7 дня – какого года?

Торнтон. 1932 года.

Вышинский. Позвольте дать заключение: ввиду того, что из всех данных ясно, что сумма в 2 000 руб., первоначально названная в размере 1 500 руб., по собственным признаниям и Макдональда и Торнтон была первым получена, а вторым дана в июне месяце 1931 г. во время пребывания Макдональда в Златоусте... что эта книга отражает в себе операцию, датированную 7 августа 1932 г., я полагаю, что она не имеет никакого отношения к данному эпизоду. Поэтому прокуратура возражает против приобщения данного документа как доказательство.*

* И вот этой ерундой – денежными расчетами служащих между собой и с фирмой суд занимался здесь, выше и ниже больше часа. А по поводу «военного шпионажа» в Златоусте зафиксировал только обывательскую информацию: «делают большие снаряды и снаряды маленькие» и больше не копался! Но на последнем было выстроено обвинение и затем вынесен приговор!!

Председатель. Перейдем к допросу подсудимого Торнтон. Расскажите пожалуйста вкратце вашу биографию.

Торнтон. Родился я в 1887 г., в Ленинграде, тогдашнем Петербурге. Маленьким был взят в Англию. Отец мой был членом семейства Торнтон, которое имело суконную фабрику. Фирма называлась «Т-во шерстяных изделий Торнтон». Он был младшим сыном и имел мало акций. В Англии я учился и приезжал летом в Петербург на каникулы.

Мой отец уехал с этой фабрики кажется в 1903 г. Поехал в Германию, купил там коверную фабрику и прогорел. Я учился 2 года в Оренбургском университете. После этого я учился 2 года в Англии. И работал в разных местах. Диплома я не имею, но имею звание инженера-электрика от института. Высшего учебного заведения я не окончил, но звание инженера-электрика имею.

В 1905 г. я был в Домодедове, где отец, после того как он прогорел, заведывал фабрикой, которая делала рукава. Это в Московском районе. Я там был кажется год или немного меньше. Потом поехал в Англию, работал на электротехнических и механических заводах. В 1911 г. я приехал сюда и работал на монтаже московского трамвая. Я работал на московском трамвае с Монкгаузом. После этого я работал в Домодедове на каменном заводе. Работал как механик.

Председатель. А где вы были во время войны?

Торнтон. Во время войны я был на каменном заводе.

Председатель. А в армии вы не были?

Торнтон. После Брест-Литовска я был один год в армии в Месопотамии.

Председатель. В качестве рядового?

Торнтон. Да; я был самый низкий чин – электрик...

Председатель. Офицерский чин не имели?

Торнтон. Нет. После этого работал в разных местах. Очень бился после войны, потому что не было мест.

Председатель. Приехали в Россию в 1911 г.? А когда уехали?

Торнтон. После Брест-Литовска.

Председатель. В 1918 г.?

Торнтон. Да.

Председатель. После революции?

Торнтон. Да.

Председатель. Как понимать – после Брест-Литовска. После Брест-Литовского договора?

Торнтон. Да. Я работал здесь 5 месяцев при большевистской власти. В 1924 г. меня нанял Виккерс делать монтажи в Советском союзе. Приехал сюда в ноябре 1924 г. Остальное вы знаете.

Председатель. 9 лет работали здесь?

Торнтон. Да, 9 лет.

Председатель. За этот период часто бывали в Англии. Надолго уезжали или на несколько дней?

Торнтон. Когда был монтажным инженером – один раз в год. Потом, когда был назначен смотреть над всеми, три раза в год, на две недели каждый раз.

Мартенс. Вы являетесь членом английского общества электриков-инженеров?

Торнтон. Да.

Рогинский. От фирмы «Метро-Виккерс» в каком году приехали в СССР?

Торнтон. В ноябре 1924 года.

Рогинский. Кто вас приглашал на работу фирмы?

Торнтон. Ричардс.

Рогинский. Монкгауз к вашему приглашению имел какое-нибудь отношение?

Торнтон. Да. Одобрил, потому что он был старшим.

Рогинский. До этого вы с Монкгаузом работали в России?

Торнтон. Да.

Рогинский. В 1911 г.?

Торнтон. Да.

Рогинский. Сколько примерно лет вы работали вместе с Монкгаузом?

Торнтон. До революции около года, а после революции скоро будет 9 лет.

Рогинский. Вместе с Монкгаузом ваше пребывание в России исчисляется с 1911 г. (если правильно я вас понял) до момента отъезда после Октябрьской революции.

Торнтон. Это правильно. Только мы не вместе приехали в 1911 г.

Рогинский. Да. Но с 1911 по 1918 г. работали вместе?

Торнтон. Да, только в разных обществах.

Рогинский. В разных обществах – правильно. Ваши взаимоотношения с Монкгаузом были дружеские, близкие, приятельские?

Торнтон. Очень.

Рогинский. Очень дружеские и очень приятельские? В 1924 г., когда были приглашены на работу в фирме «Метро-Виккерс», это приглашение было связано со специальным вам поручением ехать на работу в СССР?

Торнтон. Да. Фирма очевидно считала, что я имел опыт, умел кое-как говорить по-русски и т.д.

Рогинский. Знали русский язык, были в России, и поэтому вам было предложено поехать в СССР на работу. Так?

Торнтон. Да, я согласился ехать.

Рогинский. Договор, который был заключен, предусматривал вашу работу в СССР?

Торнтон. Да.

Рогинский. Монкгауз к этому времени был уже в СССР?

Торнтон. Монкгауз был кажется в мае месяце. Он был на Шатуре у Александра Васильевича Винтера, который был начальником строительства в это время.

Рогинский. Он приехал за несколько месяцев до вас?

Торнтон. Он уехал обратно, а потом приехал второй раз. Когда я был, он был с женой и двумя детьми.

Рогинский. В качестве кого вы приехали в 1924 г.?

Торнтон. Монтажного инженера.

Рогинский. Где работали?

Торнтон. Сначала на Шатуре.

Рогинский. На Шатурской электростанции. Так?

Торнтон. Да.

Рогинский. Сколько времени вы там работали?

Торнтон. Сначала мало – несколько месяцев.

Рогинский. Потом?

Торнтон. Потом был переброшен на Шатурскую подстанцию в Москве. Одновременно монтировал в Нижнем и на Московской подстанции.

Рогинский. Значит работали на Нигрэсе. Сколько времени работали на Шатурской подстанции и на Нигрэсе, до какого года?

Торнтон. Я приехал в Ленинград в 1925 г. в декабре месяце. Стало быть я покончил с Нижним и Шатурой в декабре месяце 1925 г.

Рогинский. Значит приехали в 1924 г., а кончили в 1925 г.?

Торнтон. Да.

Рогинский. После Нигрэса и Шатуры где работали?

Торнтон. На Волховстрое около Ленинграда.

Рогинский. Там сколько времени?

Торнтон. Там примерно один год.

Рогинский. Один год, значит примерно 1926 г.?

Торнтон. Да.

Рогинский. После Волховстроя?

Торнтон. Опять Шатура.

Рогинский. Опять Шатура – до какого года?

Торнтон. Там были перерывы, когда я сидел в конторе до 2-й Шатуры и после 2-й Шатуры. После второго шатурского монтажа я был в Москве на Московской подстанции, а в 1928 г. я работал на электростанции Москва – Мытищи, на электрической железной дороге.*

Рогинский. Это 1928 год. После этой работы вы уже работали при конторе?

Торнтон. Да.

Рогинский. С какого времени?

Торнтон. С 1929 года.

Рогинский. С 1929 г. вы назначаетесь кем?

Торнтон. Главным монтажным инженером.

Рогинский. Теперь скажите, по вашей должности главного монтажного инженера конторы вам были подчинены все монтажные инженеры?

Торнтон. Да.

Рогинский. Которые работали на разных наших электростанциях?

Торнтон. Да.

Рогинский. В чем это подчинение выражалось? Каковы были ваши обязательства по отношению к этим монтажным инженерам и ваши права по отношению их?

Торнтон. Я давал им все нужные инструкции.

Рогинский. Значит – инструктаж. А дальше?

Торнтон. Потом отвечал за дисциплину. Вся корреспонденция между заводом и инженерами шла через меня, если была непосредственная корреспонденция.

Рогинский. Инспектирование?

Торнтон. Я инспектировал.

Рогинский. Жалование они получали от вас или через контору непосредственно?

Торнтон. У нас такой порядок. Они получают целиком стерлинги. Могут получить целиком все там или здесь. Могут иметь все в валюте. Но обычно около 200-300 рублей получают здесь в конторе, а остальные даются или их семье в Англии, или в банк кладутся.

Рогинский. Кто был распорядителем по выдаче жалования у вас в конторе, вы или другие лица?

Торнтон. Это делала бухгалтерия.

Рогинский. Кто выписывал, кто давал распоряжения бухгалтерии?

Торнтон. Когда приходит новый монтер, его спрашивают, сколько он хочет получить в рублях. Он говорит – не знаю. Мы говорим, вы едете на Шатуру, мы пошлем 180 рублей в месяц туда. Тогда я писал записку в бухгалтерию и это делали.

Рогинский. Значит по вашему удостоверению бухгалтерия делала те или иные денежные переводы.

Торнтон. Да.

* В 1929 г. перешла на электрическую тягу первая пригородная железнодорожная линия Москва – Мытищи. По-видимому, речь идет о работе Торнтон на монтаже тяговых электрических подстанций.

Рогинский. Корреспонденция от этих монтажных инженеров об их работе или те или иные вопросы, связанные с их работой, непосредственно вам адресовалась?

Торнтон. Они не имели права сноситься непосредственно с заводами.

Рогинский. Не имели права, и сносились только через вас, через контору?

Торнтон. Да.

Рогинский. Но в конторе главным инженером и руководителем были вы?

Торнтон. Да, но был и Монкгауз. Я требовал конечно, чтобы посылали мне, но если меня не было – ему.

Рогинский. Какие взаимоотношения были у вас и у Монкгауза. Он руководил вашей работой, вы были ему подчинены?

Торнтон. Да.

Рогинский. И он непосредственно руководил монтажными инженерами или они сходились у вас и уже вы отчитывались или делали сообщения Монкгаузу?

Торнтон. Они были непосредственно подчинены мне.

Рогинский. На места выезжали вы в качестве инспектора?

Торнтон. Инженер Монкгауз тоже ездил.

Рогинский. Распорядителем кредитов по конторе был Монкгауз?

Торнтон. Да.

Рогинский. И выписка всех денег шла только после того, как Монкгауз делал ту или иную визу.

Торнтон. Обычно он делал визу пост-фактум.

Рогинский. Кто подписывал чеки?

Торнтон. Всегда инженер Монкгауз.

Рогинский. Никто больше не имел права?

Торнтон. Нет, никто.

Председатель. Теперь уже 3 часа. Очевидно у вас допрос будет еще продолжительный.

Рогинский. Да. Председатель. Объявляется перерыв до 6 часов (15 часов 5 минут).

Заседание закрывается.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ, апрель 13, 1933. 18 ч. 10 м.

Комендант. Встаньте. Суд идет!

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание возобновляется – 18 час. 10 мин. Продолжим допрос подсудимого Торнтон.

Рогинский. Скажите, подсудимый Торнтон, при посылке ваших монтажных инженеров для работы на различных электростанциях были ли вами или кем-нибудь из других руководящих лиц конторы «Метро-Виккерс» в Москве даваемы поручения о собирании каких-либо информации, сведений, данных и т.д.?

Торнтон. Поручал ли я собирать эти сведения? Так я понял?

Рогинский. Я вас спрашиваю, давались ли вами лично или кем-нибудь другим из конторы поручения монтерам или монтажным инженерам, разъезжавшим для работы на различные электростанции, поручения собирать какую-нибудь информацию или какие-либо сведения? Понятен вопрос?

Торнтон. Да. Да, они мне давали сведения.

Рогинский. А вы поручали им собирать эти сведения?

Торнтон. Я думаю, что нет, только они мне давали.

Рогинский. Они вам давали по своему почину или по вашему поручению?

Торнтон. Когда я спрашивал, они давали.

Рогинский. А когда они уезжали на места, они знали, что вы впоследствии будете спрашивать эти сведения?

Торнтон. Все наши монтеры, которые работают за границей, они эту информацию, которая мне нужна, все равно бы собрали.

Рогинский. Подсудимый Макдональд, вы слышали показания Торнтона?

Макдональд. Слышал.

Рогинский. Так ли обстояло дело в действительности? Или при вашем приезде в Ленинград и Златоуст дело обстояло иначе? Было вам дано поручение от Торнтона собирать сведения?

Макдональд. Да.

Рогинский (Торнтону). Эти показания Макдональда правильны?

Торнтон. Нет.

Рогинский. У вас очная ставка с Макдональдом была?

Торнтон. Была.

Рогинский. На очной ставке, которая у вас была с Макдональдом, вы подтвердили показания Макдональда, что он «от вас получил поручение собирать информацию»?

Торнтон. На очной ставке подтвердил.

Рогинский. На очной ставке вы подтвердили показания Гусева?

Торнтон. Я не помню.

Рогинский. Я напомним. Это в томе XVIII, дело Торнтон. Очная ставка между Торнтоном и Гусевым от 15 марта 1933 г., лист дела 71. Был поставлен вопрос Торнтону: «В ваших показаниях от 12 марта вы указали, что инженер Гусев с электростанции Златоустовского завода был связан с Макдональдом, который передавал для вас регулярно в течение ряда лет подробную информацию о политическом состоянии Златоустовского района, о техническом состоянии электростанции и силовых установках. Подтверждаете ли это? И ответ Торнтон: «Да, Макдональд передавал мне эти сведения, полученные им от Гусева».*

Торнтон. Да, только я хочу добавить, что я сведения имел от Макдональда о Златоусте, когда Макдональд был в Златоусте, а после того, как он уехал, я никаких сведений не имел.

Рогинский. Я пока не спрашиваю, что было до, что было после, я спрашиваю – известно ли вам было о том, что Макдональд получает информацию от Гусева, и спрашиваю – на очной ставке с Гусевым вы подтвердили это?

Торнтон. Я знал, что Макдональд получает сведения от Гусева.

Рогинский. Систематически получал эти сведения Макдональд от Гусева? Спрошу иначе: часто получал?

Торнтон. Когда я Макдональда видел.

Рогинский. Значит, когда Макдональда видели, он эти сведения давал?

Торнтон. Я видел Макдональда там два раза.

Рогинский. Эти показания правильны?

Торнтон. Там сказано – в течение многих лет.

Рогинский. Тут сказано следующее: «Да, Макдональд передавал мне эти сведения, полученные им от Гусева».

Торнтон. Это верно.

Рогинский. Давайте установим перед судом следующий факт: Макдональд был тем лицом, который для вас собирал информацию и сведения по Златоустовскому району.

Торнтон. По Златоустовской электростанции.

* И это весь экономический и, тем более, военный шпионаж?! Инженеры «Метро-Виккерс» делятся информацией о состоянии смонтированного ими и действующего в единой технологической цепочке другого оборудования на Златоустовской электростанции (ЦЭС металлургического завода, который еще до революции выпускал снаряды). Ну а политическое состояние Златоустовского района – это предел мечтаний Интеллидженс Сервис! К сожалению, инж. Макдональд оговорил и себя, и своих коллег и на суде остался при своем.

Рогинский. Гусев был тем лицом, который для Макдональда собирал сведения по Златоустовской электростанции, и это было вам известно?

Торнтон. Это было мне известно.

Рогинский. Если Макдональд являлся тем лицом, которое передавало вам сведения по Златоустовской электростанции, то следовательно эти сведения являлись теми сведениями, о которых нам говорил здесь Макдональд. Так?

Торнтон. По-моему, так.

Рогинский. Подсудимый Макдональд, вы подтверждаете, что сведения, которые вы собирали по Златоусту и которые передавали Торнтону, как он признал, были сведениями о военном производстве, сведениями о работе военных цехов, сведениями о снаряжных заготовках, сведениями о типах снарядов, сведениями о расширении военных цехов и т.д.

Макдональд. Да.

Рогинский. Правильно?

Макдональд. Правильно.

Рогинский. Как раз эти сведения вы получали от Гусева и эти сведения передавали Торнтону?

Макдональд. Так.

Рогинский (к Торнтону). Эти сведения вы получали от Макдональда?

Торнтон. Это неправда, я военных сведений не получал.

Рогинский. Вы перед этим сказали, что Макдональд – это тот человек, который вам давал эти сведения, и сказали, что именно те сведения, о которых говорил Макдональд. Для того, чтобы вам было яснее, я спросил Макдональда, какие это были сведения.

Торнтон. Я понимаю, как это вышло, но я военных сведений от Макдональда не получал.

Рогинский. А какие?

Торнтон. Сведения, которые можно было бы получить для нашей фирмы.

Рогинский. Какие же сведения были интересны для вашей фирмы?

Торнтон. Это были следующие сведения: какие новые дела, какие новые постройки, затем предполагались ли новые заказы на Златоустовской станции, как обращаются с оборудованием, как те предметы, которые принимают от нас, в каком они состоянии и затем в каком состоянии те аппараты, которые передают пар в турбины. Потом бытовые сведения – как живут рабочие.

Рогинский. Вашу фирму интересовали бытовые сведения, а не бытовые сведения, фактические – не интересовали?

Торнтон. Бытовые сведения – это такие сведения, которые могут быть правильными или неправильными. Я употребил не то слово. Я хотел сказать под словом «бытовых» те сведения, которые не являются государственной тайной.

Рогинский. Эти сообщения о быте рабочих вас интересовали в интересах фирмы?

Торнтон. Да.

Рогинский. Еще какие-нибудь сведения были или только те, которые вы здесь назвали?

Торнтон. Я думаю, что это все.

Рогинский. Ну, хорошо. Теперь пойдем по порядку этих самых сведений. На Златоустовскую электростанцию контора «Метро-Виккерс» какое оборудование поставила?

Торнтон. Она поставила одну турбину в 6 000 киловатт и несколько масляников.

Рогинский. Это была значительная поставка или незначительная?

Торнтон. Нет. Малая.

Рогинский. Малая поставка. Очень незначительное оборудование было поставлено конторой «Метро-Виккерс» на Златоустовской станции. Так?

Торнтон. Да.

Рогинский. Хорошо. Предлагалось или не предполагалось расширение Златоустовской электростанции?

Торнтон. Таких сведений я не имею. А может быть и предполагалось.

Рогинский. А может вы имели обратные сведения в связи с работой Челябингрэса?

Торнтон. Я слышал, что будут параллельно работать Челябингрэс и Златоуст.

Рогинский. Златоустовский район был включен в систему снабжения электроэнергией Челябингрэса?

Торнтон. Когда я там был, этого не было.

Рогинский. Я говорю – впоследствии.

Торнтон. Я не знаю.

Рогинский. Была одна небольшая турбина. При этом положении вещей могли бы вас интересовать сведения о состоянии вашего оборудования или это к Златоустовскому району неприменимо?

Торнтон. Конечно нам интересно было знать, потому что из-за маленькой установки больше скандала получается, чем иногда с большой установкой.

Рогинский. Может быть мы уточним тогда ваши показания по этому поводу, данные 27 марта 1933 г. заместителю прокурора республики?

Торнтон. Шейнину.

Рогинский. Нет, не Шейнину, а Рогинскому, где вы писали следующее: «Я интересовался только сведениями политического и экономического порядка, могущими быть полезными фирме, как-то: будут ли новые заказы на оборудование, хотя по Златоустовскому заводу эти заказы не предполагались». Эти показания были вами даны?

Торнтон. Да. Мне говорил Макдональд, что не будет заказов.

Рогинский. Я вас только что спросил, было ли вам известно, что заказов по Златоустовской станции не будет. Вы ответили, что не было известно. Следовательно, ваш ответ неверен.

Торнтон. Последние данные, которые я имею, что не будет заказов, что не будет расширения станции.

Рогинский. Значит вам было известно от Макдональда о том, что заказы по Златоустовской электростанции на оборудование не предполагаются. Так?

Торнтон. Да. Насколько ему известно. Это он мне говорил, когда вернулся.

Рогинский. Правильно это?

Торнтон. Да.

Рогинский. Хорошо. Теперь следующие ваши слова. Вы говорите, что «интересовало вас, как обращались с вашими машинами, хотя на Златоусте была всего одна небольшая турбина». Так, правильно?

Торнтон. Правильно.

Рогинский. Следовательно эта часть вопросов, могущих интересовать фирму по отношению к Златоусту, равным образом не представляла большого интереса для конторы?

Торнтон. Я повторяю, что из-за этих маленьких машин бывает больше скандалов, чем из-за больших установок.

Рогинский. Я не спрашиваю о скандалах.

Вышинский. Какие были скандалы?

Рогинский. О скандалах мы будем говорить дальше, когда будем творить в частности о Челябингрэсе. Здесь скандалы по Златоусту были?

Торнтон. Не было.

Рогинский. Если не было скандалов, то и эта часть информации и интерес по этой информации тоже отпадают?

Торнтон. Ведь выходит так, что если информация говорит да, то она информация, а если она говорит нет, тогда она не информация.

Рогинский. Когда нет информации, то действительно нет информации, совершенно ясно.

Торнтон. Нет, выходит так, что если кто-нибудь сказал, что будут заказы – это информация, а если не будет заказов, то это не информация.

Рогинский. Если сказать, что не будет заказов, то это тоже информация, но мы о заказах по-моему договорились. Вы подтвердили свое показание, и мы зафиксировали сейчас перед судом, что на Златоустовской электростанции дополнительные заказы на оборудование не предполагались.

Торнтон. Это было, когда Макдональд уезжал из Златоуста.

Рогинский. Да. Это было, когда Макдональд уезжал из Златоуста. Все, что здесь говорится, записывается в стенограмме – каждое слово. Но мы сейчас говорим о сведениях, которые вас могли интересовать по работе поставляемых вами турбин. Там вы поставили небольшую турбину. Скандалов никаких не было – правильно? Претензий к фирме не предъявлялось – правильно?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Ни о каких дефектах или претензиях вы тоже не слышали?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Следовательно правильно или нет, что эта часть информации, которая вас могла интересовать, в данном случае тоже отпадает.

Торнтон. Нет, это не так, потому что у нас есть еще меньшие агрегаты, чем Златоуст.

Рогинский. Я конкретно говорю сейчас о Златоусте. О других агрегатах мы тоже поговорим. Сейчас конкретно о Златоусте. Правильно или неправильно по части информации, могущей интересовать фирму, так сказать фирменной информации, что эта часть информации в отношении Златоуста значения не могла иметь, ибо поставленная турбина работает.

Торнтон. Я не согласен, значение она конечно имеет.

Рогинский. Дальше: «Общее состояние Златоустовской электростанции» – правильно?

Торнтон. Правильно.

Рогинский. Что это значит – общее состояние Златоустовской электростанции?

Торнтон. Мы уже говорили насчет этого. Это есть то, что питает турбины, и то, что питает генераторы. Это общее состояние станции.

Рогинский. А кого снабжает станция и что обслуживает станция – вас не интересует?

Торнтон. Нет, не интересует.

Рогинский. А нагрузка станции?

Торнтон. Нагрузка интересует.

Рогинский. Если нагрузка интересует, общее состояние интересует, то надо знать, что обслуживает станция.

Торнтон. То есть я не понимаю – что обслуживает?

Рогинский. Какие предприятия, какие производства обслуживаются этой станцией?

Торнтон. Нет, это не так. Безразлично, куда этот киловатт пойдет. Это заводу в высшей степени наплевать.

Рогинский. Что же вас интересует? Вы на предварительном следствии были в этом отношении более четки в своих ответах и более понятны, потому что вы сказали: «Интересовала нагрузка электростанции и тем самым электроснабжение Златоустовских заводов, что давало картину работы этих заводов». Это ваши показания?

Торнтон. Можно просить переводчика?

Председатель. Пожалуйста.

Торнтон (перевод). Эта часть моих показаний была внушена мне следователем.

Рогинский. А какой следователь вас допрашивал по этим показаниям – следователь ОГПУ или следователь прокуратуры?

Торнтон. Нет, я думаю, что это были вы.

Рогинский. А что же я вам внушил?

Торнтон. Вы все-таки сказали «и заводы, питаемые станцией».

Рогинский. А вы отрицали?

Торнтон. Я думаю, что ну... (машет рукой). Если я был невежлив, я извиняюсь, «соджестед» (внушите) [suggested – внушено] – это легальное слово.

Вышинский. В показании, которое проверял Рогинский от 27 марта, у вас было несколько вопросов, касающихся того, чем вы интересовались. Первый – будут ли новые заказы на оборудование? Этим вы действительно интересовались? Это вам не было подсказано?

Торнтон. Я думаю, что неправильно будет сказать по-русски «подсказано», а «соджестед».

Вышинский. При помощи каких способов это было внушено? Я сейчас внушаю вам что-нибудь?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Тогда было иначе?

Торнтон. Когда следователь прокуратуры писал, помощник прокурора предложил мне сказать: «Нагрузка Златоустовских заводов», но я интересовался только суммарным количеством распределений энергии.

Вышинский. Значит, во-первых, вы снимаете выражение о том, что это было подсказано. Вы говорите, что было внушено.

Торнтон. Да.

Вышинский. Ну как было внушено это? Гипнозом?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Гипноз не был применен?

Торнтон. По-моему нет.

Вышинский. Давайте пойдём по пунктам. Здесь сказано – будут ли новые заказы на оборудование, хотя по Златоустовскому заводу эти заказы не предполагались. Был этот вопрос?

Торнтон. Был.

Вышинский. Без всякого внушения?

Торнтон. Был без всякого внушения.

Вышинский. Как обращались с машинами, вы это подтверждаете?

Торнтон. Подтверждаю.

Вышинский. Общее состояние Златоустовской электростанции, особенно ее слабые места в смысле возможности аварий. Это подтверждаете? Тут дело хуже?

Торнтон. Нет, не хуже. Я техническую экспертизу знаю. Это нужно для нашей машины знать.

Вышинский. «Общее состояние электростанции, особенно ее слабые места в смысле возможности аварий». Было так сказано?

Торнтон. Безусловно так было сказано, но это можно понимать и так и этак.

Вышинский. Как вы это понимаете? Я так понимаю, что на электростанции могли бы быть какие-то слабые места и благодаря этим слабым местам и в этих слабых местах могли случиться аварии, и вас интересовало, нет ли слабых мест, которые повлекли бы за собой аварии?

Торнтон. Аварии нашего генератора?

Вышинский. Не вашего генератора, а всей станции. Правда?

Торнтон. Да. Это видите ли не так. Меня интересует. Если так там написано, то выходит, что меня интересуют слабые места, что крыша течет или труба может обломиться.

Вышинский. Крыша не имеет отношения, а вот может быть лопатки отлетят.

Торнтон. Это наша машина.

Вышинский. А вот углеподача, масляники и т. д.?

Торнтон. Если масляники нехороши, это опасно для нашего генератора.

Вышинский. Это вас интересовало?

Торнтон. Да.

Вышинский. Я еще раз прочту: «Не только отдельный агрегат, но и общее состояние Златоустовской станции». Вас это интересовало?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит и третий пункт прошел благополучно. Пятый пункт – быт и политические настроения рабочих. Так же правильно записано?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Для чего это вам было нужно знать, или для вашей фирмы, когда вы говорите, что для фирмы собирали, для чего было знать политическое настроение рабочих?

Торнтон. Сейчас я скажу.

Вышинский. Хорошо, я подожду. Для чего вам было нужно знать политические настроения рабочих? От политических настроений рабочих зависела работа масляников?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Турбогенератора?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Турбины?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Для чего же это нужно было?

Торнтон. Фирма «Виккерс» дает громадные кредиты в эту страну на покупку оборудования.

Вышинский. Значит для прочности кредитов?

Торнтон. Я не понимаю.

Вышинский. То есть достаточно ли обеспечены кредиты?

Торнтон. Фирме нужно знать не то, что пишут в [лживых советских] газетах, а что на самом деле здесь делается, чтобы можно было давать кредиты или нет.

Вышинский. То есть вы проверяли кредитоспособность Советского союза через ваших агентов, вы имели своей задачей проверять кредитоспособность советского правительства, советской власти?

Торнтон. Да.

Вышинский. Нельзя ли так понимать: проверить, насколько прочна советская власть?

Торнтон. Если хотите – да.

Вышинский. Я не хочу, а как вы говорите.

Торнтон. Вы понимаете, для чего это нужно?

Вышинский. Вы сказали: для того, чтобы установить, насколько кредиты защищены устойчивостью Советского государства. Правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Позвольте сделать вывод: вы через сеть своих агентов – всяких Гусевых, Соколовых и прочих, проверяли, насколько прочна советская власть. Правильно?

Торнтон. Я согласен.

Вышинский. Значит вы писали «быт и политические настроения рабочих» для того, чтобы судить о прочности советской власти. Правильно записано это?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит все четыре пункта записаны правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Остался один пункт, который вам не нравится. Это нагрузка электростанции и состояние электроснабжения Златоустовских заводов, что давало картину работы этих заводов.

Торнтон. Это мне совсем не нравится. (В зале шум.)

Вышинский. Но это так записано. Позвольте считаться с фактом, что так записано, и никаких объяснений по поводу того, что это не вами сказано, вы представить не можете.

Торнтон. Этот документ подписан мной.

Вышинский. Может быть скажем иначе, что этот документ не только вами подписан, но и собственноручно написан.

Торнтон. И собственноручно переведен.

Вышинский. Да, собственноручно переведен.

Торнтон. Да. Можно уточнить, что меня интересовало. Другие заводы Златоуста меня не интересовали.

Вышинский. А вы написали, что вас интересовали.

Торнтон. Я хочу сказать, что не так.

Вышинский. Почему вы писали, не то, что было на самом деле?

Торнтон. Это так написано, как сказано.

Вышинский. Ведь это ваш документ?

Торнтон. Я сказал, что это меня не интересовало.

Вышинский. Вы тогда сказали, что вас интересовало, а сейчас говорите, что не интересовало.

Торнтон. Меня не интересовало состояние Златоустовских заводов.

Вышинский. Вы сейчас это говорите, а тогда вы говорили так, как написано.

Торнтон. Да, тогда это говорил.

Рогинский. Можно мне задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Так обстояло дело с Златоустом. Скажите пожалуйста, если взять за основу Златоуст, может быть вы ответите суду – не было у вас вообще такой установки, что целый ряд ваших монтажных инженеров занимался помимо своей работы специальной работой по сборанию сведений, информации?

Торнтон. Да, подобные сведения они мне передавали.

Рогинский. Кто?

Торнтон. Те, которые работали.

Рогинский. А кто именно, например из тех, кто сидит здесь?

Торнтон. Кушни.

Рогинский. Иначе говоря, Кушни выполнял такую же роль, как и Макдональд?

Торнтон. Но так, как я говорю, а не так, как говорит Макдональд.

Рогинский. Макдональд дал свои показания, вы дали свои показания. Ваши показания в части той, о которой говорил Макдональд, мы сегодня зачитали. Но сейчас я вас спрашиваю – ваши поручения Кушни были аналогичны тем поручениям, которые вы давали Макдональду?

Торнтон. Я Кушни поручений не давал, там есть очная ставка.

Рогинский. Очная ставка записана. Я спрашиваю вас сейчас – Кушни выполнял такую же роль, как Макдональд, или нет?

Торнтон. Макдональд говорит о шпионской информации...

Рогинский. Вы уже дали свои объяснения по этому поводу. Исходя из ваших объяснений, Кушни выполнял такую же роль, как и Макдональд.

Торнтон. Кушни был мой помощник и он ездил, как и я, но строительству.

Рогинский. Кушни был вашим помощником с какого года?

Торнтон. 2 года, но он болел примерно год.

Рогинский. 1932 год?

Торнтон. Да.

Рогинский. А до 1932 г. он работал на различных электростанциях?

Торнтон. Он был в Баку, на Штеровке.

Рогинский. Следовательно был связан с определенными районами. Вот я и спрашиваю – в этих районах он должен был действовать точно так же, как и Макдональд?

Торнтон. Я тогда не был главным монтажным инженером и не знал, как он действовал. За последнее время он говорил мне насчет станций.

Рогинский. Когда он потом ездил, он вам привозил информацию?

Торнтон. Да.

Рогинский. Значит Кушни также участвовал в сообщении информации. А кто еще участвовал – Нордволл?

Торнтон. Да.

Рогинский. Еще Олейник.

Торнтон. Тоже.

Рогинский. А Грегори?

Торнтон. Я Грегори только один раз видел. Грегори не говорил по-русски. Грегори не давал информации.

Рогинский. Таким образом, из сидящих здесь – Кушни, Олейник, Нордволл. Но в ваших показаниях вы назвали еще целый ряд имен и фамилий, которые занимались собиранием такой информации.

Торнтон. Да, много.

Рогинский. Следовательно правилен будет такой вывод, что монтажные инженеры, работающие под вашим непосредственным руководством, вами инструктируемые, вами ревизуемые, имеющие непосредственную связь только с вами, помимо своей непосредственной работы по установке и монтажу различного рода оборудования, должны были еще собирать определенный круг сведений, определенные информации и сообщать вам?

Торнтон. Не должны были этого делать, но делали.

Рогинский. Вы получали эти информации от них?

Торнтон. Да.

Рогинский. Значит вы эти информации от них получали, это к вам поступало?

Торнтон. Да.

Рогинский. То есть вы получали от них сведения? Вы поняли меня?

Торнтон. Да.

Рогинский. А вы их кому передавали?

Торнтон. Я не передавал все что они говорили, а составлял себе общую картину и когда я был в Англии, передавал в свое правление, кому-нибудь из членов правления.

Рогинский. В свете этих показаний объясните мне следующие ваши показания, где вы говорите, что «вы и Монкгауз собирали шпионского характера сведения».

Торнтон. Я отрицаю слово шпионские.

Рогинский. Вы и Монкгауз собирали определенную информацию – это будет правильно?

Торнтон. Да, информацию.

Рогинский. Значит в сферу собирания этой информации втянуты были не только вы, не только ваши инженеры, но и Монкгауз?

Торнтон. Да. Это его дело и мое дело.

Рогинский. Это ваше дело и его, но вы говорили совместно с Монкгаузом?

Торнтон. Да.

Рогинский. Следовательно это общее ваше дело?

Торнтон. Да. Иначе бы фирма не могла бы здесь работать.

Рогинский. Если бы фирма не знала слабых мест для аварий на Златоусте, то она не могла бы работать?

Торнтон. Технически слабых мест.

Рогинский. Да, конечно, технически слабых мест. Положить железо в мотор – для этого нужно быть технически грамотным и знать технически слабые места. Один вопрос к Монкгаузу. Подсудимый Монкгауз, вы слышали сейчас показания Торнтона о собирании определенных информаций. Правильны эти показания?

Монкгауз. Частично это правильно.

Рогинский. Информация собиралась?

Монкгауз. Информация, которая могла быть полезна фирме относительно будущих заказов, собиралась.

Рогинский. В чем неправильны те показания, которые дал Торнтон?

Монкгауз. В каком смысле? Рогинский. Вы сказали – отчасти правильны эти показания. Может быть вы изложите суду, в какой части эти показания неправильны?

Монкгауз. По-моему, почти все, что он сказал, правильно.

Рогинский. Значит уже нет отчасти неправильных показаний? Монкгауз. Я не согласен со словом шпионские сведения.

Рогинский. Он не говорит шпионские сведения. А в той части, где он говорит по Златоусту, о сведениях собираемых по Златоусту – эти сведения вас интересовали?

Монкгауз. Что он интересовался этими сведениями – это правильно. Мы должны знать, в каком состоянии находится наше оборудование здесь.

Рогинский. Например, сведения по Златоусту, где он говорил, его интересовала нагрузка электростанции?

Монкгауз. Нагрузка электростанции – это нас интересует.

Рогинский. Политические настроения рабочих?

Монкгауз. Политические настроения рабочих, вообще положение страны – это меня интересовало, потому что каждый раз, когда я ездил в Лондон, я должен был доложить своему правлению, чтобы проверить информацию в английских газетах. Наше правление спрашивало меня правильно это или нет.

Рогинский. Следовательно вы через Кушни, Макдональда, Олейника проверяли правильность той информации, которая сообщала о положении Советского союза в английской печати?

Монкгауз. Иногда я просил Кушни, когда он возвращался из своей поездки. С Макдональдом я почти никогда не имел разговора.

Рогинский. Разговор идет не о Макдональде. Вы сейчас сказали, что при ваших поездках в Лондон вы сообщали в директорат вашей фирмы о политическом положении Советской страны на основании той информации, которую вы получали для того, чтобы восстановить истинное положение вещей.

Монкгауз. Но это не только информация, которую я получал от Кушни и Торнтона, а которую я получал от остальных работников, с которыми имел дело.

Рогинский. Я взял Кушни, Олейника как пример, помимо Кушни, Олейника, у Нордволла был целый ряд лиц, которые эти сведения давали?

Монкгауз. Это лица, которые по служебным обязанностям должны были давать такие сведения.

Рогинский. Которые в силу служебных обязанностей должны были давать эти сведения? Инженер Ливенсон должен был по служебным обязанностям давать сведения?

Монкгауз. Это было еще в 1926 г.

Рогинский. Это все равно.

Монкгауз. Это не все равно.

Рогинский. Он был обязан в силу служебного положения давать эти сведения?

Монкгауз. Конечно.

Рогинский. Алексеев-Попов в силу служебных обязанностей давал сведения?

Монкгауз. Это вне служебных обязанностей.

Рогинский. Инженер Шлегель в силу служебных обязанностей давал сведения?

Монкгауз. Это было в 1924 г.

Рогинский. Это было в 1924 г., то – в 1926 г. Прочтем еще несколько фамилий. Вот имеется уже Алексеев-Попов, который вне служебных обязанностей давал сведения. Я спрашиваю относительно информации, которая вам собиралась целым кругом лиц, и содержала в себе самые разнообразные сведения.

Монкгауз. Это не по моим заданиям. Просто они знали, что я интересовался этим и в разговорах это говорили.

Рогинский. Они знали, что вы интересовались и эти сведения давали. Торнтон интересовался и все монтажные инженеры или большинство из монтажных инженеров сборкой сведений занимались. Монкгауз интересуется, целая группа лиц этим сборкой сведений занимается и тоже ему их передает.

Монкгауз. Как лояльные служащие нашей фирмы.

Рогинский. Как лояльные служащие вашей фирмы и как определенная группа лиц, никакого отношения к вашей фирме не имеющая?

Монкгауз. Этого я ничего не знаю.

Рогинский. А Алексеев-Попов?

Монкгауз. Он бывший служащий.

Рогинский. А сейчас служащий?

Монкгауз. Нет.

Рогинский. Сведения давал?

Монкгауз. Давал.

Рогинский. Гусев, служащий вашей фирмы? Он давал сведения?

Монкгауз. Нет.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, Гусев сведения давал?

Торнтон. Через Макдональда давал.

Рогинский. Витвицкий, служащий вашей фирмы? Он сведения давал?

Монкгауз. Насколько знаю – нет.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, он сведения давал?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Подсудимая Кутузова, Витвицкий сведения давал?

Кутузова. Давал.

Рогинский. Подсудимый Торнтон получал эти сведения?

Кутузова. От Витвицкого сведения получал.

Торнтон. Эти сведения абсолютно неправильны.

Рогинский. Сухоручкин сведения давал?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Он служащий фирмы?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Подсудимый Монкгауз, Сухоручкин служащий вашей фирмы?

Монкгауз. Нет. Рогинский. Это круг лиц, о которых вы докладывали суду?

Монкгауз. Я не знаю.

Рогинский. Сведения Сухоручкин давал?

Монкгауз. Я не знаю.

Рогинский. Зорин – служащий фирмы?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Сведения давал?

Торнтон. Это нужно уточнить, что вы сказали.

Рогинский. Мы это уточним позже. Я выясню только этот вопрос – Зорин давал сведения?

Торнтон. Он сказал насчет регулятора, если это сведения.

Рогинский. Крашенинников давал сведения?

Торнтон. С ним я мало знаком.

Рогинский. Может быть подсудимый Крашенинников скажет, давал ли он сведения?

Крашенинников. Торнтону не давал. Я разговаривал с Олейником и с Джолли.

Рогинский. Олейник давал те сведения, которые его интересовали как монтера этой конторы?

Крашенинников. Не знаю, может быть и давал.

Рогинский. Подсудимый Олейник, сведения получали от Крашенинникова?

Олейник. Я не знаю, о каких сведениях идет речь.

Рогинский. О тех сведениях, о которых вы говорили на очной ставке с Торнтоном.

Олейник. О состоянии станции? Да.

Рогинский. Вы давали ему эти сведения?

Крашенинников. Давал.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, Крашенинников служащий фирмы?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Волховского знаете?

Торнтон. Да.

Рогинский. Сведения получали от него? Он служащий фирмы?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Может быть хватит. Сейчас мы подведем итог. Следовательно помимо ваших служащих у вас была еще целая группа лиц, не входящих в состав ваших служащих, которые собирали для вас определенную информацию. Так?

Торнтон. Собирали.

Рогинский. Давали вам определенную информацию, а вы ее получали?

Торнтон. Да, мы получали информацию.

Вышинский. Разрешите задать один вопрос подсудимому Олейнику в связи с этим вопросом. Подсудимый Олейник, вы спросили на вопрос Рогинского, о каких сведениях идет речь. Я хочу попросить уточнить этот момент. Я хочу спросить вас, вы вообще давали Торнтону или нет сведения, которые можно назвать в самом настоящем смысле этого слова шпионскими сведениями?

Олейник. Давал.

Вышинский. Разъясните, что это за шпионские сведения.

Олейник. О состоянии военного завода, о настроениях населения, о железнодорожном транспорте.

Вышинский. И в частности, какие именно явления имеют место на транспорте?

Олейник. О том, как работает транспорт, в каком состоянии.

Вышинский. Этого мало. А вот насчет военных перевозок?

Олейник. Было.

Вышинский. Насчет движения войск?

Олейник. Было.

Вышинский. Военное снабжение?

Олейник. Было.

Вышинский. Все, что знали, сообщали? Подсудимый Торнтон, вы слышали эту историю.

Правильно?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Не получали?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Ничего?

Торнтон. Только те сведения, которые я говорил.

Вышинский. Которые интересовали фирму?

Торнтон. Да.

Вышинский. А то, что говорилось о движении войск тоже интересовало фирму?

Торнтон. Как мне сказали – это есть.

Вышинский. Политическое настроение в целях определения устойчивости и прочности советской власти. Эти сведения были?

Торнтон. Да, были.

Вышинский. От Златоустовской станции вы получали сведения?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы раньше говорили, что были обывательские сведения о снарядах, помните?

Торнтон. Здесь слово «обывательские» годится, когда говорится о снарядах.

Вышинский. Прошу помнить – обывательские сведения именно о снарядах, а не о том, о чем кумушки в очередях говорят.

Торнтон. Я считаю, что это как раз говорят кумушки.

Вышинский. Во всяком случае вы не отрицаете этого факта, сведений, касающихся количества вырабатываемых в Златоусте снарядов?

Торнтон. Нет, отрицаю категорически.

Вышинский. А что же говорилось о снарядах?

Торнтон. Что делают в Златоусте снаряды.

Вышинский. Вы вероятно это знали и так, что же вам передавали?

Торнтон. Я не знаю. Сортов и количества не знаю.

Вышинский. Подсудимый Олейник, позвольте спросить, имели ли вы прямое задание от Торнтона собирать эти сведения?

Олейник. Имел.

Вышинский. Может быть вы уточните, где, когда, при каких обстоятельствах вам эти поручения даны Торнтоном?

Олейник. Какие именно поручения, потому что они давались несколько раз?

Вышинский. Можете ограничиться общим сообщением

Олейник. Это было главным образом в 1932 г. на даче.

Вышинский. А относительно подрывной работы Торнтону было известно?

Олейник. Было известно.

Вышинский. А что за подрывная работа?

Олейник. Подрывная работа – военная или вредительская?

Вышинский. Я не знаю, как вы это считаете.

Олейник. Была и та и другая.

Вышинский. Что Торнтон на этот счет скажет? Подсудимый Торнтон, вы слышали это?

Торнтон. Слышал.

Вышинский. Отрицаете?

Торнтон. Отрицаю.

Вышинский. Подсудимая Кутузова, были ли вы свидетельницей разговоров о том, чтобы производить эти аварии?

Кутузова. Была неоднократно.

Вышинский. Расскажите подробно, какие были разговоры и кто их вел?

Кутузова. Велись между инженером Торнтоном и Монкгаузом.

Вышинский. О чем велись разговоры?

Кутузова. Они намечали план разрушения станций, порчи оборудования и аварии.

Вышинский. А почему они нашли такой прекрасный случай разговаривать об этом в вашем присутствии?

Кутузова. Они меня не стеснялись, я там была своим человеком.

Вышинский. Они оба хорошо к вам относились, оба любили?

Кутузова. Да.

Вышинский. У вас были дружеские отношения?

Кутузова. Да.

Вышинский. Гражданин Торнтон, вы подтверждаете, что были дружеские отношения с Кутузовой, что вы ее считали своим человеком?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы ее не стеснялись?

Торнтон. Я не понимаю.

Председатель. Вы не стеснялись в ее присутствии говорить о своих служебных делах?

Торнтон. Я не стеснялся потому, что нечего было стесняться, потому что мы никогда не говорили о вредительстве. Я с Монкгаузом никогда не говорил о вредительстве.

Вышинский. Во всяком случае у вас с Монкгаузом были разговоры, которые не были предназначены для третьего лица?

Торнтон. Были деловые разговоры.

Вышинский. Эти разговоры вы не стеснялись вести в присутствии Кутузовой?

Торнтон. Иногда. Конечно мы иногда говорили без третьих лиц. Мы иногда говорили вдвоем о делах фирмы и иногда она могла слышать. А этого не могли слышать, ибо мы о вредительстве не говорили.

Вышинский. А Кутузова говорит, что такие разговоры были, Олейник говорит, что были, Гусев говорит, что были.

Торнтон. Гусев тоже говорит?

Вышинский. Он говорил о моторе в 1 400 л.с., что вам было известно, что вы были довольны.

Торнтон. Я это отрицаю. Я ничего не говорил об авариях.

Вышинский. Я знаю, что вы отрицаете. Я напоминаю. Олейник говорил, Гусев говорил, говорила Кутузова, которая пользовалась доверием, жила у вас много лет, вы ее считали своим человеком. Правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Кроме того вы ей доверяли настолько, что в ее присутствии вели разговоры, которые не предназначались для третьих лиц. Правильно?

Торнтон. Да, только я никогда с Монкгаузом не говорил о том, что говорит Кутузова.

Вышинский. Скажите пожалуйста, кто такой Ольгин?

Торнтон. Ольгин был директором Кабельного завода бывш. Подобедова.

Вышинский. Какое отношение имели вы к заводу бывш. Подобедова?

Торнтон. Я поступил туда как механик.

Вышинский. Потом?

Торнтон. Я жил там около 7-8 лет.

Вышинский. Кем был в Москве Ольгин?

Торнтон. Он был директором-распорядителем.

Вышинский. А совладельцем этого завода не был?

Торнтон. Он имел акции, но главными были – Волго-Камо банк – Гукасов и Дебур*.

Вышинский. Ольгин участвовал акциями. Я правильно скажу, что Ольгин входил в эту группу капиталистов, когда-то владевших и фабриками, и заводами, и акциями?

Торнтон. Он был сначала служащим.

Вышинский. Потом стал хозяином. Правильно ли я понимаю, что этот Ольгин был владельцем или совладельцем одного из предприятий, потом конфискованных у капиталистов и перешедших в руки Советского государства. Правильно?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Где этот Ольгин оказался после Октябрьской революции? Там же, где и Гукасов?

Торнтон. Он оказался в Англии.

Вышинский. Какую он там должность занял, или какое получил место в Англии этот Ольгин – бывший русский капиталист?

Торнтон. Он никакого места в Англии не получил. Он жил там и через год или два, в 1924 г., уехал в Берлин и был консультантом.

Вышинский. Чьим консультантом?

Торнтон. Фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. Значит можно так сказать: этот Ольгин, бывший совладелец завода Подобедова, после ликвидации его права собственности на этот завод эвакуировался в Лондон и стал консультантом фирмы «Метро-Виккерс»?

Торнтон. Да, он был в Берлине консультантом.

Вышинский. В настоящее время он продолжает быть консультантом?

Торнтон. Он умер.

Вышинский. Но остался кажется его брат?

Торнтон. Сын.

Вышинский. Этот сын продолжает иметь связь с фирмой «Метро-Виккерс»?

Торнтон. Да, продолжает, он молодой инженер лондонской конторы.

Вышинский. Вы приехали в СССР в качестве главного монтажного инженера?

Торнтон. Я приехал в СССР как обыкновенный, рядовой монтажный инженер.

Вышинский. Приехали на работу как техник, а затем заняли положение главного монтажного инженера?

Торнтон. Да.

Вышинский. И, как мы сейчас выяснили (я пока, временно, слово «шпионский» устранию), и вы, и Монкгауз, и Макдональд и целый ряд других лиц через инженеров и технических разного рода пытались получать различные сведения и экономические, и политические, и даже военные, как говорит Макдональд.

Торнтон. Как говорит Макдональд, да.

Вышинский. И как вы говорите – «обывательские сведения о снарядах».

Торнтон. Обывательские – да.

Вышинский. Обывательские о снарядах?

Торнтон. Видите ли, насколько я понимаю вас – да.

* См. статью М.Н. Барышникова «Создание Гукасовыми промышленной группы в России в начале XX века» (www.vestnikmanagement.spbu.ru/archive/pdf/622.pdf).

Вышинский. И насколько я вас понимаю – это тоже так. Меня интересует теперь эта ваша деятельность в замкнутом кругу лиц, связанных с фирмой «Метро-Виккерс», была ли она действительно замкнутой, или она перекидывалась и на какие-либо другие учреждения? Те сведения, которые, как мы с вами договорились, у вас концентрировались, получались, они оставались только в пределах определенных лиц, связанных с фирмой «Метро-Виккерс», или выходили и за эти пределы, по какому-нибудь еще направлению?

Торнтон. Очень трудно ответить на этот вопрос, потому что я не знаю. Я полагаю, что эта информация держалась только в нашей группе.

Вышинский. Конечно, в вашей группе, но группа ваша была какой? Конкретно в Англии кому персонально поступали эти сведения?

Торнтон. Ричардс, Тэрнер.

Вышинский. Остановимся на Ричардсе. Кто такой Ричардс?

Торнтон. Ричардс – директор-распорядитель «Метро-Виккерс Электрикал Экспорт Компани».

Вышинский. Он бывал в СССР?

Торнтон. Бывал.

Вышинский. Много раз?

Торнтон. Да.

Вышинский. Сколько раз? Давайте я вам напомним: в 1923 г. был?

Торнтон. Да.

Вышинский. В 1925 г.?

Торнтон. Да.

Вышинский. В 1926 г.?

Торнтон. Да, я думаю, что был.

Вышинский. В 1927 г.?

Торнтон. Да.

Вышинский. В 1928 г.?

Торнтон. Вероятно, да.

Вышинский. В 1929 г.?

Торнтон. Он почти каждый год бывал.

Вышинский. Каждый год, начиная с 1923 г.?

Торнтон. Он кажется не был в 1924 г.

Вышинский. А до 1923 г. он бывал. Например в 1917 г.?

Торнтон. Он был в 1911 г.

Вышинский. А в 1917-1918 гг.?

Торнтон. Да, был в 1917 году.

Вышинский. Где?

Торнтон. Он был представителем «Британский Вестингауз».

Вышинский. Где?

Торнтон. В Москве, а затем в Ленинграде.

Председатель. Речь идет о 1917 или о 1918 годе?

Торнтон. В 1917 г.

Вышинский. А в 1918 г. – он продолжал оставаться в Ленинграде или в Москве?

Торнтон. В Ленинграде.

Вышинский. А в Архангельске он был?

Торнтон. Он был в экспедиции.

Вышинский. В какой экспедиции?

Торнтон. Я так называю британскую экспедицию в Архангельске.

Вышинский. То есть экспедиция, которая заняла Архангельск и воевала против Красной армии?

Торнтон. Против советской власти.

Вышинский. Ах, вот как.*

Торнтон. Да.

Вышинский. Кем же он был в Архангельске?

Торнтон. Я не был в Архангельске.

Вышинский. Я понимаю. Вы были в Месопотамии.

Торнтон. Я могу сказать только, что я слышал.

Вышинский. Но это ваш представитель? Вы это удостоверяете?

Торнтон. Да. Это факт.

Вышинский. Следовательно можно сказать, что в 1918 г. Ричардс, теперешний директор экспортного отдела фирмы «Метро-Виккерс», был в Архангельске в числе войск британской армии, воевавшей против советской власти.

Торнтон. Да.

Вышинский. Может быть вы скажете, в качестве кого он там был?

Торнтон. Насколько мне известно, он был «интеллидженс офисер».

Вышинский. Как это по-русски сказать?

Торнтон. Это офицер.

Вышинский. Офицер – чего? Как называлось учреждение, где он был офицером?

Торнтон. Это не учреждение. Это часть.

Вышинский. Не правильнее ли сказать, что она называлась «интеллидженс сервис»?

Торнтон. Я думаю, что это другое. Он был «интеллидженс офисер». В армии нет «интеллидженс сервис». А есть «интеллидженс офисер», который заведует этими делами.

Вышинский. Какими делами?

Торнтон. Он заведует всей информацией о неприятеле, допрашивает пленных.

Вышинский. Ведает арестами?

Торнтон. Только не наших солдат, а других.

Вышинский. Чужих?

Торнтон. Да.

Вышинский. Большевиков?

Торнтон. В данном случае – вероятно да.

Вышинский. Вероятно. Можно сказать, что это есть офицер контрразведки?

Торнтон. Я не знаю, как будет по-русски: скаут.

Переводчик. Скаут по-русски – разведчик.

Торнтон. К сожалению я не очень хорошо знаком с этой частью армии. Разведчик, насколько я знаю, прикреплен к особой части. А это была канцелярская должность.

Вышинский. Разведчик – не в смысле разведки на поле битвы, а разведчик, который сидит в канцелярии за столом.

Торнтон. Это конечно касается главным образом неприятеля.

Вышинский. Я понимаю. Я хочу спросить Монкгауза. Подсудимый Монкгауз, вы тоже были в это время в Архангельске, в этом самом корпусе, и были связаны с этим Ричардсом?

Монкгауз. Я был в инженерных войсках.

* Для справки. Сам А.Я. Вышинский в 1915-1917 гг. служил помощником у присяжного поверенного округа Московской судебной палаты П.Н. Малянтовича. После февральской революции 1917 г. был назначен комиссаром милиции Якиманского района, тогда же подписал «распоряжение о неукоснительном выполнении на вверенной ему территории приказа Временного правительства о розыске, аресте и предании суду, как немецкого шпиона, Ленина».

Вышинский. А Ричардс там был?

Монкгауз. Я сам в Архангельске не был. Был в Высоких Горах.

Вышинский. А где был Ричардс?

Монкгауз. В самом Архангельске.

Вышинский. Кем?

Монкгауз. При главном штабе служил «интеллидженс офицер».

Вышинский. Ну вот, выходит, что «интеллидженс сервис». Этот самый Ричардс после архангельской экспедиции, окончившейся неудачно, отправился обратно в Англию?

Монкгауз. Да.

Вышинский. А потом он приезжал в СССР нелегально?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. А в 1918 г. через финляндскую границу он переходил нелегально?

Монкгауз. В середине 1918 г.

Вышинский. В, середине 1918 г. он переходил нелегально через финляндскую границу?

Монкгауз. Нельзя сказать, что нелегально.

Вышинский. А как? С паспортом?

Монкгауз. С паспортом, но тайно. Можно мне сказать, почему тайно?

Вышинский. Это я потом вас спрошу. Дальше у меня вопрос к Торнтону. Будьте любезны разрешить предъявить показание Торнтон от 13 марта, написанное его собственной рукой. Это ваше показание? Возьмите, пожалуйста, просмотрите его внимательно от начала до конца, а потом придется его огласить. Это ваше показание?

Торнтон. Да.

Вышинский. Собственноручное?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы писали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит надо огласить его полностью, если потребуется сначала на английском языке.

Председатель. Оглашается показание, написанное собственноручно Торнтоном от 13 марта 1933 г.

Мартенс (оглашает показание).

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЯ британского подданного инженера Торнтон Л.Ч. от 13 марта 1933 г. (перевод с английского) Вся наша шпионская деятельность на территории СССР руководится британской разведывательной службой («Интеллидженс сервис», пер.) через ее агента Ч.С. Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя компании «Метрополитен-Виккерс Электроэкспортной К⁰».

Шпионская деятельность на территории СССР руководилась мною и Монкгаузом, представителями вышеупомянутой британской фирмы, которая является согласно официального соглашения поставщиком советскому правительству турбин и электрического оборудования, а также предоставляет техническую помощь. Согласно инструкции Ч.С. Ричардса, данной мне, в этих целях британский персонал постепенно вовлекался в шпионскую организацию после его прибытия на территорию СССР и ему давались инструкции о необходимой для нас информации.

В течение всего периода нашего пребывания на территории СССР из всего служившего у нас британского персонала 27 человек были заняты шпионской деятельностью. Из них 15 человек, в составе: Монкгауз, Кокс, Торнтон, Тезл, Шоттерс, Берк, Риддл, Макдональд, Аннис А., Аннис Х., Шепли, Поллит, Уоттерс, Нордволл, Кларк, были заняты экономическим и политическим шпионажем, а также исследованием оборонительных и наступательных возможностей Советского союза.

Остальные 12 человек, в составе: Юул, Джолли, Корнелль, Маккракэн, Ричардс Ч.Г., Кушни, Грегори, Смит А., Фаллоус, Ноэль, Чарнок, Ватмоу, были заняты политическим и экономическим шпионажем. На 11 марта 1933 г. следующие лица были заняты шпионской деятельностью: Нордволл – экономический и политический шпионаж и исследование оборонительных и наступательных возможностей. Грегори – экономический, политический шпионаж. Поллит – экономический и политический шпионаж и исследование оборонительных и наступательных возможностей. Ватмоу – экономический и политический шпионаж. Риддл – экономический и политический шпионаж и исследование оборонительных и наступательных возможностей. Монкгауз – экономический и политический шпионаж и исследование оборонительных и наступательных возможностей. Кушни – экономический и политический шпионаж. Факты о шпионской деятельности вышеупомянутых лиц, которые были под моим руководством, я дам в дальнейших протоколах. Лесли Ч. Торнтон. 13 марта 1933 г.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, в оглашенном только что вашем показании вы говорите: «Вся наша шпионская деятельность на территории СССР руководилась британской разведывательной службой через ее агента Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя «Метро-Виккерс Электрикал Экспорт». Так вот первая часть.

Торнтон. Я хочу отрицать этот документ целиком.

Председатель. Одного вашего желания мало.

Вышинский. Я хочу по частям пойти, потом сложится целое. Вот это первая часть. Значит вы это отрицаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. Этого не было в действительности?

Торнтон. Нет.

Вышинский. А вы написали?

Торнтон. Написал.

Вышинский. По тем же причинам. Были взволнованы?

Торнтон. Когда я это писал, мне было безразлично, что я писал.

Вышинский. А почему вам было безразлично?

Торнтон. Я был в таком состоянии.

Вышинский. Расстроены были?

Торнтон. Да.

Вышинский. Зачем же на Ричардса говорить?

Торнтон. Я знаю, что я все-таки наклепал.

Вышинский. 2-й абзац: «Шпионская деятельность на территории СССР руководилась мною и Монкгаузом, представителями вышеупомянутой британской фирмы, которая является согласно официальному соглашению поставщиком советскому правительству турбин и электрического оборудования, а также предоставляет техническую помощь». Это вы отрицаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. Что именно, что она является фирмой, поставляющей турбины?

Торнтон. Это известно.

Вышинский. В этом абзаце вы не отрицаете того, что ваша фирма является поставщиком турбин, что она оказывает техническую помощь. Не отрицаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. А вы отрицаете, что вы руководили шпионской деятельностью вместе с Монкгаузом?

Торнтон. Шпионской, да.

Вышинский. Если выбросить слово – шпионская, тогда будет так, что те сведения, о которых вы говорили, и в тех пределах, в которых вы это признали, это соответствует тому, что вы говорили?

Торнтон. Да.

Вышинский. Тут сказано – шпионская деятельность, но я имею в виду, что вы все время упорно отказываетесь от слова «шпион». Поэтому я это слово выбрасываю. Я не говорю о шпионской деятельности, но говорю о деятельности, о которой говорил целый ряд лиц, о той деятельности, которую вы отрицали только в части ее секретности, эта деятельность была?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит весь этот абзац с поправкой записан правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит, хотя вы были расстроены, это не помешало записать правильно?

Торнтон. Да. Только не шпионство.

Вышинский. Я это уже оговорил. Затем здесь записано: «Согласно инструкции Ч.Г. Ричардса, данной мне в этих целях, британский персонал постепенно вовлекался в шпионскую организацию после его прибытия на территорию СССР, и ему давались инструкции о необходимой для нас информации». Что вы здесь признаете и что отрицаете?

Торнтон. Я это отрицаю. Это я неправду говорил. То, что говорил об инструкции, неправда.

Вышинский. Инструкции не было?

Торнтон. Не было.

Вышинский. А информация была?

Торнтон. То, что нужно для фирмы – это да.

Вышинский. Это – что Ричардсу передавали? Было это?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит это признаете?

Торнтон. Если сделать поправку.

Вышинский. В этот абзац сделаем такую поправку: «эти сведения, получаемые мною здесь, передавал Ричардсу, но без его инструкции».

Торнтон. Сведения, о которых я говорил здесь?

Вышинский. Да. Второй абзац частично подтверждается, третий абзац частично подтверждается. Дальше: «В течение всего периода нашего пребывания на территории СССР из всего служившего у нас британского персонала 27 человек были заняты шпионской деятельностью». Сколько за это время было служащих, приблизительно 27 человек?

Торнтон. Насколько я помню, я так написал.

Вышинский. Здесь цифра 27.

Торнтон. Я написал 27.

Вышинский. Их было 27?

Торнтон. Я думаю, что нет.

Вышинский. А сколько же было?

Торнтон. От какого это числа?

Вышинский. От 11 марта (передает дело Торнтону). Все включены?

Торнтон. Все включены.

Вышинский. Правильно цифру назвали?

Торнтон. Может быть 26, может быть 28, приблизительно правильно.

Вышинский. Ошибка может быть на одного человека в ту или иную сторону.

Торнтон. Все они были здесь.

Вышинский. Все они были. Может быть перечислить по фамилиям: «Монкгауз, Кокс, Торнтон, Тезл, Шоттерс, Берк, Риддл, Макдональд, Аннис А., Аннис Х., Шепли, Поллит, Уоттерс, Нордволл, Кларк». Правильно все?

Торнтон. Да.

Вышинский. Дальше писали, что все они были заняты кроме своей работы шпионской деятельностью. Правильно? Так писали?

Торнтон. Писал так, но это не так.

Вышинский. Хорошо. Как же они были распределены? Я перечислил 15 человек, которые были заняты экономическим и политическим шпионажем, а также исследованием оборонительных и наступательных возможностей Советского союза. Вы писали так?

Торнтон. Писал так, но это не так.

Вышинский. Вы всегда пишете как раз наоборот?

Торнтон. В данном документе так.

Вышинский. И так было в целом ряде других. Остальные 12 человек – Юул, Джолли, Корнелль, Маккракэн, Ричардс Ч.Г., Кушни, Грегори, Смит А., Фаллоус, Ноэль, Чарнок, Ватмоу были заняты политическим и экономическим шпионажем. Писали это?

Торнтон. Писал.

Вышинский. Так это было?

Торнтон. Только не шпионажем.

Вышинский. А чем?

Торнтон. Теми сведениями, которые уточнили сегодня.

Вышинский. Следовательно об этих лицах скажем, что все эти 12 человек действительно были заняты собиранием тех сведений, которые вы не считаете шпионскими, но которые считает шпионскими например Макдональд?

Торнтон. Макдональд считает шпионскими?

Вышинский. Правильно.

Торнтон. Макдональд говорил о военном шпионаже. Это я отрицаю.

Вышинский. А первые 15 человек были заняты и военным шпионажем?

Торнтон. Я говорю, что это ложь.

Вышинский. Они не собирали никаких сведений?

Торнтон. Может быть те сведения, которые нужны для фирмы, они собирали.

Вышинский. Сведения, которые Макдональд считал военными сведениями, а вы считаете не военными, и не секретными, а обывательскими?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Первые 15 занимались военным шпионажем?

Торнтон. Я говорю, что это ложь.

Вышинский. Вообще никаких сведений они не собирали?

Торнтон. Может быть, они собирали те сведения, которые мы уточнили, которые интересны для фирмы.

Вышинский. А например такое совпадение: вы называли среди этих 15 лиц Макдональда, и Макдональд подтвердил, что он действительно собирал сведения военно-секретного характера. Вы слышали это?

Торнтон. Слышал.

Вышинский. Макдональд подтвердил, что он собирал сведения военно-секретного характера. Верно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы 13 марта написали, что Макдональд собирал сведения оборонительного и наступательного характера. Совпадает это?

Торнтон. Это было одного числа.

Вышинский. Совпадает. Макдональд и здесь, и на предварительном следствии говорил, что он собирал сведения военно-шпионского характера.

Торнтон. Да.

Вышинский. И вы здесь 13 числа указывали на Макдональда, как на человека, который собирал сведения военного, оборонительного и наступательного характера. Я спрашиваю, совпадает ли то, что вы тогда говорили, и то, что Макдональд здесь говорит в суде?

Торнтон. Это совпадает, но тогда я говорил неправду.

Вышинский. Вы говорили неправду, но эта «неправда» совпадает с тем, что говорит на суде Макдональд.

Торнтон. Да.

Вышинский. Если вы писали неправду, то как же могло так получиться, что в вашей сетке мы натолкнулись на пункты, нашедшие подтверждение здесь в показаниях Макдональда и Кутузовой?

Торнтон. Как будто бы это все одно дело.

Вышинский. Почему вы в этом показании, будучи взволнованы, как вы говорите, будучи расстроены, однако могли с такой точностью назвать число 27 и это обстоятельство также совпадает с теми данными, которые дальше вы расшифровали?

Торнтон. Я не думаю, что это...

Вышинский. Вы сейчас проверили и сказали – верно: 27. Если вы действительно были расстроены и взволнованы, как вы могли помнить цифру, а раз вы точно помнили цифру, то разрешите усумниться в том, что вы были тогда так расстроены или взволнованы.

Торнтон. Я был действительно расстроен.

Вышинский. Не настолько, чтобы забыть цифру.

Торнтон. Не знаю, эти цифры по-моему верны.

Вышинский. По-моему тоже.

Торнтон. Но я отрицаю военный шпионаж.

Вышинский. Вы отрицаете, но это не убеждает меня, что этого не было.

Торнтон. Я говорю, что мои показания ложные.

Вышинский. Но это надо установить. Вы говорите, что были расстроены, а цифра 27 – точная цифра. Вы разделили на 15 и 12 человек точно.

Торнтон. У меня был список, и я просто отчеркнул так, с бухты-барахты.

Вышинский. Ответьте на последний вопрос – чем вы руководились, когда одних отнесли к категории экономически-политического шпионажа, а других – к категории экономически-политического и еще военного, т.е. оборонительного и наступательного шпионажа. Вот Нордволл – экономический и политический шпионаж. Поллит – то же самое, Ватмоу – без военного, Кушни – без военного, а Монкгаузу – и военный присоединили.

Торнтон. Это просто случайно.

Вышинский. Тоже с бухты-барахты?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит, так просто – кому дали экономически-политический шпионаж, кому военный, с бухты-барахты?

Торнтон. Да.

Вышинский. А какая была цель, когда вы это делали? Я спрашиваю – для чего?

Торнтон. Просто я не знал, но просили, чтобы я сознался.

Вышинский. И вы удовлетворили просьбу?

Торнтон. И удовлетворил просьбу.

Вышинский. У меня больше нет вопросов.

Председатель. Объявляется перерыв на 20 минут.

(Заседание прерывается на 20 минут в 8 часов вечера.)

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста, Подсудимый Торнтон, займите ваше место. У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде. Есть. Обвиняемый Торнтон, я хотел бы вас просить объяснить суду, что вы понимали под словом «шпионские сведения». Что вы представляли себе тогда под словом «шпионские сведения»?

Торнтон. Шпионские сведения – это есть информация, которую собирает человек, который стоит на службе у тех государств, где эта информация нужна, т.е. узнавание нелегальным образом всяких секретов.

Брауде. Вы не всегда показывали так, как 13 марта. В показаниях от 12 марта есть такое показание: «Мне известно, что некоторые из наших монтажных инженеров – монтажники – доносили от времени до времени о предстоящих заказах на электрооборудование, которое должно быть установлено и которое должно быть приобретено за границей. Доносили письменно или устно...» И дальше, вы писали: «Согласно советскому закону сбор и передача подобной информации эквивалентна экономическому шпионажу, который в действительности проводился некоторыми членами нашей монтажной группы, а именно...» И дальше идет перечень. В этом показании вы говорите о шпионских сведениях, вы имеете в виду только военные или эти?

Торнтон. После того, как объяснили мне, что это шпионские сведения, я везде писал на показаниях – шпионские. А военные сведения всякого рода – я отказываюсь, хотя я это писал.

Брауде. А что вы понимаете под термином, который вы упоминаете в оглашенных сегодня показаниях – оборонительные и наступательные?

Торнтон. Я сам не знаю, что это такое.

Брауде. Что же вы пишете то, что не знаете?

Торнтон. Я писал это после долгих вопросов [допросов?] и морального давления.

Брауде. В связи с той усталостью, о которой вы говорили?

Торнтон. Это фразы не мои. Они были внушены.

Брауде. Вы хотите сказать, что это неудачная формулировка ваших мыслей.

Торнтон. Я писал этот документ под моральным давлением.

Брауде. Нельзя ли записать, что вас интересовала устойчивость советской власти. Это можно так толковать?

Торнтон. Нет, это было иначе. Это есть те же шпионские военные сведения, но под другим названием.

Брауде. На листе дела 140, в показаниях от 20 марта, передавая такого рода информацию, сообщенную вам вашими товарищами, вы между прочим сообщаете: «Нордволл был короткое время в Кузнецке с Макдональдом и был главным образом занят модификацией моторов «Р» электростанции; он не давал мне никаких сведений о Кузнецке, исключая нашего оборудования. Нордволл считает советское правительство прочным». Это как нужно толковать? В каких целях такого рода информация? Подтверждает это вашу мысль о прочности советской власти?

Торнтон. В этом смысле – да.

Брауде. А в отношении вредительства? Вы уже удостоверили, что ни в одном показании вы нигде не признавали себя виновным в организации аварий и вредительства. Это вы подтверждаете сейчас?

Торнтон. Подтверждаю.

Брауде. И по вашим убеждениям по отношению к советской власти, к Советскому союзу вы могли бы организовывать вредительство в смысле аварий, крушений и так далее?

Торнтон. Никогда не мог этого делать.

Брауде. Почему?

Торнтон. Всю мою жизнь я создавал, а не разрушал, тем более в чужой стране это делать я бы считал в высшей степени неморальным и никогда бы не стал этого делать.

Брауде. Еще один вопрос. Скажите пожалуйста, вы за это время, что работаете в фирме «Метро-Виккерс» по договору с советским правительством, вы сами принимали участие в большом количестве монтажей, где лично работали?

Торнтон. Да, я монтировал трансформаторы.

Брауде. Вы были в разных местах. Приведите один-два примера вами лично возведенных монтажей. У вас аварий не было?

Торнтон. Кроме последней аварии не было.

Брауде. Был ли хоть один случай аварий, крушений на монтажных работах, которые вы лично провели?

Торнтон. Был один случай в Ленинграде.

Брауде. По этому делу он не проходит?

Торнтон. Нет, не проходит.

Брауде. Больше не было?

Торнтон. Нет.

Брауде. Еще вопрос биографического порядка. Ваш отец был одним из собственников предприятия. На каких паях он туда входил?

Торнтон. 25-30 человек было в фирме «Торнтон».

Брауде. Значит там было от 25 до 30 человек. Он имел небольшое количество паев?

Торнтон. Он был самым младшим в семье.

Брауде. Вы говорили, что служили в ряде предприятий. Вы лично обладали собственностью – домами, поместьями и так далее?

Торнтон. Нет, я все время служил по найму.

Брауде. Ваш трудовой стаж по найму?

Торнтон. Примерно 26 лет.

Брауде. Революция у вас лично отняла большие капиталы, поместья и так далее?

Торнтон. Да, примерно 20 000 керенками. Это можно купить за несколько рублей.

Брауде. Значит у вас не было оснований непосредственно обижаться на революцию?

Торнтон. Нет.

Брауде. Служилось вам хорошо в советских условиях?

Торнтон. Очень хорошо.

Брауде. Отношение со стороны советской власти и ее представителей, с которыми вы встречались, со стороны деловых людей было хорошим, оснований обижаться не было?

Торнтон. Не было никогда.

Брауде. Значит у вас не было стимулов к совершению преступлений?

Торнтон. Нет.

Председатель. Есть еще вопросы у защиты?

Лидов. Когда вы получали от Кушни ту или иную информацию, вы за это денежные суммы передавали?

Торнтон. Никогда не передавал Кушни никаких денег за информацию и никогда не санкционировал его расходных листов, которые имели подозрительно большие суммы.

Лидов. Значит и не утверждали?

Торнтон. Не утверждал и денег не давал никогда, я никогда не утверждал какой-нибудь расходный лист, который имел ненормальные цифры.

Лидов. Значит ваши сведения, которые вы от него получали в порядке информации, ограничивались тем, что он вам передавал, возвращаясь из поездок, без всякой оплаты и выдачи каких-либо денег на расход?

Торнтон. Правильно.

Лидов. Вас об этом спрашивали и на следствии. Вы помните?

Торнтон. Да.

Лидов. Вы на следствии также отвечали?

Торнтон. Да.

Лидов. Я обращаю внимание суда, что действительно на 96 листе тома XVIII в протоколе допроса Торнтон имеет вопрос, заданный по отношению к обвиняемому Кушни, причем он действительно утверждает, что он никогда не платил и каких-либо расходов, которые обращали бы на себя внимание и выходили из ряда обыкновенных расходов, не утверждал. Я больше вопросов не имею.

Председатель. Еще есть вопросы?

Коммодов. В связи с показаниями Торнтон позвольте предложить вопросы подсудимым Гусеву, Соколову, Олейнику и Кутузовой.

Председатель. Может быть у других защитников есть вопросы?

Долматовский. Информация касалась ваших деловых взаимоотношений с клиентурой?

Торнтон. Да. Я не знаю, как об этом говорит закон. Иногда говорят, что это шпионская информация. Грегори мне сказал, что будут заказывать новые привода для их сортового стана.

Долматовский. Можно обратиться с просьбой к суду перевести это гражданину Грегори, потому что он не понимает?

Председатель. Пожалуйста. (Переводчик переводит.)

Грегори (перевод). Могу ли я прибавить к этому что-нибудь?

Председатель. Пожалуйста.

Грегори (перевод). Эту информацию я получил от инженера, который там работал.

Долматовский. Кроме информации получали какие-нибудь сведения, письменные или устные?

Торнтон (ответ не уловлен).

Долматовский. А Нордволл давал такого рода информацию, где и когда? Когда вам приходилось видеться с ним, какую информацию он давал, не можете ли вы подробно уточнить?

Торнтон. Информация, которую я получал от Нордволла, была обыкновенной информацией, ее никак нельзя было считать шпионской.

Долматовский. В каком смысле – шпионской? Ведь разница большая: шпионская информация или обыкновенная информация, касающаяся его работы и взаимоотношений по работе?

Торнтон. Можно сказать – информация о его работе и обывательская, местная.

Долматовский. В каком смысле обывательская, т.е. об условиях работы в данной местности или более конкретно?

Торнтон. Общего характера.

Долматовский. Как вы считали Нордволла – человеком, который может давать вредную информацию для Советского союза?

Торнтон. Нет. Я могу сказать, что Нордволл был очень хорошо расположен к советской власти.

Долматовский. Скажите, та сумма в 112 рублей, которая была зафиксирована в протоколе от 13 марта, она была дана как вознаграждение за нелегальную информацию?

Торнтон. Я смотрел в книги, и оказывается, что это не 112 рублей, а 120.

Долматовский. Что это за деньги, вознаграждение за нелегальную работу?

Торнтон. Я не знаю. Я пропустил это. Я подписал. Это был счет Нордволла на 120 рублей, а он отдал эту сумму за разборку и исправление индукционного мотора...

Долматовский. Значит, это расход по работе?

Торнтон. Это законное расходование.

Долматовский. Почему же вы назвали это незаконным расходом служащего?

Торнтон. Я не знал, для чего.

Долматовский. А как же вы говорили, что это вознаграждение служащим?

Торнтон. Да, он платил. Я думал, что это так. Я думаю, что в моих показаниях это где-нибудь есть, где я предполагал, что это за ремонт.

Долматовский. Я просил бы суд удостовериться, что в показаниях Торнтон от 20 марта говорится, что эта сумма выплачивается не за вредительскую работу, а рабочим за произведенную работу.

Шварц. Разрешите мне задать вопрос общего характера, но имеющий отношение к двум подсудимым. Мистер Торнтон, вы на вопрос прокурора Республики ответили, что Зорина вы знаете?

Торнтон. Да.

Шварц. Позвольте вас спросить, в каком году вы впервые с ним столкнулись и при каких обстоятельствах?

Торнтон. Я считаю, что это было в 1931 г. на заседании комиссии, которая была относительно агрегатов, которые стоят на 1-й Московской станции.

Шварц. В 1931 г. вы впервые познакомились на заседании комиссии. В каком учреждении было заседание комиссии?

Торнтон. Это было в МОГЭС. Я не очень хорошо помню, но кажется так.

Шварц. Это было первое знакомство. Разговора кроме делового в этот раз не было?

Торнтон. Не было.

Шварц. Затем, когда с ним встречались?

Торнтон. Я был в МОГЭС в его конторе и разговаривал с ним относительно аварии в Орехово-Зуеве. Это вторая встреча. И третья встреча была, если не ошибаюсь, в Электроимпорте.

Шварц. Меня интересует, в каком году и по какому поводу вы вели разговоры кроме деловых и другого характера?

Торнтон. Единственный разговор, как я показал в своих показаниях, который я вел с Зориным, это был разговор относительно регуляторов других фирм, регуляторов, которые стоят на турбине.

Шварц. В каком году это было?

Торнтон. Это было в самое последнее время.

Шварц. То есть?

Торнтон. Это было в 1933 г.

Шварц. Где?

Торнтон. Это было после заседания в Электроимпорте. Я привел его в нашу контору, и он просил литературы.

Шварц. Больше не было разговоров посторонних, кроме деловых? Торнтон. Только относительно регуляторов и больше ничего.

Председатель. У защиты еще есть вопросы?

Либсон. Скажите пожалуйста, сколько лет продолжалась ваша совместная работа в фирме с подсудимой Кутузовой?

Торнтон. Она поступила в конце 1926 или в начале 1927 г.

Либсон. Она все время была секретарем?

Торнтон. Все время.

Либсон. Разве не было более старшей должности среди служащих конторы?

Торнтон. Она была самой старшей.

Либсон. И пользовалась особым доверием?

Торнтон. Пользовалась особым доверием.

Либсон. Монкгауз был в конторе всегда?

Торнтон. Да.

Либсон. У Монкгауза, возглавлявшего работу, был отдельный кабинет?

Торнтон. Не очень отдельный, но якобы отдельный.

Либсон. Кутузова работала там же?

Торнтон. Нет, она в общей конторе.

Либсон. Но право входа в комнату, где работал Монкгауз, она имела?

Торнтон. Да.

Либсон. Кроме того, что ваша работа проходила с гражданкой Кутузовой в Московской конторе, в общежитии вы тоже вместе жили?

Торнтон. Она жила на отдельной квартире, которая находится наверху моей квартиры.

Либсон. Этот дом – одно общежитие?

Торнтон. Одна из частей общежития.

Либсон. Вы все время сталкивались – вы, Монкгауз и она?

Торнтон. Да.

Либсон. Стало быть все разговоры вне службы протекали вместе?

Торнтон. Не всегда, но бывали вместе. У нее отдельная квартира.

Либсон. Вы сказали на вопрос прокурора Рогинского, что вы не стеснялись ее. Как это понять – не стеснялись?

Торнтон. Я тоже не очень понимаю. Я понял так – мы доверяли ей.

Либсон. Скажите пожалуйста, вот если вы беседовали с Монкгаузом, вы говорили по-английски.

Торнтон. Всегда.

Либсон. Она английский хорошо знает?

Торнтон. Хорошо знает, может быть некоторые специальные термины хуже.

Либсон. Специальные технические термины может быть не знает, но вообще английский язык знает?

Торнтон. Да.

Либсон. И вы в ее присутствии всегда говорили на английском языке.

Торнтон. Иногда по-русски, но большей частью по-английски.

Либсон. Вы другими языками не владеете?

Торнтон. Я говорю по-немецки.

Либсон. И она кажется также.

Торнтон. Слабо, она говорит по-французски.

Либсон. Вы придаете одну оценку, прокурор Республики, другую оценку вашей деятельности. Не будем ее называть шпионажем, собиранием военных сведений, а будем называть информацией. Вот ваши разговоры о той информации, которую вы получали, если вы вели беседу с Монкгаузом, вы вели в присутствии Кутузовой?

Торнтон. Если мы знали, что будет строиться что-нибудь, мы могли сказать при ней.

Либсон. Не скрывали этого?

Торнтон. Нет.

Либсон. А вообще были ли темы, которые вы скрывали в этих беседах?

Торнтон. Да, может быть. Она не знала наших деловых вещей.

Либсон. Вы полагаете, что она не знала?

Торнтон. Да.

Либсон. И еще одно обстоятельство. Вы на Зуевке сами бывали?

Торнтон. Да.

Либсон. Знали ли вы кого-нибудь лично из инженерного состава русских, скажем, приходилось ли вам сталкиваться с инженером Котляревским?

Торнтон. Когда я его здесь увидел, я припомнил его, но там он не был при монтаже, он был в эксплуатации.

Либсон. Значит никаких разговоров у вас с ним не было?

Торнтон. Нет.

Брауде. Скажите пожалуйста, вы сказали, что вы Кутузовой доверяли. Доверие бывает разное. До какой степени вы ей доверяли? Если бы вы стали с Монкгаузом говорить о секретах вашей фирмы, вы бы это сделали в ее присутствии?

Торнтон. Нет.

Брауде. Она советская гражданка?

Торнтон. Да.

Брауде. А сколько времени она у вас служит?

Торнтон. С 1927 года.

Брауде. Дела фирмы она знала?

Торнтон. Она была осведомлена о многих делах.

Брауде. Но была она осведомлена о таких делах, о которых вы бы не хотели, чтобы они были известны другим служащим?

Торнтон. Многих дел я сам не знал.

Брауде. Допустим, что вы замыслили какое-нибудь преступление – вы бы ее стали посвящать в это?

Торнтон. Конечно, нет.

Либсон. У вас была какая-либо секретная деловая переписка?

Торнтон. Нет.

Либсон. Всякие доверительные письма, доверительная корреспонденция, которая велась с Лондоном, она велась через Кутузову?

Торнтон. У нас два сорта конфиденциальных писем. Есть письма, адресованные заведующим отделами. Эта корреспонденция кладется в отдельные конверты. Это о жалованье, о прибавке служащим. Эти письма всегда шли через Анну Сергеевну Кутузову.

Либсон. Стало быть вы доверяли ей вести эту корреспонденцию?

Торнтон. Вот такую корреспонденцию, конфиденциальную, мы ей доверяли.

Либсон. Следовательно о каких же секретах вы говорите? Вы раньше сказали, что вы ее стеснялись. В чем же?

Торнтон. Например жалование нашего правления. Она не знает, сколько я жалования получаю.

Либсон. Такого рода вещи вы считали секретными и не посвящали Кутузову?

Торнтон. Мы не считали это особенно секретным, но это за границей не делается. Люди не знают, сколько каждый из них получает.

Либсон. Это был от нее секрет. Все остальное вы не скрывали?

Торнтон. Моя персональная папка в ее столе иногда бывала.

Либсон. Все, что касалось русской жизни, от нее не скрывалось?

Торнтон. Нет, не скрывалось.

Либсон. Вопросов больше нет.

Смирнов. Вы сказали, что в английских фирмах не принято знать, кто сколько получает жалования. Вы все-таки знаете, сколько Макдональд получает?

Торнтон. Да, я его начальник.

Смирнов. Правильно он сказал, что его жалование 12 фунтов в неделю?

Торнтон. Когда он был в Златоусте?

Смирнов. Да.

Торнтон. Правильно.

Смирнов. Правильно его показание, о том, что из этих 12 фунтов, если считать в месяц 50 фунтов, 30 фунтов оставалось в банке?

Торнтон. Я не могу понять.

Смирнов. Это принято у вас, чтобы жалование частью вносилось в банк на текущий счет вашего служащего, а частью вы даете здесь советскими денежными знаками.

Торнтон. Иногда и валютой здесь выдается. Как они хотят. Теперь здесь Торгсин.

Смирнов. Вы здесь удостоверили, что вы дали 2 000 руб. Макдональду на его личные нужды: он задолжал много фирме?

Торнтон. Да.

Смирнов. Скажите пожалуйста, как вы объясняете то, что он задолжал фирме. Чем вы это объясните и как могла произойти задолженность?

Торнтон. Очень просто. Он потребовал себе 500 руб., потом еще 500. Он не пожелал удовлетвориться 200 рублями и даже 300 рублями.

Смирнов. Вообще система таких авансов в вашей фирме практиковалась?

Торнтон. Да, конечно. Я должен сказать, что Макдональд вообще не понимает цену деньгам.

Смирнов. Что это значит – что он человек, который не стесняется в средствах.

Торнтон. Да, совершенно не стесняется.

Смирнов. Бросает на пустяки?

Торнтон. По правде сказать – это так. За это время, когда он был в Златоусте, он почтовые и телеграфные расходы... (не разборчиво).

Смирнов. То есть у него была манера, что он не по всяким мелочам представлял счета?

Торнтон. Да.

Смирнов. Таким образом у него образовалась личная задолженность в 2 000 рублей?

Торнтон. Я думаю, что даже было больше.

Смирнов. За какое приблизительно время?

Торнтон. Это продолжалось несколько лет.

Смирнов. За несколько лет?

Торнтон. Да. Задолженность делалась все больше и больше.

Смирнов. Он начал служить с конца 1929 г. или с начала 1930 г. Следовательно все это продолжалось приблизительно 3 года: 1930, 1931 и 1932 годы?

Торнтон. Да.

Смирнов. Вот за это время за ним и образовалась такая задолженность?

Торнтон. Я точно сумму не знаю.

Смирнов. Меня интересует вопрос о том, верно ли, что такая задолженность (личная, по вашим словам) у него образовалась за этот период времени и что таким образом он вообще человек, который тратит больше, чем получает?

Торнтон. Больше, чем нужно.

Смирнов. Таким образом образовалась задолженность?

Торнтон. Да.

Смирнов. Больше вопросов у меня нет.

Коммодов. У меня один вопрос: какое количество служащих было в «Метро-Виккерс» на 11 марта?

Торнтон. Английских служащих?

Коммодов. Да, английских. Может быть Монкгауз знает лучше?

Торнтон. По-моему 13 человек.

Коммодов. 13 человек британских подданных?

Торнтон. Да.

Коммодов. Больше вопросов нет. Разрешите задать вопрос Гусеву. Гусев, вы вчера совершенно чистосердечно показали о преступлениях, которые вы совершили как по линии шпионажа, так и по линии вредительства. Скажите, в этой преступной деятельности приходилось ли вам непосредственно сталкиваться с Монкгаузом?

Гусев. Нет, не приходилось.

Коммодов. Задания от него лично получали или нет?

Гусев. Нет.

Коммодов. Информации ему давали?

Гусев. Нет.

Коммодов. Вы проездом были в Москве, но к нему не заходили?

Гусев. Нет.

Коммодов. А Макдональд вам даже давал адрес?

Гусев. У меня была записка.

Коммодов. И все-таки вы не виделись?

Гусев. Нет.

Коммодов. Соколов, вы также чистосердечно говорили о преступлениях по линии шпионажа и вредительства. Вам лично непосредственно приходилось сталкиваться с Монкгаузом?

Соколов. Нет.

Коммодов. Информации ему не давали?

Соколов. Нет.

Коммодов. Денег не получали?

Соколов. Нет.

Коммодов. Не виделись с ним?

Соколов. Нет.

Коммодов. Олейник, скажите конкретно...

Председатель. Мы сейчас заканчиваем допрос подсудимого Торнтонна.

Вышинский. О Монкгаузе будет специальный вопрос.

Коммодов. Товарищ Вышинский задавал вопросы Монкгаузу и спрашивал, какие сведения он получал через остальных лиц. Здесь был указан Олейник, Гусев, Соколов, Макдональд. Я считаю невозможной такую постановку для защиты Монкгауза, потому что я не могу раскрывать своих мыслей, но, если хотите, скажу.

Вышинский. Нет, не хочу.

Коммодов. Я скажу суду. Торнтон сам действует на свой страх и риск. Поэтому позвольте установить непосредственное отношение Монкгауза с вредителями, которые здесь сидят. Если Вышинский спрашивал Олейника о Монкгаузе, то позвольте и мне спросить, какие конкретные задания он получал от Монкгауза по линии шпионажа? Олейник, скажите, какие конкретные задания шпионского характера вы получали от Монкгауза – одно или несколько?

Олейник. Это было в 1928 г., когда я ездил на Надеждинский [металлургический] завод [в Свердловской обл.] Мне было поручено узнать о состоянии станции, о предстоящем расширении завода.

Коммодов. Правильно.

Олейник. О настроениях у рабочих завода, о программе завода – насколько она выполняется – и о железнодорожном транспорте.

Коммодов. Правильно. Так вы показывали в своем показании по конкретным вопросам. Еще какие задания были по этой линии?

Олейник. От Монкгауза?

Коммодов. Да.

Олейник. По линии шпионажа?

Коммодов. Да.

Олейник. В смысле получения заказов нужно было сообщить все сведения.

Коммодов. Я говорю не вообще. Следствие, совершенно правильно так формулировало вопрос: какие получены шпионского и диверсионного характера сведения от Монкгауза? Вот совершенно конкретный вопрос. Вот вы рассказали этот случай в 1928 г. Еще были какие-нибудь случаи или нет?

Олейник. Диверсионного характера не помню.

Коммодов. О диверсионном характере вот что вы сказали: «В части диверсий я заданий от Монкгауза не получал», Вы это показание подтверждаете, в части диверсий?

Олейник. В части диверсии не помню.

Коммодов. Вы не получали никаких инструкций? Вы в части диверсии кроме этого случая больше не знаете?

Олейник. Нет, потому что я имел дело с Торнтоном.

Коммодов. Вот этот случай вы расценивали как шпионский или нет?

Олейник. Я об этом не думал. Я считал, что я обязан это делать.

Коммодов. Почему?

Олейник. Как сотрудник фирмы.

Коммодов. Вы считали, что это в интересах фирмы?

Олейник. Да.

Председатель. Я полагаю, что вы хотите задать беглый вопрос.

Коммодов. Хорошо. Он подтвердил то, что мне нужно. Скажите, пожалуйста, теперь вот что. Когда вы давали сведения о движении войск, когда ехали на Урал, вы эти сведения от кого-нибудь получили или это было ваше личное наблюдение?

Олейник. Я инженеру Монкгаузу таких сведений не давал.

Коммодов. Меня интересует другое. Вы получили эти сведения из какого-нибудь источника или по своему личному наблюдению?

Олейник. По своему личному наблюдению и по тем разговорам, которые я имел в вагоне, в поезде.

Коммодов. Эти сведения вы передали Торнтону?

Олейник. Да.

Коммодов. Последний вопрос, который касается Кутузовой. Вам задавал товарищ Рогинский вопрос: вам говорил кто-нибудь из фирмы о том, что они считают, что надо быть настороже и что в конторе есть агент ОГПУ.

Олейник. Об этом говорили. Меня предупреждали, что есть агент.

Коммодов. А относительно жены Нордволла не говорили?

Олейник. Они мне сказали, чтобы я был осторожен, потому что жена Нордволла тоже сотрудница ОГПУ.

Коммодов. Говорили вы так, что они всегда были настороже?

Олейник. Да, я говорил.

Коммодов. У меня вопрос к Кутузовой.

Председатель. Мы заканчиваем допрос Торнтон, а вы все время задаете вопросы Олейнику.

Коммодов. Тогда я оставлю за собой право ставить эти вопросы потом. У меня осталось два вопроса к Кутузовой.

Председатель. Защита исчерпала все свои вопросы. Есть вопросы у прокуратуры?

Вышинский. Один вопрос к Олейнику в связи с опросом Коммодовым Олейника.

Председатель. Товарищ Коммодов ссылался, что товарищ Рогинский задавал вопросы, поэтому начал спрашивать.

Рогинский. Такого вопроса я не задавал.

Вышинский. Разрешите задать не шесть вопросов, а один?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Олейник, не припомните ли вы свои показания по поводу Штеровки, не говорили ли вы о том, что Монкгауз давал вам некоторое задание?

Олейник. Очень хорошо помню.

Вышинский. Какого характера были эти задания?

Олейник. Когда почти все было готово к испытанию машин, я получил письмо от инженера Монкгауза о том, чтобы известить заказчика, что не все еще готово к испытанию. Он говорил, что не в интересах фирмы производить сейчас испытания, но это сказать заказчику было нельзя, и он писал, чтобы я известил заказчика в такой форме, что в настоящее время персонал, который занимается испытанием, очень занят, а приборы для этих испытаний также были заняты.

Вышинский. А как было в действительности? Испытательные приборы были заняты?

Олейник. Я не знаю.

Вышинский. Как же вы писали, если вы не знали?

Олейник. Мне об этом писал инженер Монкгауз.

Вышинский. Значит вы давали сведения, вами не проверенные?

Олейник. Только на основе инструкции.

Вышинский. На следствии вы говорили: «Монкгауз дал задание затянуть срок... так как это фирме невыгодно»?

Олейник. Да.

Вышинский. Правильно?

Олейник. Правильно.

Вышинский. Больше вопросов к Олейнику нет. Теперь вопрос к Кутузовой, непосредственно связанный с Торнтоном. Подсудимая Кутузова, здесь защита пыталась установить факт, который играет большую роль. Спрашиваю вас в развитие того, о чем я спрашивал вас вчера. Чем объяснить, что Торнтон вас посвящал в такие секретные вопросы, которые требуют очень большого доверия к тому, кому они сообщаются? Будьте любезны, расшифруйте, как строились и в чем заключались ваши отношения к Торнтону.

Кутузова. У нас были дружеские отношения как с инженером Торнтоном, так и с инженером Монкгауз, совершенно одинаковые, но я одно время больше была с инженером Торнтоном, когда он был в Москве, во-первых, потому, что мы жили в одном доме. Затем по моей просьбе инженер Торнтон учил меня управлять машиной, учил слесарничать. Поэтому я больше была вечерами с ним, а инженер Монкгауз был вечерами занят, писал какую-то научную книжку.

Вышинский. Это все?

Кутузова. Это все.

Вышинский. Ваши отношения более не углублялись?

Кутузова. Нет.

Вышинский. И оставались на этом уровне.

Кутузова. Я могу добавить, что по принуждению моей судьбы я была вместе с ними.

Вышинский. По принуждению вашей судьбы. Но в чем это выражалось?

Кутузова. Так как я служила в иностранной фирме, со мной почти никто не хотел знакомиться, а я была слишком горда, чтобы знакомиться и ходить с чужими.

Вышинский. Это вопрос другой. Меня интересует степень вашей дружбы о Торнтоне. Может быть вам напомнить показания на предварительном следствии?

Кутузова. Пожалуйста.

Председатель. Нужно это?

Вышинский. Для меня это имеет существенное значение. Вы показывали: «11 ноября 1932 г., продолжая мучиться и беспокоиться за себя, я снова подняла в своей комнате разговор с Торнтоном...» Нелегальная работа была?

Кутузова. Была.

Вышинский. Вы помните эти показания?

Кутузова. Помню.

Вышинский. Ну как?

Кутузова. Я беспокоилась за себя и родных и я хотела спросить.

Вышинский. Почему вы беспокоились, имели основание беспокоиться за Торнтон?

Кутузова. Я беспокоилась за себя.

Вышинский. А почему вы свою судьбу связывали с судьбой Торнтон?

Кутузова. Потому что я организационно была связана.

Вышинский. Организационно? Может быть еще как-нибудь иначе?

Кутузова. Я считаю, что я никак не была иначе связана с Торнтоном.

Вышинский. Как вас понять? Вы могли бы сказать больше, но не считаете возможным говорить об этом здесь?

Кутузова. Да.

Вышинский. Это уклонение от ответа.

Кутузова (молчит).

Председатель. Подсудимая имеет право не ответить на вопрос.

Кутузова. Я о всей своей жизни дела подробные показания на предварительном следствии и это известно суду.

Вышинский. Вы их подтверждаете?

Кутузова. Подтверждаю.

Вышинский. Раз вы их подтверждаете, для меня вопрос ясен.

Председатель. Имеете еще вопросы?

Рогинский. У меня вопрос к Кутузовой в связи с допросом Торнтон. Скажите пожалуйста, вам было известно об оплате той нелегальной деятельности, которую проводил Торнтон?

Кутузова. Да, он мне говорил.

Рогинский. Что он говорил?

Кутузова. Он говорил в общих чертах, что он вербует русских инженеров, техников, монтеров для собирания сведений. Конечно он оплачивал их.

Рогинский. А как проводилась эта оплата русских инженеров и техников, завербованных Торнтоном, он вам говорил?

Кутузова. Да, говорил.

Рогинский. Каким путем?

Кутузова. Конечно это оплата по бухгалтерии не проводилась кроме одной суммы.

Рогинский. Какой суммы?

Кутузова. 3 000 рублей.

Рогинский. А остальные суммы?

Кутузова. Остальные суммы по бухгалтерии не проводились.

Рогинский. А где они записывались?

Кутузова. Инженер Торнтон записывал в своей личной записной книжке.

Рогинский. Вел свою бухгалтерию?

Кутузова. Бухгалтерию или расчеты – я не знаю.

Рогинский. Вы эту книжку сами видели?

Кутузова. Да, видела.

Рогинский. Видели те расчеты, которые были составлены Торнтоном?

Кутузова. Я подробно не могу сказать, а вообще я видела и спрашивала его об этом.

Рогинский. Что же, Торнтон вам сообщил, что это за расчеты и суммы, которые были вписаны в записную книжечку?

Кутузова. Он мне не сразу сказал. Сначала отговаривался, говорил, что это меня не касается, но потом постепенно он сказал, что он записывает расходы, касающиеся оплаты русских граждан, доставляющих ему сведения.

Рогинский. А на очной ставке с Торнтоном вы по этим вопросам давали показание?

Кутузова. Да.

Рогинский. Эти показания, которые вы даете здесь, не расходятся с теми показаниями, которые вы давали на очной ставке?

Кутузова. Я думаю, что нет.

Рогинский. Торнтон возражал против этих ваших показаний на очной ставке?

Кутузова. Торнтон возражал тогда сначала, но потом он их подтвердил.

Рогинский. Он подтвердил ваши показания в той части, о которой я говорю?

Кутузова. Подтвердил письменно.

Рогинский. Вы ему напомнили обстоятельства, конкретную обстановку, и после этого он подтвердил, или это было при иных условиях?

Кутузова. Он почти сразу сказал.

Рогинский. Без колебаний?

Кутузова. Да.

Рогинский. Книжечка, куда записывались Торнтоном расчеты, где она хранилась – в конторе или на квартире?

Кутузова. Записные книжки в конторе не хранятся.

Рогинский. Значит на квартире?

Кутузова. Да.

Рогинский. А где сейчас эта книжка?

Кутузова. В Англии, но это не одна книжка, а целый ряд книжек.

Рогинский. Как они были туда направлены – эти книжки?

Кутузова. Он сам их взял 20 декабря 1932 г.

Рогинский (к Торнтону). Вы слышали эти показания Кутузовой?

Торнтон. Слышал.

Рогинский. Это правильные показания?

Торнтон. Я не помню их всех.

Рогинский. Я могу вам напомнить по частям. Очная ставка Кутузовой и Торнтон. Вопрос к Кутузовой: «Производилась ли оплата проводимой шпионской работы и если да, то откуда вы об этом знаете»? Ответ Кутузовой (тот, который там был дан и записан): «Да, проводилась оплата шпионской работы, об этом мне говорил Торнтон, и кроме того я слышала из разговоров Торнтон с Монкгаузом, так как я пользовалась у них большим доверием, и часто входила в комнату, когда они разговаривали». Вот вопрос, который был задан Кутузовой в вашем присутствии, и ее ответ. Скажите мне теперь, что вы ответили на это показание Кутузовой; подтвердили ли вы его?

Торнтон. Насколько я помню, на очной ставке я подтвердил.

Рогинский. Подтверждаете на этой очной ставке, которую мы проводим сейчас?

Торнтон. Нет, слово «шпионский» я не подтверждаю.

Рогинский. Мы знаем, что вы от этого слова отрекаетесь. Но оплату русских инженеров и техников, за доставленные сведения вы подтверждаете?

Торнтон. Русского инженера, а не инженеров.

Рогинский. Русского инженера, кого вы имеете в виду?

Торнтон. Долгова.

Рогинский. Нет, о Долгове речь будет ниже, а здесь речь идет: «производилась ли оплата проводимой шпионской работы».

Торнтон. Я ни одному инженеру ничего не давал, кроме Долгова.

Рогинский (к Кутузовой). Этот вопрос относился к Долгову, или же касался общей нелегальной работы Торнтонна?

Кутузова. Он касался общей нелегальной работы.

Рогинский. Следовательно суммы Долгову сюда не относятся.

Кутузова. Да.

Вышинский. Вы тогда же на очной ставке, на вопрос: «Что вы скажете в отношении этих показаний Кутузовой – правду она говорит или нет», что ответили?

Торнтон. Я сказал: «Кроме получения денег от консульства».

Вышинский. Об этом здесь нет речи.

Торнтон. Нет, это было.

Вышинский. Вы ответили: «Да, Кутузова говорит правду. Как я уже показал, деньги русским инженерам мною выдавались за полученную от них информацию».

Торнтон. Это должен быть «русский инженер».

Вышинский. Один?

Торнтон. Да.

Вышинский. А монтеры?

Торнтон. Так точно.

Вышинский. Может быть так поправить: один инженер и несколько монтеров?

Торнтон. Да, это будет правильно.

Рогинский. Будет правильно то, что сказала гражданка Кутузова: русским гражданам – монтерам и инженеру. Так?

Торнтон. Да.

Рогинский. Теперь порядок проведения этой оплаты. Вы слышали показания Кутузовой?

Торнтон. Да.

Рогинский. Подтверждаете их?

Торнтон. Я не подтверждаю, что я деньги получал от консульства.

Рогинский. Я вас не об этом спрашиваю. На очной ставке этого нет.

Торнтон. Нет, это было.

Рогинский. Я спрашиваю о показаниях Кутузовой. Вопрос к Кутузовой: «Каким образом проводились по бухгалтерии средства, расходуемые на оплату шпионской работы». Кутузова ответила: «Суммы, которые проводились на оплату этой работы, официально по бухгалтерии не проводились, а инженер Торнтон вел свои счета на даче». Эти показания Кутузовой вы подтверждаете?

Торнтон. Нет. Они были в моих расходных листах.

Рогинский. Показание о том, что вы помимо записей в официальных, бухгалтерских книгах, вели еще свои записи, у себя, в своей записной книжке, вы подтверждаете?

Торнтон. Да.

Рогинский. На вопрос: «Признаете ли вы это», вы ответили: «Официальных книг я не вел, мною был заведен дневник для памяти, чтобы потом эти суммы списывались в расход. Так я и делал, проведя эти суммы по книгам фирмы и по несуществующим расходам».

Торнтон. Правильно.

Рогинский. И эти записи вы отправили потом в Англию?

Торнтон. Эти книжки в настоящее время в Англии. 9 штук.

Рогинский. 9 книжек вы отправили в Англию?

Торнтон. Да.

Рогинский. В Англию отправлялись все те книги, где вы записывали расходы по оплате монтерам и инженеру за те сведения, которые вы получали. Правильно?

Торнтон. Да.

Рогинский. Больше вопросов нет.

Вышинский. Вы сказали, что эту запись вы производили в своем дневнике или записной книжке, чтобы потом их списать в расход?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Меня интересует сумма в 3 000 руб., которую вы дали заимобразно Долгову. Если это была заимобразная сумма, то была ли она возвращена впоследствии?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Она была списана в расход?

Торнтон. Да.

Вышинский. По чьему разрешению?

Торнтон. Монкгауза и Ричардса.

Вышинский. Как это произошло, не помните?

Торнтон. Она сначала была на моем счету, потом на переходящем счету, потом не знаю – она была каким-то образом передана в валюту. Подробностей не знаю.

Вышинский. Когда Ричардс приехал, ему докладывали специально об этом вопросе?

Торнтон. Да, спрашивали, что нужно делать.

Вышинский. И он разрешил ее списать?

Торнтон. Да.

Вышинский. И вы утверждаете, что эта сумма была списана?

Торнтон. Да.

Вышинский. И в то же время утверждаете, что эта сумма была дана заимобразно или может быть не заимобразно?

Торнтон. Она была дана в долг.

Вышинский. За что-нибудь?

Торнтон. Нет. Я хотел бы подробно объяснить, как это произошло, потому что мне обещано было сегодня, что я смогу это сделать.

Вышинский. Я хочу раньше исчерпать вопрос. Вы утверждаете, что эта сумма была дана в долг?

Торнтон. Да, в долг.

Вышинский. Я хотел спросить по этому поводу раньше Монкгауза. Разрешите это сделать. Скажите пожалуйста, вы тоже утверждаете, что эта сумма была выдана в долг?

Монкгауз. Это была сумма, которую Долгов сам просил дать взаймы.

Вышинский. И вы дали ему, как сумму заимобразную?

Монкгауз. Нет, я не дал эту сумму.

Вышинский. У кого он просил ее?

Монкгауз. Он обратился к Торнтону и просил дать деньги заимобразно.

Вышинский. А вы почему узнали об этом?

Монкгауз. Торнтон перед приездом нашего правления сюда в прошлом году летом...

Вышинский. Почему именно вы узнали о том, что Долгов просит эту сумму в долг?

Монкгауз. Торнтон мне говорил, что Долгов просил.

Вышинский. Он советовался с вами?

Монкгауз. Он говорил мне.

Вышинский. 26 марта вы были на свободе?

Монкгауз. Был.

Вышинский. Вас допрашивали по этому поводу 26 марта?

Монкгауз. Да.

Вышинский. А вы помните, как говорили тогда?

Монкгауз. Я сказал, что Долгов мне сказал, что он это сделал.

Вышинский. Вы не так там говорили. Разрешите огласить 233 страницу. Может быть товарищ Мартенс будет добрее ее огласить.

Председатель. Оглашается показание от 1 апреля, написанное Монкгаузом собственноручно на английском языке. Вы не отрицаете, что сами писали?

Монкгауз. Я не писал, писал Шейнин.

Вышинский. Шейнин писал на английском языке? Здесь имеется показание на английском языке.

Председатель. Товарищ комендант, предъявите пожалуйста.

Монкгауз. Я извиняюсь. Это не было при показании прокурору.

Рогинский. Это было, когда объявили об окончании следствия.

Вышинский. После этого вы написали показание.

Председатель. Вы не отрицаете, что это показание от 1 апреля написано вами собственноручно?

Монкгауз. Это я писал.

Вышинский (Мартенсу). Огласите пожалуйста, что Монкгауз написал собственноручно.

Мартенс читает показания: «Не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении за исключением пункта 4-го обвинительного заключения, в котором я себя виновным признаю, так как участвовал в списании суммы, т.е. 3 000 рублей, данных в качестве взятки Торнтоном – Долгову».

Монкгауз. Взятки не было.

Вышинский. Как не было?

Монкгауз. Был подарок.

Вышинский. Пускай будет подарок. По вашему подарок, по нашему взятка. И за сим позвольте вам предъявить еще одно показание от 26 марта: «Я предполагаю, что Торнтон, давая Долгову деньги якобы в долг, хотел таким образом добиться расположения Долгова к фирме в тех случаях, когда Долгов, как заведывающий монтажным отделом, должен был разрешать конфликты, возникающие в связи с претензиями и рекламациями по дефектам поставляемого нами оборудования». Это показание давали?

Монкгауз. Это я говорил.

Вышинский. Не говорили, а писали. Вашей рукой написано. Предъявите пожалуйста. (Комендант предъявляет показания Монкгаузу.)

Монкгауз. Это не моя рука.

Рогинский. Но показания вы читали?

Монкгауз. Это перевод, который писал Шейнин.

Вышинский. А подпись ваша есть?

Монкгауз. Есть.

Вышинский. Значит вы подписали?

Монкгауз. Это перевод на русском языке.

Вышинский. Мы сейчас с вами объясняем тоже на русском языке и ничего плохого из этого не получается. Я спрашиваю – вы давали такое показание, что деньги, данные Долгову якобы в долг, в действительности давались Торнтоном для того, чтобы Долгов – заведующий монтажным отделом – в случае, когда придется решать вопрос о претензиях фирмы за дефекты, занял бы благоприятную позицию. Говорили это?

Монкгауз. Я так не говорил. Вы прочтите, что там я сказал.

Вышинский. «Я предполагаю...» (см. цитату, приведенную выше).

Монкгауз. Я предполагал.

Вышинский. Тут и написано «Я предполагаю...» (читает). Вы это говорили?

Монкгауз. Это вы писали, а я подписал.

Вышинский. Я этого не писал, а писал следователь по важнейшим делам [Шейнин] с ваших слов.

Монкгауз. Более или менее так.

Вышинский. Вот это более или менее так вы подтверждаете?

Монкгауз. Я подтверждаю, что деньги дал Торнтон Долгову заимообразно.

Вышинский. Вы подтверждаете, что эти деньги даны в долг, а раньше сказали, что в подарок?

Монкгауз. Я давал в долг. Я в жизни никогда не давал взятку.

Вышинский. Это другой разговор. Но мы можем удостовериться, что сумма, данная Долгову, нигде не значится в документах как сумма, выданная в долг, а наоборот, она искусственно прикрыта какой-то ссылкой на «переходящую сумму». Правильно это?

Монкгауз. Когда мы решили списать эту сумму...

Вышинский. Как решили провести по бухгалтерии?

Монкгауз. Мы решили провести как коммерческую операцию.

Вышинский. Как вы проводили это по книгам, как операцию, как это было записано в книгах?

Монкгауз. Сначала это был личный счет Торнтон, это его личное дело. Затем Торнтон захотел закрыть свой счет и эта сумма была списана на «переходящий счет» и там она болталась 5 месяцев.

Вышинский. Еще один вопрос, чтобы не возвращаться к этому. Этот вопрос связан с 3 000 рублями, как вы погасили эти 3 000 рублей? Это правда, что вы списали, а какая комбинация была с торгсиновскими бонами?

Монкгауз. Я подробно этих комбинаций не знаю.

Вышинский. А кто знает?

Монкгауз. Я думаю, что Кутузова знает.

Вышинский. Вы разрешили эту комбинацию?

Монкгауз. Разрешил.

Вышинский. Что за операция была с торгсиновскими бонами для покрытия этого расхода?

Кутузова. Я получила разрешение взять 250 рублей в Торгсине и продала их за 3 000 рублей и внесла в кассу.

Вышинский. Больше у меня вопросов нет. У меня есть ходатайство от прокуратуры вызвать в качестве свидетеля Долгова и произвести проверку всех тех данных, которые связаны с расходованием 3 000 рублей. Долгов, по моим сведениям, находится в Москве, и следовательно в любой момент может быть вызван в суд.

Председатель. У защиты возражений, нет?

Брауде. Я попросил бы, чтобы допрос Торнтон был приурочен к допросу свидетеля Долгова.

Председатель. Подсудимые не возражают?

Торнтон. Я не понимаю.

Председатель. Прокуратура просит вызвать в качестве свидетеля Долгова, чтобы уточнить вопрос с расхождением этих сумм.

Торнтон. Спасибо. Это не мешает.

Председатель. Ходатайство прокуратуры о вызове Долгова в качестве свидетеля удовлетворяем. Объявляю перерыв до 10 часов утра.

Конец вечернего заседания в 22 часа.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 14 апреля 1933 г. 10 час. 15 мин.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается.

Товарищ комендант, пожалуйста попросите свидетеля Долгова.

Комендант. Есть.

Председатель. Ваша фамилия Долгов?

Долгов. Да.

Председатель. Имя, отчество?

Долгов. Алексей Николаевич.

Председатель. Где работаете?

Долгов. Электроимпорт.

Председатель. В какой должности?

Долгов. Заведующий контрольным отделом.

Председатель. Вы вызваны по ходатайству прокуратуры свидетелем. Предлагается давать точные показания, за ложные показания подлежите ответственности в уголовном порядке (секретарь отбирает подписку у Долгова).

Один вопрос: при каких условиях вы получили 3 000 рублей от одного из сотрудников фирмы «Метро-Виккерс»?

Долгов. Взятка была дана в кабинете мистера Торнтона, кажется 1 или 2 июля 1932 г. при следующих условиях: мистер Торнтон зашел в обычном порядке по делу ко мне в кабинет и пригласил...

Председатель. В каком помещении?

Долгов. В моем отделе. Он пригласил меня по делу к себе в кабинет. Так как я обычно связан с представительством фирмы по предъявлению претензий и часто имел встречи вообще по делам претензий, я пошел для решения какого-то вопроса. Торнтон открыл ящик, в котором лежали 3 000 рублей, и предложил мне эти деньги. Первое время мне бросилась кровь в глаза, потом я решил: если мистер Торнтон как английский гражданин хочет купить меня – советского инженера – возьму эти деньги и сдам следственным кастам, что я сто я и сделал в тот же день.

Председатель. Чего Торнтон хотел от вас добиться?

Долгов. По роду службы в мои функции входит предъявление претензий и наблюдение за качеством заграничного электросилового оборудования вообще. Вполне естественно, что в моих руках сосредоточен материал, говорящий о конкретных дефектах заграничного оборудования, и в частности оборудования фирмы «Метро-Виккерс». Оборудование фирмы не всегда было должного качества. Я был очень напорист в предъявлении своих претензий, требовал удовлетворения законных требований нашего комитета, и кроме того, вполне естественно, я делал выводы в отношении качества оборудования. Инженер, который ведает заказами, мог рекомендовать тот или иной тип оборудования. По моему мнению эти деньги даны за то, чтобы я молчал о плохом оборудовании фирмы «Метро-Виккерс».

Я повторяю еще раз, что я был всегда очень тверд в своих требованиях и просил не только представителей фирмы «Метро-Виккерс», но и представителей других фирм, без всякого зубозаговаривания, без напускания теоретического тумана, удовлетворять наши законные требования. То же самое было и в отношении фирмы «Метро-Виккерс». Поэтому я считаю, что эти деньги мне даны, надо полагать, за сокрытие именно дефектов импортного оборудования, которое идет от фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. Свидетель Долгов, скажите пожалуйста, сколько времени вы знали Торнтонна?

Долгов. Я знаю мистера Торнтонна с 1930 г.

Вышинский. А когда произошел этот случай?

Долгов. Этот случай произошел в 1932 г., кажется в июле месяце.

Вышинский. Следовательно, он произошел уже после вашего продолжительного с ним знакомства в течение примерно 2 лет.

Долгов. Знакомства в течение 2½ лет.

Вышинский. За эти 2 с лишним года как складывались ваши отношения с Торнтонном?

Долгов. Первое время, когда я работал в качестве инженера контрольного отдела (я, можно сказать, был пионером, был первым инженером), мистер Торнтон, мистер Монкгауз собственно не замечали меня, так как в мои функции входило именно предъявление претензий, а не выдача заказов, что более интересно представителям фирмы. Так что это было вполне объяснимо. Но во всяком случае в 1930-м и 1931 г. они фактически меня не замечали.

Вышинский. Ну, а дальше? Когда же они стали вас замечать?

Долгов. Это надо отнести примерно к ноябрю месяцу 1931 г., когда я стал уже заведующим контрольным отделом.

Вышинский. В чем же выразилась эта перемена в отношении к вам?

Долгов. Внешне хотя бы в том, что люди стали меня видеть, стали кланяться.

Вышинский. Здравоваться?

Долгов. Конечно, здороваться.

Вышинский. Заходить покалякать?

Долгов. Да, заходить поговорить. И затем такой мелкий факт: фирма обычно рассылает свой технический журнал. Раньше я никогда не получал. С этого момента я стал так же регулярно получать, как все инженеры Электроимпорта.

Вышинский. Как определенный знак внимания?

Долгов. Да.

Вышинский. А отношения к вам Торнтонна, как они вам рисовались: как отношения интеллигентного, отзывчивого, чуткого человека или как-нибудь иначе – напористого и жесткого?

Долгов. С одной стороны, для меня было заметно, что с этого времени со мной стали весьма любезны. С другой стороны, это заставило меня все-таки требовать то, что нужно требовать. Но любезность несомненно увеличилась. Как будто бы мы уже давно знакомы, и то, что они меня в 1930 г. не знали, этот этап был уже пройден.

Вышинский. Какие у вас были разговоры: только ли деловые, только ли в рамках ваших служебных отношений?

Долгов. Разговоры с мистером Торнтонном как с человеком, который занимается также претензиями в отношении фирмы «Метро-Виккерс», то есть принимает эти претензии и обсуждает их, у меня были. У меня было много разговоров об этих претензиях. Кроме того были разговоры на темы чисто технического порядка. Я специалист молодой. Окончил недавно, в 1929 г., [высшую] школу. Мистер Торнтон – большой практик. Вполне естественно, что говорить с практиком полезно: есть что почерпнуть.

Говорили на технические темы, обсуждали вопросы разного оборудования. Что же касается мистера Монкгауза, то так как он стоял дальше по положению от меня, разговоры фактически с ним были очень редки. Но они также касались претензий. Или я с ним говорил потому, что он видный специалист по вопросам изоляции, а я интересуюсь вопросами изоляции. Мы обсуждали эти вопросы в отношении конкретных фактов.

Вышинский. Разговоры, не относящиеся непосредственно к вашим служебным обязанностям и технике, то есть разговоры обывательского порядка, были с Торнтоном и Монкгаузом?

Долгов. Вполне понятно, что в течение длительных бесед такие моменты были. Были разговоры именно обывательского характера. Но я их так и принимал, как разговоры обывательского порядка, так как представители иностранных фирм удивляли меня своими рассуждениями и вопросами, доказывающими то, что они не понимают нашей советской действительности. Такие разговоры конечно были.

Вышинский. А личного порядка? Вопрос о вашей личной жизни, о вашем личном положении, и в том числе о материальном положении – затрагивался или нет с вашей ли стороны или со стороны ваших собеседников?

Долгов. Если отнести к этой категории вопросы мистера Торнтонна о том, «где вы отдыхаете», «поедете ли в санаторию» или «дом отдыха», то такие вопросы были.

Вышинский. Прямо не ставился вопрос о том – не нуждаетесь ли вы в средствах?

Долгов. Прямо вопрос не ставился.

Вышинский. Может быть вам покажется не деликатным, но я хочу знать – не ставили ли вы перед Торнтоном вопрос о своем затруднительном материальном положении?

Долгов. Товарищ прокурор, я советский инженер и знаю пределы, где можно говорить по этому вопросу.

Вышинский. Я не хочу ставить вас в неловкое положение. Но мне важно получить ответ, не ставили ли вы перед Торнтоном как представителем фирмы, с которой вы связаны, может быть не совсем сознательно, а по своей неопытности, неосторожности, не ставили ли вы вопрос о том, что ваше положение может быть было бы лучше, если бы вы получали больше жалования, если бы у вас была иная квартира, что-нибудь в этом духе? Может быть случайно, неосторожно вы затрагивали этот вопрос?

Долгов. Я был очень загружен работой и в процессе работ может быть было время, когда входил Торнтон в комнату и я часто нервно реагировал на все это бумажное море. Может быть эта моя повышенная нервность давала возможность говорить о моей неудовлетворенности, но говорить прямо с представителем фирмы о том, что я нуждаюсь было не нужно, так как собственно я не так нуждался.

Вышинский. Сколько вы получаете жалования?

Долгов. 550 рублей, а кроме того зарабатываю литературой – переводами, рефератами и статьями.

Вышинский. Ваше семейное положение?

Долгов. Жена и ребенок.

Вышинский. Жена не служит?

Долгов. Служит.

Вышинский. Сколько жалования получает?

Долгов. 190 рублей.

Вышинский. Следовательно вы получаете?..

Долгов. В целом 750-800 рублей кроме литературного заработка.

Вышинский. А литературный заработок как выражается?

Долгов. За последний 1932 г. в среднем 100-150 рублей в месяц я зарабатываю легко. Материала для литературного заработка у меня очень много, а именно дефекты в качестве материала заграничного оборудования, то, что представляет ценность не только для русского инженера и техника, но и для всей нашей промышленности. В этой области я, собственно говоря, и работаю, но это соответствует и работе над собой.

Вышинский. Вы встречались когда-нибудь с кем-нибудь кроме Монкгауза и Торнтон из фирмы «Метро-Виккерс», с кем-нибудь из приезжающих из Англии?

Долгов. Я встречался редко, но конечно встречался с Кушни, так как, когда отсутствовал Торнтон, то часто заменял его Кушни.

Вышинский. Кушни денежных предложений не делал – намеками и прочее?

Долгов. Нет.

Вышинский. Монкгауз?

Долгов. Нет.

Вышинский. А Торнтон в этот раз прямо вам предложил деньги или к этому была какая-нибудь подготовка?

Долгов. Я назвал бы этой подготовкой чрезмерную любезность. Он был чрезмерно любезен в отношении меня, даже несколько предупредителен, то есть может быть за день или два спросил – еду ли я в санаторий или дом отдыха, так как было лето. Насколько мне помнится, я сказал, что отдыхаю в деревне.

Вышинский. А не говорил ли он вам о том, что некоторые служащие у них получают денежные суммы взаймы или как-нибудь иначе на свои нужды вообще?

Долгов. Да, такой случай был.

Вышинский. Вы что же ему на это сказали?

Долгов. Решительно ничего не сказал. Я сделал вид, что меня это не касается.

Вышинский. После этого разговора вскоре вам были даны эти 3 000 рублей?

Долгов. Примерно через пару дней или через день.

Вышинский. В той обстановке, как вы излагали председателю?

Долгов. Я забыл сказать о том, что когда мистер Торнтон мне передал деньги, то он меня успокоил, чтобы я не беспокоился, что об этом собственно знает только он да мистер Монкгауз, так что, мол, не беспокойтесь, все в порядке.

Вышинский. Но в компенсацию были предъявлены какие-нибудь требования общие или конкретные?

Долгов. Нет, требований никаких не ставилось.

Вышинский. А как было предложено – возьмите, потом отдадите или как?

Долгов. Об отдаче я не слышал.

Вышинский. Но вы лично приняли как заимообразную сумму?

Долгов. Абсолютно нет.

Вышинский. Или как простую обыкновенную взятку?

Долгов. Я так и принял ее как обыкновенную взятку.

Вышинский. Когда подали заявление в ГПУ о том, что дана взятка?

Долгов. В тот же день.

Вышинский. И деньги приложили к заявлению?

Долгов. Да.

Вышинский. Вы член партии?

Долгов. Беспартийный.

Вышинский. Член профсоюза с какого года?

Долгов. С 1918 года.

Вышинский. Разрешите задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Вы слышали сейчас показания свидетеля Долгова, факт передачи денег вы не отрицаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Вы подтверждаете, что действительно в своем кабинете передали Долгову 3 000 рублей?

Торнтон. Да.

Вышинский. Второе – разговор, который предшествовал этой передаче денег, совсем незначительный разговор обывательского порядка тоже не отрицаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Вы подтверждаете, что вы сказали Долгову, что нечего беспокоиться, что об этих 3 000 знает только Монкгауз, это тоже подтверждаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. О том, что вы были предупредительны и достаточно любезны до этого с Долговым, вы тоже подтверждаете?

Торнтон. У меня очень хорошие отношения с Долговым были всегда.

Вышинский. Никаких недоразумений с ним не имели?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Долгов по отношению к вам не проявлял никакой особой нетактичности?

Торнтон. Нет. Он исполнял свои обязанности очень хорошо.

Вышинский. Вы подтверждаете, что вы ему передали не займы эти деньги, а именно так, как это и понял Долгов, то есть как взятку?

Торнтон. Нет.

Вышинский. И опять-таки заявляете о том, что эти деньги были даны займы?

Торнтон. Он сам спрашивал эти деньги, но сначала спрашивал не можем ли мы это сделать в валюте, потому что у него есть за границей родственник, через которого можно будет возратить обратно. Я отказался.

Вышинский. Значит вы дали займы?

Торнтон. Да.

Вышинский. А на какой срок?

Торнтон. Об этом мы не говорили.

Вышинский. Значит бессрочно?

Торнтон. Никогда.

Вышинский. Когда даешь займы, то говоришь насколько времени.

Торнтон. Это было для покупки квартиры, потому что у него была очень скверная квартира, сырая.

Вышинский. А почему вы знали, что у него скверная квартира?

Торнтон. Он сам говорил.

Вышинский. Может быть он говорил, где он намерен купить квартиру?

Торнтон. Я не спрашивал. Я спрашивал Монкгауза о том, можно ли дать деньги и он не особенно охотно сказал, что можно, а потом, когда я говорил с Долговым, говорил, что лучше дать расписку, он сказал – никоим образом этого нельзя.

Вышинский. Почему?

Торнтон. Я не знаю.

Вышинский. Значит Монкгауз предупредил, чтобы брать?

Торнтон. Нет, ни в коем случае. Монкгауз сказал – лучше взять расписку.

Вышинский. А кто сказал, что ни в коем случае давать?

Торнтон. Долгов сказал, что расписки не нужно.

Вышинский. Товарищ Долгов, вам было предложено дать расписку?

Долгов. Категорически возражаю против всего того, что наговорил Торнтон. Никаких родственников за границей у меня нет. Все, кто у меня есть, живут здесь, да и говорить об этом я не мог. Как я мог говорить об этом, когда у меня никого нет за границей?

Вышинский. Это говорит Торнтон.

Торнтон. Я забыл, родственники или знакомые.

Вышинский. А знакомые есть за границей, такие, которые с вами были бы близки?

Долгов. Нет. По службе товарищи работают там из Электроимпорта.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, может быть Долгов называл вам фамилии своих знакомых за границей?

Торнтон. Не называл.

Вышинский. Что же это были знакомые или родственники?

Торнтон. Я забыл.

Вышинский. Забыли? Итак, сроков никаких не назначали?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Когда это было?

Торнтон. В середине 1932 года.

Вышинский. Вы напоминали ему, что нужно отдавать деньги?

Торнтон. Не спрашивал.

Вышинский. Вы дали в долг деньги и нужно было спрашивать.

Торнтон. Срок времени истек небольшой – 6 месяцев.

Вышинский. Деньги были ваши личные?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Значит, позвольте удостовериться еще факт, что деньги это были фирменные. Кто за них отвечал?

Торнтон. Я.

Вышинский. Вы потом целые полгода не интересовались и не просили отдать долг?

Торнтон. Я не знал, что он не мог отдать [правильнее – мог не отдать!].

Вышинский. Но ведь чем дальше, тем труднее выплатить долг?

Торнтон. Еще недостаточно времени прошло, чтобы спрашивать, я и не спрашивал.

Вышинский. Значит прошло полгода и за это время не спрашивали?

Торнтон. Не спрашивал.

Вышинский. И он ничего не говорил?

Торнтон. И он ничего не говорил.

Вышинский. Конечно он не говорил, потому что отнес эти деньги властям. Вам судьба этих денег не была известна?

Торнтон. Я прочитал об этом в обвинительном заключении, до этого не знал.

Вышинский. Я все-таки не понимаю, деньги Долгов брал для квартиры или для знакомых и родных, бывших за границей?

Торнтон. Он спрашивал деньги для покупки квартиры.

Вышинский. А причем же здесь знакомые за границей?

Торнтон. Он сначала просил валюту, потому что оказывается, что за валюту можно купить квартиру в Москве. Я ему валюты не дал. Валюты у нас мало, а рублей много.

Вышинский. Поэтому предложили рубли?

Торнтон. Да, сказал, что можно только рубли.

Вышинский. Значит речь шла о том, чтобы на эти рубли приобрести квартиру?

Торнтон. Да.

Вышинский. Что же, он приобрел квартиру?

Торнтон. Я не знаю.

Вышинский. Вы не спрашивали потом?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Как же это так – вы не интересовались квартирой, ведь он, по вашим словам, жил в такой сырой квартире.

Торнтон. Я никогда не был в его доме и ничего не знал, кроме того, что у него скверная квартира.

Вышинский. Это с его слов, а может быть хорошая квартира?

Торнтон. Может быть.

Вышинский. Для вас было достаточно, чтобы он сказал, что у него плохая квартира, что он хочет приобрести лучшую, чтобы вы выдали эти 3 000 рублей, кстати сказать, проводя по книгам как «переходящую сумму»?

Торнтон. Сначала она была на моем счету.

Вышинский. Затем как «переходящая сумма»?

Торнтон. Да.

Вышинский. Прекрасно. Остается только одно разногласие, все остальные факты сходятся и не подлежат сомнению. Разговор, деньги, неполучение денег обратно, ненапоминание об этих деньгах и ваше незнание о квартире. Остается одно разногласие или вернее два: первое – не вы сами дали, а он просил и второе – вы дали, но взаймы. Так?

Торнтон. Да.

Вышинский. Долгов отрицает это обстоятельство. Мы его слышали, я хотел бы теперь спросить Монкгауза. Гражданин Монкгауз, вы слышали объяснение Долгова? Вы продолжаете настаивать на том, что говорили раньше?

Монкгауз. Да.

Вышинский. Вы подтверждаете то, что вы сказали: «Я предполагаю, что деньги, данные Долгову под видом займа, были даны за то, чтобы он... и так далее».

Монкгауз. Так было записано.

Вышинский. Вы подтверждаете, что так было записано?

Монкгауз. Я писал потому, что я видел, что Долгов смотрел на это, как на взятку.

Вышинский. Вы подтверждаете, что Долгов смотрел на это как на взятку?

Монкгауз. Надо так предполагать, потому что он не захотел отдать обратно.

Вышинский. А то, что вы давали ему деньги как взятку, вы не подтверждаете?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. Когда следствие было окончено, вам объявили об окончании следствия и вы написали: «На предъявленный мне вопрос о том, признаю ли себя виновным в предъявленных обвинениях, отвечаю – не признаю себя виновным за исключением пункта 4-го, так как считаю себя соучастником в даче взятки Долгову». Вы так писали?

Монкгауз. Я так писал? Я не писал, что взятка.

Вышинский. В ваших показаниях вы написали именно так. Том XII. Мы вчера оглашали это и сейчас я считаю нецелесообразным к этому возвращаться. Тогда возник только один спор – вы, Монкгауз, говорили, что это не взятка, а подарок. Я тогда ответил подарок, по нашему взятка.

Монкгауз. Я сказал, что я все время смотрел на это, как на долг, но если он не отдает обратно, значит был подарок.

Вышинский. Но вы же не знали, заплатит он или не заплатит. Ведь Торнтон говорит, что 6 месяцев это срок короткий. Выть может он заплатил бы через 2 месяца, тогда это не взятка?

Монкгауз. Если он через 6 месяцев не заплатил, я решил, что это взятка и я сказал начальнику Ричардсу об этом.

Вышинский. Мы знаем, что Ричардс разрешил вам списать эту сумму.

Монкгауз. Да.

Вышинский. Вы следовательно по такому признаку, как неуплата денег в течение 6 месяцев, решили, что это взятка.

Монкгауз. Я решил, что это пахнет взяткой.

Вышинский. Я прошу суд обратить внимание на эти два допроса, которым подвергался гражданин Монкгауз по этому поводу: первый допрос 26 марта, где Монкгауз точно указывал, что под видом займа был в действительности дан подарок для того, чтобы Долгов как заведующий монтажным отделом, через который проходит решение вопросов о претензиях и рекламациях, поддерживал фирму, чтобы фирма была поставлена в более благоприятное положение при разрешении вопросов о претензиях и рекламациях. Второе показание в том же томе XII от 1 апреля, где Монкгауз прямо утверждает, из 4 пунктов обвинения, предъявленных ему, он три не признает, а 4-й он признает: «Признаю себя виновным в том, что я был соучастником дачи этой взятки».

Рогинский (к Торнтону). Правильно я понял ваш ответ товарищу Вышинскому, что давая займы эти 3 000 рублей Долгову, вы имели в виду, что погашение этой суммы займет длительный период времени, примерно месяцев 6?

Торнтон. Может быть и больше.

Рогинский. Следовательно примерно около 6 месяцев вы должны ждать для того, чтобы она была погашена?

Торнтон. Да.

Рогинский. По крайней мере 6 месяцев.

Торнтон. Да.

Рогинский (к Монкгаузу). У вас тоже такое же было впечатление, что нужно ждать по крайней мере 6 месяцев?

Монкгауз. Я в течение 6 месяцев неоднократно говорил об этом с Торнтоном, все время спрашивал. Каждый месяц я спрашивал Торнтон об этом.

Рогинский. Чем же тогда объяснить, что эта сумма была списана за счет «переходящих сумм» до истечения 6 месяцев?

Монкгауз. Торнтон не хотел иметь этой суммы на своем счету и ее перевели в счет «переходящих сумм».

Рогинский. Но ведь вы должны были ждать известный промежуток времени, если Долгов погасит, то тем самым закрывается счет Торнтон. (К суду.) Я попрошу мне разрешить огласить выписку из бухгалтерской книги «Метро-Виккерс», которая показывает, когда были выданы 3 000 рублей, и когда был закрыт счет... Ни о каких шести месяцах здесь речь не шла. Том XIX на листе 340. «Протокол осмотра 29 марта. Следователь по важнейшим делам Шейнин в камере своей произвел осмотр книг лицевых счетов Московской конторы «Метро-Виккерс», причем обнаружил следующее: на странице 12-й в этой книге па лицевом счете Торнтон имеется запись от 2 июля в графе дебетования о выдаче ему наличными 3 000 рублей».

То есть, день, который по утверждению свидетеля Долгова был именно тем днем, когда ему было выдано 3 000 рублей. Того же года 22 июля (спустя всего 20 дней, а не шесть месяцев) эта сумма перенесена со счета Торнтон на счет «переходящих сумм». Подсудимый Торнтон, где же шесть месяцев?

Торнтон. «Переходящая сумма» – это все равно висящая.

Рогинский. Счет ваш был закрыт?

Торнтон. Нет, не был закрыт.

Рогинский. Как же не был?

Торнтон. Он и сейчас существует.

Рогинский. Ваш счет конечно существует, но 3 000 сейчас не существуют на вашем счету. Переходящими они значатся 22 июля. С вашего счета они были списаны за счет «переходящих сумм» не через 6 месяцев, а через 20 дней, то есть 22 июля. Правильно?

Торнтон. Да.

Рогинский. Были списаны тем путем, о котором нам вчера говорила подсудимая Кутузова.

Торнтон. Нет. Они были списаны в этом году.

Рогинский. Они на «переходящие суммы» были списаны 22 июля?

Торнтон. Это все равно висящая сумма. Она числится в отчете. Это очень маленькая разница. Это непокрытая сумма.

Рогинский. Ясно, что непокрытая, но с вашего счета она снимается?

Торнтон. Снимается.

Рогинский. Теперь перейдем к другому моменту. Вы помните ваши показания, которые вы давали в связи с этим на допросе следователя по важнейшим делам? В том же томе XIX, на листе 336 вы даете показание: «Подтверждая дачу 3 000 рублей для заведующего контрольным отделом Электроимпорт Долгову, сообщаю, что я это сделал по согласованию с Монкгаузом, без которого я бы не мог дать ему эти деньги». Правильно?

Торнтон. Да.

Рогинский. Подсудимый Монкгауз, согласовано было с вами о выдаче этих 3 000 р.?

Монкгауз. Около 29 июня в день моего отъезда я был очень занят. Торнтон мне сказал, что Долгов просит денег. Я говорю, что я не очень хочу это делать. Он говорит – но он все-таки просит. Я говорю – ну, хорошо.

Рогинский. На предварительном следствии вы так же показывали?

Монкгауз. Я сказал, что о сумме не знал.

Рогинский. Напомним, как выговорили на предварительном следствии.

Монкгауз. Я не писал.

Рогинский. Не давали ли вы показания, что вы об этом узнали только после возвращения из отпуска?

Монкгауз. Не из отпуска, а с Днепроostroя.

Рогинский. Вот ваше показание от 26 марта: «Что Торнтон взял из кассы 3 000 рублей в совзнаках я узнал по своем возвращении из отпуска, обнаружив на своем счете эту сумму 2 000 рублей. Одну тысячу рублей Торнтон отнес на какой-то другой счет, не знаю, какой именно. Когда я обратился к Торнтону за разъяснением, то он сообщил, что он деньги эти, т. е. 3 000 рублей, одолжил Долгову, сотруднику Электроимпорта».

Монкгауз. Правильно.

Рогинский. Это было после возвращения из отпуска?

Монкгауз. Это было после посещения Днепроostroя.

Рогинский. Вообще после возвращения из вашей поездки. Ну, а согласование о выдаче этих денег имело место или нет?

Монкгауз. Точная сумма не согласовывалась.

Рогинский. А выдача займа?

Монкгауз. Были предварительные разговоры.

Рогинский. Значит вы свои показания, данные на предварительном следствии, меняете?

Монкгауз. Добавляю.

Рогинский. Меняете, ибо на предварительном следствии вы утверждали, что об этом узнали только после своего приезда из командировки. Дальше на 2-м допросе вы внесли следующую поправку:

«Свое указание, что 3 000 рублей, одолженных Торнтоном Долгову, были отнесены на мой счет, оказалось неверным. Я выяснил в бухгалтерии, что все 3 000 р. были проведены по счету Торнтонна. На мой счет была отнесена другая сумма в 2 000 рублей, которая однако относится к расходам по поездке в СССР руководителей управления «Метро-Виккерс», приехавших тогда из Англии».

Дальше вы говорите, что вы обратились к Торнтону за разъяснением о том, зачем была выдана эта сумма Долгову? Помните это показание?

Монкгауз. Правильно.

Рогинский. Если вы знали, что эти деньги даны взаймы, то зачем обращаться к Торнтону за таким разъяснением?

Монкгауз. Я спрашивал, почему это нужно.

Рогинский. Ведь деньги даются в долг?

Монкгауз. Он сказал, что Долгов хочет купить себе новую квартиру.

Рогинский. Если вы знаете, что Долгов хочет купить квартиру, что деньги даются для того, чтобы вывести Долгова из стеснительного положения, то зачем же обращаться к Торнтону за разъяснением о том, зачем даны эти деньги.

Монкгауз. Я не знаю, зачем.

Рогинский. При чем же здесь разъяснение?

Монкгауз. Вы использовали мое незнание русского языка.

Рогинский. Я ничего не хочу использовать, не хочу использовать вашего незнания русского языка, я задаю вопрос и прошу ответить. Если вам трудно ответить по-русски и вы не понимаете моего вопроса на русском языке, имеется переводчик, который может вам перевести.

Монкгауз. Я не хочу через переводчика.

Рогинский. Тогда нечего ссылаться, что вы слабо владеете русским языком. Я оглашу лист дела 226, том XIX: «Когда я спросил Торнтонна, на что он израсходовал эту сумму...» и так далее. Это ваши показания?

Монкгауз. Да.

Рогинский. Спрашивали вы Торнтонна?

Монкгауз. Да.

Рогинский. Для чего вам надо было знать, на что Долгов израсходовал эту сумму?

Монкгауз. Если человек просит 3 000 рублей – это неожиданно.

Рогинский. Какой же вам интерес знать, куда он ее израсходует? Купит ли квартиру, автомобиль, мотоцикл. Какой интерес в этом вопросе?

Монкгауз. Я спросил у Торнтонна, почему Долгову нужна эта сумма. Торнтон ответил, что он хочет купить квартиру.

Рогинский. Вот как вы ответили на этот вопрос на предварительном следствии: «Я спросил Торнтонна, на что он израсходовал эту сумму. Он мне ответил, что мне лучше этого не знать».

Монкгауз. О, нет.

Рогинский. Тогда ваши показания на предварительном следствии нужно предъявить?

Председатель. Подсудимый Монкгауз, будьте любезны, подойдите сюда. Вот об этих показаниях идет речь.

Рогинский. Я обращаю внимание, что есть перевод и на русском языке и на английском, и на то, что показания подписаны Монкгаузом.

Монкгауз. Да, но это разговор о 250 рублях торгсиновских денег.

Рогинский. Я прошу удостоверить, что это было написано собственноручно подсудимым Монкгаузом.

Монкгауз. Правильно. Когда Торнтон сказал, что это лучше вам об этом не знать об этих деньгах, то это касается не 2 000 рублей, а 250 рублей, и это я вам объяснил.

Вышинский. Но эти 250 рублей торгсиновских бонн, это та же самая сумма?

Монкгауз. Та же самая.

Вышинский. Так в чем же дело?

Председатель. Может быть мы закончим этот допрос?

Вышинский. Я просил бы продолжить допрос, потому что у нас еще есть целый ряд вопросов. Подсудимый Монкгауз, скажите пожалуйста, не припомните ли вы ваши показания от 26 марта, где вы говорили о том, что вы не знаете, за что были Долгову даны 3 000 рублей. Может быть вам напомнить?

Монкгауз. Я сказал – не знаю, за что были даны. Торнтон сказал, что на квартиру.

Вышинский. Вы этого не говорили. Мы допрашивали: известно ли вам, за что были даны 3 000 рублей Долгову. Вы написали и потом подписали в только что предъявленном вам документе следующее: «За что были даны Долгову 3 000 рублей и почему Ричардс распорядился списать задолженность в сумме 250 рублей торгсиновскими деньгами – я не знаю». Значит 26 марта вы не знали?

Монкгауз. Я 26 марта писал, что не знаю, а лично говорил то, что мне говорил Торнтон, что на квартиру.

Вышинский. Гражданин Монкгауз, все то, что вы говорили на допросе, все это записано в протоколе?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. Если нет, то вы должны были или сделать соответствующие оговорки, или вы сейчас высказываете предположение о том, что на допросе под моим руководством было допущено извращение ваших показаний.

Монкгауз. Этого я не скажу. Там не записано все, что я сказал.

Вышинский. Вы сами делаете оговорку – «Записано мной собственноручно и соответствует фактам».

Монкгауз. Да, но...

Вышинский. Никаких «но». Вопрос ясен*. Пойдем дальше. Известен ли вам случай, когда был сделан подарок некоему Вагнеру?

Монкгауз. Нет.

* Итак, как мы и предположили ранее, это скорее всего была чекистская провокация: используя советского беспартийного инженера Долгова (ответственного чиновника, заведующего контрольным отделом «Электроимпорта»), зафиксировать факт его подкупа со стороны сотрудников британской фирмы «Метро-Виккерс». К сожалению для чекистов, не получилась провокация с валютой, что тянуло бы на еще более серьезную уголовку!

Взгляд западной стороны на весь этот процесс, с подробностями и фотками, да еще с сюжетом «шерше ля фамм» (Анна Кутузова и Мария Рябова) см. по ссылке

(ljwanderer.livejournal.com/336084.html).

Не менее интересные подробности содержатся в ссылке (www.svoboda.org/a/24932743.html):

О том, как ОГПУ обращалось с ним после ареста, Аллан Монкхаус позднее писал одному из своих друзей: «Никаких конкретных обвинений мне не предъявили, однако предложили во всем сознаться. Применялись обычные угрозы, и в конечном итоге я признал, что старался быть в курсе общей ситуации в стране с тем, чтобы информировать совет директоров об общем положении, а также о возможностях для ведения бизнеса в будущем, однако я сказал им, что все это я считал обычной деловой практикой. Мне объяснили, что это политический и экономический шпионаж, пусть он и велся лишь в интересах фирмы. Затем мне устроили перекрестный допрос, целью которого было заставить меня признать, что я являюсь сотрудником британской разведки. После восьми часов бесплодных пререканий они это дело бросили. Потом начался еще один такой же допрос (он длился пять часов), чтобы заставить меня признать, что у меня имелся секретный источник средств на контрреволюционную и подрывную работу. Через пять часов было снято и это обвинение. После этого мне дали примерно пять часов поспать».

Вышинский. Позвольте предъявить показание 26 марта, где было сказано: «Тем же объясняю и подарок, сделанный Вагнеру».

Монкгауз. Вы мне показали показания Торнтон, где он говорит о подарке Вагнеру.

Вышинский. Совершенно правильно, и вы объясняли этот подарок Вагнеру так же, как и подарки, которые делались Торнтоном разным инженерам?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. В таком случае – подтверждаете вы или нет эту вашу запись, где говорится, что дача денег инженерам объясняется тем, как раз они и давали вам и Торнтону информации о будущих заказах на электрооборудование. «Вернее, – говорили вы, – я так предполагаю». Подтверждаете это?

Монкгауз. Подтверждаю.

Вышинский. Позвольте считать, что нами установлено, что Торнтон давал подарки разным русским инженерам и техникам за то, что они давали информации о будущих заказах на электрооборудование.

Монкгауз. Вы мне показали показания Торнтон, где он писал и подарках, и я сказал, что я предполагаю.

Вышинский. Итак, у вас такая практика была – давать подарки за такие сведения?

Монкгауз. Я лично никогда не давал.

Вышинский. Если бы было так в Англии, то как по английским законам были квалифицированы эти подарки? Можно сказать, что по английским законам это была взятка?

Монкгауз. Это маленький подарок, это не взятка.

Вышинский. А большой подарок?

Монкгауз. Это большая разница.

Вышинский. Я знаю, что между большим и малым подарком есть всегда разница.

Монкгауз. Если вам человек помогает, то вы даете подарок. Наши монтеры на строительстве получают награды, это не есть взятка.

Вышинский. Я не спрашиваю о ваших, я спрашиваю о наших. Когда даются подарки для того, чтобы скрыть дефекты, узнать сверил, то это считаете нормальным?

Монкгауз. Если человек помог вам сделать что-нибудь, то я считаю подарком.

Вышинский. Вы такого рода подарки считали нормальными? Мне важно установить вашу точку зрения. Вы такие подарки считаете нормальными?

Монкгауз. Если это делается с целью подкупить человека, это ненормально, а если дается за помощь, это я считаю нормальным.

Вышинский. И если дается для того, чтобы человек не предъявил претензии, то это что? Это значит подкупить.

Монкгауз. Это не подкупить. Если у меня была ошибка, а он мне помог исправить, это подарок.

Вышинский. Вопрос ясен.

Председатель. У прокуратуры вопросы еще есть?

Вышинский. Нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде (к Монкгаузу). Не будете ли вы добры объяснить перевод этих 3 000 рублей с личного счета Торнтон на «переходящие суммы»?

Монкгауз. Торнтон очень аккуратный человек. Каждый месяц он проверяет свой личный счет. Понятно, что он не хотел иметь на своем счету этих денег. Поэтому было возбуждено ходатайство о переводе этих денег на счет переходящих сумм, а потом я по этому поводу обратился к начальнику Ричардсу, который дал разрешение списать эту сумму.

Коммодов (к Монкгаузу). Давайте установим следующий факт: Торнтон говорит, что, когда он с вами разговаривал об этом, вы просили взять расписку. Деньги были даны в Вашем отсутствии, вы в это время были на Днепрострое. Когда вы вернулись, вас поставили перед этим фактом. Так вот расписка, которую вы просили взять, не взята?

Монкгауз. Не взята.

Коммодов. Деньги даны – не возвращаются. Вы просили взять расписку – она не берется. В вашем личном сознании создается такое впечатление, что деньги были даны как подарок?

Монкгауз. Сначала – нет. Я Долгова хорошо знаю, я с ним ездил на Челябингрэс, 6 дней мы были вместе в поезде, я считаю его очень честным человеком, который хорошо работает. Я ему доверял и думал, что он деньги вернет обратно.

Коммодов. Долгов бесспорно и честный человек и хорошо работает. Вы сами знаете, что он вернул вам стоимость железнодорожных билетов, но вернемся к установленным фактам: вы просили взять расписку – не взята расписка, деньги были взяты без вас – деньги не возвращаются. Не создало ли это у вас впечатление, что был дан подарок?

Монкгауз. Сначала – нет. Я никогда не смотрел на эту сумму как на подарок, но когда деньги не были возвращены обратно, я подумал, что это явно пахнет подарком. Поэтому, когда Ричардс был здесь, мы решили эту сумму списать. Это было 5 месяцев после того, как деньги были даны.

Коммодов. Значит в это время у вас уже создается впечатление, что это именно подарок?

Монкгауз. У меня создается впечатление, что Долгов смотрит это как на подарок.

Коммодов. Долгов смотрел на это так, как каждый честный человек должен смотреть, но в вашем личном сознании не создается такого впечатления, что это был подарок. Вы предлагаете взять расписку. Расписку не берут, дают деньги без вас. Вы приезжаете, вас ставят перед фактом. Вы каждый месяц опрашиваете: когда погасят. Не погашают. Разве это не должно создавать определенного впечатления?

Монкгауз. Я Торнтону доверял.

Коммодов. Не создавало впечатления потому, что доверяли Торнтону.

Либсон. Подсудимый Монкгауз, что у вас в фирме Московской конторы были еще и еще такие случаи, когда русскому инженеру, соприкасающемуся с работой вашей фирмы, давали займы по 3 000 рублей?

Монкгауз. Нет.

Председатель. У защиты нет вопросов к свидетелю?

Коммодов. Товарищ Долгов, вы подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии (том XIX, лист дела 359) в той части, где вы говорили о железнодорожном билете?

Долгов. Да, подтверждаю.

Председатель. У подсудимых нет вопросов к свидетелю?

Подсудимые. Нет.

Председатель. У прокуратуры нет вопросов к свидетелю?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Свидетель Долгов, вы свободны. Переходим к Котляревскому. Подсудимый Котляревский, расскажите в двух словах вашу биографию.

Котляревский. Я родился 21 апреля 1904 г. в городе Бодринцы, в семье рабочего слесаря. Отец работал по найму в различных кустарных и промышленных предприятиях. Затем, в 1912 г. имел свою слесарную мастерскую. В 1914 г. он был мобилизован в армию рядовым. В 1914 г. я поступил в приходскую школу, в которой учился один год. Затем поступил в высшее начальное 4-классное училище, которое окончил в 1919 г.

В 1919 г. поступил в мужскую гимназию в том же Бодринце. В 1920 г. перешел из 5-го класса в 6-й. Гимназия была закрыта. С 1920 по 1921 год я ничего не делал, не учился. В 1921 г. поступил в Одессе на подготовительные курсы в Одесский политехнический институт. Эти курсы я окончил в 1922 г., а потом уже поступил в институт. В 1927 г. и институт закончил. Получил диплом инженера-механика. Это было в июне 1927 г. В сентябре 1927 г. я поступил на Штеровскую электростанцию на должность дежурного теплотехника, в которой работал до марта 1929 г. С марта 1929 г. примерно по май-июнь месяц 1930 г. работал дежурным инженером по станции. Затем был старшим инженером теплосилового отдела и был заведующим машинным залом Штеровской электростанции. В связи с имевшим место наводнением на Штеровской электростанции в июле 1931 г. я был снят с работы, месяц жил на Штеровке, выдав подписку о невыезде органам ГПУ Краснолужского района. Затем был переведен в Харьков на работу в Донэнерго в качестве инженера турбинной группы. В конце октября 1931 г. я был направлен в командировку на Зуевскую электростанцию на 3 месяца. На Зуевской электростанции пробыл 9 месяцев, потому что меня раньше не отпустили. Уехал оттуда 29 июля 1932 г. Я был в Одессе, потом в Москве с семьей, затем семью отвез в Одессу, вернулся в Москву к 25 ноября 1932 г., поступил работать в Оргэнерго старшим инженером. Там я работал по день ареста, причем 2 месяца был в командировке в Казани на казанской электростанции.

Председатель. Женаты?

Котляревский. Женат и есть ребенок.

Рогинский. Вы на Зуевской электростанции в какой должности работали?

Котляревский. Заведующим турбинным отделом.

Рогинский. С какого по какой год?

Котляревский. С 1 ноября 1931 г. По какое время – точно установить трудно, потому что из декретного отпуска я вернулся на Зуевку 23 июля 1932 г., причем приказ об освобождении меня от должности был отдан в мое отсутствие – 11 июля того же года. При этом было указано, что это сделано по моему соглашению, и это соответствовало действительности, потому что я все время старался оттуда уйти.

Рогинский. Значит все ваше пребывание на Зуевской электростанции исчисляется примерно в 9 месяцев?

Котляревский. Примерно в 9 месяцев, даже меньше, потому что последние 2 месяца я фактически там не был.

Рогинский. По своей работе как заведующий турбинным отделом вы часто должны были сталкиваться с монтерами, которые проводили монтаж турбин?

Котляревский. Да конечно, потому что они работали в турбинном отделе, монтировали машины, а я заведывал цехом.

Рогинский. С кем вам чаще приходилось встречаться?

Котляревский. С Макдональдом.

Рогинский. Вам было известно, представителем какой фирмы является Макдональд?

Котляревский. Да, конечно.

Рогинский. Вы встречались с ним только в служебной обстановке, или встречи эти затем были расширены и происходили уже вне служебной обстановки?

Котляревский. Сначала в служебной обстановке, потом у него на дому, реже у меня.

Рогинский. Вы бывали у него, и он бывал у вас на квартире?

Котляревский. Да, но последнее реже, значительно чаще я бывал у него.

Рогинский. И эти встречи происходили часто?

Котляревский. Да, часто.

Рогинский. Отношения у вас установились дружеские, близкие?

Котляревский. Да.

Рогинский. На какой почве вы сблизились с Макдональдом?

Котляревский. На Зуевке я жил один. Семья осталась жить Харькове. Знакомых почти не было. Мне пришлось быть у Макдональда по поводу составления предварительной первой инструкции по обслуживанию турбин во время эксплуатации. У Макдональда был в патефон, с очень хорошими пластинками. Я очень люблю музыку, и на этой почве и потом вообще он на меня произвел хорошее впечатление, и я начал бывать у него все чаще и чаще.

Рогинский. Вначале на музыкальной почве произошло сближение, а затем может быть на несколько иной почве?

Котляревский. Да.

Рогинский. На более глубокой. У вас политические разговоры с Макдональдом были?

Котляревский. Когда?

Рогинский. В период этого сближения.

Котляревский. Вероятно были, потому что я не представляю...

Рогинский. С какого времени те политические беседы, разговоры, которые происходили с Макдональдом, привели к тому, что вы стали Макдональду оказывать известные услуги, выходящие за пределы ваших служебных отношений?

Котляревский. Мне трудно так ответить. Я в своем показании, данном на предварительном следствии, сказал, как все было, вероятнее всего, что все разговоры, которые мы вели, и привели к этому, но сказать, как это повлияло – я затрудняюсь.

Рогинский. Какие предложения или поручения вам делал Макдональд в начале вашего сближения и какие поручения вы выполняли по его просьбе?

Котляревский. Он меня просил вначале сказать ему, каким образом предполагается расширение в будущем Зуевки.

Рогинский. Расширение Зуевской электростанции. Затем?

Котляревский. Затем он просил меня достать ему схемы, составлявшиеся там на электростанции, маслопроводов, турбин, затем трубопроводов к уплотнениям, затем к циркуляционной воде, конденсаторной, затем просил достать чертежи здания станции. Это я ему все достал.

Рогинский. Эта просьба Макдональда была вами выполнена?

Котляревский. Да.

Рогинский. Помимо этих поручений, еще какие-нибудь поручения, более активного свойства, были вам даны?

Котляревский. Да.

Рогинский. Какие это поручения?

Котляревский. Макдональд предложил мне не обращать внимания на дефекты оборудования и давать неправильную оценку тем авариям, которые будут происходить с турбинами.

Рогинский. Соккрытие дефектов оборудования и неправильная оценка тех аварий, которые будут происходить с турбинами?

Котляревский. Правильно. Затем Макдональд предложил мне произвести порчу одной из турбин таким образом, чтобы турбина, на возможно продолжительный срок, была выведена из строя.

Рогинский. Значит сначала сведения, соккрытие дефектов оборудования, неправильная оценка происходящих аварий и затем уже предложение прямой диверсии. Так?

Котляревский. Да.

Рогинский. Какие ваши последние акты относятся к вашей, конкретной вредительской деятельности?

Котляревский. Это авария с генератором № 3.

Рогинский. Дальше?

Котляревский. Больше ничего.

Рогинский. Что было вами проделано с генератором № 3?

Котляревский. Мною был вставлен болт в междужелезное пространство генератора.

Рогинский. Результат?

Котляревский. Результат такой: нанесены повреждения ротору генератора, то есть сильные борозды на его поверхности, повреждение железным пакетом статора генератора. Это вызвало задержку работы турбины примерно на 10 дней, потому что в эти 10 дней была выемка ротора, ликвидация, поскольку возможно, тех дефектов, которые были причинены.

Рогинский. Это тот конкретный диверсионный акт, который был совершен лично вами?

Котляревский. Да.

Рогинский. А в части сокрытия вредительских актов, совершенных иными членами вредительской группы, организованной на Зуевской станции?

Котляревский. Вы спрашиваете – скрывал ли я акты, которые делали другие?

Рогинский. Да.

Котляревский. Это мне неизвестно.

Рогинский. А насчет аварий с масляными насосами известно?

Котляревский. Мне известно, что Макдональд говорил, что масляных насосах материал недоброкачественный, аварии с ними возможны, причем предупреждал, что этому нужно придавать другой характер – объяснять это иначе.

Рогинский. Предупреждал ли он вас о том, что аварии произойдут?

Котляревский. Это было сказано в таком виде, что аварии могли быть и будут.

Рогинский. Вы поняли так, что аварии будут?

Котляревский. Понял.

Рогинский. И никаких шагов к устранению этих дефектов вами не было предпринято?

Котляревский. Да.

Рогинский. Это вы скрывали?

Котляревский. Да, пожалуй.

Рогинский. У меня в связи с этими показаниями вопрос к Макдональду. Гражданин Макдональд, вы слышали показание Котляревского?

Макдональд. Слышал.

Рогинский. В своем показании от 2 апреля 1933 г. вы указываете: «На 1-й и 3-й турбинах были аварии с масляными насосами, которые были засорены». Это то, о чем говорит сейчас Котляревский?

Макдональд. Да.

Рогинский. Это самое?

Макдональд. Да.

Рогинский. Подсудимый Котляревский и вы – имеете в виду аварию с этими масляными насосами?

Макдональд. Да.

Рогинский. Здесь расхождения с показаниями Макдональда нет?

Котляревский. По-моему нет.

Рогинский. И у Макдональда нет расхождения с показаниями Котляревского?

Макдональд. Нет.

Рогинский. Подсудимый Макдональд, вы слышали показания Котляревского об аварии на генераторе № 3. Вот вы что показывали: «Эта авария произошла вследствие оставления болта в междужелезном пространстве». Вы это подтверждаете?

Макдональд. Подтверждаю.

Рогинский. Значит Котляревский был тем лицом, который это произвел?

Макдональд. Я не знаю, сам ли он это сделал, но это было сделано.

Рогинский. Вы так и показывали: «Сделали это Фомичев или Котляревский», мы это [не] выяснили. Подсудимый Котляревский, за деятельность, которую вы проводили на Зуевской электростанции, вы денежное вознаграждение получали?

Котляревский. Одну тысячу рублей.

Рогинский. Эта тысяча рублей была дана одновременно, сразу или в несколько приемов?

Котляревский. В два приема по 500 рублей.

Рогинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У защиты вопросы есть?

Либсон. У меня есть вопрос.

Председатель. Пожалуйста.

Либсон. Скажите пожалуйста, подсудимый, вам сейчас 29 лет?

Котляревский. Да.

Либсон. Как вы рассказали суду, вы все образование получили при советской власти, в советских школах. Так?

Котляревский. Не совсем. Только высшее образование.

Либсон. Семья ваша трудовая?

Котляревский. Да.

Либсон. Вы жили все время в этой семье?

Котляревский. Исключая непродолжительное время, когда я жил в Одессе, примерно 1½-2 года. Я тогда жил в комнате. Потом родители в 1923 г. переехали тоже в Одессу, и я опять жил с ними.

Либсон. Все время жили в трудовой обстановке, в трудовой атмосфере?

Котляревский. Да.

Либсон. Будьте добры объяснить суду, какие мотивы руководили вами в той деятельности, о которой вы так откровенно рассказали. Что вас толкнуло на это. Как это объяснить?

Котляревский. Это произошло таким образом: в первый раз, когда Макдональд просил меня дать сведения относительно расширения станции, я ему эти же сведения тут же рассказал, потому что мне как заведующему машинным залом и одному из высшего технического персонала на станции это было известно. Может быть рассказать несколько деталей?

Председатель. Вы скажите, какие мотивы побудили вас к этой деятельности?

Либсон. Разрешите вопрос уточнить. Будьте добры рассказать суду, как вы подошли впервые к разговору с Макдональдом. При какой обстановке произошел разговор, закончившийся впервые получением денег? Что из этого в дальнейшем получилось и как это случилось, что вы, при вашей биографии, решились на это?

Котляревский. Макдональд просил меня сообщить ему сведения о расширении станции. Я тут же рассказал ему об интересующих сведениях. Он меня просил сообщить точные данные, потому что я ему сказал не вполне определенно. Через день или два, в следующий мой приход; я ему сказал об этом. В тот же вечер у нас зашел разговор в порядке общего разговора относительно моего стесненного денежного положения, потому что я жил в Зуевке, а семья моя жила в Харькове. Эти разговоры у нас были и раньше, и он о моем положении знал. Он предложил мне займы 500 рублей. Я, не видя в этом ничего [предосудительного], деньги взял.

Председатель. Взял деньги определенно займы?

Котляревский. Да, займы.

Либсон. А инициатива этого предложения от кого исходила?

Котляревский. Об этом мне сейчас трудно вспомнить.

Либсон. Что же дальше?

Котляревский. Затем, после этого он просил меня достать ему чертежи здания станции. Эти чертежи я ему достал, потому что я в этом не видел ничего особенного, и затем, имея на руках его деньги, я чувствовал себя несколько обязанным. Когда я чертежи принес, он мне передал вторые 500 рублей. Я их не хотел брать, потому что я еще те первые не вернул. Он мне тогда открыл глаза на это дело, объяснив, что я, передавая сведения, делал то, что делать нельзя было. Я деньги взял.

Либсон. Скажите, правильно ли я вас понимаю: стало быть до того, как получить первые 500 рублей, вы ему оказывали услуги просто в силу дружеских отношений?

Котляревский. До того, как получить первые 500 рублей.

Либсон. До сведений о расширении?

Котляревский. Да, это было до того.

Либсон. Носили ли эти сведения секретный характер или вообще не подлежали оглашению? Как вы понимали?

Котляревский. Я тогда в этом секрета не видел.

Либсон. Это была прямая просьба, обращенная к вам, сообщить эти сведения?

Котляревский. Да.

Либсон. Помимо вас – имел ли он возможность официально получить сведения о предполагающемся расширении станции?

Котляревский. Может быть и мог.

Либсон. Но вы поняли, что это обращение Макдональда к вам за дружеской услугой?

Котляревский. Да, я ничего здесь не подозревал.

Либсон. Вот эти чертежи здания вы принесли после того, как получили займы?

Котляревский. После.

Либсон. Сколько времени прошло с того момента, когда он впервые предложил взять 500 рублей займа и когда попросил принести чертежи здания?

Котляревский. Это несколько дней.

Либсон. Чертежи здания представляли из себя секрет для Макдональда, вернее от Макдональда или нет. Как вы понимаете?

Котляревский. Я не знаю. Может быть через главного инженера он и мог бы получить, но он просил меня достать.

Либсон. Но как вы понимали – эта просьба есть поручение секретного порядка или просьба о дружеской услуге, чтобы не обращаться к главному инженеру, с которым трудно ему разговаривать?

Котляревский. Можно сказать так, тогда я этому значения не придавал.

Либсон. Ну, хорошо. Когда вы давали чертежи здания, как расценивали вы этот поступок? Считали ли вы,, что в данном случае совершаете если не преступление, то во всяком случае не этический поступок, Делаете то, что не следовало бы по вашему должностному положению делать. Или у вас этих подозрений не было?

Котляревский. Нет. У меня этих подозрений не было. У меня были дружеские отношения с Макдональдом.

Либсон. Вы каждый день виделись?

Котляревский. Каждый день на службе.

Либсон. И потом жизнь протекала вместе в общезжитии?

Котляревский. Сначала вместе в гостинице, а потом он переехал на отдельную квартиру.

Либсон. Следовательно прошло два дня. После этого он вас попросил принести чертежи. Когда вы сдали ему чертежи, как он вам дал деньги – сразу?

Котляревский. Сразу.

Либсон. Вы не просили?

Котляревский. Нет.

Либсон. А когда вы попытались отказаться от этих денег, что он вам сказал?

Котляревский. Я точно не помню. Но во всяком случае он сказал мне, что я передаю сведения ему, иностранному подданному, и что советский инженер это не должен делать, что если об этом узнают, то это для меня будет связано с неприятными последствиями.

Либсон. Так. Что вы на это ответили?

Котляревский. Я уже не помню, что я ответил, потому что это довольно трудный разговор.

Либсон. Но деньги вы взяли?

Котляревский. Деньги я взял. Да.

Либсон. Может быть вы объясните суду, почему вы об этом сейчас же не сообщили, куда следовало, что вот, мол, вы попали в какую серьезную историю: сначала дружеские одолжения, потом все это превратилось в преступление.

Котляревский. Потому что я боялся последствий.

Либсон. В каком смысле – последствий?

Котляревский. В том смысле, что я буду привлечен к ответственности за те сведения, которые я передавал, и вообще за эту связь.

Либсон. И после этого вам никаких денег не давали?

Котляревский. Нет.

Либсон. Все последующие шаги вы совершали, не получая еще денег?

Котляревский. Да.

Либсон. Вы приехали на Зуевку в ноябре месяце?

Котляревский. 1 ноября.

Либсон. Впервые вы деньги получили от него когда?

Котляревский. Я не помню точно, вероятно в январе. Что-нибудь в этом духе.

Либсон. А от ноября до января следовательно никаких разговоров у вас с ним не было?

Котляревский. Мы постепенно сближались.

Либсон. Я понимаю. Но разговоров такого рода, как просьба, обращенная к вам, не было?

Котляревский. Нет.

Либсон. Сколько же время продолжалась эта ваша преступная деятельность? На протяжении какого времени произошли аварии, которые вы скрыли, аварии, которые вы совершили?

Котляревский. Примерно 4-5 месяцев.

Либсон. Вы уехали из Зуевки в июле месяце?

Котляревский. 1 июня в разрешенный мне отпуск на 8-10 дней, 12[-го] вернулся и 20[-го] уехал в декретный отпуск. Вернулся 23[-го] и 29[-го] уехал совсем.

Либсон. Как вы рассказывали, после Зуевки вы уже начали работать в Москве. Вы здесь встречались с Макдональдом?

Котляревский. Я один раз виделся с ним в конторе.

Либсон. Здесь какой-нибудь разговор у вас был или нет?

Котляревский. Никаких разговоров на такую тему не было.

Либсон. Не было ли разговоров о том, куда вы направляетесь на работу, где будете работать?

Котляревский. Нет, я сам этого не знал.

Либсон. Вы этого сами еще не знали. Теперь еще такой вопрос. Давая сведения о своей биографии, вы сказали, что не выезжали, дав подписку ОГПУ о невыезде. Где, когда и почему это было?

Котляревский. 13 июля 1931 г. на Штеровской электростанции было наводнение, вследствие которого станция стояла 11 часов. В связи с этим было снято с работы 5 человек: я, Фомичев, который был в то время мастером моего отдела, дежурный инженер, начальник станции и еще кто-то – не помню. 15 числа меня вызвали в Краснолужское отделение ОГПУ. Там следователь со мной говорил, был допрос, и с меня была взята подписка о невыезде. Через пару дней меня вызвали еще раз. Я приехал, но следователя не оказалось. На следующий день он меня вызвал уже на Штеровку и в конторе станции задал мне несколько вопросов, которые были написаны на листе. Я ему дал ответы, и больше он меня не вызывал, больше допросов не было. Я ездил несколько раз, потому что интересовался, чем это дело кончится, и кажется 14-15 августа подписка о невыезде была снята.

Либсон. Вопрос был исчерпан, и обвинение вам не было предъявлено?

Котляревский. Не было предъявлено.

Либсон. Разрешите задать вопрос Макдональду. Обвиняемый Макдональд, вы слышали показание Котляревского. Вы подтверждаете это показание во всех частях?

Макдональд. В общем да.

Либсон. А в частности? Меня интересует – во всех ли частях вы подтверждаете, все ли, что показал Котляревский, соответствует действительности, действительно ли все это было так, как он рассказывает?

Председатель. В части, которая касается Макдональда?

Либсон. Да, конечно, то, что касается Макдональда.

Макдональд. Да.

Председатель. У кого есть еще вопросы Котляревскому?

Смирнов. Скажите мне. Эти сведения, чертежи здания, станции, расширение электростанции – они секретны или нет?

Вышинский. Разрешите мне, с согласия защиты, сделать заявление, которое упростит допрос по этому эпизоду. Здесь товарищи Либсон и Смирнов, ведут допрос в части, касающейся секретных сведений и шпионажа. Я хотел бы обратить внимание, что подсудимому Котляревскому вменяются в вину преступления, предусмотренные статьями 38-7, 58-9 и 58-11, а обвинение по шпионажу прокуратура к Котляревскому не предъявляет.

Смирнов. Но касается ли это Макдональда в данном эпизоде?

Вышинский. В этой части и Макдональду не предъявляется такого обвинения.

Смирнов. Тогда этот вопрос ясен. Но у меня есть другой вопрос. Этот генератор № 3 чьей фирмы?

Котляревский. «Метро-Виккерс».

Смирнов. А турбины №№ 1 и 3?

Котляревский. Тоже. Все три турбины этой фирмы.

Смирнов. Таким образом выходит, что дело касалось порчи своих собственных машин, то есть машин своей фирмы?

Котляревский. Да.

Смирнов. В каких целях, как вы понимали, предлагалась вам эта порча. Вы понимаете мой вопрос? Я понимаю, что можно предложить испортить чужую машину, чужой фирмы, вывести ее из строя с тем, чтобы получить заказ на поставку своей машины?

Котляревский. Выводя из строя машины, установленные на электростанции, которая снабжает энергией рудники и заводы Донбасса, ясно, что наносился ущерб промышленности Союза.

Смирнов. Так вы и понимали, что это умысел прямого вредительства – нанести вред промышленности Донбасса?

Котляревский. Да, потому что он значительно крупнее того непосредственного вреда, который наносится генератору.

Смирнов. Когда произошла порча вот этих масляных насосов при турбинах №№ 1 и 3?

Котляревский. Это было примерно в марте-апреле месяце.

Смирнов. Макдональд в это время был в Зуевке или в отъезде?

Котляревский. Не помню точно, но по-моему его не было. Он кажется с первых чисел марта и по 17 или 18 апреля был в отпуску в Англии.

Смирнов. Таким образом это вредительство было совершено в отсутствие Макдональда?

Котляревский. Аварии произошли в отсутствие Макдональда.

Смирнов. Но он ранее вас предупреждал о том, что такие аварии могут произойти?

Котляревский. Да.

Смирнов. Он предупреждал вас, как инженера, заведующего машинным залом?

Котляревский. Конечно так. Ведь он давал мне конкретные задания по этому поводу.

Смирнов. Будем брать пока совершенно объективные факты. Макдональд перед отъездом в отпуск вас предупреждал, что с генераторами №№ 1 и 3 не все благополучно, что на них могут произойти аварии с масляниками насосов?

Котляревский. Да.

Смирнов. Когда Макдональд уезжал в Англию, то оставались ли какие-нибудь английские монтеры на Зуевке?

Котляревский. Да. Там был Корнелл, был Эллиот. Было несколько монтажных инженеров.

Смирнов. И были английские монтеры?

Котляревский. Да.

Смирнов. Они обязаны были наблюдать в отсутствие Макдональда за этими генераторами?

Котляревский. Конечно.

Смирнов. Вытекает ли из этого, что так же и Корнелл и остальные были осведомлены о том, что эту аварию нужно допустить?

Котляревский. Я этого не знаю.

Смирнов. Фактически кто ее допустил, чей недосмотр, чей непосредственный поступок допустил эту аварию? Факт такой: Макдональд уезжает в Англию. Перед своим отъездом вас как заведующего машинным залом он предупреждает, что с такими-то двумя турбинами не все благополучно, там может произойти авария, потому что там насосные масляники не в порядке. Остается три английских монтера, один из них инженер, двое просто монтеры. Кто же допустил эту аварию фактически?

Котляревский. Во-первых, я допустил, потому что не сообщил кому следует, а во-вторых, я не знаю, может быть кто-нибудь знал о неисправности масляников, но это допустил.

Смирнов. Я не знаю ваших функций, но надлежит вам в качестве заведующего машинным залом смотреть за состоянием масляных насосов на турбинах или для того приставлены особые люди?

Котляревский. Имеется определенная структура: я – заведующий, у меня есть мастер, у него есть помощник, но это входит и в мои обязанности.

Смирнов. Но кто первый должен предусмотреть беспорядок в масляных насосах, кто должен первый сигнализировать о принятии Мер или потребовать каких-нибудь распоряжений относительно принятия мер – заведующий машинным залом или какие-то лица, стоящие близко и непосредственно к работе?

Председатель. Известно ли гражданину защитнику, что в связи с этим делом арестован целый ряд лиц, в отношении которых ведется дознание? Об этом должно быть известно из обвинительного заключения по этому делу.

Смирнов. Это мне известно.

Председатель. Зачем же вы говорите здесь еще об английском инженере Корнелле, зачем это вам понадобилось? Повторяю, вы знаете, что в связи с этим делом произведен арест ряда советских служащих, которые обвиняются в целом ряде преступлений. Этим лицам допрашивают. Поэтому ваш вопрос о тех, кто здесь не присутствует, является бесцельным.

Смирнов. Тогда позвольте задать еще один вопрос. (К подсудимому Котляревскому). Вы говорите, что вам эти деньги – 500 рублей и еще 500 рублей – были даны до того, как вы доставили сведения о расширении станций, и после того, как вы представили чертежи здания?

Котляревский. Нет, я так не говорил. Я говорил иначе. Если хотите, я повторю. Я дал сведения относительно расширения, и мне было дано 500 рублей. Мне было предложено дать чертежи, я их дал, и мне дали второй раз 500 рублей.

Смирнов. Значит вам 1 000 рублей была дана после того, как вы представили сведения, а за производство этих диверсионных актов вам никаких денег не давалось. Так?

Котляревский. Так.

Смирнов. У меня больше вопросов нет.

Либсон. У меня есть вопрос. Скажите, Котляревский, часть аварий, о которых идет разговор, на Зуевской станции проистекала из-за низкого качества оборудования и дурного монтажа. Так или нет?

Котляревский. Да, это авария с насосами.

Либсон. Определенно?

Котляревский. Да.

Либсон. Скажите, когда вы приехали на работу в ноябре месяце, монтаж был закончен?

Котляревский. Полностью закончен не был, но я никакого отношения к этому не имел.

Вышинский. Разрешите мне вопрос. Вы говорите, что монтаж был плохой, но если бы монтаж был идеальным, а вы всунули бы в междужелезное пространство железный предмет, авария могла бы произойти?

Котляревский. Да.

Вышинский. Так что ссыла на то, что был плоховат монтаж, не играет роли, факт вредительства остается?

Котляревский. Здесь речь идет о разных вещах. Болт был оставлен в междужелезном пространстве генератора. О монтаже генератора здесь не говорится.

Вышинский. Монтаж ни при чем?

Котляревский. Да.

Либсон. Тогда разрешите мне еще задать вопрос. Вы произвели порчу генератора, всунув болт в междужелезное пространство. А все остальные аварии происходили на почве плохого монтажа?

Вышинский. Какие аварии?

Либсон. Маслопроводов, масляных насосов.

Котляревский. Вы говорите о масляных насосах. Масляные насосы портились как из-за относительно скверного монтажа, так и из-за скверного материала.

Рогинский. А из-за скверного обращения с ними. Я говорю – засорения?

Котляревский. Засорение имело место.

Вышинский. Это от монтажа зависит?

Котляревский. Нет.

Либсон. Вы имели отношение к засорению?

Котляревский. Нет. Разрешите сказать – о каком засорении идет речь. Я говорю вот о чем: во время монтажа машин тут же производились строительные работы в помещении, и из-за этого в машинном зале всегда стояла пыль.

[Запасный член суда] Зеликов. Подсудимый Котляревский, вы знали об этом засорении?

Котляревский. Да.

Зеликов. Вы как начальник машинного зала должны были принять меры, сообщить начальнику?

Котляревский. Я сообщал непосредственному начальнику, затем и говорил, правда, неофициально, заведующему.

Зеликов. Вы обязаны были принять непосредственные меры?

Котляревский. Я заведывал эксплуатацией турбин, а строительные работы велись строительным отделом Оргэнерго.

Зеликов. Вы в категорической форме должны были сообщить?

Котляревский. Я в категорической форме сообщал инженеру, что дальнейшее ведение работы в таком виде приведет к аварии машин.

Рогинский. Это было до вашего разговора с Макдональдом, а после разговора эти предупреждения прекратились?

Котляревский. Я не помню. Если говорил после разговора, то это случайно.

Рогинский. После беседы с Макдональдом ваши требования о соответствующей обстановке эксплуатации масляных насосов прекратились? Вы закрыли глаза на те дефекты, которые там имели место?

Котляревский. Я точно не помню, когда мною были написаны записки, но вероятно так.

Рогинский. Вопросов у меня больше нет.

Председатель. Больше вопросов нет?

Вышинский. Мне интересно уточнить одно только место. На предварительном следствии, гражданин Котляревский, вы показывали следующее: «Мне известно, что на турбинах №№ 1 и 3 вследствие плохой работы масляных насосов произошли аварии, в результате чего одна турбина стояла около 2 недель, а другая турбина меньше. Аварии произошли после моего разговора с Макдональдом. Я действительно никакого шума не поднимал как после первой, так и после второй аварий. Знаю, что вскоре после аварии была создана комиссия в количестве 6-7 инженеров, которые без моей помощи пришли к выводу, что причиной аварии на турбине является плохая конструкция главного масляного насоса. Мне приходилось в таких случаях пост-фактум присоединяться к решениям комиссии».

Котляревский. Это все верно.

Вышинский. У меня больше вопросов к Котляревскому нет.

Председатель. Есть ли вопросы у защиты?

Защита. Нет.

Председатель. Есть ли у подсудимых вопросы к Котляревскому?

Монкгауз. У меня есть вопрос. Гражданин Котляревский скрывал этот дефект с масляными насосами?

Котляревский. Да.

Монкгауз. Как он объясняет тогда, что об этом было телеграфировано в Москву, мы немедленно сообщили в Англию, откуда прислали два новых масляных насоса, которые пришли на станцию Зуевка и были распакованы?

Котляревский. Я не понял, о какой телеграмме идет речь.

Монкгауз. О телеграмме, которую, я думаю, послал сам Макдональд.

Котляревский. Ведь это после аварии.

Вышинский. А дефекты вы вскрыли тоже после аварии?

Котляревский. После аварии я присоединился к мнению комиссии.

Вышинский. Когда авария произошла, можно было скрыть дефекты?

Котляревский. Нет, там о них говорили.

Вышинский. У вас комиссия была сейчас вслед за аварией, или прошел известный промежуток времени?

Котляревский. Я не помню, кажется сейчас же.

Монкгауз. Он сказал, что он передал чертежи здания станции Макдональду. Может он точно сказать, какие чертежи он передал?

Председатель. Это неважно. Подсудимому Котляревскому не предъявляется обвинения в шпионаже.

Монкгауз. Тогда другой вопрос относительно этого болта, который был найден в межжелезном пространстве генератора. Может он сказать, какого размера был болт?

Котляревский. Я не помню. Дело в том, что я в мастерской своей взял первый попавшийся болт, который, по моим соображениям, мог туда войти, приблизительно на полдюйма. Он был потом найден сломанным на две части.

Монкгауз. Можете вы объяснить, как вы всунули туда этот болт?

Котляревский. Это очень просто: когда крышка была открыта (я на станции задерживался иногда до поздней ночи), это было вечером или ночью, во всяком случае на третьей машине никого не было, остальные машины работали, и в эту машину я вставил болт. Это никакого труда не составляет.

Монкгауз. Видели ли вы, что на крышке отсутствовал болт? Где тот болт, который был вынут из крышки?

Котляревский. Я не знаю точно, о чем он говорит. Я думаю, что речь идет вот о чем. На одной из крышек был обнаружен отогнутый борт. Было ли там обнаружено, что отсутствовал какой-нибудь болт – я не знаю. Я знаю только, что и Макдональд, и Эллиот, и Тейлор – электрики – облазили весь генератор и не нашли, чтобы где-нибудь отсутствовал болт, насколько мне известно. О чем сейчас говорит мистер Монкгауз, я не знаю. То, что был отогнут борт, это известно. Это можно видеть на фотографии.

Вышинский. Не было ли случая, что кроме болта в генераторе находились всякие посторонние предметы?

Котляревский. Да.

Вышинский. Например?

Котляревский. Мне известно, что там было много пыли. Я знаю, что там была найдена щетка для обметания шин.

Вышинский. Кусок доски?

Котляревский. Правильно.

Вышинский. Камень какой-то?

Котляревский. Возможно и камень. Относительно камня я не знаю.

Вышинский. Вопросов больше нет.

Прошу зафиксировать заявление, заключающееся в следующем: в материалах Экспертной Комиссии у нас имеется акт, который говорит о том случае, когда обнаружили в генераторе № 3 разные посторонние предметы: болты, кусок доски, камень и прочее, что не может рассматриваться иначе как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-нибудь прямого злого умысла, о чем говорит здесь Котляревский. Я прошу это обстоятельство зафиксировать в памяти суда.*

Председатель. Вопросов нет? Перерыв на 20 минут.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Приступаем к допросу подсудимого Лобанова. Подсудимый Лобанов, сообщите ваши основные биографические данные.

Лобанов. Родился я в 1897 г. Отец мой арендовал мельницу, одновременно у него был маслобойный завод, паровая мельница, торговля. Отец умер, когда я учился в средней школе, в гимназии, и я продолжал жить с братом, который тоже арендовал мельницу. Кончил я гимназию в 1918 г.

Председатель. В каком городе?

Лобанов. В Ростове Ярославском. 1918-1919 гг. совместно с братом работал на мельнице у брата. С 1920 г. по начало 1928 г. учился в Иваново-вознесенском политехническом институте, который в 1928 г. окончил. За время пребывания в институте около 2 лет работал на разного рода предприятиях. В 1928 г., по окончании института и даже за несколько месяцев раньше до окончания института, я поступил на работу в Ивгрэс. Сначала я работал в качестве чертежника по подстанциям по электрической части. В скором времени стал конструктором по подстанциям, а затем инженером по подстанциям. В начале 1930 г. я был командирован на курсы по повышению квалификации инженеров-энергетиков в Ленинграде. По окончании этих курсов я вернулся обратно в Ивгрэс и был командирован на районную станцию. Я до этого момента работал при правлении, которое находилось не на самой станции, а в 1930 г. был откомандирован в качестве руководителя пробной эксплуатации Ивгрэса.

* Здесь нельзя не удержаться от комментария. В машинном зале Зуевской ГРЭС царил бардак (как и на других электростанциях) – при работающем оборудовании одновременно шуровала строительная бригада. После аварии в генераторе №3 обнаружили разные посторонние предметы: болты, кусок доски (щетку для обметания шин), камень. Чекисты приписали это злонамеренному вредительству и арестовали не только Котляревского и Мақдональда, но и еще несколько человек, и стали лепить дело о масштабной порче оборудования сотрудниками станции, с подачи инженеров «Метро-Виккерс» (помимо московского процесса).

Когда большевики, во главе со Сталиным, на весь мир кричали о том, что повсюду орудуют вредители, то на последних можно было списать все – даже неумение организовать работу строителей в машинном зале так, чтобы от них не летела пыль (огородив щитами и брезентом их участок), даже нежелание станционного начальства установить жесткий контроль за работой монтажников, ремонтников и эксплуатационников, чтобы не могли оставаться в генераторе или любом другом оборудовании посторонние предметы, и т.п. и т.д.

Прокурор А.Я. Вышинский в своей обвинительной речи будет цитировать вождя:

Товарищ Сталин на XVI партийном съезде в политическом отчете ЦК говорил:

“Говорят, далее, что камнем преткновения является наш советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контрреволюционерами из «людей науки», изгнание [невозвращенцев] Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т.п. лакеев капитала. Но это уж становится совсем забавным. Им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам также не нравится капиталистический строй... Не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет миллиардными богатствами. Но раз мы уже согласились не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т.п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей Конституцией. <...>”.

Здесь пробыл недолго и был назначен заведующим электро-эксплуатационным отделом Ивгрэса. Затем до момента моего ареста, я был в должности руководителя тепломеханической группы технического отдела, а до этого я работал в отделе рационализации в качестве инженера. Вот, кажется все.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Есть. Когда вы познакомились с Нордволлом ?

Лобанов. Примерно в конце 1930 г.

Вышинский. При каких обстоятельствах?

Лобанов. Он бывал на станции и производил вместе с Чопиным, который тогда тоже работал английским монтером на самой станции Ивгрэс, монтаж оборудования, которое поставляла фирма «Метрополитен-Виккерс».

Вышинский. Какую должность вы занимали?

Лобанов. Заведующего эксплуатационным отделом, а потом руководителя тепломеханической группы технического отдела до момента ареста.

Вышинский. Кто был начальником станции в момент ареста?

Лобанов. Директор Белов.

Вышинский. А в то время, когда познакомились с Нордволлом, кто был директором?

Лобанов. Не помню, как будто был Глебов, но точно сказать не могу.

Вышинский. Вы познакомились с Нордволлом в 1930 г. на чисто служебной почве?

Лобанов. Нет, не на чисто служебной почве. Самая первая встреча – я не знаю когда произошла и на какой почве, а вообще наше знакомство, более близкое, протекало как в производственной обстановке, также и при поездках в поезде между Ивгрэсом и Ивановым. Там ходит специальный поезд, в котором я ездил частенько, так как семья моя была в Иванове, и Нордволл тоже частенько попадал со мной в этот поезд, и вот мы с ним более или менее близко познакомились в такой обстановке.

Вышинский. Так было в конце 1930 г. А в 1931 г.?

Лобанов. Это так же продолжалось и в начале 1931 г.

Вышинский. Ну и вот, как вы дальше перешли к нелегальным отношениям, то есть к отношениям, которые строились на почве вашей нелегальной работы?

Лобанов. В один прекрасный момент, примерно в феврале 1931 г., Нордволл у меня в кабинете, после общих разговоров, обратился ко мне с предложением вести вредительскую диверсионную работу на Ивгрэсе.

Вышинский. Вас это предложение не удивило?

Лобанов. Да, конечно я был крайне удивлен этим делом.

Вышинский. А почему же он вам предложил?

Лобанов. Мне кажется, мы с ним были в довольно близких отношениях, не то, чтобы дружеских, но друг друга знали довольно хорошо. Он отлично знал мои антисоветские настроения.

Вышинский. А почему у вас такие антисоветские настроения были. В чем они выражались?

Лобанов. Они выражались в высказывании недовольства существующим строем, во всякого рода жалобах на недостатки в моей личной жизни, в частности материальные недостатки.

Вышинский. Нордволл вел с вами разговоры по поводу ваших отношений к советской действительности или вы вели?

Лобанов. И я вел и он вел.

Вышинский. Какие он высказывал соображения и суждения?

Лобанов. Он иногда даже сам вызывал на всякого рода антисоветские разговоры, и я конечно был не прочь на эту тему повести разговоры.

Вышинский. Почему это «конечно был не прочь»?

Лобанов. Таковы уж были тогда у меня убеждения.

Вышинский. Под каким влиянием у вас эти убеждения сложились?

Лобанов. Во-первых, семья.

Вышинский. То есть?

Лобанов. Брат, который был частным предпринимателем, он не служил, а арендовал мельницу.

Вышинский. Он арендовал мельницу, где?

Лобанов. В Гавриловом посаде Владимирской губернии. Это мой родной брат.

Вышинский. Отец ваш чем занимался?

Лобанов. Я уже говорил, что отец так же арендовал мельницу, потом у него был маслобойный завод, потом паровая мельница, была торговля.

Вышинский. А чем торговал ваш отец?

Лобанов. Мучная, бакалейная торговля, кажется, точно не знаю, как называется.

Вышинский. Когда умер отец?

Лобанов. Примерно в 1907 г. Когда я учился в средней школе, то два моих приятеля во время Ярославского восстания в Пошехонии были расстреляны.

Вышинский. Значит приятели ваши участвовали в восстании против советской власти?

Лобанов. Да.

Вышинский. А вы участвовали?

Лобанов. Я нет.

Вышинский. Почему же, раз у вас были такие убеждения?

Лобанов. Я не был таким, чтобы участвовать в действиях военного порядка. Я на военной службе не был.

Вышинский. Под влиянием всех этих обстоятельств, в этой обстановке у вас сформировались определенные взгляды?

Лобанов. Да. Потом, работая на Ивгрэсе, я находился в среде не столь благоприятной – в такой среде, которая мои взгляды разделяла.

Вышинский. Какую-нибудь общественную работу вели?

Лобанов. Никакой.

Вышинский. Теперь это ясно. Вы встретились с Нордволлом, сблизились известным образом, во всяком случае настолько, что имели возможность с ним вести довольно откровенно политические разговоры. 'Что произошло в этой обстановке?

Лобанов. В этой обстановке, примерно в феврале, точно я не могу сказать, он предложил мне вести активную вредительскую диверсионную работу на Ивгрэсе.

Вышинский. В каких целях?

Лобанов. В целях подрыва экономической мощи Советского союза.

Вышинский. Чем он это мотивировал?

Лобанов. Тем, что я ему высказывал свои убеждения, свои враждебные настроения. Он мне не говорил о конечной цели, но я его понимал.

Вышинский. От слов потом перешли к делу?

Лобанов. Да. Он говорил, что «если вы хотите личного благополучия, то давайте переходить от слов к делу». Так это и было сказано.

Вышинский. Какие же были дела?

Лобанов. Конечно я немножко был удивлен и не хотел в это дело вступать, потому что дело такое, которое могло повлечь за собой печальные последствия.

Вышинский. Только могло повлечь? Может быть повлекло?

Лобанов. Факт налицо. (В зале шум!)

Председатель. Я бы просил зал свои настроения проявлять немножко тише.

Вышинский. Конкретно скажите, какие факты, какие аварии имели место на Ивгрэсе. В каких вы участвовали, о каких знали, кто еще в этом деле участвовал и какие последствия этих аварий?

Лобанов. При вербовке Нордволлом мне было указано, что нужно бить по мелочам, из того расчета, чтобы не попасться, но эти мелочи должны повлечь за собой довольно крупные последствия. Он указал, что нужно бить по импортному оборудованию в основном, в целях выкачки валюты из Советского союза и тем самым подрывать его экономическую мощь. Он так же указал, что необходимо распространить эти диверсионные акты по умышленной порче оборудования и на оборудование фирмы «Метро-Виккерс», а не только других иностранных фирм, но при этом указал, что это должно вестись с таким расчетом, чтобы вину на фирму нельзя было свалить, то есть причины аварий и диверсионных актов должны быть таковы, чтобы фирма казались здесь совершенно непричастной и так, чтобы порча оборудования ни гарантийных сроках не отражалась, то есть если оборудование будет выведено из строя по какой-либо причине, то только такое оборудование фирмы «Метро-Виккерс», сроки которого, гарантийные сроки, уже кончились.

Вышинский. Какие были конкретные факты вредительства, диверсий?

Лобанов. Это вывод из строя моторов цепных решеток, выключение фидеров собственных нужд, порча подшипников питательных насосов, порча путем засорения подшипников, создание коротких замыканий...

Вышинский. А был случай с мотором для котла № 5?

Лобанов. Был, сожгли.

Вышинский. Почему? Как?

Лобанов. Закрыли вентиляцию. Эти моторы вентилируются, закрыли вентиляцию, тем самым обмотка мотора перегрелась.

Вышинский. Дальше.

Лобанов. По фрезерному торфу били. Здесь я уже сам принимал участие. По питанию котлов ударяли, но не совсем удачно.

Вышинский. Почему неудачно – не удавалось вам это хорошо?

Лобанов. Не удалось. Оно могло бы быть удачно проведено, но вовремя это было предупреждено рабочими.

Вышинский. Дальше.

Лобанов. Трансформатор сожгли. Сгорела и обмотка.

Вышинский. Телефонная связь?

Лобанов. Правильно. Нарушили телефонную связь. Было такое дело.

Вышинский. Вернемся к какому-нибудь из этих конкретных фактов и разберем, как они были вами осуществлены. Кто в этом деле участвовал? Какие были последствия? Возьмем выведение из строя моторов цепных решеток котлов.

Лобанов. Было такое дело.

Вышинский. Расскажите.

Лобанов. Помня задание Нордволла – бить по мелочам, но которые бы влекли за собой серьезные последствия, была обдумана довольно простая, но хорошо действующая операция. Путем порчи кабеля, питающего моторы редукторов цепных решеток, выводились из строя эти моторы. Тем самым останавливались решетки, выводилась топка из строя, котлы останавливались; сбрасывалась нагрузка – иногда полностью, иногда частично.

Вышинский. Что значит «сбрасывалась нагрузка»?

Лобанов. Ввиду выхода из строя котельных агрегатов, когда станция работала еще на незначительной мощности, решетки останавливались. Котел не мог давать пара. Давление садилось. Раз давление садилось – турбины уже не могли работать при пониженном давлении. Турбина выключалась. Снималась нагрузка потребителей: фабрики и заводы.

Вышинский. Сбрасывалась нагрузка – это значит прекращалась подача тока?

Лобанов. Прекращалась подача тока в промышленные районы, которые снабжают Ив-грэс. Отсюда все последствия.

Вышинский. Кто осуществлял эту операцию?

Лобанов. К этому делу был привлечен Лебедев – мастер электро отдела.

Вышинский. Он был в вашей группе?

Лобанов. Да.

Вышинский. Какую должность он занимал?

Лобанов. Он был мастером того отдела, в котором я работал.

Вышинский. Он был мастером того отдела, в котором вы работали. Подсудимый Лебедев, вы слышали это показание?

Лебедев. Слышал.

Вышинский. Что вы скажете по этому поводу?

Лебедев. Да, я делал.

Вышинский. По чьему поручению?

Лебедев. По поручению Лобанова.

Вышинский. В каких целях?

Лебедев. В смысле подрыва.

Вышинский. Садитесь.

Лобанов. Выключение фидеров собственных нужд. Казалось бы весьма безобидная вещь, и нам это легко сходило.

Вышинский. Почему это вам легко сходило? Ряд таких случаев был?

Лобанов. Неоднократно. Это было порядочно.

Вышинский. Почему это вам все сходило с рук?

Лобанов. Видите ли, все фидера защищены релэ. Такой механизм, на который очень легко свалить.

Вышинский. На объективные причины?

Лобанов. Да, на объективные причины: сработали[сь] и так далее. Никто не мог никогда объяснить.

Вышинский. Ну, а вы как объясните это? Каким образом выключали?

Лобанов. А было очень просто. На это дело был мобилизован я. Чтобы один другому ногу не подставлять в работе, привлекли старшего электротехника Угрюмова. Тогда у нас было все благополучно.

Вышинский. Он имел непосредственное отношение к этим фидерам собственных нужд?

Лобанов. Да. Он вообще был по электрической части. Это второе лицо после меня.

Вышинский. Ваш помощник?

Лобанов. Он считался не помощником, а старшим электротехником.

Вышинский. А во вредительстве он помогал?

Лобанов. Да, да.

Вышинский. Значит вот у нас имеется Лебедев, Угрюмов, может быть и еще кто-нибудь по вашей станции?

Лобанов. Лебедев, Угрюмов, а потом уже к концу или не совсем концу, по телефонной связи – Ростов.

Вышинский. Ростов; еще как будто один был?

Лобанов. Были попытки привлечь еще одного – это Китаева.

Вышинский. Не привлекли?

Лобанов. Нет.

Вышинский. Не удалось?

Лобанов. Когда я задумал произвести вербовку, так как машинный зал по линии турбин оставался не охваченным нашей группой, я задумал привлечь Китаева – мастера. Он тогда был не мастер, а вроде монтера старшего по турбинам. Я задумал привлечь его для проведения вредительской работы в части монтажа турбин. Когда я ему подраассказал, в чем дело и как и что, он заявил мне, что мои предложения запоздали немного, что он уже в этом направлении работает.

Вышинский. Так что и привлекать не приходилось?

Лобанов. Да.

Вышинский. А что у вас было еще, скажем, с хаус-генераторами, с трясунами?

Лобанов. Когда я попал в отдел рационализации, то непосредственного отношения к производству я не имел, но работа была подходящей для проведения вредительских актов. Я, используя эту самую рационализацию, провел ряд рационализаторских вредительских работ.

Вышинский. То есть вредительских под маркой рационализаторских?

Лобанов. Да, под маркой рационализаторских.

Вышинский. То есть использовали рационализацию. Как, в чем?

Лобанов. Во-первых, по фрезерному торфу ударил: нужно было оборудовать котлы №№ 3, 4 трясунами.* Трясуны на Ивгрэсе уже были, но я решил предложить другую систему, когда занялся проектированием. Якобы она должна быть лучше той, которая существовала. Мне администрация предлагала – вы, говорит, как руководитель, хотя я только переводился в руководители тепло-механической группы – проверьте существующие чертежи старых трясунов, которые работали, и пустите их в работу. Я со своей стороны внес предложение о новой конструкции и настаивал довольно крепко на проведении ее в жизнь.

После долгого упорства администрации – она согласилась на это дело. Я обещал, что это дело будет выполнено в кратчайший срок и что это мало отзовется на ходе оборудования трясунами котлов №№ 3 и 4. Администрация согласилась и я начал проектировать новую систему. Проектировал я ни много-ни мало несколько месяцев, и тем самым оборудование двух котлов задержалось и сжигание фрезерного торфа на станции не было возможным на этих котлах. Тем самым недожог такового был значительным. Конечно, получилась конструкция не лучше, что было. Я доказывал, что она лучше, но на самом деле может быть лучше, а может быть и хуже. В некоторых частях лучше, в некоторых хуже. Одним словом, точно я не взвешивал этого дела. В результате получилась задержка сжигания фрезерного торфа на этих двух котлах примерно на полгода в круглых цифрах.

Вышинский. Ваша задача в этом случае была в чем?

* С сайта «Музей истории Мосэнерго»:

На смену гидравлическому способу добычи торфа приходил новый, более прогрессивный, фрезерный торф. Он позволял в два раза увеличить получение топлива с той же площади торфяника и в пять раз снизить трудовые затраты на его добычу. Котел № 19 [на подмосковной ГРЭС-3 им. Р.Э. Классона] был первым, на котором 5 июня 1931 г. начали сжигать фрезерный торф в смеси с кусковым. Котел № 18 начал работать на смеси 12 июля 1931 г., а котел № 17 – 3 августа 1931 г. Фрезерный торф с помощью небольшого трясуна [(вибратора) из бункера попадал в дробилку, в которой размельчались крупные частички торфа и древесины. Этим процессом управлял дежурный на трясушке. После дробилки торф сыпался в эксгаустер, специальный нагнетатель торфяной пыли в топку котла.

Лобанов. Учитывая важность освоения фрезерного торфа, задержать сжигание его на станции, а это могло повлечь за собой всякого рода последствия в отношении хранения фрезерного торфа и другие, вытекающие, отсюда последствия.

Вышинский. Еще один вопрос: как у вас обстояло дело в расчете на возможность всякого рода военных внешних осложнений? Эти вопросы в поле зрения были?

Лобанов. Как же, были. Вначале вообще было указано Нордволлом, что на случай войны, интервенции необходимо вывести из строя станцию целиком, а как и что – это было предложено подумать, как это удобнее. В последний раз, когда я встречался с Нордволлом и получал соответствующие инструкции, было определенно указано, что в случае чего он обещал подробно информировать о том, как это провести, взорвать плотину, которая там имеется, которая держит воду в пруде, снабжающем станцию водой и тем самым на долгое время вывести станцию совершенно из строя, спустив воду из пруда. Кроме всего прочего он дал наметку, чтобы кроме этого обеспечить еще вывод основного оборудования, основных агрегатов станции целиком, как-то: трансформаторов.

Вышинский. В этом, в основном, заключался ваш план на случай войны?

Лобанов. Да.

Вышинский. Об этом вы говорили с кем-нибудь из ваших соучастников?

Лобанов. Вскользь я говорил с Лебедевым.

Вышинский. А он что?

Лобанов. При соответствующем, говорит, указании с моей стороны, при разъяснении можно принять участие в этом деле. Он согласен был на производство подобного рода акта.

Вышинский. К Лебедеву вопрос.

Председатель. Подсудимый Лебедев.

Вышинский. В этой части, что вы скажете?

Лебедев. В мае месяце 1931 г. мне Лобанов об этом говорил.

Вышинский. А вы ему что говорили по этому поводу?

Лебедев. Я ему на это ничего определенного не сказал.

Вышинский. То есть как ничего определенного?

Лебедев. Мне Лобанов сказал, что Нордволл говорил ему, что на случай войны нужно будет вывести станцию из строя, но плана подробного не было.

Вышинский. Детального плана?

Лебедев. А поэтому я на это ему ничего не сказал.

Вышинский. Лобанов сказал, что ему Нордволл предложил подумать о том, как вывести станцию из строя на случай войны, вы выслушали и ничего не сказали?

Лебедев. Потому что планы разработаны не были.

Вышинский. Но как вы реагировали? Скажем, что это плохо, это делать нельзя, или вы сказали, ладно, подумаем?

Лебедев. Я в этом отношении говорил, что это можно проделать.

Вышинский. Вы деньги получали?

Лебедев. Получал.

Вышинский. От Лобанова?

Лебедев. Да.

Вышинский. Частично?

Лебедев. Частично.

Вышинский. За что?

Лебедев. За проведенные мною вредительские работы.

Вышинский. Значит за проведенные вами вредительские действия, Лобанов, вы деньги давали ему?

Лобанов. Давал.

Вышинский. Частично?

Лобанов. Нет, целиком и полностью.

Вышинский. Что значит целиком и полностью?

Лобанов. Дал сразу 1 000 рублей, чтобы почувствовал.

Вышинский. А что говорит Лебедев?

Лебедев. Я получил поменьше. Первый раз получил в июне месяце 150 рублей. Вторым раз получил 100 рублей. Когда получил вторым раз, то он работой повидимому был недоволен. Затем он может быть считал то, что прибавил жалование 50 рублей в месяц.

Вышинский. Лобанов, вы это подтверждаете?

Лобанов. Нет.

Вышинский. Значит у вас расхождение в суммах? Вы говорите получили меньше, а Лобанов говорит дал больше? Лобанов, вы от кого эти деньги получили?

Лобанов. От Нордволла.

Вышинский. Сколько?

Лобанов. 5 000 рублей.

Вышинский. Как вы распорядились этими деньгами?

Лобанов. Оставил себе немного.

Вышинский. Сколько?

Лобанов. 2 600 рублей.

Вышинский. Это как раз половина.

Лобанов. Затем Лебедеву дал 1 000 рублей, Угрюмову 800 рублей и Ростову 600 рублей.

Вышинский. При каких обстоятельствах вы получили от Нордволла эти 5 000 рублей, сразу или нет?

Лобанов. В два раза. Первый раз, примерно в июне 1931 г., второй раз – это в конце 1931 г. или в начале 1932 г.

Вышинский. В какой обстановке, при каких условиях и обстоятельствах?

Лобанов. Первые деньги – 3 000 рублей – я получил от него после беседы с ним и доклада о том, что проделано мною по его заданию.

Вышинский. Где был этот доклад?

Лобанов. Вообще я старался с ним не встречаться в домашней обстановке, а в производственной, в незаметной обстановке. Это было на щите управления, и при проходе вдоль машинного зала по специальным площадкам, которые сделаны для того, чтобы пройти в служебное отделение, он мне передал эти 3 000 рублей как премию за это дело.

Вышинский. Вы просчитали при нем?

Лобанов. Конечно, я не считал здесь, а считал дома.

Вышинский. И дома делили?

Лобанов. Делил на другой день, когда прикинул, как и что, кому сколько.

Вышинский. Можно мне задать вопрос Нордволлу?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Нордволл, вы слышали эти показания?

Нордволл. Слышал.

Вышинский. Что скажете?

Нордволл. Частично правда, частично неправда.

Вышинский. Скажите, что правда, и что неправда?

Нордволл. То, что говорил Лобанов обо мне – неправда. А то, что говорил о себе, я не знаю.

Вышинский. Деньги давали?

Нордволл. Не давал.

Вышинский. Разговоры антисоветские не вели?

Нордволл. Такой разговор был. Я один раз встретился в поезде с Лобановым. В этом купэ были другие лица и он стал говорить о своих трудных материальных условиях жизни. Я ему сказал мой собственный взгляд на это и сказал, что каждый служащий, инженер и рабочий Советского союза в теперешних условиях должен свои требования в жизни немножко уменьшать, потому что большая нагрузка объясняется усилиями выполнить пятилетний план. Он сказал, что этим он не интересуется. Я сказал, что русские инженеры думают, что им здесь плохо. Затем я сказал, что наши инженеры пока лучше живут, чем советские инженеры, это вполне понятно.

Вышинский. Вы подтверждаете, что несколько раз встречались в поезде и имели разговор?

Нордволл. Несколько раз встречался.

Вышинский. И имели разговор, причем Лобанов проявил отсутствие интереса к пятилетке, а проявлял свое недовольство?

Нордволл. Проявлял свое недовольство советскими порядками.

Вышинский. А вы наоборот?

Нордволл. Я наоборот.

Вышинский. Вы старались ему разъяснить, что оснований для недовольства не должно быть, что имеются большие задачи, надо подчинить себя этим интересам, а он не соглашался?

Нордволл. Не соглашался. Я защищал Советский союз.

Вышинский. Подсудимый Лобанов, выходит наоборот. Вы антисоветские разговоры вели, но Нордволл вас уговаривал в советском духе, так?

Лобанов. Нет. Он вызывал иногда на такие разговоры. Убеждений с его стороны, чтобы я отбросил свои взгляды, не было, наоборот, я чувствовал поддержку, он говорил «да, да» и я чувствовал нашептывания антисоветского порядка, потому что особенно громко нельзя было о таких вещах говорить.

Председатель. Подсудимый Нордволл, подойдите ближе к столу. (Нордволл подходит к столу.)

Вышинский. Подсудимый Нордволл, я вас так понял – вы говорили в беседе с Лобановым, что в настоящее время английские инженеры живут лучше русских?

Нордволл. Да.

Вышинский (к Лобанову). Так это было?

Лобанов. Да, да.

Вышинский (к Нордволлу). И что вы ему советовали?

Нордволл. Я ему сказал, что он должен понять теперешнее время, что он занимает большую должность в Советском союзе, что он должен это выдержать, но он сказал, что этим не интересуется.

Вышинский (к Лобанову). Так это было?

Лобанов. Я не совсем понимаю его.

Вышинский. Он говорит, что вы занимали должность такую, которая вас связывала с большими задачами страны, что вы должны были это учесть. (К Нордволлу.) Верно я вас понял?

Нордволл. Да.

Вышинский (к Лобанову). Ну, так что же?

Лобанов. Не совсем это так. Относительно того, что он говорил, что я занимаю ответственный пост – это верно, против этого я не возражаю, относительно того, что по долгу службы я должен был выполнять работу – это верно, но свою мораль я ему не проповедывал.

Вышинский. А он проповедывал?

Лобанов. А он поддерживал самые обычные такие антисоветские разговоры, недовольство пятилеткой, говорил, что пятилетка провалится и так далее, я с ним соглашался, на эту тему был разговор. Подобного рода разговоры мы вели. Конечно, были и служебные разговоры.

Вышинский. Подсудимый Нордволл, в отношении порчи оборудования и прочего были разговоры?

Нордволл. Никаких.

Вышинский. И вы никаких указаний не давали?

Нордволл. Нет.

Вышинский (к Лобанову). А вы утверждаете обратное?

Лобанов. Подтверждаю.

Вышинский (к Нордволлу). Насчет войны были разговоры?

Нордволл. Ничего не было.

Вышинский. И не было никаких разговоров о том, что Советский союз может встретиться с опасностью войны?

Нордволл. Не было.

Вышинский (к Лобанову). Вы что скажете?

Лобанов. Я не знаю, почему он это отрицает, он думает на меня одного свалить это дело?

Вышинский. Вы настаиваете на своем утверждении, что имели место такие разговоры – на случай войны вывести из строя оборудование, диверсионные акты?

Лобанов. Да, ведь это было на самом деле.

Вышинский. Вы это подтверждаете и после теперешних заявлений Нордволла, что якобы этого не было? Вы говорите, что это было в действительности?

Лобанов. Я подтверждаю, что я имел с ним разговор и получал поручения.

Вышинский (к Нордволлу). Вы деньги когда-нибудь Лобанову давали?

Нордволл. Никогда.

Председатель. В долг может быть давали?

Нордволл. Никогда никаких денег не давал.

Лобанов. Я получил от него 5 000 рублей и кроме того шубу.

Председатель. Давайте уточним насчет денег. Подсудимый Лобанов сказал, что получил 3 000 рублей, а остальные 2 000 рублей...

Лобанов. 2 000 рублей были даны в 1932 г., тогда, когда он в последний раз приезжал на испытание на Ивгрэс, и одновременно после этого я имел примерку шубы, которую он мне прислал. Потому что я заблаговременно предупредил его, что я хотел бы получить что-нибудь из одежонки в частности шубу.

Вышинский (к Нордволлу). А шуба здесь была?

Нордволл. Это я могу сказать подробно. Один гражданин Тейлор, служащий нашей фирмы, был на Ивгрэсе, на испытании турбогенератора, временно приезжал в Союз для работы и купил новую шубу. Уезжал в Англию и видел, что эта шуба скоро будет не нужна, и хотел эту шубу продавать.

Вышинский. Кому?

Нордволл. Подождите пожалуйста, я объясню по порядку.

Вышинский. Пожалуйста.

Нордволл. В один прекрасный день Тейлор мне сказал: есть такой человек Лобанов? Я сказал: да. Вы знаете, где он работает? Я сказал: я думаю, да. Наверху в одном из отделов Тейлор меня попросил: идите к Лобанову и скажите ему, пусть он сегодня придет и примерит шубу. Сказал мне на английском языке. Тейлор русского языка совершенно не знал. Я пошел наверх в контору, где Лобанов работал. В это время я спросил у него технический вопрос, которым комиссия интересовалась – относительно реакции генератора. Потом сказал: придите к нам на квартиру сегодня примерить шубу. Он сказал: хорошо. Лобанов об этой шубе уже знал. Вечером пришел Лобанов на квартиру. Я вызвал Тейлора и сказал: вот вам Лобанов. Сказал ему по-английски.

На предварительном следствии я сказал, что комната была Тейлора. Теперь я точно знаю: моя комната в общей квартире. Мы с Тейлором жили вместе. Тейлор принес шубу и показал ему. Они стали договариваться о цене. На предварительном следствии я сказал вам кажется 400 рублей. Теперь я знаю точно. Эта сумма – 500 рублей. На предварительном следствии я сказал: я думаю, присутствовала жена. Теперь я это точно знаю. На очной ставке с Лобановым я говорил: присутствовала жена Нордволла и присутствовал Тейлор. Тейлор продал свою шубу. Условились, что когда Тейлор уедет в Англию, мы пошлем Лобанову шубу. На следующий день в коридоре здания Ивгрэса Лобанов передал мне 500 рублей.

Председатель. Вам лично передал?

Нордволл. Мне лично.

Вышинский. Вы подтверждаете тот факт, что Лобанов приобрел какую-то шубу?

Нордволл. Купил шубу.

Вышинский. И вы помогли, с одной стороны, Тейлору, с другой стороны, Лобанову в приобретении этой шубы? Помогали ему в этой покупке?

Нордволл. Да.

Вышинский. По просьбе кого?

Нордволл. Тейлора.

Вышинский. Деньги за эту шубу Лобанов платил Тейлору?

Нордволл. Нет, дал мне для передачи Тейлору.

Вышинский. В этот день или на следующий?

Нордволл. На следующий.

Вышинский. Вы получили эти деньги?

Нордволл. Да.

Вышинский. И передали ему?

Нордволл. Тейлор сказал, что мне не нужны сейчас деньги.

Вышинский. Почему не ответить прямо?

Нордволл. В этот день я деньги не отдал.

Вышинский. Вы говорили, что на следующий день получили деньги от Лобанова и передали их Тейлору?

Нордволл. Но не в тот же день.

Вышинский. Вы показали, что Тейлор получил эти деньги в кассе конторы за ваш счет.

Нордволл. Да, я так сказал.

Вышинский. А потом, когда проверили по кассе, то оказалось, что в книге этого нет?

Нордволл. Это верно.

Вышинский. Тогда вы вспомнили, что это было иначе и что вы заплатили Тейлору путем перевода на Лондон? Была такая длинная операция?

Нордволл. Это не длинная операция, потому что Тейлор не хотел провести через свой счет такую большую сумму.

Вышинский. Значит единственный случай, когда вы имели денежное дело с Лобановым, это шуба?

Нордволл. Да.

Вышинский. При этом вы отказались от своего показания, данного на предварительном следствии?

Нордволл. Не полностью, а частично. Я ошибочно говорил о вещах, которые были давно.

Вышинский. Итак зафиксируем ваши ошибки. Первая ошибка, что вы в тот же день или на следующий, получив от Лобанова деньги, передали их Тейлору. Этого на самом деле не было. Правильно это или нет? Я попрошу вас отвечать на мои вопросы.

Нордволл. Скажите еще раз.

Вышинский. С большим удовольствием. Вы сейчас заявили, что на предварительном следствии вы допустили несколько ошибок по этому вопросу. Я хочу сейчас установить, какие ошибки были вами тогда допущены, какие ошибки вы сделали на предварительном следствии. Первая ошибка – вы заявили на предварительном следствии, что деньги за шубу от Лобанова получили в тот же день или на следующий и передали их Тейлору. На самом деле этого не было. Это ваша первая ошибка. Правильно? Да или нет?

Нордволл. Да.

Вышинский. Это ваша первая ошибка. Вторая ошибка, вы заявили, что вы получили 400 рублей, а сейчас заявляете, что получили 500 рублей. Это ваша вторая ошибка – да или нет?

Нордволл. Я так заявил.

Вышинский. Это ваша вторая ошибка?

Нордволл. Да.

Вышинский. Третья ошибка – вы заявили, что эти деньги были списаны с вашего счета, в вашей конторе в Москве. Когда была произведена проверка следователем книг вашей бухгалтерии, в вашем присутствии, то что оказалось?

Нордволл. Этой суммы не было. И я сразу вспомнил, как послал эти деньги.

Вышинский. Четвертая ошибка – после вы вспомнили, что деньги были переданы Тейлору не в Москве, а в Лондоне, в подтверждение чего представили телеграмму. На какую сумму была телеграмма – на 400 или на 500?

Нордволл. На 500.

Вышинский. Пятая ошибка – вы говорите, что не 400, а 500 р., то есть то, что значится в той телеграмме – правильно?

Нордволл. Нет, когда, я был освобожден и пришел домой, я спросил жену – сколько Лобанов платил за шубу. Она сказала – 500.

Вышинский. В телеграмме было 500, и сегодня вы впервые говорите, что 500?

Нордволл. Раньше я сказал кажется 400 рублей.

Вышинский. Здесь говорится следующее: «Тут они сговорились о цене в 400 рублей. Эту сумму мне Лобанов дал или тогда или на следующий день, я передал Тейлору. Тейлор получил эту сумму в кассе конторы за мой счет, причем она была списана с моего счета в конторе».

Нордволл. Посмотрите на показания перед этими показаниями, где я сказал: «Кажется 400 рублей».

Вышинский. 500 вы называли?

Нордволл. Нет, я сказал: кажется, 400 р.

Вышинский. Вы называли эту цифру в 500 р.?

Нордволл. Нет. Я дал вам заявление, теперь понятно, как эта сумма была передана Тейлору.

Вышинский. Мы установили несколько ошибок, которые были допущены. Теперь вопрос Лобанову. Вы платили ему 400 рублей за шубу?

Лобанов. Нет.

Вышинский. Как получили шубу – от Тейлора?

Лобанов. Шубу получил я от Нордволла.

Председатель. У вас нет вопросов больше?*

Рогинский. Нет.

Председатель. У защиты есть?

Пинес. Есть. Вам было 10 лет, когда умер ваш отец?

Лобанов. Около этого. Может быть 11.

Пинес. Большие средства остались?

Лобанов. Нет, не осталось.

Пинес. На чей счет вы учились в гимназии и в институте?

Лобанов. На счет брата и сестры.

Пинес. А в институте?

Лобанов. И на счет брата, и на свой счет, и на счет жены.

Пинес. Вы показывали, что в институте в Иванове вы учились с 1920 г. по 1928 г. Почему так долго?

Лобанов. 2 года я работал на производстве.

Пинес. Сколько, лет был курс?

Лобанов. Сколько угодно. Я не помню, чтобы ограничивали курс.

Пинес. Когда вы были в Политехническом институте, в какой среде вы вращались? Кроме учебы вы интересовались общественной жизнью, политическими вопросами, были ли в каких-либо кружках?

Лобанов. Нет, в кружках не был.

Пинес. Газеты читали?

Лобанов. Изредка.

Пинес. Можно сказать, что политическими вопросами совсем не интересовались?

Лобанов. Да.

Пинес. Чем интересовались кроме учебы?

Лобанов. Техническими вопросами.

Пинес. Когда поступили в Ивгрэс, через некоторое время вас отправили на курсы по поднятию квалификации. Почему именно вас? Какой порядок существовал? Это за счет станции?

Лобанов. Да. Как хорошего работника, конечно, технического исполнителя, а не как общественника.

Пинес. Когда вы вернулись с этих курсов на станцию, сколько времени вы там прослужили до первой встречи с Нордволлом в качестве инженера?

Лобанов. Примерно год, немножко меньше.

Пинес. Вы говорили, что у вас вообще было настроение и взгляды антисоветские.

Лобанов. Да.

Пинес. Эти ваши взгляды, настроения выражались в чем-нибудь, в поступках, действиях и так далее?

Лобанов. В действиях не выражались.

* Опытный «наперсточник» А.Я. Вышинский отвлек внимание суда и почтенной публики тем, что полчаса драгоценного судебного заседания развлекал ее поддержанием разговоров о паршивой, пусть и дорогой шубе. И так и не переключился на гораздо более актуальную тему – так передавал Нордволл Лобанову 5 тыс. руб. «на вредительство» или нет?!! Последний ранее продолжал настаивать на этом, а Нордволл так и не раскололся! Выходит, эта тема была негласно «утверждена» – Нордволл передал 5тыс. руб и все тут?!!

Пинес. Это были только внутренние настроения? Ни в чем вы это не выражали, и это не проявлялось?

Лобанов. Нет.

Пинес. Сколько времени вы были знакомы с Нордволлом и сколько приблизительно у вас с ним было бесед до того, как он сделал вам предложение, что нужно переходить от слов к делу, какой промежуток времени?

Лобанов. Несколько месяцев.

Пинес. На протяжении этих двух месяцев как часто вы встречались и вели разговоры неделовые?

Лобанов. Встречались часто, и эти разговоры велись несколько раз в месяц.

Пинес. У него на квартире, кроме как были по поводу шубы, вы там не были?

Лобанов. Не был.

Пинес. А он у вас?

Лобанов. И он не был.

Пинес. Вы говорите, что он сам вас часто вызывал на антисоветские разговоры, зная ваши тогдашние убеждения. Что, эти убеждения потом изменились?

Лобанов. Убеждения менялись, настроение антисоветское портилось, я приходил к раскаянию. Это меня мучило, иногда до нездоровья доводило, но все-таки я возвращался опять к своей работе, несмотря на то, что нравственные мучения были и сознание своей неправоты проявлялось во все время моей работы.

Пинес. Вы еще называли членов своей организации – Лебедева и Угрюмова, вы их посвящали в ваши взаимоотношения с Нордволлом?

Лобанов. Нет. 46

Пинес. Лебедев знал, что вы встречаетесь с Нордволлом и что работаете по его инициативе?

Лобанов. Когда я производил вербовку Лебедева, то я указал, что это дело идет по инициативе Нордволла и Эллиота.

Пинес. Вопрос к Лебедеву: это было вам указано?

Лебедев. Было.

Пинес. В какой форме?

Лебедев. Я был на квартире у Лобанова, и он мне говорил, что эта работа проводится по инициативе Нордволла и Эллиота.

Пинес. А с кем вы были связаны?

Лебедев. С Эллиотом.

Пинес. Больше вопросов к Лебедеву нет. Теперь к Лобанову. Скажите, по поводу этой шубы, он вам предложил или вы искали эту шубу?

Лобанов. Я его попросил, чтобы он при поездке в Англию привез мне шубу. Я сначала сказал, что не шубу, а что-нибудь из верхних вещей, но желательно шубу. Он привез шубу.

Пинес. Вы говорите, что у вас несколько раз настроения менялись и вы хотели бросить вредительство?

Лобанов. Да.

Пинес. Это было до получения от Нордволла денег или после?

Лобанов. Непрерывно.

Пинес. Первые колебания были до получения денег или после? Вы показывали, что первые деньги получили – 3 000 рублей – в июне месяце 1931 г., а колебания были до июня или после июня?

Лобанов. Были колебания на протяжении всей этой работы.

Пинес. Не было случая, чтобы вы говорили Нордволлу, что вы хотите кончить это дело?

Лобанов. Не говорил.

Пинес. Что вас удерживало?

Лобанов. Я думал, что бесполезно об этом с ним говорить, что он мог мне сказать? Я советоваться с ним в этом отношении не собирался, если бы хотел бросить, я бы без него мог бросить.

Пинес. Разрешите несколько вопросов задать Нордволлу. Скажите, обвиняемый Нордволл, какие, по-вашему, у вас были отношения с Лобановым. Вы говорили, что о вредительстве с ним не говорили. Какие были отношения – чисто официальные, служебные?

Нордволл. Официально-служебные кроме одного случая, когда я помогал продавать шубу.

Пинес. У вас были с ним такие же отношения, как с другими инженерами этой станции?

Нордволл. Да.

Пинес. Чем объяснить, что вы принимали такое горячее участие при приобретении шубы, которая нужна была Лобанову?

Нордволл. Как – «горячее»?

Пинес. Ради шубы вы приглашаете его на квартиру.

Нордволл. Я по-русски говорю хорошо, а Тейлор человек, который плохо говорит по-русски, он недавно в Советском союзе, и я ему взялся помогать как человеку – не больше. Каждый из присутствующих здесь в зале сделал бы то же.

Пинес. Больше у меня вопросов нет.

Председатель. Есть еще вопросы?

Долматовский. У меня вопрос к Лобанову. Скажите пожалуйста, подсудимый Лобанов, вы в домашнем порядке не встречались с Нордволлом или встречались только на производстве и в поезде?

Лобанов. В домашней обстановке был, когда мерил шубу.

Долматовский. Кроме этого случая с шубой вы на производстве вместе с ним работали?

Лобанов. На одном производстве.

Долматовский. С какого времени?

Лобанов. С осени 1930 г. по осень 1931 г., примерно с год.

Долматовский. Вы сначала заведывали эксплуатационным цехом?

Лобанов. В это время я с ним сталкивался.

Долматовский. А когда работали на Ивгрэсе?

Лобанов. Он работал на первой подстанции и наездами бывал у нас на Ивгрэсе.

Долматовский. Значит на одном производстве?

Лобанов. Я на одном, он на разных.

Долматовский. Сколько времени вместе с ним работали?

Лобанов. С полгода.

Долматовский. Какое было ваше производство, какое его и как часто с ним встречались?

Лобанов. Я был заведующим эксплуатационным отделом, а он работал по монтажу электрического устройства на Ивгрэсе.

Долматовский. Как часто на производстве можно было вести разговоры не по вопросам производства?

Лобанов. Можно было говорить сколько угодно времени.

Долматовский. В течение полгода совместной работы на производстве вы не можете сказать, сколько раз в день вы с ним говорили или сколько раз в неделю?

Лобанов. Бывало, что десять раз в день, а бывало один раз в неделю, когда приезжал.

Долматовский. Я говорю о том времени, когда работали вместе.

Лобанов. Несколько раз в день. Бывало время, когда встречались, или так подойдешь и начнешь говорить.

Долматовский. Меня интересует вопрос, как часто вы могли вести с ним разговоры, не касающиеся служебных дел?

Лобанов. Мог вести или фактически вел?

Долматовский. Могли вести и фактически вели.

Лобанов. Мог я вести антисоветские разговоры с утра и до ночи, а фактически это было во всяком случае несколько раз в месяц.

Долматовский. Значит не так часто – это могло быть три-четыре, два раза в месяц и стало быть на протяжении 6 месяцев – раз восемнадцать.

Лобанов. Точно я не фиксировал, но вроде этого.

Долматовский. В поезде как часто вы встречались?

Лобанов. Тоже несколько раз в месяц.

Долматовский. И тоже в течение полугода?

Лобанов. Да.

Долматовский. В поезде вы обычно одни бывали, или еще кто-нибудь был?

Лобанов. Бывали и другие.

Долматовский. Кто именно, какого рода люди – те же Лебедев, Эллиот?

Лобанов. Разрешите вам обрисовать поездную обстановку. В поезде Ивгрэс – Иваново было специальное купе для служащих. В этом купе ездили иностранцы, которые работали, в том числе и Нордволл. И я пользовался этой привилегией, но не все служащие имели право ездить – только несколько человек. Так вот, представьте себе обстановку шумящего, гремящего поезда – ведь вагоны не международного общества, а громоздкие, шумящие вагоны. Во время хода поезда можно говорить, что угодно, и рядом сидящий человек не услышит этого. Обычно публики было не так много – иногда конечно и бывало так, что все скамейки были заняты, но все же все сидели, а не стояли, так что было просторно.

Долматовский. Значит разговор было вести удобно?

Лобанов. Удобно.

Долматовский. А Нордволл тогда хорошо говорил по-русски?

Лобанов. Прилично.

Долматовский. С какого времени он в СССР?

Лобанов. Этого я не знаю, я стал встречаться с ним с осени 30 года.

Долматовский. И вы говорите, что он тогда хорошо говорил по-русски?

Лобанов. Прилично.

Долматовский. Прилично – хуже или лучше, чем теперь?

Лобанов. Похуже, чем теперь, но прилично.

Долматовский. Но ведь он и теперь нельзя сказать, что хорошо говорит по-русски. Как можно было с ним вести разговор на сложные темы?

Лобанов. Особо сложных тем не было – антисоветские разговоры иногда с двух слов ясны.

Долматовский. Скажите пожалуйста, с какого времени началось ваше раскаяние?

Лобанов. Оно было в течение всего периода моей вредительской работы.

Долматовский. Но первоначально до февраля месяца этих раскаяний не было?

Лобанов. Колебания были.

Долматовский. В сентябре, октябре, ноябре 1930 г. вы еще не вели вашей работы?

Лобанов. Я вас не понимаю.

Долматовский. Я вас спрашиваю, когда начались ваши раскаяния по поводу вашего поведения в Советском союзе, о чем вы говорили?

Лобанов. Когда я начал вредительскую работу.

Долматовский. Когда вы начали вредительскую работу?

Лобанов. С того момента, когда я получил задание от Нордволла на это дело.

Долматовский. Приблизительно вы можете сказать?

Лобанов. Примерно в марте, в феврале.

Долматовский. Следовательно сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь вы еще не раскаивались. Вы еще не вели вредительскую работу и не раскаивались.

Лобанов. Конечно не раскаивался. Не в чем было раскаиваться.

Долматовский. Почему вам нужен был толчок извне для того, чтобы вести антисоветские разговоры? Вы утверждаете, что инициал тором этих разговоров были не вы, а Нордволл?

Лобанов. Я этого не утверждаю. Я сам поддерживал эти разговоры, сам затевал.

Долматовский. На производстве фактически у вас были длительные разговоры?

Лобанов. С кем?

Долматовский. С Нордволлом.

Лобанов. Особенно длительных разговоров не было.

Долматовский. Мимолетные разговоры?

Лобанов. Что понимать под мимолетными? Не то, что идешь мимо, расшаркался, сказал здравствуйте – и все. Были разговоры, но не такие, чтобы по полдня сидели и говорили.

Долматовский. Вы начали вредительскую работу приблизительно с марта 1931 г. Так?

Лобанов. Да.

Долматовский. Получили впервые деньги, как вы утверждаете, в мае-июне 1931 г.?

Лобанов. В июне 1931 г.

Долматовский. На какую сумму получили?

Лобанов. 3 000 рублей.

Долматовский. Вы все время так получали?

Лобанов. Все время.

Долматовский. Получили 3 000, потом 2 000?

Лобанов. Да.

Долматовский. А вы не говорили, что получили 2 000 для того, чтобы скрыть, что вы со своими товарищами не со всеми поделились?

Лобанов. Это дело было не так.

Долматовский. А как было?

Лобанов. Я на следствии показал, что дал Китаеву 1 000 рублей. На самом деле не давал.

Долматовский. А сегодня говорили, что дали?

Лобанов. Нет, не говорил.

Долматовский. Как вы расцениваете шубу?

Лобанов. Не продавал ее, не знаю.

Долматовский. Но вы ее получили?

Лобанов. Получил.

Долматовский. Вы просили, чтобы вам шубу привезли?

Лобанов. Просил.

Долматовский. Заблаговременно?

Лобанов. Заблаговременно.

Долматовский. В мае месяце? Вы знали, что вам шуба понадобится?

Лобанов. Я знал конечно, что зимой требуется шуба.

Долматовский. Но вы об этом помнили еще в мае месяце?

Лобанов. Не только в мае, июне, но и зимой помнил.

Долматовский. Деньги все-таки считали, когда Нордволлу передавали?

Лобанов. Как считал?

Долматовский. Когда шубу вам подарили, как вы говорите, вы прикинули, сколько она стоит?

Лобанов. Да, примерно.

Долматовский. Что, примерно?

Лобанов. Я не оценивал ее стоимость. Шуба довольно приличная.

Долматовский. На деньги не переводили ее?

Лобанов. Особенной нужды в этом не было.

Долматовский. Следовательно вы получили не 3 000, а 3 000 плюс шуба, которая рублей 500 стоит?

Лобанов. Шуба?

Долматовский. Да.

Лобанов. Подороже.

Долматовский. Так что вы получили побольше?

Лобанов. Нет. Речь шла о деньгах.

Долматовский. Как инцидент с шубой протекал? Вы Тейлора не знали: кто он и что он. Впервые увидели его в квартире Нордволла?

Лобанов. Я вообще не знаю, что за Тейлор.

Долматовский. Это тот, которого вы называли толстым англичанином.

Лобанов. Если этот, то я его видел.

Долматовский. Опишите его подробно.

Лобанов. Толстый, насчет усов и бороды не помню, пожилой.

Долматовский. Больше признаков не знаете?

Лобанов. Нет.

Долматовский. Разрешите задать вопрос Кутузовой. Может ли она описать Тейлора и указать, в какое время он был в Иваново-Вознесенске [[все же Ивановская ГРЭС находится в 35 км от Иванова – в нынешнем Комсомольске](#)]?

Кутузова. Возраста Тейлора я не знаю, но приблизительно лет 30, среднего роста, прямой, обыкновенный нос, [[голова](#)] с достаточным количеством волос.

Долматовский. Что, подходит?

Лобанов. Насчет волос я не помню.

Долматовский. Теперь скажите, пожалуйста, вы утверждаете, что когда Нордволл стал к вам обращаться с вредительскими предложениями, то он сказал – давайте от слов перейдем к делу. Вы говорите, что именно так было сказано?

Лобанов. Да, так.

Долматовский. Значит он так хорошо говорил по-русски, что мог даже такие выражения употреблять?

Лобанов. Как видите.

Долматовский. Когда были совершены вами вредительские акты – вывод из строя мотора в марте 1931 г., выключение фидеров?

Лобанов. Это было непрерывно.

Долматовский. Но приблизительно?

Лобанов. Это было несколько раз, неоднократно.

Долматовский. В какой период?

Лобанов. В период в течение 1931 г. И в 1932 г. было, но в 1931[-м] больше.

Долматовский. Порча подшипников?

Лобанов. Это было весной 1931 г.

Долматовский. Весной?

Лобанов. Да.

Долматовский. Создание коротких замыканий?

Лобанов. Летом 1931 г.

Долматовский. Затем мотор дымососа, который вы сожгли?

Лобанов. Это недавно.

Долматовский. В котором году – в 1933?

Лобанов. Как будто в 1933[-м].

Долматовский. А ваша «работа» по фрезерному торфу, когда была?

Лобанов. В конце 1932 г., во второй половине.

Долматовский. Это когда вы служили в отделе рационализации?

Лобанов. Да, уже переходил и работал одновременно в качестве руководителя тепло-механической группы.

Долматовский. С какого времени служили в отделе рационализации?

Лобанов. Как будто с осени 1931 г.

Долматовский. А когда были руководителем механической группы?

Лобанов. Точно не могу сказать, как будто с зимы.

Долматовский. Когда по питанию котлов неудачно ударили?

Лобанов. Когда работал в отделе рационализации.

Долматовский. То есть приблизительно с осени 1931 г. Когда трансформатор подожгли?

Лобанов. В конце 1932 г.

Долматовский. Когда по телефонной связи вступили в соглашение с Ростовым?

Лобанов. В 1932 году.

Долматовский. В какой период это было?

Лобанов. Почти с начала 1932 г., весь год.

Долматовский. До того, как Нордволл натолкнул вас на вредительство, вы не занимались вредительством?

Лобанов. Нет.

Долматовский. Почему вы говорите, если надо было кончить вредительство, то вы без Нордволла могли сделать. Почему в одном случае требуется чужая инициатива? А тут вы могли свою проявить. Вы так самоуверенно сказали, что и без него обошлось бы.

Лобанов. У меня свои рассуждения были. Я могу мыслить и самостоятельно, но конечно мог быть и толчок. Я сказал, что мог мыслить самостоятельно, необязательно, что если Нордволл меня всунул в это дело, он же должен и вывести меня. Я только говорил о том, что по моему мнению он мог бы толкнуть меня к прекращению вредительства. Колебания тут были. Может быть кто-нибудь посторонний вмешался бы и мог меня вывести из этого положения.

Долматовский. Но не Нордволл мог бы вам помочь?

Лобанов. Может быть он принял бы такие меры или обстоятельства так сложились бы, что может быть и Нордволл послужил бы причиной.

Долматовский. Когда он предлагал начать вредительскую работу, говорил, что и деньги будете получать?

Лобанов. Говорил. Во всяком случае говорил, что в обиде не оставят, и я ожидал конечно побольше.

Долматовский. Вы ждали больше, и он говорил, что в обиде не оставят. Это точное его выражение?

Лобанов. Насчет точности это дело прошлое.

Долматовский. Насчет выражения «от слов к делу» вы твердо помните?

Лобанов. Да.

Долматовский. А «в обиде не оставят», этого не помните?

Лобанов. Возможно, что это не абсолютно точная формулировка, но смысл такой.

Долматовский. Какую же сумму назвал?

Лобанов. Никаких сумм не называл.

Долматовский. А когда получили 3 000 р., считали, что мало?

Лобанов. Считал, что маловато.

Долматовский. Вам или другим?

Лобанов. И тем и другим.

Долматовский. А вы знали, что Лебедев получает еще?

Лобанов. Нет.

Долматовский. Когда узнали?

Лобанов. Совсем не знал.

Долматовский. Сколько вы Лебедеву дали еще раз?

Лобанов. Один раз давал 1 000 рублей.

Долматовский. Он говорит, что меньше дали, вы у его жены брали займы? [по смыслу выходит, что это жена Лебедева должна была до этого занять, чтобы Лобанов дал меньше]

Лобанов. Не помню, может быть брал.

Долматовский. Он просил у вас займы?

Лобанов. Не помню.

Долматовский. Вы сейчас же после разговора с Нордволлом занялись организацией группы?

Лобанов. Что значит – организацией?

Долматовский. Она уже была организована?

Лобанов. Не то, что была организована; люди были налицо, особых усилий прилагать конечно не пришлось, чтобы сколачивать какую-то группу.

Долматовский. Она была налицо. Когда ее сколотили?

Лобанов. Я ее не сколотил. Она сама сколотилась.

Долматовский. Когда это было?

Лобанов. На протяжении моей работы на Ивгрэсе.

Долматовский. Когда вы сообщили впервые Лебедеву?

Лобанов. Примерно в марте.

Долматовский. Он сейчас же сказал, что завербован?

Лобанов. Он мне не говорил.

Пинес. У вас на службе в Ивгрэсе был отдельный кабинет?

Лобанов. Да.

Пинес. Нордволл имел возможность вести с вами разговоры, чтобы вас никто не слышал?

Лобанов. Да.

Пинес. Эти разговоры были?

Лобанов. Были.

Пинес. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы к Лобанову?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Садитесь, подсудимый Лобанов. Подсудимый Лебедев, пожалуйста сюда. У суда вопросов нет. Какие вопросы будут у прокуратуры?

Вышинский. Подсудимый Лебедев, расскажите, когда вы начали работать в Ивгрэсе, в какой должности, как встретились с Лобановым на вредительской работе, расскажите кратко, как вы вредили, почему?

Лебедев. В 1930 г. 8 мая я поступил на Ивгрэс в качестве мастера электрической мастерской. Заведующим в той мастерской был старший техник Угрюмов. В декабре месяце 1930 г. я познакомился с Лобановым, который приехал на Ивгрэс. С 27 декабря приказом я был переведен на эксплуатацию в качестве мастера и работал под ведением Лобанова. С Лобановым и Угрюмовым я вел знакомство. Был у того и другого на квартире. Когда я приехал в Ивгрэс, я был антисоветских взглядов. Встретивши в этой компании Лобанова и Угрюмова, мои антисоветские взгляды усугубились, потому что тот и другой были точно таких же взглядов. В марте 1931 г. я познакомился с английским специалистом мистером Эллиотом, который был приглашен ко мне на квартиру по инициативе гражданки Волковой, которая устраивала у нас вечеринку. Почему она избрала мою квартиру для вечеринки? Потому что у нас квартира была из двух комнат, а она помещалась в одной комнате, и кроме того с ней там жили две посторонних женщины.

Вышинский. А кто эта Волкова?

Лебедев. Это машинистка, служащая конторы Ивгрэс.

Вышинский. А раньше эта машинистка была с вами знакома?

Лебедев. Она была знакома со мной и с моей семьей. С Лобановым она была знакома гораздо раньше.

Вышинский. Когда Волкова организовала вечеринку, был на этой вечеринке Лобанов?

Лебедев. Был Лобанов, Эллиот и много посторонних людей. У Лобанова были вечеринки, но я на них не присутствовал. После вечеринки Эллиот стал посещать мою квартиру каждый вечер, принося с собой всегда выпивку. Вечером бывали у Волковой танцы, и он всегда с собой брал патефон. Спустя несколько дней Лобанов попросил меня зайти к нему вечером на квартиру. Я у него бывал иногда без всяких приглашений, но на этот раз он меня пригласил. Когда я зашел к нему вечером на квартиру, сначала мы с ним беседовали на антисоветские темы, он проявлял недовольство строем, я его поддерживал. Говорили о материальном положении. В конце нашего разговора Лобанов предложил выправить мое материальное положение, так как я в этот период нуждался.

Вернусь немножко назад. До перехода на эксплуатацию из электромастерской я имел дополнительный заработок в 110 рублей к моему окладу в 200 рублей. Это меня удовлетворяло. Когда же я перешел на эксплуатацию, я этих 110 рублей лишился, так как в связи с моей работой мне не представлялось возможности вести занятия с учениками по настоянию Лобанова. В этот вечер, когда мне Лобанов предлагал вступить в контрреволюционную группу, он хотел исправить эту ошибку, то есть лишение меня заработка в 110 рублей, и сказал мне, что имеется задание от Нордволла и Эллиота портить оборудование и выводить его из строя и этим подрывать работоспособность Ивгрэс.

Первое время я немножко колебался, но потом был согласен. Лобанов мне сказал, что Нордволл обещал за это заплатить прилично. На другой день я продумал то, что говорил Лобанов, и я увидел, что я упустил из виду, что моим непосредственным начальником является старший техник Угрюмов. Столкнувшись с этим вопросом, я решил, что если об этом узнает Угрюмов, то дело раскроется. Поэтому я хотел выяснить это у Лобанова. И на другой день выяснил. Лобанов сказал, что Угрюмов человек свой и его бояться не надо. В этом отношении я почти успокоился, но все-таки хотел проверить и того и другого. Как раз представился случай – в марте месяце я работал на насосной площадке над мотором питательного насоса. Там проводились работы. Работали каменщики по пробивке бетона. Мотор был не покрыт, сыпался песок и камешки.

Об этом мне как раз сказал дежурный электрик, который был в моем подчинении, что нужно мотор покрыть. Я ему ответил, что надо разыскать какой-нибудь предмет, парусину, чтобы закрыть мотор. Так как мы только перешли на эксплуатацию, в нашем распоряжении не было таких принадлежностей для того, чтобы закрыть мотор. Мотор остался незакрытым, и песок продолжал сыпаться. Я об этом доложил Угрюмову, привел его на место работы, сказал – сыплется песок, нужно принять какие-нибудь меры. Угрюмов мне ничего определенного не ответил, сказал – закройте, и больше ничего. Но закрыть было нечем, так и осталось. На другой день во время работы подшипники мотора стали нагреться. Я опять-таки доложил об этом Угрюмову. Угрюмов говорит, что нужно проверить температуру и если она не будет увеличиваться, то подшипники обойдутся, и мотор будет работать. Я мер никаких не принял.

В результате получилось, что температура подшипников все время увеличивалась и в конце концов пришлось мотор остановить. При разборке оказалось, что была попорчена шейка вала и часть подшипников. Эта первая моя вредительская работа, которую я провел по заданию Лобанова. Далее моя вредительская работа производилась в котельном отделе у 1-го, 2-го и 3-го котлов. Я производил там порчу кабеля с тем, чтобы остановить моторы, которые вращают редуктора. Таких аварий с этими моторами было много. Некоторые аварии влекли за собой очень большие простои котлов, то есть в основном моторы прогревались, приходилось разбирать топку котла, что продолжалось примерно с неделю. Котел выбывал из строя. Таких простоев я насчитываю приблизительно около 5. Были и другие простои, но меньше, то есть моторы выключались, но их быстро восстанавливали. Это вторая моя вредительская работа.

Третья работа у меня была проведена с мотором пожарного насоса. Ввиду того, что к мотору насосы для сырой воды у нас не были получены, был приспособлен пожарный насос. Этот пожарный насос имел дефект: была трещина от контактной коробки и кабельной муфты, подводящей ток к моторам. На этот дефект мне было указано Лобановым, чтобы я сосредоточил на нем свое внимание. Так как мотор высоковольтный и с ним нужно было обращаться осторожно, я сначала проверил, в каком положении находится контактная коробка. Эта трещина контактной коробки была заделана краской. Во время работы эта трещина увеличилась, так как мотор во время работы нагревался и в эту щель попадала сырость. Перед аварией, которая случилась вечером, приблизительно около 5 часов, я сделал так. Так как мотор обслуживал персонал котельной, мне нужно было, чтобы в эту коробку попала сырость. Поэтому я, осматривая мотор при прохождении каждый день, стал пробовать, как качает насос. Открыл кран. При открытии крана вода попала на мотор, и так как мотор овальной формы, то она стала стекать в коробку. Попав в коробку, она не сделала короткого замыкания, но во время работы мотора, когда мотор имел температуру порядка 50 градусов, она постепенно испарялась и сделала короткое замыкание па землю между болтами контакта. Получился взрыв. Оторвалась крышка – самое слабое место. Мотор был выведен из строя на два дня.

Четвертая авария с центробежным насосом хаус-турбины. Я сказал, что авария с пожарным насосом была в августе месяце. А в первых числах сентября была четвертая авария с центробежным насосом хаус-турбины. Там получилось короткое замыкание контактной коробки. Получился взрыв. Обгорела часть кабеля, выходящая из муфты. Мотор стоял около 3 дней.

Вышинский. Это все?

Лебедев. Да.

Вышинский. У меня вопрос насчет этих вечеринок у Волковой. Там был Балдин?

Лебедев. Да.

Вышинский. У вас на станции был военный отдел?

Лебедев. На станции – нет.
Вышинский. А где он был?
Лебедев. На станции не было.
Вышинский. А где Балдин работал
Лебедев. На 4-м механическом заводе имени Королева.
Вышинский. Там был военный отдел?
Лебедев. Да. Был военный отдел.
Вышинский. Вам не известно, чтобы на этих вечеринках Балдина кто-нибудь спрашивал про этот военный отдел?
Лебедев. Я слышал разговор, а кто первый спросил – я не знаю.
Вышинский. Вы слышали разговор о военном отделе?
Лебедев. Да.
Вышинский. Между кем?
Лебедев. Там был Эллиот.
Вышинский. С кем он разговаривал?
Лебедев. С Балдиным.
Вышинский. О чем?
Лебедев. У них был разговор на тему о том, что вырабатывает вообще завод.
Вышинский. А военный отдел причем? Балдин рассказывал о работе военного отдела?
Лебедев. Да.
Вышинский. Рассказывал он Эллиоту?
Лебедев. Да.
Вышинский. А вы как слышали?
Лебедев. Я был в этой комнате, недалеко от них сидел.
Вышинский. Рядом?
Лебедев. Нет, не рядом, немного ближе, чем вы.
Вышинский. Это был один случай или часто?
Лебедев. У меня один только случай.
Вышинский. У вас только один случай. Ну, а еще какие разговоры были на этих вечеринках, кроме военных разговоров?
Лебедев. На этих вечеринках разговоров особых не было.
Вышинский. Советские или антисоветские разговоры?
Лебедев. Были и те и другие.
Вышинский. Кто вел советские и кто антисоветские?
Лебедев. Балдин их вел и я вел, и Лобанов вел.
Вышинский. А Эллиот?
Лебедев. То же самое.
Вышинский. А Волкова?
Лебедев. То же самое.
Вышинский. А Волкова и раньше была знакома с разными монтерами?
Лебедев. Мне неизвестно, потому что я приехал только 8 мая 1930 г, а она работала еще раньше несколько лет.
Вышинский. С Нордволлом она была знакома?
Лебедев. Да.
Вышинский. Разрешите вопрос Нордволлу. Гражданин Нордволл скажите, вы были знакомы с этой Волковой?
Нордволл. Под этой фамилией не знаю.
Вышинский. Вы не помните?
Нордволл. Нет.

Вышинский. Эллиот был?

Лебедев. Да.

Вышинский. Вы встречались?

Лебедев. Когда я был на Ивгрэсе, я с ним встречался.

Вышинский. Относительно денег вы подтверждаете или вносите поправку – 1 000 рублей или меньше?

Лебедев. Я от Лобанова получил 150 рублей в июне месяце, а в июле 100 рублей, всего 250 рублей. От Эллиота – 140 и в апреле 200 рублей.

Вышинский. А за что?

Лебедев. Он мне говорил, что это на выпивку.

Вышинский. Это для чего, а я спрашиваю – за что?

Лебедев. 140 рублей получил в погашение тех расходов, которые производились на устройство этих вечеринок, устраиваемых в складчину.

Вышинский. Один вопрос Торнтону. Подсудимый Торнтон, будьте добры сказать, вы получали какую-нибудь информацию от Эллиота?

Торнтон. Общего характера.

Вышинский. Вы слышали, что говорит подсудимый Лебедев, что он был свидетелем того, как Эллиот собирал сведения о работе военного отдела?

Торнтон. Да, я слышал.

Вышинский. Вы от этого Эллиота получали информацию?

Торнтон. Да, у нас Эллиот был.

Вышинский. И от него получали информацию?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит ваше показание на следствии, что вы получали информацию по [городу] Иванову от Эллиота подтверждаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У меня один вопрос к Лебедеву. Вы очень подробно рассказали обо всем этом вредительстве, но не сказали, для чего все это делали, во имя каких целей. Из-за денег? Но вы очень мало получали? Откуда такая ненависть к советской власти?

Лебедев. Дело вот в чем. Я говорил здесь, что я материально нуждался. Мне Лобанов обещал, что я получу вознаграждение, и я думал, что я получу эти деньги, но в результате я не получил.

Председатель. Почему занимались этим вредительством? Только из-за денег или потому, что была антисоветская настроенность?

Лебедев. И то, и другое.

Председатель. Перерыв до 6 часов.

Заседание закрывается в 15 часов 10 минут.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 14 апреля 1933 г. 18 час 15 мин

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание возобновляется. Подсудимый Лебедев. У прокуратуры больше вопросов к Лебедеву нет?

Прокуратура. Нет.

Председатель. У защиты?

Долматовский. Скажите, Лебедев, на вечеринках, которые устраивались Эллиотом, участвовал Нордволл или нет?

Лебедев. Не участвовал.

Долматовский. Вы считали Нордволла своим другом?

Лебедев. Я ходил туда несколько раз.

Долматовский. Вы его считали в вашей группе?

Лебедев. Нет. Я имел дело с Лобановым.

Пинес. Кем были ваши родители?

Лебедев. Отец – служащий конторы.

Пинес. Когда вы начали работать?

Лебедев. С 16 лет.

Пинес. И до момента ареста?

Лебедев. 30 лет я работал на производстве и 6 лет служил во флоте.

Пинес. Кем служили во флоте?

Лебедев. Сначала рядовым, а потом окончил школу и был унтер-офицером.

Пинес. В качестве кого вы все время работали, ваша специальность?

Лебедев. Электротехник.

Пинес. Образование специальное получили?

Лебедев. Нет. Я учился здесь в Москве. Затем в военной школе 2 года. Остальное практика.

Пинес. Вы до самого последнего времени, до ареста служили на Ивгрэсе или раньше ушли и если ушли, то почему? Когда вы кончили служить на Ивгрэсе?

Лебедев. 2 ноября 1931 г.

Пинес. Куда потом перешли?

Лебедев. То же в Ивгрэс, но на электросеть.

Пинес. Сами ушли?

Лебедев. Сам, потому что меня перевели из мастеров в бригадиры, я на это не согласился и ушел.

Пинес. Когда вы ушли на другую службу, то вы имели связь с Эллиотом?

Лебедев. Нет.

Пинес. Значит ваша преступная деятельность прекратилась?

Лебедев. Да.

Пинес. А сколько вы получали жалованья?

Лебедев. 200 рублей, затем с 1 марта прибавили 50 рублей.

Пинес. Какая была семья?

Лебедев. 4 человека.

Пинес. На вашем иждивении?

Лебедев. Да.

Пинес. Когда была у вас вечеринка с участием Эллиота, когда отсутствовал Нордволл, упоминалось ли его имя в связи с какими-нибудь разговорами?

Лебедев. Да. Потому что Эллиот был хорошим приятелем Нордволла.

Пинес. В связи с чем упоминалось?

Лебедев. Эллиот говорил, что Нордволл привезет подарки, которые было обещано привезти из-за границы.

Пинес. А разговоры о вредительстве упоминались?

Лебедев. Да, Эллиот говорил.

Пинес. В присутствии вашем и Лобанова?

Лебедев. Да.

Пинес. Значит сомнений не было?

Лебедев. Нет.

Пинес. Больше вопросов нет.

Председатель. У прокуратуры вопросов нет?

Прокуратура. Нет. Председатель. Больше вопросов нет. Подсудимый Лебедев, садитесь. Подсудимый Нордволл, пожалуйста сюда. (Нордволл подходит.)

Рогинский. Помимо работы на Ивгрэсе еще на какой электростанции или заводе вы работали в СССР?

Нордволл. После Ивгрэса я работал на электростанции Минска, короткое время на испытании турбины. Потом участвовал в испытательной комиссии, которая испытывала турбины на Ивгрэсе. Около 15 января выехал из Иванова и был при конторе Московского представительства фирмы. Через некоторое время я получил командировку на станцию Нигрэс-Балахна. Там я работал с перерывами, небольшими, почти до 20 марта. После этого был несколько дней в Москве и получил командировку на Кузнецкстрой. В Кузнецкстрое работал до конца июля.

Оттуда получил командировку на завод имени Томского в Макеевке. На Макеевском заводе я был руководителем постановки электрооборудования на первом советском блюминге. В связи с этой работой к ноябрьским праздникам меня премировали грамотой как лучшего ударника Макстроя. В это время я дал твердое обещание сделать все возможное, чтобы закончить мою работу по первому советскому блюмингу до конца года, имея в виду, что это будет к концу пятилетки. Этот результат получился – мы пустили наш агрегат 30 декабря. Во время торжественного пуска советского блюминга строительная организация и общественность признали мою работу ударной и когда к нам на строительство приезжал народный комиссар товарищ Орджоникидзе, то строительная организация меня лично познакомила с ним, имея в виду, что я помогал строительству, что я старался все время не тратить валюты на строительство. Я был единственный электрик, но от нашей фирмы работали еще трое англичан. На торжественном собрании, на вечере, который был организован после пуска турбины, так же присутствовал товарищ Орджоникидзе. Меня построенный комитет пригласил в президиум и просил показать Макеевское строительство, как оно хорошо работает, не хуже, как в Англии и других странах. За эту работу меня официально премировали 1 000 рублями. Потом я продолжал работать на этом строительстве до дня ареста.

Рогинский. А помимо Макеевки, Минска, вы кажется работали еще на Мотовилихинском заводе?

Нордволл. Да, работал.

Рогинский. Когда?

Нордволл. Когда я работал в Иванове, я получил командировку – на обратном пути из Англии мне нужно было пустить электростанцию и проверить ее. Я там был несколько дней и там же получил телеграмму посмотреть генератор на Чегрэсе, на обратном пути из Перми.

Рогинский. На Мотовилихинском заводе у вас никаких неприятностей не было во время работы?

Нордволл. Очень серьезного ничего не было.

Рогинский. А не очень серьезного?

Нордволл. Я сейчас скажу. Там был синхронизирующий релэ, я должен был его проверить. Нужно было все соединения переделать. Я должен был проверить, точно ли мы соединили, как полагается, этот синхронизирующий релэ. В первый раз было хорошо, но потом наша турбина не работала, были пущены две турбины и в это время станция была выключена. Мы не знали, в чем дело, но на следующий день выявили причину и нам все стало ясно.

Рогинский. Кто-нибудь из конторы из Москвы приезжал на Мотовилиху в это время?

Нордволл. Кажется, до меня приезжал мистер Торнтон.

Рогинский. А в то время, когда случилась неприятность, кто там был?

Нордволл. В это время работал Олейник.

Рогинский (к суду). Можно задать в связи с этим вопрос Олейнику?

Председатель. Подсудимый Олейник (подходит).

Рогинский. Подсудимый Олейник, на Мотовилихе дело обстояло так, как изложил подсудимый Нордволл или несколько иначе?

Олейник. Не совсем так.

Рогинский. Изложите, как обстояло дело.

Олейник. Нордволл приехал туда для проверки схемы соединений электрических приборов. Я устанавливал там турбину. Моя часть механическая. Для проверки электрической части приехал Нордволл. Он проверил – все приборы. При пуске получился толчок, но не такой большой. Стали проверять, в чем дело, почему толчок. Как будто бы все проверено, все верно и все-таки получился толчок. Когда проверял Нордволл, был еще инженер-электрик от Мотовилихи Серебрянников. И все-таки они ничего не нашли. В конце концов дежурный монтер по щиту Новиков выяснил, что схема соединения синхронизированного релэ неправильная. После этого Нордволл согласился, что это неправильно.

Рогинский. На ком же лежит вина?

Олейник. Прежде всего схема неправильно была сделана заводом.

Рогинский. Каким?

Олейник. Манчестерским заводом «Метро-Виккерс».

Рогинский. А кто по этой схеме проводил здесь работу?

Олейник. Нордволл.

Рогинский. Он отвечает за то, что надлежащим образом работа не была проверена?

Олейник. Конечно отвечает.

Рогинский. На нем лежит ответственность за те дефекты, которые в результате мы имели на Мотовилихинском заводе?

Олейник. Конечно лежит. Для этой цели он и приехал.

Рогинский. Теперь вопрос подсудимому Нордволлу. Дело обстояло так, как говорит Олейник?

Нордволл. Нет. Толчок был, когда была синхронизация двух-трех других машин. Нашей машины не было. Наша машина в то время стояла. Две другие машины были синхронизированы.

Рогинский. Олейник излагает несколько иначе. Вы слышали?

Нордволл. Слышал. Он неправильно говорит.

Рогинский. Почему же получились те дефекты, которые вы сами здесь изложили? В результате неправильной схемы соединений или по другим причинам?

Нордволл. В результате неправильной схемы.

Рогинский. Но вы здесь проводили работу!

Нордволл. Я приезжал для проверки. Я сам проверил все релэ. Ничего не заметил. И не только я. Все ваши экспертные комиссии от Электроимпорта, который покупает наше оборудование, все инженеры Мотовилихинского завода все эти ошибки пропустили. Когда новое оборудование первый раз пускают, всегда бывает какая-нибудь детская болезнь. Каждый инженер это знает.

Рогинский. Значит вы считаете, что то, что произошло на Мотовилихинском заводе, есть случайность, а не умышленный технический недосмотр?

Нордволл. Совершенно случайный недосмотр.

Рогинский. Теперь вопрос Олейнику. Вы слышали показания Нордволла о его работе на Макеевке?

Олейник. Да.

Рогинский. Вы на Макеевку приезжали?

Олейник. Не приезжал, а работал вместе с ним.

Рогинский. Дело обстояло так благополучно, как рассказывал здесь Нордволл, или мы имеем и там дефекты, подобные тем, которые мы имели на Мотовилихе?

Олейник. Дефекты конечно были.

Рогинский. Дефекты какого порядка?

Олейник. Там было несколько дефектов.

Рогинский. Аварий или дефектов?

Олейник. Была авария.

Рогинский. Серьезная?

Олейник. Довольно серьезная.

Рогинский. Какое отношение эта авария имела к работе Нордволла?

Олейник. Если вы мне разрешите рассказать это подробно, потому что коротко я не умею.

Рогинский. Нет, вы покороче, но так, чтобы было ясно.

Олейник. Там была авария с двумя мотор-генераторами. У одного мотор-генератора разорвало муфту и часть бобины, на которой намотана обмотка якоря генератора. Этим куском, который отлетел, весом пуда в 3, разбило обмотку, а потом он отлетел рикошетом и повредил другой мотор-генератор. Таким образом сразу были выведены из строя два мотор-генератора.

Рогинский. Какая связь этой аварии с той работой, которую проводил на Макеевке Нордволл?

Олейник. Нордволл официально никакого отношения к этому не имел. Там было только пусковое релэ «Метро-Виккерс» и, как потом оказалось, релэ было включено неправильно.

Рогинский. Какое влияние это оказало на эту аварию?

Олейник. Дело в том, что как только начали пускать этот мотор-генератор, то ясно было каждому, в том числе и мне конечно, что мотор-генератор пускается ненормально, слишком быстро рвет. Об этом я говорил Нордволлу, но он сказал, что это не наше дело.

Рогинский. А чье это дело?

Олейник. Он говорил на том основании, что пусковое релэ «Метро-Виккерс» было передано без монтажа, устанавливал его штат Макстроя под руководством Добродеева, а раз «Метро-Виккерс» никакого отношения к монтажу не имеет, то официально и Нордволл не имеет.

Рогинский. Значит поскольку формально вы не отвечали как представитель конторы «Метро-Виккерс» за работу этих машин, то независимо от того, что для вас и, как вы уверяете, и для Нордволла была ясна неправильная работа этих машин, вы не считали себя обязанным предупредить возможность аварий этих машин? Я спрашиваю – правильно ли сделать такой вывод?

Олейник. Нет, неправильно.

Рогинский. Объясните, в чем неправильность.

Олейник. Хотя бы установка была другой фирмы, но если я вижу, что неправильно производится установка или пуск, а тем более, что это фирма «Метро-Виккерс», а не другая, то я должен обратить внимание на это.

Рогинский. А вы обратили внимание в данном случае?

Олейник. Я не мог обратить внимание, потому что я не электрик.

Рогинский. А кто обратил или должен был обратить?

Олейник. Я обратил внимание тогда, когда авария произошла.

Рогинский. А до аварии кто должен был обратить внимание?

Олейник. Формально Макстрой.

Рогинский. Я говорю не формально...

Олейник. А нравственно, морально Нордволл.

Рогинский. А он обратил внимание?

Олейник. Нет, он злорадствовал после аварии.

Рогинский. И не обратил внимания никого из персонала Макстроя?

Олейник. Он сказал, что в следующий раз будут требовать монтеров для монтажа.

Рогинский. Следовательно Нордволл вместо того, чтобы обратить внимание персонала Макеевского строительства, злорадствовал по этому поводу?

Олейник. Да, он сказал, что в следующий раз будут умнее и будут требовать монтеров, а не будут сами монтировать.

Рогинский. Правильно это показание, Нордволл?

Нордволл. Нет, неправильно.

Рогинский. Вы значит их отрицаете?

Нордволл. Я отрицаю основное, что он говорит, но некоторые аварии были, я этого не отрицаю. Авария была на агрегате мастера Плята.

Рогинский. Предупреждал вас Олейник о возможной аварии?

Нордволл. Нет.

Вышинский. Один вопрос к Олейнику. Меня интересует макеевская история. Выходит, что на Макеевке с блюмингом было неблагополучно?

Олейник. Это еще не все.

Вышинский. У меня такое впечатление. На блюминге имеется релэ этого прокатного стана. Правильно я представляю, что из-за того, что оно оставалось включенным при предохранителе, это создавало опасность серьезных аварий?

Олейник. Да, безусловно.

Вышинский. Почему это было?

Олейник. Нордволл сказал, что это ошибка завода.

Вышинский. Устранить ее надо было?

Олейник. Надо было.

Вышинский. Была она устранена?

Олейник. Нет.

Вышинский. Опасность аварии оставалась?

Олейник. Да.

Председатель. Больше вопросов нет?

Вышинский. Нет.

Председатель. Садитесь, подсудимый Олейник. У защиты вопросы есть?

Долматовский (к подсудимому Нордволлу). Вы не можете сказать, как протекала работа с блюмингом на Макеевке?

Нордволл. Работа на Макеевском заводе была очень благополучна.

Долматовский. Разрешите задать вопрос Олейнику. Вы считали уже себя членом контрреволюционной организации, когда предупреждали Нордволла?

Олейник. Считал.

Долматовский. Его тоже считали?

Олейник. Нет, меня предупредил Торнтон, что с Нордволлом надо быть очень осторожным, потому что он, если не совсем большевик, то без пяти минут большевик.

Долматовский. Значит, вы говорили, что надо что-то сделать, а он злорадствовал, между тем, вы знали, что он без пяти минут большевик?

Олейник. Нет, не совсем так. Это мне сказал Торнтон, я его не считал большевиком.

Долматовский. Вы считали его своим человеком в организации или нет?

Олейник. Больше, чем своим.

Долматовский. Что это значит?

Олейник. Потому что мне столько не доверяли, сколько ему.

Председатель. Кто не доверял?

Олейник. Фирма.

Долматовский. Вы не считали его своим в вашей контрреволюционной организации?

Председатель. Подсудимый Олейник под словом организация подразумевает вероятно не то, что вы. Поясните.

Долматовский. Я имел в виду не «Метро-Виккерс», а вашу организацию. Почему, когда вам Торнтон сказал, опасайтесь Нордволла, вы его предупреждали?

Олейник. Я не понимаю вашего вопроса.

Долматовский. Тогда не стоит. Я думаю, что суду ясно.

Вышинский. Ничего не ясно.

Председатель. Есть вопросы у защиты?

Долматовский (к подсудимому Нордволлу). Скажите, сколько времени вы были на Ивгрэсе?

Нордволл. Я на постоянной работе был первые два месяца после приезда, а после этого работал постоянно в городе Иваново-Вознесенске, это в 40 верстах от электростанции.

Долматовский. Правильно ли говорил Лобанов, что вы 6 месяцев работали на одном производстве?

Нордволл. Неправильно.

Долматовский. Подсудимый Лобанов, вы сказали, что работали вместе 6 месяцев.

Лобанов. Я говорил не о непрерывной работе, я говорил о прерывной работе.

Долматовский. Значит работали всего 6 месяцев в контакте?

Лобанов. Его работа была прерывной, он работал на электростанции [на электроподстанции] № 1 и работал на Ивгрэсе.

Долматовский. Сколько километров от 1-й электростанции до Ивгрэса?

Лобанов. Верст 30. Я об этом указывал.

Долматовский. У меня больше вопросов к Лобанову нет. Теперь я хочу уточнить некоторые подробности по поводу шубы. Вы деньги от Лобанова получили, затем куда вы их дели. Передали их вы Тейлору?

Нордволл. Эти деньги я передал Тейлору таким образом. Эти 500 рублей я положил в свой карман. Я имел в виду, что мне нужны деньги, потому что в то время я как раз 15 января уезжал в Ивановский район, моя жена оставалась в Иванове, и ей нужно было оставить деньги, пока я устроюсь на другое производство.

Долматовский. Когда вы женились?

Нордволл. Я женился 25 сентября 1931 г.

Долматовский. Когда вы научились более или менее хорошо говорить по-русски?

Нордволл. Я стал говорить лучше после знакомства с женой.

Долматовский. Кто ваша жена?

Нордволл. Она – сотрудница Огиза.

Долматовский. Она русская?

Нордволл. Да.

Долматовский. Постоянная жительница Иваново-Вознесенска?

Нордволл. До того, как я с ней познакомился, она жила там только 2 года.

Председатель. У других защитников есть вопросы?

Защита. Нет.

Председатель. У прокуратуры?

Прокуратура. Нет.

Председатель. У подсудимых? Нет. Нордволл, садитесь пожалуйста.

Долматовский. У меня в связи с этими показаниями есть просьба. Тут возникал вопрос об ошибках Нордволла, и я хотел бы обратить внимание на то, что на очной ставке, если Нордволл и ошибся в сумме стоимости шубы и вместо 500 он назвал 400, то он сказал: «кажется 400 рублей». Затем шла речь о другой более важной ошибке – на очной ставке Нордволл 15 марта сказал: «Эту сумму дал мне Лобанов на следующий день, а я передал ее Тейлору, вернее я не передал, а он получил эти деньги в кассе конторы за мой счет». Потом оказалось, что он ошибся, и я хочу установить, что он не передал лично эти деньги, а списал на свой счет.

Вышинский. Я прошу также суд удостовериться, что в деле Нордволла имеется его заявление о том, что он ошибся, говоря о расплате с Тейлором через Московскую контору «Метро-Виккерс», и, во-вторых, что он подал это заявление с указанием своих ошибок лишь после того, как в его присутствии следователем был произведен осмотр денежных книг конторы и составлен акт, согласно которому заявление Нордволла, что эта сумма была проведена по книгам фирмы «Метро-Виккерс», было опровергнуто. Эти два факта я просил бы зафиксировать в памяти суда.

Председатель. Подсудимый Зиверт (Зиверт подходит). Скажите, как вы стали заниматься вредительством?

Зиверт. В первый раз с Торнтоном я встретился на Нигрэсе, где я работал по установке подстанции 115 000 вольт. На этой станции было поставлено оборудование фирмы «Метро-Виккерс», как например трансформаторы. На этот монтаж приехал мистер Торнтон, инженер от «Метро-Виккерс». По указанию нашей администрации, нам было дано предупреждение, что отношение ко всем иностранцам должно быть самое вежливое и все их требования должны быть исполнены без всяких возражений. На заседании главный инженер высказал такую мысль, что мы получаем такое оборудование, с которым могут обращаться только иностранцы – высокие специалисты, и нам русским к этому оборудованию лучше не подходить. Это слово меня задело. Я считаю, что всякая машина, которая сделана человеческими руками, доступна каждому.

Я очень интересуюсь машинами. Я не получил технического образования, у меня образование исключительно практическое при советской власти. Я задался целью постичь все новейшие машины. Во-вторых, когда на V съезде советов Кржижановский и Ленин поставили вопрос об электрификации СССР, я решил работать всю жизнь по электрификации, и я продолжаю работать в этой области 10 лет. Торнтон показался мне чрезвычайно ценным человеком. Торнтон как английский инженер с первого дня объяснял устройство трансформаторов и всех приборов фирмы «Метро-Виккерс», их монтаж, монтаж масляников и так далее, которые мы впервые видели в России. Он, прочитав целую лекцию, дал практические объяснения относительно контроля сердечников, объяснял каждый контактик, каждый винтик, говорил, как надо бережно обращаться при монтаже, чтобы не разбить, и так далее.

Я очень стал уважать мистера Торнтон, во-первых, потому, что нам было указано относиться с уважением к иностранцам-специалистам, и, во-вторых, это был человек, у которого можно было многому поучиться русским рабочим. У меня была страсть научиться обращению с этими машинами, и я поставил перед собой эту задачу. Так мы работали в 1925[-м] и 1926 г. После окончания работ на Нигрэсе я работал на станции в 20 000 киловатт. Там работали еще другие инженеры фирмы «Томсон Хастон», которые приспособивали все устройство. Я был связан с другими английскими фирмами, англичан было около 8 человек, но с ними вышел довольно острый спор. Был такой момент, что через несколько месяцев работы англичане побросали распределительное устройство и говорят – мы уходим. По окончании работы на Нигрэсе в 1926 г. приехал Торнтон.

Виноват, я еще забыл рассказать. Когда мы проработали недели 2-3, мистер Торнтон меня приглашает и говорит – я вам покажу каталоги и чертежи трансформаторов. Он сказал, что это очень ценная вещь, она находится у него на квартире, и пригласил меня к себе. Я очень обрадовался. Он жил тогда в доме для иностранцев-специалистов, имел отдельную комнату. Когда я к нему пришел, он мне показал чертежи разных трансформаторов.

После этого он мне говорит – может быть пообедаем? Я ответил – почему нет. Я ничего такого не думал. Заказали обед в столовой, пообедали. После этого он спрашивает – может быть вы выпиваете? Что же, говорю, бывает, не откажусь. Он говорит – у меня из Москвы есть бутылка хорошего вина. После обеда мы выпили вина и стали разговаривать. Он мне говорит: скажите, товарищ Зиверт, как вы думаете – справитесь вы с этим строительством, которое начали? У нас тогда были сильные монтажные кадры, которые мы укомплектовали еще старыми электриками в 1924 г. Было только одно большое место – не хватало инструментов. На одних тисках приходилось работать 4 слесарям. Так вот он и спрашивает: как вы думаете, что у вас плохо? Я так попросту ему и говорю, что все хорошо, только не хватает инструментов, но все же через Сормовский завод мы можем их достанем. На этом кончили. После этого приехал другой монтер и продолжал эту работу на подстанции.

В 1926 г., когда все было закончено, приехал мистер Торнтон для приема и испытания трансформатора. В 1926 г. мистер Торнтон предложил мне поступить на службу к фирме «Метро-Виккерс». Говорил, что они получают разрешение организовать в Москве русскую контору, что трудно с людьми, но что он сделает так, чтобы я мог там служить. Я сказал ему, что я наметаю другое. Моей целью было – работать исключительно по электрификации России. Был поставлен вопрос правительством насчет Днепростроя. Я ему категорически ответил, что я наметил работать на Днепрострое, потому что там крупное строительство, и сказал, что у вас служить не буду. Он говорит: если вы не хотите, я могу вас рекомендовать на Днепрострой, у меня там есть знакомые. Эти люди: Винтер и Карпов, которые были строителями Шатурской станции. Они переехали на постройку Днепростроя.

В 1927 г., в апреле месяце, я подал заявление Ступину, главному инженеру, чтобы он отпустил меня на Днепрострой. Он говорит: очень жаль вас отпускать, но раз так, то желаю вам успеха. Лично при мне позвал своего секретаря и велел написать два письма. Одно письмо А.В. Винтеру, второе письмо Чижевскому.

Председатель. Вы говорите не о том, о чем вас спрашивают.

Зиверт. После окончания работ, когда были испытания, мистер Торнтон благодарил за работу. Рабочим дал 25-50 рублей. Мне дал 50 рублей за помощь в работе. Эта помощь заключалась в следующем: мною переконструированы холодильники двух трансформаторов. Там была конструкция такая, чтобы каждый холодильник был на одну группу. Я сделал так, что если одна группа остановится, то можно было перекрыть. И много таких вещей переделывал. Этим кончились мои встречи на Нигрэсе с мистером Торнтоном.

В 1927 г. я уехал на Днепрострой. С этого времени я с мистером Торнтоном не встречался. В 1930 г., когда были закончены все подготовительные работы на Днепрострое, мне скучно было сидеть без дела. Я через организации и администрацию просил отправить меня в Энергоцентр для монтажа других электростанций, которые находились в стадии монтажа. Получив такое назначение, я приехал в Москву в отдел кадров Энергоцентра. Мне предложили 3 станции: Челябинскую, Ивгрэс и Нижнюю. Но так как я был связан с учением моей дочери...

Председатель. Обращаю внимание, что вы говорите не по тому вопросу, который я задал.

Зиверт. Я очутился на Ивгрэсе, где было поставлено все оборудование «Метро-Виккерс». Приехал я на Ивгрэс 18 февраля 1930 г. На Ивгрэсе было все оборудование «Метро-Виккерс», начиная от турбин, трансформаторов, масляников, и все распределительное устройство. Встречаемся с Торнтоном. Он говорит – я очень рад, что вы приехали, знакомый человек будет вести оборудование. Он меня рекомендует администрации Ивгрэса как человека, которому доверяется оборудование. Для меня это показалось очень приятным, что он является знакомым человеком и работа может быть подвинута. На Ивгрэсе нужно было установить в первую очередь трансформатор 12 000 киловатт для подачи энергии торфоразработкам. Трансформатор был 38 000 вольт. Нужно было 1 мая закончить, но мы на Ивгрэсе их получили 15 апреля. Был поднят вопрос о посылке инженеров или монтеров английской фирмы для монтажа этих трансформаторов.

Вместо этого получилась бумага из Москвы, что монтеров прислать не можем, мы доверяем Зиверту монтировать и отвечаем за его монтаж, но при условии, что при осмотре сердечников и при испытании должен участвовать фирменный представитель. Для меня лично это была большая честь, что я настолько сильный человек, что фирма доверяет монтировать трансформаторы 38 000 вольт напряжения. Администрация согласилась раз фирма берет гарантию. Я приступаю к монтажу трансформаторов. Мы получили их в конце апреля, приняли в мастерскую. Приехал Торнтон для осмотра сердечников. Осмотрев сердечники, Торнтон уехал, я остался их сушить, опирать на фундамент и вести на монтаж до полного испытания. Эта работа была сделана. После этого был вызван Торнтон, который приехал на испытание. Приехал Торнтон на испытание, сделал испытание трансформаторов, и при всей администрации, где был главный инженер и директор, на открытой подстанции пожал мне руку, поблагодарил, что работа сделана хорошо, большое спасибо и так далее. Но во время осмотра сердечников, до сушки трансформаторов, он сделал предложение, сказал, что мы англичан посылать не будем, может быть вы согласитесь работать без англичан, мы будем вам платить, а вы будете работать. Я ответил, что я не берусь отвечать за группу трансформаторов 38 000 киловатт. Ведите переговоры с правлением, если правление желает, это меня не касается, но так я работать не буду. Я не знаю, говорил он или нет, но после этого приехали 2 английских инженера на монтаж.

После этого испытания, когда люди разошлись, мы зашли на открытую подстанцию и поговорили. Он мне говорит: товарищ Зиверт, нате вам деньги, вы может быть нуждаетесь в деньгах, спасибо за вашу работу, но вы будете у меня работать и дальше в смысле помощи инженерам, которые приедут из Англии, но важно, чтобы вы давали сведения.

Председатель. Вы взяли деньги?

Зиверт. Да, взял. Вы, говорит он, дайте мне сведения, а главное, вы должны не так быстро работать, как работали на Нигрэсе, а тормозить работу и не наблюдать так за качеством работ, потому что наше оборудование настолько прочное, что этого не нужно. Одним словом, торопиться некуда. По его словам выходит, что нужно стараться как-нибудь тормозить строительство и что все сведения, когда он уезжает, можно передавать инженеру Эллиоту в машинном зале, который примет мою информацию. Я эти деньги получил. Он попрощался и говорит: я сегодня должен уехать, и уехал. Я посчитал деньги – 500 рублей. Я подумал – что с этими деньгами делать? У меня было такое положение, что я просто не знал, что делать. Дать ГПУ эти деньги побоялся по своей слабости, начнется допрос, начнется канитель, он не будет признавать. Я эти деньги отнес в мастерскую и положил на трансформатор в мастерской, на стропила. Жене я не понес, потому что будет спрашивать – откуда я получил деньги. После этого, через 4 дня, я должен был ехать в Ленинград в командировку. Я поехал. Там и думаю – как же быть? Как же тормозить монтаж? Как все испортить? Развеелся и думаю – как же быть? Как же тормозить монтаж? Как быть, он скажет, что ты деньги получил, напишет анонимку и я опять пропал.

Председатель (к прокурору). Вы имеет вопросы к подсудимому?

Рогинский. Начнем с выяснения следующих обстоятельств. Вы на какой должности состояли на Ивановской электростанции?

Зиверт. Мастером трансформаторного масляного хозяйства.

Рогинский. Следовательно на советской государственной службе?

Зиверт. Да.

Рогинский. К фирме «Метрополитен-Виккерс» вы формально какое-либо служебное отношение имели?

Зиверт. Не имел.

Рогинский. Вы состояли на советской государственной службе. На каком же основании вы взяли деньги от представителя частной фирмы, будучи на государственной службе?

Зиверт. Сделал преступление.

Рогинский. Посмотрим, за что вам были даны деньги. Перейдем прямо: какие вредительские акты вами были совершены на Ивановской электростанции?

Зиверт. Вредительские акты, которые я совершал, это сокрытие дефектов у масляных выключателей.

Рогинский. Дальше.

Зиверт. Потом при обточке коллекторов была не укрыта лобовая часть...

Рогинский. Вывод из строя умформера?

Зиверт. В-третьих, тормозить монтаж трансформаторов масляников.

Вышинский. Это было вами выполнено?

Зиверт. Поскольку можно, это было выполнено.

Вышинский. Ваши вредительские действия удовлетворили тех, которые вам затем заплатили за эти вредительские действия?

Зиверт. Не знаю. Мне ничего об этом не говорили.

Вышинский. Вас отблагодарили?

Зиверт. Дали еще 300 рублей.

Вышинский. Значит поручение было выполнено, и сверх 500 рублей вы получили еще 300 рублей. Так?

Зиверт. Так.

Вышинский. Это уже несколько иное, чем те повествования, которые вы рассказывали нам в течение 15 минут. Можно ли мне сейчас задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Вы показания Зиверта слышали?

Торнтон. Слышал.

Вышинский. Вы подтверждаете эти показания?

Торнтон. Не подтверждаю.

Вышинский. Ни в одной части не подтверждаете?

Торнтон. Я ему не говорил, и он этого не делал. Я не говорил, чтобы портить трансформаторы, он не скрывал дефектов масляников, так как о дефектах, масляников составлены акты. Так что я это отрицаю.

Вышинский. Дефекты не скрывал, портить оборудование не поручали?

Торнтон. Нет.

Вышинский. А деньги давали?

Торнтон. Я ему дал 250 рублей за установку трансформатора.

Вышинский. Он был служащим вашей фирмы?

Торнтон. Был.

Вышинский. Подсудимый Зиверт, вы были служащим их фирмы?

Зиверт. Нет.

Торнтон. Он не был нашим служащим.

Вышинский. Почему же вы дали ему деньги?

Торнтон. Он хорошо исполнил работу.

Вышинский. Чью работу?

Торнтон. Которую он делал.

Вышинский. Он эту работу делал как ваш служащий?

Торнтон. Он получил за то, что хорошо выполнял свою работу по монтажу.

Вышинский. А он обязан был это делать по своей должности как советский государственный служащий?

Торнтон. Я считаю, что он мог отказаться.

Вышинский. Вы могли отказаться?

Зиверт. Я мог бы отказаться.

Вышинский. Будучи на государственной службе? Вы, будучи на советской государственной службе, выполняя определенные обязанности, в круг которых входило наблюдение за монтажом, вы имели право отказаться?

Зиверт. Я не понимаю.

Вышинский. Вы обязаны были нести эту работу по своему служебному положению?

Зиверт. Обязан.

Вышинский. Если вы были обязаны, то как вы могли отказаться?

Зиверт. Не мог.

Вышинский. Могли ли вы, помимо тех денег, которые вам были положены по вашей официальной должности как жалованье, получать деньги со стороны?

Зиверт. Нет.

Вышинский. И ту награду, о которой говорил Торнтон, вы не имели права получать?

Зиверт. Не имел права.

Вышинский. Вы получили за то, что вы хорошо провели монтаж или за то, что задержали?

Зиверт. Вероятно за то, что задержал.

Рогинский. Уточним сумму. Торнтон говорит [про] 250 рублей, а вы?

Зиверт. 500 рублей и 300 рублей.

Рогинский. То есть?

Зиверт. 800 рублей.

Рогинский. Это помимо тех, которые получили на Нигрэсе?

Зиверт. Да.

Рогинский. Где 300 рублей получили и когда?

Зиверт. В конторе «Метро-Виккерс».

Рогинский. От кого?

Зиверт. От Торнтона.

Рогинский. Лично от него?

Зиверт. Лично.

Рогинский. Где – в кабинете?

Зиверт. В кабинете.

Рогинский. Кто-нибудь еще присутствовал при этом?

Зиверт. Нет.

Рогинский. Глаз на глаз?

Зиверт. Глаз на глаз.

Рогинский. Расписку не давали?

Зиверт. Нет. Было дело так: он спросил: «уезжаете?» я ему сказал: «да», после этого он сказал: «спасибо за работу» и дал еще 300 рублей.

Рогинский. Будучи на государственной службе, вы согласились проводить вредительские акты и здесь в Москве направились в контору «Метро-Виккерс» и получили дополнительную взятку в 300 рублей за свою вредительскую деятельность?

Зиверт. Я пошел в контору не для того, чтобы получить эти 300 рублей.

Рогинский. А для чего?

Зиверт. Были дела по службе.

Рогинский. Какие дела?

Зиверт. Когда произошла авария на Ивгрэсе, надо было заказать трансформаторы. Когда я приехал с инженером получить лицензию на заказ, мне было поручено правлением Ивгрэса зайти в контору «Метро-Виккерс» и просить о скорейшем получении их оборудования.

Рогинский. За что же вы получили 300 рублей?

Зиверт. За работу на Ивгрэсе.

Рогинский. О которой вы здесь рассказывали?

Зиверт. Да, о которой рассказывал.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, это имело место?

Торнтон. Я 300 рублей не давал.

Рогинский. А он был в конторе?

Торнтон. Был и деньги занимал.

Рогинский. Какую сумму?

Торнтон. Я не знаю, это есть в книгах.

Рогинский. Это может быть как раз эти 300 рублей?

Зиверт. Это другие деньги.

Рогинский. Какие деньги?

Зиверт. Я поехал за покупкой инструмента. Нашел сверлильный патрон и на покупку его взял 50 рублей, а на следующий день эти деньги вернул.

Рогинский. Когда это было?

Зиверт. Это было в 1931 г.

Рогинский. А 300 рублей когда получили?

Зиверт. 300 рублей тоже в 1931 г., а 250 рублей в 1932 г., когда был в командировке на МОГЭС. Мне ВЭО контора Днепрокомбината не выдала денег ни на билет, ни на что. Когда приехал в Москву, я написал конторе МОГЭС выдать 400 рублей в счет командировки и в счет жалованья. МОГЭС отказался, так как не было денег перед ноябрьскими праздниками. Я зашел в контору «Метро-Виккерс» и попросил 250 рублей. Я написал расписку в бухгалтерии, и, вернувшись с Ивгрэса, я эти деньги отдал. Я два раза брал и каждый раз рассчитывался.

Рогинский. А эти 500 рублей и 300 рублей к этим суммам отношения не имеют?

Зиверт. Никакого отношения не имеют.

Рогинский. Значит это было прямое вознаграждение вам за вредительские акты, которые проводили на Ивгрэсе?

Зиверт. Да. Кроме того я получил костюм и ботинки, за которые оплатил 95 рублей.

Вышинский. Подсудимый Зиверт, вы занимались также и монтажом масляников?

Зиверт. Да.

Вышинский. Хорошо монтировали?

Зиверт. Дефектов было очень много.

Вышинский. В результате этих дефектов получились аварии?

Зиверт. Да.

Вышинский. Вы работали в 1931 г.?

Зиверт. Да.

Вышинский. И часть 1932 г.?

Зиверт. Я уезжал на курорт, потом работал часть 1932 г.

Вышинский. По моим подсчетам выходит месяцев 10. За это время сколько было аварий с масляниками?

Зиверт. Я не знаю, я уехал в августе 1931 г. и был на эксплуатации 5 месяцев.

Вышинский. По данным следственного производства – 10 месяцев, за эти 10 месяцев у вас было 15 аварий с масляниками?

Зиверт. Нет, я был только 5 месяцев.

Вышинский. Ну, допустим. Сколько было аварий за это время?

Зиверт. Этого я не могу сказать. Я монтировал только два масляника, а там их должно быть 7.

Вышинский. Но аварии были?

Зиверт. При мне аварий не было, но были случаи, что масляники не выключались, целлулоид [??? – МК] был плохой.

Вышинский. А может быть они политически выключались – политически или технически?

Зиверт. Они выключались политически.

Вышинский. У меня больше вопросов к Зиверту нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Пинес. Скольких лет вы начали работать в России?

Зиверт. Я начал работать с 1899 г.

Пинес. Ваше социальное происхождение?

Зиверт. Я происхожу из батраков. Мой отец умер, когда мне было 6 месяцев, он работал батраком у курляндских кулаков. Сам я пас свиней в детстве, затем работал мальчишкой в кабачке, потом кучером. 1899 году я поступил учиться на слесаря.

Пинес. Значит вы по специальности слесарь?

Зиверт. Да.

Пинес. Какой у вас стаж?

Зиверт. Стаж – 34 года.

Пинес. Вы учились где-нибудь?

Зиверт. Что касается учения, я три зимы посещал сельскую школу, но я даже плохо пишу.

Пинес. Сколько вы получали на последней должности?

Зиверт. 240 рублей.

Пинес. Скажите откровенно, почему вы пошли на предложение Торнтон совершать вредительские акты – ведь вы прошли такой тяжелый жизненный путь?

Зиверт. Как я понимаю теперь, это произошло потому, что я очень уважал Торнтон – он помог мне разбираться в машинах, и когда я получил деньги, я встал в тупик – как дальше быть? Словом, я не знал, что делать.

Пинес. Сколько времени продолжалась ваша вредительская деятельность?

Зиверт. Только один год.

Вышинский. Это много или мало?

Зиверт. Очень много.

Вышинский. Значит не «только» один год.

Зиверт. Теперь я чувствую, что я здоров, теперь я спокоен, а то все время не был спокоен.

Пинес. Вы до ареста служили в Ивгрэсе?

Зиверт. Нет, я ушел.

Пинес. Почему, вас уволили?

Зиверт. Нет, я ушел, так как я стремился избавиться от этого, я не хотел встречаться с фирменными инженерами. Я хотел еще уйти в 1930 г., но был связан с монтажом.

Пинес. Ушли для того, чтобы больше не встречаться с Торнтоном?

Зиверт. Чтобы не встречаться с фирмой «Метро-Виккерс», а именно с Торнтоном.

Пинес. Куда поступили?

Зиверт. В монтажное бюро ВЭО.

Пинес. И после этого ни с кем не встречались из специалистов-иностранцев?

Зиверт. С англичанами?

Пинес. Да.

Зиверт. Пришлось, к несчастью, встречаться опять.

Пинес. На какой почве?

Зиверт. В 1932 г., когда «Метро-Виккерс» было установлено 12 масляников на подстанции Днепрострой. Вместо монтера было послано письмо администрации Днепростроя о том, что фирма доверяет мне отремонтировать их масляники. Крупный монтаж. Проверить заливку маслом до приезда монтера «Метро-Виккерс». Но я был занят большой работой по Запорожстали – по первой электроплавильной печи. Был поставлен вопрос по линии ИТС, и было решено, что мне надо начать монтаж подстанции, иначе получится срыв на Днепростроевской электростанции. Я поневоле дал свое согласие. Хотя бы пришлось работать по 16 часов, но буду это делать. Было согласовано с моим начальником, что с 2 до 10 часов вечера я должен работать по монтажу этих масляников.

Пинес. Получили что-нибудь от фирмы «Метро-Виккерс»?

Зиверт. Там было дело серьезное. Здесь есть монтер «Метро-Виккерс» Грегори, который начал делать полный прорыв и порчу оборудования. Я встал не на защиту «Метро-Виккерс», а наоборот. Мистер Торнтон получил от меня два письма. Я писал, что если не будет убран Грегори, то я подниму шум. Я хотел выбросить Грегори потому, что он вывел меня из терпения, Он монтер, английский специалист, 45 дней делал один изолятор. Я решил выступать не на защиту «Метро-Виккерс», а против. Грегори сразу стал вести на Днепрострое антисоветскую агитацию. Я ему предложил дать немедленное описание инструмента. Я пригласил моего товарища, который прекрасно говорит по-английски, чтобы они с ним писали. Пусть он опишет, что ему нужно, чтобы приготовить инструмент, чтобы не срывать работу. Он ничего не давал. Я считал, что дело пахнет нехорошим. Я дал по своим соображениям инструмент. Мы изготовили инструмент и стали делать. За 8 часов – 5 изоляторов. Грегори за 12 часов ставил только 1.

Рогинский. А вы от кого работали?

Зиверт. От Днепростроя.

Рогинский. Почему письмо написали Торнтону?

Зиверт. Потому что об этом я говорил администрации. Я указал, что нужно написать фирме насчет монтера, а администрация говорила, что это как-то неловко.

Рогинский. Когда это было?

Зиверт. В 1932 г. после Ивгрэса.

Вышинский. Почему вы вдруг решили бороться против таких действий?

Зиверт. Потому, что моя совесть уже не переваривала этого дела, все время меня мучила совесть.

Вышинский. Можно подумать так, что на Ивгрэсе вы вредили, а на Днепрострое вас охватило раскаяние и вы стали противодействовать?

Зиверт. У меня и здесь было раскаяние, но я боялся.

Вышинский. Значит под влиянием перелома, который с вами произошел, вы стали оказывать Грегори сопротивление. Я просил бы перевести эту часть показаний Зиверта для Грегори на английский язык и разрешить ему задать вопрос.

Зиверт. Пусть Грегори вспомнит, как он задерживал монтаж масляников.

Председатель. Вы просто повторите ваше показание, укажите, что делал Грегори.

Зиверт. Грегори делал, во-первых, искусственную задержку монтажа. Когда ему был задан вопрос, он ответил, что он приехал в Россию не работать, а деньги нажить.

Переводчик переводит для Грегори.

Грегори (перевод). Я не делал такого заявления.

Зиверт. Грегори начал говорить нашим рабочим, что у вас здесь люди ничего не имеют кушать, а у нас за 25 копеек кушают масло, белый хлеб и прочее. Вообще он вел агитацию, так что рабочие, которое понимали по-английски, стали заявлять мне, что надо обратить внимание на этого человека, что он нас разлагает, говоря такие вещи.

Переводчик переводит на английский.

Грегори (перевод). Но я не умею говорить по-русски.

Зиверт. Это слышали рабочие, которые понимают по-английски.

Председатель. На каком языке Грегори разговаривал?

Зиверт. По-английски.

Председатель. Вы понимаете по-английски?

Зиверт. Нет. Но там было трое рабочих, которые говорили по-английски.

Вышинский. По поводу того, что сейчас сказал Зиверт и ответил Грегори, я понял из показаний Зиверта, что он имел заявления от нескольких рабочих-англичан, говорящих следовательно на английском языке, что Грегори их, этих англичан, агитировал в антисоветском направлении.

Зиверт. Правильно.

Председатель. Он так заявил. Я не знаю, как переводчик перевел.

Вышинский. В таком случае, я прошу перевести это в виде моего вопроса подсудимому Грегори, что, во-первых, идет речь о его разговорах с соотечественниками на английском языке, а не на русском и что его ответ, что он не говорит по-русски, не содержит ответа по существу, и может быть он будет любезен ответить по существу.

Переводчик переводит подсудимому Грегори.

Грегори (перевод). Нужно помнить, что эти говорящие по-английски рабочие настолько мало знали английский язык, что все мое время уходило на то, чтобы объяснить, в чем заключается их работа и поэтому мне совершенно не оставалось времени заниматься советской политикой, которая к тому же меня не интересует.

Председатель. Мне кажется, что не стоит развивать этот вопрос, поскольку Зиверт говорит со слов третьих лиц, которых нет и которых вызвать в качестве свидетелей нельзя. У защиты есть вопросы?

Брауде (к подсудимому Зиверту). Скажите пожалуйста, к моменту вашей встречи с Торнтоном, когда были вручены деньги, вы принадлежали к какой-нибудь контрреволюционной организации в то время?

Зиверт. Нет.

Брауде. У вас были советские или антисоветские убеждения?

Зиверт. Советские.

Брауде. Тогда непонятно. Вы, старый трудящийся, человек не принадлежали к контрреволюционной организации, вы, человек советски настроенный, и за несколько сот рублей беретесь совершить вредительство стране, в которой вы живете. Вы здесь сказали – из уважения к Торнтону, что же, вы Торнтону больше уважали, чем государство, в котором вы живете, или деньги больше?

Зиверт. Защитник спрашивает, почему я сразу стал таким контрреволюционером, как я мог взять деньги из-за уважения к Торнтону? Если человек уважает другого человека, в особенности того, который вам помог, а вы знаете, что я в 1925 г. совершенно не знал трансформатора, говорили, что это какая-то диковина для нас, что мы не можем работать, а уже в 1930 г. я монтировал 38 000-вольтные трансформаторы по поручению английской фирмы. Вы представляете, что это значит для нас, рабочих-практиков, не имеющих технического образования. Получилось такое положение, что я, встретившись с этим человеком, получил деньги и взял их.

Брауде. Значит в благодарность за учебу, за то, что он научил вас работать и создавать, вы стали разрушать?

Долматовский. Вы монтировали вместе с Грегори масляники?

Зиверт. Да.

Долматовский. Какая мощность?

Зиверт. 2½ миллиона [киловатт].

Долматовский. А вы монтировали какой?

Зиверт. 1 миллион [киловатт].

Долматовский. Разница большая. Почему же указываете, что он в 45 дней монтировал, а вы – в 22, разве безразлично, каких размеров масляники?

Зиверт. Нет, разница большая. Тут разница заключается в том, как человек делает. Если человек приходит и держит руки в карманах, понюхает табачку и говорит: не делайте никто, я буду заниматься этим только один. И вот 9 человек стоят кругом него, а делает он один. Это не работа. Если я монтировал, то у меня все 9 человек работали.

Председатель. У защиты больше вопросов нет?

Защита. Нет.

Председатель. У подсудимых нет вопросов? Нет. У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Итак вы, состоя на государственной службе, будучи служащим советского государственного предприятия – электростанции – осуществляли ряд действий, которые нам сейчас приходится квалифицировать, называть и определять как вредительские. Так?

Зиверт. Как вредительские.

Вышинский. Они заключались в том, что вы затягивали, тормозили монтаж масляников, трансформаторов, в том, что вы умышленно действовали таким образом, что в результате этих действий были пробиты секции на коллекторе и он был выведен из строя.

Зиверт. Да.

Вышинский. Третье. Что в этот период времени вы нередко встречались с Торнтоном в частной обстановке, получали от него деньги за эту работу. Правильно?

Зиверт. Да.

Вышинский. Итак, на одной чаше весов ваше положение, ваши отношения с Торнтоном, ваше улучшившееся материальное положение, а на другой чаше весов – интересы пролетарского государства, интересы социалистического строительства, и вы избрали какую из этих чаш?

Зиверт. Самую плохую.

Вышинский. Можно ли сказать, что вы по существу предали интересы пролетарского отечества?

Зиверт. Да.

Вышинский. Сознаетесь?

Зиверт. Сознаюсь.

Брауде. Сколько времени Торнтон пробыл на Ивгрэсе после вручения вам денег?

Зиверт. Уехал в тот же день.

Брауде. Значит в течение этого года, пока вы вредили, он там был?

Зиверт. Он приезжал.

Брауде. В его отсутствие происходили вредительские действия?

Зиверт. Там был назначен Эллиот, который наблюдал за этим.

Брауде. Что же он – проверял, указывал?

Зиверт. Там был мистер Эллиот, который указывал.

Брауде. Но вы боялись?

Зиверт. Боялся.

Председатель. Садитесь пожалуйста, подсудимый Зиверт.

Грегори (перевод). Я желаю, чтобы суд выслушал мое заявление.

Председатель. Пожалуйста.

Грегори (перевод). Этот человек – Зиверт – порочит мою репутацию, и вы принимаете это заявление без доказательств. Справедливо ли это?

Председатель. Переведите Грегори, что мы заслушали показания подсудимого Зиверта, а теперь заслушаем объяснения Грегори. Кому мы поверим – Грегори узнает из нашего решения (делается перевод).

Грегори (перевод). Я был послан на Днепрострой на постройку крупных масляников. Это наиболее крупные масляники, которые когда-либо были сделаны фирмой, это самые крупные выключатели, которые когда-либо были построены в России. Когда я уезжал из Московской конторы, меня предупредили, что это есть самые крупные выключатели в России и что в прошлом не было аварий наших выключателей, поэтому меня просили быть особенно осторожным и самому лично проверять все монтажи этих выключателей. Это означало для меня большую работу, это означало для меня, что мне самому нужно было лезть в масляники, в самую жаркую погоду. Однако, для поддержания своей собственной репутации, а также для поддержания репутации фирмы, я проверял все детали, касающиеся сборки и монтажа этих выключателей.

Теперь я перехожу к той части, которая касается Зиверта. Зиверт стремился монтировать сам эти выключатели на другой подстанции. Я раньше никогда не знал Зиверта, поэтому не мог оказывать ему доверия, но несколько позже я узнал, что он лучше, чем я раньше думал, чем было мое первое впечатление о нем. Я работал на Днепрострое в это время и затем уехал в Дзержинск [на Днепровский металлургический комбинат им. Дзержинского], то есть на то место, которое являлось моей постоянной работой. Будучи на Днепрострое, я полностью закончил сборку одного выключателя. Другой выключатель был почти закончен и два других выключателя были закончены сборкой наполовину. Иначе говоря, полностью было собрано 3 выключателя. Эта работа производилась с 16 июля по 3 сентября прошлого 1932 г. Я хочу обратить внимание суда на следующее: с самого начала крупная работа велась на Днепрострое и необходимые масляники было трудно достать. Но несмотря на задержку в материале, было собрано 3 выключателя в течение 48 дней. Эти выключатели представляли собой каждый массив в 45 тонн. Таким образом, я оставляю на суждение технической экспертизы, была ли эта работа проделана в короткий срок или нет. Я говорю, что если бы эта работа была проделана в меньший срок, то от этого пострадало бы качество работы. Я благодарю суд за то, что он меня выслушал.

Председатель. Объявляется перерыв на 20 минут. Заседание после перерыва возобновляется в 8 часов 35 минут.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Подсудимый Сухоручкин, займите место. Расскажите основные моменты вашей биографии.

Сухоручкин. Родился в 1894 г., 30 мая в станице Ново-Павловской, бывшего Терского округа. Отец был торговцем.

Я прошел три отделения станичной школы, после чего, по указанию местного священника, был определен отцом в миссионерскую духовную семинарию близ города Владикавказа (Орджоникидзе). Пробыл там 8 лет, до 1913 г. По окончании семинарии я два года учительствовал, После чего в конце 1915 г. приехал в Москву, где был зачислен студентом Московского коммерческого института, и предполагал учиться. В начале 1916 г. параллельно с учебой, которую я уже начал, я поступил на работу. Тогда существовал так называемый Земгорсоюз, объединяющий земство и города по устройству инженерно-технических отрядов. Я работал в качестве сортировщика на воинских складах примерно в течение 6 месяцев, после чего я был принят в одну из дружин, которая работала впоследствии в Барановическом направлении около Минска. В этой дружине проработал до половины 1917 года.

В половине 1917 г. возвратился опять, в Москву с целью продолжать учебу в институте, но по материальным условиям я должен был опять поступить на работу, и я поступил на работу в Московскую государственную сберкасса в качестве контролера. В Московской сберкассе я работал до начала 1919 г. Работая в сберкассе, я принимал участие в общественной жизни, в частности по профсоюзной линии, почему в январе месяце 1919 г. на Всесоюзном съезде я был выбран в члены Центрального комитета [ВЦСПС] в качестве представителя сберкасс. В Центральном комитете союза я проработал до конца 1919 г., когда как студент был призван в Красную армию. В Красной армии я пробыл один год в 5-м запасном стрелковом полку в Москве. 3-4 месяца я пробыл в строю, а остальное время работал в канцелярии, и в конце 1920 г. по декрету как студент был откомандирован из Красной армии для продолжения образования в институт.

Я возвратился опять в Московский коммерческий институт, который назывался тогда Институт народного хозяйства имени Карла Маркса, и вместо того, чтобы продолжать обучение на экономическом факультете, на котором числился и раньше, я перешел на вновь сформированный факультет так называемый электропромышленности. На этом электропромышленном факультете я проучился с 1920 г. до конца 1924 г.

В феврале 1925 г. я получил диплом на звание инженера и поступил на службу в МО-ГЭС, в частности на 1-ю Московскую станцию. На 1-й Московской станции я проработал, начиная с 1925 г., до дня моего ареста. Последовательно я занимал следующие должности: работал я один год по котельному хозяйству, а остальное время до 1 декабря 1931 г. работал по электротехническому отделу, занимая последовательно следующие должности: сначала инженера электроотдела, примерно с половины 1929 г. помощника заведующего электротехническим отделом и примерно с половины 1930 г. работал в качестве заведующего электротехническим отделом. 1 декабря 1931 г. я был назначен заведующим станцией, и 1 марта 1932 г., в связи с реорганизацией, которая имела место на станции, я был назначен начальником эксплуатационного отдела, в котором и работал до дня моего ареста.

Председатель. Товарищ Вышинский, вопросы к подсудимому есть?

Вышинский. Да. В какой должности застал вас арест?

Сухоручкин. Арест меня застал в должности начальника эксплуатационного отдела.

Вышинский. Начальник эксплуатационного отдела на электростанции – это достаточно ответственная должность?

Сухоручкин. Да, это очень ответственная должность.

Вышинский. С точки зрения работы и судьбы электростанции – эта ответственность как может быть определена?

Сухоручкин. Это по существу решающая должность.

Вышинский. Можно сказать, что станция была в ваших руках?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Все основные важнейшие рычаги электростанции находились так же следовательно в ваших руках?

Сухоручкин. Да, это так.

Вышинский. В чем заключались более конкретно ваши обязанности начальника эксплуатационного отдела станции?

Сухоручкин. Конкретно мои обязанности как начальника эксплуатационного отдела заключались в следующем: наблюдать за надежной и экономичной работой всего оборудования, имеющегося на станции.

Вышинский. Выполнили вы эту обязанность или нет?

Сухоручкин. Нет, не выполнил.

Вышинский. Вторая ваша обязанность?

Сухоручкин. Вторая моя обязанность – следить за работой персонала станции.

Вышинский. За оперативной работой?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Эту обязанность вы добросовестно выполняли?

Сухоручкин. Эту обязанность я по возможности выполнял.

Вышинский. А большие у вас были возможности?

Сухоручкин. Здесь возможности были может быть у меня меньше, чем по первому пункту, потому что подбор персонала не находился в полном моем ведении.

Вышинский. Правильно. А руководство работой персонала?

Сухоручкин. Руководство работой персонала находилось в моем ведении.

Вышинский. В этом отношении вы добросовестно выполняли эту обязанность в интересах станции, в интересах государства, руководя работой вверенного вам персонала?

Сухоручкин. Я не могу сказать, что полностью и здесь выполнил.

Вышинский. И здесь не полностью. Дальше, какие были у вас обязанности, связанные с монтажом?

Сухоручкин. Как начальник эксплуатационного отдела я непосредственно за монтаж не отвечал. У нас был ремонтно-монтажный отдел, который вел ремонт и монтаж оборудования.

Вышинский. Так что к монтажу вы не имели никакого отношения?

Сухоручкин. Никакого отношения не имел.

Вышинский. А ваши показания на предварительном следствии, о том, что будучи еще инженером электроотдела, вы ведали монтажом трехфазных трансформаторов и наблюдали за работой в частности Шатурской станции, как надо понимать?

Сухоручкин. Здесь есть недоразумение. Я начальником эксплуатационного отдела был с 1 марта 1932 г. У нас произошла на станции реорганизация.

Вышинский. А до этого?

Сухоручкин. До этого я работал в электроцехе, причем до этой реорганизации электроотдел и другие отделы, существовавшие на станции, как котельный и машинный, они вели как эксплуатацию, так и монтаж и ремонт.

Вышинский. В этот период времени вы имели отношение к монтажу?

Сухоручкин. Да, имел.

Вышинский. Следовательно до марта 1932 г. вы имели непосредственное отношение и к монтажу?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Далее, когда вы были помощником заведующего электроотдела?

Сухоручкин. Примерно с половины 1929 г.

Вышинский. Тогда вы занимались вопросами эксплуатации станции?

Сухоручкин. Да, занимался.

Вышинский. Вели наблюдение – за чем?

Сухоручкин. Вел наблюдение за правильной эксплуатацией электрооборудования электростанций, в частности в мое непосредственное ведение входили – центральная станция и преобразователи частоты и моторные установки. Кроме того я нес дежурство по станции.

Вышинский. Все эти четыре обязанности по электроэксплоатации, по электрохозяйству являются ответственными?

Сухоручкин. Ответственными.

Вышинский. Эти обязанности вы, оценивая сейчас свою деятельность, можете сказать, что выполнили добросовестно, или у вас и здесь были грехи?

Сухоручкин. Я конечно не могу сказать, что выполнял их добросовестно.

Вышинский. Не можете сказать. И наконец уже в частности как начальник эксплуатационного отдела в последнее время вы отвечали за всю электростанцию, как электрическую часть, так и тепловую, хотя во главе каждой этой части стояли отдельные люди? Кто стоял во главе электрической части и кто стоял во главе тепловой части?

Сухоручкин. Вам назвать фамилии?

Вышинский. Да, если можно.

Сухоручкин. У нас было 3 цеха: котельный, машинный и электрический. Во главе котельного цеха стоял инженер Ковалев. Во главе машинного цеха в последнее время стоял инженер Лукашевский. С 1 марта 1932 г. до 1 марта 1933 г. – инженер Крашенинников.

Вышинский. Значит Крашенинников заведывал машинным цехом, а электрическим?

Сухоручкин. Электрическим цехом заведывал инженер Яцунский [мастер Языков?].

Вышинский. Крашенинников, который находится на скамье подсудимых?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. А Зорин чем занимался?

Сухоручкин. Он работал в Мосэнерго.

Вышинский. Он был связан с вами по службе?

Сухоручкин. Он был связан постольку, поскольку он был специалистом по турбинам и принимал участие по разбору аварий и по наметке предполагавшегося ремонта.

Вышинский. Теперь перейдем к этим авариям. На 1-й МГЭС имели место аварии в течение, скажем, 1931 г.?

Сухоручкин. Аварии конечно имели место, но я сейчас точно сказать не могу, какие именно.

Вышинский. Если я напому вам некоторые даты, то вы вероятно как начальник эксплуатационного отдела вспомните. Вот например авария 9 марта 1931 г. на 1-й МГЭС. 10 мая 1931 г., 16 июня 1931 г., в ноябре месяце 1931 г.?

Сухоручкин. Аварии были, но я сейчас не могу без материалов припомнить и сказать, какого характера они были.

Вышинский. Эти аварии были проверены с точки зрения причин, вызвавших эти аварии, или эта проверка не была сделана? Во всех ли случаях аварий были установлены причины аварий или причины этих аварий не были установлены?

Сухоручкин. В большинстве случаев причины аварий устанавливались, в особенности по авариям более или менее крупным, потому что обычно для выяснения причин этих аварий создавалась комиссия с участием объединения Мосэнерго.

Вышинский. Мне кажется, что начальник эксплуатационного отдела отвечает за анализ причин, за установление фактов и причин, вызвавших аварию, или его это не касается?

Сухоручкин. Это его несомненно касается.

Вышинский. Следовательно, надлежало бы во всех случаях аварий устанавливать причины этих аварий, потому что без причин не может быть аварий. Или могут быть аварии без причин?

Сухоручкин. Бывают сложные аварии.

Вышинский. Когда причины этих аварий не были установлены из-за сложности причин?

Сухоручкин. Такие аварии имели место.

Вышинский. Например?

Сухоручкин. Я не припомню сейчас, но всем авариям, которые случаются на станции Мосэнерго, ведется учет и разбор в аварийной ячейке объединения Мосэнерго, и я припоминаю, что бывали такие аварии не только у нас на станции, но и на других станциях, когда указывалось, что причины не выяснены.

Вышинский. Значит имел место ряд случаев, когда причины аварий вашим аппаратом, вашим персоналом не были выяснены. Можете сказать, что это было по причине сложности аварии или потому, что не особенно интересовались этими причинами?

Сухоручкин. Я не могу сказать, чтобы не интересовались.

Вышинский. Но вы и не можете сказать обратного.

Сухоручкин (молчит).

Вышинский. Не можете ли назвать хоть один случай, когда причины оказались столь сложными, что их невозможно было установить, и чтобы в соответствующем акте было указано, что причины этих аварий не были установлены благодаря сложности причин этих аварий.

Сухоручкин. Мне трудно припомнить.

Вышинский. Тогда вот о чем я хотел спросить: вы помните аварию с генераторами №№ 26 и 27?

Сухоручкин. Да, помню.

Вышинский. Эти аварии были случайными, не зависящими от злой человеческой воли, или они явились прямым результатом злого умысла с чьей-либо стороны?

Сухоручкин. Аварии с турбинами №№ 26 и 27 были до 1 декабря 1931 г., и только последняя авария на машине № 27 была в 1932 г. До 1 декабря 1931 г. к машинному хозяйству я не имел непосредственного отношения, так как я был заведующим электроцехом, но я помню аварии на этих машинах.

Вышинский. Так я спрашиваю: эти аварии были по чьему-нибудь злему умыслу, или же они были по каким-нибудь иным обстоятельствам?

Сухоручкин. Какие аварии подразумеваете? Я помню аварию с лопатками.

Вышинский. Последнюю аварию на генераторе № 27.

Сухоручкин. Последнюю аварию в 1932 г.?

Вышинский. Да.

Сухоручкин. Полетели лопатки на турбине.

Вышинский. Почему полетели?

Сухоручкин. Я считаю, что из-за недоброкачественных лопаток, поставленных фирмой.

Вышинский. Значит не по злему умыслу кого-нибудь из персонала этой станции.

Сухоручкин. Я точно не могу на этот вопрос ответить, потому что непосредственно ремонта этой турбины я не вел. Возможно, что при ремонте турбины были допущены какие-либо ошибки.

Вышинский. Скажите пожалуйста, вы лично осуществляли какие-нибудь акты вредительского характера на этой станции?

Сухоручкин. Да, осуществлял.

Вышинский. И может быть именно с этой турбиной № 27, о которой я говорил?

Сухоручкин. Да, с турбиной № 27.

Вышинский. И может быть с турбиной № 26, о которой я говорил?

Сухоручкин. Да, с турбиной № 26.

Вышинский. А может быть вы будете добры сказать – в чем конкретно выражались эти акты?

Сухоручкин. Мое вредительство заключалось в следующем: не с турбинами, а собственно с генераторами этих турбин. Эти генераторы присоединены к распределительному устройству при помощи однофазных кабелей. Чтобы вызвать аварию на этих кабелях, я сам лично заземлил оболочку однофазного освинцованного кабеля на той и другой машине.

Вышинский. Каким образом?

Сухоручкин. Это заземление осуществить очень легко. Нужно признать, что вообще прокладка этих однофазных освинцованных кабелей не совсем удовлетворительна на станции.

Вышинский. Кто их ставил?

Сухоручкин. Это было еще в 1929-1930 годах.

Вышинский. Вы в этом участвовали?

Сухоручкин. Я был тогда помощником заведующего электротехнического отдела и к этому не имел никакого отношения.

Вышинский. А кто к этому имел отношение?

Сухоручкин. Тогда был заведующим электротехническим отделом Языков.

Вышинский. Как же вы произвели это заземление?

Сухоручкин. Под однофазным кабелем имеются картонные прокладки, которые прокладываются между кабелем и между железной полкой. Чтобы заземлить, нужно или немного сдвинуть кабель, или немного сдвинуть прокладки из-под кабеля. Сдвинув немного кабель, чтобы он прикасался к стояку этих полок, можно осуществить заземление.

Вышинский. А вы что сделали конкретно?

Сухоручкин. Я сделал сдвиг прокладки от кабеля.

Вышинский. Как вы это сделали, расскажите, чтобы было понятно не технику.

Сухоручкин. Просто немного сдвинул прокладку таким образом, что кабель оказался лежащим уже не на картонной прокладке, а на железной полке.

Вышинский. Вы показывали на предварительном следствии: «Я лично соединил свинцовую оболочку однофазных освинцованных кабелей №№ 26 и 27 с железной полкой».

Сухоручкин. Это не точное выражение. Ежели вы возьмете мои показания, которые подписаны мною, то там сказано, что заземление произошло за счет соединения с железной полкой, а не палкой.

Вышинский. Это неточная редакция.

Сухоручкин. Нет, это просто ошибка машинистки.

Вышинский. Неточная редакция или ошибка машинистки, но вы осуществили это заземление путем соединения однофазного кабеля с железной полкой.

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Произошла авария?

Сухоручкин. Аварии не произошло, но повреждение кабеля произошло.

Вышинский. А повреждение кабеля разве не есть авария?

Сухоручкин. Это еще не авария.

Вышинский. А авария в смысле приостановки работы станции не произошла?

Сухоручкин. Нет.

Вышинский. Почему?

Сухоручкин. Потому что это вовремя было замечено рабочими.

Вышинский. Что было рабочими предпринято?

Сухоручкин. Они довели об этом до сведения мастера электротехнического цеха, и были приняты меры к тому, чтобы этот кабель был исправлен.

Вышинский. По каким мотивам вы произвели этот вредительский акт?

Сухоручкин. Этот вредительский акт я произвел по заданию инженера Торнтон после беседы, имевшей место с ним примерно в октябре 1931 г.

Вышинский. В октябре 1931 г. после беседы с Торнтоном вы решили произвести вредительский, диверсионный акт?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Что это была за беседа?

Сухоручкин. Эта беседа была подготовлена прежней моей связью с Торнтоном.

Вышинский. Какой связью? Откуда? Сколь продолжительной, на какой почве?

Сухоручкин. Это произошло – и моя связь с Торнтоном и работа по его указаниям в конце 1927 г. – в начале 1928 г.

Вышинский. Следовательно многолетняя связь?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Подробнее, но только в той части, которая касается интересующего нас предмета: вашей вредительской, контрреволюционной деятельности.

Сухоручкин. Эта связь заключалась в том, что, начиная с конца 1927 г., я выполнял поручения Торнтон, в частности поручения и по вредительству. Во исполнение этих поручений и на основании той беседы, которая у меня имела в октябре 1931 г., когда вместе с Торнтоном мы обсуждали возможные акты вредительства, но такого характера, чтобы это не бросалось в глаза как вредительство. Он, знакомый с нашим электрохозяйством, предложил мне выполнить этот акт. Я его выполнил.

Вышинский. Это когда было?

Сухоручкин. Беседа в октябре 1931 г., а самый акт я выполнил уже в декабре 1931 г.

Вышинский. До этого у вас были такие разговоры, логическим продолжением которых и являлись такие действия?

Сухоручкин. Да, разговоры такие были.

Вышинский. Расскажите, пожалуйста. В декабре-январе 1930-1931 гг. у вас производилась установка и испытание первой трансформаторной группы?

Сухоручкин. Да, производились.

Вышинский. По этому поводу что вы могли бы нам сказать?

Сухоручкин. По этому поводу я могу сказать следующее: установка трансформаторной группы происходила совершенно в ненормальных условиях благодаря следующим причинам. Ввод в эксплуатацию этой трансформаторной группы должен был быть обеспечен максимум в 1930-1931 годах. Но доставка оборудования фирмой была с большим запозданием. Особенно это опоздание относилось к регуляторам трансформаторов и к маслопроводам. Вследствие такого запоздания эта трансформаторная группа монтировалась уже зимой 1930 г., и так как в ней чувствовалась большая необходимость, все-таки решено было переключиться по старой трансформаторной группе на вновь смонтированную в конце 1930 г., в начале 1931 г. Включение этой трансформаторной группы действительно было произведено, но производилось в очень тяжелых условиях.

Вышинский. Какие ваши действия были по этому поводу? Вы должны были проверить состояние оборудования по окончании монтажа?

Сухоручкин. Да, должен был проверить.

Вышинский. Проверяли вы?

Сухоручкин. Да, я его проверял.

Вышинский. Проверяли, а может быть вы забываете, может быть вы не проверяли?

Сухоручкин. В отношении первой трансформаторной группы, насколько, мне помнится, аварий не было. Это было при включении второй трансформаторной группы. Это было уже в октябре 1932 г.

Вышинский. Давайте выясним тогда этот вопрос. Вы помните свои показания от 23 марта? Вы, вероятно, сумеете их припомнить? Вас спросили о второй трансформаторной группе? После окончания монтажа второй трансформаторной группы произошла какая-нибудь авария или нет?

Сухоручкин. Да, произошла.

Вышинский. В чем она заключалась?

Сухоручкин. В том, что при испытании этой трансформаторной группы, в частности при испытании регулятора трансформаторов, произошло перекрытие внутри масляного выключателя втулки и сгорание контакта.

Вышинский. Почему?

Сухоручкин. Потому что 2 масляных переключателя не были залиты маслом.

Вышинский. Тем не менее группа была пущена в действие?

Сухоручкин. Производилось испытание при таких условиях.

Вышинский. В результате?

Сухоручкин. В результате произошла авария, вследствие которой эта трансформаторная группа задержалась включением примерно на сутки, с одной стороны, а с другой стороны, ввиду того, что произошло подгорание пакелитовых [бакелитовых] изоляторов несомненно понизилась надежность самой трансформаторной группы.

Вышинский. Значит можно подвести итог вашим показаниям таким образом. В отношении генераторов №№ 26 и 27 через соединение железной полки вы достигли порчи изоляторов, благодаря чему должна была бы последовать авария, если бы она не была предотвращена бдительностью рабочих?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Это было сделано сознательно?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. По окончании монтажа второй трансформаторной группы в октябре 1931 г. произошла авария вследствие того, что баки не были залиты маслом, и это событие тоже явилось результатом ваших сознательных действий?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Заключающихся в том, что вы сознательно не проверили состояние баков?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Значит два конкретных вредительских акта?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Дальше относительно 4-го щита. Как стоял вопрос с работой по устройству вентиляции 4-го щита? Что вы по этому поводу можете сказать?

Сухоручкин. По этому вопросу я могу сказать, что в подвале 4-го щита проложено много силовых кабелей, которые довольно сильно греются. Для этого нужно было устроить вентиляцию. Такая вентиляция мною устроена не была, или вернее устройство ее затягивалось.

Вышинский. На сколько времени?

Сухоручкин. По имеющимся последним сведениям такая вентиляция должна была быть осуществлена примерно в марте месяце.

Вышинский. На сколько времени затянулась?

Сухоручкин. Месяца на два.

Вышинский. Все или еще что-нибудь припомните, заслуживающее внимания на судебном следствии.

Сухоручкин. Да, я могу припомнить еще многое.

Вышинский. Ну, продолжим этот скорбный список аварий, произведенных государственным служащим, ответственным лицом за состояние станции. Продолжаем. Авария 22 ноября 1932 г.

Сухоручкин. 22 ноября 1932 г. действительно произошла крупная авария, приведшая к погашению почти всей Москвы. Выбыла из строя машина собственного расхода в результате непринятия мер по наладке всей системы водоподготовки на станции. В результате этого произошло забитие турбинной лопатки, произошел сдвиг ротора, произошла порча упорного подшипника, и турбина выбыла из строя.

Вышинский. Одна или две?

Сухоручкин. Непосредственно выбыла из строя в эту аварию одна.

Вышинский. Номер?

Сухоручкин. № 17. Но кроме того благодаря тем же недостаткам водоподготовки наблюдался большой занос лопаток, вследствие чего пришлось турбину вскрыть потому, что на них наблюдалась вибрация. Это – турбина № 24 и турбина номер, насколько мне помнится, 21 или 22.

Вышинский. Значит три турбины – 17, 22, 24?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Крупная авария? Четвертый случай. Чтобы кончить, Может быть скажете еще про пятую аварию на бойлерной установке, когда тоже ряд ваших действий создал аварийные результаты?

Сухоручкин. Да, это было.

Вышинский. В чем заключалось?

Сухоручкин. Это заключалось в том, что в связи с присоединением новых тепловых потребителей к нашей станции, несомненно нужно было подготовить достаточно хорошо к отопительному сезону 1932/33 г. старую бойлерную установку. Так как устанавливавшаяся на нашей станции к этому времени теплофикационная турбина в 12 000 киловатт по своему определению не могла вступить к этому отопительному сезону в строй, то эти меры тем более вызывались необходимостью. Но, несмотря на это, мною не были приняты соответствующие меры в двух направлениях. С одной стороны, мною как начальником эксплуатационного отдела не был поставлен жестко вопрос о необходимости наладки химической очистки, периодической очистки старых бойлеров, и, с другой стороны, в свое время не был поднят вопрос об установлении 3-го бойлера, старого бойлера.

Вышинский. Когда производилась установка старого 3-го бойлера? В нормальных условиях?

Сухоручкин. Не в нормальных.

Вышинский. В аварийных условиях?

Сухоручкин. Да. Кроме того это повлекло необходимость большого ремонта, особенно старых бойлеров, после того, как был установлен дополнительно 3-й бойлер. В отношении бойлерных установок все.

Вышинский. Все эти действия вы производили сознательно?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Умышленно?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Во вредительских целях? Подорвать мощь хозяйства?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Затруднить электроснабжение?

Сухоручкин. Да, это так.

Вышинский. Сорвать производство?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. По заданию?

Сухоручкин. По заданию представителя фирмы «Метро-Виккерс» и инженера Торнтон.

Вышинский. Вы получали деньги?

Сухоручкин. Да, я получал.

Вышинский. Сколько?

Сухоручкин. Всего, насколько я помню, я получил в советской валюте около 2 500 рублей и торгсиновскими бонами 350 рублей.

Вышинский. Пока я не имею вопросов.

Председатель. Товарищ Рогинский, имеете вопросы?

Рогинский. Скажите, подсудимый Сухоручкин, в дополнение к тем показаниям, которые были даны сейчас товарищу Вышинскому, был ли у вас намечен план диверсий на случай войны?

Сухоручкин. Да, такие планы были.

Рогинский. Какие диверсионные акты были намечены?

Сухоручкин. Вывод распределительных устройств из строя, этим самым парализация работы станции.

Рогинский. Парализация работы всей электростанции?

Сухоручкин. В зависимости от того, какое распределительное устройство может быть, значит парализация может быть частичной.

Рогинский. А вы какое намечали?

Сухоручкин. Мы намечали или вывод распределительного устройства в 6 600 вольт или распределительное устройство в 2 200 вольт.

Рогинский. Результат?

Сухоручкин. Результат – или могли оставить без питания всех потребителей, которые были прикреплены к распределительному устройству в 6 600 вольт, или всех потребителей, прикрепленных к распределительному устройству в 2 200 вольт.

Рогинский. А какие потребители были присоединены к распределительному устройству в 6 600 вольт?

Сухоручкин. К распределительному устройству в 6 600 вольт были присоединены потребители световые и заводы и фабрики.

Рогинский. Заводы, фабрики и затем?

Сухоручкин. Были присоединены такие важные потребители, как казармы, Дом правительства.

Рогинский. Значит этот план предусматривал вывод из строя именно той части электростанции, которая снабжает энергией наиболее ответственные или вернее бронированные участки?

Сухоручкин. Точнее будет – ответственные.

Рогинский. Скажем, такой завод, как «Серп и молот», попал в число тех предприятий, которые должны были быть выведены из строя?

Сухоручкин. Да, был присоединен к распределительному устройству в 6 600 вольт.

Рогинский. Завод «Спартак»?

Сухоручкин. Завод «Спартак» я не помню.

Рогинский. Кремль присоединен?

Сухоручкин. Присоединен.

Рогинский. Крутицкие казармы?

Сухоручкин. Присоединены.

Рогинский. ЦАГИ?

Сухоручкин. Присоединен.

Рогинский. Казармы Дзержинского?

Сухоручкин. Присоединены.

Рогинский. Вся радиопередача?

Сухоручкин. Присоединена.

Рогинский. Вот те предприятия, которые по вашему плану ~~должны плану~~ должны были быть выведены из сферы электроснабжения?

Сухоручкин. Это так.

Рогинский. Скажите пожалуйста, этот план был вами намечен лично?

Сухоручкин. Он был мной намечен совместно с Торнтоном.

Рогинский. При каких обстоятельствах?

Сухоручкин. Обстоятельства были примерно следующие: с Торнтоном по этому вопросу у нас были две беседы. Именно: по поводу распределительного устройства 6 600 вольт.

Рогинский. Где были эти беседы?

Сухоручкин. Одна беседа имела место в самом распределительном устройстве 6 600 вольт примерно в начале 1930 г, сколько мне помнится, в феврале месяце при осмотре этого распределительного устройства.

Рогинский. Как попал подсудимый Торнтон в помещение распределительного устройства.

Сухоручкин. Он попал при следующих условиях: это распределительное устройство было новое, он не был с ним знаком, поэтому в одно из своих посещений станции, насколько мне помнится в феврале месяце, он просил меня показать ему таковую. Ввиду того, что посещение всех распределительных устройств у нас производится только с разрешения дирекции, мною были испрошено разрешение у тогдашнего технического директора.

Рогинский. Кого?

Сухоручкин. Рязанова. Я посетил с ним это распределительное устройство и показал его ему во всех этажах.

Рогинский. Еще один вопрос в связи с этим – Рязанов – его судьба?

Сухоручкин. Он был арестован в связи с процессом «Промпартии».

Рогинский. Как вредитель?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. У Рязанова, проходящего по делу «Промпартии», осужденного за вредительские действия, вы испросили разрешение и совместно с Торнтоном прошли в залу распределительного устройства?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Что же, это посещение имело какие-либо конкретные практические результаты?

Сухоручкин. Конкретные практические результаты этого посещения заключались в том, что Торнтон хорошо ознакомился с этим распределительным устройством, начиная с шинного этажа и кончая кабельным подвалом и кабельным туннелем, после чего он высказал свои соображения (и я с ним согласился) о возможности легкой диверсии именно с этим распределительным устройством.

Рогинский. Что значит «легкая» диверсия?

Сухоручкин. Я говорю о легкой осуществимости диверсии.

Рогинский. Но тяжелой по последствиям?

Сухоручкин. Да, тяжелой по последствиям.

Рогинский. Значит это посещение Торнтонна совместно с вами зала распределительного устройства было использовано для выявления наиболее узких, слабых мест в распределительном устройстве и для намечания определенных диверсионных актов?

Сухоручкин. Да, это так.

Председатель. Не «слабых» мест, а уязвимых?

Рогинский. Уязвимых?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Торнтон в этот период времени имел какое-либо отношение к работам станции?

Сухоручкин. Да, он имел отношение. Он не работал в качестве монтажного инженера, но он часто посещал станцию ввиду того, что в это уже время намечалась постройка в 1930 г. первой трансформаторной группы для центральной подстанции.

Рогинский. Но пока еще непосредственно практической работы контора «Метро-Виккерс» или кто-либо из ее служащих на электростанции не производили?

Сухоручкин. Не производили.

Рогинский. Это еще было в перспективе – поставка оборудования и монтаж?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Посещение Торнтоном электростанции, в частности зала распределительного устройства, можно ли его поставить в какую-либо связь с дальнейшими работами, которые затем производила фирма «Метро-Виккерс» на этой станции?

Сухоручкин. Непосредственной связи это не имело.

Рогинский. Следовательно это посещение не должно быть связано последующими работами «Метро-Виккерс»?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Второе посещение зала распределительного устройства когда было?

Сухоручкин. Второго посещения зала распределительного устройства, зала 6 600 вольт с Торнтоном я не помню.

Рогинский. А какое посещение вы еще помните?

Сухоручкин. Беседы по поводу этого распределительного устройства – это я помню.

Рогинский. Было одно посещение, и были еще беседы по поводу распределительного устройства?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Хорошо. Выработка планов диверсии на случай войны к какому времени относятся – к этому периоду посещения, или они развивались в процессе дальнейших бесед?

Сухоручкин. Предварительная наметка была уже при этом посещении. Более конкретизированы эти задания были во втором посещении.

Рогинский. Во втором посещении? Значит оно было?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Это когда было?

Сухоручкин. В конце 1931 г., в октябре.

Рогинский. Как здесь были конкретизированы диверсионные акты?

Сухоручкин. Здесь уже шел разговор о фактических возможностях выполнения. Здесь были намечены способы, каким образом это можно произвести.

Рогинский. Следовательно первое посещение – намечение наиболее уязвимых мест, ряд бесед и наконец в конце 1931 г. конкретная беседа уже по обсуждению способов совершения этих диверсионных актов. Так?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Таким образом мы пока установили две линии вашей вредительской деятельности. Непосредственные вредительские акты. Здесь было товарищем Вышинским установлено 5 или 6 таких актов. Вторая линия – это конкретно вырабатываемая программа или план диверсионных актов на случай военных осложнений. Так?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Третья линия – сознательное и умышленное сокрытие дефектов оборудования. Это имело место?

Сухоручкин. Да, это тоже имело место.

Рогинский. Для того чтобы быть более конкретным, может быть вы сообщите нам несколько таких случаев сокрытия дефектов оборудования?

Сухоручкин. Такими фактами я могу назвать следующие: во-первых, дефекты на генераторах, поставленных фирмой «Метро-Виккерс», выражавшиеся в неудовлетворительном конструктивном выполнении. Затем вывод ротора генератора и маслозащитных щитков на генераторе.

Рогинский. Может быть вы здесь более точно изложите суду, каким путем вы достигали сокрытия этих дефектов?

Сухоручкин. Достигалось таким способом, что не делалось никаких решительно рекламаций фирме.

Рогинский. Не предъявлялось никаких претензий?

Сухоручкин. Нет.

Рогинский. А сами эти дефекты исправлялись, или они вообще не исправлялись?

Сухоручкин. Они имеют место и до сегодняшнего времени.

Рогинский. Эти дефекты остались и до сего времени?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Наличие этих дефектов держало станцию и держит станцию все время в аварийном состоянии?

Сухоручкин. Это не совсем так.

Рогинский. Разъясните пожалуйста.

Сухоручкин. Наличие этих дефектов имеет место только лишь на трех генераторах, установленных на нашей станции. Кроме того эти дефекты непосредственной угрозы немедленной аварийной остановки, не представляют.

Рогинский. Я не ставлю вопрос о немедленной угрозе, а ставлю вопрос вообще об аварийном состоянии.

Сухоручкин. Но то, что генераторы благодаря этому часто останавливаются на ремонт и тем самым являются как будто бы не вполне надежными, это конечно говорит за то, что новые установки, то есть 3 поставленных фирмой «Метро-Виккерс» генератора, в этой части неудовлетворительны.

Рогинский. Так – неудовлетворительны. Еще какие дефекты и в каком оборудовании были вами скрыты?

Сухоручкин. Еще дефекты касаются трансформаторных групп, в частности дефекты регуляторов трансформаторов, которые так же неудовлетворительно работают на станции до сих пор. О них так же рекламации не были предъявлены.

Рогинский. Дальше?

Сухоручкин. Кроме того здесь по трансформаторным группам не предъявлялись требования фирме о невыполнении договоров или о недоброкачественности полученного оборудования.

Рогинский. Каким путем удавалось замазывать эти дефекты?

Сухоручкин. Это было мне, в то время заведывающему электрическим отделом, несомненно легко сделать, потому что от меня зависело написать или не написать в объединение Мосэнерго об имеющихся дефектах.

Рогинский. Значит если были обнаружены дефекты, то вопрос о предъявлении рекламаций, о предъявлении претензий обязательно должен был быть направлен через вас?

Сухоручкин. Да, не только через меня, но должен был быть направлен мной.

Рогинский. И следовательно вы могли не пропустить или не направить данной претензии, данной рекламации?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. А как вы объясняли перед тем или иным персоналом станции наличие этих дефектов?

Сухоручкин. Они просто исправлялись по возможности, насколько это было возможно, силами самой станции.

Рогинский. И таким образом дефекты...

Сухоручкин. И таким образом дефекты по существу оставались скрытыми.

Рогинский. Итак намечается три линии: непосредственная вредительская деятельность, план действий на случай войны, сознательное скрытие ряда серьезнейших; дефектов в поставляемом оборудовании, представлявших определенную угрозу аварий. Так?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. И за все это последовала оплата этих действий в той сумме, которую вы здесь сообщили на вопрос товарища Вышинского, так?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Можно задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Вы слышали показания?

Торнтон. Слышал.

Рогинский. На станции были?

Торнтон. Да.

Рогинский. Вместе с Сухоручкиным в зале распределительных устройств были?

Торнтон. Были и до этого.

Рогинский. И вместе с ним были?

Торнтон. Да.

Рогинский. Те беседы, о которых здесь рассказывал подсудимый Сухоручкин, имели место?

Торнтон. Никогда не имели места.

Рогинский. Деньги, о которых Сухоручкин говорил, давали?

Торнтон. Нет.

Рогинский. У меня нет больше вопросов к Торнтону и нет вопросов к Сухоручкину.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Шварц. Обвиняемый Сухоручкин, позвольте вас вот о чем спросить: До поступления в МОГЭС, Мосэнерго вы прошли большой стаж профсоюзной работы? Позвольте обследовать начало вашей работы в Мосэнерго. 1925 год? Кем вы работали там?

Сухоручкин. Инженером котельного цеха.

Шварц. Эта работа протекала добросовестно, честно или нет?

Сухоручкин. Да, до этого момента я работал добросовестно.

Шварц. Скажите, примерно, в каком году была у вас первая встреча с Торнтоном?

Сухоручкин. Встреча (но я не был с ним знаком) относится еще к 1926 г.

Шварц. А знакомство?

Сухоручкин. Близко с ним и познакомился уже в 1927 г., примерно в середине.

Шварц. С середины 1927 г. начинается более или менее близкое знакомство. Правильно сказать, что до середины 1927 г. вы работали честно и добросовестно?

Сухоручкин. Да, это было так.

Шварц. По какому поводу у вас произошло знакомство с Торнтоном, при каких обстоятельствах вас познакомили и кто?

Сухоручкин. Знакомство произошло на деловой почве. В 1927 г. на центральной подстанции первой Московской станции устанавливалось два трехфазных трансформатора фирмы «Метро-Виккерс». Монтаж этих трансформаторов как монтажный инженер тогда вел Торнтон. Я участвовал в монтаже этих трансформаторов тогда еще как инженер электроцеха, в ведении которого находилась эксплуатация этой центральной подстанции.

Шварц. Скажите пожалуйста, в течение 1927 г. кроме деловых взаимоотношений с Торнтоном, у вас других не было?

Сухоручкин. Не было. Ежели не считать того, что зачастую на беседах, которые велись с ним, я сообщал ему различного рода технические сведения, касающиеся нашей станции.

Шварц. Вы это сами делали по своей инициативе или чью-либо просьбу удовлетворяли?

Сухоручкин. В данном случае я отвечал на те вопросы, которые обычно в беседах ставил Торнтон.

Шварц. Эти вопросы и ваши ответы были несекретного характера, или наоборот, вы сообщали секретные сведения?

Сухоручкин. Я считаю, что небезобидного характера.

Шварц. Небезобидного характера. Раз вы стали сообщать сведения небезобидного характера, то не будете ли вы любезны сообщить, почему же вы решились, по какому поводу, давать такие сведения?

Сухоручкин. Я решился давать эти сведения благодаря тому, что в то время мы уже достаточно друг друга знали – я и Торнтон, знали примерно политические взгляды друг друга.

Шварц. Ваши встречи в 1928 г. с Торнтоном продолжались?

Сухоручкин. Да, продолжались.

Шварц. А в 1929[-м]?

Сухоручкин. Эти встречи были почти каждый год, начиная с 1927 г., но в 1927 г. он работал как монтажный инженер, в течение остальных лет он довольно часто посещал нашу станцию и особенно часто посещал примерно до 1930 г. До 1930 г. вообще они имели достаточно свободный доступ на нашу станцию, так как имели пропуск на станцию.

Шварц. Не было ли таких случаев, чтобы Торнтон оказывал вам некоторые услуги, которые бы избавляли вас от некоторых служебных недоразумений и затруднений, скажем, случай с камнями для обточки коллектора генератора.

Сухоручкин. Был такой случай. Этот случай заключался в том, что для обточки коллектора генератора машины той же фирмы у нас был один камень для шлифовки. Этот камень был потерян, ввиду чего мы по его образцу не могли заказать в Союзе таких камней.

Шварц. Короче – Торнтон достал вам камень?

Сухоручкин. Достал.

Шварц. Второй случай со сварочным аппаратом. Торнтон достал?

Сухоручкин. Достал.

Шварц. Почему он старался оказывать эти услуги, чем это было вызвано? Кстати, к какому году относятся эти два случая, не вспомните ли?

Сухоручкин. Насколько мне помнится, случай с камнем относится к 1931 году. Я точно не помню. А сварочный аппарат уже к 1932 году.

Шварц. То есть к тому времени, когда у вас были уже более или менее близкие и дружеские отношения?

Сухоручкин. Да.

Шварц. Теперь позвольте еще один вопрос. Вы получили высшее образование уже при советской власти?

Сухоручкин. Да.

Шварц. Работали очень длительное время в профсоюзной организации?

Сухоручкин. Да.

Шварц. Не объясните ли вы, почему это с вами произошло, почему вы могли решиться на такие серьезные преступления?

Сухоручкин. Хотя я и работал в профсоюзных организациях, но я по существу был настроен антисоветски.

Шварц. Почему?

Сухоручкин. На это были свои причины. Во-первых, по приходе на станцию я попал в окружение опять-таки инженеров, которые впоследствии или были высланы со станции, или были арестованы по процессу «Промпартии», или были просто уволены. С другой стороны, это совпадало с моментом нэпа, когда, так сказать, казалось, что советская власть делает известный поворот назад. Это все благоприятствовало. Кроме того здесь известным образом сказались недовольство в смысле материальном, потому, что цены, имевшие место хотя бы в тогдашних магазинах, не соответствовали тому жалованию, которое мы получали.

Шварц. Скажите, у вас не было стремления повернуть к прежней работе – к профсоюзной, к честной работе. В этом смысле колебания были? Если были, то когда и в чем это выражалось?

Сухоручкин. Эти колебания были, и в особенности эти колебания и раскаивание может быть в своей работе, в своей деятельности обострились к тому моменту, когда было видно, что намеченные планы первой пятилетки осуществляются в жизнь, и то, что намечалось, проводится в жизнь. Это говорило, что я рассуждал чрезвычайно неправильно в отношении советской власти.

Шварц. Можно ли сказать, что такая преступная работа объяснялась вашим неверием в советскую власть, а колебания, поворот к честной жизни был вызван тем, что вы воочию убеждались в укреплении советской власти, в осуществлении первой пятилетки и во вступлении в начало второй пятилетки?

Сухоручкин. Это так.

Шварц. Больше у меня вопросов нет.

Брауде. Будьте добры, Сухоручкин, объяснить – я не совсем понял, когда говорили о причинах антисоветских настроений, вы сказали о нэпе, о повороте направо. Почему поворот направо вызвал у вас антисоветские настроения? Нужно было бы как раз наоборот?

Сухоручкин. Я не совсем точно понимаю вопрос.

Брауде. У вас были антисоветские настроения. Скажите, эти настроения, которые не мирились с нэпом, но, как видно, мирились с производством диверсий, я вас спрашиваю, соответствовали ли Ваши убеждения устройству диверсионных вредительских актов?

Сухоручкин. Моим убеждениям. Да, соответствовали.

Брауде. Зачем тогда нужен был Торнтон – ведь технически он вам не помогал. Почему понадобился Торнтон, когда все это соответствовало вашим настроениям?

Сухоручкин. Я считаю, что в данном случае, если бы не было встречи и связи с Торнтоном, то я может быть не стал бы на тот путь, который привел меня на скамью подсудимых.

Брауде. Вы себе противоречите.

Сухоручкин. Это подталкивало.

Брауде. С вашей точки зрения, что сыграло большую роль – встреча с Торнтоном, или, как вы говорите, деньги, которые давал Торнтон?

Сухоручкин. Больше всего повлияли мои частные беседы с Торнтоном по вопросам общеполитическим.

Брауде. Вы ориентировались на него – как он к нэпу относился?

Сухоручкин (молчит).

Шварц. Можно задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Шварц. Гражданин Торнтон, вы слышали показания Сухоручкина о двух случаях оказания ему служебной помощи: первое – это получение для него и для его учреждения камней для обточки коллекторов машин.

Торнтон. Да, был такой случай.

Шварц. И второй случай – получение сварочного аппарата.

Торнтон. Да.

Шварц. Кто заказал эти камни и сварочный аппарат?

Торнтон. Он заказал. Это было сделано официально, оформлено актом.

Шварц. Эти два случая имели место?

Торнтон. Да, имели место.

Шварц. Больше у меня вопросов нет.

Сухоручкин (к суду). Можно задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Сухоручкин. Гражданин Торнтон, эти камни и затем сварочный аппарат согласно чьему запросу и чьей просьбе прислали на 1-ю МГЭС?

Торнтон. Кажется согласно вашему запросу. Вы сказали, что у вас камней нет. Мы решили достать вам камни. Мы доставали не только вам, но и «Красному Октябрю». Это небольшая любезность, для нас хорошо, если вы имеете правильный инструмент.

Сухоручкин. Согласно чьей просьбе был послан сварочный аппарат?

Торнтон. Кажется сам Сухоручкин это просил.

Вышинский. У меня вопрос к Торнтону. Подсудимый Торнтон, я вас правильно понял, что эти камни и сварочный аппарат вы не только послали на 1-ю МГЭС, но послали их и на целый ряд других предприятий?

Торнтон. Камни, да. А сварочный аппарат только один.

Вышинский. Камни посылали на ряд других предприятий?

Торнтон. Да.

Вышинский. Для чего? Зачем? В интересах вашей фирмы вы это сделали или по заказу?

Торнтон. Нет, не по заказу. Лучше послать камень какому-нибудь учреждению, чтобы они могли отшлифовать свой коллектор, чем если бы они испортили и сказали бы, что это брак коллектора.

Вышинский. А коллектор ваш был?

Торнтон. Коллектор принадлежит клиенту.

Вышинский. Но это часть оборудования, поставленная вашей фирмой?

Торнтон. Да, конечно.

Вышинский. Вы это делали в интересах вашей фирмы? Вы интересовались тем, чтобы ваше оборудование обрабатывалось хорошим камнем, чтобы потом недостаток обработки не перенесли на недостаток оборудования. Верно я вас понимаю?

Торнтон. Да.

Вышинский. Ваши собственные интересы заставляли вас это делать?

Торнтон. Да.

Вышинский. Сварочный аппарат вы в качестве рекламы поставили, потому что в интересах фирмы было, чтобы сварочные аппараты получили распространение?

Торнтон. Да.

Вышинский. Следовательно вы действовали в коммерческих интересах вашей фирмы?

Торнтон. Да.

Вышинский. Больше вопросов к Торнтону нет. Вопрос к Сухоручкину. Торнтон действует в коммерческих интересах своей фирмы в данном случае и в интересах других учреждений в других случаях. А вы, Сухоручкин, в чьих интересах действовали в своей вредительской работе? Внятным голосом нужно четко и ясно ответить на этот вопрос. Вы, гражданин советской земли, в чьих интересах действовали или, если хотите, против чьих интересов. Вы, советский гражданин, состоящий на государственной службе, в чьих интересах действовали?

Сухоручкин. Я действовал против интересов советской власти.

Вышинский. Власти или трудящегося народа в целом?

Сухоручкин. Трудящегося народа в целом.

Вышинский. И власти?

Сухоручкин. Советского союза.

Вышинский. И за чьи интересы вы ратовали, в чьих интересах вы действовали таким образом?

Сухоручкин. Я действовал в интересах врагов Советского союза.

Вышинский. Вы понимаете какой ответственности за это подвергались?

Сухоручкин. Да, я знаю.

Вышинский. Следовательно, вы сознательно шли на такие действия, ответственность за которые вам хорошо известна?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. У меня нет вопросов.

Председатель. Объявляю перерыв до 10 часов.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 15 апреля 1933 г. 10 час. утра

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Монкгауз. Можно мне сделать заявление по поводу показаний Сухоручкина?

Председатель. Пожалуйста.

Монкгауз. Я хочу сказать на английском языке, чтобы было более точно.

Председатель. Пожалуйста.

Монкгауз (перевод). После заслушания показаний Сухоручкина и других советских граждан в течение вчерашнего дня и позавчера...

Председатель. Вы хотите дать объяснение по поводу показаний Сухоручкиным или хотите сделать декларацию? Это объяснение или заявление?

Монкгауз. Объяснение.

Председатель. Касающееся вас?

Монкгауз. Касающееся меня.

Председатель. Тогда пожалуйста продолжайте в части показания Сухоручкина, но причем тут показания других советских граждан?

Монкгауз (перевод). После показаний Сухоручкина, данных им вчера вечером, для меня совершенно ясно, что это дело является провокацией против фирмы «Метро-Виккерс», основанной на показаниях терроризированных людей.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, вас касался Сухоручкин в своих показаниях или нет?

Монкгауз. Да, касался.

Председатель. Тогда говорите в этой части, а остальные скажут сами за себя. Вы не адвокат, у каждого подсудимого есть свой защитник, который будет защищать своего подсудимого.

Монкгауз. Как я понимаю закон, у меня имеется право сделать заявление.

Председатель. Этого делать сейчас нельзя, а в конце судебного следствия в последнем слове каждый подсудимый имеет право сделать необходимые заявления. Сегодня утром у нас предполагался допрос Крашенинникова, затем Зорина, а не допрос Монкгауза. Когда вас будут допрашивать – сможете сделать заявления, касающиеся предъявленного вам обвинения.

Монкгауз (перевод). Я хочу продолжать и сказать, что в показаниях, данных этими людьми, я знаю это по собственному опыту, когда был подвергнут 18-ти часовому допросу...

Председатель. Вас будем допрашивать сегодня вечером или завтра утром. Поскольку вы делаете попытку сделать заявление от имени всех подсудимых, я не могу дать вам слово. Поэтому я вызываю подсудимого Крашенинникова, которого будем сейчас допрашивать, а сегодня вечером и завтра утром вы будете иметь возможность говорить, что найдете нужным в отношении своих прежних показаний.

Подсудимый Крашенинников – пожалуйста. Товарищ Вышинский, у вас есть вопросы к Крашенинникову?

Вышинский. Какую вы занимали должность и где именно?

Крашенинников. Последнее время?

Вышинский. Да.

Крашенинников. Последнее время с 1 марта 1932 г. занимал должность начальника ремонтно-монтажного отдела 1-й Московской станции.

Вышинский. С какого времени?

Крашенинников. С 1 марта 1932 г.

Вышинский. По?

Крашенинников. По день ареста.

Вышинский. Какие задания лежали на вас по этой должности?

Крашенинников. По этой должности на мне лежала обязанность по выполнению ремонта и монтажа, производимых на станции – по всей станции.

Вышинский. Ремонт и монтаж по всей станции?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Дальше?

Крашенинников. Это мои основные обязанности как начальника ремонтно-монтажного отдела.

Вышинский. Следовательно, ответственность за монтаж турбогенератора №№ 26, 27, о котором вчера говорили, лежала на вас?

Крашенинников. На мне лежала эта обязанность по монтажу №№ 26, 27 турбины. В то время я был инженером станции, выполняя отдельные поручения на станции. В частности с конца 1927 г. мне было поручено проведение [де]монтажа старых турбин и [монтажа] новых турбин №№ 26, 27.

Вышинский. Когда это было вам поручено?

Крашенинников. В конце 1927 [-го], в начале 1928 года.

Вышинский. Тогда вы еще не были начальником ремонтно-монтажного отдела ?

Крашенинников. Нет, я был просто инженером.

Вышинский. А в 1929 году?

Крашенинников. Примерно в середине 1929 г. я был назначен мастером машинного отдела станции.

Вышинский. В этот период времени какие на вас лежали обязанности по этой должности?

Крашенинников. Лежали обязанности по ремонту машинного оборудования и эксплуатации этого же оборудования.

Вышинский. В 1930 году?

Крашенинников. В конце 1930 г. я был назначен заведующим машинным отделом станции.

Вышинский. И в круг ваших обязанностей, как заведующего машинным отделом, что входило?

Крашенинников. В круг моих обязанностей, как заведующего машинным отделом, входило наблюдение за эксплуатацией, ремонтом [оборудования] машинного отдела и руководство персоналом, работающим в монтажном отделе.

Вышинский. Кто такой был Рязанов? Какую должность он занимал?*

Крашенинников. Заместителя директора по технической части.

Вышинский. Вы в каком служебном отношении находились к нему в этот период времени?

Крашенинников. Его подчиненный.

* Из воспоминаний самого инж. Ф.А. Рязанова, о котором вдруг вспомнил А.Я. Вышинский (ф. 9592 РГАЭ):
В Земгоре [в 1915 г.] я познакомился с А.Я. Вышинским. Тогда он работал в редакции вновь организованного журнала «Известия Земгора». В конце каждой недели А.Я. Вышинский приходил ко мне, скромно подсаживался к моему столу и записывал в блокнот диктуемые мною сведения о выполненных за неделю Отделом работах – сколько телефонов и кабеля отправлено на фронт и прочее. Об этом периоде его работы, мне кажется, он не хотел впоследствии вспоминать.

По крайней мере, когда мы [с моим товарищем и бывшим коллегой по Земгору] А.Я. Рябковым отдыхали в 1927 г. в доме ученых в Гаспре, А.Я. Вышинский, возглавлявший тогда высшие школы, не хотел показывать, что он с нами знаком. Чтобы окончательно убедиться в этом, мы как-то после обеда сели около дорожки, по которой он ежедневно проходил после обеда отдыхать на гамаке. Он гордо прошел мимо с подушкой, высоко подняв голову, будто не замечая нас.

<...> Весной 1933 г. мне пришлось пережить на Горьковской ГРЭС несколько тревожных дней. Как-то в обеденный перерыв, дома я включил радио, так как передавали процесс по делу Метро-Виккерс.

Слышу, как обвиняемый инженер М.Д. Крашенинников говорит, что начал свою вредительскую деятельность [на 1-ой МГЭС] еще при главном инженере Рязанове. Далее следует реплика [государственного обвинителя] Вышинского: «Способный ученик достойного учителя». На следующий день иду к директору станции и спрашиваю, слышал ли он вчера выступление по радио и читал ли в газетах про процесс Метро-Виккерс? Директор Р.Ф. Звирбуль, уравновешенный человек, ответил, что слышал и читал. Спрашиваю, следует ли мне сейчас подать заявление об освобождении от должности?

Директор спрашивает: «Зачем?». Я отвечаю, что после вчерашнего радио и упоминания меня, как вредителя, в газетах, вряд ли можно мне оставаться в должности главного инженера. На это Звирбуль спокойно ответил: «Не всякий слушает радио и не всякий читает газеты. Подождите [реакции партийного начальства]».

После нескольких тревожных дней приглашают меня в кабинет директора. Там сидит и первый секретарь Горкома тов. Бабков. Ну, думаю, сейчас все решится. Но оказалось, что вместо этого тов. Бабков приглашает меня проехаться с ним на лошади по торфяным болотам. Дорогой ни слова не было упомянуто о процессе. Он был очень любезен, и разговор шел только о торфе. Я истолковал эту поездку как желание показать мне, что никаких последствий упоминание обо мне в процессе иметь не будет, и что я могу быть спокойным. Действительно, так и получилось.

<...> На днях я решил проверить, в каких выражениях упоминание обо мне было напечатано в газетах. В Государственной Публичной Исторической Библиотеке достал номера газеты «Правда» за 1933 г. и в номере от 16 апреля прочитал:

«Крашенинников сообщает, что до начала 1933 г. он работал под руководством Рязанова, арестованного по делу Промпартии. Крашенинников заявляет, что его вредительская деятельность началась до ареста Рязанова в 1931 г.

Вышинский. Вот, Рязанов был начальством?

Крашенинников. Был.

Вышинский. Был вредителем?

Крашенинников. Был (смех в зале).»

Хорошо запомнившаяся мне и моей жене реплика Вышинского «Способный ученик достойного учителя» в газете почему-то отсутствовала.

Отсутствует эта реплика, как мы видим, и в «Протоколах Специального присутствия Верховного суда».

Вышинский. Значит работали под его непосредственным руководством?

Крашенинников. Почти под непосредственным.

Вышинский. Через кого были подчинены?

Крашенинников. Был еще заведующий станцией, которому я формально подчинялся, но распоряжения заместителя директора я также выполнял.

Вышинский. Значит вы имели двойное подчинение: заместителя директора станции и самого директора?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Так что в этом смысле вы были непосредственно им подчинены?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Когда Рязанов оставил работу на 1-й МГЭС?

Крашенинников. Не помню точно, но кажется в середине или в начале 1931 года.

Вышинский. В связи с какими обстоятельствами?

Крашенинников. В связи с арестом его по делу «Промпартии».

Вышинский. Для вас его арест и привлечение по делу «Промпартии» было неожиданным, или вы могли этого ожидать?

Крашенинников. Было неожиданным.

Вышинский. Так что о его участии в контрреволюционной организации «Промпартии» вам не было известно?

Крашенинников. Не было.

Вышинский. А когда вам стало известно о том, что на 1-й МГЭС имеются люди, ведущие контрреволюционную вредительскую работу?

Крашенинников. Я сам был привлечен к этой работе в конце 1928 г. или в начале 1929 г.

Вышинский. В это время Рязанов был на станции?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Следовательно начало вашей контрреволюционной вредительской деятельности на 1-й МГЭС было тогда, когда еще на этой станции действовал Рязанов. Это правильно?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Но вам не было известно, что он является одним из организаторов этой контрреволюционной группы?

Крашенинников. Нет, неизвестно.

Вышинский. Однако вы в этой группе уже участвовали, или это были ваши одиночные действия в период конца 1928[-го] и начала 1929 года?

Крашенинников. Это были мои одиночные действия.

Вышинский. А кто же вас привлек к этой работе, при каких условиях, при каком стечении обстоятельств вы вступили на этот преступный путь?

Крашенинников. Дело было таким образом: я работал по монтажу турбин №№ 26 и 27. Мне было поручено проведение этого монтажа. В то время на работе от фирмы «Метро-Виккерс» там находился Джоллей и два еще монтера – Макдональд и Юул. Макдональд и Юул не разговаривали по-русски, а Джоллей разговаривал по-русски достаточно хорошо, даже очень хорошо.

Вышинский. Макдональд – это тот, который сейчас привлекается к ответственности?

Крашенинников. Да.

Вышинский. То есть вы за этот период – 1928 и 1929 годы уже были знакомы с Макдональдом?

Крашенинников. Да.

Вышинский. И были знакомы с Джоллеем?

Крашенинников. Да. С Джоллеем познакомил меня Рязанов, который приехал на станцию, познакомил как с инженером фирмы, который будет вести монтаж турбины на станции.

Вышинский. Я не понял, причем здесь Джоллей и Рязанов?

Крашенинников. С Джоллеем меня познакомил Рязанов, пригласив меня к себе в служебном порядке в момент приезда Джоллея на станцию для проведения этого монтажа. В течение работы по проведению монтажа с Джоллеем в первое время, вплоть до середины года, у меня были чрезвычайно скверные и натянутые отношения, ибо Джоллей считал, что только он должен вести монтаж и ни в коем случае не должен считаться с мнением станции. На этой почве у нас с ним происходила масса недоразумений. Насчет такого отношения Джоллея ко мне, как к наблюдающему за этим монтажом, я даже неоднократно поднимал разговор о том, что у нас эти отношения ненормальны.

Вышинский. Перед кем поднимали?

Крашенинников. Перед Рязановым.

Вышинский. Что же отвечал Рязанов?

Крашенинников. Он рекомендовал не поднимать споров с Джоллеем, мотивируя тем, что это может сорвать монтаж, ибо если поднять вопрос жестко перед фирмой, то это будет связано с приездом других инженеров фирмы из Англии, и это могло надолго затянуть монтаж.

Вышинский. Как вы поняли этот разговор с Рязановым?

Крашенинников. Я понял так, как действительно нужно было понять, именно так, чтобы не задержать этим самым монтаж, я думал, что мне действительно может быть лучше сдерживать себя, вести наблюдение за монтажом и этим самым дать возможность продолжать этот монтаж и выполнить его в срок.

Вышинский. Я не понимаю вас. Я поставил перед вами вопросе – при каких обстоятельствах вы, Крашенинников, начали свою вредительскую работу, в конце 1928[-го] и в начале 1929 г., и вы на этот вопрос мне не ответили.

Крашенинников. После этого разговора с Рязановым я начал себя сдерживать в своем пылу и в отношениях к Джоллею предоставлял ему возможность руководить этим монтажом.

Вышинский. Что значит – стал себя сдерживать?

Крашенинников. Не стал поднимать шума из-за неполадок.

Вышинский. Неполадки мешали монтажу? Не стали поднимать шум по поводу этих неполадок, чтобы устранить?

Крашенинников. Чтобы устранить.

Вышинский. Рязанов говорил, что не стоит поднимать шума?

Крашенинников. Он говорил – не стоит поднимать шума из-за пустяков.

Вышинский. Значит вам Рязанов говорил, что не нужно поднимать шума из-за пустяков, и вы тогда решили не обращать на них внимания, вести работу по ускорению монтажа. Разъясните, что здесь вредительского?

Крашенинников. Вредительским является само проведение монтажа.

Вышинский. Качество монтажа?

Крашенинников. Качество монтажа. Я не стал настойчиво требовать всего того, что по моему мнению необходимо было требовать, а так как проводил монтаж Джоллей, я с того времени стал сдерживаться и больше стал прислушиваться к Джоллею, ибо монтаж мог задержаться, если поставить вопрос о замене Джоллея другим инженером.

Вышинский. Однако из этого вы не сделали необходимого вывода о том, что нужно мешать монтажу, тормозить монтаж.

Крашенинников. Этого вывода из разговора с Рязановым я не сделал.

Вышинский. Я вас спрашивал другое. Вы сказали, что в конце 1928 г. встали на путь преступных вредительских действий и что вы это совершали одиночно, не будучи членом контрреволюционной группы. Я вас так понял?

Крашенинников. Да.

Вышинский. В силу каких обстоятельств, вследствие каких причин вы стали на путь одиночной вредительской деятельности?

Крашенинников. Этот ответ Рязанова сыграл до известной степени определенную роль в моем отношении к этому монтажу.

Вышинский. Какое?

Крашенинников. Я предоставил возможность Джоллею тем самым делать так, как он это считал нужным.

Вышинский. Следовательно ваш разговор с Рязановым имел только одно значение – не суй очень крепко своего носа туда, куда не следует тебе совать. Не больше?

Крашенинников. Не больше.

Вышинский. А под влиянием каких обстоятельств вы стали действовать больше, перешли от пассивного отношения к различного рода неполадкам, к активным методам, к активному участию в этой работе?

Крашенинников. Я начал скрывать дефекты в монтаже, начал скрывать дефекты в оборудовании.

Вышинский. Дальше.

Крашенинников. С этого момента, собственно говоря, и началось.

Вышинский. А чем кончилось?

Крашенинников. А кончилось тем, что я попал на скамью подсудимых.

Вышинский. Попали на скамью подсудимых – это случилось вопреки вашей деятельности, в результате деятельности других органов. Я вас спрашиваю, к чему это непосредственно привело?

Крашенинников. Это вызвало целый ряд аварий на станции.

Вышинский. Что вызвало целый ряд аварий и каких аварий?

Крашенинников. Прежде всего мне было известно от Джоллея дефектах в лопатках.

Вышинский. Об этом мы уже говорили. А теперь идет речь непосредственно о том, в чем заключались ваши активные вредительские действия, если они имели место, или вы ограничились только этой ролью?

Крашенинников. Я ограничился сокрытием дефектов оборудования фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. В это время вы действовали за свой личный страх и риск, в одиночку, или с другими лицами?

Крашенинников. Я это делал по поручению Джоллея.

Вышинский. Персонально, лично, непосредственно?

Крашенинников. Персонально, лично, непосредственно.

Вышинский. А кроме Джоллея еще какие-нибудь были у вас рычаги?

Крашенинников. Джоллей уехал в Англию в середине 1929 г.

Вышинский. Это мы знаем. Из советских инженеров или монтеров, или граждан вообще?

Крашенинников. Я знал Олейника.

Вышинский. С какой стороны вы его знали?

Крашенинников. Я знал его с 1929 г.

Вышинский. С какой стороны вы его знали?

Крашенинников. Это агент Торнтон.

Вышинский. Оставим пока Торнтон в стороне. По каким действиям вы знали Олейника?

Крашенинников. Он скрывал дефекты оборудования фирмы «Метро-Виккерс» и собирал экономические сведения о работе станции.

Вышинский. В ваших глазах Олейник был советский человек или контрреволюционер?

Крашенинников. Нет, не советский человек.

Вышинский. А был ли он контрреволюционером, вредителем или вообще злопыхающим обывателем?

Крашенинников. Он был вредителем.

Вышинский. Какие у вас основания утверждать, что Олейник был вредителем?

Крашенинников. По приезде второй раз в 1930 г. на станцию для проведения монтажа по турбине № 28 он со мной вел разговоры.

Вышинский. О чем?

Крашенинников. Он прежде всего привез мне пакет от Торнтон.

Вышинский. Какой пакет?

Крашенинников. Пакет с деньгами.

Вышинский. С какими деньгами?

Крашенинников. Там было 500 рублей.

Вышинский. За что?

Крашенинников. За сокрытие тех дефектов оборудования, которые я замечал и видел.

Вышинский. Вот. Это уже более интересно. На предварительном; следствии вы говорили о сумме в 500 рублей?

Крашенинников. Да, 500 рублей.

Вышинский. Олейника можно спросить?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Олейник, вы эту часть показания Крашенинникова слышали?

Олейник. Да.

Вышинский. Что вы подтверждаете?

Олейник. То, что я передал ему пакет – это верно.

Вышинский. С деньгами?

Олейник. Пакет был запечатан, но инженер Торнтон предупредил, что там есть деньги, а сколько там денег – я не знал.

Вышинский. Вы не считали. Подсчитал уже Крашенинников. Вы получили эти деньги от Торнтон?

Крашенинников. Да.

Вышинский. С каким поручением?

Олейник. Передать Крашенинникову.

Вышинский. За что?

Олейник. За что – это разумелось. Он мне не сказал, но это – разумелось. О том, что Крашенинников поддерживает интересы фирмы – об этом я знал еще в 1928 г.

Вышинский. В виде взятки?

Олейник. Иначе это нельзя понимать.

Вышинский. Это так. Что значит – поддерживать интересы фирмы?

Олейник. То есть скрывать дефекты оборудования в монтаже...

Вышинский. Потом?

Олейник. Сведения, если нужно доставлять.

Вышинский. Соответствующего порядка?

Олейник. Да.

Вышинский. И так далее?

Олейник. Да. Все то, что интересует фирму.

Вышинский. А почему вы думали, что это делается в интересах фирмы? А может быть это делается в интересах Торнтонна?

Олейник. Я не могу сказать определенно. Я имел дело с Торнтонном. Но я понимал так. Ведь машины же – не Торнтонна?

Вышинский. Вы понимали, что Торнтон действует не в личных, интересах?

Олейник. Да.

Вышинский. А может действует в интересах еще какого-нибудь учреждения?

Олейник. В то время я этого не знал.

Вышинский. Впоследствии узнали?

Олейник. Да.

Вышинский. Следовательно можно сказать, что Торнтон действовал в двух качествах: и как инженер фирмы и как еще некоторая индивидуальная особа?

Олейник. Это я установил впоследствии.

Вышинский. Следовательно он мог действовать в интересах фирмы и в интересах какого-нибудь другого учреждения. Правильно?

Олейник. Да.

Вышинский. Подсудимый Крашенинников, получивши эти самые деньги, вы не были удивлены тем, что вам такой подарок, как говорил здесь раньше Монкгауз, сваливается. Не взятка, а подарок?

Крашенинников. Нет, не был удивлен.

Вышинский. Почему?

Крашенинников. До этой еще передачи я говорил с Джоллеем, и Джоллей обещал мне, что он не останется в долгу за сокрытие дефектов по машинам.

Вышинский. К этому времени вы с Торнтонном были уже знакомы?

Крашенинников. Точно не помню, когда познакомился с Торнтонном, но в середине или в конце 1928 г.

Вышинский. Я вас спрашиваю, с Торнтонном вы были уже знакомы.

Крашенинников. С Торнтонном я был уже знаком.

Вышинский. Через кого познакомились с Торнтонном?

Крашенинников. Кажется тоже через Рязанова.

Вышинский. Опять Рязанов. Рязанов это был некий организующий центр: знакомил одних с другими, давал указания. В результате этих знакомств вы получали деньги. В результате этих знакомств вы скрывали дефекты, то есть совершали преступления против своего долга как советского гражданина. Так я понимаю?

Крашенинников. Да.

Вышинский. А какова была здесь роль Олейника?

Крашенинников. Роль Олейника заключалась в поддержании связи, через него, с фирмой «Метро-Виккерс».

Вышинский. В этой работе? Как можно эту работу назвать легальной, в рамках служебных обязанностей, или нелегальной при исполнении вами служебных обязанностей?

Крашенинников. Нелегальной.

Вышинский. Нелегальной против ваших служебных обязанностей?

Крашенинников. Да.

Вышинский. У меня вопрос к подсудимому Торнтону. Подсудимый Торнтон, вы слышали эти показания? Вы конечно отрицаете?

Торнтон. Конечно отрицаю.

Вышинский. Садитесь. Больше вопросов у меня пока к Крашенинникову нет.

Шварц. Джоллей частенько бывал у вас или от случая к случаю?

Крашенинников. Он был в продолжение всего 1928 г. и половины 1929 г.

Шварц. Я понимаю, но приезжал он каждый день или раз в неделю, или раз в месяц, или от случая к случаю?

Крашенинников. Он ежедневно бывал.

Шварц. Ежедневно бывал у вас. Вы докладывали суду, что первое время относились к нему несколько придирчиво, требовали детальной, подробной проверки его работ по монтажу и по этому поводу у вас были даже споры?

Крашенинников. Да.

Шварц. Не было ли таких случаев, чтобы спор переносился к Рязанову в присутствии вашем и Джоллея?

Крашенинников. В одиночку, а может быть даже Рязанов говорил Монкгаузу и Торнтону.

Шварц. Указывая на ваши жалобы?

Крашенинников. Да.

Шварц. Вы докладывали суду, что отношение Рязанова к вашим жалобам было индифферентное, равнодушное и побудило вас относиться несколько легче к дефектам в работе со стороны Джоллея?

Крашенинников. Я собственно перестал быть таким настойчивым.

Шварц. К какому времени это относится, к какому периоду, месяцу и году?

Крашенинников. Примерно к середине 1928 г.

Шварц. После этого, когда вы изменили отношения к Джоллею, он стал стараться ближе к вам подходить, чаще беседовать на темы не только деловые, но и другие?

Крашенинников. Тогда отношение стало значительно лучше.

Шварц. Кто вас информировал о дефектах оборудования в подробностях? От кого вы узнали о дефектах оборудования в подробностях?

Крашенинников. Во-первых, сам знал, а во-вторых, от Джоллея.

Шварц. Когда он уехал в Англию, к вам, вы сказали, прибыл в качестве монтера монтажист Олейник. От имени Джоллея Олейник ничего не передавал, не беседовал с вами от имени Джоллея?

Крашенинников. Нет, от имени Джоллея не беседовал.

Шварц. Когда Олейник передал пакет, он сказал, что передает от Джоллея или от Торнтонна?

Крашенинников. Он сказал, что передает от Торнтонна.

Шварц. Пакет от Торнтонна. Вы сейчас прокурору ответили и указали о вашем участии во вредительских актах. Что основное было в этом вредительстве, можно ли считать в этом основном сокрытие дефектов оборудования и монтажа?

Крашенинников. Да.

Шварц. Позвольте вас спросить вот о чем: в каком году вы поступили в МОГЭС?

Крашенинников. На 1-ю станцию в 1926 г.

Шварц. В каком году кончили учебное заведение?

Крашенинников. В 1925 году.

Шварц. После окончания высшего учебного заведения куда поступили на работу?

Крашенинников. До окончания высшего учебного заведения я поступил на работу в МОГЭС.

Шварц. Одновременно работали и учились?

Крашенинников. Да.

Шварц. А по окончании вы так и остались в МОГЭС?

Крашенинников. Так и остался.

Шварц. Стало быть вы расстались с Джоллеем в середине 1929 г. Столкнулись с Олейником в каком году?

Крашенинников. С Олейником познакомился в 1929 году.

Шварц. В конце или в середине?

Крашенинников. В конце. Он работал затем почти целый год у нас, проводя монтаж турбины.

Шварц. В 1931 году?

Крашенинников. В 1931 г. я не видел Олейника, а также в 1932 г.

Шварц. Скажите пожалуйста, у вас не было перелома в вашем таком преступном отношении за этот период времени или был перелом? Если был, в чем он выражался, к какому времени вы его относите?

Крашенинников. Да, перелом был, в конце 1932 г.

Шварц. В каком направлении был перелом?

Крашенинников. В том направлении, что я осознал, что работа, которую я проводил, является преступной работой. В это время я был болен, лежал один и очень много думал об этом и считал, что эта работа, проводимая по сокрытию дефектов, а в связи с этим и аварий, которые были из-за этих дефектов, что это является предательством страны, поэтому я считал, что с этим делом нужно покончить.

Шварц. У меня больше вопросов нет.

Председатель (к защите). У вас есть вопросы?

Коммодов. Скажите пожалуйста, Олейник, передавая вам пакет от Торнтонна, сказал, что в пакете находятся деньги?

Крашенинников. Да, сказал. Сказал, что «пакет от Торнтонна и что он ждет продолжения вашей деятельности».

Коммодов. Так и сказал: «Вот вам пакет от Торнтонна, и он ждет продолжения вашей деятельности»?

Крашенинников. Да.

Коммодов. У меня вопрос к Олейнику. Передавая вам пакет, Торнтон что-нибудь сказал.

Олейник. Да. Он сказал о том, что ждет от Крашенинникова, что он будет и дальше работать, как и раньше работал.

Коммодов. Он сказал, какую сумму передает?

Олейник. Нет.

Казначеев. Скажите, Олейник, когда вы передавали Крашенинникову пакет, вы долго с ним разговаривали?

Олейник. Нет. Это было у меня в моей конторке, куда Крашенинников часто заходил по делам работы.

Казначеев. Это было в один из его приходов?

Олейник. Даже боюсь точно сказать, у меня было это или у него, потому что и он часто бывал у меня и я у него бывал, но это не так важно. Мы были наедине, так как в присутствии других я не мог передавать. Я ему тут сказал это вкратце.

Либсон. Скажите пожалуйста, Крашенинников, правильно ли я усвоил, что ваша вредительская деятельность длилась свыше 2 лет?

Крашенинников. Больше.

Либсон. Даже больше. И весь этот период времени вы как будто бы находились под теми влияниями, о которых вы рассказывали, все время вы были связаны?

Крашенинников. Я не все время был связан с этими лицами, но во всяком случае я виделся с Торнтонном, видел я Торнтонна на заседаниях и так далее.

Либсон. Вы еще называли английскую фамилию.

Крашенинников. С Джоллеем с конца 1929 г. я не виделся.

Либсон. Но за весь этот период времени вы все время соприкасались прямо и непосредственно или через кого-нибудь – 2½ года?

Крашенинников. Нет.

Либсон. Значит у вас был и период самостоятельной вредительской работы помимо этих влияний?

Крашенинников. Был период.

Либсон. Второй вопрос меня интересует. По вашим показаниям вы за все время получили только 500 рублей?

Крашенинников. Да.

Либсон. А еще какие-нибудь преимущества или еще что-нибудь вы получали?

Крашенинников. Нет, не получал, получал только обещания.

Либсон. Какого порядка?

Крашенинников. В 1929 г. Джоллей мне обещал привезти некоторые вещи из Англии, которые он мог бы захватить, возвращаясь обратно для монтажа на станцию.

Либсон. Вещи обещал, а еще что?

Крашенинников. Кроме того он обещал еще устроить хорошую практику на заводах «Метрополитен-Виккерс» в случае моей командировки туда, в Англию.

Либсон. Значит шел разговор о возможной вашей командировке и об устройстве вас там у фирмы?

Крашенинников. Да.

Либсон. Еще что?

Крашенинников. И устроить там безбедное существование в Англии.

Либсон. Такого порядка разговоры кто вел с вами?

Крашенинников. Джоллей.

Либсон. Стало быть перед вами открывались более широкие перспективы и возможности, а не только эти 500 рублей, которые вы получили?

Крашенинников. Да.

Либсон. Это оказывало на вас влияние?

Крашенинников. Оказывало.

Либсон. У меня больше вопросов нет.

Шварц. У меня есть вопрос. Подсудимый Крашенинников, вы докладывали суду, что в 1931/32 году вы с Олейником не встречались, но помимо Олейника вы с кем-нибудь встречались?

Крашенинников. Встречался с Торнтоном.

Шварц. Беседовали с ним?

Крашенинников. Непосредственно бесед не было, я встречался на заседаниях.

Шварц. На официальных заседаниях?

Крашенинников. Да.

Шварц. Вы докладывали суду, что к концу 1932 г. у вас наметился и оформился определенный перелом в сторону, так нужно понимать, вашего участия в строительстве социализма?

Крашенинников. Да. Я почувствовал, что все то, что я делал, является вредом для Советского государства, и я видел отношение к себе после той же болезни.

Шварц. Чье отношение?

Крашенинников. Отношение советской власти.

Шварц. Какое отношение?

Крашенинников. Я получил бесплатную путевку в дом отдыха.

Шварц. Вы это расценили как заботливость о вас, как о советском инженере?

Крашенинников. Да, я это расценил так.

Шварц. Это еще больше подкрепило вас в смысле перелома настроений в сторону отказа от дальнейшего вредительства?

Крашенинников. Да.

Шварц. И помимо этих 500 рублей вы больше материальных благ от Олейника, Джоллея не получали за вашу вредительскую деятельность?

Крашенинников. Правильно.

Шварц. Больше у меня вопросов нет.

Председатель. У защиты больше вопросов нет?

Защита. Нет.

Вышинский. У меня один вопрос. Из допроса защитником Шварцем подсудимого Крашенинникова я могу сделать такой вывод, что ему платили, он вредил, а дали путевку – перестал вредить.

Крашенинников. Это не так.

Вышинский. Немножко не так?

Крашенинников. Немножко не так.

Вышинский. Второй вопрос: независимо от того, много ли платили, мало ли платили, а вы все вредили?

Крашенинников. Да.

Вышинский. По каким мотивам?

Крашенинников. Я уже говорил здесь – по мотивам прежде всего материального порядка.

Вышинский. Значит платили – вредили?

Крашенинников. Да.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Рогинский. У меня несколько вопросов Олейнику. Скажите, подсудимый Олейник, при направлении вас на работу в МОГЭС было ли вам указано, что на МОГЭС есть группа инженеров, которая может быть вами привлечена к вредительской работе?

Олейник. Не то, что может быть привлечена, а что уже влечена.

Рогинский. То есть вам было указано, что на МОГЭС имеется группа инженеров, проводящих вредительскую деятельность?

Олейник. Это было указано.

Рогинский. Кем было указано?

Олейник. В 1929 г., когда я первый раз приехал на МОГЭС – это было в середине 1929 года...

Рогинский. Кем было указано?

Олейник. Инженер Монкгауз мне сказал.

Рогинский. Что сказал инженер Монкгауз?

Олейник. Он мне сказал, что там есть люди, которые поддержат интересы фирмы, и назвал некоторых, в том числе Рязанова, Сухоручкина, Крашенинникова, Языкова и других.

Рогинский. Значит подсудимый Крашенинников был назван Монкгаузом как один из тех инженеров, которые входят во вредительскую группу, действующую на МОГЭС?

Олейник. О Крашенинникове я могу сказать следующее: еще когда я был в конце 1928 г. с Монкгаузом в Москве, тогда был пуск турбины № 27, и Монкгауз взял меня с собой на этот пуск, мне нужен был пропуск для входа на МОГЭС. Он мне сказал, что здесь работает Крашенинников, и охарактеризовал его в двух словах, сказав по-английски, что «он хороший парень». Ну, ясно, для кого хороший парень.

Рогинский. А вы это поняли так, что, мол, Крашенинников свой парень?

Олейник. Конечно.

Рогинский. Свой для Монкгауза?

Олейник. Да.

Рогинский. Значит о Крашенинникове вам было известно в 1928 г.?

Олейник. С конца 1928 г.

Рогинский. Вы с конца 1928 г. так же работали на МОГЭС?

Олейник. Недолгое время.

Рогинский. Приходилось ли вам сталкиваться, наблюдать или непосредственно соприкасаться с практической работой Крашенинникова?

Олейник. Мне все время приходилось сталкиваться.

Рогинский. Можете ли вы привести конкретные факты того, что подсудимый Крашенинников отвечал той рекомендации, которая вам была дана Монкгаузом?

Олейник. Там были некоторые дефекты в турбинах, он о них молчал.

Рогинский. Более конкретно – это общий ответ.

Олейник. Сейчас трудно припомнить. Были остановки турбин, с клапанами были недоразумения.

Рогинский. Вы это лучше помнили 3 марта 1933 г. Может быть вам напомнить?

Олейник. Пожалуйста.

Рогинский. Может быть вы расскажете о случае, который имел место с установкой предохранительных клапанов?

Олейник. Это было позже, не в 1929 г., а в 1930 г.

Рогинский. Да. Что же произошло?

Олейник. Этот разговор был мельком. Это относилось к оборудованию фирмы «Метро-Виккерс».

Рогинский. Расскажите раньше о своей беседе, о своем разговоре с Крашенинниковым – существо беседы?

Олейник. Разговор был такого сорта: на питательных трубопроводах конденсаторов не было предохранительных клапанов, а так как уровень воды в Москве-реке весной значительно меняется, то вполне возможно, что давление будет повышено. Казалось бы для предохранения конденсаторов надо иметь предохранительные клапаны. Я об этом упоминал Крашенинникову. Он ответил, что это не наше дело.

Рогинский (к Крашенинникову). Был этот, случай, подсудимый Крашенинников?

Крашенинников. Был, но я считаю, что предохранительные клапаны там не нужны.

Рогинский. Был случай, когда вы ответили: «Это не предусмотрено, лучше помалкивать об этом»?

Крашенинников. Да, это было.

Рогинский. Второй случай. Что произошло с испытанием турбин №№ 26 и 27?

Олейник. Турбину № 27 я осматривал не перед испытанием. Там нужно было сделать переделку. Вернее говоря, я переделывал уплотнение и в то же время осматривал. Это было в 1929 г. Обнаружил, что там есть большие зазоры, которые вызывают значительный пропуск пара. А потом в 1930 г. было намечено испытание турбины № 26 после 8 000 часов работы. Перед испытанием для того, чтобы выявить, в каком состоянии турбина (а в интересах фирмы, чтобы машина была в хорошем состоянии) я осмотрел турбину № 26. Нашел, что она в значительно лучшем состоянии, чем турбина № 27. Которую турбину испытывать? Можно было и ту и другую или вернее обе. Но рекомендовал испытывать турбину № 26, потому что она была в лучшем состоянии.

Рогинский. Роль Крашенинникова?

Олейник. Он близко стоял к этому. Но решал ли он вопрос самостоятельно или нет – не знаю. Но он близко стоял к этому делу, и по-моему это зависело от него.

Рогинский. Следовательно турбина № 26 была в лучшем состоянии, чем турбина № 27, имеющая ряд определенных дефектов, и поэтому по настоянию Крашенинникова и испытания была пущена турбина № 26.

Олейник. Да.

Рогинский. И тем самым были замазаны дефекты турбины № 27, могущие быть выявленными при ее испытании. Так?

Олейник. Да.

Рогинский. Имело это место, подсудимый Крашенинников?

Крашенинников. Отчасти да.

Рогинский. Отчасти да. А в какой части не имело?

Крашенинников. В той части, что вопрос этот решался не только этим обстоятельством, но и тем обстоятельством, что пришлось бы вскрывать турбину № 27. Времени не было достаточно.

Рогинский. Было вам известно, что турбина № 27 в худшем состоянии, нежели турбина № 26?

Крашенинников. Она больше работала.

Рогинский. Было вам известно, что если пустить в испытание турбину № 26, то результаты испытаний отнюдь нельзя распространить на турбину № 27?

Крашенинников. Да.

Рогинский. Было вами заявлено о том, что турбины аналогичны?

Крашенинников. Да.

Рогинский. И что следовательно результаты испытания турбины № 26 могут быть целиком распространены на турбину № 27?

Крашенинников. Да.

Рогинский. Два случая имеются. Третий случай. Подсудимый Олейник, как обстояло дело с обнаружением трещин в баббите подшипника № 1 турбины № 28?

Олейник. Это было в 1932 г., когда я приехал для осмотра турбины. Мне и раньше было известно, что по другим турбинам по этим подшипникам были обнаружены трещины. Когда вскрыли турбину № 28, то оказалось, что тоже есть трещины. По этому поводу был вызван инженер Торнтон, был поднят вопрос уже эксплуатационным отделом, что это представляет опасность, что если небольшая частица баббита вывалится, то это вызовет расплавление металла подшипника. Приехал Торнтон, привез с собой еще английского монтера, кажется Велла, я его один раз встречал. Они уверили, что никакой опасности нет. Я конечно тоже подтвердил.

Рогинский. Роль Крашенинникова?

Олейник. Крашенинников это допустил.

Рогинский. Беседа у него с Торнтоном по этому поводу имела место?

Олейник. Я не помню.

Рогинский. А не показывали ли вы, что Торнтон договорился с Крашенинниковым, что эти трещины не опасны, и Крашенинников больше этого вопроса не поднимал?

Олейник. Это так.

Рогинский. Имело это место, подсудимый Крашенинников?

Крашенинников. Это было в машинном зале, когда там была целая комиссия. Я там был тоже.

Рогинский. Имело место то обстоятельство, о котором сейчас сообщил суду Олейник?

Крашенинников. Да, имело место.

Рогинский. Можно следовательно прийти к следующим итогам, что как заведующий машинным залом в 1929 г. вы произвели сокрытие дефектов, связанных с тем оборудованием, о котором говорил Олейник, то есть связанных с установкой предохранительных клапанов, так?

Крашенинников. Да.

Рогинский. В 1930 г. вы сознательно допустили, чтобы не было произведено испытание турбины № 27, имевшей ряд известных для вас дефектов, прикрываясь испытанием турбины № 26. А в 1932 г., уже работая по ремонту, вы опять-таки сознательно допустили замазывание дефектов, обнаруженных в подшипнике, так?

Крашенинников. Да, правильно.

Рогинский. У меня к подсудимому Крашенинникову больше вопросов нет.

Председатель. Товарищ Вышинский, у вас есть вопросы к Крашенинникову?

Вышинский. У меня один вопрос. Я хотел спросить следующее. Вы в своих показаниях сегодня несколько раз подчеркивали, что были вовлечены то Джоллеем, то вас познакомил Рязанов с Торнтоном и так далее. Меня интересует следующий вопрос. Вы, инженер Крашенинников, советский служащий, вы понимали разницу между ответственностью, которая лежит на любом иностранце, действовавшем, если он принадлежит к враждебному кругу иностранных государств, против Советского союза, и между вашей ответственностью как советского государственного служащего, действовавшего против интересов пролетарского государства. Разницу в степени ответственности вы понимали или нет и как сейчас вы понимаете эту разницу?

Крашенинников. Да, понимал. Особенно почувствовал это, когда был болен, как уже сказал. Такую деятельность, как мою, нужно рассматривать как...

Вышинский. Как измену?

Крашенинников. Как измену.

Вышинский. За которую по нашим законам полагается – вам известно, что по нашим законам полагается за государственную измену?

Крашенинников. Да, известно.

Вышинский. Больше нет вопросов.

Председатель. У защиты тоже нет вопросов?

Шварц. Будьте любезны, скажите, за эти годы у вас были беседы с Торнтоном по поводу вредительских актов. Лично с Торнтоном?

Крашенинников. Лично с Торнтоном нет.

Председатель. Больше вопросов нет?

Торнтон. Можно задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Торнтон. При испытании турбины испытательная комиссия была создана МОГЭС?

Крашенинников. Да.

Торнтон. В состав ее входило конечно начальство МОГЭС?

Крашенинников. Да.

Торнтон. Какие именно дефекты устанавливали?

Крашенинников. Во-первых, как говорил Олейник, разница в зазорах была значительная, что могло сказаться безусловно на расходе пара в этой самой турбине.

Торнтон. Я спрашиваю о дефектах?

Крашенинников. Дефекты были в регулировочных клапанах. Они причиняли остановку турбины.

Торнтон. Начальство МОГЭС знало об этом?

Крашенинников. Знал, но не знало истинной причины, почему эти клапаны заедали, потому что начальству МОГЭС было сказано, что это так и должно быть, что так всегда и бывает.

Торнтон. Так что вы не скрывали?

Крашенинников. Но я знал, что эти клапаны термически не дообработаны на заводе, об этом мне говорил и Джоллей и Олейник.

Торнтон. Еще какие дефекты?

Крашенинников. Это основной дефект, потом были еще. Во время испытания я знал уже о лопатках турбины, что они недостаточно надежны.

Торнтон. А когда лопатки летели, начальство МОГЭС знало?

Крашенинников. Знал.

Вышинский. Почему летели?

Торнтон. По моему убеждению, по конструктивным дефектам,

Вышинский. Я тоже так думаю.

Торнтон. О подшипниках, о которых говорил Олейник... На всех трех машинах, начальство знало?

Крашенинников. Да.

Торнтон. Вы этого не скрывали?

Крашенинников. Я не скрывал, но я знал отношение фирмы ко всякого рода дефектам. Я скрывал отношение фирмы.

Торнтон. Вы сказали, что начальство знало?

Крашенинников. Начальство знало, что есть такой дефект, но оно не знало причины такого дефекта.

Торнтон. Из-за этих подшипников авария была когда-нибудь?

Крашенинников. Нет, не было.

Торнтон. Когда были обнаружены, через сколько тысяч часов эти трещины?

Крашенинников. При первой же ревизии.

Торнтон. Примерно через 8 000 часов?

Крашенинников. Меньше.

Торнтон. А эти машины работали много больше 8 000 часов?

Крашенинников. Да.

Торнтон. Аварии еще не было?

Крашенинников. Нет.

Торнтон. Сколько работали?

Крашенинников. Около 13 000-14 000 часов.

Вышинский. Подсудимый Крашенинников, вас спрашивает подсудимый Торнтон – начальство знало о разных дефектах и прочее, вы отвечали – знало, но не знало причин, а я хочу спросить несколько в другой плоскости. Рязанов был начальством?

Крашенинников. Был.

Вышинский. Был вредителем?

Крашенинников. Был.

Председатель. Больше вопросов нет?

Монкгауз. Я хотел бы спросить, знал ли Крашенинников причины этих дефектов?

Крашенинников. Причины дефектов я частью знал, а частью знал от Джоллея, что вообще в машинах есть дефекты. Сам я знал такие дефекты – дефект штока регулирующего клапана, нарезку его, уплотняющие кольца, кольца на насосах, я сам это знал и видел.

Вышинский. А зазоры?

Крашенинников. И зазоры на турбинах.

Монкгауз. Если он знал эти дефекты, то почему не говорил. Мы собирались в комиссии и выясняли эти дефекты. Мы хотели выяснить, и он ничего не сказал.

Крашенинников. Не говорил потому, что мне было поручено не говорить этого.

Председатель. Кем было поручено?

Крашенинников. Представителями фирмы Олейником и Джоллеем.

Монкгауз. У меня в связи с показаниями Олейника есть заявление. Я хочу уточнить. Олейник сказал в своих показаниях, что вот, мол, придет человек «гуд чап», что означает «хороший парень», но я не говорил, что это вредитель.

Председатель. А на английском языке есть слово «вредитель»?

Монкгауз. Есть «рекерс», а «гуд чап»—это «хороший парень». ^

Вышинский. От филологии к технике. А меня интересует, действительно ли были в вашем оборудовании дефекты?

Монкгауз. Были.

Вышинский. А вы знали об этих дефектах?

Монкгауз. Знал. Знал после аварий. До аварий не знал.

Вышинский. А кто работал вашим представителем там?

Монкгауз. Олейник и Джоллей.

Крашенинников. Значит вы должны узнавать о всяких дефектах от Джоллея и Олейника?

Монкгауз. Да.

Вышинский. Следовательно то, что вам не сказал об этом Крашенинников – это не так уже удивительно, он не обязан был говорить?

Монкгауз. Он обязан был говорить, когда мы создавали комиссию.

Вышинский. Это – если он честно относится к своим обязанностям, а если преступно?

Монкгауз. Я не верю, что он нечестно относился.

Вышинский. А Крашенинников верил в свою преступную деятельность? Была преступная деятельность?

Крашенинников. Была.

Председатель. У прокуратуры больше вопросов нет?

Прокуратура. Нет.

Председатель. У защиты?

Коммодов. У меня вопрос к Олейнику. Кого персонально Монкгауз назвал из инженеров, которые работают на МОГЭС, как людей, которые по вашему выражению поддерживали интересы фирмы?

Олейник. Я сказал.

Коммодов. Из тех, кто сидит?

Олейник. Двое – Крашенинников и Сухоручкин.

Коммодов. Вы сказали, что в вашем понимании «хороший парень» – это тот, кто поддерживает интересы фирмы. Это выражение было воспринято как «вредитель», воспринято это как желание служить не в советских интересах, а в интересах фирмы. Такой ваш личный вывод дает мне право спросить, что Монкгауз вам говорил, что должен делать Крашенинников, что должен делать Сухоручкин? Или он конкретно не указывал, а сказал в общей форме, что там есть группа инженеров, которая поддерживает интересы фирмы?

Олейник. Это было в разное время. О Крашенинникове было сказано особо. По поводу «хороший парень». Кто знает хорошо английский язык, то сомнений никаких быть не может, потому что когда говорят «хороший», то ясно, что хорош он не для моих противников, а хорош для меня. В этом не может быть никаких сомнений, по крайней мере у меня их не было.

Коммодов. Мы не будем толковать это слово, я хочу установить факт, а выводы будем делать потом. Конкретно было вам сказано, какую вредительскую работу должен проводить Крашенинников, какую Сухоручкин, или таких слов не было сказано, не было указано, а было сказано – есть группа инженеров, поддерживающих интересы фирмы.

Олейник. На случай, если нужно было обратиться за какой-нибудь помощью, то я должен был обращаться к ним. Это была общая установка на монтажах, и мне не нужно было повторять – я не первый год работаю, я работаю в течение десятка лет, установку знаю, поэтому мне не надо было объяснять.

Коммодов. Итак, вам было сказано – есть группа инженеров, поддерживающих интересы фирмы, к которым вы можете обращаться?

Вышинский. У меня вопрос. Подсудимый Олейник, вам было сказано, что есть группа инженеров, к которым вы должны будете обращаться. На какой случай?

Олейник. Мало ли бывает недоразумений.

Вышинский. Эти недоразумения иногда бывают разрешимы в интересах [МО]ГЭС или предприятий электростанции советской промышленности и в интересах фирмы. Иногда бывает так, что эти интересы сталкиваются?

Олейник. Почти всегда сталкиваются.

Вышинский. В этом случае – столкновения этих интересов – что должна была делать эта группа инженеров, к которой вы могли на этот случай обращаться?

Олейник. Поддерживать.

Вышинский. Против чьих интересов?

Олейник. Ведь только две стороны и есть.

Вышинский. Я хочу, чтобы было более ясно.

Олейник. Против интересов предприятия.

Вышинский. В этом духе вам была дана соответствующая инструкция?

Олейник. Я не помню, так ли это было сформулировано, но для меня это было очень ясно.

Вышинский. Формулировка здесь роли не играет, важно то, что вам это было ясно.

Олейник. Да.

Вышинский. Больше вопросов к Олейнику я не имею.

Председатель. Подсудимый Зорин.

Рогинский. Скажите, подсудимый Зорин, вы какую должность занимали?

Зорин. Старший инженер тепловой группы сектора рационализации Мосэнерго.

Рогинский. Ваши обязанности?

Зорин. Производить рационализацию в турбинном хозяйстве на станции Мосэнерго, затем организация приемочных испытаний от фирмы, предъявление технических рекламаций фирмам, затем консультация по вопросам ремонта и эксплуатации и принятие участия в разборе причин аварий.

Рогинский. Вы входили в состав вредительской группы, действующей в системе Мосэнерго?

Зорин. Да.

Рогинский. С какого времени?

Зорин. С ноября 1932 г.

Рогинский. Известно вам, кто еще входил в состав этой вредительской группы?

Зорин. Известно.

Рогинский. Кто именно?

Зорин. Крашенинников и Сухоручкин.

Рогинский. Кто вам об этом сказал?

Зорин. Инженер Торнтон.

Рогинский. Когда это вам было указано Торнтоном?

Зорин. При последней встрече в ноябре 1932 г.

Рогинский. Эти два лица, которые вам были названы Торнтоном, они по своей деятельности часто входили в те комиссии, которые определяли дефекты оборудования?

Зорин. Да, входили.

Рогинский. Что вам известно про испытание турбин №№ 26 и 27?

Зорин. Я должен внести небольшую поправку: дело в том, что эти испытания происходили до моего перехода в Мосэнерго и я ничего об этом не знал. Испытания были в начале 1931 г., а я попал в конце 1931 г.

Рогинский. Состав комиссии вам был известен?

Зорин. Я читал протокол, но не помню точно.

Рогинский (к Сухоручкину). Вы входили в состав той комиссии, которая участвовала при испытании турбин №№ 26 и 27?

Сухоручкин. Нет, не входил.

Рогинский. А кто входил?

Сухоручкин. Я не знаю, потому что я не видел протокола испытания этих турбин. Я в то время работал в электротехническом отделе и к машинному хозяйству не имел отношения.

Рогинский (к Крашенинникову). Кто входил в состав этой комиссии?

Крашенинников. От станции я.

Рогинский. А Рязанов?

Крашенинников. Рязанов не был членом комиссии.

Рогинский. Но он руководил работой?

Крашенинников. Был председатель комиссии – Ветчинкин.*

Рогинский. А где Ветчинкин?

Крашенинников. Арестован в связи с делом «Промпартии».

Рогинский. А Рязанов не участвовал в комиссии?

Крашенинников. Он посещал заседания комиссии, но не был ее членом.

Рогинский. Значит руководитель комиссии арестован в связи с делом «Промпартии», посещавший комиссию ваш начальник Рязанов – так же вредитель, арестованный по процессу «Промпартии», и вы – член вредительской группы. Вот состав комиссии.

Крашенинников. Там еще были.

Вышинский. Все такие же были?

Крашенинников. Почти все.

Рогинский. Больше к Крашенинникову вопросов нет. Теперь перейдем к Зорину. В ноябре 1932 г. у вас была беседа с Торнтоном, где было указано о наличии вредительской группы в системе Мосэнерго. Так?

Зорин. Так.

Рогинский. Скажите пожалуйста, в какой обстановке этот разговор произошел?

Зорин. Разговор был в помещении представительства, на Кузнецком Мосту в Электроимпорте.

Рогинский. Что предшествовало этому разговору. Что дало повод Торнтону иметь с вами такую беседу?

* С ресурса «Музей истории энергетики», из раздела «Репрессированные работники Мосэнерго»:

Ветчинкин Я.П. В 1927 году – член редколлегии журнала «Бюллетень инжколлектива МОГЭС». Начальник тепловой части производственно-технического отдела. Репрессирован (по воспоминаниям сотрудников Мосэнерго).

Зорин. Я с Торнтоном познакомился в конце 1931 г. на заседании, происходящем в помещении Мосэнерго в связи с авариями, имевшимися на Ореховской станции. И до ноября 1932 г. я имел пять встреч. Во время этих встреч происходили беседы на политические темы, в которых он касался политических вопросов, главным образом положения в Союзе, положения русских специалистов и подобного рода других вопросов, которые выявили ему мои соответствующие антисоветские настроения. Он из этих бесед выявил, что я являюсь таким человеком, которого легко можно использовать, что и произошло в конце ноября 1932 г.

Рогинский. Уточним и ваши встречи и те основания, которые дали Торнтону, как вы утверждаете, основания перейти к определенным поручениям вам. Первая встреча где произошла?

Зорин. Первая встреча произошла в помещении Мосэнерго.

Рогинский. Эта встреча была на чисто служебной почве?

Зорин. Да. На чисто служебной почве.

Рогинский. При этой встрече вы в качестве кого выступали в этой комиссии или на этом совещании?

Зорин. Я принимал участие со стороны МОГЭС как представитель интересов МОГЭС.

Рогинский. Против?

Зорин. Против фирмы «Метро-Виккерс».

Рогинский. Вы что же предъявляли какие-нибудь претензии?

Зорин. Да. Были предъявлены определенные претензии с тем, чтобы был произведен ремонт соответствующих турбин.

Рогинский. Следовательно на этом совещании у вас произошло известное столкновение с интересами фирмы, которые защищал Торнтон?

Зорин. Правильно.

Рогинский. Вторая беседа?

Зорин. Вторая беседа была, примерно в феврале 1932 г., в помещении Электроимпорта, опять-таки в связи с авариями на ореховских турбинах. Здесь я должен был так же выступать как защитник интересов МОГЭС.

Рогинский. И при вторичной, встрече на официальном заседании вы опять-таки выступали как человек, который защищал определенные интересы Мосэнерго против фирмы, так?

Зорин. Да.

Рогинский. При этих двух встречах вы ограничивались только встречами на деловой почве, или же произошли беседы иного порядка?

Зорин. При первой встрече – только деловой разговор. При второй встрече со стороны Торнтона было несколько вопросов о работе турбин на станциях Мосэнерго и о работе турбин конкурентных фирм в отношении того, как они ведут себя в смысле регулировки. Я ему весьма охотно дал эти сведения, хотя я давать не должен был бы, так как это является если не секретом, то этически неправильным. Затем передал ему несколько случаев аварий, которые произошли, случаев наиболее типичных опять-таки с конкурентными турбинами. Затем были разговоры порядка антисоветского о положении русских специалистов.

Рогинский. Правильно ли, что в этой беседе вы сами, по своему почину, по своей инициативе дали понять Торнтону ваши антисоветские настроения?

Зорин. Намерения дать понять у меня не было. Но конечно из того, что я говорил, он ясно понял, что это имеется.

Рогинский. Следующая встреча – третья?

Зорин. Третья встреча после довольно большого перерыва произошла в августе 1932 г. в связи с испытаниями, которые намечались на Ореховской станции. Встреча была в помещении Мосэнерго.

Рогинский. Беседы были?

Зорин. Да.

Рогинский. К чему они сводились?

Зорин. Прежде всего он интересовался дальнейшим планом развития станции МОГЭС с точки зрения мощностей и типов будущих турбин, а затем беседы опять-таки принимали резко выраженный антисоветский характер, то есть разговор шел о том, что Союз испытывает затруднения на отдельных участках хозяйственного фронта. В таком духе беседа продолжалась.

Рогинский. Правильно ли, что после второй встречи вы оказали некоторые услуги Торнтону в виде представления таких сведений, которые вы ему давать не должны были?

Зорин. Правильно.

Рогинский. Четвертая встреча?

Зорин. Четвертая встреча была в помещении Электроимпорта опять-таки по поводу ореховских турбин. Она была в помещении представительства и происходила в связи с приездом конструктора из Лондона инженера Кокса и тут же присутствовал в качестве переводчика Торнтон. Вначале шла чисто деловая беседа, каким образом намечалась переделка, а потом после ухода Кокса я остался вместе с Торнтоном. Здесь опять шел разговор того порядка, о котором я упоминал при первых встречах.

Рогинский. Наконец пятая встреча?

Зорин. Пятая последняя решительная встреча была в 1932 г. в помещении Электроимпорта в представительстве, куда пришел Торнтон после заседания, происходившего в помещении контрольного отдела Электроимпорта.

Рогинский. Какое поручение вам было дано Торнтоном во время этой последней пятой встречи?

Зорин. Так как Торнтон из предыдущих встреч ясно увидел, что меня можно весьма легко привлечь к своей работе, то он сразу же и начал с того, что предполагает использовать меня в интересах фирмы и тех организаций, которые созданы на отдельных станциях, как Мосэнерго, так и вообще, по Союзу. Затем он сказал в этой беседе, что “я замечая, что вы недостатки, которые имеются в оборудовании «Метро-Виккерс», не выявляете, как следовало бы, значит вы в известной степени наш союзник”. Затем он говорил, что аварии, которые происходили с турбинами «Метро-Виккерс» на первой станции [(МГЭС-1)] и на станциях Союза, являются не вызванными чисто случайными или эксплуатационными причинами, а являются результатом органических недостатков, которые допускаются заведомо на заводе при изготовлении турбин. Меня это удивило, и я задал вопрос, каким образом фирма решается на такого рода шаги. Ведь таким путем можно потерять реномэ фирмы не только в пределах Союза, но и мировое реномэ, потому что то, что происходит в Союзе, является достоянием гласности в других странах.

Рогинский. Пока фирму оставим. Какое конкретное предложение было вам сделано Торнтоном?

Зорин. Конкретное предложение такого рода: помимо того, чтобы продолжать скрывать дефекты фирмы, также прикрывать действия групп, которые им организованы, если мне придется участвовать в разборе аварий, происходящих с их или другим оборудованием, и вуалировать действия этих групп.

Рогинский. Значит скрывать дефекты оборудования, затем второе – как человеку, который обычно выступает от Мосэнерго при предъявлении рекламаций, быть видимо менее требовательным?

Зорин. Правильно.

Рогинский. Третье – содействовать деятельности вредительских групп, которые уже организованы на различных электростанциях, входящих в состав Мосэнерго.

Зорин. Так.

Рогинский. И четвертое?

Зорин. Четвертое – держать связь с группами, которые он организовал.

Рогинский. Четвертое – являться связью между ним и группами, организованными на электростанциях, входящих в систему Мосэнерго?

Зорин. Так.

Рогинский. Хорошо. Теперь перейдем к конкретным вашим действиям. По сокрытию дефектов оборудования какие конкретные действия вами были совершены?

Зорин. Когда произошла в ноябре 1931 г. авария с турбиной № 2 Ореховской станции вследствие гидравлического удара, то при анализе этой аварии я не указал, что подобного рода аварии могут произойти и без гидравлического удара, так как, по моему мнению, не было соответствия между тем осевым давлением, которое имелось, и тем подшипником, который был поставлен на данной турбине как упорный. Затем, когда я стал знакомиться с актовыми материалами по анализу аварии, происшедшей с турбиной № 26, имевшей место до моего прихода, то по этим актам можно было сделать вывод, что причина указания там все-таки не та, которая в действительности имела место как настоящая причина аварии, что нужно было искать причину, именно резонанс лопаток.

Рогинский. Это второй акт. Третий акт?

Зорин. Третий акт такого порядка. Когда фирмой было предложено ликвидировать резонанс с помощью постановки дополнительного проволочного бандажа, мною не было указано, что установка этого бандажа является паллиативом и может не дать тех результатов, которых якобы ждет фирма.

Рогинский. Значит вы приводите целый ряд конкретных действий, связанных с сокрытием дефектов оборудования.

Зорин. Да.

Рогинский. Какие действия были вами совершены по сокрытию прямых диверсионных актов, совершенных членами вредительской группы?

Зорин. Мне известно со слов Торнтон, что им была организована авария на первой станции [МГЭС-1] путем забития лопаток известью и котельной накипью, которая произошла в ноябре месяце. Эта авария была скрыта.

Рогинский. Это с турбиной № 17?

Зорин. Да.

Рогинский. Когда это имело место?

Зорин. В ноябре 1931 г.

Рогинский. Существо этого акта?

Зорин. Это был вредительский акт.

Рогинский. К чему это привело?

Зорин. К тому, что часть машин вышла из строя на некоторое время.

Рогинский. Еще о каких вредительских актах вам известно. С турбиной № 1 в Орехове?

Зорин. Да, но эта авария была уже до того, как я знал, что Торнтон этим занимается. Это было сообщено мне пост-фактум, что эта авария была организована по его заданию тоже.

Рогинский. Еще была одна авария на той же Ореховской станции с турбиной № 1 в мае 1932 г. Когда произошло снижение вакуума?

Зорин. Это мелкая авария, которая никакого практического значения не имела.

Рогинский. Авария с турбиной № 11 на Шатурской станции?

Зорин. Я услышал от него, что эта авария была им организована. Эта авария вывела турбину из строя примерно на 14 дней, но это происходило в тот момент, когда я не знал, что существует такая организация.

Рогинский. С турбиной № 28.

Зорин. Такой аварии не знаю.

Рогинский. Разрыв спускной трубы циркуляционной воды?

Зорин. С трубопроводом. Да, это было указано, что авария была произведена.

Рогинский. По поводу этого акта тоже было указано, что это вредительский акт?

Зорин. Да, что это не акты, а это аварии.

Вышинский. В результате действия определенной вредительской группы?

Зорин. Да.

Вышинский. Вы функцию связи практически осуществили?

Зорин. Нет, не пришлось, потому что этот разговор шел в конце ноября, после этого я уехал в командировку, потом в отпуск, и после отпуска на работу не вернулся, так как был арестован.

Вышинский. А какие-нибудь диверсионные акты, которые должны были вы лично организовать и провести, были намечены?

Зорин. Каких-либо конкретных диверсионных актов пока не было, но он предполагал, что после возвращения из-за границы он будет со мной говорить более подробно, но я считаю, что я активных диверсионных актов провести бы не смог, так как не нес непосредственных оперативных функций.

Вышинский. О каких же диверсиях шла речь?

Зорин. Которые должны были проводиться группами.

Вышинский. Как же, диверсии были намечены, а плана не было?

Зорин. Он говорил, что (речь шла о турбинном хозяйстве) диверсионные акты должны происходить таким образом, чтобы удары наносить на роторы турбин, так как такие аварии являются наиболее тяжелыми для турбин и наиболее трудно исправимыми.

Вышинский. Итак, скрытие дефектов оборудования вами проведено?

Зорин. Да.

Вышинский. Скрытие диверсионных конкретных актов на различных электростанциях, входящих в Мосэнерго, вами это проведено?

Зорин. Частично.

Вышинский. Известная программа действий на будущее уже намечалась, конкретно должна была быть разработана после возвращения Торнтон из-за границы, при вашей последующей встрече?

Зорин. Да.

Вышинский. Связь – выполнение этой функции вы приняли, но практически еще не успели осуществить. Так?

Зорин. Да.

Вышинский. А теперь скажите, вот эта вредительская деятельность ваша, она оставалась без вознаграждения?

Зорин. Нет. При последней встрече я получил от него 1 000 рублей.

Вышинский. Где?

Зорин. Опять-таки в помещении представительства.

Вышинский. Это во время последней встречи?

Зорин. Да.

Вышинский. Этим и ограничились?

Зорин. Этим ограничились.

Вышинский. Или была наметка?

Зорин. Разговор был о том, что мы будем продолжать такого рода...

Вышинский. Что если вы будете продолжать такого рода работу, то выдача денежных сумм будет происходить периодически, а пока вы получили 1 000 рублей?

Зорин. Правильно.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У товарища Рогинского?

Рогинский. Нет.

Председатель. У защиты?

Шварц. Будьте любезны разъяснить. Вы сейчас дали подробное объяснение в смысле вашего участия во вредительских актах. Позвольте спросить вас, вы ответили прокурору, что лично принять участие в активных диверсионных актах были лишены возможности. Почему? Не несли непосредственных оперативных функций?

Зорин. Да, почему что я непосредственных оперативных функций не нес, я на станцию приходил тогда, когда происходили расстрояства и эти расстрояства нужно было ликвидировать. Моя работа проходила в порядке консультаций и в проверке расстрояств.

Шварц. Значит вы были вне оперативной работы?

Зорин. Да.

Шварц. Где вы работали?

Зорин. Я работал в Мосэнерго в секторе рационализации, тепловой группе. В правление я перешел в конце 1932 г.

Шварц. Вот почему вы не имели прямого отношения к оперативной работе?

Зорин. Да.

Шварц. Когда вы поступили в МОГЭС?

Зорин. В 1922 г., а в Мосэнерго перешел в конце 1932 г., до этого работал на 2-й Московской станции.

Шварц. Вы там работали примерно около 9 лет?

Зорин. Да.

Шварц. Как там протекала ваша работа?

Зорин. Вполне честно.

Шварц. Значит вы 9 с лишним лет работали честно, и с 1932 г. у вас начинается другой период работы?

Зорин. Да.

Шварц. Чем объяснить такую колоссальную разницу, что 9 с лишним лет вы добросовестно и честно работаете советским инженером, а с 1932 г. начинаете «так» работать?

Зорин. Почему произошел перелом? Отчасти от общеполитических причин – иногда я субъективно воспринимал некоторые не совсем гладкие моменты в жизни Союза.

Шварц. Встречи с Торнтоном имели значение?

Зорин. Они усилили все.

Шварц. Вы сказали, что с конца 1932 г. вы имели встречи с Торнтоном?

Зорин. Да.

Шварц. Значит ваша вредительская работа началась с ноября 1932 г.?

Зорин. Да.

Шварц. И прекратилась арестом?

Зорин. Да, прервана арестом.

Шварц. Значит тянулась месяц с небольшим?

Зорин. Да.

Шварц. Относительно рекламационных сумм. Вы сказали, что имели отношение к технической рекламации, а к денежной имели?

Зорин. Никакого отношения не имел. Когда мне это квалифицируется как преступление, это не соответствует действительности.

Шварц. Вы имели отношение к технической рекламации. Что это значит?

Зорин. Мы предъявляли фирме требования устранить технические дефекты оборудования.

Шварц. Как понимать денежную рекламацию?

Зорин. Если у нас происходит какого-нибудь рода авария, фирма эту аварию ликвидирует путем замены частей и эти части в течение определенного времени согласно договору предоставляются бесплатно, и работа должна производиться бесплатно за счет фирмы.

Шварц. Значит имеется гарантийный договор, и фирма в пределах этого договора должна все выполнить за свой счет. К этой денежной рекламации вы не имели отношения?

Зорин. Никакого.

Шварц. Кто договаривался с фирмой в отношении денежных рекламаций?

Зорин. у нас имелся отдел технического снабжения, который этим делом занимался, а санкционировать это должен или управляющий или заместитель.

Шварц. Вы лично никакого отношения к этому вопросу не имели?

Зорин. Никакого.

Шварц. Больше у меня вопросов нет.

Брауде. Скажите пожалуйста, сколько вам лет?

Зорин. 49 лет.

Брауде. У вас большой трудовой стаж?

Зорин. 23 года.

Брауде. Вы занимаетесь еще научной работой?

Зорин. Отчасти.

Брауде. Вы звание профессора не имеете?

Зорин. Нет.

Брауде. Имеете звание доцента?

Зорин. Да.

Брауде. Каким образом вы – человек уже солидных лет, с большим жизненным опытом при второй встрече с иностранцем, с которым вы имели только то отношение, что вы против него выступали, как против представителя фирмы, с какой были разногласия делового порядка, сразу выявляете свои антисоветские настроения. Чем это объяснить?

Зорин. Это совпало с моментом, когда я лично переживал неприятности личного порядка, которые был склонен объяснять наличием определенной системы.

Брауде. И вы излили душу первому встречному иностранцу?

Зорин. Почему первому встречному?

Брауде. Вы его встретили и начали изливать ему душу?

Зорин. Он сам пошел навстречу.

Брауде. Сколько времени продолжалась ваша первая встреча, ваш частный разговор с ним?

Зорин. Минут 20.

Брауде. Вторая?

Зорин. Минут 25.

Брауде. Третья?

Зорин. Примерно такого порядка.

Брауде. Четвертая?

Зорин. Около 40 минут.

Брауде. Значит, после двухчасовой разрозненной на протяжении значительного времени беседы с Торнтоном вы заключили соглашение вредительского, контрреволюционного порядка?

Зорин. Он сказал, что он обо мне слышал, а я не спросил от кого.

Брауде. Разве раньше у вас были вредительские действия?

Зорин. Он мои настроения мог знать.

Брауде. Теперь будьте добры ответить еще на один вопрос: для меня не подлежит сомнению, и вы сами об этом говорили, что вы совершали вредительские действия, но какое отношение это имеет к Торнтону? У вас были контрреволюционные убеждения?

Зорин. Да.

Брауде. Резкие, или обывательски-брюзжащего порядка?

Зорин. Нет, резкие.

Брауде. Активные?

Зорин. Активные.

Брауде. Имея активные контрреволюционные убеждения, претворяя всякую личную обиду в обиду против советской власти, объясните мне, почему вы для реализации этих убеждений нуждались в Торнтоне?

Зорин. Я не нуждался в нем, но он являлся таким лицом, которое действовало в таком же направлении, как и я.

Брауде. А без Торнтона вы бы во вредительскую организацию не вступили?

Зорин. Я не знал, что она существует.

Брауде. А если бы вы знали?

Зорин. Что было бы «если бы» – трудно сказать.

Брауде. Что же, выходит деньги сыграли роль?

Зорин. Отчасти.

Брауде. Разрешите так вас понимать, что, независимо от Торнтона, вы все равно совершали бы вредительские акты, ибо эти акты и диверсии соответствовали вашим убеждениям?

Зорин. Я ведь так и сказал уже.

Брауде. Я больше вопросов не имею.

Либсон. Скажите пожалуйста, вам за границей приходилось бывать?

Зорин. Нет.

Либсон. И при советской власти не бывали за границей?

Зорин. Нет.

Либсон. У вас есть научные труды?

Зорин. Нет.

Либсон. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Объявляется перерыв на 20 минут.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Подсудимый Кушни, займите ваше место. У суда вопросов к вам пока нет. У прокуратуры будут вопросы?

Вышинский. Да. Подсудимый Кушни, вы когда приехали в СССР?

Кушни. В 1925 году.

Вышинский. В какой город?

Кушни. На станцию Штеровка.

Вышинский. В связи с работами Штеровской электростанции?

Кушни. Руководил монтажом двух турбин.

Вышинский. Какое время?

Кушни. Почти два года.

Вышинский. С 1925 по 1927 год?

Кушни. Да.

Вышинский. А дальше—с 1927 года?

Кушни. Я уехал в Баку тоже для монтажа турбин.

Вышинский. 1928 год застает вас в Баку?

Кушни. Да.

Вышинский. Сколько времени вы были в Баку?

Кушни. Три года.

Вышинский. По 1931 год?

Кушни. Нет, по 1930 год, с 1927 года.

Вышинский. В 1931 г., где вы находились?

Кушни. В Москве.

Вышинский. В конторе «Метро-Виккер»?

Кушни. Да.

Вышинский. В качестве кого?

Кушни. Помощник главного монтажного инженера.

Вышинский. Кому подчинены непосредственно?

Кушни. Мистеру Торнтону – главному монтажному инженеру.

Вышинский. Торнтон является главным монтажным инженером?'

Кушни. Да, здесь в России.

Вышинский. За это время, когда вы были на Штеровке и в Баку, вы с Торнтоном поддерживали связь? Находились с ним в переписке, делали ему какие-нибудь доклады, посылали какие-нибудь сообщения?

Кушни. Конечно. А как иначе руководить монтажом под его наблюдением.

Вышинский. Я могу понять так, что все это время, а не только в Москве, вы были как монтажный инженер под руководством Торнтонна?

Кушни. Нет, не все время. Сначала был Монкгауз главным монтажным инженером.

Вышинский. Сначала под руководством Монкгауза, потом под руководством Торнтонна. И Монкгаузу и Торнтону вы доставляли различного рода сведения, связанные с вашей работой?

Кушни. Да.

Вышинский. Информацию посылали?

Кушни. Конечно.

Вышинский. Но эта информация была только в отношении ваших обязанностей по монтажу или может быть еще политическая информация была?

Кушни. В письменной форме была обычно только деловая информация.

Вышинский. А не в письменной, то есть в устной форме?

Кушни. В устной форме, когда мы встречались, мы конечно говорили о всяких вещах.

Вышинский. Например о политике говорили?

Кушни. И о политике мы может быть говорили. О вещах общеизвестных.

Вышинский. Но о политике говорили?

Кушни. Возможно.

Вышинский. Что вы говорили о политике?

Кушни. Обычные разговоры. .

Вышинский. Какие же это обычные разговоры. Расскажите – какие обычные разговоры были у вас?

Кушни. Сколько стоит хлеб мы говорили.

Вышинский. А разве это политика – хлеб. Это экономика?

Кушни. Здесь и экономика и политика. Я не разбираюсь. Все было вместе.

Вышинский. Ну, да, потому что экономика переходит в политику, а политика опирается на экономику.

Кушни. Правильно.

Вышинский. Можно понять так, что о хлебе вы говорили с политической точки зрения?

Кушни. Этого я не говорю.

Вышинский. А я вас так понял.

Кушни. Если цена хлеба – это политика, тогда – да.

Вышинский. Я и хочу сказать, что вы рассматривали вопрос о хлебе и цене на хлеб с точки зрения политики.

Кушни. Нет, я этого не говорю. Я сказал, что если цена хлеба является политическим вопросом, то тогда мы об этом вопросе говорили.

Вышинский. Видите ли, гражданин Кушни, я спрашиваю, какие разговоры были о политике. Вы сказали – о ценах на хлеб.

Кушни. Я дал это как пример разговора.

Вышинский. Политического разговора?

Кушни. Я не говорю, что это политический разговор.

Вышинский. Я спрашиваю о политике?

Кушни. Насчет политики я сказал, что мы имели общие разговоры о том, что есть в газетах. Может быть мы говорили о начале пятилетнего плана и так далее. Это все общие разговоры, как все говорят.

Вышинский. Давайте устраним это недоразумение. Я вас спрашиваю, а вы мне отвечаете. Я вас спрашиваю – говорили ли вы о политике. Вы сказали, кажется что мы говорили о политике с Торнтоном – правильно?

Кушни. Я говорил, что возможно, да.

Вышинский. Теперь – о чем конкретно. Вы на этот вопрос ответили – о ценах на хлеб. Так было?

Кушни. Так было.

Вышинский. Уйдем от этого вопроса к другому. Кроме общеполитических разговоров, как вы сказали генеральных, вы ни о чем с Торнтоном не говорили?

Кушни. Этого сказать нельзя. Мы говорили о разных вещах.

Вышинский. Касающихся Советского государства?

Кушни. Касающихся Советского государства мы говорили общеизвестные вещи.

Вышинский. Например о политических настроениях?

Кушни. О политических настроениях.

Вышинский. Да.

Кушни. О настроениях рабочих говорили.

Вышинский. О политических настроениях рабочих?

Кушни. Не знаю – будут это политические настроения или нет.

Вышинский. Чем вы интересовались например, их отношением к советской власти?

Кушни. Их отношением к работе – как они живут.

Вышинский. Потом?

Кушни. Вот такими вещами.

Вышинский. Как они относятся к советской власти, к пятилетке – эти разговоры были?

Кушни. Да, были.

Вышинский. Значит вы это подтверждаете. Эти разговоры у вас были с Торнтоном на основании каких данных?

Кушни. На основании данных, что я имею глаза, уши.

Вышинский. Правильно. Глаза видели, уши слышали.

Кушни. Да.

Вышинский. От кого они слышали?

Кушни. От разных людей.

Вышинский. От разных людей, например назовите кого-нибудь, если вы помните, из ваших знакомых, которые обслуживали ваши уши?

Кушни. Особых собраний от кого-нибудь специально не было, а в общих разговорах, когда встречался с кем-нибудь. Я передавал Торнтону мои впечатления, которые я получал не от кого-либо именно, а просто общие.

Вышинский. Генеральные впечатления?

Кушни. Да, генеральные.

Вышинский. А вы например знали Емельянова?

Кушни. Да, знаю.

Вышинский. Вы с ним разговаривали по этим вопросам?

Кушни. Это возможно.

Вышинский. От него слышали что-нибудь по этим вопросам – настроениях, о советской власти, об отношениях к пятилетке и так далее и тому подобное?

Кушни. Это возможно, но не помню.

Вышинский. Так что это уже было не генеральное, а индивидуальное знакомство с Емельяновым – вы не отрицаете?

Кушни. Знакомство с ним я имел по делам. Он был слесарем на работе, которой я руководил.

Вышинский. И разговоры вели с ним только по делам?

Кушни. Возможно были и другие разговоры.

Вышинский. Те, о которых говорили сейчас?

Кушни. Да.

Вышинский. В какой обстановке с Емельяновым встречались?

Кушни. Я говорил, что встречался по делам.

Вышинский. Где?

Кушни. На электростанции в Баку.

Вышинский. На квартире у вас он был?

Кушни. Нет, не был.

Вышинский. А вы не давали показания, что бывали на квартире?

Кушни. Я кажется не давал. Я давал показания, что я был у него на квартире один раз.

Вышинский. Хорошо. Какую должность он занимал?

Кушни. Слесаря.

Вышинский. Так что вы даже были у него на квартире, настолько близкое знакомство было?

Кушни. Нет, это не так надо понимать. Я был у него на квартире, когда кончил работу в Баку и надо было уезжать. Тогда все рабочие пригласили меня на вечер и там был Емельянов, другие и я пришел. Так что это было не знакомство с Емельяновым, а была последняя встреча с ними.

Вышинский. Что же это была товарищеская встреча или служебная?

Кушни. Не служебная.

Вышинский. А вы говорили сейчас, что были только служебные отношения.

Кушни. «Только» я не говорил, кажется.

Вышинский. А я кажется слышал так. Но это неважно, это мелочь.

Кушни. Конечно не важно.

Вышинский. Остается факт, что вы встречались с Емельяновым в неслужебной обстановке, на квартире.

Кушни. Да.

Вышинский. А в ресторане не встречались с ним?

Кушни. Возможно, что он был тот раз в ресторане. Это при пуске первой турбины.

Вышинский. Это еще раз?

Кушни. Возможно, что он был, я не помню.

Вышинский. Но если напомнить, возможно, что вспомните?

Кушни. Не знаю.

Вышинский. А еще больше никого не знали, кроме Емельянова, не «генерально», а индивидуально. Если поищем – может быть еще найдем?

Кушни. Если поищем довольно долго, то можете найти сотни две.

Вышинский. А если покороче искать? Фамилию Медведева знаете?

Кушни. Да.

Вышинский. Кто это такой?

Кушни. Заведующий станцией в Баку.

Вышинский. С ним при каких обстоятельствах встречались?

Кушни. При служебных обстоятельствах, а потом был у него на квартире.

Вышинский. В неслужебное время?

Кушни. Да.

Вышинский. По какому делу?

Кушни. По его приглашению, тем более, что его жена говорила по-английски.

Вышинский. А где она училась по-английски?

Кушни. Не знаю.

Вышинский. Так что были неслужебные встречи с Медведевым?

Кушни. Конечно как с заведующим станцией.

Вышинский. Нет, встречи на квартире были служебные или нет?

Кушни. Нет.

Вышинский. Больше никого не припомните из ваших персональных, индивидуальных знакомств?

Кушни. Я могу припомнить.

Вышинский. Может быть у кого-нибудь бывали на квартире в неслужебное время?

Кушни. Я был у Бочкарева в Баку.

Вышинский. Он кто?

Кушни. Слесарь.

Вышинский. У него тоже была вечеринка?

Кушни. Тоже.

Вышинский. Значит слесаря устраивают вечеринки и вас всюду приглашают?

Кушни. Я не говорил «всюду», это было два случая.

Вышинский. Один случай у Бочкарева, другой у Емельянова. А Самойлова вы знали? Кто это?

Кушни. Инженер-электрик.

Вышинский. Что он на станции делал?

Кушни. Он был помощником заведующего по электрической части.

Вышинский. А у него вы бывали?

Кушни. Я не помню, я думаю, что никогда не бывал у него.

Вышинский. Вы думаете, а если я напомню, что вы были у него, тогда вспомните?

Кушни. Нет, я почти что убежден, что не был на квартире, но нужно помнить, что это было несколько лет тому назад.

Вышинский. Хорошо. Довольно. Значит можно так сказать, что у вас был довольно широкий круг личных знакомств – Емельянов, Самойлов, Бочкарев, Медведев и вы говорите, что если долго поискать, что вы найдете сотни две.

Кушни. Я говорил, что если вы поищете, то найдете больше, а я не говорил, что был знаком с сотней две. А если бы это и было, то я не считаю это преступлением.

Вышинский. Значит я правильно могу утверждать, что вы жили не изолированно, что у вас было широкое знакомство, в частности с теми лицами, которых вы назвали, что вы бывали у них в неслужебное время, что бывали на квартирах, кажется были в ресторане.

Кушни. Определенно был в ресторане.

Вышинский. Даже определенно были. И может быть участвовали в пьянке?

Кушни. Эти две вещи тождественны.

Вышинский. Тождественны или торжественны?

Кушни. Я не понимаю разницы, объясните.

Вышинский. Торжественные – это значит важные, знаменательные, а тождественные – это одинаковые.

Кушни. Они были в роде праздничных. Первая была при пуске турбины, а вторая при моем отъезде.

Вышинский. Но на этих «вроде праздничных» встречах на квартирах этих слесарей вообще были инженеры и рабочие или был узкий круг лиц?

Кушни. Были те, которые работали под моим руководством по монтажу.

Вышинский. Эти случаи сопровождалась выпивкой?

Кушни. Да.

Вышинский. Насчет выпивки вы не отказывались?

Кушни. Зачем?

Вышинский. Вам неизвестно куда девался Медведев?

Кушни. Я слышал, что он был арестован.

Вышинский. За что?

Кушни. Я не знаю.

Вышинский. А Самойлов?

Кушни. Я слышал, что его там на станции нет.

Вышинский. А где он?

Кушни. Не знаю.

Вышинский. А что он арестован вам неизвестно?

Кушни. Нет.

Вышинский. Скажите пожалуйста, встречаясь с этими людьми вы вели разговоры не только служебные?

Кушни. Не только служебные.

Вышинский. Но и общие?

Кушни. Да, общие.

Вышинский. В частности, скажем, относительно Красной армии?

Кушни. Нет. Возможно, что кто-нибудь говорил, что он пойдет на службу. Я что-то такое помню один случай, когда один слесарь, работающий под моим руководством, говорил, что он призван на службу, но это я не называю разговором о Красной армии.

Вышинский. Конечно, это разговор о нем, но не о Красной армии. А таких разговоров – насколько Красная армия верна своему долгу, насколько она боеспособна, вы не вели?

Кушни. Нет.

Вышинский. Может быть припомните?

Кушни. Не припомню.

Вышинский. Может быть интересовались, хорошо ли кормят в Красной армии?

Кушни. Я не интересовался Красной армией.

Вышинский. Не интересовались?

Кушни. Нет.

Вышинский. И ни самой Красной армией, ни как она снабжается, ни чем снабжается – не интересовались?

Кушни. Я не помню. Я понимаю, что Красная армия снабжается.

Вышинский. Как снабжается, чем снабжается?

Кушни. Я не узнавал этого.

Вышинский. Вы никого не спрашивали?

Кушни. Нет.

Вышинский. Емельянова не спрашивали?

Кушни. Емельянова – нет.

Вышинский. Может быть он сам говорил?

Кушни. Не знаю, не помню.

Вышинский. А Емельянову вы подарки какие-нибудь делали?

Кушни. Никогда.

Вышинский. Кому-нибудь другому делали?

Кушни. Кому именно? Я своей жене подарки делал.

Вышинский. Из ваших знакомых слесарей на станции и тому подобное?

Кушни. Не делал.

Вышинский. Никаких подарков не делали. Может быть займы давали?

Кушни. Некоторые из них брали у меня иногда мелкие суммы займы.

Вышинский. Суммы брали маленькие?

Кушни. Я бы большой суммы не дал. Надо сказать, что они не спрашивали больших сумм.

Вышинский. Удовлетворялись маленькими суммами?

Кушни. Иногда просили до получки дать 5 рублей, возможно 10.

Вышинский. 10, 20, 50.

Кушни. До 50 не доходило.

Вышинский. Возвращали эти деньги?

Кушни. Я не помню случая, когда они не возвращали, но может быть забыл один раз.

Вышинский. Вы показывали на предварительном следствии, что Емельянов у вас брал?

Кушни. Будьте добры прочесть эти показания.

Вышинский. Я прочту: «Я помню, что давал займы деньги Кислякову, возможно, что также давал Емельянову».

Кушни. Возможно, что давал Емельянову.

Вышинский. А сейчас говорите, что не помните.

Кушни. Это не отрицается, возможно, что давал.

Вышинский. Значит возможно, что Емельянову давали?

Кушни. Возможно да.

Вышинский. И возможно, что вам не возвращали?

Кушни. Я говорил, что если это было, то было не больше одного случая.

Вышинский. Значит тоже возможно?

Кушни. Я не хотел деньги бросать на воздух.

Вышинский. Вы одалживали как любезность или потому, что вам оказывалась любезность. Давали займы тому, кто у вас просит?

Кушни. Я давал им из любезности.

Вышинский. А они тоже оказывали вам любезность?

Кушни. Они всегда хорошо работали.

Вышинский. Значит вы давали за хорошую работу?

Кушни. Нет, за любезность.

Вышинский. «За любезность». Ну, прекрасно. Скажите пожалуйста, помните вы случай; с аварией турбины в 1928 г., в связи с перекачкой?

Кушни. Помню.

Вышинский. Эта авария произошла случайно или сознательно, умышленно была вызвана?

Кушни. Я знаю, что попала вода в турбину. Вследствие этого произошла авария. Вода попала благодаря неправильной работе котла. Котлы меня не касались – они не были доставлены фирмой «Метро-Виккерс». Это было вскоре после пуска первой нашей турбины. Котлы были новые, и все оборудование было новое. Котлы, были другие, чем те, которые станционный персонал раньше наблюдал, так что возможность, что кто-нибудь из персонала в отношении котлов сделал ошибку – большая. Но это не было моим делом, и я не знаю, отчего получилась эта ошибка, если она была ошибкой в котельной.

Вышинский (к суду). Можно спросить подсудимого Олейника?

Председатель. Подсудимый Олейник.

Вышинский (к Олейнику). Вы тоже работали в Баку на этой станции?

Олейник. Да.

Вышинский. Вы помните эту аварию в 1928 г.?

Олейник. Помню.

Вышинский. Причины этой аварии?

Олейник. Перекачка воды.

Вышинский. Случайная или умышленная перекачка воды?

Олейник. В то время я считал, что случайная. Разговор был такой: кочегары собрались утром на смену в 7 часов. Там были постоянные кочегары для дежурства на новых котлах, обученные, проинструктированные. Они зарабатывали около 150 рублей, а остальные зарабатывали около 90 рублей. Эти остальные кочегары без ведома механика вступили в смену самовольно и вскоре после этого, приблизительно в половине восьмого утра, котлы оказались полными воды. Вода бросилась в паропровод и не только в турбину «Метро-Виккерс», которая была ближайшей, а бросилась на весь паропровод, так что была остановлена вся станция.

Вышинский. Это конечно вопросы, относящиеся к делу, но несколько уклоняющиеся от непосредственной темы моего вопроса. Я вас спрашиваю – авария в 1928 г. на Бакгрэсе была случайной или была организована кем-либо умышленно?

Олейник. В то время все считали, что это было случайно.

Вышинский. В то время в 1928 г., а потом оказалось, что она была не случайной?

Олейник. Это я узнал в 1932 г.

Вышинский. От кого?

Олейник. Когда инженер Торнтон давал задание о диверсиях, я сначала не решался на эти диверсии итти, говорил, что диверсии со своими машинами очень опасны, потому что прежде всего отвечает фирма. Это раз. Во-вторых, я боялся. Он мне сказал, что надо уметь организовать. И в пример привел аварию в Баку и сказал, что вот Кушни сумел организовать так, что никакого подозрения и никакого отношения к персоналу «Метро-Виккерс» это не имело.

Вышинский (к Кушни). Вы слышали это показание?

Кушни. Я слышал. Олейник врет.

Вышинский. Хорошо. Вы правду говорите?

Кушни. Правду говорю.

Вышинский. Торнтон, Олейник врет?

Торнтон. Он неправду говорит.

Вышинский. У меня к Кушни нет вопросов.

Председатель. Вы долго служили в английской армии?
Кушни. Немного меньше 2 лет.
Председатель. Летчиком были?
Кушни. Летчиком.
Председатель. Какие года?
Кушни. 1917-1919 годы.
Председатель. Потом ушли и больше в армии не служили?
Кушни. Служил временно, только во время войны.
Председатель. На каком фронте были?
Кушни. Во Франции.
Председатель. Ранены были?
Кушни. Да, ранен.
Председатель. Поэтому ушли из армии?
Кушни. Я не ушел тогда. Но после выздоровления от раны меня не послали опять на фронт, а я был инструктором новых летчиков до конца войны.
Председатель. Теперь в запасе или в отставке?
Кушни. Совершенно не касаюсь армии теперь.
Председатель. В отставке теперь?
Кушни (перевод). Ни в каком резерве не числюсь. Совершенно освобожден.
Председатель. У защиты вопросы есть?
Лидов. Вы образование получили, по вашим объяснениям, техническое?
Кушни. Да, техническое.
Лидов. А в другом месте вы говорите, что кончили университет. Где кончили?
Кушни. Лондонский университет.
Лидов. В Лондонском университете есть и техническое отделение?
Кушни. Да, есть. Инженерное есть и химическое есть.
Лидов. Одним словом, вы кончили и получили высшее техническое образование в Лондонском университете?
Кушни. Да.
Лидов. В каком поду вы кончили его?
Кушни. Я учился до 1917 года. Потом бросил учение, чтобы итти на войну. После войны, после 1919 года оставалось один год только учиться.
Лидов. Эти подробности мне не важны. Одним словом, война застала вас еще студентом университета?
Кушни. Да.
Лидов. Вы в армию попали прямо со студенческой скамьи?
Кушни. Правильно.
Лидов. По обвинительному заключению, которое вы получили, которое вы слышали и читали, вы значитесь акционером английской фирмы «Метро-Виккерс»?
Кушни. Да.
Лидов. Вы действительно состоите акционером?
Кушни. Я имею акции на сумму 120 фунтов.
Лидов. Мелкие акции?
Кушни. Акции фунтовые. Можно купить на 1 фунт.
Лидов. Надо понимать вас так, что вы, собственно говоря, имеете у себя некоторое небольшое количество акций?
Кушни. 120 акций.
Лидов. А капитал вложен весьма крупный?
Кушни. Несколько миллионов: 3-4 – не знаю.

Лидов. Миллионов фунтов?

Кушни. Миллионов фунтов.

Лидов. Когда вы приехали сюда работать к нам в СССР и попали в Баку, вы ответили прокурору, что вы разговаривали, бывали два раза на угощениях, на которые вас приглашали рабочие, слесаря. Скажите, почему вы интересовались подробностями жизни рабочих и так далее. Вы все-таки в английских условиях капиталистического общества стояли довольно далеко, как инженер, как лицо с высшим образованием, от рабочей массы. Я понимаю – вы можете вместе работать. Но эти настроения рабочих – почему они вас интересовали?

Кушни. Я всегда интересуюсь тем, что идет вокруг меня. И так как я был ближе к этим рабочим, чем другие, так как они работали прямо под моим руководством, я имел дело с ними, а с другими людьми имел меньше дел, стоял более далеко, поэтому и пришлось. И не только поэтому, а потому, что они меня все очень любили.

Лидов. Значит надо понимать вас так, что у вас были с ними отношения в процессе работы такие, которые вас как бы с ними в значительной степени в этой обстановке сближали и уничтожали различие?

Кушни. Да.

Лидов. А эту пирушку, угощение, на которое вас пригласили в квартиру Емельянова, кто придумал и по какому случаю вас позвали?

Кушни. Именно потому, что это было, когда я уже навсегда уезжал из Баку, и другой возможности меня видеть не было, они хотели проститься со мной.

Лидов. Значит это была прощальная вечеринка, на которой с вами прощались ввиду вашего отъезда?

Кушни. Да.

Лидов. Это они вас пригласили – слесаря и рабочие, или вы сказали, что будете устраивать, или это было совместно?

Кушни. Совместное общее желание.

Лидов. Провести вечер?

Кушни. Да.

Лидов. Вы сказали, что помните два случая – один у Емельянова, другой у кого-то другого. А кроме этих случаев было ли такое положение, чтобы бывать в гостях, приходить вместе посидеть, поговорить в квартире Емельянова или может быть Емельянов к вам заходил?

Кушни. Был один случай, когда я и другие английские монтеры были угощены Бочкаревым.

Лидов. А кроме этого, запросто не заходили друг к другу, как в гости?

Кушни. Этого не было.

Лидов. Значит можно установить, что это было два единственных случая, когда вы проводили время в обществе работавших с вами вместе слесарей и рабочих. Много там было народу?

Кушни. В первом случае было наверно человек 30.

Лидов. Значит большое общество?

Кушни. Это было в ресторане. Это было, когда монтаж 2-й машины был не закончен и был полный штат.

Лидов. Значит все работавшие над пуском машины собрались вместе?

Кушни. Возможно, что некоторые не пришли.

Лидов. Но вообще должен был быть весь штат?

Кушни. Да, все были приглашены.

Лидов. Это было где?

Кушни. В ресторане.

Лидов. А у Емельянова когда вы были?

Кушни. Когда работавших на нашей турбине было уже человек 15.

Лидов. Значит все же целое общество было?

Кушни. Уместиться было очень трудно.

Лидов. Что же на этой вечеринке у вас были все время общие разговоры, все принимали участие, говорили тосты, поднимали тосты за ваше здоровье, вы за их здоровье, или были частные разговоры, или обсуждались какие-нибудь события, разговаривали все вместе?

Кушни. Тосты были, общие разговоры были, а специального ничего не было.

Лидов. Специального обсуждения каких-нибудь вопросов не было?

Кушни. Не было.

Лидов. Значит вы утверждаете, что за время вашей жизни в Баку вы поддерживали некоторые личные отношения с окружающими слесарями и рабочими, интересовались, беседовали об общих вопросах жизни, но специальное собрание через них сведений вы категорически отвергаете?

Кушни. Совершенно верно.

Лидов. Ну, а по отношению к конторе, как таковой, вы получали какие-нибудь просьбы или указания от кого-либо из лиц, работавших здесь, или с которыми вы сталкивались, чтобы собирать сведения даже независимо от определенной цели, но просто собирать сведения о том, как вокруг живетя около вас, где вы работаете, какие настроения имеются, довольны рабочие или нет?

Кушни. Никогда. Технические вопросы, касающиеся нашего оборудования, возможно, что просили меня объяснить, но так как вы говорили – никогда.

Лидов. Вы сказали, что когда встречались в Москве и так далее, у вас происходили и с Торнтоном, и с другими лицами некоторые разговоры общего характера?

Кушни. Такие разговоры, которые могли быть у вас со мною, если бы мы встретились через неделю.

Лидов. Это был разговор или доклад какой-нибудь?

Кушни. Доклад – нет.

Лидов. Простой разговор?

Кушни. Да. Я может быть давал свои впечатления, и тот, с кем я говорил, говорил о своих впечатлениях.

Лидов. Во время этих разговоров может быть вам ставились специальные вопросы, чтобы от вас получить ответ по каким-нибудь определенным вопросам, или это были обыкновенные разговоры – как живетя и так далее?

Кушни. Возможно, что когда-нибудь хотели что-нибудь узнать.

Лидов. В какой области? Какими вопросами интересовались?

Кушни. В технической области, касающейся нашего оборудования, затем другого оборудования, которое связано с нашим.

Лидов. А вам ставились какие-нибудь вопросы о том, как идет работа в различных других отраслях промышленности. Много ли у нас сосредоточено в Красной армии, какие части и так далее. Может быть такие вопросы ставились?

Кушни. Не ставились.*

* Весьма странные вопросы задает «защитник» Кушни П.П. Лидов – вплоть до того, не интересовалось ли начальство «Метро-Виккерс» информацией по Красной армии!? Из списка жертв террора «Мемориала»:

Лидов Петр Петрович. Родился в 1881 г., г. Смоленск; русский; образование высшее; б/п; член Московской городской коллегии защитников. <...> Арестован 14 марта 1938 г. Приговорен: ВКВС СССР 9 мая 1938 г., обв.: в активном участии в к.-р. террористической организации. Расстрелян 9 мая 1938 г. <...>

Лидов. Позвольте перевести вопрос к аварии в 1928 г. Что фактически произошло? Вы категорически отвергаете какое бы то ни было свое отношение?

Кушни. К аварии или к причинам аварии?

Лидов. Конечно к причинам, потому что мы все знаем, что авария была, а вот причины?

Кушни. Это меня не касалось.

Лидов. А вот Олейник сказал:, что какой-то кочегар самовольно вступил вместо другого. Вы это подтверждаете?

Кушни. Я это слышал.

Лидов. Что именно?

Кушни. Что была какая-то замена кочегаров, и я слышал, что тот кочегар, который делал ошибку, в первый раз попал на новые котлы.

Лидов. Кочегары были в вашем ведении?

Кушни. Нет. Они меня совершенно не касались.

Лидов. Вы к эксплуатации этих котлов какое-нибудь, хотя бы косвенное отношение имели?

Кушни. Никакого.

Лидов. Значит если какой-то кочегар вступил вместо опытного кочегара, то это было сделано в пределах котельной и к вашей работе лично касательства не имело?

Кушни. Нет. Даже если давление пара было неправильное, я должен был сказать об этом не главному кочегару, а заведующему станцией.

Лидов. Если кочегар вступил самовольно вместо опытного – неопытный, вы понимаете, что это с технической точки зрения вещь недопустимая, это не могло остаться без известного расследования, это должно было повлечь то или другое наложение взыскания. Не так ли?

Кушни. Было расследование после этого, этого кочегара посадили, как я слышал.

Лидов. Так что было следствие и кочегар был привлечен?

Кушни. Да.

Лидов. Скажите пожалуйста, больше вы в Баку не возвращались, уехавши оттуда?

Кушни. Нет. Я после этого был там два раза, первый раз в связи с испытанием нашей турбины...

Лидов. А на постоянной работе не были?

Кушни. Нет.

Лидов. Значит вы переехали на другую работу, а потом в Московскую контору?

Кушни. Да.

Лидов. Потом вы ездили главным образом для наблюдения и проверки установок?

Кушни. Да.

Лидов. Я больше вопросов не имею.

Казначеев. Скажите пожалуйста, гражданин Кушни, вы несколько минут тому назад категорически заявили, что Олейник врет. Как вы считаете, врет ли он в целом, что он говорил, или в некоторых частях?

Кушни. Он врет в той части, когда говорит, что я имел касание к этой аварии в смысле причины.

Казначеев. А в той части, где он говорит о разговоре с Торнтоном, врет или нет?

Кушни. Я убежден, что он врет.

Казначеев. Это ваше убеждение?

Кушни. Да.

Казначеев. Известно ли вам что-нибудь о том – имел ли Олейник какой либо разговор с Торнтоном на эту тему или нет?

Кушни. Не знаю.

Казначеев. Значит вы не можете сказать ни «да», ни «нет», а можете высказывать свое предположение или убеждение?

Кушни. Я не был с ними, я не знаю, было это или нет, но я не допускаю такой вещи.

Казначеев. И только, но отрицать факта вы не можете.

Кушни. Так как я не был все время с ними, то этого утверждать не могу.

Казначеев. Больше вопросов не имею.

Председатель. У защиты больше вопросов нет?

Защита. Нет.

Председатель. У прокуратуры?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Подсудимый Кушни, садитесь.

Кушни. Я хочу сделать заявление насчет показаний.

Председатель. Ваши показания ничем не отличаются от тех показаний, которые были даны раньше. Может быть не всем подсудимым – английским подданным известен наш порядок ведения судебного следствия. У нас порядок такой. Идет судебное следствие. Мы допрашиваем подсудимых в известном порядке и по ходу допроса подсудимые могут делать любые заявления. Порядок был установлен на первом заседании. После допроса всех подсудимых будут речи государственных обвинителей, затем речи защитников, затем каждому подсудимому будут предоставлены так называемые последние слова, где они кроме того снова могут делать заявления, затем будет вынесен приговор. Вот какой у нас порядок. Так что делать какие-то заявления в нарушение установленного порядка ведения судебного следствия нецелесообразно.

Кушни. Так что мне будет дана возможность...

Председатель. Такой порядок у нас установлен по Уголовно-процессуальному кодексу. Повторяю, может быть вы плохо поняли. Мы сегодня вечером или завтра утром закончим допрос всех подсудимых, потому что осталось всего 4 человека. Затем вероятно будет некоторый перерыв для подготовки речей, и вероятно еще будет заслушана экспертиза. Затем будут речи государственных обвинителей. После этого речи всех ваших защитников. После речей защитников – последние слова всех подсудимых. Затем суд удалится на совещание для вынесения приговора, и в данном случае не будет исключения.

Кушни. Спасибо, я понял.

Председатель. Теперь разрешите перейти к следующему подсудимому. Подсудимый Олейник. У суда вопросов нет. У прокуратуры есть вопросы к Олейнику?

Рогинский. Вы служащий конторы «Метрополитен-Виккерс»?

Олейник. Да, я был до последнего момента.

Рогинский. С какого года вы служите в этой фирме?

Олейник. В фирме «Метро-Виккерс» с 1926 г.

Рогинский. До 1926 г. где вы работали?

Олейник. Это предшественник «Метро-Виккерс» – общество «Вестингауз».

Рогинский. С какого года и по какой?

Олейник. Я начал работу в Америке в 1908 г.

Рогинский. Где?

Олейник. Сначала в Сан-Франциско, а затем в Чикаго. В 1911 г. вернулся в Россию и опять поступил в Петербургское отделение русского общества «Вестингауз». Был старшим монтером до 1914 г. В начале 1914 г. за ликвидацией русского общества «Вестингауз» британское общество «Вестингауз» или вернее представительство британского общества «Вестингауз» в России предложило мне перейти на службу в британское общество «Вестингауз» и поехать в Англию для изучения турбин. Я был туда командирован на год. Был там до мая месяца 1915 г.

В 1915 г. вернулся в Россию, работал здесь по монтажу турбин до 1920 г., хотя англичане все уехали в конце 1917 г., но так как представительство британского общества «Вестингауз» было обществом «Динамо», то я все-таки продолжал работать до 1920 г. В 1920 г. моя служба прекратилась. Работал я с 1920[-го] по 1926 г. помощником заведующего электростанции на Тамбовском пороховом заводе. Затем был помощником заведующего механическим цехом тамбовских вагонных мастерских. Затем был турбинным техником в московском отделении Электротехнического треста центрального района. Впоследствии был назначен заведующим отделением турбин Государственного электротехнического треста. До 1926 г. был там и в 1926 г. перешел по предложению инженера Монкгауза, который здесь был представителем, на службу в фирму «Метро-Виккерс», то есть фактически это то же самое, что «Вестингауз».

Рогинский. Вы инженера Монкгауза знали до 1926 года?

Олейник. Знал. В 1925 г. он нашел меня. Я его узнал с 1925 г.

Рогинский. До этого времени не знали, в период своей работы с 1911 г.?

Олейник. Нет, не знал.

Рогинский. Значит вы впервые с ним встретились в 1925 г.?

Олейник. В 1925 году.

Рогинский. Какое у вас образование?

Олейник. Официально у меня образования никакого нет, потому что я не окончил даже приходской школы, у меня не было возможности, но я потом старался пополнить свое образование. Пока жил в России, учился между работой. Потом в Америке был в так называемой высшей технической школе, брал курс заочного преподавания инженера-электрика, но не кончил. Диплома у меня нет.

Рогинский. Ваша специальность?

Олейник. До 1914 г., то есть до отъезда в Англию, я работал старшим монтером-электриком, но с 1914 г., так как в России предполагались работы исключительно по турбогенераторам, для этой цели меня фирма командировала в Англию для изучения паровых турбин, и с того времени, то есть с 1914 года, и по день ареста я работал исключительно по паровым турбинам.

Рогинский. Какую работу вам поручили в конторе «Метро-Виккерс»?

Олейник. Монтаж паровых турбин.

Рогинский. Вы были на таком же положении, как остальные монтажные инженеры и монтеры, работавшие в конторе «Метро-Виккерс»?

Олейник. Не все были в одинаковом положении. По сравнению с некоторыми я был в лучшем положении.

Рогинский. Почему?

Олейник. Потому что больше получал жалования, а по сравнению с другими – в худшем. Оклад неодинаковый и квалификация неодинаковая.

Рогинский. Ваш оклад?

Олейник. Я получал в последнее время 600 рублей. В Макеевке я получал еще 150 рублей добавочно на дороговизну. В счет этих 600 рублей я получил 50 рублей бонами на Торгсин, как и остальные служащие фирмы.

Рогинский. Вы какие-либо сбережения имеете за границей?

Олейник. Да.

Рогинский. Каким образом эти сбережения составлялись?

Олейник. Это было в 1930 г. Я работал в Москве. Инженер Торнтон начал со мной разговор о том, что так как положение советской власти неустойчиво, цена на деньги падает, а может быть и власть падет не сегодня-завтра, то если у меня есть сбережения, лучше их положить в английский банк. Я ему сказал, что у меня есть сбережения – 2 000 рублей. Эти сбережения я передал Монкгаузу, потому что, когда я пришел в контору, Торнтон там не было, а он их положил в английский банк, когда был в Англии, и привез мне оттуда чековую книжку, но сказал, что чековую книжку вам опасно иметь на дому на случай обыска. Поэтому будет лучше, если чековая книжка будет храниться у него. Так мы и сделали.

Рогинский. О каком обыске шла речь?

Олейник. На всякий случай.

Рогинский. Почему вы ожидали обыска?

Олейник. Потому что можно было ожидать – наша деятельность была не так легальна.

Рогинский. Это было в каком году?

Олейник. В конце 1930 года.

Рогинский. Следовательно, Монкгауз привез вам чековую книжку?

Олейник. Не Монкгауз, а Торнтон.

Рогинский. Когда это было?

Олейник. В 1931 году.

Рогинский. Почему он вас предупреждал о возможном обыске?

Олейник. Он мне не сказал – почему, но, судя по нашей деятельности, можно было ожидать, что она откроется и будет обыск.

Рогинский. Судя по какой деятельности?

Олейник. По шпионской, вредительской.

Рогинский. По шпионской и вредительской?

Олейник. Да.

Рогинский. Значит правильно будет сказать, что примерно в 1930 г. вы имеющиеся у вас наличные средства при посредстве Торнтон и Монкгауза переправили в Англию?

Олейник. Да. Кроме того я забыл сказать – инженер Торнтон тогда же мне сказал, что лучше мне все жалование здесь не получать, а устроить так, чтобы в Англии на мой текущий счет вносили приблизительно 100 рублей, или 10 фунтов ежемесячно.

Рогинский. Я имел в виду задать и этот вопрос. Значит вы средства, свои сбережения переправляете в Англию, плюс к этому, по договоренности с Торнтоном, определенная сумма вашего жалования точно так же должна была вноситься на ваш текущий счет в Англии?

Олейник. Да.

Рогинский. При чем этого рода мероприятие было вызвано, как вы говорите, некоторыми беседами или разговорами, связанными с возможным обыском и раскрытием вашей деятельности.

Олейник. Я вас не понял.

Рогинский. Подготавливали путь отступления?

Олейник. Я подготавливал?

Рогинский. Да.

Олейник. Нет. Это я не имел в виду.

Рогинский. Не имел в виду. Хорошо. Следовательно вы имели в виду только возможность политических осложнений и в силу этого оставили свои сбережения в Англии?

Олейник. Да.

Рогинский. А соображения, связанные с обыском?

Олейник. Нет. Я не предполагал за границу бежать.

Рогинский. А после разговора с Торнтоном в 1931 г., когда он предупредил вас о том, что нельзя хранить у себя на дому чековую книжку?

Олейник. Все равно я не предполагал уезжать.

Рогинский. Предполагали только оставить там средства, а сами остаться здесь?

Олейник. Нет. Это не так.

Рогинский. Теперь конкретно о вредительской деятельности. Какая конкретно вредительская деятельность проводилась вами?

Олейник. Соккрытие дефектов оборудования.

Рогинский. Раз.

Олейник. Собираение сведений.

Рогинский. Два.

Олейник. Организация аварий.

Рогинский. Три. И четвертая, линия.

Олейник. По-моему это покрывает все.

Рогинский. А вербовка?

Олейник. Это я называю организацией аварий.

Рогинский. Итак, четыре линии. Так мы их и перечислим и запишем: соккрытие дефектов – раз, организация аварий – два, вербовка – расчленим все-таки это – и следовательно организация вредительских групп на различных электростанциях – три и наконец шпионаж – четыре. Правильно?

Олейник. Правильно.

Рогинский. Хорошо. С кем непосредственно по этой вашей деятельности вы были связаны в конторе?

Олейник. В последнее время с назначением инженера Торнтон главным монтажным инженером я имел дело только с ним.

Рогинский. Конкретно – что вы считаете последним временем?

Олейник. То есть с конца 1929 года.

Рогинский. А до 1929 года?

Олейник. А до тех пор – инженер Монкгауз.

Рогинский. Тоже конкретнее – с какого периода времени вы исчисляете свой «стаж» вредительской деятельности?

Олейник. Говорить ли о собиращии сведений или о соккрытии дефектов. Если разрешите, буду говорить в хронологическом порядке.

До начала 1928 г. я работал в Златоусте и Штеровке и не встречался ни с Монкгаузом и ни с кем из персонала фирмы. Только переписывался. Давал отчеты в своей работе, получал жалованье по телеграфу. Встречать никого не встречал, поэтому заданий не получал. В 1928 г. был командирован в **Китлынь** [Кизел, на Кизеловскую ГРЭС?] для перелопачивания первого колеса первого диска турбины, которое было повреждено вылетевшей контрольной шпилькой из сопловой коробки. Шпильки эти были виной монтера, который собирал эту турбину. Они должны быть по инструкции, да и так каждому монтеру ясно, должны быть хорошо закреплены. Они не были зачеканены, вылетели и повредили, это была счастливая случайность, только два ряда лопаток. Это я скрыл, никому не сказал.

Рогинский. Это какой год?

Олейник. Это в начале 1928 г.

Рогинский. Этот свой акт вы совершили по своей инициативе?

Олейник. Да, по своей инициативе,

Рогинский. Ни с кем не посоветовавшись?

Олейник. Да.

Рогинский. Следовательно никто из конторы и Монкгауз на вас влияния не оказывали?

Олейник. Нет.

Рогинский. Это было ваше стремление оказать конторе известную услугу, у которой вы были на службе?

Олейник. Это был незначительный факт, которому я не придавал значения.

Рогинский. И который, вы скрыли?

Олейник. Да, я скрыл.

Рогинский. Дальше?

Олейник. В Штеровке была авария в 1928 г. в середине лета – поломался циркуляционный насос, довольно большой у турбины. Могло быть значительно хуже, температура подшипника дошла до 99 градусов, и еще немного и можно было всю турбину загнать. После этого было расследование причин этой аварии. Основная начальная причина была та, что у вспомогательной турбинки, которая должна работать при выключении мотора, конструкция клапана была настолько неудачна, что достаточно задеть рычаг и клапан закрывался. Было установлено, что дежурный машинист второпях, не заметив этого, задел клапан и он закрылся. Вследствие этого начали опять пускать насос, пустили неправильно, и насос поломался. Это я конечно скрыл.

Рогинский. Это вы скрыли от кого?

Олейник. От наших властей и от заказчика.

Рогинский. А что вы должны были сделать?

Олейник. Теперь я вижу, что должен был пойти или тут же заявить представителям Штерстроля, что это вина фирмы, но в таком случае я уже больше не мог продолжать работать у фирмы.

Рогинский. А разве вам было дано такого рода указание, что вы обязательно должны скрывать всякие дефекты?

Олейник. Да, конечно.

Рогинский. Кем?

Олейник. Моими руководителями Монкгаузом и Торнтоном.

Рогинский. Я и спрашиваю вас – ваш акт, который вы относите к 1928 г., и второй на Штеровке являлись ли они следствием ваших самостоятельных действий или в результате определенных указаний, данных вам?

Олейник. Простите, я вас не понял. Указание было общего характера не об этой именно аварии или другой, не об одном дефекте, а указание общего характера, о том, что дефекты должны скрываться.

Рогинский. Во всяком случае вы должны всячески охранять интересы фирмы?

Олейник. Да.

Рогинский. Это понятно. Вы служащий фирмы, вам такое указание было дано?

Олейник. Да.

Рогинский. И вы это указание выполняли достаточно рьяно?

Олейник. Я выполнял эти указания очень добросовестно.

Рогинский. Но при выполнении добросовестного сокрытия дефектов было ли вам сказано или дано указание, или вы действовали по своей инициативе, чтобы сверх того умышленно организовывать те или иные вредительские действия в отношении машин?

Олейник. По своей инициативе я этого никак не мог сделать.

Рогинский. Но вы это делали?

Олейник. Да, я пытался организовать, скрепя сердце.

Рогинский. Скрепя сердце или нет—это вопрос иного порядка, вы это делали?

Олейник. Да.

Рогинский. Если не по своей инициативе, то по чьей?

Олейник. По инструкции инженера Торнтонна.

Рогинский. Эти инструкции когда вы получили?

Олейник. В 1932 году.

Рогинский. А до 1932 г. таких инструкций не было?

Олейник. Не помню.

Рогинский. И до 1932 г. вы к организации аварий отношения не имели?

Олейник. К организации аварий как будто бы нет, не помню.

Рогинский. Мы вам потом напомним. До 1932 г. следовательно вы к деятельности различных вредительских групп на различных электростанциях отношения не имели.

Олейник. В смысле сокрытий дефектов конечно имел, а организации аварий я не помню.

Рогинский. А в смысле сокрытия таких дефектов, которые заведомо для тех, кто их скрывал, должны были обязательно вызвать аварию, к этому вы отношение имели?

Олейник. Возможно, что имел.

Рогинский. Я спрашиваю, имели или нет?

Олейник. Я затрудняюсь вам сказать.

Рогинский. А вот ваши показания, которые вы здесь сегодня давали, они о чем говорят?

Олейник. Здесь, сейчас?

Рогинский. На очной ставке с Крашенинниковым. Это не 1932 год. Это раньше.

Олейник. Но я не организовывал этой аварии. Я не пытался организовывать. Я видел, что там что-то есть, но это не относилось к установке «Метро-Виккерс», и я не считаю, что я организовывал это.

Рогинский. При чем здесь установка «Метро-Виккерс»? Вопрос идет о совершении определенных аварий. Разве вам были даны инструкции о том, чтобы организовать аварии только с установкой «Метро-Виккерс» или может быть обратно?

Олейник. Нет. Но главным образом конечно с установками «Метро-Виккерс», потому что мне иначе трудно было.

Рогинский. А в актах, которые были совершены Крашенинниковым, принимали вы участие?

Олейник. Будьте добры скажите, какие акты?

Рогинский. Сегодня они были перечислены здесь, и вы сами их перечисляли и указывали Крашенинникову.

Олейник. Я не помню.

Рогинский. Можно спросить Крашенинникова?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Может быть вы напомним Олейнику.

Крашенинников. Насчет подшипников, насчет клапанов, насчет зазоров в лопатках.

Рогинский. Имело это место?

Олейник. Насчет подшипников это имело место в 1932 г.

Рогинский. Насчет клапанов?

Олейник. Это когда я монтировал турбину в 1930 г.

Крашенинников. Зазоры в лопатках.

Олейник. Не в лопатках, а в лабиринтовых уплотнениях.

Крашенинников. Да.

Олейник. Да, но это не могу назвать аварией, это только вызвало бы излишний расход пара или вызывало.

Рогинский. Это имело место?

Олейник. Да.

Рогинский. Это было до 1932 г.?

Олейник. Да.

Рогинский. Значит до 1932 г. вы равным образом принимали участие в организации тех вредительских актов, которые были организованы на электростанциях?

Олейник. Да, я этого не отрицаю.

Рогинский. Теперь 1932 год. Здесь какие акты были организованы вами, вами совершены, или в которых вы принимали участие?

Олейник. Я не могу сказать – какие.

Рогинский. Их не было?

Олейник. Я мог бы сказать об актах, которые произошли, но не были вскрыты, об авариях, но в 1932 г. я пытался организовать, а произошли они или нет – мне неизвестно.

Рогинский. Я спросил, какие акты в 1932 г. пытались вы организовать. Что вы пытались организовать в 1932 г.?

Олейник. Конкретного задания я не давал и не мог давать, потому что это зависело от условий, но я пытался завербовать некоторых людей для совершения этих актов.

Рогинский. Конкретно.

Олейник. Могу я называть лица?

Рогинский. Из числа тех, кто здесь сидит?

Олейник. Нет.

Рогинский. Вы пока мне назовите факты, места, электростанции.

Олейник. Это было на 1-й Московской станции.

Рогинский. Какой акт вы пытались организовать?

Олейник. Я уже сказал, что дать определенное задание заблаговременно я не мог, потому что я не знал. На ходу этого сделать нельзя, или во всяком случае это было опасно, после моего разговора с инженером Торнтоном это нужно было делать очень осторожно. Значит нужно было подобрать людей и ждать удобного момента.

Рогинский. Подобрать людей и ждать удобного момента?

Олейник. Да.

Рогинский. На что вы направляли вредительский удар?

Олейник. На разрушение.

Рогинский. Конкретный участок? Вы сказали, что пытались организовать определенный вредительский акт?

Олейник. Да.

Рогинский. Я и спрашиваю.

Олейник. Я уже сказал, что не знаю, как понять участок.

Рогинский. Не понимаете, что называется участком? Тогда так поставим вопрос: были ли вами намечены конкретные вредительские акты, или вы только организовывали вредительскую группу, подобрали людей и имели в виду перейти к конкретным вредительским действиям?

Олейник. Да, только так.

Рогинский. Хорошо. Ваша деятельность в исполнении указаний Торнтон ограничилась только организацией вредительской группы?

Олейник. Да.

Рогинский. На МОГЭС?

Олейник. Нет, не только на МОГЭС, а где представится возможность.

Рогинский. На МОГЭС была организована?

Олейник. Да.

Рогинский. Вами?

Олейник. Да.

Рогинский. В 1932 году?

Олейник. В 1932 году.

Рогинский. Кроме МОГЭС, где еще?

Олейник. Кроме МОГЭС я не могу припомнить, где еще были.

Рогинский. Вы мне сказали—не только в МОГЭС.

Олейник. Было задание организовать не только в МОГЭС.

Рогинский. Конкретно, где было организовано?

Олейник. На МОГЭС.

Рогинский. Было организовано вами лично в МОГЭС?

Олейник. Да.

Рогинский. Значит участие вы принимали в совершении аварий, организованных группой Крашенинникова на МОГЭС. Сами вы организовали равным образом вредительскую группу на МОГЭС в 1932 г. и намеревались перейти к конкретным вредительским актам. Так?

Олейник. Так.

Рогинский. По отношению к другим электростанциям были совершены действия аналогично тем, о которых говорил Крашенинников?

Олейник. По организации вредительских групп?

Рогинский. По сокрытию таких дефектов, которые обязательно вызывали аварии?

Олейник. Я хотел рассказать по порядку.

Рогинский. Скажите – были?

Олейник. Были.

Рогинский. Где были?

Олейник. В Штеровке.

Рогинский. Значит в Штеровке, МОГЭС. Где еще?

Олейник. В Белово в Сибири.

Рогинский. Дальше?

Олейник. Не помню.

Рогинский. Эти три станции вы помните, а дальше других станций не помните?

Олейник. Показания давал свободно, а сейчас я сразу вспомнить не могу.

Рогинский. Плюс к этому те действия, о которых вы вчера говорили, связанные с Нордволлом. В этом была ваша вредительская работа?

Олейник. С Нордволлом – это была вредительская работа.

Рогинский. На Макеевке и Мотовилихинском заводе?

Олейник. Да.

Рогинский. Тоже умышленная вредительская деятельность?

Олейник. Да.

Рогинский. Теперь скажите пожалуйста, эти действия были вами проведены, как вы говорите, по прямым инструкциям Торнтонна?

Олейник. Да, главным образом так. Бывали случаи по инструкции инженера Монкгауза.

Рогинский. И по инструкции инженера Монкгауза. Он тоже давал инструкции по организации вредительских актов?

Олейник. Этого я не помню, но что он был в курсе дела, это я знаю.

Рогинский. Откуда это вам известно?

Олейник. Со слов Торнтонна и из тех инструкций, которые он мне давал для того, чтобы люди, которых я вербовал, так как инженер Торнтон часто уезжал из Москвы, пришли для переговоров с Монкгаузом, так как он в это дело посвящен.

Рогинский. Какие люди?

Олейник. Те, которых я намечал завербовать.

Рогинский. Чтобы они непосредственно могли иметь сношения с инженером Монкгаузом?

Олейник. Да.

Рогинский. Но лично вы получали от Монкгауза такого же рода установки, которые имели от Торнтонна?

Олейник. Лично от инженера Монкгауза я получил только распоряжение не производить испытание и не только не производить, а уговорить заказчиков и всеми способами оттянуть испытание турбин, которые, как потом он объяснил при следующей встрече, гарантийного расхода пара выдержать не могут. Я получил такого рода письменное распоряжение от инженера Монкгауза.

Рогинский. Но это отнюдь не такого рода указания, как те, которые давал вам Торнтон.

Олейник. Да, это другого характера.

Рогинский. А я вас спрашиваю о такого рода указаниях, которые вы имели от Торнтонна?

Олейник. От Торнтонна я получал всякие указания, и, как я уже сказал, с Монкгаузом я имел мало дела с тех пор, как заведывание монтажными работами принял Торнтон.

Рогинский. Значит больше вы имели дело с Торнтонном и непосредственно от Торнтонна?

Олейник. Да.

Рогинский. Но вы утверждаете, что вам было ясно, что в курсе всей этой деятельности был Монкгауз?

Олейник. Так мне сказал Торнтон и даже дал такого рода инструкцию.

Рогинский. Вы здесь указали, что вы равным образом занимались шпионажем. Какие сведения здесь вас интересовали?

Олейник. Меня никакие не интересовали, а я выполнял те задания, которые мне давали.

Рогинский. Ну, хорошо – какие сведения вы должны были собирать согласно полученной вами инструкции?

Олейник. Сведения о техническом состоянии электростанции, о расширении станции, заводов, о предполагавшихся заказах, о настроениях масс. Так же сведения о продвижении войск и снаряжении.

Рогинский. Значит военного порядка сведения тоже должны были вами собираться по тем указаниям, которые вы имели.

Олейник. Такие указания я получил в 1932 г.

Рогинский. О собирании военных сведений?

Олейник. Да. 1

Рогинский. От кого?

Олейник. От Торнтонна.

Рогинский. Вы приняли это поручение?

Олейник. Да.

Рогинский. Предпринимали шаги к тому, чтобы выполнить это поручение?

Олейник. Я частично и выполнил.

Рогинский. И эта ваша работа по заданиям Торнтонна и по заданиям Монкгауза выполнялась вами вполне добросовестно, так?

Олейник. Да, так, как и всякая работа.

Рогинский. Эта работа сверх жалования была оплачиваемая?

Олейник. Я считаю, что да.

Рогинский. И эта деятельность была вызвана тем, что все ваше благополучие было связано с фирмой «Метро-Виккерс», что вы все свое благополучие всегда строили на интересах этой фирмы?

Олейник. Да, это так.

Рогинский. И вы это делали, будучи гражданином Советского союза?

Олейник. Да.

Рогинский. И эти интересы фирмы добросовестно защищали?

Олейник. Да.

Рогинский. Нанося вредительские удары интересам Советского союза?

Олейник. Да.

Рогинский (к суду). У меня есть вопрос к Торнтону.

Председатель. Подсудимый Торнтон.

Рогинский (к Торнтону). Показания Олейника отрицаете?

Торнтон. Отрицаю.

Рогинский (к суду). Вопрос к Монкгаузу.

Председатель. Подсудимый Монкгауз.

Рогинский (к Монкгаузу). Вы так же отрицаете показания Олейника в той части, которая вас касается?

Монкгауз. Отрицаю, и я прошу у суда разрешения показать несколько документов.

Рогинский. Об этом вы можете потом попросить суд, а сейчас вернемся к части тех показаний, которые дал Олейник относительно вас. Вы их отрицаете?

Монкгауз. Отрицаю.

Рогинский. У меня больше нет вопросов.

Казначеев. Скажите, обвиняемый Олейник, вас как специалиста-монтера ценили в фирме или нет?

Олейник. По-моему очень ценили.

Казначеев. Вы считались хорошим специалистом?

Олейник. Да. Лучше, чем многие англичане.

Казначеев. Тогда мне немножко непонятно. Если вы были хорошим специалистом, если вы могли при таких условиях найти работу, когда угодно и где угодно, то чем обуславливалось то обстоятельство, что материально вы были так тесно спаяны с фирмой. Вы ответили на вопрос прокурора, что эта материальная связь толкала вас на вредительскую деятельность?

Олейник. Я бы сказал, что это не только материальная связь.

Казначеев. А что еще?

Олейник. Привычка. Я так давно работал в фирме, мне легче было в тех условиях работы работать, потому что даются точные инструкции.

Казначеев. Здесь известную и может быть доминирующую роль играл вопрос привычки, вопрос близких отношений, тесное знакомство?

Олейник. Да.

Казначеев. Теперь скажите по вопросу относительно вашего текущего счета – за границей. Через кого должна была проводиться персонально эта операция? Кто должен был вносить деньги на ваш счет?

Олейник. Как сказал мне инженер Торнтон, это должен был делать завод.

Казначеев. Но разговор на эту тему вы вели с Торнтоном?

Олейник. Только с ним.

Казначеев. Ни с кем другим вы на эту тему разговоров не вели?

Олейник. Нет.

Казначеев. Он выполнил это обещание или нет?

Олейник. Он мне показывал чековую книжку.

Казначеев. Таким образом вы были убеждены в том, что это обещание не осталось обещанием, а было выполнено?

Олейник. Да, я ему верил.

Казначеев. Все-таки непонятно. На протяжении многих лет вашей работы вы вредительской деятельностью не занимались. Под влиянием каких факторов вы активизировались, стали на путь активного вредительства и шпионажа. Под влиянием чего – именно последние годы. Ведь вы служили и раньше?

Олейник. Да, служил раньше.

Казначеев. Почему именно в последние годы вы перешли к активному действию?

Олейник. Добыча сведений о состоянии заводов, о предполагаемых расширениях и так далее. То, что фирму интересует. Это всегда было обычным явлением. Взятки при старом режиме тоже были обычным явлением. Без взятки ничего нельзя было делать.

Казначеев. Поэтому вы продолжали те навыки, которые вы получили, работая в фирме?

Олейник. Да. Я бы сказал, что это навыки.

Казначеев. Так. Дальше. Вы стали рассказывать относительно того, как вы стали собирать сведения и другие. Но собирать сведения вообще – это одно, а собирать сведения определенного шпионского характера, военного характера – это другое. Меня интересует момент перехода. Вы поняли меня?

Олейник. Я вас понял. В конце 1930 г. инженер Торнтон завел со мной разговор специально о моей будущности, о том, что мне недолго придется работать уже по возрасту. Проработаю может быть 5, максимум 10 лет, а дальше мне нужно подумать о том, чем я должен жить. Советская валюта, мол, неустойчива, и если у вас есть сбережения, так мы вам устроим вклад в Англии, а кроме того ежемесячно около 10 фунтов в счет вашего жалования там будет откладываться. Это вас сможет обеспечить на старость. Это конечно меня очень расположило. Но это было сделано предварительно, а после этого уже пошли разговоры антисоветского характера. Я бы сказал, что не только одни разговоры – и литературу я читал. Англичане привозили журналы, книги, газеты.

Казначеев. Вы владеете английским языком?

Олейник. Свободно владею.

Казначеев. Торнтон перед вами ставил проблему вашего ближайшего будущего?

Олейник. Я видел, что он принимает очень близкое участие во мне, и когда он начал давать задания, мне отказаться было неудобно.

Казначеев. То есть он вас так расположил к себе?

Олейник. Да, участием в моей судьбе.

Казначеев. Но вы ведь сознавали, какой ответственности вы подвергаетесь, добывая такие сведения характера военного шпионажа, или не понимали в тот момент, или недоучитывали?

Олейник. Я понимал.

Казначеев. Понимали?

Олейник. Да.

Казначеев. Чем же объяснить, что вы сравнительно так легко на это пошли?

Олейник. Я старался как можно меньше выполнять это.

Казначеев. Старались меньше выполнять?

Олейник. Да, потому что все-таки здесь была внутренняя борьба.

Казначеев. С одной стороны, чувство реальной возможности близкой ответственности, а с другой стороны – что?

Олейник. Не только чувство ответственности, но я бы сказал и нравственное.

Казначеев. Этот момент меня и интересует. Скажите о нравственной стороне?

Олейник. Подлее быть ничего не может конечно.

Казначеев. Как вы мирились с этим?

Олейник. Я говорю – скрепя сердце.

Казначеев. Скрепя сердце. Теперь скажите, когда вы думали о своем близком будущем, вас интересовала ваша личная судьба или других людей – вашей семьи, родни? Большая ли у вас семья?

Олейник. На моей шее порядочно.

Казначеев. Кто да кто?

Олейник. Своя семья небольшая, но есть мать.

Казначеев. Возраст матери?

Олейник. Ей уже 86 лет, но она еще бодрая.

Казначеев. Исключительно на вашем иждивении?

Олейник. Да, исключительно.

Казначеев. Еще кто есть?

Олейник. Есть сестра с детьми.

Казначеев. Какого возраста?

Олейник. 48 лет.

Казначеев. Кто еще?

Олейник. Другим сестрам я от случая к случаю помогаю, но они не на моем иждивении.

Казначеев. Воспитанника еще нет?

Олейник. Есть воспитанница.

Казначеев. Какого возраста?

Олейник. 10 лет, 11-й.

Казначеев. Тоже на вашем иждивении?

Олейник. Да.

Казначеев. Таким образом, идя на это дело, разрешая преступным путем вопрос, вы заботились не столько о своей судьбе, сколько о судьбе своих близких – так я вас понимаю?

Олейник. Да, я свою судьбу конечно связываю с судьбой своих близких.

Казначеев. Я спрашиваю – их судьба конечно тоже роль играла?

Олейник. Я был старшим сыном в семье, семья была большая, всю жизнь на меня надеялись, и всю жизнь я помогал воспитывать братьев и сестер.

Казначеев. Еще последний вопрос. Мы знаем, что у вас таким образом был некоторый текущий счет, а кроме этого в течение прошлых лет были накопления, сбережения, какие-нибудь средства или не было?

Олейник. В последние годы?

Казначеев. Нет. Вообще когда бы то ни было имущество имели?

Олейник. Одно время был дом. Накопления были. Я получал хороший оклад.

Казначеев. В больших размерах или нет?

Олейник. Да, 5 000 [руб. в год] примерно теперь.

Казначеев. От отца вы не получили ничего?

Олейник. Что я мог получить, когда он получал 10 рублей в месяц?

Казначеев. Значит его имущественное положение было таким плачевным. У меня больше вопросов нет.

Брауде. Я хотел бы, чтобы вы уточнили несколько объем той преступной деятельности, которую приписывали Торнтону. Вы говорите, что Торнтон поручил вам организацию вредительской группы?

Олейник. Да.

Брауде. Одной группы или по возможности большого количества групп?

Олейник. Где только имеется возможность.

Брауде. Много их организовали?

Олейник. Я не успел.

Брауде. Но, что успели?

Олейник. Успел здесь в Москве.

Брауде. А в других местах?

Олейник. Но там был кроме меня Нордволл.

Брауде. Вы ответили на вопрос прокурора, что не припоминаете или не организовали?

Олейник. Не организовывал.

Брауде. Значит только в МОГЭС. Кого туда вовлекли?

Олейник. Эти лица здесь не присутствуют.

Брауде. Хорошо. Вы докладывали суду подробно о тех вредительских действиях, которые лично производили вы. Тоже во многих местах или нет?

Олейник. Я не знаю, как показывать. Я был во многих местах.

Брауде. Там вы и организовали?

Олейник. Да.

Брауде. Вы назвали два места—Штеровка и еще?

Олейник. В Белово, МОГЭС. Но ведь я не на многих работах и был.

Брауде. Значит только два места. Вы ответили, что остального не припомните.

Олейник. Я уже сказал о случае на Урале.

Брауде. И больше нет?

Олейник. Как будто нет.

Брауде. Разве вы каждый день устраиваете вредительские действия, что вы не знаете. Это не такой случай, чтобы можно было забыть. Вы собирали военные сведения по поручению Торнтонна. Какого рода военные сведения Торнтон поручал вас собирать?

Олейник. Во-первых, это было на военном заводе около Перми.

Брауде. Какого характера и какие военные сведения?

Олейник. О количестве производства, о характере производства.

Брауде. Производство было секретное?

Олейник. Безусловно.

Брауде. Вас к нему допускали?

Олейник. Нет.

Брауде. Как могли узнавать?

Олейник. Если бы я мог связаться с людьми, которые там работали, конечно мог бы.

Брауде. Но вы не связались и не узнали и не сообщили?

Олейник. Я сообщал то, что наблюдал сам и что случайно слышал.

Брауде. Значит в общем ничего секретного. То, что вы могли наблюдать, мог каждый наблюдать.

Олейник. Нет, не каждый. Я работал на заводе, сталкивался с людьми, работающими в разных цехах.

Брауде. И спрашивали их?

Олейник. Спрашивать было неудобно. На этот счет строго. Но то, что случайно слышал, я это сообщал.

Брауде. Какие конкретно сведения сообщали? Касательно чего, не называя ни цифровых данных, ни формулировки этих сведений?

Олейник. При моей поездке на Дальний Восток я также сообщал о продвижении войск, о снаряжении.

Брауде. А вы имели поручения для получения сведений по продвижению войск? Вы были пассажиром на станции железной дороги?

Олейник. Да.

Брауде. Значит вы видели то же, что видели все пассажиры?

Олейник. Да.

Брауде. И это все сведения, которые вы сообщили?

Олейник. Да.

Брауде. У меня больше вопросов нет.

Вышинский. Можно значит в качестве бесспорного установить военный шпионаж. Давал вам Торнтон поручения собирать сведения о военной работе заводов около Перми, когда вы туда и направлялись, Или он не давал поручений?

Олейник. Он не только давал поручения, а и сам приезжал в 1931 г.

Вышинский. И сам приезжал в 1931 г., чтобы собрать сведения?

Олейник. Он ехал в Челябинск и заехал ко мне, где я работал, Хотя в этом надобности не было.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, вы там были?

Торнтон. Был.

Вышинский. То, что вам не удалось собрать тех сведений, которые интересовали Торнтона, это в какой-нибудь мере меняет вопрос о том, что вам было дано поручение? Поручение так и оставалось?

Олейник. Оставалось.

Вышинский. Простите меня за некоторые резкие выражения, но они верны – шпионы всегда умело и удачно выполняют поручения?

Олейник. Думаю, что нет.

Вышинский. Для получения сведений о передвижении войск вы старались завязать связь с соответствующими пассажирами, людьми, администрацией, послушать, выведать, высмотреть, вынюхать или не старались?

Олейник. Я не могу сказать, что я старался, потому что нужно выбирать подходящих людей, а откуда я знаю, какого направления эти люди.

Вышинский. А какое задание имели?

Олейник. Задание – узнать.

Вышинский. Вы это задание выполняли добросовестно?

Олейник. Да.

Вышинский. Скажите, для фирмы «Метро-Виккерс» все эти сведения имели какое-нибудь значение? Фирма «Метро-Виккерс» была заинтересована в этом или нет?

Олейник. Нет.

Вышинский. Я тоже думаю, что не была, по может быть кто-нибудь из ее служащих был заинтересован?

Олейник. Если бы не был заинтересован, то не давал бы поручения. Это ясно.

Вышинский. А вам Торнтон давал поручения?

Олейник. Давал не только Торнтон, но и Нордволл, когда он был в Мотовилихе.

Вышинский. Они все имели в виду интересы не только фирмы, в которой работали. Может быть они прикрывались фирмой?

Олейник. Этого я не знаю.

Вышинский. Вас в это не посвящали?

Олейник. В это я посвящен не был.

Вышинский. Вы были на правах служащего или на правах акционера этой шпионской организации?

Олейник. Скорее на правах служащего.

Вышинский. Значит получи, принеси и сообщи?

Олейник. Да.

Вышинский. Сколько принесете, столько получите материального благополучия, чек на Лондонский банк, фунты и так далее.

Олейник. Так не было, чтобы за отдельные сведения мне давали.

Вышинский. По совокупности?

Олейник. Да.

Вышинский. Как работали, так и получали? Больше вопросов не имею.

Председатель. Перерыв до 6 часов вечера.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 15 апреля 1933 г. 18 час.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Имеются ли еще вопросы к подсудимому Олейнику у защиты?

Коммодов. Имеются.

Председатель. Подсудимый Олейник.

Коммодов. Гражданин Олейник, из утреннего допроса позвольте считать установленными следующие факты, будьте добры говорить – подтверждаете ли вы их или нет? Первое. Непосредственные сношения с Монкгаузом у вас кончились в 1929 г. Правильно?

Олейник. Нет, неправильно. Инженер Монкгауз был все время главным инженером отделения фирмы «Метро-Виккерс» в Москве. Отношения у меня с ним были.

Коммодов. Я говорю – непосредственные сношения?

Олейник. И непосредственные были.

Коммодов. Тогда как же понять ваш ответ прокуратуре, когда вы сказали, что до 1929 г. вы непосредственно сносились с Монкгаузом, а когда был назначен главным монтажным инженером Торнтон, вы стали сноситься с ним?

Олейник. В отношении монтажных работ это так.

Коммодов. Я и спрашиваю о монтажных работах. Значит здесь грань – 1929 год?

Олейник. Да.

Коммодов. А до тех пор?

Олейник. Я не помню точно дату, но кажется действительно это было в конце 1929 г., когда Торнтон был назначен монтажным инженером.

Коммодов. До 1929 г. был ли хоть один акт вредительства, неприкрытия дефектов оборудования в интересах фирмы, а вредительства как искусственного разрушения, или аварий, которые затем последовали. До 1929 года?

Олейник. По-моему, нет.

Коммодов. Значит таких не было? Третий вопрос: по конкретным заданиям Монкгауза, вы на предварительном следствии, а по-моему и здесь указали два случая, собирание сведений, когда вы поехали на Надеждинский завод в 1928 г., и затягивание, если можно так выразиться, сроков испытания турбин до того момента, когда пройдут контрольные сроки на Штергрэсе.

Олейник. Это вернее срыв испытания, чтобы испытание не было проведено совсем. Если испытание оттянуть и гарантийные сроки пройдут, тогда испытание не нужно... Я так понял?

Коммодов. Чтобы совсем оттянуть испытания, чтобы их не было или только задержать?

Олейник. Раз гарантийные сроки прошли, то заказчики уже не имеют права требовать испытания.

Коммодов. Но испытания могут быть?

Олейник. Они могут быть, но никакой силы не будут иметь.

Коммодов. Последние требования, вы говорите, были изложены в письменной форме?

Олейник. Да.

Коммодов. Вы не помните приблизительно месяц, когда было написано это письмо?

Олейник. Я думаю, это было в августе или сентябре.

Коммодов. Вы на это письмо отвечали Монкгаузу тоже письменно?

Олейник. Отвечал кажется, наверное не могу сказать.

Коммодов. За пределами этих двух конкретных случаев, которые вы показали, других случаев таких заданий вы не припомните?

Олейник. Пока нет.

Коммодов. Теперь мне хотелось бы, чтобы вы просто подтвердили некоторую часть ваших показаний, данных на предварительном следствии. Лист дела 83, том XV. Вам был задан вопрос: «Расскажите подробно, как вы были втянуты в работу по шпионажу». Что вы показываете: «Я в фирме работаю давно. Сначала мне дали задание о собирании сведений о состоянии промышленности в связи с заказами, что было связано с работой фирмы. Это было в 1928 г. Я считал, что в интересах фирмы я обязан был это делать. В 1931 г. мне было мистером Торнтоном сказано, что сведения нужно доставлять о состоянии промышленности, транспорта и электроэнергии. А в 1932 г. мне было уже совершенно ясно сказано мистером Торнтоном, что нужно подбирать людей для шпионажа и диверсий». Вы подтверждаете эту часть ваших показаний?

Олейник. Да.

Коммодов. Еще одно показание. Лист дела 82, том XV. Вам был задан вопрос: «Какие поручения шпионского диверсионного характера вы получали от Монкгауза». Ваш ответ: «В 1928 г., когда я ехал на Урал, мне было поручено узнать о состоянии завода, на который я ехал, Надеждинского и вообще о состоянии транспорта и промышленности на Урале. В части диверсий от Монкгауза я заданий не получал». Вы подтверждаете это?

Олейник. Подтверждаю.

Коммодов. Товарищ председатель, у меня к Олейнику вопросов нет. Разрешите мне на основании 272 статьи приобщить два документа, предварительно осмотренных прокуратурой и судом. Я просил бы их посмотреть и, если вы найдете возможным и целесообразным для дела, их приобщить. Причем оговариваюсь, что первый документ, поскольку он является копией с письма, не заверен, поскольку применение 272 статьи всецело зависит от суда, приобщить или нет.

Долматовский. Когда вы познакомились с Торнтоном?

Олейник. Впервые это было в 1931 г. на Мотовилихе.

Долматовский. Вы в это время имели уже указания Торнтонна, как вести себя?

Олейник. То есть как вести себя?

Долматовский. Как вы сегодня рассказывали, что нужно совершать диверсионные акты и так далее.

Олейник. Нет, в то время не имел.

Долматовский. А когда вы были вместе с ним в Макеевке, тогда эти указания имели?

Олейник. Тогда уже имел.

Долматовский. От Нордволла имели указания относительно вредительских актов, шпионских действий и прочее?

Олейник. Указаний нет, но вопросы и помощь имел.

Долматовский. Вы у него просили помощи или он у вас?

Олейник. Нет, он у меня.

Долматовский. В чем эти просьбы выражались?

Олейник. Когда он приезжал в Мотовилиху, он, во-первых, задавал мне несколько вопросов по производству завода, а потом, так как я там был долгое время, а он только что приехал, просил познакомиться с местными инженерами, у которых можно было получить эти сведения.

Долматовский. Значит вы от Торнтонна не имели указаний?

Олейник. Как не имел?

Долматовский. Вы говорили, что познакомились с ним в Мотовилихе, и сказали, что указаний в это время не имели.

Олейник. Указания я имел. Их было несколько. Сначала были указания о добывании сведений просто производственного характера.

Долматовский. То, что вы считали нужным в интересах фирмы и в чем ничего нелегального не было. По-вашему сведения о производстве, о том, в чем нуждается производство, это уже нелегальные сведения?

Олейник. Смотря, где и когда. Я умею отличать, где они являются легальными и где нелегальными.

Долматовский. Значит Нордволл требовал нелегальных сведений, вы это понимали, и вы их ему давали?

Олейник. Некоторые сведения я ему дал.

Долматовский. Понимая, что это нелегальные сведения?

Олейник. Да, понимая.

Долматовский. Значит в это время были уже нелегальные сведения?

Олейник. Вы не так ставите вопрос.

Председатель. Защитник ставит вопрос так, как находит нужным, а вы отвечайте.

Олейник. Он смешивает два вопроса. Если ставить вопрос о диверсиях, то я еще не получал.

Долматовский. А какие сведения?

Олейник. Задания добыть сведения о производстве военного завода. Это как раз было приблизительно за месяц-полтора до приезда Нордволла в Мотовилиху.

Долматовский. Значит шпионского характера задания вы уже имели?

Олейник. Имел.

Долматовский. А вы сказали, что не имели.

Олейник. Нет, я этого не сказал.

Долматовский. Значит Нордволл во исполнение указаний, которые дал Торнтон, уже ставил известные вопросы в Мотовилихе. Так?

Олейник. Я не знаю, в соответствии ли с указаниями Торнтон – он мне этого не сказал, а самостоятельно задавал вопросы.

Долматовский. Но вы поняли, что это идет из одного источника?

Олейник. Я в этом не был убежден. Я знаю, что он спрашивал, а что это из одного источника идет – я об этом не думал.

Долматовский. А что это совпадало с указаниями Торнтон, вы думали, что это просто совпадение?

Олейник. Я об этом не думал.

Долматовский. А когда вы побывали в Макеевке, вы уже знали, что Нордволл свой человек?

Олейник. Нет, не знал.

Долматовский. Вы когда же узнали, что он свой человек. Он давал вам задания шпионского характера?

Олейник. Да.

Долматовский. Вы знали, что он свой человек?

Олейник. В Макеевке не знал. Я говорил, что насчет Нордволла у меня было предупреждение.

Долматовский. Какое?

Олейник. Я думал, что это просто маскировка, потому что Нордволл производил на меня впечатление очень опытного шпиона. В соответствии с его действиями как в Мотовилихе, так и в Макеевке он производил впечатление очень опытного шпиона.

Долматовский. Тогда я совсем не могу понять вас. Вы имеете задание от Торнтон шпионского характера. Приезжает Нордволл и повторяет конкретные задания шпионского характера.

Олейник. Дает от себя, а не повторяет. Он меня просил ознакомить его с персоналом, который мог дать ему сведения.

Долматовский. Вы считали его опытным шпионом?

Олейник. Там не считал, а в Макеевке уже считал.

Долматовский. Только что говорили, что не считали, допустим, что считали. Вы были в Макеевке?

Олейник. Да.

Долматовский. Вы были в это время в контрреволюционной организации. Вы имели уже в это время задания Торнтон?

Олейник. Имел.

Долматовский. Вы считали, что Торнтон сам по себе дает задания или что здесь есть целая организация?

Олейник. Я знал об инженерере Торнтоне, а также о Монкгаузе, а других я не знал.

Долматовский. Я прошу разрешения напомнить вам, что детально вы знали, каким инженерам какие задания даются. Вы в Макеевке знали, что Нордволл не просто шпион, а чрезвычайно опытный шпион. Вы в это время были в организации, были связаны с Монкгаузом и с другими?

Олейник. С Торнтоном.

Долматовский. Имели задания?

Олейник. Да.

Долматовский. Зачем же надо было опасаться Нордволла?

Олейник. Нет, Нордволла я не опасался.

Долматовский. Чего же вы опасались?

Олейник. Повторяю, я его не опасался, но Торнтон мне говорил, что его нужно опасаться. Если хотите, я могу рассказать очень много.

Долматовский. Значит в Макеевке не связались с ним, потому что не знали, то ли он очень опытный шпион, то ли большевик. Поэтому не связались?

Олейник. Потому что я еще не определил, что собой Нордволл представляет и насколько можно на него полагаться. Какие у него были намерения – я точно не знал.

Долматовский. Что вам сказал Торнтон?

Олейник. Я уже вам объяснил. Кроме того меня смущали указания Торнтон, что в случае чего Нордволл способен донести, потому что он такой человек, что в случае чего пойдет в учреждение доносить и так далее.

Долматовский. В какое учреждение?

Олейник. Да хотя бы даже в РКИ [(рабоче-крестьянская инспекция)] и так далее.

Долматовский. Вот какой человек.

Олейник. Это буквально. Я думаю, что инженер Торнтон это подтвердит сейчас же.

Долматовский. Теперь скажите вот что. У вас были какие-нибудь недоразумения с Нордволлом в Макеевке? Вы относились к нему враждебно?

Олейник. Враждебно – нет. Он не был мне симпатичен, но враждебно к нему я не относился.

Долматовский. А как относились к вам и к нему тамошние рабочие?

Олейник. По этому поводу я хотел сказать. Он дезорганизовал там работу – вел подпольную работу, подкупал рабочих.

Долматовский. Чем?

Олейник. Деньгами. Подкупал определенно – это я знаю.

Долматовский. От кого вы знаете?

Олейник. От него и своими глазами видел, как расплачивался.

Долматовский. Значит вы были связаны с ним по вашей нелегальной работе?

Олейник. Какой нелегальной работе?

Долматовский. Вы с ним были в одной организации?

Олейник. Никакой организации, я имел дело с Торнтоном.

Долматовский. Значит Торнтон давал вам указания нелегального характера делать диверсии и собирать шпионские сведения.

Олейник. Торнтон предупреждал, чтобы я не спутывался с ним, потому что когда два человека, то можно напутать, а так как Нордволл более опытный, я должен был держаться в стороне, а Нордволл должен был делать все, что нужно.

Долматовский. Поэтому вы его не любили?

Олейник. Не потому.

Долматовский. А почему?

Олейник. Просто потому, что он отталкивающий, даже подлый человек.

Долматовский. Как относились к Нордволлу и как относились к вам в Макеевке?

Олейник. Нордволл все время агитировал на этой почве. Когда я хотел проводить работу, Нордволл восстанавливал рабочих против меня. Прораб, друг Нордволла, вел-таки шпионскую работу, его здесь нет, может быть его не нужно называть, доставлял очень много сведений, и эти сведения были очень важные. Это был друг Нордволла, и Нордволл опять-таки с этой целью держался с ним в дружбе и платил ему деньгами. Через этого прораба он действовал, подкупал рабочих, не только подкупал, а и агитировал.

Долматовский. В каком смысле агитировал?

Олейник. Агитировал, чтобы не подчинялись и не исполняли моих распоряжений, задерживали работу. Здесь он говорил об ударной работе. Это называется очковтирательством, потому что работу, которую мы делали 4½ месяца, можно легко сделать за 2 месяца с меньшей затратой труда, с половинной затратой труда. Теперь, если эта работа выполнена, а на Дзержинке отстали, то это значит, что там вредили еще больше, чем на Макеевке.

Долматовский. Ведь это же входило в ваши задания?

Олейник. Нет, не входило.

Долматовский. А что же входило в ваши задания – вести хорошую работу для советской власти на Макеевке?

Олейник. Я молчал и вредил вместе с Нордволлом.

Долматовский. А почему же Нордволл был вам ненавистен?

Олейник. Я не сказал – ненавистен, а сказал несимпатичен.

Долматовский. Почему он несимпатичен?

Олейник. Какие я поступки ни совершал, но подлости никогда не делал.

Долматовский. Теперь совершенно ясно, какая цена вашим показаниям относительно Нордволла.

Олейник. Я могу еще доказать.

Долматовский. Когда последний раз в Новороссийске был Нордволл?

Олейник. Уехал в конце сентября 1932 г.

Долматовский. Вы имели беседу после Новороссийска с Нордволлом?

Олейник. Имел.

Долматовский. И у вас было отношение к нему как к человеку несимпатичному, который может пойти в РКИ пожаловаться?

Олейник. Я тогда еще мало его знал, так как на Мотовилихе он был 10 дней.

Долматовский. Вы задания шпионского характера имели?

Олейник. Задания не успел дать.

Долматовский. Нордволл давал задания в Мотовилихе?

Олейник. Давал.

Долматовский. По Новороссийску давал? Или по своей инициативе собирали сведения?

Олейник. Я не собирал, я рассказывал Нордволлу то, что наблюдал, что видел.

Долматовский. Рассказывал, что спрашивал?

Олейник. Да.

Долматовский. Вы докладывали, что видели, что собирали?

Олейник. Я должен сказать, что инженер Торнтон за 4 месяца в Макеевку приезжал три раза и только один раз заходил на работу, два раза заходил на квартиру к Нордволлу.

Долматовский. Вы докладывали о том, что собирали сведения Новороссийске?

Олейник. Я передавал Нордволлу, а Нордволл передавал эти сведения Торнтону.

Долматовский. Вы передавали Нордволлу, а Нордволл Торнтону, а вы сами не могли передать Торнтону?

Олейник. Я его не видел. Нордволл был как раз лицом, для этой цели назначенным в Макеевке. Кроме того я могу сказать еще кое-что о Нордволле, если так ставите вопрос, и не потому, что я его ненавидел, а потому, что этому есть много доказательств. Нордволл знал Макеевский завод лучше, чем какой-нибудь инженер, работающий на Макеевском заводе. Он знал и его производство и план – это я знаю доподлинно.

Долматовский. Из-за этого он вам несимпатичен?

Олейник. Я не сказал, что из-за этого. Вы не перефразируйте мои слова.

Долматовский. Откуда вам известно, что он знает план?

Олейник. Из разговоров, которые частично велись в моем присутствии.

Долматовский. Между кем разговор?

Олейник. С теми, от которых лично получал сведения.

Долматовский. Значит вы с ним были связаны, раз в вашем присутствии говорилось о таких вещах, о которых не говорится при третьих лицах?

Олейник. Я не устрояю себя от этого, я [с] себя вины не думаю снимать.

Долматовский. Боялись его ли не боялись как человека, который может пойти в РКИ пожаловаться?

Олейник. Я не боялся, что он может пойти в РКИ пожаловаться, я сказал, что об этом предупредил меня инженер Торнтон, но я не боялся и видел, что это просто блеф, маска.

Долматовский. Кто кому был подчинен в Макеевке?

Олейник. Нордволл как электрик был старшим.

Долматовский. Вы были ему подчинены?

Олейник. Как вам сказать – подчинение странное, по моему стажу эго странно.

Долматовский. Странно, что вы ему были подчинены, должно было бы быть наоборот.

Олейник. На этой работе нет.

Долматовский. А вообще на других работах?

Олейник. Да, конечно.

Долматовский. И вы считали себя обиженным?

Олейник. Нет, здесь уже известно, что я турбинщик, а это была механическая работа.

Долматовский. Последний вопрос: к нему в Макеевке лучше относились, чем к вам?

Олейник. Только некоторые лица, но не все.

Долматовский. А вы слышали, что там ему премию дали, в президиум пригласили?

Олейник. Это правильно, но я тоже получил премию.

Долматовский. Такую же, как он?

Олейник. Он получил 1 000 рублей, я 400 рублей, но не всегда получают премию те, кто работает.

Долматовский. Значит вы получили премию правильно или неправильно?

Олейник. Я считаю это пустым вопросом и не желаю отвечать.

Долматовский. Это ваше дело. Но вы мне скажите, Нордволл правильно или неправильно получил премию?

Олейник. Неправильно.

Долматовский. Вы говорили о Грегори. 24 марта ~~мы~~ [вы] дали показание и привели данные, касающиеся того, какие инженеры и чем занимались. Между прочим вы поставили в одну группу Кушни, Грегори, какого-то Ноя и Нордволла. Что, Грегори контактировал с вами в работе?

Олейник. Если у Нордволла осталось хоть сколько-нибудь порядочности, пусть он выйдет сюда и скажет то, что он говорил о вредительской работе Грегори.

Долматовский. Вам говорил?

Олейник. Да, мне.

Долматовский. Вы конечно об этом можете спросить Нордволла. Я вас спрашиваю – вы Грегори знали?

Олейник. Знал, он приезжал два раза.

Долматовский. Или вы давали показания о Грегори со слов Нордволла?

Олейник. Я знаю Грегори по Макеевке.

Председатель. Виноват, товарищ защитник, Грегори все время слышит свою фамилию, не понимает, в чем дело. Нужно прибегнуть к помощи переводчика.

Долматовский. Пожалуйста. Я задаю вопрос Олейнику – знает ли он Грегори?

Олейник. Знаю, Грегори приезжал два раза.

(Переводчик переводит.)

Долматовский. Его вредительскую работу вы знаете? Он производил определенные вредительские акты?

Олейник. Вы мне прежде всего скажите, что вы называете вредительской работой.

Председатель. Подсудимый Олейник, вы до перерыва целый час говорили о вредительстве, а теперь спрашиваете, что такое вредительская работа.

Олейник. Защитник говорит так неясно, что мне поневоле приходится просить его, чтобы он сказал конкретно.

Долматовский. Вы ведь прекрасно знаете, что такое вредительская работа.

Олейник. А я прошу вас сказать конкретно.

Председатель. Я считаю целесообразным прекратить допрос Олейника.

Долматовский. Пожалуйста.

Шварц (к суду). Разрешите задать мне несколько вопросов Олейнику.

Торнтон (с места). Я хочу спросить Олейника.

Вышинский. Я хотел бы поддержать ходатайство Торнтон относительно его права задать несколько вопросов Олейнику. Мне кажется, это важно в интересах этого дела. Можно ограничиться только тем, чтобы не было повторений. Я ходатайствую об этом.

Председатель. Олейник так длинно и путано отвечает на все вопросы, что это только напрасно затягивает судебное следствие.

Брауде. У Торнтон есть к Олейнику несколько вопросов технического порядка.

Председатель. Суд считает излишним продолжать этот допрос.

Подсудимый Монкгауз, расскажите основные моменты вашей биографии.

Монкгауз. Родился в 1887 г. в Новой Зеландии. [В] 15 лет приехал в Англию учиться. Кончил Манчестерский университет. Получил диплом инженера-механика и 2-й диплом инженера-электрика. После этого был на заводе «Диккерт и К^о» до 1911 г.

В 1911 г. приехал в Москву как монтажный инженер «Диккерт и К^о». Приехал на оборудование Московского городского трамвая. Работал здесь примерно под. После этого поступил на завод Динамо как заведующий трамвайным и железнодорожным отделом. Работал на заводе Динамо и на другом заводе, связанном с заводом Динамо до марта 1918 г. В это время, в военное время, я имел дело с другим маленьким заводом, который делал электрические измерительные приборы здесь в Москве.

В марте месяце 1918 г. я отправился из Москвы через Сибирь на Владивосток. Оттуда попал в Америку, поступил в канадскую армию. Канадская армия была отправлена в Англию, где я был переброшен в великобританскую армию. Так как знал русский язык, то был назначен переводчиком второй экспедиции в Архангельск. В сентябре месяце 1918 г. приехал в Архангельск и сразу на следующий день был отправлен на станцию Высокие Горки, в 12 верстах от Архангельска. Был там переводчиком при паровозном депо. Имел чин унтер-офицера. В феврале месяце 1919 г. офицер, который, командовал депо (был начальником тяги на Северной железной дороге), был откомандирован обратно в Англию. Поэтому меня назначили офицером и дали мне ранг капитана.

Председатель. Сразу из унтер-офицера вас произвели в капитаны?

Монкгауз. Был произведен из унтер-офицера в капитаны через две недели.

Председатель. Прибыли унтер-офицером?

Монкгауз. Да.

Председатель. Через две недели стали капитаном?

Монкгауз. Прибыл в сентябре месяце. В феврале месяце был дан офицерский чин. И через две недели был назначен капитаном. Сделали это потому, что начальник тяги – это должность капитанская. Оставался в Архангельске до последнего момента, пока была там британская армия. После этого поступил на завод «Метро-Виккерс».

Председатель. Один вопрос в связи с вашим пребыванием в Архангельске. Каковы были ваши функции?

Монкгауз. Мои функции в Архангельске были – организация и оборудование паровозных депо и железнодорожный монтаж.

Председатель. Вы служили в железнодорожных войсках?

Монкгауз. Да.

Председатель. Сколько было в вашем подчинении солдат?

Монкгауз. Около 86 человек англичан и около 800 русских, включая все железнодорожные бригады и тех, кто ездил на паровозах, и рабочих депо. Но кроме того был начальник тяги русский, так что мы работали параллельно и было двойное командование.

Председатель. Русские это кто – железнодорожные служащие или солдаты?

Монкгауз. Железнодорожные служащие.

Председатель. Они были военизированы?

Монкгауз. Да, можно сказать почти военизированы.

Председатель. А кому вы подчинялись непосредственно?

Монкгауз. Я подчинялся полковнику Грем, который все время сидел в Архангельске при Главном штабе. Он был помощником директора железных дорог.

Председатель. Сколько времени вы пробыли в этом районе?

Монкгауз. Я был в этом районе почти 12 месяцев.

Председатель. Следовательно целый год?

Монкгауз. Да. Я прибыл 2 сентября, а уехал из Архангельска 23 сентября и из Мурманска 11 октября [1919 года]. Выходит 13 месяцев, немного больше.

Председатель. Вы уехали из Архангельска одним из последних?

Монкгауз. Почти последним. Это было по приказанию главнокомандующего. Он хотел, чтобы я сам был на последнем поезде и убедился, что все в порядке.

Председатель. А генерал Миллер где был?

Монкгауз. В Архангельске, но я его не видел.

Председатель. Когда он уехал?

Монкгауз. Я не знаю, когда он уехал.

Председатель. Ваш школьный товарищ – Ричардс встречался с вами?

Монкгауз. Я ездил в Архангельск один раз в месяц и почти каждый раз видел Ричардса, потому что он был при Главном штабе. Там было офицерское собрание, я там завтракал и встречался с ним. Он был мой хороший знакомый, поэтому я почти всегда его видел.

Председатель. Он был офицером разведки?

Монкгауз. Контрразведки или разведки – я не знаю.

Председатель. Как вы не знаете. Это же разница – разведка или контрразведка.

Монкгауз. По-моему контрразведки.

Председатель. Разведка ищет сведений, а контрразведка ищет разведчиков. Кого Ричардс искал – сведений или русских разведчиков?

Монкгауз. Мне кажется он то и другое делал. Я не знаю, Ричардс лично это делал или нет.

Председатель. Ну конечно не лично. В каком он был чине?

Монкгауз. Капитана.

Председатель. Значит вы были в одинаковых чинах?

Монкгауз. Да.

Председатель. Вам не приходилось помогать ему в его работе?

Монкгауз. Нет.

Председатель. Только железнодорожным делом занимались?

Монкгауз. Да.

Председатель. И так встречались часто?

Монкгауз. Я всегда был в офицерском собрании при Главном штабе и там его встречал.

Председатель. Вы вместе с ним уехали, или он раньше?

Монкгауз. Он уехал на несколько дней раньше, кажется на один день. Он уехал на пароходе с Главным штабом, а я на товарном пароходе.

Председатель. Что же вы дальше делали. Вы ушли из армии? Были демобилизованы?

Монкгауз. Да. Я поступил на завод «Метро-Виккерс» в Манчестере и через несколько месяцев был назначен помощником заведывающего отделом научного исследования, и я на этой работе работал до конца 1923 г. В конце 1923 г. в Манчестер приехала комиссия из Москвы по покупке оборудования для Штеровской и Шатурской станций. Они просили показать им завод. После этого попросили меня приехать сюда смонтировать это оборудование. Я сначала не хотел этого делать, потому что было интересное дело, но после разговора, который я имел на вокзале с [А.В.] Винтером, который был в этой комиссии, я решил приехать и приехал в первый раз в феврале 1924 г. Был здесь только месяц, потом был 3 месяца на заводе, где следил за отправкой оборудования на Читинскую [Шатурскую!] и Штеровскую станции. Затем окончательно приехал сюда в августе 1924 г. и жил на Шатуре. Я был на Шатуре в течение 14 месяцев и после этого отправился на Волховстрой для монтажа [трансформаторной] подстанции в Ленинграде. В Ленинграде я жил до 1929 г. Потом, когда образовался Электроимпорт и наша фирма была приглашена для образования при Электроимпорте технического бюро для выяснения всяких технических вопросов в связи с запросами и заказами, я приехал сюда в Москву жить.

Председатель. В каком году?

Монкгауз. Это был 1929 год, и с этого времени я живу почти все время в Москве, но 3 раза в год я езжу в Англию в правление.

Председатель. Сколько всего лет вы провели в СССР?

Монкгауз. Вообще 17 лет.

Председатель. А в СССР, после Архангельской истории?

Монкгауз. Я приехал сюда в 1924 году – 9 лет.

Вышинский. Так как мы уже целый ряд вопросов исчерпали в процессе всего судебного следствия, то я хотел бы заявить суду, что мы ограничимся некоторыми добавочными вопросами, чтобы не повторять уже пройденного. Подсудимый Монкгауз, меня интересует несколько вопросов, чтобы установить ясность в плоскости обвинений к вам предъявленных. Первый вопрос. Сведения вы собирали или получали от разного рода лиц, связанных с вами служебными и прочими отношениями?

Монкгауз. Сведения я получал, может быть вернее было бы сказать, не сведения, а впечатления.

Вышинский. Вы получали информации, может быть это назвать информациями?

Монкгауз. Информации. Это мне конечно нужно было, потому что я каждый раз, когда приезжаю в Лондон, я докладываю своему правлению...

Вышинский. Разные вопросы, связанные с вашей работой?

Монкгауз. Разные вопросы, связанные с нашей работой, и наше правление всегда просит доложить, в каком положении находится страна.

Вышинский. Можно считать установленным, что все ваши показания, где вы подтверждаете о получении разного рода информации, вы сейчас подтверждаете именно в тех пределах, в которых вы сейчас говорите?

Монкгауз. Именно в тех пределах как я говорю, то есть я получал ту информацию, которая может быть полезна для нашего правления, когда оно должно решать вопрос, подождать давать сюда кредит или нет.

Вышинский. Значит ту информацию, которую вы считали полезной и необходимой для вас вы получали?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. Эту информацию от кого вы получали, в частности получали ли ее от Торнтон?

Монкгауз. Когда Торнтон приезжал из своих поездок, он всегда докладывал, что он видел и от этого я получал впечатления, которые оставались в голове.

Вышинский. Но главным образом вы от кого получали?

Монкгауз. Это очень трудно сказать. Я читаю все русские газеты каждый день, все технические газеты.

Вышинский. А кроме газетных сведений?

Монкгауз. Я знал многих руководителей...

Вышинский. Словом использовали все возможности для получения информации?

Монкгауз. Конечно это было мое дело.

Вышинский. Конечно ваше дело использовать все информации, всякие встречи, разговоры и так далее.

Монкгауз. Использовать только в том смысле, в котором я говорил, чтобы вести наше дело здесь.

Вышинский. Ясно, что вести дело здесь. В числе ваших осведомителей, ваших источников получения сведений находился Торнтон?

Монкгауз. Конечно Торнтон находился, потому что я его видел каждый день.

Вышинский. Вы на предварительном следствии показывали, что эти сведения вам доставлял Торнтон и Кушни, которые часто ездили по строительствам?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. Вы только отрицаете их шпионский характер?

Монкгауз. Я отрицаю шпионский характер этих информации.

Вышинский. Вы это отрицаете кроме некоторых показаний, к которым мы вернемся. Эти сведения вы получали разными путями, из разных источников, главным образом от Торнтона и Кушни?

Монкгауз. Трудно сказать, что главным образом, но из англичан главным образом.

Вышинский. Это я и хотел установить. Относительно Долговской истории говорить не будем.

Монкгауз. Я уже говорил, что ему негде взять деньги, деньги дали взаимнообразно и когда Долгов деньги не платил обратно, я участвовал в списании этих денег.

Вышинский. Вы это признаете?

Монкгауз. Признаюсь только в списании – это моя ошибка, когда я участвовал в списании.

Вышинский. Вы признаете себя в этой части виновным?

Монкгауз. Признаю, что сделал ошибку.

Вышинский. Вы сначала говорили относительно подарка, а потом хотели взять обратно.

Монкгауз. Так как он деньги не платил, то пришлось списать.

Вышинский. Значит он сам себе подарил деньги?

Монкгауз. Если хотите, то считайте так. Я считал, что он человек хороший.

Вышинский. Третий вопрос: в том оборудовании, которое поставляла ваша фирма имелись дефекты?

Монкгауз. Имелись дефекты.

Вышинский. Может быть назовете, какие дефекты, где, в каких случаях. Скажем Орехово-Зуево.

Монкгауз. В Орехово-Зуево были дефекты.

Вышинский. С турбиной, вернее у турбины?

Монкгауз. У турбины были дефекты.

Вышинский. Что же они были удачны или неудачны в конструкции или по монтажу?

Монкгауз. На предварительном следствии я говорил, что турбины в Орехово-Зуево были неудачны по выбору.

Вышинский. И по исполнению?

Монкгауз. И по исполнению.

Вышинский. Значит, то что говорили на предварительном следствии в этом отношении вы подтверждаете?

Монкгауз. Подтверждаю.

Вышинский. Возьмем МОГЭС, в частности 1-ю ГРЭС. Здесь что?

Монкгауз. Там тоже были дефекты.

Вышинский. Серьезные?

Монкгауз. Довольно серьезные с лопатками.

Вышинский. Вследствие этих дефектов были аварии?

Монкгауз. Были аварии.

Вышинский. Серьезные?

Монкгауз. По-моему не очень серьезные. Я не знаю, что вы называете серьезными. Я считаю серьезной аварией тогда, когда турбина вылетает через крышу (в зале шум).

Вышинский. А если через крышу не вылетела, а пришла в негодность, это не серьезная авария. Наши понятия о несерьезности несколько различны.

Монкгауз. Когда надо остановить турбину на 2-3 дня и исправить лопатки, это не очень серьезная авария.

Вышинский. Я не говорю, что это очень серьезная, но между двумя днями остановки и между тем, чтобы турбина выскочила через крышу – разница большая.

Монкгауз. Конечно для репутации фирмы это серьезно, но вообще авария не серьезная.

Вышинский. Фирму вашу мы не судим, а говорим здесь с вами, поэтому меня репутация вашей фирмы мало интересует, а меня интересуют ваши действия.

Монкгауз. Я говорил на предварительном следствии, если вы рассматриваете эту турбину, которая работает на 1-й ГРЭС, вам нужно сопоставить количество киловатт-часов, которое турбина работает и количество киловатт-часов, которое стоит. Получится совсем не плохо.

Вышинский. Не совсем плохо.

Монкгауз. Совсем не плохо.

Вышинский. А совсем хорошо, можно сказать?

Монкгауз. Можно сказать, имея в виду, что эта турбина была заказана пиковой машиной, которая должна работать 2 000 часов в год..

Вышинский. А может быть нужно иметь в виду то, что была заказана для нашей страны и что для нас это хорошо.

Монкгауз. Мы так вообще не делаем.

Вышинский. Ну и то хорошо. На 1-й ГРЭС имеются дефекты, которые вы считаете достаточно серьезными, хотя и не очень.

Монкгауз. Неприятными. Не очень серьезными, но неприятными.

Вышинский. В Зугрэс [[Зуевской ГРЭС](#)] дефекты были?

Монкгауз. Я говорил об этом на предварительном следствии – там были дефекты.

Вышинский. С диафрагмой.

Монкгауз. Да, и мы послали новую диафрагму, это дело ликвидировали.

Вышинский. Дальше – в Баку?

Монкгауз. В Баку имелись дефекты с лопатками.

Вышинский. Опять лопатки. Ивгрэс?

Монкгауз. Дефекты, которые были в Баку, распространялись на Ивгрэс и на Челябингрэс. Это все дефекты с лопатками.

Вышинский. В результате этого турбины вылетали через крышу?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. Но ломались?

Монкгауз. Нет, мы останавливали турбины вовремя.

Вышинский. Но простои были.

Монкгауз. Небольшие простои. Мы исправляли все дефекты или во время годового ремонта, или во время другой остановки турбины.

Вышинский. А что было еще кроме этих дефектов с отдельными частями. Как с регулированием обстояло дело?

Монкгауз. Здесь тоже были...

Вышинский. Дефекты.

Монкгауз. Не дефекты, а недоразумения, но мы тоже это сейчас же исправляли.

Вышинский. Вы на предварительном следствии говорили решительнее. Вы говорили прямо, что здесь имелись дефекты.

Монкгауз. Дефекты в регулировании.

Вышинский. Вы говорили: «в Баку, на Ивгрэсе, на Челябингрэсе, на Зугрэсе были обнаружены дефекты регулирования». Правильно это?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. Вы это подтверждаете?

Монкгауз. Подтверждаю, но все эти дефекты были устранены.

Вышинский. «На Челябингрэсе, на Зугрэсе, на машинах в 11 000 вольт был обнаружен случай вытекания лака из лобовой обмотки».

Монкгауз. Это было, но я участвовал в комиссии, которая туда ездила и решила, что нет никакой опасности.

Вышинский. Я не говорю об опасности, но такие случаи были?

Монкгауз. Были.

Вышинский. Вы подтверждаете, что на целом ряде станций – Ивгрэс, Зугрэс, Челябингрэс, 1-я Мгрэс [1-я МГЭС!] имел место ряд дефектов и в отношении регулирования, и в отношении турбин, и в отношении диафрагм.

Монкгауз. Правильно, но я должен сказать, что все эти дефекты мы исправляли и исправляли быстро. Это все дефекты, которые зависели либо от материала, либо от конструкции, но не от монтажа.

Вышинский. Словом это были дефекты, в одних случаях более значительные, в других менее значительные. Так или нет?

Монкгауз. Можно так считать, если хотите.

Вышинский. В результате этих дефектов бывали аварии, простои машин?

Монкгауз. Простои были.

Вышинский. А аварии были?

Монкгауз. Больших аварий не было.

Вышинский. Я не говорю – большие. Будьте любезны, если это вас не затруднит, ответить на поставленный мной вопрос: были аварии?

Монкгауз. Что такое аварии?

Вышинский. Это расстройство работы.

Монкгауз. Если турбина останавливается на одни или двое суток – это авария?

Вышинский. Я считаю, что это авария, а вы как считаете?

Монкгауз. Если на год останавливается машина – это авария, но на одни, двое суток... Я плохо знаю русский язык.

Вышинский. Вы знаете русский язык так же, как и я его знаю.

Монкгауз. Очень рад, если это так. Небольшие аварии были.

Вышинский. И простои были. Правда?

Монкгауз. Простои небольшие были. Но в Орехово-Зуеве был действительно длительный простой.

Вышинский. Теперь мы подошли к Орехово-Зуеву, где был простой большой.

Монкгауз. Но в большом простое виноват не «Метро-Виккерс» и не мы.

Вышинский. Я еще раз говорю, что я «Метро-Виккерс» не обвиняю здесь. Я обвиняю здесь Монкгауза.

Монкгауз. Ну я совсем не отвечаю за это.

Вышинский. Посмотрим. В результате выяснится, кто отвечает.

Итак, мы устанавливаем, что в Орехово-Зуеве простой был значительный. Правда?

Монкгауз. Да, значительный.

Вышинский. А в Челябинске в результате недостатка с диафрагмой был даже несчастный случай.

Монкгауз. Какой несчастный случай там был?

Вышинский. Я спрашиваю, не было ли несчастного случая?

Монкгауз. Что значит несчастный случай?

Вышинский. Кому-нибудь причинило повреждение.

Монкгауз. Человеку?

Вышинский. Наверное. Может быть зданию.

Монкгауз. Нет. В Челябинске одна диафрагма касалась рабочего колеса. Мы остановили машину.

Вышинский. И предотвратили.

Монкгауз. Да. Так что очень серьезной аварии не было.

Вышинский. Очень серьезной не было. Но все-таки авария была?

Монкгауз. Да, но несчастного случая не было.

Вышинский. На предварительном следствии вы показывали: «в Орехово-Зуеве машины не дали гарантированной мощности и нуждались перемене лопаток. На Челябингрэсе был несчастный случай вследствие изменения диафрагмы».

Монкгауз. Я извиняюсь, я плохо говорю по-русски. Несчастный случай—это авария.

Вышинский. Вы имели в виду аварию?

Монкгауз. Да.

Вышинский. Мы исправим так, что была авария. Очень хорошо. Дальше теперь. Как вы отнесетесь к такому показанию: «В СССР было поставлено пять турбин с номинальной мощностью от 46 000 до 80 000 киловатт, в то время, как они такую нагрузку выдержать не могли».

Монкгауз. Я не помню. Я сказал – пять турбин – 46 000 киловатт.

Вышинский. Различной мощности от 46 000 до 80 000 киловатт, были поставлены, но не могли такую нагрузку выдержать?

Монкгауз. Я говорил, что на Зуевке было три турбины. А здесь на другом месте – две турбины, где нам нужно было переделать диафрагмы, чтобы дать полную нагрузку.

Вышинский. Значит вследствие неправильности диафрагмы турбины не могли дать полную нагрузку?

Монкгауз. Но на самом деле они работают.

Вышинский. Если работают, то могут дать нагрузку?

Монкгауз. Да могут.

Вышинский. А вы говорили, что не могут.

Монкгауз. Мы просили станцию по возможности не загружать полной нагрузкой турбины, пока не сменим диафрагму. Это мера предосторожности.

Вышинский. Правильно. Следовательно можно сказать, что недостаток, дефект в диафрагмах был такой, что из-за предосторожности нельзя было турбины нагружать полной нагрузкой.

Монкгауз. Были два раза такие случаи.

Вышинский. Это в отношении целых трех турбин, даже пяти.

Монкгауз. Кажется четыре турбины.

Вышинский. Это тоже по-моему серьезный недостаток.

Монкгауз. Когда станция не нагружена на полную нагрузку – это не беда.

Вышинский. Конечно, смотря с какой точки зрения. Когда беда – когда не беда. Но каждая турбина должна быть способна работать полной нагрузкой. Правильно.

Монкгауз. Конечно.

Вышинский. А раз они не могли работать полной нагрузкой, то следовательно это уже дефект.

Монкгауз. Это уже дефект – ясно.

Вышинский. Так вот, например я хотел бы вот что спросить. На целом ряде станций имеется ряд турбин, отдельных агрегатов с определенными дефектами – верно?

Монкгауз. Есть.

Вышинский. Если бы явились люди, которые почему-нибудь пожелали бы эти дефекты скрыть, то они следовательно могли бы это сделать? Есть что скрыть?

Монкгауз. Я думаю, что нет. Дефекты с лопатками скрыть нельзя.

Вышинский. Ну возьмем диафрагмы, регулирование.

Монкгауз. Тоже нельзя. Дефекты с лопатками и с диафрагмами нельзя скрыть.

Вышинский. Дефекты с лопатками могут привести к аварии. Я знаю, что лопатка ненадежна, мне нужно было бы остановить турбину или не пускать в ход, а я правил не зная, что она ненадежна, все-таки пускаю ее в работу и получаю аварию. Какой-нибудь злой умысел может действовать?

Монкгауз. Конечно, если лопатки были в таком серьезном состоянии, но у нас не было таких случаев.

Вышинский. Как у вас не было? Мы видим, что за некоторый срок у вас произошло целых 20 аварий и все с лопатками.

Монкгауз. Да.

Вышинский. Следовательно, если дефекты были, то происходили аварии.

Монкгауз. Дефекты были, но были наши монтеры, мы посылали лопатки в срочном порядке на завод и исправляли. Например, когда мы нашли дефекты с диафрагмой в Челябинске, то мы сменили сначала все диафрагмы на остальных турбинах.

Вышинский. Значит можно констатировать, что были дефекты, в результате этих дефектов были аварии, в результате этих аварий были простои?

Монкгауз. Да были. Но когда вы эти простои обсуждаете, вам надо иметь в виду отношение ко всей работе, количество киловатт [*и выработанных киловатт-часов*].

Вышинский. Это правильно, но я интересуюсь установлением фактов, которых вы не отрицаете и спрашиваю, если бы нашлись люди, которые пожелали бы воспользоваться дефектами, для того чтобы не предотвратить аварию, а умолчать об этих дефектах, вызвать аварию, то обстановка была подходящая?

Монкгауз. Люди не могут быть такими.

Вышинский. Ну это уже другое дело.

Монкгауз. А если бы даже они хотели это сделать, они не могут, потому что все дефекты, которые имелись на турбинах, мы о них сразу сообщаем в Электроимпорт.

Вышинский. Но аварии были с лопатками, а почему не предупреждались?

Монкгауз. Этого нельзя.

Вышинский. Можно было бы например прошить бандажом?*

Монкгауз. Пусть уже это техническая комиссия обсуждает.

Вышинский. Ваша фирма это делала проволокой?

Монкгауз. Да, пыталась.

Вышинский. А вы говорите нельзя. Значит можно?

Монкгауз. Можно, но как только мы узнавали, что здесь слабость, мы сообщали.

Вышинский. Другое дело, что ничего не выходит, но такие попытки были.

* «Большой специалист» по паровым турбинам А.Я. Вышинский был не очень знаком с их конструкцией, в которой зазоры между статором и ротором исчислялись миллиметрами, а то и десятками долями миллиметра. Поэтому присобачить дополнительный бандаж к лопаткам что статора, что ротора было делом несбыточным. Станционные энергетики постоянно возились (и до революции и после) с часто выходившими из строя деталями импортных паровых турбин, см. например, статью Ф.А. Рязанова «Работа и ремонты турбин 1-й Московской Государственной Электрической Станции [(ГЭС)] им. тов. Смидовича» в Приложении «Инженер-энергетик Ф.А. Рязанов о себе, Р.Э. Классоне, В.Д. Кирпичникове, других сотрудниках МОГЭС и о «вредительстве»».

Здесь удивляет больше другой сюжет: прокурор Республики тратит свое, Судебного присутствия и публички драгоценное время на подробное обсуждение подобной технической фигни, которая заслуживает разве что совещания в Главэнерго – как усилить специалистами шеф-монтаж турбин и другого оборудования, наладить грамотную опытную эксплуатацию турбин и завести в Москве экспресс-склад запасных частей, чтобы нужную доставлять самолетами? Но, как мы уже видели, у А.Я. Вышинского была другая задача – доказать как английские инженеры якобы всякими способами склоняли к вредительству советских инженеров и рабочих!

Монкгауз. Это не попытки, а это делается.

Вышинский. Но тем не менее это не дает результатов на 1 й ГЭС.

Монкгауз. По Московской ГЭС эти меры недостаточны и мы сейчас обсуждаем вопрос о том, что дальше надо сделать.

Вышинский. Это значит правильно?

Монкгауз. В этом случае правильно.

Вышинский. Таким образом можно констатировать ряд дефектов, ряд аварий, ряд простоев.

Монкгауз. Это несправедливо так делать.

Вышинский. Вы так говорите.

Монкгауз. Это дефекты МОГЭС.

Вышинский. В Зуевке была авария. О справедливости понятие у нас различное, вы будьте добры говорить о фактах. Мы с вами перечислили сейчас. В Орехово-Зуеве была авария?

Монкгауз. Была.

Вышинский. Вследствие дефектов?

Монкгауз. Нет. Первая не вследствие дефектов.

Вышинский. Вторая.

Монкгауз. Первая – вследствие перекачивания котла, вторая причина неизвестна. Говорят, что тоже перекачивали котел. В Орехово-Зуеве совершенно другое дело. Там приходится переделывать турбину.

Вышинский. Вы в течение 15 минут отвечаете на ряд вопросов. Все то, что вы делали, а я только повторяю ваши ответы и спрашиваю вас: подтверждаете ли вы – вы подтверждаете, а когда дело доходит до последнего вывода, вы говорите, что это не так. Так вот выслушайте меня еще раз, чтобы не было бесполезных споров и скажите либо, что я ошибаюсь, либо подтверждаете, что я говорил. Следующий вопрос. В целом ряде вашего оборудования—турбины, диафрагмы и прочее были дефекты или не были?

Монкгауз. Были.

Вышинский. Второй вопрос: в связи с этими дефектами на целом ряде станций – Ивгрэс, Челябингрэс, Зуевка, 1-й МГЭС были простои, вывод на некоторое время машин из строя был?

Монкгауз. Был.

Вышинский. Третий вопрос. Я спрашиваю вас: могут ли люди, желающие воспользоваться этими дефектами, действовать так, чтобы эти дефекты вовремя не вскрывать, а наоборот вовремя замазывать. Могло быть так или не могло быть?

Монкгауз. По-моему очень трудно.

Вышинский. Но не исключена возможность?

Монкгауз. По-моему почти невозможно.

Вышинский. Но все-таки возможно, если почти.

Монкгауз. Если бы человек знал...

Вышинский. Здесь вы даете иной ответ, чем тот, который можно дать по всем правилам логики. Вот вы оценивая дефекты ряда машин, оборудования, в одном месте вашего показания сказали следующее: «Если бы: я был...»

Монкгауз. Подождите. Я от этого показания отказался.

Вышинский. Я этого не слышал.

Монкгауз. Я вам говорил, когда я был у вас в прокуратуре.

Вышинский. Этого я не помню.

Монкгауз. Вы сами согласились. Я сказал, что дал показания, после 18-часового допроса, я очень устал.

Вышинский. Мы посмотрим, во-первых, что вы сказали, во-вторых, почему?

Монкгауз. Вы согласились это показание уничтожить.

Вышинский. Я не имею возможности выступить здесь в качестве свидетеля по вашему делу, поэтому я не могу говорить о том, что вы мне когда-то говорили.

Монкгауз. Я говорил, что это показание было дано после 18-часового допроса.

Председатель. О каком показании идет речь?

Вышинский. О показании от 13 марта.

Монкгауз. Это речь идет об Ореховской турбине?

Вышинский. Нет, о сотруднике Наркомтяжпрома. Так как гражданин заявил, что 18-часовой допрос был, я говорю, что я не имею права выступить в качестве свидетеля по его делу, но должен решительно опровергнуть эту ссылку его на меня, как на свидетеля. Вы здесь говорили, если бы я был сотрудником Наркомтяжпрома, я не купил бы этих машин.

Монкгауз. Я это говорил про рыковскую машину.

Вышинский. Причем же здесь то, что вас допрашивали 18 часов, что вас вынудили и так далее.

Монкгауз. Но я говорил о другой вещи...

Вышинский. Я говорю не о другой вещи, а о том, что здесь это ни при чем.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, сколько вы находились часов в заключении в Москве?

Монкгауз. Только 2 суток.

Председатель. И уже в панике?

Монкгауз. Достаточно при таких способах допроса.

Вышинский. Значит таким образом, вы на месте сотрудника Наркомтяжпрома эти машины не взяли бы?

Монкгауз. Не взял бы.

Вышинский. А кто эти машины присылал?

Монкгауз. Наша фирма.

Вышинский. Так что ваша фирма продавала...

Монкгауз. Не наши выбирали машины.

Вышинский. Значит выбирали наши, а ваши сплавляли?

Монкгауз. Мы сделали все, что возможно.

Вышинский. Вы сделали все, что возможно, чтобы наши не взяли, а наши все-таки тянули.

Монкгауз. Мы сделали все, чтобы удовлетворить клиентов машинами.

Вышинский. От которых вы сами, как представитель фирмы, отказываетесь.

Монкгауз. Мы делали все, чтобы удовлетворить требования клиентов, посылали машины, на которые давали гарантию и эти машины мы будем переделывать.

Вышинский. То, что вы будете делать – это одно дело, а что сделали – это другое. Как это ни неприятный факт, но с ним считаться нужно.

Монкгауз. Всякая фирма, которая берется за это дело, может на это рассчитывать.

Вышинский. Мне теперь ясно, что были такие машины, которые вы продавали, но вы их бы не купили.

Монкгауз. Это мое личное мнение.

Вышинский. Правильно, ваше мнение, а не мое. Я хочу, чтобы вы на гласном суде еще раз подтвердили – правильно это или неправильно?

Монкгауз. Я бы лично не купил эти машины, не выбрал бы.

Вышинский. Почему?

Монкгауз. Это длинный технический разговор.

Председатель. Потому что они хорошие или плохие?

Монкгауз. Это новая система.

Вышинский. Но и новая система может быть хорошей или вы враг нового? У меня вопросов нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Коммодов. Что машины бывают с дефектами это мы знаем. На вас как на представителе фирмы лежала обязанность исправлять эти дефекты?

Монкгауз. Да.

Коммодов. Когда вам докладывали об этих дефектах, вы должны были их исправлять?

Монкгауз. Конечно.

Коммодов. Считали ли вы себя обязанным каждый раз, когда обнаруживались там дефекты, посылать своих людей и исправлять?

Монкгауз. Да, это мы сразу делали.

Коммодов. На вас, как на представителя фирмы «Метро-Виккерс» в Москве ложится эта обязанность?

Монкгауз. Ложится и на меня и на монтажника.

Коммодов. На вас главным образом?

Монкгауз. Да.

Коммодов. Таким образом можно прийти к такому выводу: дефекты были, вы не отрицаете, но когда о них доводили до вашего сведения, вы тогда старались их исправить?

Монкгауз. Я могу рассказать такой случай: когда в первый раз была авария на Орехово-Зуевской станции, мы знали, что МОГЭС находится в трудном положении в смысле загруженности машин и чтобы скорей исправить все, чтобы МОГЭС могла иметь энергию, мы взяли свой грузовичок, съездили в Орехово-Зуево и отправились по шоссе в Ленинград. За 2½ дня это было сделано на металлургическом заводе в Ленинграде, так что мы за свой счет все это исправили и помогли.

Коммодов. Негодный или с дефектом мотор или турбину всегда ли нужно признать негодной только потому, что она плохо сконструирована, или потому, что эта система в данном случае, допустим, для данной станции не подходит?

Монкгауз. Я затрудняюсь объяснить. Я считаю, что эта машина неудачна по выбору.

Коммодов. По системе?

Монкгауз. Это сложная система:

Коммодов. У меня больше вопросов нет.

Лидов. Вы здесь сказали, что в некоторых из ваших турбин были недостатки в смысле их конструирования в виде неправильно устроенных лопаточек, которые ломались. Скажите, это зависело от самого фабричного производства или от неправильной приемки, сборки или монтажа на месте?

Монкгауз. Это зависело от выбора материала и от конструкции на фабрике.

Лидов. Значит материал был не совсем такого качества, который нужен был для этих лопаточек?

Монкгауз. Материал был хорошего качества, но этот вопрос – вибрации турбины – очень сложный вопрос. Это так называемая усталость металла.

Лидов. Преждевременная изнашиваемость металла?

Монкгауз. Это называется усталостью металла.

Лидов. Это от вас, как ни собирайте, не зависит, так было сделано на месте в Англии?

Монкгауз. Да.

Лидов. Почему же вы не писали, в Англию о том, что турбина такого-то типа обнаруживает усталость металла и благодаря этому ломаются лопатки?

Монкгауз. Мы телеграфировали в Англию, наши эксперты приезжали сюда и имели совещание на металлургическом заводе в Ленинграде и здесь в МОГЭС. Сразу на месте сделали полное обследование дефектов. Это сразу было сделано.

Лидов. Значит после первого случая написали в Лондон?

Монкгауз. Мы не писали, а телеграфировали в Лондон.

Лидов. Оттуда приехали специалисты и у вас был целый ряд заседаний, комиссий и обследований, которые по этому поводу имели суждение. К каким выводам в результате пришли эти комиссии?

Монкгауз. В МОГЭС мы пришли к заключению, что достаточно было бы сделать постоянный провод [??? – МК].

Лидов. Это то, что говорил прокурор?

Монкгауз. Это самое.

Лидов. Это оказалось недостаточным?

Монкгауз. Мы сомневаемся, этот вопрос еще обсуждается.

Лидов. Значит это настолько сложная вещь, что сейчас не знаете, каким путем сделать?

Монкгауз. Это очень сложно.

Либсон. Скажите пожалуйста, вы на Волховстрое долго работали?

Монкгауз. На самом Волховстрое я не работал, но я работал на Ленинградской подстанции.

Либсон. Сколько времени?

Монкгауз. Почти год.

Либсон. Одновременно с Кутузовой?

Монкгауз. Она была секретарем технического директора Волховстроя.

Либсон. Вы там с ней познакомились?

Монкгауз. Да.

Либсон. Когда позже Кутузова поступила к вам работать, то вы приняли ее потому, что знали по Волховстрою?

Монкгауз. Когда был ликвидирован Волховстрой, большинство служащих Волховстроя перешло в Электротягу, но не все. Кутузова осталась без места. В это время моя секретарша вышла замуж за одного из наших инженеров и на ее место я пригласил Кутузову.

Либсон. И она была вашим секретарем?

Монкгауз. Да.

Дмитриев. Подсудимый Монкгауз, вы сказали, что вибрация лопаток происходит от усталости металла?

Монкгауз. Нет, я этого не говорил. Я плохо говорю по-русски и быть может вы меня не поняли. Я сказал, что этот вопрос связан с усталостью металла: когда бывает вибрация лопаток, то, если она очень сильная, получается усталость металла.

Председатель. Имеются ли еще у кого-нибудь вопросы к Монкгаузу. Таковых нет. (К Монкгаузу) Садитесь пожалуйста.

У нас остались еще не допрошенными двое подсудимых – Кутузова и Грегори. Кого мы будем допрашивать в первую очередь?

Вышинский. Просьба допросить Кутузову.

Защита. Мы так же присоединяемся к этой просьбе.

Председатель. Объявляется перерыв на 20 минут.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Подсудимая Кутузова, займите ваше место.

Укажите основные моменты вашей биографии. Более подробно расскажите как вы поступили в контору «Метро-Виккерс» и какие выполняли обязанности?

Кутузова. Я родилась в Ленинграде в 1895 г. в семье ремесленника. Я окончила Демидовскую женскую гимназию с золотой медалью и там же прослушала 8-[летни]й общеобразовательный курс и изучила стенографию. Жила там в интернате. Сразу со школьной скамьи я начала работать около 17-ти лет. Первая моя служба была учительская. Я была учительницей младшего подготовительного класса частного коммерческого училища. Затем я перешла на конторскую работу.

Работала последовательно: шесть месяцев в 1913 г. я работала в частной технической немецкой конторе. Затем перешла в русско-американское общество резиновой мануфактуры «Треугольник». Там работала 4 года. После Октябрьской революции завод свернули, и я перешла в автомобильный отдел Морского ведомства, где проработала 4 месяца в качестве машинистки. Из автомобильного отдела я поступила в инспекцию пехоты Ленинградского округа. Там я пробыла год с небольшим: конец 1918-го и 1919 год.

В середине 1919 г. я уехала в город Торопец (Псковской губернии) и служила в Военно-инженерной дистанции 8 месяцев в качестве заведующей техническим делопроизводством. Осенью 1920 г. возвратилась в Ленинград и поступила на Свирьстрой. На Свирьстрое работала 4 года и занимала должности последовательно, начиная от конторщиков 3-го разряда и кончая помощником и заместителем управляющего делами Свирьстроя.

Когда Свирьстрой временно свернули, я была приглашена на службу в Волховстрой – секретарем главного инженера по электрической части. Здесь проработала 4 года. Когда работы по Волховстрою заканчивались, приблизительно за полгода до этого – я начала изучать английский язык, с расчетом поступить как-нибудь в частную иностранную контору. На Волховстрое я познакомилась с представителями фирмы «Метро-Виккерс», инженером Монкгаузом, инженером Торнтоном и инженером Сутерландом. Инженер Монкгауз пригласил меня на службу к ним. 7 апреля 1929 г. я поступила в Ленинградское бюро этой фирмы; в качестве секретаря уполномоченного этой фирмы в Союзе, инженера Монкгауза. В этой должности я была до момента ареста – до 11 марта сего года.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы?

Рогинский. Да, есть. Подсудимая Кутузова, уже в процессе судебного следствия при допросе ряда подсудимых в значительной мере был исчерпан ваш допрос. Поэтому я вам поставлю только несколько вопросов в значительной мере в порядке итогов ваших показаний, которые вы дали в процессе судебного следствия по делу.

Первый вопрос – вы подтверждаете свои показания о том, что вам было известно о преступной, или, как вы говорили в показаниях, нелегальной деятельности Торнтон и Монкгауза?

Кутузова. Да, подтверждаю.

Рогинский. Вы подтверждаете, что существом этой преступной деятельности был шпионаж. Так?

Кутузова. Да, шпионаж входил в эту работу.

Рогинский. Вы подтверждаете, что наряду со шпионажем существом этой преступной деятельности, как вы показали, было то, что вы слышали из разговоров Торнтон и Монкгауза – организация порчи машин?

Кутузова. Да, диверсионную работу этой группы я также подтверждаю.

Рогинский. Подтверждаете вы свои показания о том, что вам известно, о подкупе ряда русских инженеров и техников за совершение тех преступных действий, о которых вы сейчас излагали суду?

Кутузова. Да.

Рогинский. Можете вы назвать тех из инженеров, которые получали денежное вознаграждение за совершение вредительских актов, которые сидят здесь на скамье подсудимых?

Кутузова. Да, могу.

Рогинский. Пожалуйста.

Кутузова. Получал взятки инженер Гусев.

Рогинский. Можно подсудимому Гусеву сразу задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Подсудимый Гусев, вы получали взятки?

Гусев. Получал.

Рогинский. За вредительскую работу?

Гусев. Да.

Рогинский. За шпионаж?

Гусев. Да.

Рогинский. Больше вопросов к Гусеву нет. Кто – следующий?

Кутузова. Затем я слышала из разговоров, что один из мастеров Гусева тоже получал.

Рогинский. Кто?

Кутузова. Соколов.

Рогинский. Вопрос Соколову задать можно?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Подсудимый Соколов, вы получали взятки?

Соколов. Да.

Рогинский. За вредительство?

Соколов. Да.

Рогинский. За шпионаж?

Соколов. Да.

Рогинский. Больше вопросов Соколову нет.

Кутузова. Витвицкий. Кто еще работал с Витвицким – я не знаю.

Рогинский. Я прошу удостоверить суд, что в показаниях Витвицкого имеется прямое указание на получение денег за доставляемые сведения и за вредительскую работу и в связи с этими показаниями Кутузовой буду просить разрешить задать один вопрос подсудимому Гусеву.

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Подсудимый Гусев, вам что-либо известно о получении денег Витвицким?

Гусев. Да.

Рогинский. Что вы знаете?

Гусев. Я передавал деньги Витвицкому.

Рогинский. В какой сумме?

Гусев. Около 4 500 рублей.

Рогинский. От кого вы получали эти деньги?

Гусев. От Макдональда.

Рогинский. К Гусеву больше вопросов нет. Еще кого-нибудь можете назвать из тех инженеров, здесь сидящих, которые по вашим данным получали деньги?

Кутузова. Инженер Крашенинников, Зорин, Сухоручкин, Рязанов, Языков.

Рогинский. Я спрашиваю о тех, которые здесь сидят [а Рязанов и Языков не сидят!]. Разрешите задать вопрос подсудимому Сухоручкину.

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Эти показания верны?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Деньги получали?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. За совершение вредительских актов?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Подсудимый Зорин, эти показания верны?

Зорин. Да.

Рогинский. Вы деньги получали.

Зорин. Да.

Рогинский. Больше нет вопросов к подсудимому Зорину. Подсудимый Крашенинников, эти показания верны?

Крашенинников. Да.

Рогинский. Вы деньги получали?

Крашенинников. Да.

Рогинский. Нет вопросов.

Вы подтверждаете, подсудимая Кутузова, равным образом и ту часть своих показаний, где вы указывали на способ записи этих сумм в соответствующих книгах.

Кутузова. Не совсем так. Книг никаких не было, а записи вел инженер Торнтон в своих записных книжках у себя на квартире.

Рогинский. Значит записи об израсходованных суммах на оплату шпионажа и вредительства заносились в специальные книжки Торнтоном у него на квартире?

Кутузова. Да.

Рогинский. Где находятся эти книги?

Кутузова. Я знаю, что он увез их в Англию.

Рогинский. Когда?

Кутузова. Примерно в декабре 1932 г., когда уезжал на рождество.

Рогинский. Один вопрос Торнтону. Показания Кутузовой отрицаете?

Торнтон. Отрицаю.

Рогинский. Нет вопросов Торнтону. У меня нет больше вопросов к Кутузовой.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде. Каким образом вы, собственно говоря, знали об этой вредительской и диверсионной работе, которую организовали Монкгауз и Торнтон. Из разговоров или они поведали вам?

Кутузова. Я почти в течение 4 лет жила совместно с ними в одном доме.

Брауде. У них были отдельные комнаты?

Кутузова. У Торнтонна отдельная квартира, я жила наверху

Брауде. Вы были в хороших отношениях?

Кутузова. Да, была в очень хороших отношениях.

Брауде. Что же, они при вас говорили об этих вещах?

Кутузова. Не сразу говорили.

Брауде. Вот вы давно знаете обоих, как можете их охарактеризовать. Монкгауз – болливый, легкомысленный или это серьезный деловой человек специфического английского типа?

Кутузова. Монкгауз – человек серьезный, но и шпионская работа тоже не комическая.

Брауде. Вот поэтому-то я и спрашиваю. Я хочу узнать, почему серьезную и не комическую работу серьезные люди могли доверять вам? Объясните, вы сами принимали непосредственное участие в этой вредительской работе?

Кутузова. Принимала, Я принимала деньги и пересылала.

Брауде. Но в самих диверсионных актах принимали участие?

Кутузова. Нет, не принимала, потому что очень мало понимаю в технике.

Брауде. Теперь объясните – почему два серьезных, неболтливых человека в работе, в которой вы не принимали участие, не могли принимать и не помогали, почему они находили возможным говорить в вашем присутствии?

Кутузова. Потому что наша жизнь так сложилась, что жили вместе.

Брауде. А уйти от вас никуда нельзя было?

Кутузова. Никуда.

Либсон. Из ваших рассказов получается, что вы с этими людьми работали с 1926 г.

Кутузова. С 1927-го.

Либсон. Ведь вы работали на Волховстрое?

Кутузова. Я там работала, и они меня знали.

Либсон. Очевидно знали настолько, что после окончания работы сочли возможным пригласить вас сюда?

Кутузова. Я не думаю, что они меня знали лично, они приходили как к секретарю помощника главного инженера, но они очевидно обо мне слышали и не плохое.

Либсон. Что это послужило поводом к приглашению, значит они вас знали? Вы работали с ними 7 лет?

Кутузова. 8 лет.

Либсон. Эти 8 лет вы работали совместно?

Кутузова. Да.

Либсон. Совместно с Монкгаузом и Торнтоном вы все время не только работали, но и проживали?

Кутузова. Да.

Либсон. Вы были секретарем Монкгауза?

Кутузова. Да.

Либсон. Так что особенно близко соприкасались с ним?

Кутузова. По делам я соприкасалась со всей конторой.

Либсон. Но на протяжении времени, когда вы стали замечать «их работу», как вы говорите, вы своим поведением давали основание отнестись к вам осторожно?

Кутузова. Я говорила, что я боюсь за себя.

Либсон. В каком смысле?

Кутузова. Боялась ареста.

Либсон. Значит это вас волновало?

Кутузова. Немножко волновало.

Либсон. Но у них могло возникнуть опасение, что это не безопасно.

Кутузова. Не знаю. Мы были большими друзьями.

Либсон. Вечерами тоже бывали вместе?

Кутузова. Тоже вместе.

Либсон. А проживали в Перловке или в Лосиноостровской?

Кутузова. Сначала жили в Лосиноостровской. В Лосиноостровской арендовали маленький домик, а в Перловке выстроили три дома.

Либсон. Значит все, кто приезжал к ним в гости или по делам, все попадали в это место?

Кутузова. Попадали в дом, где жил инженер Монкгауз.

Либсон. Будьте добры осветить следующее: когда вы начали замечать их преступную деятельность, с самого начала, или позже стали догадываться?

Кутузова. Приблизительно в конце 1930 г.

Либсон. До 1930 г. у вас подозрений не возникло?

Кутузова. Нет.

Либсон. Это вас естественно волновало, вы свои волнения выражали им неоднократно?

Кутузова. Меня волновало не в конце 1930 г., меня сначала не волновало.

Либсон. Почему?

Кутузова. Потому, что волноваться можно тогда, когда уверена.

Либсон. Вы не были уверены, точно не представляли?

Кутузова. Да.

Либсон. Когда начали волноваться, вернее когда поняли?

Кутузова. К концу 1931 г. я постаралась выяснить этот вопрос и частично его выяснила.

Либсон. Меня интересует приблизительное время – хотя бы год.

Кутузова. 1931 год.

Либсон. Стало быть эта уверенность была после 1931 г.?

Кутузова. Я точно узнала в 1932 г.

Либсон. Теперь скажите – вот на почве того, что вы знали эту тайну, становились невольной соучастницей, у вас возникла мысль о том, что вам как-то нужно покончить с этим лично для себя?

Кутузова. Возникала, но я покончить не могла.

Либсон. Что помешало, чтобы сделать какие-нибудь решительные шаги?

Кутузова. Во-первых, я была с ними связана организационно, во-вторых, я дала слово, а раз даю слово, я его держу.

Либсон. Вы считали нужным это слово держать?

Кутузова. Да.

Либсон. Вы говорите, что были участницей. Позвольте поставить вопрос совершенно конкретный: в чем вы считаете себя участницей? Вы все время перечисляете эту историю с посылками.

Кутузова. Я посылала посылки и передавала деньги.

Либсон. Посылали посылки кому?

Кутузова. Инженеру Гусеву.

Либсон. С чем?

Кутузова. С продуктами.

Либсон. Вы лично Гусева знали или Кутузова. Только по фамилии.

Либсон. Никогда не встречались?

Кутузова. Нет.

Либсон. Вы имели точное представление о характере его работы и шпионской и диверсионной и тому подобное?

Кутузова. Я знала, что он принадлежит к нашей группе.

Либсон. Это вы знали?

Кутузова. Да.

Либсон. А подробности знали?

Кутузова. Нет.

Либсон. Ваша активная деятельность выразилась в том, что посылали посылки?

Кутузова. Да, и кроме того передавала деньги.

Либсон. Как обстояло дело вообще с деньгами? Входили ли в вашу обязанность деньги?

Кутузова. Да. Все деньги **[(бонь)]** Торгсина были на моих руках. Кроме того в моем распоряжении всегда было 5 или 6 тысяч рублей.

Либсон. Когда получали распоряжение, это деньги вы давали?

Кутузова. Нет, я эти деньги не давала. Это деньги фирмы, и деньги фирмы не выдавались на это дело.

Либсон. Я понимаю.

Кутузова. Но торгсиновские деньги выдавались тоже в виде займа – потом покрывались рублями.

Либсон. По чьему распоряжению?

Кутузова. По распоряжению инженеров Торнтон и Монкгауза.

Либсон. Вы лично выдавали деньги?

Кутузова. Были случаи, когда выдавала лично.

Либсон. Знали ли вы, что эти люди делают преступные дела?

Кутузова. В общих чертах я знала.

Либсон. Только в общих чертах?

Кутузова. Да.

Либсон. Знали это, но достаточных сил не хватило донести по тем мотивам, о которых говорили?

Кутузова. Да.

Либсон. Вопросов у меня больше нет.

Шварц. Я позволю себе вас спросить относительно Крашенинникова. Вы слышали о признании его в получении денег. Вы помните ответ Торнтон, что он отрицает передачу через вас денег Крашенинникову. Скажите пожалуйста, кто передавал деньги Крашенинникову?

Кутузова. Я не передавала деньги Крашенинникову.

Шварц. Кто передавал?

Кутузова. Я думаю, что передавал Торнтон, но подробностей я не знаю. Я слышала эту фамилию, слышала вообще разговор, советы их.

Шварц. Так что при вас передачи денег через третьих лиц не было?

Кутузова. Не было.

Шварц. И разговора относительно передачи пакета также не было?

Кутузова. Разговоры были.

Шварц. С чьей стороны разговоры?

Кутузова. Инженер Торнтон говорил инженеру Монкгаузу.

Шварц. Вы присутствовали при этом разговоре?

Кутузова. Нет, я вошла в комнату, когда они заканчивали разговор.

Коммодов. В Перловке вы жили в том же доме, где и Монкгауз?

Кутузова. Рядом.

Коммодов. Там, где инженер Торнтон?

Кутузова. Да.

Коммодов. У Монкгауза был отдельный кабинет?

Кутузова. Да.

Коммодов. А у Торнтон?

Кутузова. Так же.

Коммодов. Рядом с кабинетом Монкгауза чей кабинет находился?

Кутузова. Рядом не было кабинета, была его спальня.

Коммодов. А там еще не жил один инженер?

Кутузова. У нас каждый день был прилив и отлив инженеров и монтеров.

Коммодов. Так что рядом не жил инженер?

Кутузова. Там жил инженер Беки, но не рядом, а напротив – через площадку.

Коммодов. Значит у этих трех инженеров были отдельные кабинеты?

Кутузова. Да, можно так сказать.

Коммодов. Ваш защитник [Либсон] вас спросил – в чем выразилось ваше непосредственное участие как члена вредительской шпионской организации. Вы сказали, что вы передали деньги, и Гусев признал, что получил деньги. Кто ему их передал?

Кутузова. Я думаю, что деньги ему передал или Торнтон или Макдональд.

Коммодов. Но вы не передавали лично?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Гусеву). Вы деньги получали?

Гусев. Да.

Коммодов. От кого?

Гусев. От Макдональда.

Коммодов (к Кутузовой). Соколову вы денег не передавали?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Соколову). Вы деньги от кого получили?

Соколов. От Гусева.

Коммодов (к Кутузовой). Крашенинникову вы деньги передавали?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Крашенинникову). Вы от кого деньги получили?

Крашенинников. От Олейника.

Коммодов (к Кутузовой). Зорину вы деньги передавали?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Зорину). Вы деньги от кого получали?

Зорин. От Торнтонна.

Коммодов (к Кутузовой). Сухоручкину вы деньги передавали?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Сухоручкину). От кого вы деньги получали?

Сухоручкин. От Торнтонна.

Коммодов. В своих показаниях на предварительном следствии Витвицкий указывал, что деньги получал от Гусева. (К Кутузовой) А вы кому деньги передавали?

Кутузова. Кому я передавала деньги – я уже сказала в своих показаниях.

Коммодов. Я спрашиваю о тех, которые сидят здесь на скамье подсудимых. Таким образом у нас остается бесспорным факт отправления посылки на имя Ивановой?

Кутузова. Нет, от имени Ивановой.

Коммодов. От имени Ивановой. Вы сказали, что там было масло и продукты ?

Кутузова. Правильно. Насколько я помню, это так, но я посылала каждый день продукты ящиками.

Коммодов. Значит в этой посылке было масло и другие продукты?

Кутузова. Да.

Коммодов. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Есть ли еще вопросы у защиты (таковых нет). Есть ли вопросы у подсудимых?

Торнтон. Можете вы сказать подробности о вредительской работе, о которой якобы я давал указания?

Кутузова. Подробностей я сказать не могу, я слышала общие разговоры.

Торнтон. Может быть вы скажете, какие?

Кутузова. Я слышала, как вы делали с инженером Монкгаузом план порчи турбин на Бакгрэсе, Нигрэсе, Зугрэсе. Я помню, вы мне разъяснили, что если в турбину подбросить посторонний предмет, просто тряпку или щепку, то турбина может вылететь через крышу. Конечно это было сказано аллегорически.

Торнтон. Вам известно, что такого случая не было?

Кутузова. Я и говорю, что это было сказано аллегорически, то есть иносказательно.

Торнтон. Может быть так: если бросить что-либо в турбину, тогда крышка полетит?

Кутузова. Нет необязательно.

Торнтон. Вы говорите, что я Монкгаузу говорил о Зуевке, о Бакинской станции и думал там бросать болт. Там такого рода вредительства не было?

Кутузова. Я не знаю. Я в технике ничего не понимаю. Я говорю, как я слышала и что я поняла.

Торнтон. Относительно шпионской работы. Какие-нибудь конкретные случаи?

Кутузова. Я слышала общие разговоры. Я уже сказала суду, а подробности имеются в моих показаниях.

Торнтон. О подробностях вы и скажите.

Кутузова. Я отказываюсь говорить подробности, потому что это государственный секрет.

Торнтон. Последний вопрос. Вы говорили, что я деньги получил от вас?

Кутузова. Я это не говорила.

Торнтон. Так что я денег от вас не получал?

Кутузова. Не знаю.

Рогинский. Подсудимый Котляревский, на Зуевке болт был спущен в генератор?

Котляревский. Да.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, вы слышите эти показания?

Торнтон. Да.

Рогинский. Был болт в генераторе на Зуевской станции?

Торнтон. Да, в генераторе был. В турбине не был.

Рогинский. Следующий вопрос Котляревскому. Умышленно там был оставлен болт?

Котляревский. Да.

Рогинский. С вредительской целью?

Котляревский. Да.

Рогинский. Нет вопросов ни к Торнтону, ни к Котляревскому.

Один вопрос к Кутузовой: когда-нибудь на предварительном следствии вы говорили о том, что вы лично передавали деньги Гусеву, Крашенинникову, Зорину и так далее, словом, тем, кого перечислил Коммодов?

Кутузова. Нет.

Рогинский. На предварительном следствии вы указали иных лиц?

Кутузова. Да.

Рогинский. Здесь не находящихся ?

Кутузова. Здесь их нет.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, вы сейчас слышали ответ на ваши вопросы к Кутузовой. Так это было, или так это не было?

Торнтон. Я не понимаю.

Вышинский. Разъясню. Кутузова говорит, что она слышала от вас разговоры, которые содержали в себе сообщения о прямых указаниях, что можно и нужно вывести из строя турбину или какой-нибудь агрегат, бросивши туда какой-нибудь металлический или иной предмет, как например говорил Котляревский – болт. Вели вы такие разговоры с Кутузовой. Она правильно это говорит или нет?

Торнтон. Я этого не говорил.

Вышинский. А вы с Монкгаузом говорили об этом ?

Торнтон. Я с Монкгаузом на тему о вредительстве никогда не говорил.

Вышинский. Так что она говорит неверно?

Торнтон. Неверно.

Вышинский. Может быть вы так говорили: «Вот Анна Сергеевна, если бросите, то получится то-то».

Торнтон. Я думал сначала, что она так сказала – если бросить? Но она этого не говорила.

Вышинский. А ей вы тоже не говорили ?

Торнтон. Нет, никаких дискуссий о том, как вредить, не было.

Вышинский. Дискуссий не было.

Торнтон. Не было.

Вышинский. А почему должна быть дискуссия, если есть единодушие?

Торнтон. Может быть я неправильное слово взял.

Вышинский. Дискуссия – это значит спор.

Торнтон. Можно через переводчика? (Переводчик.) Подсудимый настаивает, что слово дискуссия не означает в русском переводе спор. В английском языке это означает разговор, беседа.

Вышинский. Спорить не будем. Подсудимый имеет в виду здесь разговор. Значит таких разговоров не было ни в положительной форме, ни в условной, следовательно она выдумывает?

Торнтон. Да, она путает.

Вышинский. Что же она путает?

Торнтон. Может быть она думала, что это так.

Вышинский. Хорошо, думала, что вы с Монкгаузом говорите о вредительстве. Она это могла думать. А почему вы думаете, что она могла это думать?

Торнтон. Потому что она это говорит.

Вышинский. Нет, она говорит не так. Она говорит, что я слышала, как Торнтон с Монкгаузом вели такие разговоры, а вы говорите, что разговоры не вели, а может быть Кутузова думает, что я вел такие разговоры. Какие основания так думать?

Торнтон. Потому что таких разговоров не было.

Вышинский. Тогда значит нет и основания думать, что она так думает. Больше вопросов нет.

Рогинский. А вы не говорили подсудимой Кутузовой, что у вас, помимо фирменных обязательств, есть еще и другие?

Торнтон. Нет, не говорил, отрицаю.

Рогинский. А на очной ставке тоже отрицали?

Торнтон. Отрицал.

Рогинский. Можно зачитать это показание?

Вышинский. У меня вопрос к Торнтону. Здесь на суде вам этот протокол очной ставки оглашался, вы сидели на этом месте против микрофона. Шел ваш допрос. Вы заявили, что это подтверждаете. Это было всего 2 дня тому назад. Сейчас вы это отрицаете?

Торнтон. Что я другие дела имею?

Вышинский. Да, в протоколе очной ставки с Кутузовой. Мы здесь допрашивали вас и Кутузову, и вы заявили, что это подтверждаете, и подтвердили по целому ряду вопросов.

Торнтон. Я этого не подтверждал.

Вышинский. Тогда давайте еще раз огласим.

Рогинский. Протокол очной ставки между Торнтоном и Кутузовой 16 марта 1933 года: «Вопрос Кутузовой—было ли вам известно, что Торнтон занимается шпионской деятельностью». Ответ был раньше общий, а потом так: «Да, мне было известно это, я замечала, что к нему стали приходить какие-то лица, русские инженеры, и он с ними вел таинственные беседы. Это меня навело на размышления. Это было в конце 1930-го, в начале 1931 г. На заданный мной об этом вопрос Торнтону – он мне ответил, что у него кроме фирменных обязанностей есть и другие. Вопрос Торнтону – подтверждаете ли показание Кутузовой? Ответ – да. Показание Кутузовой подтверждаю. Подпись Торнтон».

Вышинский. Вот теперь вопрос Торнтону – подтверждаете вы это или не подтверждаете?

Торнтон. Все равно другой работы у меня нет.

Рогинский. Протокол подтверждаете. Значит правильно здесь записано, правильны ваши показания.

Торнтон. Написано-то написано, только другой работы нет.

Рогинский. Я спрашиваю, написано здесь так, как вы показывали?

Торнтон. Я это напрасно подписал.

Рогинский. Второе, по этому же протоколу. «Вопрос Кутузовой – производилась ли оплата производимой шпионской работы? Ответ – да, производилась оплата шпионской работы. Об этом мне говорил Торнтон, и кроме того я слышала из разговора Торнтон с Монкгаузом, так как пользовалась у них большим доверием и часто входила в комнату во время их разговоров. Они меня не стеснялись. Разговоры эти происходили на английском языке, я владею достаточно, чтобы понимать. Вопрос Торнтону – что вы скажете в отношении этих показаний гражданки Кутузовой. Правду она говорит или нет? Ответ – да, гражданка Кутузова говорит правду».

Вышинский. Как с этим вопросом?

Торнтон. Шпионская работа?

Рогинский. Шпионская работа оплачивалась вами, по показанию Кутузовой, подтвержденному вами на очной ставке с Кутузовой. Подписано – Торнтон. Давали вы эти показания?

Торнтон. Да, я подписывал.

Рогинский. Давали эти показания?

Торнтон. Да, раз это подписано.

Вышинский. Так было?

Торнтон. На самом деле так не было.

Рогинский. Третий вопрос. «Вопрос Кутузовой: каким образом проводили по бухгалтерии расходы на оплату шпионской работы? Ответ: суммы, которые проводились на оплату этой работы, официально по бухгалтерии не проводились, а инженер Торнтон вел свой счет на даче. Об этом он мне сам лично говорил, и кроме того я, видела его сидящим ночью, записывающим эти счета. Вопрос Торнтону: признаете ли вы и это? Ответ: официальных книг конечно я не вел, но мною был написан дневник для памяти, чтобы потом эти суммы списывать в расход. Так я и делал, проводя эти суммы по книгам фирмы по несуществующим расходам. Этот дневник отправлен в Англию».

Рогинский. Эти показания вы равным образом давали на очной ставке с Кутузовой.

Торнтон. Да, только я хочу объяснения дать.

Вышинский. Еще один вопрос, потом объяснения. Дневник у вас был? Куда вы записывали свои расходы, которые не проводили по книгам. Это верно?

Торнтон. Да.

Вышинский. В Англию его отправили?

Торнтон. Я все взял с собой.

Вышинский. 9 штук?

Торнтон. Да.

Вышинский. Это соответствует действительности?

Торнтон. Я хочу дать объяснение, что эти мелкие суммы я писал...

Вышинский. Мелкие или крупные – это потом будем выяснять. Нам важен факт, что на очной ставке с Кутузовой 16 марта по поводу ваших расходов на оплату различных лиц, проводимых вами неофициально, а вот таким образом, как вы здесь записали, по несуществующим расходам, вы подтверждали, что вы вели специальные дневнички, которых набралось 9 штук, и вы заблаговременно увезли их в Англию. Правильно?

Торнтон. 9 штук—9 лет.

Вышинский. Может быть и больше, в зависимости от тех лет, которые вы занимались этим делом. Кутузова правильно говорит?

Торнтон. Она правильно говорит, что увез.

Вышинский. Правильно, что там эти расходы записаны?

Торнтон. Там были записаны.

Вышинский. Значит вы подтверждаете, что увезли?

Торнтон. Что книжки увез – да. Там были те суммы, которые я давал Зиверту.

Вышинский. Зиверт здесь говорил, что вы давали за шпионскую и вредительскую работу?

Торнтон. За шпионскую и вредительскую не давал.

Рогинский. Следующий протокол – протокол постановления следователя от 4 апреля 1933 г., протокол предъявления обвинения. Там содержится:

“1) Обвинение в том, что Торнтон занимался экономическим и военным шпионажем.

2) Привлекал к шпионской работе ряд советских инженеров и техников и давал им разными суммами деньги за передаваемые ему сведения.

3) Как лично, так и через посредство Макдональда и других инженеров указанной фирмы, ему подчиненных, систематически давал взятки ряду советских инженеров за сокрытие ими дефектов в оборудовании, поставленном фирмой «Метрополитен-Виккерс».

4) Давал задание Монкгауз и другим инженерам фирмы организовывать и проводить через посредство специально привлеченных советских инженеров и техников порчу оборудования и аварий на ряде электростанций предприятий СССР, каковые аварии и порча оборудования были в дальнейшем проведены, за что он, Торнтон, платил разными суммами лицам, непосредственно-осуществляющим его диверсионные задания”.

Вот постановление о предании вас суду.

Торнтон. Кто это писал?

Рогинский. Писал следователь по важнейшим делам [Л. Шейнин].

«Торнтон (ответ) – обвинение я признаю, кроме 4-го пункта постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого».

То есть вы признаете, что вы привлекли к экономическому и военному шпионажу ряд русских инженеров и техников и признаете дачу взяток русским инженерам и техникам за сокрытие дефектов оборудования и лишь не признаете организацию и совершение аварий. *Вышинский.* А почему вы говорили неправду?

Торнтон. Насчет шпионских военных сведений я это снял.

Вышинский. Здесь сняли. А почему?

Торнтон. Это неправда.

Торнтон. Это было не в прокуратуре, а в ГПУ.

Вышинский. Но ведь это был следователь по важнейшим делам при прокуроре республики. Вы там так говорили?

Торнтон. Он так писал.

Вышинский. Вы говорили?

Торнтон. Я подписался.

Вышинский. Вы так говорили или нет?

Торнтон. Он написал, а я подписался.

Вышинский. Вам его показывали?

Торнтон. Показывали.

Вышинский. Вы его прочитали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Подписали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы написали, что признаете виновным в 3 пунктах, а в 4-м нет. Вы могли тогда бы написать, что признаете в 2-х, а в 2-х не признаете, а вы написали, что признаете себя виновным в 3 пунктах, а по 4-му пункту не признаете. Правильно это?

Торнтон. Да, и объяснил, что хотел это взять обратно, но мне сказали, что этого нельзя делать, *это* можно сделать в процессе суда.

Вышинский. Вы можете взять обратно все, что хотите, но надо объяснить, почему вы хотите взять обратно.

Торнтон. Это неправда.

Вышинский. Почему?

Торнтон. Это основано на показаниях от 26 марта.

Вышинский. Это основано на ваших показаниях.

Торнтон. На основе показаний 26-го.

Вышинский. А протокол ваших показаний 25 марта – чем он плох?

Торнтон. Это взято было с меня под большим давлением.

Вышинский. Например?

Торнтон. Очень долго допрашивали.

Вышинский. Какого числа?

Торнтон. 13 числа.

Вышинский. Потом?

Торнтон. Я не могу найти слово.

Вышинский. Можно через переводчика.

Торнтон (через переводчика). Долго допрашивали, затем мне дали понять, что если я признаюсь, все будет хорошо.

Вышинский. А если не признаетесь?

Торнтон (перевод). Если не признаюсь, тогда я буду бесполезен как Советскому союзу, так и Англии. Кроме того я настолько устал от этого дела, что подписал протокол.

Председатель. Написали или подписали?

Торнтон (переводчик). Мне диктовали по-русски, а я писал по-английски.

Председатель. Вы так устали, что сразу могли с русского языка переводить на английский. Разве вы так хорошо владеете русским языком, что, будучи усталым, сразу писали по-английски, когда диктовали по-русски?

Торнтон. В данном случае так было.

Вышинский. Потом?

Торнтон. Раз это было, пришлось подписать.

Вышинский. Это все ваши объяснения. Позвольте теперь по этим объяснениям задать дополнительно несколько вопросов. Первый вопрос: это протокол, где содержится ваше указание на вашу шпионскую сетку.

Торнтон. О... это об 27-м?

Вышинский. От других протоколов вы тоже отказываетесь?

Торнтон. Есть еще один.

Вышинский. Скажите, какой это один – сразу, хотя и с опозданием на 4 дня.

Торнтон. Где сказано об оборонительных и наступательных возможностях.

Вышинский. Это тоже там, где распределены 15 и 12 человек – кто чем занимается: кто экономическим, кто политическим, кто военным шпионажем?

Торнтон. Это в другом.

Вышинский. Другого нет. От него отказываетесь?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вас допрашивали только 13 числа?

Торнтон. Нет, много раз.

Вышинский. Когда вас арестовали?

Торнтон. 11 числа.

Вышинский. 12-го допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы были усталый?

Торнтон. Да.

Вышинский. 13-го допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы были усталый?

Торнтон. Да.

Вышинский. 14-го допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы были усталый?

Торнтон. Я был очень подавлен.

Вышинский. Чем вы были подавлены? Вы не можете конкретно сказать?

Торнтон (молчит).

Вышинский. Настроение было плохое?

Торнтон (молчит).

Вышинский. 15 марта вас допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Настроение было такое же?

Торнтон. Лучше.

Вышинский. 17-го вас допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Настроение было лучше?

Торнтон. Немножко лучше.

Вышинский. 18-го вас допрашивали?

Торнтон. Допрашивали кажется все дни, кроме какого-то одного.

Вышинский. Позвольте вас спросить тогда, когда у вас настроение стало лучше, вы где-нибудь, когда-нибудь, кому-нибудь заявили, что вы от этих ваших показаний, данных 13 марта, отказываетесь, или ничего не заявляли?

Торнтон. Я ждал суда.

Вышинский. Простите пожалуйста. Вопрос задан мною ясно, и нам нужно сейчас договориться окончательно. Через час кончится судебное следствие, и тогда поздно будет разбирать обстоятельства дела. Поэтому будьте любезны выслушайте меня и отвечайте на заданные мною вопросы, но только в определенном порядке. Будьте добры ответить на мой вопрос: когда-нибудь, в последующие дни после допроса 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31 [марта] и 1 [апреля] вы заявляли о том, что вы этот протокол 13 марта аннулируете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Здесь на суде, когда я вас допрашивал первые дни по поводу ваших объяснений, вы заявили о том, что этот протокол вы написали под давлением? Отвечайте на мой вопрос.

Торнтон. Не заявлял.

Вышинский. Я задал вам три вопроса: оказывали ли на вас давление. Вы ответили – нет.

Торнтон. Нет.

Вышинский. Я спрашивал вас – мучили ли вас. Вы отвечали – нет.

Торнтон. Нет.

Вышинский. Я спрашивал вас – применяли ли к вам при допросе третью степень. Что вы ответили?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Теперь, что вы говорите?

Торнтон. Я понял – мучили ли физически.

Вышинский. Физически или морально – мучение есть мучение. Я спрашиваю вас, кто из находящихся в Москве англичан научил вас говорить сейчас неправду?

Торнтон. Я говорю правду.

Вышинский. Я понимаю, кто вас мог научить, кто вас научил и почему вы теперь это говорите? Я больше вопросов к Торнтону не имею.*

Председатель. Торнтон, садитесь. К Кутузовой есть вопросы?

* Здесь прокурор Республики иезуитски применил подлый, приписываемый ему принцип «Признание – есть царица доказательств»: обвиняемый Торнтон на следствии и очных ставках подписал все протоколы, да еще заполненные его рукой по-английски. А на суде он сказал, по-Вышинскому, неправду.

Что касается допроса 3-й степени, т.е. пыток, то они в те годы вроде бы не применялись. Зато применялись не менее жестокие технологии морального давления на подсудимых. Кроме прямого давления на них – длительных допросов, угроз и т.п. использовалось моральное давление на родственников или же через родственников на подсудимых. Из воспоминаний Ф.А. Рязанова, которого А.Я. Вышинский не раз упомянул в своих выступлениях на этом процессе «О вредительстве энергетиков», об инженере МОГЭС Викторе Дмитриевиче Кирпичникове (ф. 9592 РГАЭ):

В сентябре 1930 г. В.Д. [Кирпичников] был арестован. Через три месяца, наряду с другими ведущими инженерами МОГЭС, был арестован и я. Так как в течение трех с лишним месяцев пребывания в тюрьме на Лубянке я не соглашался писать о своем «вредительстве», несмотря на то, что несколько инженеров в своих показаниях упоминали меня, как члена вредительской организации, мне устроили очную ставку с В.Д. При этом он чувствовал себя очень неважно, старался не смотреть в глаза, а только неоднократно говорил мне: «По-дружески советую Вам, Федор Алексеевич, писать».

Так как очная ставка не изменила моего поведения при дальнейших допросах, и я отказывался писать, нажим на меня усилился. Сказали, что я своим упорством погублю не только себя, а и всю семью. Для большей убедительности инсценировали арест моей жены. В этот трудный для меня период я как-то услышал разговор дежурного по [Лубянской] тюрьме в коридоре с В.Д. Из разговора я понял, что В.Д. предоставлены какие-то льготы. Дежурный относился к нему довольно предупредительно, даже по просьбе В.Д. оставлял иногда открытой дверь его камеры для проветривания. Ох, как ненавижу я в то время В.Д.!

Но вот однажды я решил выглянуть в коридор через небольшое отверстие в каменной стене для освещения моей одиночной камеры. Отверстие было на высоте немного выше моей головы, и я встал на койку. Как раз в этот момент к такому же отверстию в камере напротив моей подошел В.Д. При его высоком росте ему не нужно было вставать на койку. Он быстро знаками объяснил, что хочет мне что-то показать. Через минуту-две он поднес к отверстию серую бумагу, на которой было написано [крупными буквами] примерно следующее: «Не сердитесь на меня. Я желаю Вам только добра. Поверьте, что я очень долго держался и начал писать лишь после того, как убедился в том, что [чекисты] пойдут на всё – вплоть до физического уничтожения».

Написано было в два приема, так как пришлось выводить буквы очень крупно, чтобы я мог прочитать. Когда В.Д. по выражению моего лица понял, что я изменил к нему свое отношение, он, опять же через письменные вопросы, узнал от меня, что я давно не получаю передач, и предложил кое-чем подкормить меня. <...>

<...> От нее же [(от падчерицы В.Д. Кирпичникова Люции Карловны Краузе)] я узнал, что в конце 1930 г. [жену В.Д. Кирпичникова] Люцию Ивановну продержали около десяти дней на Лубянке, причем В.Д. показывали, как ее водили на допрос с конвойным и как она на допросе плакала. Это был один из приемов заставить В.Д. писать про себя, как про вредителя. Рассказала она и о том, что вскоре после смерти Л.И., которую она переживала столь тяжело, что никто при ней не считал возможным упоминать об умершей, за ней приехал следователь и привез ее на Лубянку. Там предложили ей сообщить В.Д. о смерти Л.И. Она отказалась, и на нее произвели сильнейший нажим. С ней сделался сильнейший припадок. Все очень перепугались, и ее отнесли в закрытую машину и в бессознательном состоянии внесли в квартиру, где она очнулась только через несколько часов.

Монкгауз. Я хочу, чтобы Кутузова сказала о том, как через консульство были переданы деньги (не слышно).

Кутузова. Я такого показания не давала.

Монкгауз. Этот документ, это показание, где она подписала, получила деньги от английского консульства, можно показать?

Кутузова. Я такого показания не давала.

Вышинский. Если бы гражданка Кутузова когда-нибудь и дала такое показание, касающееся действий какого-либо из официальных учреждений какого-нибудь иностранного государства, пребывающего на нашей территории, этот документ не может быть оглашен на открытом заседании. Поэтому я категорически возражаю против оглашения такого рода документов.

Председатель. Совершенно правильно. Вопросов больше к Кутузовой нет? (таковых нет.) Подсудимый Грегори! Подсудимый Грегори, займите ваше место. Ваша биография?

Грегори (перевод). Я кончил среднюю школу. Пошел на работу в электропромышленность, затем работал у различных фирм в Англии. Дальше работал в немецкой фирме в Англии. Работал в этой фирме, когда началась война. Поехал в Северную Шотландию. Затем поступил на государственный завод, работающий на оборону, и после этого поступил на заводы «Метро-Виккерс». Работал на этих заводах с тех пор.

Председатель. С какого года?

Грегори (перевод). С 1920-го или 1921 года. Приехал в Москву 16 июля 1932 г. Один день пробыл в Москве и затем поехал на Днепрострой. Оставался на Днепрострое до 3 сентября прошлого года. После чего поехал в Дзержинск. С самого начала должен был поехать в Дзержинск, но оказалось, что необходим monter для Днепростроя, и поехал туда. В Днепрострое работал на сборке масляных выключателей. Затем поехал в Каменск, где работал на сборке прокатного стана.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы?

Рогинский. Да. (К Грегори.) Вы слышали показания Зиверта о том, что вы допускали саботаж в работе?

Грегори (перевод). Я не придаю никакого значения этим показаниям.

Вышинский. Эти показания не верны?

Грегори (перевод). Я считаю, что поскольку вы его сами отвергли на его собственных показаниях, то и я отвергаю. Это есть суд справедливости. Если вы сами отвергаете обвинение, то и я должен так делать.

Вышинский. Он утверждает, что работал добросовестно?

Грегори (перевод). Я этот вопрос поставил перед экспертизой вчера.

Вышинский. А как он сам считает?

Грегори (перевод). Я безусловно работал добросовестно. С этой целью приехал в Россию.

Председатель. У защиты есть вопросы? (Нет.) У подсудимых есть вопросы? (Нет.)

Вышинский. У меня есть заявление по поводу представленных документов. Вчера было возбуждено ходатайство, но не было вынесено определение Верховного суда, хотя заключение было мною дано.

Второе – сегодня представлены два документа. Один из них является письмом, очевидно подлинным, доставленным из материалов конторы «Метро-Виккерс» за подписью Олейника. Прежде чем сказать что-нибудь об этом, я просил бы разрешить предъявить Олейнику письмо и удостовериться – его эта подпись или нет. В зависимости от этого я дам заключение (предъявляется письмо Олейнику).

Олейник. Да, это мое письмо.

Вышинский. Передайте пожалуйста суду. Ввиду того, что Олейник подтверждает свою подпись и нет оснований сомневаться в подлинности этого документа, я против него не возражаю.

Второй документ, представленный защитником Торнтон, содержит в себе два листа, написанных на пишущей машинке, начинается словами: «Испытания штеровских турбин, Штеровка Олейнику». Но этот документ не только никем не заверен, но и никем не подписан, и уже в силу этого, а не в силу каких-то формальных соображений он не может иметь никакой доказательной силы, и поэтому против приобщения этого документа прокуратура возражает.

Коммодов. Я должен сказать, что я оговорился, что он не заверен. Подписать этот документ, который написан Монкгаузом, он может и сейчас.

Вышинский. Он напечатан на машинке.

Коммодов. Это письмо есть ответ на то письмо.

Вышинский. Не знаю, на чье письмо?

Коммодов. Я говорил это.

Вышинский. Вы не свидетель.

У меня есть еще заявление следующего рода. Во-первых, к концу сегодняшнего заседания, до перерыва, Монкгауз между прочим так слегка, как будто нечаянно, сказавши о своей усталости, сослался на 18-часовой допрос. Не придавая этому серьезного политического значения, но однако считаясь; с возможностью использования этого мотива для организованных попыток дискредитировать некоторые действия предварительного следствия, а что эти попытки имели место, показывает дальнейшее поведение Торнтон, о котором я конечно до перерыва знать не мог, я затребовал из внутреннего изолятора ОГПУ дела арестованных, содержащие в себе, во-первых, ордер на арест и направление для заключения в изолятор арестованных. И за сим бланки, на которых содержатся не только даты, но также часы по установленной форме выбытия на допрос и прибытия с допроса каждого выводимого из камеры изолятора в следственную часть.

Из рассмотрения этого материала, который я буду иметь честь представить суду и просить приобщить его к делу до момента исчезновения надобности и необходимости в нем, так как это должно быть возвращено по назначению, я должен обратить внимание на то, что заявление Монкгауза сегодня о 18-часовом допросе является ложным заявлением, точно так же, как заявление Торнтон о длительном допросе, в результате которого охватило его особая усталость, также является ложным. Доказательством чего служит следующее: Монкгауз был арестован в ночь с 11-го на 12 [марта], в 3 часа 15 минут доставлен уже в изолятор. Вызван был на допрос 12-го в 11 часов 15 минут утра. Следовательно имел полную возможность для отдыха. Допрос длился до 15 часов 15 минут, после чего был перерыв на обед, который был тут же в комнате следователя предоставлен подсудимому Монкгаузу и который занял у него весьма продолжительное время, ибо состоял из 3 блюд. Снова допрос был возобновлен в 17 часов 10 минут. Прекратился в 1 час 10 минут. В течение этого допроса был также перерыв в 40-45 минут для ужина, там же в кабинете следователя. Эти факты отрицать Монкгауз не посмеет.

Кроме того в это время Монкгауз не только был допрошен за этот период часов, но его допрос был им собственноручно переведен на английский язык, после того, как он предварительно был следователем написан на русском языке. То есть проходила за этот период времени тройная процедура: допрос на русском языке, запись на русском языке и перевод Монкгаузом этого допроса на английский язык. На все это понадобилось время, которое исчисляется в максимальный день допроса в 12 часов 30 минут с указанными мною перерывами.

Я полагаю, что этих данных достаточно, для того, чтобы отбросить эту совершенно негодную попытку с ссылками на всякого рода ненормальные условия допроса, дискредитировать этот допрос, как и отдельные моменты предварительного следствия, не говоря уже о том, что всегда была возможность конкретно об этом заявить, чтобы можно было путем прямого расследования установить факты, которые могли бы противоречить объяснениям, представляемым мною сейчас суду.

Что касается Торнтона, то поскольку я вытребовал все дело для того, чтобы быть достаточно вооруженным и встретить в этом вооружении всякие заявления, которые могут здесь последовать после попытки Монкгауза допустить такую вылазку, то и здесь дело обстоит также неблагоприятно для заявления обвиняемых. Торнтон был, как видно из его дела за № 597, арестован и доставлен во внутренний изолятор в то же время. Первый допрос его происходил так же 12 марта в 11 часов 45 минут. Занял 4 часа 15 минут. Второй допрос в 17 часов вечера и окончился в 1 час ночи, то есть 7 часов 55 минут, то есть занял 12 часов.

Это максимальное время допроса, которое имело вообще место, со всеми перерывами на обед, на ужин, на завтрак, на путь, который необходимо пройти от изолятора в кабинет следователя и из кабинета следователя обратно в изолятор, пройдя известное пространство, требующее 8-10 минут хода. Все эти данные свидетельствуют о том, что организованная попытка подсудимых и Торнтона и Монкгауза таким путем попытаться уйти от улик, предъявляемых к ним, это попытка должна быть отвергнута как недобросовестная, как опровергаемая всеми имеющимися данными.

Я прошу суд приобщить эти дела к делу настоящего рассмотрения с тем, чтобы по миновании надобности они были возвращены по назначению (передает дела председателю).

Председатель. Защита не возражает?

Коммодов. Не возражает.

Монкгауз. Можно по этому вопросу?

Председатель. Пожалуйста.

Монкгауз. Я не хочу отрицать точных цифр, которые были представлены прокурором, потому что, когда я был во внутреннем изоляторе, то у меня не было часов, поэтому я не знал, сколько точно был на допросе, а в показаниях есть некоторая неправильность. Во-первых, он показал, что допрос был записан на русском языке, а потом переведен на английский язык. Это было совсем не так.

Вышинский. А как?

Монкгауз. Только на английском языке.

Вышинский. По моим сведениям так было написано на русском языке, а потом было переведено.

Монкгауз. Было неправильно.

Вышинский. С вами на русском языке разговаривали, а потом перевели на английский. Правильно?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. Я эту поправку принимаю. Затем если у вас не было часов, то почему вы утверждаете, что вас допрашивали 18 часов?

Монкгауз. Очень просто. Когда я шел из камеры, то я предполагал, что время 8 часов, а когда я вернулся в камеру ночью и спросил молодого офицера, то он сказал, что около 2 часов.

Вышинский. А вы посчитайте и выйдет не 18.

Монкгауз. Я вижу, что я ошибся и приношу свои извинения.

Вышинский. Вы извиняетесь за свою ошибку – это очень приятно слышать.

Председатель. У защиты есть какие-нибудь ходатайства о приобщении документов, чтобы рассмотреть сразу?

Коммодов. Монкгауз просил приобщить 4 документа, характеризующие его отношения к Советскому союзу в качестве уполномоченного фирмы. Это подлинник на английском языке и есть газеты на русском языке. Я просил бы их посмотреть.

Председатель. Кто-нибудь из сторон будет задавать вопросы к экспертизе? У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Обвинение считает, что вопросы, которые подвергались здесь рассмотрению, они достаточно обследованы и без специального опроса Экспертной комиссии, поэтому у нас нет никакой необходимости в этом.

Председатель. Какие есть соображения у защиты? Зададите ли вы вопросы Экспертной комиссии?

Брауде. Разрешите спросить у обвиняемых (спрашивает у Торнтон). Со стороны Торнтон возражений не встречается.

Долматовский. Подсудимый Нордволл желает задать несколько вопросов.

Коммодов. Монкгауз желает задать несколько вопросов экспертизе.

Председатель. Значит желают задать вопросы Монкгауз и Нордволл. Остальные подсудимые не желают?

Защита. Нет.

Вышинский. Согласно закону эти вопросы к экспертизе со стороны подсудимых должны быть представлены в письменной форме. Экспертиза обсудит и даст ответ.

Председатель. Да. Сумеем ли мы закончить сегодня судебное следствие?

Вышинский. Мы сегодня не сумеем закончить судебное следствие.

Председатель. Формально не сумеем, но ориентировочно можем наметить дальнейший ход работы. У подсудимых вопросы заготовлены?

Защита. Нет.

Председатель. Может быть устроим небольшой перерыв, чтобы разрешить вопрос о приобщении ряда документов.

Вышинский. Если в перерыве защита сумеет организовать вопросы подсудимых в письменной форме.

(Объявляется перерыв на 15 мин.)

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Долматовский. Нордволл отказывается от дачи вопросов экспертизе. У меня здесь имеются 3 характеристики Нордволла, которые я прошу суд приобщить к делу. Затем сообщение в газету «За индустриализацию» от 24 января по поводу Грегори и ударная грамота.

Коммодов. Я получил список вопросов от Монкгауза, но поскольку они были написаны в качестве отдельных замечаний, мне пришлось их срочно переписать. Позвольте их или перепечатать на машинке, или огласить в том виде, как я их записал.

Монкгауз предлагает следующие вопросы экспертизе:

1) Страница 30 обвинительного заключения: «Мог ли кусок металла под клапаном пройти к турбине, поскольку на паровой коробке имеется сетка».

2) Страница 31 обвинительного заключения. «Может ли вызвать причину течи лака при условии, что все статоры обмотаны на заводе».

Вышинский. Виноват, «может ли вызвать причину течи лака», как это понять, ведь это совершенно неотредактированная фраза.

Коммодов. Здесь подразумевается – может ли монтаж быть причиной течи лака, если все статоры обмотаны.

Всего 23 вопроса. Я из них сделал 6 вопросов. Я обращаюсь с просьбой к суду – позвольте мне их отредактировать и отпечатать, или быть может мы перенесем на утреннее заседание это дело и передадим тогда вопросы, уже окончательно отредактированные экспертизе утром.

Председатель. Каково мнение прокуратуры по этому поводу?

Вышинский. Я думаю, единственный выход – отложить предъявление вопросов экспертизе до завтрашнего утра.

Шварц. Быть может мы устроим перерыв минут на 15-20, с тем, чтобы защитник Коммодов мог вручить отредактированные вопросы экспертизе, а завтра утром заслушаем мнение экспертизы.

Председатель. Специальное присутствие постановляет объявить перерыв до 10 часов утра завтрашнего дня.

(Вечернее заседание закрывается в 20 часов 35 минут).

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 16 апреля 1933 г. 10 час. 30 мин.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается.

Заслушав ходатайство сторон о приобщении к делу ряда документов, Специальное присутствие вынесло следующее определение: ходатайство защиты о приобщении к делу блокнота конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» от 1928 г. к делу не приобщать, ибо эти документы в этом блокноте никем не подписаны. Что касается остальных ходатайств как прокуратуры о приобщении к делу ряда справок, а также личных дел отдельных осужденных в связи с нахождением в заключении, равным образом ходатайство защиты о приобщении остальных документов – ходатайства удовлетворить.

Какие имеются вопросы к экспертизе у защиты?

Коммодов. Позвольте огласить.

Председатель. Пожалуйста.

Коммодов. Вопросы, предлагаемые подсудимым Монкгаузом:

1. Мог ли кусок металла, найденный под клапаном, пройти в турбину, поскольку на паровой коробке имеется предохранительная сетка.

2. Могло ли качество монтажа при установке генератора быть причиной вытекания лака из статора, поскольку обмотка статора производится на заводе и статор присылается готовым.

3. Считает ли экспертиза нагревание генератора на Челябинской электростанции нормальным и отвечающим техническим нормам, если принять во внимание исследование, проведенное ВЭИ.

4. Считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали при испытании гарантированный фирмой расход пара.

5. Считает ли экспертиза, что меры, принятые персоналом фирмы для устранения дефектов облопачивания, являются достаточными.

6. Известно ли экспертной комиссии, что предохранительное устройство регенеративного подогревателя к турбинам «Метро-Виккерс» применяется на зарубежных станциях и работает удовлетворительно.

7. Можно ли считать повреждение значительным, если регулятор напряжения на второй и трансформаторной группе 1-й МГЭС через 8 часов после аварии был введен в работу.

8. Отвечают ли представители фирмы, производящие монтаж турбогенератора, за состояние сливного канала на Орехово-Зуевской станции.

9. Можно ли считать представителей фирмы «Метро-Виккерс» ответственными за плохое состояние изоляции в выводе роторов генераторов на 1-й МГЭС, если принять во внимание, что все электрические соединения произведены русскими и из русских материалов.

10. Известно ли комиссии, что хауз-турбина № 17 на 1-й МГЭС не является машиной поставки фирмы «Метро-Виккерс».

Вот все 10 вопросов.

Председатель. У защиты есть еще ходатайства?

Либсон. Для уточнения социального происхождения Котляревского ходатайствую о приобщении к делу документа, свидетельствующего о происхождении отца Котляревского.

Председатель. У других защитников есть ходатайства?

Защита. Нет.

Председатель. У подсудимых есть ходатайства?

Подсудимые. Нет.

Председатель. Вопросов тоже нет ни к кому? У других защитников вопросов к экспертизе нет?

Защита. Нет.

Председатель. Сколько потребуется времени экспертизе для того, чтобы дать заключение?

Экспертиза. Это зависит от вопросов. Если ответить на все вопросы, которые здесь заслушаны, то придется получить некоторый дополнительный материал и это будет нам лимитировать время на ответ.

Вышинский. На разрешение экспертной комиссии поставлено 10 вопросов. Прокуратура не возражает против рассмотрения экспертизой и дачи ответов по 8 вопросам. В отношении двух вопросов обвинение возражает по следующим соображениям: п. 8 «отвечают ли представители фирмы, производящие монтаж турбогенератора, за состояние сливного канала на Орехово-Зуевской станции» (стр. 52). Во-первых, здесь опять-таки неточность редакционная – очевидно не производящие, а производившие, потому что сейчас, в данное время, какой монтаж производится представителями фирмы, мы не обсуждаем. Если производившие, то тогда надо сказать какой монтаж, где, когда, в какой период времени. Здесь имеется ссылка на обвинительное заключение, лист 52. Там о представителях фирмы как раз не говорится, а кроме того самое основное – мы вообще представителей фирмы, как и самую фирму здесь не судим.

Коммодов. Я имею в виду отдельных представителей.

Вышинский. Защитник Коммодов нарушает процессуальный порядок – отвечают отдельные лица из фирмы, производящие монтаж и т.д. По соображениям, которые я имел честь доложить суду, обвинение возражает против ответа на 8 пункт.

Пункт 9. «Можно ли считать представителей фирмы «Метро-Виккерс» ответственными за плохое состояние изоляции в выводах роторов генераторов на 1-й МГЭС, если принять во внимание, что все электрические соединения произведены русскими и из русских материалов» (стр. 53). Здесь содержится два факта, на которые нужно обратить внимание, во-первых, невозможно ставить вопрос условным порядком, не проверивши предварительно фактов. «Если это оборудование поставлено русской фирмой»... и т. д. Нужно установить, какое это оборудование и кем оно установлено. Второе, на стр. 53 обвинительного заключения по поводу этих фактов говорится буквально следующее: «Плохое состояние изоляции в выводах роторов генераторов систематически приводит к остановке генераторов».

Следовательно этот вопрос не повторяется и не идентичен тому вопросу, который в виде определенного тезиса выставляется в обвинительном заключении. Ибо говорится не кто ответственен и ответственны ли представители фирмы «Метро-Виккерс», а констатируется факт, который установлен актом экспертной комиссии и поэтому необходимо ознакомление с делом, где содержится обследование акта и говорится об аварии.

По этим соображениям по пункту 9-му обвинение представляет свои возражения.

Коммодов. Это все общие замечания. Я нигде намеренно не говорил о фирме, как таковой. Я говорил об отдельных представителях, которые судятся по настоящему делу.

Вышинский. Представители не судятся, судятся граждане.

Коммодов. Но по своему официальному положению они являлись представителями, особенно Монкгауз. Я понимаю, что отдельные представители не могут компрометировать всей фирмы. Это совершенно ясно. Поэтому я не говорил о фирме, как таковой.

Что касается вопроса 8-го, то, как выяснилось на судебном следствии, состояние сливного канала в значительной степени зависело от строительных работ. Вот почему это давало мне основание поддержать ходатайство подсудимого Монкгауза о постановке этого вопроса. Экспертизе вопрос этот понятен. Редакционные погрешности или неправильная перепечатка на машинке не изменяют общего характера вопроса. Он ясен и понятен и по этому вопросу был материал на судебном следствии, поэтому мне казалось бы, что такой вопрос поставить возможно.

Что касается вопроса 9-го, то если он поставлен в условной форме, то предполагается, что у экспертизы имеется материал по этому вопросу и они знают или могут узнать по материалам, чья была эта установка. Поэтому я думаю, что можно было бы удовлетворить в данном случае ходатайство подсудимого Монкгауза и поставить на разрешение экспертной комиссии все 10 вопросов.

Дмитриев (член суда). Подсудимый Монкгауз, вы задаете такой вопрос: «Считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали при испытании гарантированный фирмой расход пара». Испытания этих турбогенераторов были произведены?

Монкгауз. Да.

Дмитриев. И данные об этих испытаниях имеются?

Монкгауз. Да.

Дмитриев. Подсудимый Монкгауз, по 4-му вопросу суд желает знать, на какую часть обвинительного акта вы ссылаетесь, задавая подобный вопрос, т.е. «считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали при испытании гарантированный фирмой расход пара.

Монкгауз. Это на стр. 39.

Дмитриев. Пожалуйста, прочтите.

Монкгауз (читает). «Работа агрегатов при расстроенном регулировании, заключает экспертная комиссия, может привести либо к серьезным авариям, либо увеличить их...».

Дмитриев. Но это идет под заголовком, который говорит: «Наличие ненадежного регулирования турбины, которое с момента пуска не выдержало гарантии и не обеспечило нормальной эксплуатации», т. е. не турбина не выдержала гарантий на расход пара, а не выдержаны гарантии регулирования. Вы понимаете гарантию регулирования очевидно как гарантию на зависимость расхода пара от нагрузки?

Монкгауз. Может быть это немножко неправильно сформулировано, потому что при испытании на расход пара одновременно мы испытываем регулировку со всех сторон.

Дмитриев. Как бы вы желали изменить редакцию?

Монкгауз. Можно так оставить или можно просто так сказать: выдержан ли гарантированный расход пара.

Дмитриев. Если оставить в такой редакции, будет ли это верно? Точнее будет сказать «считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали испытание на регулирование», ибо в обвинительном заключении идет разговор только о регулировании.

Монкгауз. Я должен объяснить, почему это так. По-английски «консомпшон тест» [[«consumption test»](#)] есть испытание расхода пара. Поэтому получилось недоразумение в формулировке.

Дмитриев. Вы не возражаете против такой формулировки?

Монкгауз. Можно.

Председатель. Суд задает следующие вопросы экспертизе:

1. Мог ли кусок металла, найденный под клапаном, пройти в турбину, поскольку на паровой коробке имеется предохранительная сетка (стр. 30).

2. Могло ли качество монтажа при установке генератора быть причиной вытекания лака из статора, поскольку обмотка статора производится на заводе и статор присылается готовым (стр. 31).

3. Считает ли экспертиза нагревание генератора на Челябинской электростанции нормальным и отвечающим техническим нормам, если принять во внимание исследование, проведенное ВЭИ (стр. 31).

4. Считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэс, выдержали испытания на регулирование (стр. 39).

5. Считает ли экспертиза, что меры, принятые персоналом фирмы для устранения дефектов облопачивания, являются достаточными (стр. 39).

6. Известно ли экспертной комиссии, что предохранительное устройство регенеративного подогревателя к турбинам «Метро-Виккерс», применяется на заграничных станциях и работает удовлетворительно (стр. 41).

7. Можно ли считать повреждение значительным, если регулятор напряжения на второй трансформаторной группе 1-й МГЭС через 8 часов после аварии был введен в работу (стр. 50).

8. Известно ли комиссии, что хауз-турбина № 17 на 1-й МГЭС не является машиной поставки фирмы «Метро-Виккерс» (стр. 53).

что касается [\[исходных\]](#) 8-го и 9-го вопросов, то эти вопросы снимаются, поскольку суд не обвиняет фирму и не обвиняет отдельных представителей фирмы, а обвиняет отдельных граждан советских и английских в отношении конкретных действий, предусмотренных нашим Уголовным кодексом. Какой перерыв потребуется экспертизе?

Экспертиза. По всем вопросам, кроме 3-го и 4-го, ответы могут быть, сформулированы и переданы суду через час. По вопросам 3 и 4, ввиду того, что в деле не имеется протокола испытания ни генератора, ни турбин, ответ может быть дан нами через час по получении материалов.

Председатель. Откуда должны быть получены материалы?

Экспертиза. Из Оргэнерго и ВЭИ.

Вышинский. Может быть сразу следует запросить и Главэнерго?

Экспертиза. Через час по получении материалов ответ может быть дан.

Председатель. Чтобы не затягивать этим судебной процедуры сегодня, если нет дополнительных вопросов, то суд, предлагает, не объявляя следствия законченным, устроить перерыв до 7 часов вечера. После этого заслушать заключение экспертизы и после маленького перерыва приступить к прениям сторон часов в 8.

Вышинский. С моей стороны возражений нет.

Коммодов. Нам было бы желательно иметь перерыв до завтрашнего утра, чтобы подготовиться.

Председатель. Больше дополнительных вопросов к подсудимым ни у кого нет?

Вышинский. У меня нет.

Шварц. У меня есть один вопрос к Зорину. Подсудимый Зорин, вы объясняли суду, что Торнтон дал вам предложение вступить и приобщиться к контрреволюционной организации во время последней пятой встречи. Подтверждаете?

Зорин. Да.

Шварц. Она состоялась в ноябре 1932 г.?

Зорин. Да.

Шварц. Когда вы получили от него 1 000 рублей?

Зорин. В эту же встречу.

Шварц. То есть?

Зорин. То есть около середины ноября.

Шварц. Когда вы ушли в отпуск в 1932 г.?

Зорин. 27 декабря.

Шварц. Вернулись?

Зорин. Не вернулся, был арестован.

Шварц. Не вернулись из отпуска и были арестованы. Позвольте задать последний вопрос. Эта тысяча рублей была передана за конкретную вредительскую работу, уже произведенную или за будущую?

Зорин. За будущую.

Шварц. Одну тысячу рублей вы получили за будущую вредительскую работу. Вы успели ее осуществить?

Зорин. Нет.

Шварц. Это вопрос о связи. Торнтон еще не вернулся?

Зорин. Нет.

Шварц. Значит после отъезда вы его не видели?

Зорин. Нет.

Председатель. Больше вопросов нет?

Вышинский. Не имеется.

Председатель. Объявляю перерыв до 7 часов.

Заседание Специального присутствия закрывается в 11 час. 10 мин.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 16 апреля 1933 г. 19 час.

Комендант. Суд идет. Прошу встать.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание возобновляется. У экспертизы имеется заключение?

Экспертиза. Есть протокол.

Председатель. Огласите пожалуйста.

Голубцов. Экспертной комиссии было предложено 8 вопросов, по которым она сделала следующее заключение:

Вопрос 1. Мог ли кусок металла, найденный под клапаном, пройти в турбину, поскольку на паровой коробке имеется предохранительная сетка? (Стр. 30.)

Ответ. Комиссия считает, что при наиболее неблагоприятных условиях является возможным, что куски металла, найденные под клапаном и перед сеткой, под влиянием проходящей струи пара со временем могли бы частично разрушить сетку и проникнуть в турбину.

Однако комиссия считает, что главная опасность от попадания железа под клапан заключалась в том, что железо не давало возможности полного закрытия стопорного клапана. В случае отказа от работы главного регулирования при сбросе нагрузки (что не является необычным для турбины «Метро-Виккерс») разгон машины должен быть предотвращен закрытием стопорного клапана. Невозможность его закрытия из-за попадания куска железа могла поэтому служить причиной большого разгона турбины и даже аварии.

Вопрос 2. Могло ли качество монтажа при установке генератора быть причиной вытекания лака из статора, поскольку обмотка статора производится на заводе и статор присылается готовым?

Ответ. Качество монтажа генератора при условии присылки его завода готовым не является причиной вытекания лака. Однако ошибки в монтаже и установке охлаждения генератора и в аппаратуре, связанной с охлаждением, могут повысить температуру обмотки статора, благодаря чему вытекание лака усилится.

Вопрос 3. Считает ли экспертиза нагревание генератора на Челябинской электростанции нормальным и отвечающим техническим нормам, если принять во внимание исследование, произведенное в ВЭИ (Стр. 31.)

Ответ. По договору Аркоса с фирмой «Метро-Виккерс» в отношении генератора для Челябинской станции максимальное увеличение температуры сверх температуры окружающего воздуха в 35° , при максимальной длительной нагрузке в 24 000 киловатт (30 000 киловольт-ампер) не должно превосходить: для обмотки статора, при измерении термометром, 50° Цельсия, а при определении по методу сопротивления – 80° Цельсия (для обмотки ротора при определении по сопротивлению в 80° Цельсия).

При испытании генератора № 2 на Челябингрэсе, произведенном ВЭИ с 11 по 27 июля 1932 г., было установлено, что в отношении нагревания меди ротора и железа статора генератор удовлетворяет нормам СГЭ, но в отношении нагрева меди статора генератор не удовлетворяет техническим условиям договора, так как по ртутному термометру на лобовых частях статора повышение температуры, вместо допустимых по договору 50° , достигало 60° при силе тока статора в 1 541 ампер. Следовательно, при номинальном токе статора в 1 578 ампер превышение температуры было бы еще больше.

Вопрос 4. Считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали испытание в части регулирования? (Стр. 39 обвинительного заключения.)

Ответ. На основании рассмотренных материалов, представленных в распоряжение экспертной комиссии, последняя устанавливает:

1) По договору изменение числа оборота при мгновенном сбросе от полной нагрузки до нуля не должно превышать плюс 5% (и плюс 3% при установившемся режиме).

2) При мгновенном сбрасывании или изменении 25% от полной нагрузки число оборотов не должно превышать плюс 5% и плюс 2% при установившемся режиме.

3) 22 октября 1931 г. (см. акт от 12 ноября 1931 г.) представитель Ивгрэс в присутствии представителя фирмы [«Метро-Виккерс»] Шепли произвели испытание регулирования турбины № 2 на сброс нагрузки, при этом во всех случаях число оборотов повышалось до, приблизительно, 3 300 оборотов в минуту и регулятор безопасности приходил в действие.

4) На техническом совещании 11 декабря 1931 г. в присутствии представителя фирмы Торнтон были отмечены следующие дефекты регулирования турбин:

а) необходимость ручного регулирования обходным вентилем на паропроводе при холостом ходе для поддержания постоянного числа оборотов;

б) повышение числа оборотов свыше 5% при частичном сбросе нагрузки (10-15 тыс. киловатт) и выключение при этом машины автоматом безопасности.

5) В отчете об испытании турбины № 1 и 2, произведенных Оргэнерго в январе 1932 г., относительно регулирования турбин указано:

а) при сбросе 17 100 киловатт на турбине № 1 сработал автомат безопасности. Увеличение числа оборотов в этом опыте составило 7%;

б) при пробе скоростного автомата на той же машине искусственным повышением числа оборотов путем подтягивания муфты регулятор[а] автомат безопасности подействовал при повышении числа оборотов на 9½%»;

в) на турбине № 2 при сбросе 16 000 квт было повышение числа оборотов на 7%;

г) при сбросе 11 600 киловатт у этой же турбины число оборотов возросло на 6%.

Изменения повышения числа оборотов как при сбросе нагрузки, так и при испытании автомата безопасности производились при помощи предварительно выверенного тахограмма [(тахометра)] (тахогаммы этих испытаний имеются в материалах).

На основании указанного экспертиза констатирует неудовлетворительную работу регулирования обеих машин и считает, что «гарантии в отношении регулирования не выдержаны».

Вопрос 5. Считает ли экспертиза, что меры, принятые персоналом фирмы для устранения дефектов облопачивания являются достаточными? (Стр. 39 обвинительного заключения.)

Ответ. На основании рассмотренных актов и материалов, фиксирующих поломки облопачивания турбин на Ивгрэсе и на других станциях, а также на основании просмотра материалов конструктивного и расчетного характера, комиссия приходит к заключению, что меры, принимавшиеся для устранения этих дефектов, были недостаточны. Конструкция лопаток ненадежна, так как лопатки слабы, имеют чрезмерное напряжение от паровой нагрузки и ломаются вследствие усталости металла при резонансных вибрациях. Введение скрепляющей проволоки является лишь паллиативной мерой, направленной к улучшению условий работы лопаток за счет предотвращения резонанса одного из типов тангенциальных колебаний лопаток (т.е. одного определенного порядка тангенциальных колебаний).

Имея в виду также возможные резонансы аксиальных колебаний, чрезмерное напряжение лопаток в данных конструкциях при аксиальных вибрациях и ничтожное влияние проволоки на аксиальные вибрации, следует признать установку лопаток с проволочными бандажами равно как и установку новых лопаток той же конструкции взамен сломанных (что практиковалось по несколько раз) мерой недостаточной.

Действительной мерой комиссия считала бы радикальную переделку конструкции облопачивания в сторону значительного снижения напряжения рабочих лопаток, чтобы избежать усталости металла при имеющихся вибрациях турбинных лопаток.

Вопрос 6. Известно ли экспертной комиссии, что предохранительное устройство регенеративного подогревателя к турбинам «Метро-Виккерс» применяется на заграничных станциях и работает удовлетворительно? (Стр. 41 обвинительного заключения).

Ответ. Экспертиза не располагает документами, подтверждающими надежную и безупречную работу предохранительной аппаратуры подогревателей турбин «Метро-Виккерс» на заграничных станциях. Однако имеющиеся материалы о работе защитной аппаратуры подогревателя № 3 турбин 24 000 киловатт свидетельствуют о случаях отказа от работы аппаратов при наполнении подогревателей водой (поплавок аппарата заполнялся водой и не работал). Это обстоятельство говорит о ненадежности работы предохранительной аппаратуры на Ивгрэсе.

Вопрос 7. Можно ли считать повреждение значительным, если регулятор напряжения на второй трансформаторной группе 1-й МГЭС через 8 часов после аварии был введен в работу?

Ответ. При аварии с регулятором второй трансформаторной группы на 1-й МГЭС 40 000 ква, происшедшей 1 октября 1932 г. (справка Мосэнерго от 16 апреля 1933 г.), были повреждены четыре втулки переключательного масляника, контакты переключателя и контакты масляного выключателя. Трансформатор был снабжен временной защитой транслей. Релэ были сильно затянуты и при аварии с трансформатором защита не сработала, и генератор, от которого производилось испытание, был выключен от руки.*

Экспертиза устанавливает:

- 1) повреждение оборудования при аварии не приняло больших размеров;
- 2) выход из работы трансформаторной группы продолжался порядка 8 часов;
- 3) часть поврежденного оборудования была заменена из имеющегося на станции запасного фонда, часть же, ввиду отсутствия запасных частей, после зачистки и ремонта была поставлена обратно на свое место.

Однако экспертиза считает:

- 1) выход из работы такого крупного агрегата, как трансформаторная группа 40 000 ква, даже на несколько часов может вызывать большие расстройства в электроснабжении;
- 2) если бы трансформаторная группа при ее пробном включении не была поднята от нуля от отдельного генератора, а была бы непосредственно поставлена под нагрузку, то в этом случае размер аварии был бы значительно больше и повреждения оборудования гораздо серьезнее, что вывело бы трансформаторную группу из работы на значительный срок.

Вопрос 8. Известно ли комиссии, что хаус-турбина № 17 на 1-й МГЭС не является машиной поставки фирмы «Метро-Виккерс». (Стр. 53 обвинительного заключения.)

Ответ. Экспертизе известно, что хаус-турбина № 17 1-й МГЭС не является машиной поставки и фирмы «Метро-Виккерс».

Члены экспертной комиссии: Голубцов, Браилов, Новиков, Улатов, Снетков, Смирнов.

Председатель. Имеются ли вопросы у защиты?

Защита. Нет.

Председатель. Имеются ли вопросы у прокуратуры?

Рогинский. Нет.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, имеются ли у вас вопросы к экспертной комиссии?

Монкгауз. Вопросов у меня нет, но я считаю, что это не совсем здесь все правильно: есть некоторые пункты, по которым можно спорить... Я думаю, что можно было бы поспорить с этой комиссией, но не место здесь для спора. Если были такие места, где мы не выдерживали гарантии, если такие случаи были – это нужно было сообщить нашей фирме через Электроимпорт и Аркос. Я думаю, что в этом решении можно поспорить.

Рогинский. Я плохо слышу Монкгауза.

Председатель. Подсудимый Монкгауз говорит, что есть некоторые пункты заключения экспертной комиссии которые можно оспаривать.

Рогинский. Я полагаю, что если подсудимый Монкгауз имеет основания опровергать те или иные утверждения, которые вынесены экспертизой, то нужно сделать сейчас на этом заседании, причем это опровержение должно касаться конкретных фактов, вменяемых в вину Монкгаузу.

* Для защиты линий и трансформаторов от электрических повреждений значительное распространение на практике в 1930-е годы получили трансформаторные релэ (транслей). Подобная дифференциальная защита является высококачественной по своим параметрам селективности, чувствительности и скорости срабатывания. Вследствие использования в трансформаторном релэ (транслей) системы Феррариса защита эта малочувствительна к емкостным (линии) и индуктивным (трансформаторы) токам небаланса при сквозных коротких замыканиях, что расширяет ее применение для предельных случаев.

Мы здесь неоднократно указывали и суд это подтверждал, что вопросы, связанные с доставкой оборудования фирмой, вообще не являются предметом рассмотрения судебного заседания. Мы здесь рассматриваем исключительно и только конкретные факты преступления, предъявленные отдельным подсудимым, сидящим на скамье подсудимых. И с этой только точки зрения и может рассматриваться заключение экспертной комиссии.

Монкгауз. Если с этой точки зрения нужно рассматривать решения экспертной комиссии, тогда у меня нет больше вопросов, потому что я думаю, вы согласны, что в большинстве ответы, которые экспертиза дала, указывают на дефекты, которые ни в коем случае не могут быть отнесены к подсудимым.

Рогинский. Это – вопросы оценки фактов, которая будет дана здесь в прениях сторон.*

Председатель. Имеются дополнительные вопросы у прокуратуры?

Рогинский. Нет.

Председатель. Ходатайства?

Рогинский. Нет.

Председатель. У защиты нет вопросов?

Смирнов. Разрешите два вопроса узко биографического характера Подсудимому Макдональду.

Председатель. Пожалуйста.

Смирнов. Я хотел спросить Макдональда, когда, в каком возрасте у вас заболела нога? Вы ушибли ее, разбили. Долго ли вы были лишены возможности владеть этой ногой без какого-нибудь аппарата, приспособления?

Макдональд. Пять лет.

Смирнов. Значит с 11 до 16 лет. Вы имели аппарат, что ли?

Макдональд. Да.

Смирнов. В вашей семье еще две сестры и брат. Брат еще совсем молодой, а сестры постарше, или брат постарше, а одна сестра еще совсем молодая девушка?

Макдональд. Одной сестре 26 лет, другой 21 год. Брату тоже 21 год.

Смирнов. Что они, близнецы?

Макдональд. Да.

Смирнов. Брат и старшая сестра работают?

Макдональд. Все трое работают.

Смирнов. Больше вопросов нет.

Либсон. Подсудимому Макдональду вопрос. Скажите, пожалуйста, когда вы работали в Москве или когда вы работали вне Москвы на других электростанциях, приезжая в Москву, вы обычно проживали там, где все англичане, т.е. в этом общежитии?

Макдональд. Да.

Либсон. Всегда там были, там ночевали, столовались, все время были там?

Макдональд. Да.

Либсон. У меня вопрос к подсудимому Олейнику. Скажите, когда вы работали на МО-ГЭС, где вы проживали?

Олейник. В гостинице.

Либсон. В какой?

Олейник. Минское подворье.

* Повторимся: вся эта «техническая фигня» была вынесена на заседание Судебного присутствия, когда было бы достаточно нескольких совещаний в Главэнерго для ее обсуждения и принятия необходимых мер по повышению надежности работы оборудования, с участием представителей британской фирмы «Метро-Виккерс». Но большевики сугубо технические вопросы подло и мерзко трансформировали в обвинительно политические (якобы в энергетике было «массовое вредительство»), чтобы снять с себя вину за неудачи в выполнении задач 1-й пятилетки.

Либсон. А вы бывали часто в общезитии у англичан?

Олейник. Я был в Лосиноостровской один раз, а в конторе бывал почти каждый выходной день или через выходной день – раза 2-3 в месяц.

Либсон. В конторе бывали часто?

Олейник. Раза 2-3 в месяц.

Либсон. Больше вопросов не имею.

Председатель. Объявляю судебное следствие законченным. После перерыва будет речь государственного обвинителя Вышинского. У меня имеется один вопрос к защите: вы распределили порядок выступления?

Либсон. Первым будет выступать Казначеев, потом Шварц, потом Пинес, Либсон, Смирнов, Брауде, Долматовский, Лидов и Коммодов.

Председатель. Объявляю перерыв на полчаса.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается. Слово предоставляется государственному обвинителю т. Вышинскому.

Вышинский. Может быть какие-нибудь сутки отделяют нас от того решительного момента, когда будут подведены окончательные итоги всей нашей работы этих дней, когда в этих итогах будет произнесено авторитетное слово Верховного суда по настоящему делу. Нас отделяет немного времени от того момента, когда со всей отчетливостью, точностью, ясностью, определенностью и категоричностью будет дана последний раз в этом деле квалификация и всех тех отдельных событий, которые были предметом рассмотрения всего нашего судебного следствия, а до того предварительного расследования, и всей суммы тех общественных и политических фактов, которые лежат в основе настоящего процесса.

Эти итоги должны быть и будут весьма значительными, ибо настоящее дело даже среди других дел, проходивших перед Верховным судом в предшествующие годы, имеет исключительное значение, ибо это дело даже среди других дел, уже являвшихся предметом рассмотрения Специального присутствия Верховного суда за последние годы, характеризуется как дело, имеющее исключительное, мировое значение, как дело, к которому сейчас приковано внимание всего мира, трудящихся нашей страны, трудящихся всех стран, всех наших друзей и всех наших врагов.

Всех тех врагов, которые, ослепленные своей классово-ненавистью, охваченные своим чувством классово-вражды и злобы, в преддверии этого процесса забыли границы, поставленные им суверенностью нашего государства, забыли пределы допустимого в международных отношениях и сделали попытки оказать на все направление этого процесса, этого дела такое моральное давление, которое свидетельствует о том, что часто антисоветские круги, бьющиеся в истерике, теряют необходимое и широко возмущенное хладнокровие, переступают границы допустимого и конечно получают должный и заслуженный отпор.

Я не сомневаюсь в том, что и впредь они будут получать такой же решительный отпор, который заставит их понять, что в стране строящегося социалистического общества, что в стране, сбросившей 15 с лишним лет тому назад иго капиталистов и помещиков, не будут считаться с какими бы то ни было требованиями, расходящимися с интересами пролетариата, пролетарской революции, государства пролетарской диктатуры, откуда бы эти попытки ни исходили.

Дерзкие, наглые требования некоторых иностранных кругов, как я уже сказал, получили заслуженный отпор. Они будут получать его и впредь, когда хотя на мгновение забудут, что имеют дело с СССР, страной великой социалистической стройки, страной, отвоёвавшей себе свободу от собственных капиталистов и помещиков, ликвидированных Октябрьской революцией, отвоёвавшей себе государственную независимость, укрепившуюся и укрепляющуюся с каждым годом нашего существования на основе великих социальных, экономических и политических завоеваний великого Октября, на основе великих успехов нашей первой пятилетки, на основе великих и неисчерпаемых творческих сил трудящихся масс нашей страны, строящей под руководством нашей великой коммунистической партии новое социалистическое общество.

Мы никогда и никому не позволяли, не позволяем и не позволим вмешиваться в наши внутренние дела, несмотря ни на какие маневры, истерики, крики, шум и гам. Нельзя не напомнить сейчас об этом, об этих криках, об этих истериках некоторых кругов Англии, потерявших равновесие, плохо усвоивших или вовсе не успевших еще усвоить мысль, сказанную еще три года тому назад товарищем Сталиным в связи с вопросом о «камне преткновения» в деле улучшения наших экономических связей с буржуазными государствами.

Товарищ Сталин на XVI партийном съезде в политотчете ЦК говорил, что:

“Говорят далее, что камнем преткновения является наш советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контрреволюционерами из «людей науки», изгнанных Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т.п.*

Но это становится, – говорил товарищ Сталин, – совсем забавным, им оказывается, не нравится советский строй. Но нам тоже не нравится капиталистический строй, не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет многомиллиардными богатствами. Но, раз мы согласились, – говорит товарищ Сталин в этом своем историческом политотчете, – не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т.п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян Союза советских социалистических республик, закрепленное нашей конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью. Понятно следовательно, кто не хочет считаться с нашей конституцией, может проходить дальше – на все четыре стороны”.

Этим господам, видите ли, не нравится наша конституция, наш советский строй, наш советский суд, и они выражают это свое недовольство и конституцией, и советскими порядками, и советским судом клеветой, инсинуациями, извращениями, фальсификациями – словом, обычными методами «морального давления» на свое собственное общественное мнение в своих узких, грубых, жестоких, бесчеловечных капиталистических классовых интересах. Им не нравится, что советский суд – это классовый суд, и они пытаются клеветать, что раз это классовый суд, то есть суд, который стоит на страже интересов рабочего класса и пролетарского государства, то это вовсе не суд, и что в этой стране, где суд состоит из трудящихся, где суд действует во имя интересов трудящихся, где суд направляет свое и моральное и политическое влияние против эксплуататоров, против врагов трудящихся, то в этой стране нет правосудия.

* Здесь тов. Сталин идет на небольшой подлог: «изгнанные Беседовские, Соломоны, Дмитриевские и т.п.» сами предпочли стать «невозвращенцами» – потеряв Родину они в эмиграции сохранили себе жизнь.

Мистер Пэтрик, как об этом мы можем судить по недавно состоявшимся в английской палате общин прениям по вопросам, связанным с биллем против ввоза советских товаров, заявил: «Вся идея правосудия (очевидно в Советской стране, ибо говорилось о советском суде) лежит на классовой основе. Это обстоятельство мной усвоено пару лет тому назад в Москве, когда я был в Верховном суде на одном из процессов, сидел на очень жестком стуле и смотрел на громадное красное полотнище, подвешенное позади судебного стола, за которым судьи сидели и курили». Мистер Хенон – с места – «Судьи курили?» – Мистер Пэтрик «Да». «На этом полотнище, – продолжал мистер Пэтрик, – большими белыми буквами было написано: «Суд—орган пролетариата».

«Это одно, – говорит он, – из классических высказываний Ленина, цитируемое при всяких случаях». «Эти слова означают как раз то, что они говорят, – суд есть орган пролетариата и по простой логике коммунистической доктрины суд есть орган классовой борьбы и существует для этой главной цели». «Но, – продолжал Пэтрик, – сама классовая борьба давно уже перестала быть реальностью. Я не сомневаюсь, – говорит далее Пэтрик, – что она была в достаточной степени действительна в первые дни революции и гражданской войны... Много времени прошло с тех пор, и сопротивление буржуазии окончательно и совершенно сломлено».

Этим самым Пэтрик хотел сказать, что раз классовой борьбы нет, то следовательно суду ничего не остается делать с точки зрения логики коммунистической программы, которая считает и признает суд органом, осуществляющим защиту интересов пролетариата.

Мы никогда не скрывали и не скрываем подлинной классовой природы нашего суда, подлинных классовых задач, стоящих перед нашим правосудием.

Мы всегда и везде и устами наших учителей и нашей постоянной работой на теоретических и на практических участках социалистического строительства признавали классовую природу нашего суда, как и всего нашего государства, никогда не отрывали ни одной нашей задачи от общих и основных задач осуществления и защиты интересов рабочего класса и никогда не отрывали от этих задач и задач нашей судебной действительности, нашей судебной работы.

Владимир Ильич в самом начале революции указывал именно на эту действительно величайшую особенность нашего советского правосудия: «На месте старого суда, – говорит он про нашу Октябрьскую революцию, – она стала создавать новый народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, и только этих классов, в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий».

Советский суд есть суд Советского государства, суд рабочего класса, есть суд трудящихся нашей страны, осуществляющей величайшие исторические задачи построения в нашей стране социалистического общества, служащей примером и образцом для наших братьев по классу во всех других странах, борющихся за свое социальное освобождение.

В противоположность этому суду, во всех капиталистических странах суд всегда был и остается судом, осуществляющим и защищающим интересы капиталистических классов, классов эксплуатирующих и угнетающих человеческий труд.

«Суд был, – говорит Ленин, – в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации».

И когда нам говорят о том, что вот наш советский суд – классовый суд и вы, сидя в этом суде, творите неправосудно свои дела, потому что вы стоите на почве классовой доктрины, то это не что иное, как обычные выпады, свидетельствующие об обычных приемах фальсификации и клеветы, при помощи которой эксплуататоры пытаются замазать подлинную классовую эксплуататорскую сущность своего собственного суда, как и всего своего государства.

Кое-какие господа из английской палаты общин пытаются противопоставить нашему суду свой суд и свое правосудие, указывая на то, что между нашим правосудием и правосудием, скажем, английским существует та разница, которая заключается в том, что в английском суде творится правосудна, а в советском суде правосудия искать нельзя.

Вот например майор Хильс (Hills), выступая не так давно в палате общин в связи с делом «Метро-Виккерс», прямо заявил: «Правосудие в этой стране (то есть в Англии) и правосудие в других цивилизованных европейских странах, а также капиталистических, как Америка, несравнимо с правосудием в России».

Полемизируя против Криппса, он далее говорит: «Криппс пускает диалектическую дымовую завесу о том, что будто бы в России есть система правосудия. Он очень хорошо знает, что ее нет». Майор Хильс – храбрый майор, если он решается говорить то, что я сейчас к сожалению, вынужден был, оскорбляя ваш слух, цитировать на заседании Верховного суда. Но этому майору неплохо ответили его сограждане, другие члены парламента.

Вот например Криппс, в том же заседании, в палате общин заявивший: «Достопочтенный и ученый джентльмен, лорд адвокат, если бы был здесь, я уверен поддержал бы меня в том, что я говорю относительно дела шотландского шелка. Прошел целый месяц после ареста и освобождения под залог, прежде чем обвинение было полностью сформулировано». Прошел целый месяц, прежде чем было полностью сформулировано только обвинение!

Или Керквуд, заявивший, что в 1913 г. член парламента от Дамбартона был арестован в 1 час 30 минут ночи, брошен в тюрьму и выслан без суда. Его оторвали от его жены и семьи на 16 месяцев.

Это не я говорю. Это говорит Керквуд. Это говорит Криппс. Это говорят члены английского парламента, англичане, не потерявшие чувства действительности и умеющие видеть неразвращенными глазами эту действительность, каждый день издевающуюся в капиталистических странах над тем, что там именуется правосудием.

Не нравятся господам капиталистам и наши процессуальные порядки и наши процессы, направленные против контрреволюционеров и вредителей, всегда и неизменно встречающих горячую поддержку, сочувствие, защиту со стороны определенных кругов буржуазии, и в частности, я об этом должен сказать именно на этом процессе, со стороны некоторых определенных кругов английской буржуазии.

Министр торговли Рэнсимен сказал по поводу нашего процесса, то есть именно того дела, которое сейчас является предметом нашего обсуждения: «Инсценировка процессов, вроде этого по обвинению в саботаже, часто случается в России. Были произведены тщательные изыскания, и мы не могли найти ни одного примера, чтобы один из таких процессов не окончился бы осуждением».

Что это может означать? Только то, что мы зря, огульно не сажаем людей на скамью подсудимых. Обвинительная власть и органы предварительного расследования, прежде чем посадить на скамью подсудимых по обвинению в том или другом преступлении граждан своей или чужой страны, в высокой степени тщательно взвешивают все обстоятельства, в высокой степени осторожно относятся к этому акту.

Но если британский министр торговли имел в виду сказать, что ни в одном из таких процессов мы не встречаемся с оправдательными приговорами, то это уже переходит в прямое искажение имеющих место фактов. И для того чтобы долго на этом вопросе не останавливаться и чтобы так, на ходу опровергнуть подобного рода утверждения, я обращаюсь к одной исторической справке, которая касается одного из крупнейших процессов и кстати сказать одного из крупнейших вредительских процессов – к Шахтинскому процессу, по которому были оправданы: Потемкин, Штельбринк, Отто и Мейер [(Майер)].

4 из обвиняемых по крупнейшему вредительскому процессу, по процессу о контрреволюции в Донбассе, о контрреволюционной организации, пытавшейся взорвать нашу всесоюзную кочегарку, нанести тяжелый удар по нашему тепловому хозяйству.

Как же можно после этого говорить о том, что у нас процессы кончаются всегда осуждением? Правда, английский министр торговли говорит о тщательных изысканиях, которые им были предварительно произведены, чтобы сделать тот вывод, которым он поделился в палате общин со своими согражданами. Но нужно сказать, что эти тщательные изыскания столь же очевидно дефектны, как и кое-какие турбины фирмы «Метро-Виккерс», о которых вчера здесь говорил гражданин Монкгауз.

Вы знаете, что буржуазия всегда пытается скрыть истинную классовую природу всех своих учреждений и в частности такого, каким является суд. Можно было бы привести целый ряд в высокой степени авторитетных и ценных фактов, которые говорят именно об этой исторической и постоянной практике капиталистических и эксплуататорских классов, пытающихся скрыть и замазать истинную эксплуататорскую сущность своих государственных учреждений, в частности – своего суда.

Но, товарищи судьи, это давно, давно уже было очень хорошо и исчерпывающим образом разоблачено в частности и в отношении того, что собой представляют хваленые суды хотя бы английского государства. У Маркса в его «Английской конституции» с исчерпывающей и убийственной характеристикой дается анализ классовой природы судов капиталистических стран. Говорится, что «английский суд присяжных, как самый выработанный, есть завершение юридической лжи и безнравственности». И в самом деле, что представляет собой любой суд капиталистической страны?

Маркс об английском суде говорит так: «Кто слишком беден... тот получает на предварительный просмотр только обвинительный акт и первоначально данные мировому судье показания, и следовательно не знает в подробностях собранных против него улик (а это как раз для невинных опаснее всего); он должен тотчас по окончании обвинения отвечать, говорить может только один раз. Если он не исчерпает всего, если не достанет свидетеля, он погиб».

После этого нам говорят о том, что правосудие как раз царит в тех странах, где имеет место порядок, нашедший себе уже много десятков лет тому назад такую беспощадную оценку, какая дана этим учреждениям основоположником научного социализма и одним из величайших наших учителей – Карлом Марксом. Но с тех пор прошло много лет, и каждый год приносит новые и новые примеры, подтверждающие исключительную правильность именно этой оценки. И на сегодня мы могли бы таких примеров найти несчетное число.

Классовая юстиция всем своим острием направлена против интересов трудящихся и по существу не является юстицией, правосудием. Английский журнал «Нью лидер» характеризует мирутский процесс, «как величайший скандал в области политических преследований, наиболее позорный в судебных анналах мира».

И кто же из людей, следящих за печатью, не знает, что уже больше 4 лет тянется этот чудовищный процесс, в котором над 30 революционерами индусами и англичанами, обвиняющимися в коммунистической деятельности и в организации революционного профессионального движения, в буквальном смысле слова издевается классовая юстиция.

4 года тянулось следствие с допросами при помощи всех тех методов, которые нашли свое применение и в недавно прошедшем в Англии процессе по обвинению в шпионаже офицера Стюарта: «третья степень», содержание в нечеловеческих условиях, все меры подлинного физического и морального воздействия, все это было пущено в ход этим буржуазным так называемым правосудием, в защиту которого сейчас выступают буржуазные парламентарии, осмеливающиеся со своих парламентских трибун бросать столь же голословные, сколь оскорбительные обвинения по отношению к единственной подлинно свободной в мире стране – к Советской стране, по отношению к единственному в мире подлинному правосудию – правосудию советского суда, где осуществляется воля пролетариата, творящего новую жизнь, строящего новое социалистическое общество.

Этим господам не нравится и наш процессуальный порядок, касающийся предварительного следствия, которому в тех же самых дебатах уделялось очень много внимания, как и всему этому делу и общим вопросам наших судебно-процессуальных порядков, которых я не могу не коснуться сейчас. В этой связи в этих дебатах говорилось в частности о том, что у нас на предварительном следствии обвиняемые не пользуются никакой защитой. Один из этих «остроумных» парламентариев заявил: «Прежде признание, а юридическая помощь потом»... Мы видели уже по реплике Криппса, по реплике Керквуда, где именно действительно бывает так, что люди, привлеченные к ответственности, в действительности лишаются всякой защиты. Да, наш процессуальный кодекс и наше процессуальное право в стадии предварительного расследования не знает участия защиты, но это потому, что самый наш закон, и я должен об этом напомнить сегодня, и в частности 111 и 112 ст.ст. Уголовно-процессуального кодекса на самые государственные органы возлагают обязанность всестороннего и полного исследования дела, обязанность исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие привлеченных к ответственности, как усиливающие, так и смягчающие ответственность.

И когда наши враги говорят в порыве классового гнева и слепой классовой ненависти, что при этих условиях не может идти речь о гарантиях, обеспечивающих установление судебной истины, и хотят сослаться на другие так называемые цивилизованные страны, то очень нетрудно будет отвести подобного рода нападения хотя бы ссылкой на один из новейших германских уголовно-процессуальных кодексов, именно на кодекс 1924 г. Я говорю именно о тех годах, а не о сегодняшней эпохе, связанной с торжеством в Германии фашизма. В соответствии с параграфом 147, защита, допускаемая к участию в предварительном следствии, допускается к просмотру материалов предварительного следствия лишь в том случае, «если это не угрожает каким-либо ущербом целям и задачам предварительного расследования».

Мы гарантируем права обвиняемых не только на суде, но и в процессе предварительного расследования и в частности при помощи той 206 ст. Уголовно-процессуального кодекса, о которой мы уже не раз говорили в процессе судебного следствия.

Я этим вопросом занимаюсь только потому, что все те общие разговоры, которые имели место в палате общин о нашем правосудии, о нашей судебной системе, о наших процессуальных порядках, имели место не абстрактно, они имели место в связи с настоящим делом и в прямом расчете определенных кругов английской буржуазии дискредитировать и предварительное расследование по этому делу и самый суд, который конечно должен иметь в виду и материалы предварительного расследования.

Больше того, мы были здесь свидетелями того, как некоторые подсудимые, я назову Торнтон, я назову Монкгауза, по крайней мере пытались осуществить здесь перед нашим судом, в ходе нашего судебного следствия, в сущности говоря ту линию, которая была им заказана и нашла свое отражение в первом выпуске известной нам всем так называемой «Белой книги». Басня Торнтон о «моральном давлении», с которым он так постыдно оскандалился, басня Монкгауза о 18-часовом допросе, который в английском парламенте превратился в 19-часовой допрос (еще час набежал), версия, я не знаю, кто был инициатором ее, но версия, здесь публично испробованная Монкгаузом в качестве метода своей защиты, за которую он должен был поплатиться необходимостью принести Верховному суду свое извинение.

Все это, товарищи судьи, стоит в прямом соответствии с одной телеграммой, опубликованной в «Белой книге» за подписью сэра Ванситтарта, на имя сэра Эсмонда Овия, которую я хотел бы здесь продемонстрировать, это документ, носящий № 27. Эта телеграмма приподнимает кой-какую завесу в инциденте с выступлением на суде Монкгауза.

«Советский посол, – телеграфирует Ванситтарт сэру Овию, – был у меня по моему требованию». Так сказано в документе 27, опубликованном в «Белой книге». «Я сказал, – читаем мы дальше, – что из того, что произошло вчера в палате общин, он должен знать причины данного свидания. Негодование в этой стране (в Англии) по поводу произвольных арестов и грубого обращения с британскими подданными в России растет, будет продолжать расти и будет продолжать расти обоснованно. Широко распространено чувство, что обвинения против этих людей нелепы и истеричны и что эти аресты были инсценированы и к тому же очень плохой были инсценировкой, поставленной просто для того, чтобы путем выставления козлов отпущения (это Торнтон и Монкгауз – козлы отпущения!) замаскировать неудачи кой-каких индустриальных мероприятий в России».

«Советское правительство, – говорится в этом документе, – может говорить что хочет, но общественное мнение здесь никогда не посмотрит на эту постановку в каком-либо ином свете».

Итак, 16 марта была послана, занесенная в историю данного процесса и английской дипломатии, эта телеграмма под номером 27, а вчера – 15 апреля в утреннем заседании имело место выступление Монкгауза, который пытался, как он заявил, довести до сведения суда свою декларацию о том, что “этот процесс есть инсценировка против фирмы «Метро-Виккерс» путем показаний запуганных подсудимых”. Но даже такой «пугливый» человек, как Торнтон, не мог привести ни одного факта, который говорил бы о том, каким именно образом он был напуган, и единственно, что он сказал в этом случае, это следующее: «я сам не знаю, чего я испугался».

Я уже сказал, что я не знаю, кто кого здесь соответствующим образом инспирирует, но для меня несомненно, что английское общественное мнение введено в заблуждение целым рядом искусно предпринятых маневров. Я думаю, что будет величайшей заслугой этого процесса, нашего суда по этому делу, разоблачение этих извращений, восстановление действительности, какой она была на самом деле, что показало бы общественному мнению Англии и даже тем кругам, которые настроены враждебно против нашего государства, что они оказались на этот раз жестоко введенными в заблуждение. И в самом деле, мы имеем заявление министра иностранных дел о том, что Монкгауз, «не имея предъявленного ему обвинения и будучи увезенным в тюрьму в ранние часы утра, был подвергнут в 8 часов утра первому допросу, продолжавшемуся 19 часов без перерыва».

«Я, – говорит оратор, – справлялся у посла относительно допрашивающих – со стороны допрашивающих были три смены следователей, которые сменяли один другого, но со стороны допрашиваемого (как само собой разумеется) все время было одно и то же лицо».

Интересное конечно сообщение, которое могло бы внушить очень печальные настроения, даже самым непредубежденным против наших процессуальных порядков джентльменам. В самом деле, непрерывные 19 часов допроса, бедная жертва этого допроса джентльмен Монкгауз, один против трех смен следователей – все один за другим атакуют этого несчастного Монкгауза. 19 часов. Вероятно первый совравший, первый солгавший был сам Монкгауз. Это он солгал, это он пустил в ход версию о 19 часах. Ее подхватили те, кому это было удобно и выгодно, ее пустили широко в оборот, мобилизовали общественное мнение и хотели на этом построить свои требования; в связи с этим процессом, требования, с негодованием нами отвергнутые.

И когда здесь вчера Монкгауз заявил: «я признаю свою ошибку, я извиняюсь», то мне казалось, что он извиняется не перед вами, товарищи судьи, он извиняется перед теми, кого он обманул.

А как обстояло дело па самом деле? Мы вчера об этом говорили достаточно подробно, но разрешите мне очень кратко коснуться этого и сегодня. Я продолжу сообщение, которое было сделано в палате общин министром иностранных дел: «Мистера Монкгауза отвели обратно в его камеру около 3 часов утра 13 марта, где он и оставался до 7 часов 30 мин. В 7 часов 30 минут он был подвергнут второму допросу, который продолжался около 17 часов. Итого за двое суток – 36 часов, 36 часов почти непрерывного допроса».

36 часов. А оказалось, что? Оказалось то, что Монкгауз уличен во лжи, что ничего подобного не было, что все то, что говорилось в палате общин, над чем трудятся почтенные джентльмены в связи с этим заявлением является прямыми издержками производства, и я на их месте обязательно предъявил бы гражданский иск Монкгаузу... за потерянное время.

Мы не впервые встречаемся с инсинуированием, с фальсифицированием, с клеветой на наш суд, на наши судебные процессы. Так было, когда мы рассматривали Шахтинское дело. Так было, когда мы рассматривали дело «Промпартии». Так было, когда мы рассматривали дело так называемого Центрального бюро меньшевиков.

Нам особенно нечего удивляться этому методу борьбы, которая ведется против нас и не только остатками той буржуазии, какая ниспровергнута и Октябрем и всеми 15 годами нашей эпохи социалистического строительства, но и господствующей в разных капиталистических странах буржуазии, и идейно и очень часто материально через свои определенные круги связанной с остатками разбитых и разгромленных Октябрьской революцией капиталистических эксплуататорских классов в нашей стране, находящихся всегда поддержку в этих наиболее агрессивных и реакционных кругах мировой буржуазии.

Однако особенности настоящего процесса не в том потоке клеветы и инсинуаций, о которых мы только что говорили и которыми наши враги, как я уже сказал, встречают обычно каждый процесс о вредительстве, каждый наш удар по контрреволюционным заговорам, по контрреволюционным заговорщикам.

Особенности этого процесса заключаются в том, что он отражает собой величайшую классовую схватку, являясь в подлинном смысле этого слова актом классовой борьбы, борьбы двух миров. Особенность процесса в том, что все эти пять дней нашей судебной работы являются по существу пятью днями классовой битвы, в которой столкнулись два мира идей, два мира принципов, два мира понятий, два мира социальных стремлений и принципиально противоположных классовых интересов.

При всем отличии этого процесса о вредительстве от процессов о вредительстве прошлых лет особенностью этого процесса является именно то, что это процесс о вредителях, которые остаются еще на нашей земле, несмотря на то, что все их попытки, до сих пор направлявшиеся против успехов социалистического строительства, неизменно оканчивались жестоким поражением, несмотря на то, что у них нет никакой надежды на какой-нибудь успех в своей вредительской работе. Важно отметить именно то обстоятельство, что хотя вредительство, бывшее, по словам товарища Сталина, несколько лет тому назад своего рода модой, перестало уже быть этой модой, тем не менее эти вредительские акты, продолжают, тем не менее они организуются и, что очень важно сейчас отметить, организуются в таких важнейших отраслях социалистического хозяйства и социалистической промышленности, какой является область электростроительства, электрификации, электроснабжения, область, являющаяся одной из важнейших отраслей нашего хозяйственного строительства.

Правда, сейчас мы имеем иные формы классового сопротивления, чем это было несколько лет тому назад. Еще по поводу Шахтинского дела апрельским пленумом ЦК нашей партии было указано на своеобразие этого вида преступления, именно как проявления особой, новой формы классового сопротивления буржуазии успехам нашего социалистического строительства. Это нужно будет сказать, и это нужно будет с особой силой подчеркнуть и в настоящее время.

Однако одновременно нужно будет сказать, что, несмотря на всю новизну оттенков и форм, в которых выражается это сопротивление низвергнутых, разгромленных, пущенных ко дну, ликвидированных в своем экономическом и политическом господстве капиталистических эксплуататорских классов, за этими новыми формами скрывается старая, неослабевающая, но, наоборот, усиливающаяся классовая ненависть наших врагов к делу социалистического строительства.

«Надо иметь в виду, – говорил товарищ Сталин, – то обстоятельство, что наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызвать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага, таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны. Но нужно иметь в виду, – продолжал товарищ Сталин, – и то обстоятельство, что сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. Капиталистическое окружение не есть простое географическое понятие. Капиталистическое окружение – это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и при случае путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР...»

Одной из иллюстраций, тяжелой и яркой иллюстрацией, этой классовой борьбы является этот процесс, отразивший собой преступную деятельность отдельных контрреволюционных групп, гнездящихся еще кое-где в СССР, пытающихся не только сорвать, задержать, замедлить работу наших предприятий, но даже взорвать отдельные предприятия, отдельные участки нашего социалистического строительства, нанести урон нашей социалистической стройке.

И вот то, что мы здесь видели; в течение этих дней, все то, что мы слышали от самих подсудимых, будь то Гусев или Лобанов, Сухоручкин или Зорин, будь то Торнтон или Монкгауз, будь то Олейник – один из наиболее непривлекательных типов из числа подсудимых, или Кутузова, характеристику которой мы дадим несколько позже, все это убедительно говорит действительно о тех классовых отношениях своеобразия нынешних форм этой классовой борьбы, проявляющейся в частности и в актах вредительства.

Было бы однако в высшей степени ошибочным представлять себе положение вещей так, что этот процесс электровредителей свидетельствует о том, о чем свидетельствовал в свое время Шахтинский процесс, что и сейчас мы имеем дело с широко распространенным явлением вредительства в кругах технической интеллигенции. Шахтинское дело свидетельствовало о том, что это вредительство являлось своего рода модой – одни вредили, другие прикрывали, третьи помогали. Шахтинский процесс отражал довольно распространенное, к стыду нашей технической интеллигенции, в то время явление в ее среде. Ныне дело обстоит не так. Было бы в высокой степени ошибочно допускать какую бы то ни было в этом отношении параллель между этим процессом и Шахтинским процессом, между тем и нынешним отношением к вредительству нашей технической интеллигенции.

Несомненно, за эти годы в силу и в зависимости от тех величайших процессов, которые произошли в нашей стране, одержавшей крупнейшие, гигантские победы в деле социалистического строительства, произошел перелом и в нарастании и в сознании широких кругов технической интеллигенции. Этот вывод ни в какой мере не может быть поколеблен тем фактом, что в 1931/32 году еще нашлась какая-то группа вредителей, что, оказывается, еще не все вредители перевелись на нашей советской земле. В этом нет ничего ни неожиданного, ни удивительного. Но они лишь ничтожные отщепенцы, отбросы технической интеллигенции.

Когда товарищ Сталин в своей исторической речи о новой обстановке и новых задачах хозяйственного строительства говорил о том переломе, который произошел в среде технической интеллигенции за время от Шахтинского процесса примерно к моменту опубликования этой его исторической речи, он говорил одновременно и о том, что этот перелом еще не означает того, что в среде этой технической интеллигенции у нас не будет больше вредителей. И здесь, как всегда, товарищ Сталин оказался прав.

«Вредители есть, – писал товарищ Сталин, – и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону советской власти, активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы, и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье». А те, которых мы из подполья сейчас вытащили за ушко, да на солнышко, производят впечатление, в своей подавляющей массе, в своем подавляющем большинстве, я бы сказал, «вредителей 2-го сорта».

Правда, среди них есть еще доцент Зорин, правда, среди них еще есть достаточно крупные инженеры, например, Сухоручкин, но среди них преобладают Олейники, Гусевы, Лобановы, люди, которые вредят потому, что это лежит не столько в их убеждении, сколько лежит в их социальной природе.

Мы должны констатировать своего рода измельчание, которое как раз говорит о том, что вредительство доживает в нашей стране, очевидно, свои последние дни. Конечно оно и впредь еще будет вспыхивать то здесь, то там, поскольку будут оставаться классы, поскольку будут оставаться еще неисчезнувшие и неустраненные классовые противоречия, поскольку будет еще существовать капиталистическое окружение, неизбежно влияющее на возникновение контрреволюционных, вредительских рецидивов в СССР. Именно поэтому мы должны будем и впредь по-прежнему сохранять нашу классовую бдительность, ни в какой мере не ослабляя нашей решительности в борьбе с этими явлениями, ни в какой мере не ослабляя и нашу беспощадность в истреблении этих позорных контрреволюционных явлений.

В чем основное содержание преступлений, которые инкриминируются по данному делу этим людям на скамьях подсудимых?

Государственное обвинение формулирует эти обвинения, главным образом направляя свое внимание по трем основным линиям, по трем основным группам совершенных подсудимыми контрреволюционных преступлений, а именно: 1) умышленная порча механизмов, агрегатов, оборудования, 2) военный шпионаж, 3) подкуп. Тячайшие преступления, совершенные подсудимыми против государства пролетарской диктатуры, против советской страны, против своего народа!

В высокой степени характерно, что именно здесь, хотя во всех вредительских контрреволюционных группах всегда так называемые идейные побуждения смешиваются или переплетаются с грубой, низменной материальной заинтересованностью, именно в этом процессе это особенно ярко сказывается.

Я напомню здесь объяснения некоторых подсудимых, которые на мой вопрос – «чем же вы руководствовались» и даже на вопрос своих собственных защитников – «руководствовались ли вы материальными побуждениями или идейными побуждениями» – мялись, разводили руками и говорили, что они затрудняются определить, затрудняются ответить на этот вопрос – до такой степени у них все это перепуталось, до такой степени они оказываются и политически и морально разложившимися. Это не случайно, это тоже есть явление времени, явление, как раз характерное для той эпохи, когда, с одной стороны, рабочий класс, гигантски растущий в своих творческих силах, в своем творческом строительстве, растет во всех областях этого своего строительства, растет культурно, растет экономически, растет политически, в то же самое время как эти последние остатки, эти разбитые осколки капиталистических классов все более и более проявляют свое и культурное, и духовное, и моральное ничтожество, разложение и вырождение.

Почему вредительство, шпионаж и подкуп здесь так причудливо сплетаются в действиях чуть ли не любого из обвиняемых по настоящему делу? Мы судим электриков-вредителей, организовавших в контрреволюционные группы, чтобы нанести свой удар по советскому хозяйству, борющемуся за свои все новые и новые успехи. Конечно мы заранее были уверены – и действительно это красноречиво подтверждает, что все и всякие подобного рода попытки никогда и ни в какой мере не сумеют привести к тем результатам, о которых мечтают вредители, что все эти вредительские карты будут биты и в лучшем случае могут превратиться, как это доказывает и настоящий процесс, в кратковременные остановки турбин, в непродолжительные по времени затруднения, которые благодаря бдительности, творческой энергии, энтузиазму пролетарских масс быстро и решительно устраняются и исправляются, парализуя действия этих вредителей, нейтрализуя и ликвидируя их растлевающее влияние.

И действительно, несмотря на все вредительские усилия, несмотря на всю их подрывную работу, мы имеем в области электрификации поразительные успехи. Об этих успехах говорят такие факты, как наличие у нас 10 станций мощностью свыше 100 000 киловатт, Кашира, Штеровка, Шатура, «Красный Октябрь» (Ленинград), Могэс [тов. Вышинский спутал трест МОГЭС с электростанцией – 1-я МГЭС?], Зугрэс, Днепрогрэс [тов. Вышинский путает понятия ГРЭС и ГЭС, в данном случае – гидравлическая электрическая станция], Нигрэс, Челябингрэс, Бакинская «Красная звезда». Мы имеем громадные успехи в области электрификации, являющейся, по историческому замечанию Владимира Ильича, важнейшим элементом коммунизма, ибо, как вы помните, по словам товарища Ленина, «коммунизм есть советская власть плюс электрификация».

Мы имели в 1928 г. [(первом году 5-летки)] только 18 районных станций с мощностью 610 [тысяч] киловатт, а в 1932 г. мы имеем 44 станции с мощностью в 2½ миллиона киловатт. Мы имеем теперь мощность всех станций в 4 600 000 киловатт против 1 875 000 киловатт в начале первой пятилетки. Мы имели в 1928 г. количество электроэнергии, измеряемой в 5 миллиардов киловатт-часов, а в 1932 г. мы имеем 13½ миллиардов киловатт-часов в год. Ну-ка, вредители, что вы на это скажете? Пропали ваши усилия и не могли не пропасть, потому что против вас стоит непобедимой стеной пролетариат, против вас стоит непобедимой стеной честная советская интеллигенция, вместе с рабочим классом строящая социалистическое общество, против вас стоит во всеоружии пролетарская диктатура, а вы – лишь жалкая группа отщепенцев технической интеллигенции, группа, отмеченная клеймом позора.

Я уже указывал на то, что мы благодаря величайшим усилиям, величайшим жертвам, величайшему самопожертвованию, настойчивости, труду имеем 10 станций мощностью свыше 100 000 киловатт. Среди них имеются те самые станции, с которыми нам сейчас, к сожалению, приходится иметь дело, когда мы говорим о вредительских группах, о контрреволюционных гнездах, пытавшихся разрушить молодой организм этого еще строящегося участка нашего социалистического хозяйства.

В настоящее время, как я уже сказал, изменились в значительной степени по сравнению с тем, что мы имели в прошлые годы, и методы вредительства. В данном деле со всей отчетливостью сказались основные четыре способа вредительства: во-первых, заведомое, умышленное сокрытие государственными служащими, поставленными на ответственные посты, тех дефектов, устранение которых являлось их первой и прямой обязанностью. Второе – затягивание работ всякими искусственными способами: ненужным ремонтом, плохим монтажом и т. д., удлинением пусковых периодов, отсрочиванием испытательных сроков, наибольшим удлинением этих сроков. Третье – прямая порча агрегатов, как это мы видели например в случае, о котором здесь так эпически спокойно повествовал Гусев, когда рассказывал о порче им моторов в 1 400 л.с. [тов. Вышинский ловко перевел единственное число – «один мотор» во множественное – «моторы»], или Котляревский, когда говорил о том, как он сунул болт в междужелезное пространство между ротором и статором и вывел таким приемом турбогенератор из строя.

Четвертое – более утонченные, более искусные, более хитрые и более скрытые замаскированные методы вредительства, удара по нашему хозяйству, когда сознательно подбираются соответствующие вредительским целям кадры, когда сознательно ставятся на более ответственные участки работы менее подготовленные для этой работы люди, когда более ответственная и важная работа заведомо и сознательно для организующих это вредительское дело поручается тем, кто менее подготовлен или вовсе не подготовлен к этой работе, с прямым расчетом, что не проверенный кочегар заснет, что неопытный механик не поймет, в чем дело, не сумеет вовремя открыть клапан, который нужно, или, наоборот, закроет клапан, который не нужно, и т. д. и т. п.

Вот нынешние методы и способы вредительства, которые обладают всеми необходимыми для успеха этого вредительства качествами, когда вредитель может действовать с очень малым риском, когда, действуя таким образом, он может рассчитывать на очень большую безнаказанность, когда он наконец может рассчитывать на длительность самого срока своей вредительской работы. Эти вредительские действия тем и опасны, что они, будучи очень часто сами по себе мелкими, в то же время производимые систематически изо дня в день, на каждом шагу, затрагивая каждый агрегат или множество отдельных агрегатов, именно этой своей обыденностью и повседневностью способны у некоторых притуплять чуткое и настороженное отношение к этим явлениям.

Здесь характерна именно форма этих вредительских актов, очень удобная для того, чтобы прикрыть это вредительство всякого рода «объективными причинами», «неполадками», тем, что как будто вовсе не зависит от злой человеческой воли.

Это в высшей степени характерно сказывается на анализе целого ряда аварий, с которыми мы встречаемся в настоящем деле и которые будут дальше служить предметом моего более подробного анализа.

Мы знаем, что в настоящее время классовый враг, разгромленный, разбитый, не сможет, не сумеет, как бы он этого ни хотел, пойти прямой атакой против советской власти, против социалистического строительства, на каком бы участке этого строительства он ни обнаружил свое присутствие. Мы знаем, что от этих прямых, лобовых ударов классовый враг, потерпевший жесточайшее поражение, перешел к другим методам, действуя так называемой тихой сапой. Именно этим объясняется то, что он становится менее легко уловимым, менее легко уязвимым и менее следовательно доступным для изоляции.

Но в этом и заключается громадная опасность этих преступлений, самих по себе может быть мелких, но во всей своей совокупности составляющих громадную социальную опасность. Социальная опасность преступлений, составляющих содержание данного дела, заключается не в том, что взорваны станции, не в том, что выведены из строя сильные, крупные, обладающие большой мощностью турбины, что разрушена и расстроена вся система электроснабжения.

Нет. Но этого и быть не могло, этого и быть не может, потому что фабрики у нас находятся в руках пролетариата, потому что рабочий класс достаточно бдителен для того, чтобы предотвратить такие тяжелые последствия, какие могли бы быть при условии безнаказанной деятельности вредительских групп и отдельных вредителей. Опасность этих преступлений, которыми мы занимаемся в нашем деле, заключается не в этом, а в том, что преступники пытаются бить по мелочам, создавая непрерывные затруднения, непрерывное «аварийное состояние», как это мы видели на отдельных примерах, по отдельным станциям – по Зуевке, по Мосэнерго [по 1-й МГЭС!], по Ивгрэсу, по Златоусту, по Челябинскому и т.д. и т.п.

Здесь, на протяжении всего этого процесса, несколько раз некоторыми обвиняемыми были сделаны попытки объяснить свои действия тем, что они-де оказались вовлеченными в эту контрреволюционную деятельность другими лицами, и в частности английскими монтажными инженерами, сидящими на скамье подсудимых. О вине английских монтажных инженеров по этому делу мы будем говорить особо. Сейчас я говорю об этом для того и потому, чтобы сразу же наметить основные линии обвинения.

Нужно сразу же сказать, что мы к государственным служащим, нарушившим свой долг перед государством, потерявшим чувство своей родины, забывшим свой долг перед своим социалистическим отечеством, должны подходить и подойдем самым суровым образом, безотносительно к тому, явились ли они «жертвой» чьего-либо коварства или же пошли по пути преступления самостоятельно, независимо ни от каких посторонних влияний.

Мы должны раз навсегда, и пользуясь высокой трибуной Специального присутствия Верховного суда, на всю нашу страну заявить о том, что государственные служащие есть государственные служащие, к которым у нас будет отношение как к государственным изменникам в тех случаях, когда они будут действовать так, как действуют подсудимые, привлеченные к уголовной ответственности по настоящему делу.

Я должен буду напомнить постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 14 марта этого года, которое, хотя и обращено непосредственно к ОГПУ, имеет для нас глубочайшее принципиальное значение, постановление, которое говорит об особо строгой ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты, ими совершаемые, за которые они должны отвечать особо строго, и что эта особая строгость будет применена по отношению ко всем уличенным в этих преступлениях служащим в государственных учреждениях и предприятиях. Каждый гражданин нашей страны, состоящий на службе в наших государственных учреждениях и предприятиях, которому вверен определенный участок работы, на ответственности которого лежит правильное функционирование того или иного учреждения или предприятия, являющегося элементом, составной частью всей системы нашего государственного устройства, должен нести особую ответственность перед своим обществом, перед своим народом. От этой ответственности он не может быть освобожден ни в малейшей степени, независимо от того, сам ли он пошел по пути преступления, или его кто-то повел по этому пути преступления, или с ним еще кто-то пошел по этому пути преступления.

Вот почему государственное обвинение, поддерживающее обвинение по настоящему делу против лиц, сидящих на скамье подсудимых, будет и в дальнейшей своей оценке и квалификации степени ответственности и вины отдельных подсудимых исходить именно из этих соображений, имея в виду, что мы должны самым суровым образом ответить на каждую попытку изменить своему долгу государственного служащего, и я бы сказал даже больше, даже независимо от степени и объема причиненного государству этими преступлениями вреда.

В этом деле государственное обвинение считает основными и главными виновниками государственных служащих, и против них обвинение в первую очередь направляет свое острие, улики, доказательства и требования суровой уголовной репрессии. Ибо именно они – государственные служащие – обязались честно работать на пролетарское государство и изменили этому обязательству, изменили своему долгу, предали свое пролетарское государство. Мы к ним относимся поэтому иначе, чем относимся к служащим частных фирм, частных контор и своих, и чужих. Мы должны особенно подчеркнуть сугубую ответственность наших государственных служащих по сравнению с ответственностью специалистов-иностранцев или вообще иностранцев, может быть не специалистов, или иных специалистов, чем те, за которых мы их принимали, явившихся к нам работать, участвовать в нашем общем государственном строительстве.

Конечно отвратительны, безобразны преступления, совершенные Торнтонами и Монкгаузами, Кушни и Макдональдами. Но нет слов, чтобы выразить все чувство негодования, чтобы найти формулу презрения, говоря об ответственности государственных служащих нашей страны, забывших свой долг перед своей страной, изменивших своей социалистической родине. Они изменяли, изменяли настолько систематично, настолько повседневно, что, в сущности говоря, некоторые из них даже забывали, чьи они служащие, и вели себя так, как будто они являются служащими не государственного учреждения, а служащими тех коммерческих предприятий, которые сами несут очень высокие обязательства и очень высокую ответственность перед нашим государством, с которым они вступают в те или иные деловые отношения.

Я хочу воспользоваться этой частью своей речи, чтобы решительным образом отвергнуть всякие попытки, которые делались Монкгаузом, потащить обвинение на путь нападения на отдельные иностранные фирмы, в частности на фирму «Метро-Виккерс». Сегодня ряд вопросов, которые были заданы Монкгаузом экспертизе, в сущности говоря, нельзя было расценить иначе, как попытку спровоцировать нас, попытаться изобразить дело так, как будто бы на скамье подсудимых сидит не Монкгауз, а фирма «Метро-Виккерс».

Я тогда же предостерегал от подобного рода недоразумений и должен сейчас от этого так же решительно предостеречь. Если бы у нас были достаточные данные для предъявления обвинения к фирме «Метро-Виккерс», мы не остановились бы на полпути. Но в данном случае мы должны сказать, что у нас для этого оснований нет, что судить «Метро-Виккерс» в связи с настоящим делом в уголовном порядке или в каком-нибудь ином, чем это предусмотрено существующим договором по отношению к фирме «Метро-Виккерс» мы не собирались и не собираемся.

Преступления отдельных должностных лиц Московской конторы «Метро-Виккерс» или даже преступные действия отдельных лиц за пределами СССР, имеющих отношение к этой конторе, мы никак не склонны рассматривать как действия, совершенные этой фирмой, за которые эта фирма должна нести ответственность как таковая. Мы говорим об отдельных лицах, будь то Монкгауз или Ричардс, мы говорим об отдельных преступлениях как тех, которые находятся сейчас на нашем рассмотрении, так и тех, которые не находятся на нашем рассмотрении в данное время, вне какого бы то ни было отношения к фирме, по отношению к которой Монкгауз сегодня сделал попытку поставить вопрос так, как будто это не он, а фирма сидит на скамье подсудимых.

Монкгауз должен забыть, что он здесь фигурирует в каком-нибудь ином качестве, кроме одного – обвиняемого в тягчайших государственных преступлениях служащего этой фирмы и не больше. Точно так же, как он должен забыть, что он здесь может фигурировать в качестве уполномоченного по Московской конторе, принимающего на себя обязанность защищать всех остальных служащих этой конторы, привлеченных к ответственности по настоящему делу.

Я уже сказал, что государственное обвинение строит свое обвинение по отношению к подсудимым по настоящему делу по трем основным направлениям. Это раньше всего умышленная порча агрегатов, оборудования. Это, во-вторых, военный шпионаж и, в-третьих, та система подкупов, с которой мы столкнулись в очень широком виде при рассмотрении индивидуальных преступлений отдельных, привлеченных к ответственности по настоящему делу, подсудимых.

По вопросу о военном шпионаже в ходе судебного следствия было много разговоров, и некоторые из подсудимых делали вид, что они, в сущности говоря, недостаточно ясно себе представляли содержание этого понятия. Это очень упорно и настойчиво пытался нам здесь внушить Торнтон, который говорил, что шпионаж в его представлении (а эту версию поддерживал и Монкгауз, а за ними двумя шли потом и другие обвиняемые из английских граждан, например Кушни) очень серьезно расходится с теми представлениями, какие он получил в процессе предварительного расследования из формулировок предъявляемых ему обвинений. Все они делали вид, что шпионаж по нашему советскому праву в их представлении есть собирание «всяких» сведений и что там, когда они говорили о признании себя виновными в собирании шпионских сведений, они говорили, если хотите, и правду и неправду. Правду потому, что они употребляли эти слова «шпионские сведения», а неправду потому, что под этими словами они представляли себе совершенно не то содержание, которое соответствует статьям нашего Уголовного кодекса.

Я думаю, что в этот вопрос нужно внести полную ясность. Мы словом «шпионаж» не играем. Мы имеем совершенно точное и ясное представление о том, что такое шпионаж, как контрреволюционное преступление, и мы вправе требовать от каждого прибывающего на территорию нашей страны такого же ясного и точного представления о том, как наш закон и наше государство понимают значение этого слова, значение и содержание этого преступления.

Индивидуализируя и характеризуя положение в этом процессе каждого отдельного подсудимого, я остановлюсь дальше специально на вопросе о том, как ни Торнтон, ни Монкгауз не имели никакого права прикидываться по-своему понимающими значение шпионажа, сводя это понимание не к шпионажу, а к добыванию каких-то «обывательских» слухов и слухов. Но сейчас я хочу остановиться на теоретическом, если позволено будет так сказать, хотя и очень беглом, изложении понятия шпионажа по нашему праву.

Я хотел бы также просить разрешения, ввиду интереса некоторых параллелей, коснуться этого вопроса и с точки зрения иностранного права, права иностранных государств и в том числе английского права, статутного права.

Мне кажется, это будет не бесполезно для нашего дела с точки зрения характеристики или оценки индивидуальной ответственности того или иного подсудимого по настоящему делу в связи с предъявленными к ним в этой области обвинениями.

Мы знаем, что и отдельные лица, находящиеся на нашей территории, и даже целые группы этих лиц занимаются собиранием разнообразных сведений на территории нашей страны. Но мы никогда не предъявляли и не думаем предъявлять кому-нибудь обвинение в шпионаже на основании только того, что кто-либо, вращающийся в тех или иных кругах нашего общества, вполне легальными путями получает те или иные сведения и об экономическом положении нашей страны, и об урожае, и о ходе той или другой хозяйственно-политической кампании, скажем, посевной или хлебозаготовительной, или о тех или иных даже затруднениях, которые переживает та или иная отрасль нашей промышленности или нашего хозяйства, неизменно растущего в процессе постоянного и победоносного преодоления возникающих на его пути затруднений.

Мы не вменяем никогда в вину и не можем рассматривать как основание для привлечения к ответственности по обвинению в шпионаже, экономическом или политическом, и тех, кто пользуется различного рода сведениями о политических настроениях тех или иных кругов нашего общества, даже если он эти сведения о политических настроениях этих кругов попытается в той или иной обстановке направить против наших интересов. Мы не можем, скажем, требовать, чтобы лица, принадлежащие к другим классам, стоящие на почве совершенно иных, свойственных им классовых интересов, имеющих определенное совершенно миропонимание и отношение к окружающей их действительности, воспринимали явления нашей действительности так, как воспринимаем мы, советские люди.

Мы никогда не ставим и не поставим вопрос об ответственности по статье 58-6 Уголовного кодекса, когда будем иметь дело с получением или даже собиранием сведений такого рода, о которых я только что доложил суду, т.е. таких сведений, как сведения об экономическом положении, о политических настроениях, об урожае, о разного рода хозяйственных кампаниях и т.д. и т.п.

Но, разумеется, это не дает и не должно давать никому никаких оснований пытаться прикрывать действительно шпионскую работу в настоящем значении этого слова указанием на то, что это «обывательские сведения», как пытался утверждать здесь Торнтон, ссылаясь к тому же на якобы очень широкое понимание шпионажа с точки зрения нашего советского права.

А Торнтон так и говорит, что, признавая себя виновным в шпионаже, он думал, что у нас шпионскими сведениями считаются не сведения, имеющие военно-государственное значение, как это есть на самом деле, а всякие сведения, и в том числе такого рода сведения, о которых мы говорили уже выше. Почему он мог так говорить? Может быть потому, что хотел использовать действительно достаточно широкие определения в этой области права капиталистических стран, согласно которым под шпионаж можно подвести и такие действия, которые направляются и против интересов отдельных капиталистических групп или даже отдельных капиталистов.

Наше право для этого не дает никаких оснований. Мы имеем совершенно точное понятие о шпионаже. Оно в высокой степени точно изложено в наших действующих законах, и с точки зрения именно наших действующих законов мы и постараемся строить свое обвинение в шпионаже, которое мы предъявляем по нашему делу целому ряду обвиняемых.

Но предварительно несколько слов о том, как смотрят на вопрос о шпионаже различные иностранные государства. Если обратиться к английскому праву, то мы здесь для ответа на данный вопрос имеем материал в виде закона 22 августа 1911 г. о государственных тайнах и такой же закон под аналогичным названием от 1920 г. Статья 2-я закона о государственных тайнах от 22 августа 1911 г., представляющего собой новую редакцию закона 1889 г., гласит следующее: «При уголовном преследовании на основании этой статьи не требуется, чтобы вина обвиняемого была установлена каким-либо определенным действием, доказывающим цель, угрожающую безопасности и интересам государства. Обвиняемый может быть осужден, хотя бы такое деяние и не было установлено, если из обстоятельств дела, из его поведения или из доказанных свойств его характера явствует, что цель, которую он преследовал, заключала в себе угрозу и опасность интересам государства».

Вот как буржуазия защищает интересы своего государства, свои классовые интересы, когда ставит вопрос об ответственности по статьям о шпионаже.

И дальше: «Если какой-нибудь снимок, план, образец, материал, заметка, документ или сведения, имеющие отношение к месту, запретному в смысле настоящего закона, или к предмету, находящемуся в таком месте или используемые в нем, будет собрано, оглашено или передано лицам, не имеющим на то законных полномочий, то до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться, что названные предметы или сведения были изготовлены, добыты, собраны, записаны, оглашены или переданы с целью, угрожающей безопасности интересов государства».

Вот как буржуазия защищает свои интересы этой области.

А что такое с точки зрения английского закона 1911 г. эти самые «запретные места», т.е. «места, запретные в смысле настоящего закона?» Ответ на этот вопрос и очень ясный ответ дает следующая 3-я статья, которая состоит из целого ряда разделов, в том числе, и раздела, содержащего следующий перечень:

«Все железнодорожные пути, дороги, проезды, каналы и иные средства сообщения по суше или по воде, включая все постройки, которые составляют их часть или находятся в связи с ними, все места, используемые для производства газовой, водяной или электрической энергии или для иной работы государственного значения» и т.д.

Вот что говорит эта статья, вероятно хорошо известная Торнтону, как бывшему военному и как настоящему военному шпиону.

Мы имеем посвященный тому же вопросу и другой английский закон, являющийся дополнением к только что оглашенным мною двум статьям из этого закона 1911 года, это закон 23 декабря 1920 г., где точно так же, даже еще более решительно, буржуазия в своих интересах, я это еще раз подчеркиваю и повторяю, защищает и охраняет при помощи закона о шпионаже свои кровные, государственные интересы.

Я имею здесь в виду 2-ю статью этого закона, которая излагает чрезвычайно интересные мысли. «При производстве дел, – говорится здесь, – о ком-нибудь по обвинению в преступлении, предусмотренном 1-й ст. Основного акта, факт, что лицо было в сношениях или сделало попытку установить сношение с иностранными агентами в пределах или за пределами Соединенного королевства, должен рассматриваться как доказательство того, что лицо, с целью, угрожающей безопасности и интересам государства, получило или пыталось получить информацию, дающую повод предположить, что она прямо или косвенно полезна неприятелю, или может быть полезна неприятелю, или получена с расчетом того, что она может быть ему полезна».

И дальше: «Должно считаться установленным, если только противное не будет доказано, что лицо было в сношениях с иностранным агентом» и т. д., и т. д.

Вот какие законы существуют, гражданин Торнтон, в вашем государстве, защищающем тайны военно-государственного характера, за нарушение которых применяются чрезвычайно серьезные наказания, за нарушение которых виновный в этом подвергается чрезвычайно серьезной ответственности. И после этого Торнтон пытался здесь прикинуться каким-то политическим младенцем, наивным человеком, не знающим, что такое шпионаж, хотя и признавшим себя виновным в собирании, как он сам собственноручно писал в своих показаниях, шпионских сведений.*

Наряду с этим право капиталистических государств знает еще понятие экономического шпионажа в смысле охранения так называемых промышленных тайн. Для примера можно сослаться хотя бы на германский закон от 9 марта 1932 г. Мы не знаем промышленных тайн в смысле капиталистического права, но и у нас есть понятие экономического шпионажа, под которым понимается собирание и разглашение экономических сведений, являющихся сведениями, специально охраняемыми государством и перечисленными в перечне, специально указанном в соответствующих законодательных актах, в данном случае – постановление Совнаркома СССР от 27 апреля 1926 г., которое содержит исчерпывающий перечень тех сведений, при разглашении которых имеется основание для предъявления обвинения в преступлении, подходящем под понятие экономического или военного шпионажа.

Конечно различные мерки, различный подход к этим вопросам в различных государствах объясняются различной природой этих государств. Нужно вообще иметь в виду, когда мы говорим о государстве пролетарской диктатуры, о Советском государстве, что мы имеем дело с государством особого рода, которое, по словам Владимира Ильича, является в сущности уже полугосударством. И действительно, наше государство осуществляет задачи защиты интересов рабочего класса, интересов трудящихся масс, основная и единственная цель и задача нашего государства заключается в защите и охране этих интересов, в борьбе против всякого рода эксплуататорских явлений, против эксплуататорских классов. Конечно наше государство совсем иного типа, иного рода, иной породы, чем эксплуататорские государства. И хотя мы часто употребляем слово государство, но мы никогда не должны забывать, что самая природа нашего государства в отличие от буржуазных государств обязывает нас к иному подходу в решении различных задач нашего государственного строительства, чем это имеет место в этих буржуазных государствах.

* Как мы видели, обвинение в отношении того же инж. Торнтон базировалось лишь на его рукописных признаниях, полученных незаконными методами допроса и назойливо факсимильно воспроизводимыми в издании ГИЗ 1933 года. Ни один «снимок, план, образец, материал, заметка, документ или сведения, имеющие отношение к месту, запретному в смысле настоящего закона» у мистера Торнтон или остальных его «подельников» обнаружен не был!

Так обстоит дело в частности и с вопросом об ответственности наших государственных служащих, о которой я говорил в предыдущем своем изложении, когда я подчеркивал особое значение, которое мы придаем ответственности за совершенные против нашего государства преступления нашими служащими. Это объясняется тем, что наши служащие являются слугами трудового народа, что они являются служащими нашего государства, которое является государством трудящихся масс, государством рабочих и крестьян, создающих все ценности, все благо, являющиеся основой и источником самого существования нашего государства. Этого нет ни в каком капиталистическом государстве. Отсюда различие в подходе к решению этого вопроса и в сфере уголовной политики. В то время как буржуазия, создавая законы, направляемые и против служащих, и против трудящихся вообще, действует исключительно в своих классовых интересах, в интересах меньшинства, противостоящего интересам масс, мы, направляя свои законы против служащих, изменяющих нашему государству, действуем в интересах трудящихся и в интересах государства трудящихся, которое защищается таким образом против изменников, против всяких попыток противопоставить себя и свои интересы интересам государства, как государства трудящихся. То же самое и с особой силой нужно сказать и по вопросу, который я сейчас затрагиваю в связи с вопросом о шпионаже, как преступлении, направляемом против государства трудящихся и с этой точки зрения перерастающем в наших глазах в величайшее преступление против рабочего класса, против пролетариата и против всего будущего всей человеческой цивилизации, создаваемой победоносными успехами нашей пролетарской революции. Отсюда – и те суровые уголовные репрессии, которые мы опрокидываем на головы всех тех, кто только попробует пустить в ход шпионаж против интересов пролетарского государства.

Третий раздел преступлений, с которыми мы сейчас имеем дело в данном процессе, это раздел, который я озаглавил словом подкуп. И здесь нужно опять-таки исходить из принципиальных особенностей нашей советской жизни, нашего советского строя, с одной стороны, и принципиальных особенностей, которыми характеризуются быт, привычки, нравы и система взаимоотношений в различных кругах различных капиталистических стран, с другой. Монкгауз не мог согласиться с обвинением в оценке трех тысяч рублей, которые были даны Долгову в качестве взятки, утверждая, что это была не взятка, что это был подарок. Конечно понятие взятки, понятие воровства, как и другие понятия, о которых я уже раньше говорил, у нас и в буржуазном обществе бывают очень часто различными, и это вполне естественно. У В.И. Ленина есть одно место, где он говорил об этом различии. Разрешите мне привести этот красноречивый пример: «Когда рабочий, – писал Ленин, – украдет булку, то его в буржуазной стране посадят за это в тюрьму, а когда богатый украдет железную дорогу, то его назначают сенатором...» Это действительно свидетельствует о величайшем принципиальном различии взглядов на вещи: воровство бедняком куска хлеба – в глазах буржуазии – преступление, воровство богатым целой железной дороги – это проявление большого государственного ума и большой государственной виртуозности, за это нужно назначить сенатором.

Так и в области взяток. Мы говорим о взятке, как о разъедающем наш организм зле, с которым нужно самым жестким, самым беспощадным образом бороться, стараясь выжечь каленым железом из системы наших отношений такие явления, как взяточничество. А между тем мы знаем, что в буржуазных кругах – отдельных конечно, я не хочу делать слишком широких здесь обобщений, в отдельных буржуазных кругах, предпринимательских, деляческих, банкирских и т.д. и т.п., да и во всем буржуазном обществе в целом, когда мы говорим об этом принципиально, взятка не считается преступлением, ибо на взятке держится нередко все благополучие разных выскочек, карьеристов, парламентских и биржевых дельцов и т.д. и т.п.

Все ваши, граждане Монкгауз и Торнтон, разговоры ,о том, что это «подарок», потому что он «небольшой», потому что он дается за «работу», за то-то и то-то, для нас не убедительны. Такие «подарки» мы рассматриваем как взятку, потому что это есть такого рода действия, которые влекут за собой переключения внимания энергии, стремлений, желаний, обязанностей от интересов государства к частным интересам, очень часто в определенных случаях противоположным интересами государства.

Да, да и так это и с вашей фирмой, в отношении которой мы – я еще раз это повторяю – не имеем данных для привлечения по этому делу к уголовной ответственности, но которая, по вашим же собственным словам и показаниям, гражданин Монкгауз, от которых вы пытались уйти после того, как вы их зафиксировали собственной подписью, выполняет очень часто, сплошь и рядом недобросовестно свои обязанности по отношению к Советскому государству. Последнее вы здесь сами характеризовали таким образом, что если бы вы были покупателем, то не стали бы покупать такого оборудования, которое вы как продавец осмеливаетесь однако продавать за трудовые народные деньги, выплачиваемые вам нашей страной за это оборудование.

Пусть тот же самый Монкгауз и пусть тот же самый Торнтон и пусть те же самые другие их сограждане, о которых я индивидуально буду говорить в следующей части своей речи, передавая взятки нашим государственным служащим, подкупая этими взятками этих государственных служащих, переводя их на сторону своих интересов и противопоставляя их интересам нашего пролетарского государства, пусть они не смеют прикрываться тем, что у них понятия об этих действиях связываются с понятием не о взятке, а о подарке. Законы их собственной страны не позволяют им ни думать, ни говорить, ни защищаться такими соображениями.

Я хочу напомнить здесь несколько законов английского статутного права, посвященных именно этому вопросу о взяточничестве. Вот например мы имеем закон 1889 г. о взяточничестве в публично-правовых организациях. Из этого закона видно, как буржуазия умеет свои общественные организации, свои организации публично-правового характера защищать строже и сильнее, чем частные предприятия, когда эти частные предприятия и организации осмеливаются вступать в противоречие с государственными интересами.

Мы имеем закон 1906 г., который носит характерное название «о предупреждении коррупции», той самой коррупции, которой обвиняемые систематически здесь занимались под прикрытием своей фирмы, и аналогичный закон 1916 г.

По закону 1889 г. взяткой считается «предоставление кому-либо (так и сказано, гражданин Монкгауз) в качестве взятки обещания, предложения подарка, ссуды, вознаграждения или чего-либо иного, имеющего ценность, что должно побудить его что-либо сделать или воздержаться от выполнения чего-либо, имеющего отношение к делу, в котором принимает участие публично-правовая организация».

Вот как ставится дело. Если государственный чиновник стоит на страже интересов учреждения, в котором он выполняет ту или иную функцию, то всякого рода подарки, предоставление ему каких-либо материальных ценностей, которые могли бы его заставить что-либо сделать, или что-либо не сделать, вопреки его долгу, служебным обязанностям, являются уже взяткой, рассматриваемой в соответствии с этим законом как уголовное преступление.

То же самое по закону 1906 г., где говорится следующее: «Если кто-либо, действуя недобросовестно, в качестве чье-либо представителя примет или добьется, чтобы ему были даны или согласится получить от кого-либо для него самого или для другого лица подарок или что-либо, имеющее ценность для побуждения к выполнению или воздержанию от выполнения» и т.д., это есть уже взятка.

В законе 1916 г. говорится то же самое, причем создается очень интересная презумпция: что «до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться установленным, что деньги, подарок или что-либо иное, имеющее ценность, были уплачены, предоставлены или получены в качестве взятки для побуждения или вознаграждения за что-либо, как это предусмотрено в названных актах...»

Вот как говорят законы, законы той страны, которая вас, обвиняемые Монкгауз, Торнтон и другие, сюда послала для определенных целей в силу договора, существующего между нашими учреждениями и вашей фирмой, представителем которой вы, Монкгауз, здесь в Москве являетесь. Взятка есть взятка. Как бы ее ни называли, она не изменит своего существа и по законам буржуазного государства и тем более по нашим законам.

Может встать юридический вопрос о том, почему в нашем обвинении не предъявлена специальная статья, говорящая о взяточничестве, тогда как мы обвиняем во взяточничестве. Почему ее здесь нет? Почему среди всех этих статей – 58-6, -7, -9 и -11 – не нашлось места и специальной статье, говорящей о взяточничестве – 118 ст. Уголовного кодекса? Ответ на этот вопрос очень прост – потому, что взятка в тех условиях, при которых является достаточно обоснованным предъявление обвинения и, буду надеяться, осуждение по этому предъявляемому нами обвинению в преступлениях контрреволюционных, является лишь своеобразной формой проявления этого контрреволюционного преступления, потому что в этих условиях и при этих обстоятельствах взятка по самому существу своему является контрреволюционным преступлением, является крупнейшим и тягчайшим государственным преступлением.

Это не просто взятка, которая дается за оказание той или другой «услуги», не затрагивающей и неспособной затронуть самих основ государственной системы отношений. Когда взятка приобретает характер способа, при помощи которого пытаются контрреволюционеры нанести удар именно этим отношениям, затронуть именно эти основы государственных отношений, тогда мы не можем рассматривать уже ее как обыкновенную взятку в ее специфической форме, как это выражено в ст.ст. 117 и 118 Уголовного кодекса РСФСР, т.е. как получение каким-либо должностным лицом вознаграждения за выполнение или невыполнение каких-либо служебных действий, а рассматриваем это лишь как своеобразное проявление контрреволюционного преступления, посредством которого оказывается то же самое классовое сопротивление делу социалистического строительства, которое оказывается и при помощи контрреволюционной агитации, и при помощи других самых разнообразных средств в деле вредительства и сопротивления врагов нашей страны успехам нашего социалистического строительства.

Аналогичный случай мы имеем и с декретом 7 августа, когда при определенных условиях воровство (хищение) рассматривается не как простое воровство, но поднимается до значения крупнейшего политического акта, который вырастает в крупнейшее контрреволюционное действие, квалифицируемое этим декретом 7 августа, как всем известно, именно как крупнейшее, как величайшее государственное преступление, покушающееся на самую основу советского строя, какой является наша священная и неприкосновенная социалистическая собственность.

Вот почему и здесь не должно быть места удивлению по поводу того, что мы не предъявляем специальной статьи, говорящей о взяточничестве, мобилизуя ее из множества статей нашего Уголовного кодекса, но включаем состав предусмотренного этой статьей преступления в общий состав преступлений, поглощаемых всеми теми статьями, которые перечислены в обвинительном заключении и которые направлены против обвиняемых всем острием статей о контрреволюционных преступлениях 58-6, -7, -9 и -11 Уголовного кодекса.

Председатель. Сейчас 11 часов 45 минут. Объявляю заседание закрытым до 11 часов утра 17 апреля 1933 года.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 17 апреля 1933 г. 11 час.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается. Слово предоставляется государственному обвинителю т. Вышинскому.

Вышинский. Переходя к характеристике отдельных преступлений, совершенных каждым из подсудимых, необходимо дать характеристику тех событий, которые имели место в связи с этой преступной деятельностью на тех или иных электростанциях, и дать наконец квалификацию этих преступлений с точки зрения требований нашего уголовного закона.

Мы имеем ряд станций, о которых уже говорилось очень детально, и обстоятельно на всем протяжении судебного следствия. Мы имеем Златоустовскую станцию, Зуевскую электростанцию, Ивановскую электростанцию, Бакинскую электростанцию и целую группу электростанций, объединяемых в этом деле и в наших материалах общим именем – Мосэнерго.

Позвольте мне и перейти к краткой характеристике положения делу создавшихся на каждой из этих станций в связи, а отчасти и в прямой зависимости от преступно-вредительской, контрреволюционной деятельности связанных с этими станциями и работающих на этих станциях контрреволюционеров и вредителей, привлеченных по настоящему делу.

Златоустовская электростанция. В период времени 1931-1932 гг. на Златоустовской электростанции мы наблюдаем ряд систематически повторяющихся из месяца в месяц аварий. Мы имели здесь ряд аварий, не одну аварию, а ряд аварий с мотором в 1 400 л.с., обслуживающим, как вы помните из данных нашего судебного следствия, крупносортовый стан прокатного цеха, который непосредственно обслуживал производство ряда заводов и в том числе военные цехи и военные заводы.

Мы имели аварии с мотором в 1 400 л.с. на Златоустовской электростанции – 10 апреля, 12 мая, 13 июня и т.д. и т.д. в течение этих двух лет, но это не значит, что этих аварий не было раньше. Эти аварии были и до этого. Если мы говорим об этих авариях, то только потому, что именно эти несколько аварий дали нам нити к тому, чтобы вскрыть истинные и подлинные причины этих аварий, а, во-вторых, потому, что по поводу этих аварий были составлены акты, вопреки тому методу действий вредителей, который между прочим заключался и в том, чтобы или вовсе не составлять актов об авариях, или составлять акты заведомо таким образом, чтобы в них не были установлены действительные причины этих аварий.

Мы имеем ряд аварий с мотором в 1 400 л.с., которые имели своим прямым последствием попытку нанести удар по тому производству, которое в свою очередь имело основное значение для прокатки и в частности имело основное значение для военного производства. 5-6 раз подряд выводится мотор из строя благодаря сознательной, умышленной вредительской работе нескольких лиц – Гусева, Соколова, Мақдональда, на этом именно участке сосредоточивших свое основное внимание и напрягавших все свои усилия, чтобы бить по этому очень важному, с точки зрения нормального хода производства и в частности военного производства, агрегату этой электростанции.

Но этим делом не ограничивается. Мы имеем факт замораживания котла № 8, когда не были закрыты шиберы – тоже совершенно сознательно, и когда это привело тоже к аварии.

В конце 1931 г. выводится из строя на той же электростанции углеподача. При двух углеподачах, из которых одна играет резервную и очень важную роль, умышленно и опять-таки очень тонко, под видом некоторого рода переустройства, тоже своего рода рационализация, о которой здесь говорил подсудимый Гусев, разрушают фундамент, а затем начинают ремонт углеподачи, выводя ее из строя и оставляя станцию в таком состоянии, которое на их вредительском языке получило специально техническую формулу – «аварийного состояния» станции.

Мы имеем наконец задержку в переоборудовании котлов №№ 1, 2 и 11, что привело станцию в такое положение, когда она должна была иметь и имела в действительности только сниженную мощность и сниженную очень значительно, примерно наполовину – с 12 000 киловатт нормальной мощности могла развить едва только 6 000 киловатт. Вы помните, товарищи судьи, как эти аварии производились. Нельзя сказать, чтобы они производились уж очень сложным способом. Наоборот, как показывал здесь уже Гусев, авария с мотором в 1 400 л.с. была вызвана очень легким путем – введением в междужелезное пространство между статором и ротором постороннего металлического предмета.

Анализируя причины этих аварий, и в частности и важнее всего аварии 10 апреля, мы видим, что целый ряд других аварий с тем же мотором, о котором я говорил сейчас, аварии 12 и 13 июня и другие, явились прямым результатом недобросовестного, недобросовестного устранения причин первой аварии, сознательного и умышленного плохого ремонта после первой аварии. Именно этот плохой, умышленно плохо произведенный ремонт мотора после первой аварии был причиной и ряда последующих аварий, с которыми мы встретились затем на этом моторе в 1 400 л.с. Анализируя причины этой аварии, экспертная комиссия пришла к заключению, что смещение статорного железа могло произойти из-за попадания в междужелезное пространство постороннего металлического предмета и что в нормальных эксплуатационных условиях постороннее железо не могло попасть в мотор и может быть втиснуто туда только искусственно.

Но тогда, когда экспертная комиссия анализировала эти данные, опираясь на аварийный акт, она конечно не имела в виду показаний Гусева, которые прошли здесь перед судом, в которых Гусев рассказал сам, как в действительности это постороннее железо попало в мотор, как оно было туда вложено сознательно, умышленно, благодаря вредительским планам, на основе которых развертывалась вся деятельность Гусева в этот период.

Зимой 1932 г. на Златоустовской электростанции произошла новая авария с котлом № 8, который стоял в холодном резерве. И эта авария была произведена умышленно и, как оказалось не бог весть каким мудреным способом – не были закрыты шибера, не была спущена вода, а когда пришла зима – котел замерз, и произошел разрыв ряда трубок. По заключению экспертной комиссии и эта авария могла произойти либо от халатного отношения котельного персонала к оборудованию, или от злого умысла.

Защита могла бы стать на почву этой альтернативы и сказать – экспертиза установила, что авария могла произойти или по причине злого умысла, или по причине халатности. Экспертиза не может сказать иначе, ибо она добросовестно, объективно обследовала этот вопрос, не имея в виду субъективной деятельности того или иного лица. Экспертиза исходила лишь из общих технических условий, в которых эти факты, чисто объективные, имели место. Характеризовать же эти факты с точки зрения персональной деятельности это уже наше дело. Наше дело показать, что и здесь причиной являлась не халатность, а именно злой умысел. Из этих двух возможных причин в данных конкретных условиях с аварией котла № 8 и играла роль только одна причина, и это опять-таки злой вредительский умысел, контрреволюционный акт, направленный против нормальной работы этой электростанции.

На той же электростанции в начале 1932 г. была произведена, как я сказал, разборка резервной углеподачи. При каких условиях возможна была разборка этой резервной углеподачи – вот первый-вопрос, который следствие поставило перед экспертной комиссией. И получило ответ: «Разбор резервной углеподачи может быть допущен лишь в том случае, если эта углеподача является неудовлетворительной или недостаточной и вместе с тем может быть быстро заменена новой, для монтажа которой имеются все необходимые части и сделаны все подготовительные работы».

Таким образом возникает второй вопрос, поставленный перед экспертизой, были ли все эти три условия налицо в момент, когда происходила разборка углеподачи. Экспертиза ответила: «В данном случае этих условий не было, ибо для монтажа этой углеподачи должны были иметься все необходимые части, должны были быть предварительно осуществлены все подготовительные работы». Не было сделано ни первого, ни второго. А потому, на основании строго объективного анализа имеющегося в деле материала, экспертиза пришла к заключению, что «разборка углеподачи была произведена с явно вредительской целью». Здесь даже не нужно иметь сознания преступника, здесь даже не нужно иметь живого автора этих вредительских действий. Достаточно иметь заключения экспертизы, чтобы сказать, что здесь не может быть и речи ни о какой халатности, здесь не может быть речи даже о преступной халатности. Здесь могут быть только прямые вредительские действия, в лоб направленные против нашего советского и в данном случае силового хозяйства, ибо то, что совершали подсудимые, свидетельствует только об одном и не может свидетельствовать ни о чем другом, свидетельствует о злом вредительском умысле, о сознательной вредительской работе, о сознательном, вредительском разрушении, о том, что мы называем диверсией.

Мы имеем таким образом ряд аварий, которые все являются результатом умышленной контрреволюционной диверсионной деятельности людей, которые, будучи поставлены властью, поставлены рабочим классом, нашей пролетарской революцией на посты, на которых им было доверено государственное имущество, не только не хранили и не охраняли его, но пытались его портить и калечить, подготавливая и совершая диверсионные акты, ведя хотя и в скрытой замаскированной форме, но подлинную войну с рабочим классом путем разрушения, путем уничтожения нашего государственного имущества.

Мы имеем далее на этой же станции ряд актов сознательного выведения из эксплуатации котлов. Котлы Стерлинга № 1 и № 2, каждый поверхностью по 260 кв. метров, с мая 1928 г. выводятся из строя по прямому поручению и с прямым соучастием Макдональда, по плану, который разрабатывается, проводится систематически и методически в жизнь и притом по совершенно легальным основаниям: ремонт, переделка, перестройка. Тоже «реконструкция».

Переделываются топки, и переделываются таким образом, что, несмотря на то, что в 1930 г. необходимое для успешного окончания этой переделки импортное оборудование уже лежит на площадке этой станции, тем не менее эта переделка длится около или даже свыше 2 лет. И дальше, здесь же 3-й котел, котел № 11 ЮМТ, который переделывается, монтируется в течение двух с половиной лет.

А здесь какие причины? Экспертная комиссия говорит: «Наличие злого умысла и по меньшей мере преступная халатность». Но и преступная халатность так же есть не что иное, как проявление этого преступного умысла. А в результате – задержка в монтаже котлов №№ 1, 2 и 11 послужила причиной того, что станция развивает примерно половинную мощность от установленной мощности турбогенераторов.

Зуевская электростанция. В июне-июле 1932 г. на Зуевке произошла авария с генератором № 3. Как она произошла? Об этом говорил здесь Котляревский, очень спокойно говорил. Я даже думал, что Котляревский, как я это дальше должен буду сказать и о некоторых других, например о Сухоручкине, вероятно чувствовал себя здесь как бы на академическом заседании какого-нибудь научно-технического общества, где он делал спокойный академический доклад о своих достижениях в области вредительства. Поразительная картина, чудовищная картина! Чудовищно, когда инженер, действительно призванный создавать, когда инженер на советские пролетарские средства вскормленный и вспоенный на груди пролетарской революции, змеиным жалом пытается вонзиться в самое сердце этой революции! Котляревский здесь говорил о том, что он вложил в генератор болт и вызвал аварию. Хорошо, что эта авария не повлекла за собой таких последствий, какие она вообще могла повлечь. Но разве это был один единственный случай и разве там не находились другие посторонние болты в таких местах, где им никак не надлежало находиться. Мы это установили здесь на судебном следствии. Куски доски, камень, какая-то щетка для обметания в недрах наших машин.

Экспертная комиссия по этому поводу пришла к совершенно категорическому выводу. Она говорит: «Случаи нахождения в генераторе № 3 разных посторонних предметов (болтов, кусков доски, камня и пр.) не могут рассматриваться иначе, как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-либо прямого, злого умысла». «Всякий техник (добавляет она) не может не понимать, что попадание посторонних предметов, особенно болтов, в межжелезное пространство генератора может привести к серьезному повреждению статора и выходу из строя всего агрегата».

Мы имеем так же на Зуевке ряд аварий, которые произошли с турбинами №№ 1-3 с масляными насосами, по поводу которых я так же хотел бы напомнить заключение экспертной комиссии, установившей, «что состояние масляного насоса, которое наблюдалось на этой турбине №№ 1-3 на этой Зуевской электростанции, ставило под прямую угрозу надежность турбины и могло иметь место лишь при явно недобросовестном отношении к делу лиц, производивших монтаж».

На основании всех материалов, которые прошли перед нами на этом судебном следствии, мы можем прямо сказать, что это не только явно недобросовестное отношение к делу лиц, производивших монтаж, а то, что мы характеризуем опять-таки как умышленную вредительскую деятельность.

Я не буду останавливаться на других авариях этой же самой Зуевской электростанции. Я должен буду только просить суд обратиться к материалам экспертной комиссии, вспомнить об этих фактах в своей совещательной комнате и также вспомнить о той оценке, которая экспертами-техниками была дана этим авариям, свидетельствующим о том, что в результате своей работы в известной мере, в известные периоды времени эта группа зуевских вредителей добилась того, что Зуевская электростанция на некоторых своих участках была действительно в течение некоторого периода времени приведена в аварийное состояние.

Ивановская электростанция – Ивгрэс. В течение времени с января 1932 г. по день возбуждения расследования по настоящему делу – начало 1933 г. и здесь равным образом происходит целый ряд разнообразных аварий, в своем результате выводивших из строя те или другие агрегаты. Эти аварии являлись следствием различных причин – и ненадежного регулирования турбин, и следствием ненадежного облопачивания турбин и неправильной работы контрольно-измерительной аппаратуры. Кроме того здесь имел место случай неоднократного, я не скажу выхода, а вывода из строя моторов цепных решеток котлов путем очень примитивным – путем перелома кабеля, питавшего эти моторы. Мотор кабеля выводился из строя вследствие засорения мотора песком.

Имели место неоднократные ложные выключения фидеров собственных нужд. Мотор дымососа котла № 5 умышленно сожгли путем умышленного закрытия вентиляции этого мотора, был произведен взрыв контактной коробки мотора пожарного насоса тоже путем введения посторонних предметов туда, а кроме того осуществлялись систематические расстройств телефонной станции, что прерывало связь между отдельными агрегатами всей электростанции и что, разумеется, вело к тем же самым последствиям, ослаблявшим производственные возможности этой станции, к чему была направлена и вся деятельность этой ивгрэсовской вредительской группы.

Я хотел бы теперь кратко коснуться Бакинской государственной районной электростанции, где тоже мы имеем с турбогенераторами №№ 11 и 12 ряд систематических аварий, ряд простоев машин, начиная с 1928 г. и продолжая это и в 1930 г. – авария 11 марта и в 1931 г. – авария 15 февраля и опять-таки в 1931 г. – авария 21 февраля и опять-таки – в 1931 г. – авария 22 марта. Эти аварии были обнаружены только при вскрытии турбины № 11 для ревизии перед производством испытания машин согласно договору, хотя, учитывая размеры этих аварий, нужно было признать, как утверждает экспертная комиссия, что эти аварии должны были сопровождаться внешними признаками – стуком машины, усиленным шумом и вибрацией, нарушением плавности хода, а все это не могло не обратить на себя внимание рачительного и добросовестного персонала, обслуживающего эту станцию, мотор которой монтировал обвиняемый Кушни. Правда, эти последние аварии были тогда, когда он уже был здесь в Москве, но оставленное им наследство, связанное с авариями 1928 г., сыграло очевидно свою роль и в дальнейшем.

И наконец последняя электростанция или, вернее, группа электростанций, которые объединяются тем, что я здесь уже сказал – Мосэнерго, тоже говорят о систематических авариях на протяжении целой пятилетки.

Можно сказать, что у вредительской группы Мосэнерго была своя вредительская пятилетка, начинающаяся в 1927-1928 гг. и, нужно надеяться, прерванная, и окончательно, изъятием вредителей, арестованных по этому делу.

Мы имеем ряд аварий на 1-й ГЭС с турбинами №№ 27 и 28. Я прошу обратить внимание на это действительно совершенно невероятное множество аварий, систематически следующих одна за другой – 9 марта, 10 мая, 16 июня, 28 ноября и т.д. и т.п. Вредители остановили работу циркуляционных насосов турбин: 4 декабря 1931 г. происходит авария на Шатурской станции, входящей также в систему Мосэнерго, 22 мая, 18 ноября 1931 г., 9 мая 1932 г. происходят аварии на Орехово-Зуевской электротеплоцентрали. Все это дает нам полное право задуматься наконец над тем, где же причины этих аварий, в чем же секрет этих аварий на этих станциях, аварий, которые, как это было выяснено на судебном следствии в результате допроса по этому вопросу товарищем Рогинским, как раз обслуживают чрезвычайно важные и ответственные участки красной Москвы, «Серп и молот», «Спартак», Кремль, Крутицкие казармы, казармы имени Дзержинского. Вся радиопередача выключается в результате одного только удачно проведенного вредительского акта, выводящего из строя распределительные турбины [???], сидящие на распределительном щите в 6 600 вольт.

Мы имеем связанные со станцией Мосэнерго однако не только отдельные предприятия, отдельные учреждения нашей красной столицы, мы имеем связанные с Мосэнерго крупнейшие промышленные центры всей Московской области – Коломна, Егорьевск, Подольск, Сергиево, Тула, Зарайск, Рязань, Ногинск, Кашира, вот целая система крупнейших, имеющих общегосударственное и военно-государственное значение предприятий, на работе которых стоит и держится известной своей частью мощь и сила нашего советского хозяйства, нашей социалистической промышленности – крупнейшие заводы Электростали, Тульские заводы, «Серп и молот», «Амо», «Трехгорная мануфактура», целый ряд текстильных, металлообрабатывающих, химических, цементных заводов и фабрик, не говоря о системе мелких заводов, питающихся электроэнергией от станций МОГЭС. Вот почему естественно на МОГЭС было направлено основное внимание вредительской группы, вот почему естественно нужно было здесь действовать наиболее умело, тонко, решительно, при помощи наиболее квалифицированной агентуры.

И вы видите, товарищи судьи, что если мы в других случаях имеем перед собой такие фигуры, как Олейник или Лебедев, второстепенные сравнительно фигуры, попавшие в сеть этих разведчиков, шпионов, провокаторов и вредителей, то вы здесь, на МОГЭС, имеете другую группу гораздо более квалифицированных, гораздо более опытных, гораздо более солидных людей, которым и платить-то как-то не особенно было удобно, и платить-то не особенно прилично, хотя все-таки платили и надо сказать плохо платили. Доктор Зорин, о чем речь будет дальше, инженер Сухоручкии, вы его показания здесь помните, инженер Крашенинников, и его вы тоже помните, три надежных опоры вредительской контрреволюции, заговорщиков на Мосэнерго. Это опытные, спокойные, не теряющие мужества, как некоторые из их участников, умеющие скрывать свои вредительские действия – «работу», «деятельность» люди, умеющие понимать друг друга с первого слова, я скажу больше и дальше, с первого взгляда.

Тут кое-кто из защитников пытался так построить защиту в отношении других подсудимых – «что же, вы разговаривали первый раз 10 минут, другой раз 20 минут, третий раз 30 минут, в общей сложности за все встречи 2 часа и что же за такой 2-часовой разговор можно сделать?» Наивное рассуждение, тоже свидетельствующее о недостаточно ясном представлении, о ком идет речь и о каких делах идет речь. Именно эти люди – Зорин, Сухоручкин, Крашенинников, это люди, понимающие с одного слова, что от них требуется, это – люди, понимающие, что говорит выражение глаз, что говорят складки губ, умеющие воспринимать эти вредительские песни без слов контрреволюции. И меня несколько не удивляет, что у них был мгновенный разговор, что у них был быстроходный разговор, несколько не удивляет!

Что мы видим на Мосэнерго? Я сказал – авария на 1-й МГЭС, на Шатурке, на Орехово-Зуевской ГЭС [ТЭЦ!]. Мы имеем таким образом достаточно, длинную серию аварий, организованных достаточно умело и опытно.

Заканчивая перечень этих аварийных вредительских случаев, я должен все-таки с удовлетворением констатировать, что как ни многочисленны были эти аварии, они не смогли причинить нашим социалистическим предприятиям сколько-нибудь значительного вреда, что все эти вредительские акты разбились о мощь и прочность наших предприятий. Я должен констатировать бессилие, ничтожество этих людей, такое же бессилие этих вредительских актов, какое некоторые из их соучастников, и в частности Торнтон, обнаружили здесь, такое же бессилие и ничтожество в организации своей собственной защиты.

Позвольте перейти к характеристике преступлений, роли и ответственности отдельных преступников. Мы имеем перед собой такой факт, как собственное признание ряда людей. Это могло бы освободить в иных случаях вообще от исследования каких бы то ни было других доказательств. Мы знаем, что по процессуальному праву и любого капиталистического государства, и в частности по процессуальному праву Англии, одно только сознание обвиняемого перед судом дает право суду не производить никакого судебного следствия. Такая же процессуальная норма имеется и в нашем праве, ибо не всегда при наличии сознания обвиняемого является необходимость проверки всех обстоятельств дела в целях проверки правильности этого признания. Но в буржуазном праве этот принцип – не случаен. В буржуазных странах продолжает царить старое средневековое представление о значении и качестве доказательств, среди которых личное сознание обвиняемого считалось лучшим, считалось «царицей всех доказательств».

Поэтому с точки зрения тех, кто следит за каждым шагом судебного следствия и так нервно следил и следит за ходом предварительного следствия, что терял по временам хладнокровие и ударялся в истерику, мы могли бы сказать, что даже, исходя из объяснений подсудимых, надлежит признать обвинение полностью доказанным.

Но надо подчеркнуть, товарищи судьи, что в этом процессе, который имеет величайшее значение, наряду с признанием самих обвиняемых мы имеем целую сумму объективных доказательств, против которых не могут устоять никакие враждебные нам силы.

Мы никогда не имели такого богатого обличительного, обвиняющего доказательного, объективного материала, каким является эта папка экспертизы, опирающейся на имевшие место факты аварий, на обследование этих фактов аварий, на тщательный анализ причин этих аварий и на выводы совершенно категорического порядка, говорящие о том, что эти аварии были, что они были организованы умышленно. Таким образом у нас имеются в руках все эти объективные материалы, которые говорят о том, что даже при самом пылком воображении нельзя выдумать того, что в действительности имело место, это зафиксировано, запечатлено и в актах и фотографиями и даже в лживой защите тех из обвиняемых, которые пытаются вообще опорочить все то, на что мы ссылаемся, на что еще недавно ссылались они сами, как на имевшие место достоверные и безусловно установленные факты.

Я хотел просить Специальное присутствие Верховного суда, когда оно будет обсуждать приговор, обратить внимание именно на эту сторону дела и еще раз просмотреть, хотя бы для этой цели: с точки зрения оценки позиции обвинения в этом вопросе, представленное нами Верховному суду наше обвинительное заключение, где мы в основу кладем экспертизу, где мы кладем в основу наших обвинений твердо установленные факты, где мы в основу кладем материал с точки зрения техники, с точки зрения технической экспертизы, те самые факты, из анализа которых мы приходим к оценке субъективных показаний и субъективных признаний.

В моем присутствии на предварительном следствии товарищ Рогинский и следователь по важнейшим делам [Шейнин] вели допрос Макдональда, и Макдональд в первые же 10 минут нашего разговора с ним по поводу предъявленного ему обвинения на дознании в ГПУ подтвердил правильность своих показаний и дал дополнительные, я думаю, я уверен в этом, искренние и добросовестные показания, которыми не отличаются показания других его сограждан, привлеченных к этому делу, в частности показания Торнтон.

Этот штатский скромный инженер, который к тому же и не играет такой роли в этом деле, как Торнтон, а может быть именно поэтому, в этом процессе нашел в себе достаточно мужества, чтобы сознаться, будучи схвачен за руку, в тех преступлениях, которые он действительно совершал. Он действовал, этот штатский инженер, мужественнее, чем действовал этот месопотамский храбрый воин.

Когда мы спросили Макдональда, чем же объясняется то, что вы дали такие показания, Макдональд ответил: «Двумя обстоятельствами: я хочу внести полную и возможную ясность в это дело, и я должен дать эти показания под тяжестью предъявленных мне улик и доказательств». Вот был ответ Макдональда. И это правда, и это верно, ибо тяжесть наших улик очень велика, тяжесть этих улик опирается на громадную работу, сделанную в процессе предварительного следствия, в небывалые по быстроте сроки. Это техническая проверка тех актов, на основании которых было воздвигнуто и, я сейчас могу с удовлетворением сказать, прочно стоит наше здание государственного обвинения.

Гусев – начальник Златоустовской электростанции, Василий Алексеевич, с 1918-го по 1920 г. служил в армии Колчака, куда поступил добровольцем. Мы встречались кое-где в различных процессах по государственным преступлениям с преступниками, которые бывали в армиях белых, контрреволюционных армиях, но не так часто мы встречаем тех, кто там бывал в качестве добровольцев. Доброволец Гусев, который участвует в боевых походах колчаковской армии против армии рабочих и крестьян, который после разгрома колчаковской армии не извлекает из этого для себя никаких уроков, который продолжает оставаться, собственно говоря, тем же колчаковцем, хотя и не в рядах армии, каким он был, когда добровольно вступил в ряды этой армии.

И вот он попадает на Златоустовский завод. Он довольно быстро проходит ряд должностных ступеней, и наконец мы его застаем в положении, когда ему доверяется судьба Златоустовской электростанции. Он – начальник Златоустовской электростанции, обслуживающей громадный комбинат, громадной государственной важности, имеющий заводы, предприятия громадного государственного значения.

Я не могу конечно здесь не отдать должного и тем лицам, которые допустили подобное положение, что еще раз свидетельствует об отсутствии у кое-кого из наших хозяйственников классовой бдительности, очень часто мешающей им правильно расставить силы в своих предприятиях, правильно формировать кадры предприятия, а в особенности для такого ответственного участка, каким является электростанция, да еще Златоустовская электростанция.

Но сейчас речь идет о Гусеве. Гусев сам себя охарактеризовал достаточно хорошо, как явно выраженный, совершенно сложившийся тип контрреволюционера, разведчика, шпиона, вредителя, сам объясняющий это той средой, в которой он вращался, теми приятельскими отношениями со всеми этими Шалаевыми, Богуславскими, осужденными в свое время по другим вредительским делам. Но это дела не меняет, это только дело объясняет. И вот Гусев портит мотор и потом, когда его схватили, говорит – получил задание от Макдональда произвести порчу мотора крупносортового стана прокатного цеха Златоустовского завода с целью приостановить выпуск снарядов и снарядных заготовок.

Снарядами эти господа интересовались очень серьезно, и вполне понятно почему, как вполне понятно для чего и как вполне понятно – для кого. Интересовались очень серьезно. Не могу сразу же не сказать о том, что ведь именно Гусев, по словам того же Торнтон, который сначала «полагал», а потом подтвердил, что Гусев был, по его выражению, резидентом Макдональда в Златоустовском районе, систематически занимался собиранием сведений военного характера и эти сведения направлял Макдональду, а Макдональд – Торнтону, который получал эти сведения только одним путем, как он сам говорил – от Гусева, ибо только Гусев был единственным источником получения этих сведений, которые получал Торнтон. А что это за сведения, это мы уже видели, это сведения о военных цехах, сведения о снарядах, сведения о высококачественной стали, которая нужна для авиационных моторов, которая нужна для тех же снарядов, которая нужна для холодного оружия, которая нужна для вооружения нашей Красной армии. Собирает сведения, портит машины, станы!

Как он это сделал? «При контрольном осмотре этого мотора в вентиляционный канал статора я подбросил кусок листового железа небольшого размера. В дальнейшем этот листок железа и явился причиной аварии, так как, попав в межжелезное пространство, произвел сдвиг части пакета статорного железа и роторного; сдвинутое железо повредило гильзу, в которой заложена обмотка статора, а это последнее обстоятельство и явилось причиной аварии». Сдвиг железа произошел в нескольких местах, говорит Гусев. Но так как этот дефект не был исправлен, то он не только произвел аварию, не только повредил обмотку статора, но и обусловил ряд дальнейших аварий, явившихся прямым результатом первой аварии, обеспечивших систематические удары по этому же самому мотору, приводящему в «движение этот же самый крупносортовый стан прокатного цеха металлургического завода, именно с целью помешать выпуску снарядов и приостановить снарядные заготовки. Мы не готовимся к войне, но мы готовы к войне, и с этой точки зрения надлежит оттенить вот эти диверсионные акты, которые направлены были на то, чтобы попробовать ослабить нашу обороноспособность, о которой, как об этом я считаю уместным сейчас еще раз напомнить, свидетельствует показание Торнтонна 13 марта о его шпионской сетке, он чрезвычайно интересовался, говоря об оборонительных и наступательных возможностях Советского союза.

Хорошие возможности! Крепкие возможности! Попробуйте, господа разведчики!

Я не хочу останавливаться на таком же подробном анализе вредительских актов того же Гусева в отношении углеподачи, потому что все эти материалы были уже подробно рассмотрены на судебном следствии в деле, вы их еще раз внимательнейшим и подробнейшим образом просмотрите вне этой борьбы сторон, в своей совещательной комнате – и сделаете все необходимые выводы.

Я не скрою от суда своего представления о Гусеве, как об одной из главных фигур в этом контрреволюционном заговоре в электропромышленности. Я по отношению к Гусеву должен потребовать наиболее сурового наказания, чем в отношении какого-нибудь другого обвиняемого, исходя из этой его роли, характера его преступлений, а также исходя из тех общих, принципиальных соображений, определяющих содержание и направление нашей советской уголовной политики, о которой я вчера говорил достаточно продолжительно для того, чтобы сегодня к этому вопросу не возвращаться, и в частности, опираясь на известное вам, товарищи судьи, постановление президиума Центрального исполнительного комитета советов от 14 марта этого года.

Соколов – электрик той же станции – Василий Андреевич. Он вначале занимает должность помощника Гусева по силовой станции, а впоследствии выдвигается на должность главного электрика силовой станции. Соколов признал себя виновным, но для нас его признание недостаточно.

Чем доказывается виновность Соколова, кроме тех признаний, которые были даны им на предварительном следствии и которые здесь были подтверждены. Они подтверждаются и Гусевым. Гусевские показания не вызывают никакого сомнения, ибо они опираются в свою очередь не только на показания Макдональда и других, но также и на тот объективный материал, который служит одним из основных доказательств по отношению к Соколову. Этот материал говорит о том, что по заданию Гусева и непосредственно под гусевским руководством Соколов принимал участие и проводил лично целый ряд вредительских актов, ведущих за собой аварии, в частности выполнил задание Гусева о порче мотора в 1 400 л.с., что повлекло ряд аварий. Он вредил, выводя из строя турбогенератор, он бил по котлам, задерживал ремонт и передачу углеподачи и т.д. и т.п. Он собирал, начиная с середины июля 1932 г., и передавал сведения о шестидневной прокатке болванок на крупносортовом; стане, с указанием количества идущих, как мы уже говорили, в числе других заготовок и снарядных заготовок.

Нужно, товарищи судьи, иметь в виду, что производительность этого стана – ведущего стана прокатки – определяет, в сущности говоря, производительность всего прокатного цеха, и следовательно достаточно иметь эти элементы для того, чтобы составить себе полное представление по тому вопросу, который особенно интересует военных разведчиков, работающих в направлении, враждебном нашему Советскому государству.

Соколов и Гусев – старые друзья и по колчаковской армии, оба добровольцы белой армии. Они перестали там служить только тогда, когда уподобились крысам, спасающимся с тонущего корабля, когда все карты колчаковских генералов были биты, когда вместе с тем были биты карты и кое-каких иностранных генералов, поддерживающих Колчака, когда эти «храбрые воины» пустились во все лопатки куда-то в лес. Из леса они пришли к нам на наши предприятия, но, придя из леса, они, как волки, продолжают в лес глядеть.

И третья фигура Златоустовской вредительской группы – *Макдональд*, монтажный инженер. Приехал он на Златоустовскую электростанцию в конце 1929 г. Несколько лет гостеприимно принимала его наша страна, и он «хорошо» оплатил за это гостеприимство.

Он работал на Златоустовской электростанции до апреля 1931 г., вошел во вредительскую контрреволюционную связь с Гусевым, Соколовым, с Котляревским на Зуевке, участвовал в той работе, которую я характеризовал в отношении Гусева и Соколова, был схвачен за руку, был пойман в буквальном смысле этого слова с поличным, вынужден был признать себя виновным. Он признался и дал объяснения не только о себе, но и о других соучастниках из своих сограждан. «В 1929 г., – говорит Макдональд, – я был летом на даче у Торнтонна, который в разговоре со мной сказал, что его интересуют сведения о политическом и экономическом положении СССР, и просил меня собирать и передавать ему эти сведения».

Я вчера говорил, что конечно экономические и политические сведения — их экономическим и политическим сведениям – рознь. Мы не строим своего обвинения в шпионаже по этой линии на том, что здесь Торнтонном было названо «обывательскими» сведениями. Мы так не строим нашего обвинения, но я дальше постараюсь доказать, что сведения, которые здесь в момент своего полупризнания Макдональд пытался прикрыть этим безобидным термином – «политические и экономические сведения» да еще «нужные для нашей фирмы».

Я постараюсь доказать, что это вовсе не те «безобидные» сведения, которые бывают нужны, конечно, какой бы то ни было фирме, имеющей дело с нами на территории нашей страны, а что эти сведения совершенно определенного характера, именно те сведения, которые составляют содержание военной государственной тайны, получение, собирание и передача которых являются прямым содержанием того, что понимает под шпионажем статья 58-6 Уголовного кодекса РСФСР, соответствующие статьи нашего Уголовного кодекса, что именно эти сведения, а не какие-либо другие «безобидные», «обывательские» сведения, получал Торнтон от Макдональда, Макдональд от Гусева, Гусев от Соколова – по этой своеобразной цепочке, в конце концов замыкающейся во всей сумме тяжких улик. Я не буду касаться отношений между этими господами и фирмой, я их не знаю, не хочу знать, я их не касаюсь, не хочу касаться, но для всех ясно и понятно, что не в коммерческих, не в деловых интересах фирмы собирались эти сведения, а именно в тех интересах, о которых сам нам рассказывал, хотя потом и спохватился, что он проболтался, Торнтон при его допросе 13 марта. Но вернемся к Макдональду.

Макдональд говорит: «Когда я возвратился в Ленинград, то я стал собирать здесь сведения и помимо сведений о настроениях и бытовых условиях рабочих, я стал собирать и специальные сведения, а именно сведения о работе военного завода «Большевик», сведения о производстве моторов для аэропланов, а также о производстве орудий».

И Макдональд указывает конкретно, кто эти сведения ему давал – Хрущов, Самарин, Редькин, т.е. те лица, которые были привлечены по другому делу о шпионаже, схвачены и осуждены.

Ну, говорил здесь Торнтон, как же можно было не знать об этих моторах для аэропланов, когда шум при их испытании был слышен во всем околотке, когда все слышали шум от этих испытаний? Как же можно было не знать об этих пушках, когда при стрельбе дрожали окна во всей округе? Стреляют пушки – дрожат окна, все об этом знают. Но позвольте, если это так, как говорит Торнтон, что все об этом знают, так зачем ему нужно было прибегать к помощи Макдональда, платить ему за это деньги? Тогда он должен был бы ему сказать: «Ты что же несешь чепуху, все об этом знают, за что я тебе буду деньги платить?»

Вы – бизнесмен, вы – деловой человек, вы – практический человек, за это платили деньги, платили деньги за то, что он вам говорил о том, как шумят моторы, как стреляют пушки? За это вы платили деньги и такого рода сведения вы получали от Макдональда? Чепуха, детские разговоры! Наконец Макдональд имеет какое-нибудь основание вас оговаривать? Макдональд, с которым вы были всегда в хороших отношениях. Макдональд, который никогда не вызывал у вас никакого к себе недоверия, который был вам, к тому же, подчинен, который зависел от вас, а не вы от него – какое основание Макдональду оговаривать Торнтон и одновременно оговаривать самого себя.

Нужно сказать, что сам Макдональд пришел к необходимости дать эти показания, потому что Гусев уже сказал, потому что Соколов уже сказал, потому что и Кутузова сказала, наконец и сам Торнтон сказал. И здесь нужно припомнить ту умильную сценку, которая разыгралась при неудачной попытке, хотя и в высокой степени беспорядочном виде, но все-таки отступить с раз занятой позиции. Макдональд говорил о том, что он сказал так потому, что ему показали показания Торнтон. А Торнтон, оказывается, показал так потому, что ему показали показания Макдональда – под влиянием показаний Макдональда. В конце концов нельзя было понять, кто же на кого повлиял, кто же говорил под влиянием чьих показаний. Один сваливал на другого, оба запутались.

Итак Макдональд говорит о себе и говорит о Торнтоне. Говорит совершенно определенно, совершенно категорично, говорит не вообще, бросая тень на себя своей шпионской деятельностью, а указывая конкретных людей, конкретные предметы, конкретные обстоятельства. Ведь Макдональд получал сведения очень осторожно. Вы помните, как мы здесь установили методы сообщения этих сведений Гусевым. Гусев не пишет: производится столько-то снарядов. А пишет Макдональду дружеское, любовное письмо: у нас производится такое-то количество «консервов». Пишет это не обычным путем, а прибегая к вестовщице и посыльному, очень десятистепенной, но все-таки привлеченной к этому делу Марии Федоровне Рябовой, о которой дело доследуется. Макдональд через Рябову, которой имеет особые основания доверять, получает письма от Гусева, который, видя оказываемое Макдональдом доверие Рябовой, сам проникается доверием к этому контрреволюционному почтальону. Но пишет все-таки иносказательно: не снаряды, а консервы.

А люди, которые связаны с ними, фигурируют не под своими именами, а под вымышленными именами. Один именуется «деревом», второй – «слесарем», третий – именами, которые существуют вообще в природе – Василий, Иван, но которые не принадлежат этому человеку. И пользуются вымышленными адресами. Один посылает посылку с письмом, содержащим секретные данные от вымышленного лица, из вымышленного дома на вымышленной улице. Эта улица конечно существует, дом так же существует, но они взяты случайно, именно с «бухты-барахты», взяты для того, чтобы отвести глаза, замазать и прочее.

Подписывается Гусев не Гусевым. В одном случае он подписывается Уткиным, в другом случае он подписывается Мочаловым. Это то, что он сказал. А конечно, товарищи судьи, нужно же иметь в виду, что в этих делах мы не можем не учитывать того обстоятельства, что это все делается конспиративно, делается осторожно, что документы сжигаются, что документы уничтожаются, что по возможности документы даже не составляются, а составленные увозятся в иных случаях туда, куда увез свои 9 секретных дневников Торнтон, в город на Темзе, в Лондон. Там безопаснее.

Мы спрашивали Макдональда, вы получали письма от Гусева? – Получал. Как они подписывались? Уткиным? – Уткиным. Эти письма вы как хранили? – Нет, говорит, я их бросал в печку, сжигал. Сжигали? И дальше Макдональд ведет все-таки хитрую политику здесь на суде. Он признает себя виновным, да не так уж откровенно, как он это должен был бы сделать, если бы хотел, чтобы мы поверили, что то, что он сказал, это все то, что он сделал. Пойманный с поличным, схваченный за руку, поставленный перед неопровержимыми доказательствами, которые поражают Макдональда, он все-таки умно и хитро повел свою защиту, стараясь, где возможна и от чего возможно, уйти, и с самого начала говорил и признавал только то, что не признавать не имел никакой возможности. Конечно может быть действительно с этой углеподачей, по поводу которой произошли некоторые разногласия, он и не давал Соколову прямых указаний. Оставим эту углеподачу на том кусочке совести, который может быть у Макдональда сохранился. Дело не в углеподаче, а в том, что Макдональд опытный разведчик, и я бы не сказал, что он менее умен, чем другие его партнеры по скамье подсудимых, а даже определенно сказал бы, что в некоторых случаях он мне кажется гораздо умнее.

Ведь когда мы установили здесь, что письма Гусева он сжигал, Макдональд попытался вильнуть в сторону и что он сказал? Я, говорит, вообще письма свои сжигаю. Но я спросил вторично: а еще от кого получали письма, кроме Гусева? Он говорит: ни от кого. Значит, можно сделать вывод, который мы и сделали, что письма от Гусева он всегда сжигал. Сжигают письма конечно не для того, чтобы их кто-нибудь видел и при всем искусстве следственных органов не редко является невозможным восстановить сожженные когда-то письма. Макдональд умеет использовать, как и многие другие, и патефон, и легкие, мелкие услуги. Кстати, нужно сказать о методах, которые широко проходят по всем обвиняемым и в частности английского подданства.

Используются все возможности. Кушни сблизается со слесарями, приходит к ним в дом, устраивает вечеринки. Лебедев с Эллиотом встречаются где-то, у какой-то дамы, которая организует такие пти-суарэ. И оказывается, это я потом попрошу суд отнести на счет Кунши, «между прочим» ведутся разговоры о Красной армии, как например с Емельяновым, о снаряжении Красной армии и т.д., и т.п. А Эллиот ведет разговоры с каким-то Болдиным, а Лебедев слышит соответствующим ухом, что идет речь о работах военного отдела Ивановского механического завода, которые Эллиот берет себе на заметочку, а Торнтон говорит: «получал сведения от Эллиота».

Таким образом мы видим, как Макдональд, как Торнтон (о нем более подробно дальше) ведут определенную военно-шпионскую работу, собирают военные сведения.

В 1930 г., – говорит Макдональд, – перед моим отъездом в Златоуст, Торнтон имел со мной второй разговор, когда просил меня собрать для него сведения о военных производствах Златоустовского завода, а также о состоянии энергоснабжения этих заводов. Он говорил в несколько завуалированной форме, показывает Макдональд, т.е. в порядке не прямого приказа, давая задание организовать в Златоусте аварию для создания перебоев в работе заводов. Он мне сказал, что если понадобятся деньги, то за этим дело не станет. Он может их у него получить.

Вот три основных момента – военный шпионаж, организация аварий, подкуп, деньги, взятки – три момента, три основных звена той цепи, которая замыкает ответственность и виновность Макдональда и других, о которых я буду говорить дальше.

Выполнил ли Макдональд поручения, которые получил от своего начальника, хотя и не в форме прямого приказа, от Торнтон? Да, надо признать, что выполнил. Он сказал Гусеву, что надо произвести порчу оборудования, и порча была произведена. А зачем это нужно было делать, почему это нужно было делать? Для того, чтобы сорвать работу заводов, вызвать простои этих заводов, в том числе и тех, которые работают на оборону, на нашу Красную армию. Получил деньги, деньги передал, деньги распределил. От этих фактов никуда не уйдешь и никак не уйдешь.

«Котляревскому, Васильеву, Фомину на Зугрэсе за их вредительскую деятельность я передал около 2 000 рублей. Деньги давал отдельно. Котляревскому дал около тысячи рублей. Котляревский дал сведения, указанные в предыдущем показании», – вот показания Макдональда. Добавляю: последнее показание Макдональда уже в прокуратуре республики о том, что в июне или июле 1932 г. была организована авария 3-го генератора. «Она произошла вследствие введения болта в междужелезное пространство, было сделано по моему заданию или Фомичевым или Котляревским». Вот второе показание Котляревского. Мы спросили Котляревского об этом и он ответил: да, это сделал я, положив болт, вызвал аварию. Круг улик замкнулся. Макдональд пойман, схвачен с поличным. Макдональд умнее других, которые будучи пойманными и схваченными, пытаются делать вид, что они не виновны и делают это больше для того, чтобы реабилитировать себя в глазах своих нелегальных начальников. Макдональд искреннее и смелее других, прижатый к стене нашими доказательствами, он сознается в том, что достаточно ясно и четко сформулировано в обвинительных пунктах, предъявляемых к подсудимому Макдональду.

Я должен перейти сейчас к Ивановской электростанции, но перед этим я хотел бы только еще раз остановиться на одном сравнительно небольшом, но в высокой степени характерном штрихе, относящемся непосредственно к деятельности Макдональда и в известной степени к деятельности Монкгауза. Я имею в виду факт приезда Гусева в Зуевку и сообщение Макдональду, находившемуся тогда в Зуевке, о том, что он считает свое положение довольно опасным вследствие того, что ОГПУ напало на след вредительской работы. Он высказал Макдональду то опасение в достаточно тревожной форме, но Макдональд его успокоил, сказав, что, если что стряется, то он может всегда получить помощь по тому адресу, который был Гусеву сообщен. Этот адрес был адресом Монкгауза. Этот адрес значился в той записке, которую на Зуевке Макдональд передал Гусеву на всякий случай, на случай провала, перед опасностью которого, как Гусев чувствовал тогда, он в это время уже стоял.

И второй эпизод, который касается встречи Гусева с Макдональдом и с Торнтоном в Харцызске, встречи, которая явилась результатом прямого вызова Макдональдом Гусева, сопровождалась обменом различного рода соображениями по поводу вредительской шпионской работы и которая должна считаться совершенно установленной как показаниями Гусева, показаниями Макдональда, так и показаниями самого Торнтон; который впрочем по принятой им тактике своей защиты отрицал здесь однако преступный характер беседы, имевшей там место.

Вот этими двумя напоминаниями я бы хотел закончить анализ тех эпизодов, которые касаются непосредственно трех лиц, о которых я говорил – Гусева, Соколова, Макдональда. Перехожу непосредственно к преступной деятельности подсудимых по Ивановской электростанции.

Я хотел бы начать с *Нордволла*. Какие мы имеем основания предъявлять и поддерживать во всем объеме обвинительного заключения обвинения против *Нордволла*? Этих данных, я считаю, у нас имеется более чем достаточно.

Нордволл в 1931-1932 гг. работал на *Ивгрэсе* в качестве монтажного инженера фирмы «Метро-Виккерс». Он здесь сошелся с группой местных вредителей, в первую очередь с *Лобановым*, и повел вредительскую работу, давая задания группе инженеров и техников *Ивгрэса* *Лобанову* и другим совершать вредительские диверсионные акты, направленные к порче оборудования, к созданию аварий, которые по его поручению и выполнялись этими лицами, а также скрывать дефекты в оборудовании, что и выполнялось *Лобановым*, *Лебедевым* и другими. За это он, *Нордволл*, систематически выдавал через того же *Лобанова* взятки, в общей сложности составившие сумму в 5 000 рублей.

Мы имеем против *Нордволла* раньше всего показания *Лобанова*, который нам и здесь рассказывал и говорил об этом на предварительном следствии, что он неоднократно беседовал с *Нордволлом*, выражая свое недовольство существующим советским строем, нашими порядками, своим материальным положением, высказывая различного рода, как это подтвердил сам *Нордволл*, антисоветские суждения. На почве именно этих отношений настолько сблизился с *Нордволлом*, что тот и избрал его одним из своих соучастников. Впрочем, объективно говоря, трудно сказать, кто кого избрал своим соучастником – *Нордволл* ли *Лобанова*, *Лобанов* ли *Нордволла*, и это между прочим черта, которая характеризует известные трудности настоящего процесса и по отношению к ряду других подсудимых.

В самом деле, каждый из подсудимых, являющийся служащим одного из наших советских государственных учреждений, здесь сам это признавал, а факты, которые имеются у нас в руках, это подтвердили, уже в течение ряда лет зарекомендовал себя, и свои антисоветские настроения, и свои антисоветские действия. В этих условиях едва ли правильно было бы установить такой переплет отношений между *Лобановым* и *Нордволлом*, что сам *Лобанов*, этот тип прожженного вредителя, сделался вредителем под влиянием *Нордволла*. Я бы не хотел поддерживать эту ересь. Я не думаю, чтобы *Нордволл* соблазнил одного из малых сих – *Лобанова*, отнюдь не малого из сих. Я имею все основания полагать, и я постараюсь это далее подтвердить рядом улик, что *Нордволл* был соучастником *Лобанова*, что *Нордволл* использовал вредительскую группу, которая была на *Ивгрэсе*, в контрреволюционных целях и интересах, что они были в контакте и проводили ту вредительскую деятельность, за которую он платил деньги, ассигнованные на эту вредительскую работу, по соответствующим линиям, какими были связаны *Нордволл* с *Торнтоном*.

Итак, мы имеем раньше всего категорические показания *Лобанова*, которые подтверждены *Нордволлом* в части, касающейся содержания тех бесед и разговоров, которые между *Нордволлом* и *Лобановым* имели место. И если *Нордволл* говорит здесь о том, что, встречая антисоветские взгляды *Лобанова*, он не поддерживал эти настроения, а наоборот, их пытался изменить и чуть ли не возвратит *Лобанова* на путь праведника, то это уже действительно получается довольно забавно потому, что если бы *Нордволл* действительно был тем без пяти минут большевиком, каким его охарактеризовал *Олейник*, вообще отличающийся в известной степени болезнью недержания слова или блудословием, то ведь *Нордволл* должен был бы совершенно иначе реагировать на те разговоры, на те взгляды, на те суждения, которые он слышал от *Лобанова*.

Между тем эти антисоветские взгляды, о которых здесь говорит сам *Нордволл*, не только не мешали его сближению с *Лобановым*, но они не вызывали очевидно никакой реакции: если оставить совершенно неправдоподобную версию о реагировании на слова, о чем говорил здесь нам *Нордволл*.

Больше того, Нордволл принимает определенное участие, если хотите, и в облегчении материальных трудностей Лобанова. Эпизод с шубой не такой простенький эпизод, как это может казаться кое-кому, кто склонен сенсационно возвещать миру о том, что все обвинения Нордволла построены на шубе. Шуба – это одна из улик, и далеко конечно не единственная. Лобанов изобличает Нордволла в том, что он с ним вместе осуществлял вредительскую деятельность, давая ему определенные поручения, оплачивая эти поручения и обещая, что в обиде вредители не останутся.

Больше того, Лобанов показывает нам, что Нордволл при этом обращал внимание на то, чтобы портить оборудование, не входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», а если портить оборудование, входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», на которое гарантийные сроки еще не окончились, то порча оборудования должна быть произведена так, чтобы нельзя было ответственность за это свалить на фирму «Метро-Виккерс».

Это находит свое полное подтверждение в той позиции, которую занимали по ряду вопросов, связанных с ответственностью их самих и их фирмы, некоторые подсудимые по настоящему делу – тот же Монкгауз, когда он сам подробно перечислял нам здесь ряд дефектов, которые имелись у этих турбин. Он хотел изобразить дело таким образом, что все-таки он, как уполномоченный этой фирмы, да и сама фирма не несут за это однако никакой ответственности, что все это выходит совершенно естественно, что если он продает, или если при его участии монтируется проданное его фирмой оборудование, которое он, по его собственным словам, никогда бы не купил, будь он служащим Наркомтяжпрома, то это естественно потому, что виновата-де в непригодности этого оборудования система оборудования, марка оборудования, тип оборудования.

То, что здесь сказал Лобанов, совершенно соответствует той обстановке, на почве которой действительно разоблачена эта вредительская работа, лучше, по возможности, ударить по оборудованию, поставленному другой фирмой, а если ударить по своему, то тогда, когда можно занять такую позицию, которую и занял Нордволл в известном случае, когда он говорил, что это его не касается и поэтому он может формально по этому вопросу стоять в стороне.

Вот почему эта версия Лобанова не противоречит действительному положению вещей, общей тактике и поведению Нордволла, когда он пытался совместить свою деятельность как представителя и служащего фирмы «Метро-Виккерс» с другой деятельностью, как вредителя, разведчика, работая по военному шпионажу. Эта версия не противоречит, а как раз изобличает то, что это было естественно и что именно разговоры, указания, такие преступные директивы, не только могли исходить, но и на самом деле исходили от Нордволла, что это вполне правдоподобно.

Нордволл платит деньги. Он это отрицает. Что же он не отрицает? Он не отрицает того факта, как передача шубы Лобанову, якобы приобретенной Лобановым от знакомого – и Лобанова и Нордволла – некоего Тейлора. Но позвольте остановиться на одном вопросе, почему Нордволл взял на себя задачу быть посредником в этой сделке? От большого избытка времени или от желания помочь этому антисоветски настроенному и антисоветски действующему Лобанову? Может быть конечно и третья версия – не из желания помочь Лобанову, а из желания оказать услугу своему соотечественнику Тейлору. Нордволлу было безразлично, будет ли греться в этой шубе Лобанов или другой, но, поскольку Тейлор пожелал ее продать, он берет на себя миссию переводчика и организует эту продажу. Очевидно этой версии может держаться и защита.

Но ведь надо будет вскрыть еще один небольшой факт. Шуба-то эта была получена фактически Лобановым не сразу. Эту шубу Лобанов получил через некоторое время в Москве и получил через некоего Воронина. А кто был Воронин? Воронин был переводчиком на Ивгрэсе.

Следовательно у Тейлора была возможность роль переводчика возложить не на Нордволла, а на Воронина, который был там переводчиком и привез эту шубу Лобанову, когда Лобанов находился не на Ивгрэсе, а в Москве. Если впервые, когда спрашивали Нордволла – зачем он вмешался в эту историю с шубой, он ответил – потому что Тейлор не знал английского языка, то теперь мы знаем, что здесь имелся переводчик, который впоследствии принял участие в этой операции. Зачем же вмешался Нордволл, если дело с шубой обстояло так просто. Это первый вопрос, который не может не служить косвенной уликой, подтверждающей версию Лобанова, что он эту шубу получил как подарок, в дополнение к тем 5 000 рублей, которые он получил от Нордволла из секретных сумм, ассигнуемых соответствующим учреждением на соответствующую преступную деятельность на территории нашей страны.

Когда спросили Нордволла по поводу этой шубы, то он дал несколько объяснений, пытаясь и на предварительном следствии замести следы, обмануть, уйти от фактов. Сначала он заявил, что он сам получил от Лобанова 400 рублей и передал в тот же день или на другой Тейлору. Это записано в протоколе, мы это хорошо помним. Он твердо, настойчиво, без колебаний указывал на то, что он хорошо помнит, что эти 400 рублей получил. И мы спрашивали: вы подсчитали эти деньги или так прямо сунули в карман? Он говорит – прямо так, не подсчитал. – А потом прямо, так и отдали Тейлору? Не подсчитали? – Да, я так отдал. Нет, виноват, это было иначе. Ведь это было так, что мы провели через бухгалтерию нашей же конторы.

Вот к чему сводится его объяснение, которое записано при допросе в прокуратуре республики. Через бухгалтерию конторы провели путем списания 400 рублей со счета Нордволла на счет Тейлора. Сначала он говорит, что получил эти деньги, но если получил, нужно было подсчитать, а может быть он надул его, да еще Лобанов. Он тем не менее не считает этих денег. Передает. А пойманный, он говорит: «нет, я передал через бухгалтерию путем перечисления, в книгах конторы есть отражение».

Что же дальше? Дальше – вместе с Нордволлом едет в контору следователь, осматривает вместе с ним бухгалтерские книги и устанавливает, что никаких решительно сумм, перечисленных на чей-либо счет или Тейлора или на счет Нордволла, не существует в природе. В тех документах, где говорится, что осмотрена вся книга личных счетов, не было установлено нами ни одного признака, который подтверждал бы эту вторую версию Нордволла. Тогда Нордволл мечется. Появляется телеграмма, которую он посылает в Лондон: «Прошу подтвердить, что мною была переведена в тот период времени, о котором идет речь, сумма для оплаты Тейлору». И получается ответ на телеграмму: «Да, сумма в 500 рублей была переведена».

Когда спрашивали Нордволла «за сколько?» он говорит – за 400, а не 500, а теперь говорит: 500, то есть подгоняет свои объяснения под ту телеграмму, которая не подтверждает его первоначальной версии. И что же получается? Получается так: то шуба была куплена, то получены деньги, но не переданы, то переданы, но не записаны, то проведены через Лондон. Чепуха, гражданин Нордволл, не выходит это дело! И вдруг выползают эти 500 рублей, которые впервые названы здесь, которые ни разу не были названы на предварительном следствии в соответствующих документах Нордволлом. Понятно почему. Потому, что Нордволл никогда не ожидал тех следственных действий, которые явились ответом на его запирательство и которые в ту же минуту были разоблачены в полном объеме. Вот почему мы говорим о том, что Нордволлу от этой шубы не уйти и придется эту шубу ему сейчас надеть на себя.

Шуба принадлежит по существу вам или тем учреждениям, от лица которых и по поручениям которых вы действовали. Это для нас совершенно несомненно.

Нам могут сказать, что все-таки это очень отдаленные косвенные улики. Нам могут сказать, что это все-таки частный случай, что это даже мелочь вроде той трубки, которую Нордволл любезно, хотя и за пятерку, а все-таки продал тому же Лобанову, этому антисоветскому человеку, с которым он дискутирует по поводу его антисоветских настроений. Это умилительная картина, достойная богов, когда «без пяти минут большевик» дарит трубку антисоветскому человеку, который посвящает его в свои контрреволюционные замыслы и настроения. Но очень часто на мелочах и вскрывается большое. Очень часто эти мелочи играют роль таких улик, которые ведут по следам и приводят в конце концов к раскрытию преступления во всем объеме. Именно в этом заключается значение тех косвенных улик, которые всегда сами по себе отдельно взятые, могут казаться имеющими второстепенное значение.

Маленькая черточка – трубка, маленькая черточка – шуба, маленькая черточка – 400 рублей, маленькая черточка – 4 ошибки, систематически повторяемые одна за другой Нордволлом, изобличают его в упорном желании во что бы то ни стало снять эту шубу со своей вешалки. Это не выходит. И именно в свете этих маленьких бытовых штрихов, на этом фоне показания Лобанова приобретают для обвинения доказательное значение.

Мы имеем показания не только Лобанова, мы имеем показания столь авторитетного в этих вопросах свидетеля против Нордволла, каким является обвиняемый Торнтон, мы имеем его шпионскую сетку, где в числе 12-ти выделенных им из 27 агентов разведки значится Нордволл, как агент, который занимался собиранием сведений экономического и политического шпионажа, сведений об оборонительных и наступательных возможностях нашей Красной армии, нашего государства.

Нордволл не одиноко стоит перед уликами, его подпирают здесь с одной стороны Лобанов, с другой стороны Торнтон, и нужно конечно признать чем-то сверхъестественным совпадение таких обстоятельств как матерый разведчик Торнтон, проболтавшийся, расшифровавший свою сеть и в этом отношении конченный и для разведки человек, и, с другой стороны, исчерпывающие показания Лобанова, который как мне, так и многим может быть кажется не вполне чистоплотной личностью.

Но ведь нужно иметь в виду, что с чистоплотными людьми эти господа и не могли обделывать свои нечистоплотные дела. С чистоплотными людьми они не дружили. Когда они встречались с чистоплотными людьми эти чистоплотные люди давали им отпор, такой отпор, какой они получили например от чистоплотного человека, свидетеля Долгова, который получил 3 000 рублей, данные ему в виде взятки Торнтоном, принес их в ОГПУ, раскрыл эту взятку, пришел на гласный суд и здесь в лицо бросил им это обвинение. И они не посмели набросить на него какую-нибудь тень, а создали такую версию о том, что этому Долгову нужна была квартира, они пожалели его, пошли навстречу, хотели устроить квартиру. Потом оказалось, что о квартире не спрашивали, оказалось, что об этих 3 000 никто никогда не спрашивал, потом оказалось что нужно было ждать специального приезда Ричардса, чтобы оформить эту сумму, а до этого они провели эту сумму в виде «переходящей суммы».*

* Все же мы продолжаем настаивать на предположении о том, что «чистоплотный» Долгов вынужден был поучаствовать в провокации с 3 тыс. рублями, устроенной чекистами. К сожалению, вряд ли это удастся подтвердить документально.

Нам скажут – вы опираетесь на показания Лобанова, но Лобанов – нечистоплотный тип. Скажете, какие чистоплотные люди, они имели дело с чистоплотными людьми [это ирония?]. Конечно вы всасывали в сферу своего преступного влияния только нечистоплотных людей, только тех, на каких вы могли ставить ставку с точки зрения их продажности, с точки зрения их подлости или с точки зрения их идейных контрреволюционных убеждений – для нас здесь разницы нет. Поэтому довод, что нельзя опираться на такие показания, как показания Лобанова, не производит впечатления.

Этот довод должен быть отвергнут. Мы не имеем права с точки зрения логики судебного процесса, мы не имеем права с точки зрения логики доказательств отбросить показания Лобанова только потому, что Лобанов нам несимпатичен с точки зрения своей моральной неустойчивости.

Лобанов. Я о нем уже сказал. Конечно это разложившийся тип, это тип и вредителя, и шпика второго сорта. В нем воплотились, мне кажется, и все особенности того класса, представителем которого он является, класса морально разложившегося, морально себя уже исчерпавшего. Отец – заводчик, брат – арендатор мельницы. Вот его родословная, которая определяет его точки моральной опоры. Знаем мы эти точки, знаем мы эту мораль, она воплотилась и в Лобанове. Но Лобанов именно в силу этих свойств был особенно подходящим материалом для работы в контрреволюционном вредительском направлении, тем более, что это полностью совпадало с его собственными взглядами и стремлениями. Тут имеются налицо факты, говорящие сами за себя, имеются показания, свидетельствующие о том, что Лобанов – и шпион, и вредитель.

Лобанов так о себе и говорит: «Я систематически выводил из строя моторы цепных решеток котлов путем перелома кабелей передачи мотора. Делал это вместе с Лебедевым». Лебедев в этом смысле более положительный тип, если можно так сказать, с большими моральными качествами, чем Лобанов. Вероятно, это объясняется именно тем, что Лебедев является представителем иного социального слоя, чем этот сын заводчика и брат арендатора мельницы – Лобанов.

Лебедев это подтвердил: «Умышленно были засорены подшипники мотора питательного насоса котлов песком». Далее он говорит: «Неоднократно выключались фидера собственных нужд... под видом ложных включения максимальных релэ». Это делал Лобанов с Угрюмовым. В деле есть показания Угрюмова, включений максимальных релэ.

В начале марта выводится из строя мотор дымососа котла № 5, о чем я уже упоминал в начале своей речи. Это опять-таки осуществляется при помощи Угрюмова – он об этом сам говорит в своих показаниях. Умышленно, вместе с Лобановым была оставлена не отремонтированной крышка контактной коробки у мотора пожарного насоса с той целью, чтобы попало постороннее тело и создало короткое замыкание в муфте. Это сделал Лебедев, в этом принимал участие Лобанов, это подтверждается материалами предварительного следствия, и все это было совершено по тому плану, который был намечен Нордволлом.

Вот данные, которые позволяют говорить о том, что не может быть никакого сомнения относительно участия вредительской группы в исполнении этих вредительских операций Лобановым, в соучастии с Лебедевым, в соучастии с Нордволлом, который передавал деньги – раз 3 000 рублей, другой раз 2 000 рублей, которые распределялись Лобановым между всеми соучастниками. Это так же подтверждено Лебедевым. Кроме того этих соучастников всячески задабривали разного рода дружескими отношениями, дружескими услугами и подарками, деньгами, шубой и пр. и т.п.

Вот почему в отношении Лобанова мы поддерживаем обвинение во всем том объеме, который определен обвинительным заключением.

Лебедев – бывший старший унтер-офицер. Это интересная черта. Разведчики ищут себе соучастников по линии бывших офицеров и унтер-офицеров. Олейник здесь показывал, что Торнтон давал ему указание подбирать людей из военных, которыегодились бы в случае военной опасности, в случае начала войны, которой нам грозят все время еще с первого момента нашего существования. Торнтон подтвердил,, что он действительно говорил с Олейником относительно подбора людей, но он это якобы говорил в другом смысле – опять в «обывательском» смысле, как в «обывательском» смысле говорил и о снарядах, подбора людей для замены английского персонала своим русским техническим персоналом. Но в то же время этого самого Торнтона очень интересует вопрос, не офицер ли Зорин, ибо к офицерам у этого унтер-офицера месопотамской армии особенно лежит душа.

Лебедев обвиняется в том, что он совместно с Лобановым принимал участие в этих вредительских действиях. Кто же играл руководящую роль по отношению к Лебедеву и к Лобанову? Лебедев ставил себе те же самые контрреволюционные цели, которые заключались в подрыве мощи нашей советской промышленности и нашего Советского государства. Это Лебедев осуществлял путем участия в организации систематических аварий, порчи оборудования, получая за свою вредительскую диверсионную работу деньги, взятки. Он сам говорит: получил 900 рублей. Других данных у нас нет. Специальной бухгалтерии они конечно не вели. Мы впрочем установили, что в отдельных случаях ее кое-кто вел, например, Торнтон. Но Торнтон сумел заблаговременно увезти свои дневники, о которых нам говорила здесь Кутузова, в Лондон и следовательно сумел спрятать концы в воду.

Лебедев подтвердил все приведенные против него обвинительные данные, объяснив, что ближайшей целью этой контрреволюционной группы являлась дезорганизация работы Ивгрэса путем сознательной порчи оборудования, путем вывода из строя агрегатов, вызова аварий, создания перебоев на станции в целях сокращения электроподачи, а если окажется возможным, то и в целях полного прекращения подачи электроэнергии заводам, питающимся энергией от Ивгрэса.

Здесь надо сказать о *Зиверте*. Я не хочу на нем останавливаться особенно детально, потому что инкриминируемые ему преступления являются очень мелкими. Он не предохранил от пыли во время обточки агрегат, на котором работал. Он получал небольшие суммы от Торнтона. Мне кажется, что то, о чем он нам здесь рассказывал, очевидно так и было, потому что мы не имеем оснований подвергать сомнению его показания. В своей последующей работе он в известной степени уже загладил преступление. Он конечно виноват в тех преступлениях, о которых мы говорим, но о нем, вы, товарищи судьи, будете иметь возможность в совещательной комнате поставить вопрос о том, не надлежит ли считать возможную для него меру репрессии покрытой предварительным заключением и его последующей честной работой на Днепрогэсе.

О *Сухоручкине*. Сухоручкина мы здесь допросили очень подробно. Я едва ли ошибусь, высказав убеждение в том, что Сухоручкин является одной из основных и важных фигур этого процесса, этой скамьи подсудимых. К Сухоручкину нельзя подходить с такими требованиями, как к Зиверту или Лебедеву. Его общий культурный уровень, его положение на той станции, где он занимал ответственный пост – заведующего электротехническим отделом, начальника Эксплоатационного отдела 1-й Московской городской электростанции, все это говорит о том, что к этому участнику контрреволюционной группы, действовавшему по заданиям инженера Торнтона, выводившему из строя агрегаты, мы должны предъявить наиболее строгие требования.

На 1-й Московской ГЭС Сухоручкин проводит ряд вредительских мероприятий. Он скрывает дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, тогда как он по своей должности обязан был бы разоблачать эти дефекты и давать достаточные основания для немедленного и срочного исправления этих дефектов, не доводя до того, чтобы в силу этих дефектов могли быть какие-нибудь аварийные последствия. Он скрывает дефекты монтажа этого оборудования и именно эти его действия приводят эту важнейшую электростанцию к такому положению, при котором мы наблюдаем систематические аварии, уменьшающие работоспособность этой станции, повышающие стоимость эксплуатации и в частности, и главным образом в отношении оборудования, поставляемого из-за границы, и приводящие тем самым к потере рекламационных сумм. Все это нужно иметь в виду при оценке роли Сухоручкина в этом деле и степени его ответственности.

Одновременно он осуществляет диверсионную работу, являющуюся тягчайшим преступлением. Сухоручкин здесь назвал 6 случаев. Это случай с железной полкой, когда он лично осуществил соединение свинцовой оболочки однофазного кабеля генератора №№ 26, 27 с этой железной полкой. Он рассказывал здесь о том, как он сознательно не проверил состояния оборудования, причем при испытании оказались не залитыми два бака переключателя, что и привело к аварии.

Он назвал третий случай, когда он намеренно затягивал устройство вентиляции в подвале 4-го щита, что должно было по его плану привести к ненормальному перегреву кабелей и их повреждению. Он говорил здесь относительно сознательного вызова затруднений в системе водоприготовления станции, что привело к аварийному выводу из строя турбин №№ 22, 24, к необходимости их ремонта, что в свою очередь не могло не привести к снижению мощности и нарушению правильной производственной деятельности этих турбин. Он говорил о том, как на бойлерной установке были сознательно созданы затруднения с теплофикацией новых присоединений тепловых потребителей. Эти затруднения выражались в снижении температур в самое холодное время зимы и в снижении подачи воды.

Сухоручкин этими случаями не исчерпал всей своей вредительской деятельности, всех случаев, которые имели характер некоей репетиции на случай войны, когда намечался вывод из строя и распределительного устройства, того самого устройства в 6 600 вольт, о котором я говорил и которое имело особое государственное и военно-государственное значение. Это то самое распределительное устройство, которое дважды посетил Торнтон, хотя и с разрешения. Но важно отметить то, что разрешение это было ему выдано при помощи Сухоручкина тем самым Рязановым, который впоследствии был изобличен во вредительстве и осужден.

Крупный вредитель Сухоручкин, крупный аварийщик, дезорганизатор нашего хозяйства, убежденный и сознательный враг советской власти, он должен получить от Верховного суда в судебном приговоре соответствующую и заслуженную оценку.

Крашенинников – начальник ремонтно-монтажного отдела этой станции. Начал с сокрытия дефектов оборудования. Скрыл дефекты рабочих лопаток роторов турбин №№ 26 и 27, скрыл дефект регулирующих клапанов турбин, скрыл дефект конструкции уплотнения циркуляционного насоса турбины № 27, что привело 10 мая 1931 г. к остановке этой турбины, скрыл дефекты нарезки штока 2-го регулирующего клапана, что 29 апреля 1932 г. привело к отрыву этого штока и к снижению нагрузки на турбине № 26 на 6 000 киловатт, скрыл дефективную пайку трубки маслопровода, что привело 9 декабря к разрыву трубки и остановке турбин и т.д. С первого взгляда кажется, что не особенно велика беда – скрыл какие-то дефекты.

Этот самый Крашенинников связан с Олейником и через Олейника с Торнтоном. Опять ниточка, ведущая к Торнтону. Этот самый Крашенинников получает деньги через того же самого Олейника и из того же самого тортоновского источника.

Зорин. Здесь прямая связь Зорина с Торнтоном. Зорин здесь нам называл пять встреч с Торнтоном, и как раз по поводу этих встреч я уже высказывал свои соображения. Эти 5 встреч убеждают в том, как постепенно развертывается преступная контрреволюционная вредительская связь между Торнтоном и Зориным, который берет на себя определенное обязательство, оплачиваемое Торнтоном, как оплачивается все, что делается по заданию Торнтонна. Интересно, что Зорин, являясь старшим инженером тепловой группы Мосэнерго, как он здесь выразился, оперативных функций не нес. Он, в сущности говоря, прибывал на место в момент аварий. Но именно с этого момента и начиналась его оперативная работа по исправлению этих результатов аварий. Ясно, какое широкое поле предоставлялось здесь вредительству Зорина.

Олейник. Служащий фирмы «Метро-Виккерс», хороший служащий фирмы «Метро-Виккерс» или плохой служащий «Метро-Виккерс» – это не наше дело. Он здесь говорил, что он служил «по силе возможности» этой фирме, служил «добросовестно», как и вредил «добросовестно». Я, – говорит он, – все, что делаю, делаю добросовестно. Понятие «добросовестности» у этого «добросовестного» человека очень своеобразное. Этот человек питал уважение к Торнтону. Он же и предал Торнтонна, хотя последний и обещал ему так же блага жизни, как вклад в Английском банке на черный день. Я, – говорил Олейник, – связал всю свою судьбу с этой фирмой «Метро-Виккерс», я связал с ней все свое благополучие. Но это благополучие Олейника в свою очередь было связано с его преступной работой, которая осуществлялась Олейником, о которой здесь он много и очень словоохотливо рассказывал, избавляя меня от необходимости повторения. Под непосредственным руководством гражданина Монкгауза и гражданина Торнтонна, этих господ, очень много заботившихся о судьбе Олейника, протекала вредительская «служба» Олейника.

Что собой представляет Олейник—мы это знаем. Это накипь нашей жизни, это отброс этой жизни. Но тем характернее, что именно эти отбросы пользовались таким доверием у этих граждан, действовавших под прикрытием своей фирмы, тем характернее, что типы, подобные Олейнику или Лобанову, были у них на этой их нелегальной службе.

Кушни. Кушни работал в Баку. Я говорил о состоянии Бакинской ГРЭС за период с 1927 г. до последнего времени. В 1928 г. начинается деятельность Кушни. Я сказал – Кушни посеял достаточно семян, которые продолжали и после него давать свои ядовитые ростки. Кушни изобличается, во-первых, показаниями Емельянова, об этом мы говорили на судебном следствии, Кушни изобличается, во-вторых, Торнтоном, поместившим Кушни в свою шпионскую сетку.

Кушни наконец изобличается Макдональдом, который в своих показаниях от 13 марта относительно его преступной деятельности говорит буквально следующее: “Разведывательная деятельность, проводимая в СССР под прикрытием фирмы «Метро-Виккерс», руководилась Торнтоном, работавшим в Москве в представительстве фирмы в должности главного монтажного инженера. Возглавлял представительство Монкгауз, который так же участвовал в этой нелегальной деятельности Торнтонна. Разъездным помощником являлся Кушни – офицер английской армии, ныне инженер фирмы «Метро-Виккерс». Это основная группа разведчиков, занимавшаяся шпионской деятельностью в СССР”.

Вот что говорит Макдональд. Что говорит Торнтон, видно из анализа его показаний от 13 марта, где Кушни значится в шпионской сетке. Совпадение чрезвычайно опасное для Кушни, и Кушни чувствует эту опасность, Кушни ведет себя как испытанный разведчик. С чего он начинает? Он начинает с того, чем и кончает, с обычного шпионского разведческого приема – отказа давать какие бы то ни было объяснения.

Изобличенный этими показаниями, вынужденный признать, что он действительно занимался шпионской деятельностью, он затем из одного допроса в другой категорически отказывается давать какие бы то ни было дальнейшие показания. Вот его показания 22 марта: «Давать дальнейшие подробные сведения о своей шпионской деятельности в СССР я отказываюсь. Мотивов своего отказа от дачи показания следственным властям приводить не желаю». Вот как отвечает хороший крепкий разведчик.

А вот Кушни допрашивается 23 марта: Вопрос: «Признаете ли вы себя виновным: в том, что вы в СССР занимались собиранием шпионских сведений экономического и политического характера?» Ответ: «Отвечать не желаю».

Вот как этот «честный инженер-монтажник» монтирует свой ответ.

Вопрос: «Подтверждаете ли вы показания, данные вами на очной ставке с Торнтоном 22 марта, что вы занимались собиранием шпионских, сведений экономического и политического порядка в СССР?»

Ответ: «Подтверждаю данные мною показания на очной ставке 22 марта с Торнтоном, что я действительно договаривался, чтобы сведения такого рода собирались».

Вопрос: «Через кого из русских вы собирали шпионские сведения?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вопрос: «По каким причинам вы не желаете рассказывать о своей шпионской работе в СССР?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вопрос: «Почему вы не желаете отвечать на предыдущие заданные вам вопросы?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вот классический образец поведения на допросе изобличенного шпиона, но шпиона все же с некоторой червоточинкой. Он все же признался, что занимался шпионажем. Вот написал ведь, что подтверждает данные им показания 22 марта, что он действительно передавал шпионские сведения. Признался, а через кого получал, не хочет говорить. А почему не хочет говорить, не желает отвечать. Это как называется? Это называется запирательством пойманного, схваченного на месте. Но это не спасет Кушни, потому что каждый шаг, который он делает, он делает на топкой почве лжи. И он ловится, он разоблачен, как разоблачены вот эти господа Торнтон, Монкгауз, Нордволл, Гусев, Сухоручкин и другие.

А вот очная ставка Олейника с Кушни. Опрашивают Олейника – кто из англичан занимался собиранием шпионских сведений, разведкой. Ответ – Монкгауз, Торнтон, Макдональд, Кушни и другие.

Но Олейник это подтверждает. Торнтон подтверждает. Это подтверждают не только показания Торнтон и Олейника, подтверждает это показание Кушни от 23 марта, когда он отказался назвать русских инженеров, через которых он проводил эту работу. Монкгауз тоже говорит, что Кушни занимался шпионской работой и что шпионскую информацию он получал от Торнтон и Кушни. Олейник подтверждает, Монкгауз подтверждает, Торнтон подтверждает и наконец сам Кушни это подтверждает, но потом спохватывается и заявляет: «Больше ничего не скажу»...

Не скажете? Не нужно. Вы уже все сказали, что могли, и сказали для нас совершенно достаточно для того, чтобы против вас поддерживать в полном объеме обвинение и в диверсии, и в шпионаже. Круг улики замкнулся. И нет выхода из этого круга, и не сумеет и не сможет Кушни разорвать этот круг улики, говорящих с неоспоримой убедительностью о его виновности, в соответствии с чем и должен быть вынесен приговор.

Кутузова. Здесь дело обстоит наиболее просто. Кутузова с самого начала поставила себе задачу сделать, так сказать, иностранную карьеру. Она говорит: я занималась изучением английского языка, желая поступить на службу в английскую фирму. Ничего предосудительного в этом желании конечно нет. Но интересна эта черточка, эта тяга к иностранной фирме с точки зрения вопроса о чувстве достоинства советского гражданина. Работать не у себя, а у других. Почему? Потому что здесь можно лучше заработать, больше получить, потому что здесь меньше может быть работы, потому что может быть здесь будет и больше удобства. И кто знает – может быть, пригодится когда-нибудь эта самая связь – ведь по мнению всех этих Кутузовых советская власть не прочна, и вот где соберутся 18 вредителей, возьмутся за дело, поднапрут и советская власть рассыплется – тогда пригодится и служба в иностранной фирме.

И вот Кутузова устроена на этой службе. Она здесь говорит: я не могла не сблизиться с ними потому, что мы, советские граждане, работавшие в фирме «Метро-Виккерс», окружены были известной стеной изоляции. Чепуха. Ложь. Никакой изоляции. Танцуйки, вечеринки, встречи, посещения, пудра, духи, помада и прочее. Какая здесь изоляция? Бросьте эту басню об изоляции, которая вас якобы толкала на отношения секретного, военного, шпионского, разведывательного, вредительского характера. Бросьте. Логика вещей привела вас на этот путь. Но логика вещей была создана вашей логикой.

И вот вы оказались в этой группе. И вот вы, Кутузова, оказались у них на нелегальной службе. И вот вы оказались хранительницей их секретов. Не только ответственный секретарь конторы, но и ответственный секретарь контрреволюционной, вредительской, нелегальной группы. И вы хранили их секреты, переживали вместе с ними опасения и волнения нелегальщины. Но при такой поддержке, с одной стороны, Монкгауза, с другой стороны, Торнтон вы перешагнули через эти трудности и, катаясь между Перловкой и Москвой в английском автомобиле, среди этих удобств вашей жизни, забыли свое достоинство, потеряли совесть, забыли о том, что вы советская гражданка. Вы продались за деньги, и вы должны также отвечать за это по законам нашего государства.

Но Кутузова имеет некоторые плюсы, хотя и полученные ею с большим запозданием. Она дала искренние и чистосердечные объяснения. Она не пощадила себя, не пощадила и своих соучастников. Она рассказала может быть не все, что она знала, даже наверное не все, но и того, что она сказала, с достаточной, мне кажется, прямоотой и откровенностью характеризуя и свою собственную преступную «работу», аналогичную работу своих соучастников, достаточно, чтобы учесть это при окончательном разрешении вопроса о судьбе Кутузовой.

И вот опять, как и в начале процесса, нам приходится возвращаться, замыкая этот круг наших обвинительных пунктов, к трем фигурам, которых, как я уже докладывал суду, обвинение отнюдь не считает центральными фигурами этого процесса, ибо в центре нашего обвинения с самого начала, как это видно и из обвинительного заключения, и из хода следствия, и из формулируемых мною здесь в последний раз обвинительных пунктов, в центре обвинения стоят граждане СССР, государственные служащие. Но из английских подданных, обвиняемых по данному делу, мы выделяем три фигуры – Торнтон, Макдональда и Монкгауза. О втором я уже сказал, о первом и третьем разрешите сказать последние несколько слов.

Монкгауз. Он прожил в СССР свыше 20 лет. Обвинение считает доказанным, что Монкгауз собирал через посредство ряда своих подчиненных английских инженеров, а так же некоторых русских инженеров секретные сведения военно-государственного значения, что он принимал участие во вредительской, диверсионной работе указанной контрреволюционной группы, что он за эту шпионскую, диверсионную, вредительскую работу платил систематически различные денежные суммы, давал взятки русским инженерам за сокрытие ими дефектов, имеющихся в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс».

То есть иначе говоря, доказана его вина в преступлениях, которые по обвинительному акту инкриминируются по ст. 58-6-7-9 и 11 Уголовного кодекса. Я только что говорил о подсудимой Кутузовой. Ее показания достаточно изобличают Монкгауза, характеризуя его роль в этой вредительской контрреволюционной, шпионской работе. Именно она была свидетельницей того, как Монкгауз с Торнтоном намечали план порчи турбин, оборудования, вывода из строя того или иного агрегата. Эти объяснения Кутузовой нашли себе подтверждение и в показаниях целого ряда других лиц.

Система взяток, практиковавшаяся Торнтоном при участии Монкгауза, нашла свое подтверждение в эпизоде с попыткой подкупить Долгова, от которой ни Торнтону, ни Монкгаузу уйти некуда. За что была дана взятка Долгову? Взятка была дана за то, чтобы Долгов не выполнил своих обязательств перед своим пролетарским отечеством. Хотели купить Долгова – сорвалось. Он на это не пошел. Он не только не пошел на это, но честно раскрыл эту попытку его подкупить.

Это оказался вынужденным признать сам Монкгауз, которого не спасут запоздалые отказы от своих собственных признаний, голые отказы. Монкгауз думает, что стоит ему только сказать: «я отрицаю», «теперь я не так говорю, как говорил раньше», чтобы мы убедились в правдивости его утверждений. Но Монкгауз не только отрицает, он еще и инсинуирует, как это было тогда, когда он наврал относительно 18-часового допроса, в чем он и должен был принести извинение. Он допрашивался в Прокуратуре Республики и сказал, что он не признает себя виновным в трех пунктах, но признал себя виновным в пункте 4-м, а этот 4-й пункт говорил именно о том, что он вместе с Торнтоном дал Долгову взятку.

Но это не единственный эпизод. Монкгауз говорил следователю: «Я знал о том, что Торнтон привозил различные вещи советским инженерам и техникам, но предполагал, что он получает деньги за эти вещи». Следовательно здесь можно прийти к заключению, что Монкгауз не только был осведомлен о подкупах, которыми занимался Торнтон, но принимал непосредственное участие в даче взяток, как это было с Долговым, когда 3 000 рублей были списаны по специальному разрешению Монкгауза и Ричардса и так далее.

Я здесь должен сказать однако несколько неприятных вещей, не только касающихся Монкгауза, но и некоторых, весьма неприятных традиций конторы «Метро-Виккерс». Я имею в виду показание Монкгауза, правда, не о себе, а о своем предшественнике, о некоем Антоне Антоновиче Симоне. Этот самый Антон Антонович Симон за период времени с 1923-й по 1928 г. был директором по операциям с СССР фирмы «Метро-Виккерс».

Он очень интересно охарактеризован тем же самым Монкгаузом, преемником Симона и, можно сказать, преемником в полном смысле этого слова. Как характеризует эту плодотворную деятельность Антона Антоновича Симона Монкгауз? Он сказал вот что: «Я знал, что у Симона был специальный фонд, которым он пользовался для взяток». Вот какое разоблачение тайн Мадридского двора.

«И я твердо верю, – продолжал Монкгауз, – что он был заинтересован в некоторых контрреволюционных движениях, но я не пользовался его доверием. Он не верил мне по некоторым личным и политическим мотивам. Я не могу сообщить точных сведений о его деятельности в этом направлении. Симон умер в 1927 г. и тотчас же я был назначен руководителем в СССР по фирме «Метро-Виккерс». Моим начальником с начала работы и до сегодняшнего дня был господин Ричардс, которого я знал со студенческих времен, потому что он кончил в то же время, как и я».

Остановимся пока на этом факте. Итак, дается Долгову взятка. В этой взятке принимают живейшее участие Монкгауз и Ричардс. Потом, когда эта взятка оказывается разоблаченной, тогда Монкгауз, во-первых, пытается отрицать, но припертый доказательствами к стене, не видя выхода, сознается. А здесь опять пытается доказать, что никакой взятки не было, что в практике конторы «Метро-Виккерс» взятки никогда не имели место. А тут, оказывается, существовал целый специальный фонд для взяток...

Монкгауз знал, что его предшественник занимался систематическим подкупом служащих наших советских учреждений. Монкгауз знал, что у Симона был специальный фонд, которым он пользовался для этих преступных целей, этот фонд был не только у Симона. Этот фонд был и у Монкгауза. И вот после всего этого Монкгауз говорит, что никаких взяток не давалось, что он благородный человек и вообще не может понять, о каких взятках здесь идет речь, что в лучшем случае имели место подарки.

Так обстоит дело со взятками или «подарками». А за что давались эти взятки, какие были эти сведения, за которые давались эти «подарки»? Эти взятки давались за сведения, которые точно так же собирал Монкгауз, как и собирала остальная шпионская сетка английских разведчиков. Мы имеем показания того же самого Монкгауза, которые бросают свет и на эту сторону дела. Вы имеете его показания, где он говорит, что шпионские сведения действительно им получались главным образом от Кушни, о котором мы достаточно уже говорили сейчас, и от Торнтон, роль которого в этом отношении достаточно исчерпывающим образом была здесь тоже уже охарактеризована.

На предварительном следствии, на допросе в Прокуратуре Республики Монкгауз не посмел отрицать своих показаний, данных ОГПУ, где он говорил, что он занимался собиранием шпионских сведений. Но он попробовал прикинуться непонимающим, что такое шпионаж. Но и тут он должен был немедленно сдать, заявив: «Содержание слова «шпионаж» я понимаю и знаю, что под шпионажем разумеется собирание и передача сведений, являющихся государственной тайной».

Это вы говорили? Говорили. Таким образом вы оказались вынужденным признать, что вы понимаете, что такое шпионаж, что вы понимаете шпионаж именно в смысле собирания и передачи государственных тайн, в каком говорит о шпионаже и обвинение.

Монкгауз вообще пытался на допросах заниматься филологией – от исследования слова «шпионаж» перешел к исследованию о том, что такое «нелегальный». Эту экскурсию в филологию Монкгауз предпринял по поводу случая нелегального перехода Ричардсом финляндской границы, о чем нам рассказал Монкгауз. Поправляясь, Монкгауз добавил: «не нелегальный, а секретный». Хорошо. Значит, так и скажем: не нелегальная деятельность, а секретная деятельность. Меня это с точки зрения обвинения полностью устраивает, не знаю, устроит ли это Монкгауза.

Один маленький штрих. Когда мы говорим о Монкгаузе, то мы не должны забывать 1917 г., мы не должны забывать 1918 г., когда Монкгауз служил в Архангельске в интервенционистском отряде английского корпуса, который вел войну против нашей советской власти, против рабочих и крестьян нашей страны, вел вооруженную борьбу под руководством, при непосредственном и активном участии в этой борьбе против нас того Ричардса, с которым и дальше поддерживал связь Монкгауз по своей работе в «Метро-Виккерс» и который тогда был связан с знаменитой «Интеллидженс Сервис», связь Ричардса с которой в настоящее время меня совершенно не интересует.

Это не случайное обстоятельство, как не случайное обстоятельство и то, что нам сообщил на допросе Монкгауз, что, когда он, утомленный военными подвигами в Архангельском интервенционистском корпусе, вернулся на отдых в Лондон, он получил предложение снова поехать в Россию, но уже не на север, а на юг, в армию Деникина. Он отказался из-за утомления; его утомление мало меня интересует, но характерна его плодотворная деятельность в интервенционистском корпусе под руководством Ричардса, которая дала достаточно оснований для того, чтобы предложить ему продолжить эту карьеру интервента, но уже не на севере, а на юге, уже в рядах деникинской армии.

Интервенты знали, кому они делали такое предложение...

И наконец вредительство, аварии, науськивание, использование тех или других вредителей, использование ими той обстановки, которая к сожалению еще у нас полностью не исчерпана и которая еще возможна вследствие того, что мы еще имеем в нашей стране остатки эксплуататорских классов, что мы имеем вокруг нашей страны капиталистическое окружение, питающее определенным образом классовую борьбу в нашей стране, выделяя, мобилизуя и направляя враждебные нам силы, хотя бы и совершенно ничтожные.

Я бы хотел, чтобы уже больше не возвращаться к этому, обратиться в связи с Монкгаузом еще к одному моменту, который не может нас не интересовать и который уже привлекал наше внимание. Я хочу здесь напомнить беседы и запись бесед, которые вел наш народный комиссар по иностранным делам товарищ Литвинов с британским послом сэром Эсмондом Овием 16, 19 и 28 марта, именно в той части, которая касается разгромленной, неудачной, но все же сделанной здесь на суде Монкгаузом вылазки с целью опорочить наше предварительное следствие. Я коснусь одного факта, который имел место при ведении предварительного следствия и в частности в отношении английских граждан, как и впрочем в отношении и советских граждан, это действительно чрезвычайная быстрота произведенного следствия.

11 марта ночью был произведен арест, и уже 12 апреля мы проделали работу, о которой говорят те материалы, какие на протяжении пяти дней проходили перед судом. Совершенно естественно, что нужно было работать быстро, упорно и много. Совершенно был прав товарищ Литвинов, когда он говорил, что мы пошли такими быстрыми шагами именно по настоянию НКВД, а НКВД пошел максимально навстречу пожеланиям не кого иного, как именно британского посольства.

При нормальных условиях допрос Нордволла и Монкгауза продолжался бы, читаем мы в записи товарища Литвинова, несколько недель, но мы добились того, что это было сделано в течение 3 дней. Нужно следовательно иметь в виду, что если 12 марта был допрос в течение всего дня, занимая примерно 7-8 и даже 10-12 часов, если 13 марта, хотя и с тремя перерывами, три раза шел допрос того же Монкгауза или того же Торнтонна, то это, в сущности говоря, наши следственные органы делали под прямым нажимом, как это говорит товарищ Литвинов, НКВД, который торопил нас поскорее это дело кончить в интересах самих же арестованных. И что самое для нас существенное, как можно усмотреть из этой записи, не кто иной, как сэр Эсмонд Овий настаивал на том, чтобы как можно скорее было закончено это расследование.

И когда, идя навстречу этим требованиям, следственная власть работала 8-10-12 часов в сутки вместо того, чтобы растянуть на несколько недель допрос, допрашивая в день по 2-3 часа, вдруг появляется в несколько иной обстановке соответственно инспирированный Монкгауз, делающий попытку заявить, что его утомляли длительным допросом по 18 часов. 18 часов не было, но были допросы в 10 часов, были допросы в 12 часов, хотя и с перерывами на обед, с целыми часами этих перерывов, которые требовались и для отдыха, и для принятия пищи, и для направления на допрос из изолятора и обратно, что в общем составляет не менее 20-30 процентов всего времени, ушедшего на эти допросы. Этот факт бесполезно установить для того, чтобы учесть все обстоятельства, очевидно толкнувшие Монкгауза на путь этой клеветы, этой злостной неправды, которая причинила и ему некоторую неприятность, за которую он здесь извинился.

Торнтон. Торнтону вменяется в вину следующее: организация через разветвленную сеть монтажных инженеров и техников, служащих конторы «Метро-Виккерс», экономического военного шпионажа. Во-вторых, привлечение к шпионской работе ряда русских инженеров и техников. Организация аварий на ряде электростанций Союза: дача взяток за организацию этих аварий, за сокрытие дефектов оборудования, монтированного монтажным персоналом конторы в лице некоторых соучастников этой контрреволюционной группы.

Какие у нас имеются данные против Торнтона? Во-первых, против Торнтона у нас имеется ряд таких объективных данных, как многочисленные случаи дефектов в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс» на целый ряд электростанций, крупные и мелкие дефекты, которые вызывали крупные и малые аварии, которые вызывали длительные или менее длительные простои турбин и следовательно наносили нам серьезный ущерб. Дефекты несомненно были. Об этом говорил сам Монкгауз.

Эти дефекты скрыть во что бы то ни стало, чтобы защитить в иных случаях материальный интерес самой своей фирмы, могло явиться необходимым, это – первое; чтобы использовать это как объективные причины, как ширму из объективных причин, за которой можно удачно скрыть свою субъективную, активную контрреволюционную вредительскую работу, это – второе. Это наконец использование этих дефектов таким образом, чтобы активизировать на этой основе вредительскую работу путем организации самих аварий, это – третье. Рядом с этим – организация военного шпионажа, подкупы и взятки, которые, как я уже сказал, являлись одним из широко распространенных методов работы именно этой группы, этой преступной шайки, пойманной и сейчас здесь на суде полностью изобличенной.

Какие у нас имеются основания утверждать и настаивать на виновности Торнтона? Мы имеем здесь следующие материалы. Во-первых, признание самого Торнтона. Торнтон признал себя виновным в организации экономического и военного шпионажа. Торнтон признал себя виновным в собирании сведений шпионского характера через разветвленную сеть своей агентуры, некоторых служащих фирмы «Метро-Виккерс» и не служащих фирмы «Метро-Виккерс», но работающих в соприкосновении с ними. Он признал дачу взятки русским инженерам и техникам за шпионаж через отдельных инженеров и техников, служащих этой фирмы, и непосредственно. Он признал дачу взятки за заведомое сокрытие дефектов оборудования. Так было на предварительном следствии.

На судебном следствии Торнтон, как вы помните, отказался от того, что он признавал на предварительном следствии, за исключением собирания экономической информации, не составляющей уголовно наказуемого преступления.

Придется вернуться кратко к анализу поведения Торнтон на суде. Возьмем за исходное, наиболее благоприятное для Торнтон положение, его признание в том, что он собирал сведения, собирал информацию, не говоря о том, какого характера эта информация. Установим бесспорные факты и нам будет проще и нам будет удобнее и легче распутать этот узел. Итак, Торнтон собирал сведения через ряд своих сотрудников и через других лиц, с которыми он находился в деловых и неделовых связях из не сотрудников своей фирмы. Это факт бесспорный, он сам его признал.

Второе— он признал, что получал в частности информацию из Златоуста. Он признал, в третьих, что эту информацию из Златоуста он получал от Гусева и Макдональда, и в четвертых, что никакой другой информации кроме той, которую он получал через этих лиц, он ни от кого не получал. Это тоже бесспорно.

Теперь спросим и проверим, какова же была действительно эта информация из Златоуста? Спросим Гусева и получим ответ, информация военно-шпионского характера: количество снарядов, типы снарядов, работа прокатки, сведения о стали, которая является высококачественной и идет тоже на военные нужды. Вот показания Гусева и Макдональда. Вот вам сумма всех данных, которые не оставляют никакого сомнения в том, что из Златоуста шла одна информация, военная информация, и что если это так было и если Торнтон ни от кого не получал информации, кроме этих людей, то эти люди могли дать только ту информацию, какую давали в действительности. Здесь голому отрицанию противопоставляется документ самого Торнтон, признающего, что он занимался шпионажем военного характера.

Как тут быть? Чему же здесь верить, что принимать за достоверное? Совершенно естественный, единственно возможный ответ: можно верить только фактам. Сведения из Златоуста получали? Получал. Вы сами говорите только через Гусева? Принимаем эту версию. Вы сами говорите только в соучастии с Макдональдом? Примем эту версию. Никаких других данных не нужно. Обратимся к тому, какие это были сведения. И Макдональд и Гусев говорят согласно, какие это были сведения.

Но Торнтон не только через Гусева занимался получением военных сведений. Помните не отрицаемые Торнтоном показания о том, что он получал сведения с Мытищинского завода об изготовлении там военных тележек для Красной армии. Получал сведения с Путиловского завода. Он сообщал кроме того, что на Путиловском заводе в некоторые цехи закрыт доступ посторонним лицам, потому что эти цехи якобы переведены на военную работу, и в частности в тот период это было, поясняет Торнтон, когда в 1931 г. у СССР возникли осложнения на Дальнем Востоке.

Гусев — о снарядах, кто-то — о Мытищах, Макдональд — о Путиловском заводе. Торнтон сам наблюдает, слушает, высматривает, что где делается. Завод «Большевик» с пушками и с моторами присоединим сюда. Эллиот собирает сведения через своего собеседника на вечере у какой-то Волковой о военном отделе Ивановского завода. Олейник имел специальное назначение проследить направление воинских эшелонов на Иркутск.

Особый интерес опять-таки через Кушни к состоянию Красной армии. Вот ряд данных, в совокупности своей достаточно убедительно характеризующих роль в этом деле Торнтон.

Мы имеем таким образом целую кучу данных, которые говорят о том, что Торнтон работал именно как организатор этой военной разведки. Вот Маккракен. По собственным показаниям Торнтон этот Маккракен сообщал ему, что когда он ехал в Кузнецк, видел много поездов, много эшелонов, идущих с военным снаряжением на Восток, а также когда он уезжал из Кузнецка, там было много войска. Видите, как Маккракена интересуют войска, а Торнтон разговаривает на тему о том, куда идут эти эшелоны.

А вот разговор Торнтон с Кларком. «Кларк, сообщал мне о разных контрреволюционных актах, которые были ему известны». Тут смешиваются были и небылицы и главным образом небылицы по типу рижских уток. Кстати, виноват, не в вашей ли кухне готовились эти рижские утки, что на какой-то завод будто бы привезли чуть ли не целый вагон динамита, чтобы взорвать этот завод, и т.д. и т.п. Одновременно с этими сплетнями и рижскими утками made in Riga, которые составляются при непосредственном и при благосклонном участии Торнтонов, Маккракенов и Кларков, собираются сведения о направлении и движении войск, подсчитывается даже количество эшелонов, обращается внимание, с чем идут эти эшелоны, идут ли с аэропланами или с моторными обозами, или с людьми.

Все выясняется, все выпрашивается, высматривается, это видно из показаний Торнтон уже позже, 13 марта 1933 г. Торнтон говорил, что он себя плохо чувствовал 13 марта, а 15-го? Торнтон ответил: лучше. А 16-го? Ответ: еще лучше, а 17-го? Тоже. Вот видите, гражданин Торнтон, чувствовал себя хорошо, а наговорили таких вещей, таких «снарядных» сведения, от которых, пожалуй, можете взорваться.

Или возьмем дальше, когда спрашивали Торнтон 16 марта:

Вопрос: «Какие конкретные факты в вашей информации вы сообщили Ричардсу по военной промышленности?»

Ответ: «Я сообщил Ричардсу, что новый турбинный цех Путиловского завода был закрыт и наших инженеров туда не пускали. Согласно рассказам наших инженеров цех перешел на изготовление военного снаряжения».

Это что – «обывательские» сведения?

Другое показание Торнтон: «В 1931 г. в период осложнений на Дальнем Востоке я указал Ричардсу, что на Мытищинском заводе часть цехов перешла на изготовление тележек для Красной армии. Эту информацию я получил от нашего монтера Уортер».

Вот как обстоит дело. Возьмем показания от 12 марта. Мы здесь имеем список бывших офицеров и солдат – служащих фирмы. Очень интересное совпадение. Дальше идут – Нордволл, Поллит, Риддл, Торнтон, Монкгауз и так далее.

Ну как, гражданин Торнтон, у вас дело обстоит с военным шпионажем? Неважно для вас, неважно. Выходит так, что сведения к вам стекались из разных сторон. Олейник дает сведения о военных заводах около Перми, Лебедев – о военном отделе в Иванове, Макдональд – об испытаниях орудий, о моторах, о Путиловском заводе, о его военных цехах, Уоттерс – то же самое. Олейник – о военных эшелонах на Иркутск с орудиями, аэропланами.

Поручили Олейнику во время пребывания его на Украине прощупать – нельзя ли подобрать небольшую, но крепкую группу бывших офицеров, которые могли бы пригодиться на случай интервенции, на случай войны. Этот разговор был? Торнтон не может этого отрицать, но пытается вилять. «Подтверждаете вы это или нет?», спрашиваю Торнтон. Он говорит: «Что касается подбора людей для диверсии и шпионажа, я отрицаю, но помню, что говорил Олейник о подборе технического персонала из русских для замены англичан»...

Кому это вы рассказываете? Вы подбираете специальных людей. Вот они – Гусев, который сидит за вашей спиной, Лобанов, это бывшие белогвардейские офицеры. Вот ваша сеточка, ваша диверсионная группа!

Вот как обстоит дело с военным шпионажем, вот как обстоит дело с целой кучей улик, которые имеются в этом отношении против вас. И Макдональд, и Олейник, и Гусев, и Лебедев, и наконец сам Торнтон – можно было бы очень и очень много против вас выдвинуть и других улик, но и этих достаточно для того, чтобы ваша роль, как организатора военно-шпионской работы, здесь была полностью раскрыта, изобличена и заклеяна.

Затем этот ваш документ от 13 марта, от которого вы так усердно отрещиваетесь. Когда, товарищи судьи, мы заводим речь об этом документе, Торнтон теряет последнее самообладание, он вскакивает, как мы видели не раз, и говорит: «Я полностью отрицаю». Он отрицает из 10 документов именно этот документ, а не документ 12 марта – до этого ни допрос 14 марта – после этого ни 20-го, ни 1 апреля – ни один из протоколов этих дней так не волнует Торнтон, как именно этот документ.

Конечно надо сказать, что этот документ мы должны оставить на совести Торнтон – это его документ. Достоверность того, что он в нем сообщил, установить может в настоящих условиях только он. Этим документом он не только разоблачает, раскрывает свою сетку этих 15 разведчиков, которые были заняты экономическим и политическим шпионажем, и 12 разведчиков, которые были заняты военным шпионажем, он разоблачает, что руководство этой шпионской организацией на территории СССР осуществляется британским разведывательным учреждением по имени «Интеллидженс Сервис» через его агента Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя фирмы «Метро-Виккерс». Это должно лежать полностью на совести Торнтон, если по отношению к нему можно говорить еще о совести.

Не нравится Торнтону этот документ, но документ есть все-таки документ. Торнтон пытался опорочить этот документ ссылками на какое-то «моральное давление». Что же вы не рассказали подробно, что это за «моральное давление», как это так на вас «морально давили». Он сказал: «мне говорили, что если ты будешь давать показания правильно, тогда будет хорошо». Я не постесняюсь перед всем миром, через посредство этого зала заявить то же самое: если вы будете давать показания правильные, будет лучше, чем ежели вы будете говорить неправду. Что ж, разве я оказываю этим на вас «моральное давление»?

Потом, говорит он, мне еще сказали: «Если ты будешь давать иные показания, то ты окажешься бесполезным и в Англии, и в СССР». Позвольте и мне оказать на вас такое же «моральное давление» и сказать: гражданин Торнтон, вы уже бесполезны и здесь и там, потому что вы как разведчик доказали всю свою несостоятельность, ибо вы через 24 часа после ареста выдали свою агентуру и сделали это потому, что вы трус и предатель по природе и вам не может доверять даже ваша английская разведка. А здесь же, в СССР, вы бесполезны потому, что после того, что произошло, от вас не может быть никому никакой пользы.

Вот вам «моральное давление». Я вам показал, что вы собой представляете с точки зрения тех требований, которые к вам могут предъявить люди, умеющие уважать себя и других, защищать свои интересы, выполнять свой долг, чего вы к сожалению не выполнили ни по отношению к нашей стране, обманув наше доверие, ни по отношению к учреждению, доверившему вам свои тайны. А что еще говорили вы по поводу «морального давления»? Ничего. И еще одно замечание. Вы говорите, что протокол 13 марта содержит в себе неправду. Допустим. А подумали ли вы, что, сообщая то, что вы сообщили 13 марта, вы играли человеческими головами, головами своих товарищей? Вы это понимали! Нет, этот документ вам не удастся опорочить. Но пусть он останется на вашей совести.

Вы указали между прочим в этой записке и на одно лицо, находящееся здесь на скамье подсудимых – это Грегори. Я должен сказать, что оговор подсудимого или какого-нибудь другого лица может иметь значение только тогда в нашем суде, когда он сопровождается какими-нибудь объективными данными, когда он не остается только голым оговором. Когда Торнтон говорит о Кушни, мы видим деятельность Кушни; когда Торнтон говорит о Монкгаузе, мы видим деятельность Монкгауза; когда Торнтон говорит о Нордволле, мы видим деятельность Нордволла; когда Торнтон говорит о Макдональде, мы видим деятельность Макдональда.

Когда Торнтон говорит о Грегори, я должен признать это, одного голого заявления Торнтона, не подкрепленного другими данными, считаю недостаточным для того, чтобы поддержать обвинение в отношении Грегори. Я считаю возможным вынесение по отношению к нему оправдательного приговора.

Я исчерпал все те аргументы, исчерпал все те данные, которыми я располагал, если говорить об основном, о важнейшем, о самом существенном.

Сформулировано окончательно и в последний раз обвинение. Распределена тяжесть этого обвинения между отдельными подсудимыми. Моя задача в этой стадии нашего процесса уже исчерпана. Главная и основная группа намечена – это Гусев, это Сухоручкин, это Зорин, это Лобанов, это Крашенинников, это Соколов. Дальше идут более мелкие и второстепенные фигуры из наших граждан. Дальше – группа английских граждан – Торнтон, Монкгауз, Макдональд, Нордволл, Кушни. Грегори я исключаю из этого перечня.

Государственное обвинение не сомневается в том приговоре, который будет вынесен вами, товарищи судьи, по настоящему делу. Вы будете, расценивая деятельность каждого из подсудимых, решать несомненно и ряд вопросов, которые мы здесь в процессе прений едва ли смогли исчерпать во всей полноте. В частности вопрос, который я поставил и который вы также должны будете разрешить, это вопрос, кто кого из этих различных групп обвиняемых в тех или иных плоскостях их соприкосновения организовывал, подговаривал, вовлекал, направлял. Вы будете решать вопрос о том, какую выбрать меру уголовной репрессии по отношению к каждому из них. Обвинение, предъявленное по 58 ст. Уголовного кодекса, содержит категорическое требование о высшей мере социальной защиты – о расстреле. И деятельность этих людей заслуживает того, чтобы именно так и было сказано в судебном приговоре.

Но наш суд есть советский суд, в котором не являются единственными мотивы формального требования закона. Наш суд учитывает все обстоятельства по делу, наш суд прислушивается к голосу своего социалистического правосознания и распределяет ответственность между отдельными обвиняемыми, перед тем, как этим обвиняемым стать осужденными; он решает этот вопрос с точки зрения целого ряда обстоятельств, которые всегда учитываются судом, как бы ни было тяжко совершенное преступление.

Важнейшим в этом случае обстоятельством, о котором я, как представитель государственной власти, обязан здесь на суде напомнить, является то, что, несмотря на вредительские действия этих групп вредителей, сила и мощь нашего государства не поколеблены, да и не могли и не могут быть поколеблены, что несмотря на то, что нередко делаются нашими классовыми врагами попытки ударить по нашему государственному хозяйству, наше государственное хозяйство растет, мощь его крепнет, эти люди оказываются ничтожными, оказываются пигмеями. Вынося судебный приговор, мы никогда не руководствовались соображениями жестокости и мести. Но это не значит, что когда вы будете окончательно решать вопрос о судьбе подсудимых, если вы признаете необходимым по отношению к тому или иному обвиняемому произнести приговор с высшей мерой социальной защиты, вы конечно его произнесете и ваша рука не дрогнет этот приговор подписать.

Но как бы вы это ни решили, мне кажется бесспорным, уже сейчас решенным один важнейший для нас вопрос этого судебного процесса. Это – ничтожность каких бы то ни было попыток остановить победоносное движение нашей пролетарской революции вперед.

Вот уже первая весна нашей второй большевистской пятилетки когда скоро наши социалистические поля заколосятся новыми хлебами, которые придут на помощь городу, нашей промышленности, которые помогут этой промышленности еще выше поднять великие леса своей социалистической стройки. И с высоты этих грандиозных лесов нашей социалистической стройки, венчающей новые и новые победы, усилия, творческий труд, энтузиазм пролетариата, нашей партии под руководством Центрального комитета и вождя нашей партии товарища Сталина, пролетариата, совершившего героический путь побед, еще ничтожнее, еще постыднее, еще отвратительнее будут казаться эти гнуснейшие преступления, которыми пытались остановить победоносный ход социалистической революции эти ничтожные, продажные и продавшиеся, изменившие и предавшие социалистическую родину люди!

Председатель. Объявляю перерыв до 7 часов вечера.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 17 апреля, 1933 г. 19 час. 20 мин.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается.

Слово имеет член Московской коллегии защитников т. Казначеев.

Казначеев. Товарищи судьи! Трудно усмотреть что-либо ненормальное в том, что суд судит, должен судить и карать за те тяжкие преступления, кошмарная картина которых развивалась перед вами на протяжении этих нескольких дней! Ведь нет страны, нет государства, которое не карало бы за диверсию, не карало бы за шпионаж, вне зависимости от классово-экономической сущности, от структуры государственной власти той или иной страны! Никому никогда не приходило в голову удивляться тому, что законы тех или иных стран предусматривают тяжкую ответственность за такие виды преступлений, что суды эти законы применяют и что те органы, которым это ведать надлежит, занимаются раскрытием преступной работы тех или иных лиц и ведут расследование по тем или другим делам. Однако, когда у нас в Союзе оказались привлеченными к ответственности за столь тяжкие преступления граждане, сидящие здесь на скамье подсудимых, и среди них в качестве организаторов, вдохновителей где за такие преступления тоже по голове не гладят, в печати той самой страны поднялась бешеная кампания, кампания инсинуаций и лжи, имеющая определенную целевую установку. Цель этой кампании дискредитировать производившееся следствие. Цель этой кампании дискредитировать наши судебные органы и доказать, что эти почтенные джентльмены являются жертвой советского террора! Некоторые публицисты доходили даже до создания таких теорий, что якобы у нас специально инсценируются такого рода процессы.

И вот сейчас, здесь, когда в этом зале слушается дело этих граждан, там в старой Англии, как мы знаем из газет, возносятся к небу под аккомпанемент пасхального перезвона молитвы за чуть ли не причисленных к лику святых Торнтон и Монкгауза!

Я думаю, что после всего того, что прошло здесь в суде, после всех признаний, которые вы услышали из уст Торнтон, из уст Монкгауза, из уст Макдональда, мы вправе утверждать, что эта кампания провалилась, и цели, которые преследует группа журналистов, организовавших эту кампанию, никогда, ни при каких условиях, не могут быть достигнуты!

Я бы мог, конечно, не останавливать вашего внимания на всех тех моментах, о которых я только что говорил, но здесь на процессе все мы были свидетелями того, как обвиняемые, английские подданные, пытались здесь на суде в той или иной мере продолжать ту же кампанию инсинуаций и клеветы, пытались говорить о том, что якобы к ним применялись какие-то особые методы допроса, пытались говорить о том, что они давали какие-то вынужденные показания.

Если бы все эти методы самозащиты, к которым прибегали почтенные джентльмены, были бы безразличны, были бы нейтральны для моих подзащитных, если бы для моих подзащитных был бы безразличен вопрос о том – правду или неправду говорили они на суде, я бы на этом не останавливался, но в конце концов это какая-то, во всяком случае, весомая попытка произвести какие-то действия, которые бы могли, или, с их точки зрения, должны были повлечь определенные процессуальные последствия.

Конечно, при таких условиях и при такой ситуации я не могу пройти мимо этих попыток и не могу не заострить на них вашего внимания. Именно в таком разрезе вы мне разрешите вкратце остановиться на тех заявлениях, которые делались по адресу моих подзащитных и остальных обвиняемых не английских подданных, которые делались Монкгаузом и Торнтоном. Больше того. Один из обвиняемых, гражданин Кушни, здесь заявил с исключительной резкостью – «Олейник врет!»

И вот эта попытка доказать, что мои подзащитные пришли сюда в суд говорить неправду, заставляют меня спросить, а где база этих заявлений, где не только доказательства, а хотя бы намек на доказательства того, что они являются жертвами оговора со стороны Олейника, со стороны Гусева, со стороны всех остальных?

Ведь все мы знаем, что представляет из себя оговор, все мы знаем, что такое оговор и какое реальное понятие вкладывается в это слово. Оговором мы обычно называем или такие показания, которые абсолютно ничем не подкреплены, такие показания, которые стоят изолированно и, наконец, в этих случаях, мы всегда говорим о возможных, или хотя бы о предполагаемых мотивах оговора. Ведь если назвать оговором каждое показание, которое невыгодно тому или иному подсудимому, назвать голословно, это значит стремиться поставить суд в такое положение, когда он будет лишен возможности осуществлять правосудие. В данном деле мы являемся свидетелями редкого изобилия уликового материала, я бы сказал – той громады улики, от которой уйти нельзя, и при таких условиях кажется наивным, кажется смешным, когда произносится слово оговор, кажется странным, когда говорят об этом.

«Ложь» Гусева и других обвиняемых подтверждается определенным материалом, подтверждается целым рядом объективных доказательств! Наконец, больше того, ведь если предположить, если на одну секунду стать на точку зрения, желательную мистеру Торнтону, то придется спросить – а чем же Торнтон может серьезно объяснить свои собственные признания, чем может объяснить показания Макдональда? На этот вопрос ни одного разумного ответа никто из них не дал.

Наконец, позвольте остановиться на последнем – а что вы здесь слышали о мотивах оговора, о мотивах возможных, хотя бы предполагаемых. Положение в частности моих подзащитных – Соколова, Гусева и Олейника тяжкое и по-разному будете вы расценивать их показания, но вряд ли может предположить хоть один разумный человек, что они свое и без того тяжкое положение хотят еще ухудшить оговорами других. Мне кажется, что все эти разговоры об оговоре, разговоры о лжи отличаются одним качеством – в них нет самой элементарной, самой примитивной, человеческой логики. Я думаю, что все то, что прошло перед вами, и все те материалы, которые лежат на вашем столе, дают мне основание с полным правом сказать, что вопрос о том – говорят ли Гусев и Соколов правду – не может быть решен иначе, как только в положительном смысле!

Гусев, Олейник и Соколов совершили тяжкое преступление и они эти преступления не отрицают, но ни одному Торнтону, ни одному Монкгаузу никогда не удастся доказать, что Гусев, Олейник и Соколов были лжецами на предварительной следствии и в качестве лжецов пришли сюда на суд! Судебное следствие проверяло отдельные показания, сопоставляло с целым рядом материалов показания их и эти показания объективно подтверждены!

Преступления, совершенные Гусевым, Олейником и Соколовым, тяжки безмерно! За эти преступления они сейчас пришли держать ответ, они эти преступления осознали, осознали в полной мере, и Олейник, когда давал показания вот здесь, сам нашел для этих преступлений подходящую оценку, он прямо сказал: «подлее быть не может ничего!»

И, конечно, я далек от мысли, в какой бы то ни было мере сглаживать ту кошмарную картину, которая была здесь нарисована ими самими. Я должен прямо сказать, что у меня нет и не может быть с обвинением споров ни о квалификации содеянного, ни о фактах, ни о социально-политической оценке содеянного в условиях данного момента, когда вопрос о повышенной ответственности государственных служащих поставлен и декретирован соответствующим актом верховной власти.

При таких условиях, товарищи судьи, суживается, ограничивается до минимальных размеров круг тех аргументов, которые могут говорить в пользу смягчения их участи, аргументов, которые я могу предложить вашему вниманию.

История судебных процессов последних лет подтверждает то положение, что в таких случаях главную, решающую и подчас основную роль, при решении вопроса о судьбе подсудимых, при решении самого актуального вопроса для них: о мере социальной защиты, которая должна быть к ним применена, играет вопрос о том, как оцените вы принесенное подсудимым сознание. Обвинительное заключение трактует сознание Гусева и сознание Соколова как сознание в результате предъявления им явных и неопровержимых улик.

Я позволю себе сказать, что когда мы ставим вопрос о мотивах этого сознания, то нельзя делать выводов на основании какого-либо одного момента из жизни обвиняемого, в частности, хотя бы и того момента, когда обвиняемому приходится сознаваться под давлением улик. Нельзя эти моменты брать изолированно от всей остальной жизни обвиняемого, необходимо в таких случаях присмотреться как к личности его, так и прощупать ту почву, на которой созревала преступная деятельность, преступная контрреволюционная работа данного обвиняемого.

Что мы знаем о Гусеве? Гусев происходит из семьи трудящихся, из семьи железнодорожного машиниста, который жил на мизерный заработок. По социальным корням Гусева нельзя отнести к числу классовых врагов! Но дальше – волею судьбы и обстоятельств Гусеву пришлось вращаться, учиться и, наконец, быть на военной службе (я не отрицаю того, что добровольно) среди тех элементов, которые дышали ненавистью к советской власти.

По поводу того момента, на котором заострил внимание т. Вышинский, по поводу того, что Гусев добровольно служил у Колчака – разрешите мне сказать несколько слов.

Когда вы, товарищи судьи, будете разрешать вопрос о мотивах его раскаяния и о глубине сознания его, вспомните о том, что если Гусев был уличен в своих тяжких преступлениях и в них мог признаться под давлением улик, то ведь в службе у Колчака и в службе именно добровольной он признался сам! Сам рассказал, несмотря на то, что учитывал, что этот момент будет отмечен, как момент, отягощающий его положение!

Не свидетельствует ли это о том, насколько глубоко это сознание и насколько глубок тот психологический перелом, который в нем происходит?! Гусев, мне кажется, является продуктом той среды, в которой он вращался, в которой он воспитывался, в которой он жил!

Я просил бы вас отметить и то обстоятельство, что Гусев, не скрывавший здесь своих контрреволюционных настроений, в течение ряда лет, до знакомства с Монкгаузом и Торнтоном, хотя и таил в душе контрреволюционные настроения, но эти настроения не претворял в контрреволюционную деятельность и работу.

Он стал заниматься этой работой только после знакомства с этими почтенными джентльменами и только после получения от них соответствующих инструкций, скажу прямо – и после получения от них денежного вознаграждения. Решающую роль в претворении антисоветских настроений Гусева в активную контрреволюционную деятельность и работу сыграли эти джентльмены.

Я еще не ставлю вопрос о степени ответственности и о той или иной мере социальной защиты, которую должны понести как они, так и он, но все-таки в целях выпрямления перспективы процесса для нас важно знать, кто является исполнителем, кто является подстрекателем и инициатором. И в роли таких подстрекателей, в роли таких организаторов, в роли таких инициаторов несомненно фигурируют здесь на процессе как Торнтон, так и Монкгауз. Если перспективу процесса выпрямить окончательно, то тогда мы должны будем признать, что основные задания эти почтенные джентльмены получали из-за рубежа. Нити идут прямо к английской контрразведке.

Возникал на судебном следствии вопрос – а пытался ли когда-нибудь Гусев уйти от контрреволюционной работы, пытался ли от нее отказаться, были ли на эту тему у него какие-нибудь колебания, сомнения... Что же мы знаем. Гусев хотел уйти, но уйти не удалось! «Наша связь зашла слишком далеко», – так показывает об этом моменте Гусев. Дальше он говорит, что когда он впервые поставил вопрос о прекращении своей вредительской, своей шпионской работы, то ему совершенно реально намекнули почтенные джентльмены на то, что тогда его могут искусственно провалить. Перед ним тогда впервые встал призрак провала.

По большому количеству процессов о шпионаже и вредительстве мы знаем, что уйти от такой работы бывает чрезвычайно трудно, ...что цепкие руки агентов заграничных контрразведок очень цепки и легко никого никогда не выпускают.

Когда еще в самый первый день судебного следствия Гусев говорил о том, что теперь, если ему будет сохранена жизнь, он готов загладить свою вину, то не могло не возникнуть вопроса о том, насколько искренне его заявление. Тот аргумент, который я привел только несколько минут тому назад о глубине сознания Гусева, мне думается должен послужить основанием для того, чтобы и этот вопрос разрешить в пользу Гусева. Ведь в конечном итоге судить об искренности или неискренности человека на основании каких-нибудь судебных материалов трудно, даже больше – почти невозможно! Но ведь если у нас нет таких доказательств искренности Гусева, то где же у нас доказательство или намек на доказательство его неискренности? В таких случаях вопрос разрешается не на основании каких-либо прямых или косвенных судебных доказательств!

Вот, товарищи судьи, все сведения, которые мы имеем о Гусеве, о происшедшем в нем переломе и о тех данных биографического порядка, которые нам необходимы для разрешения вопросов, связанных с его дальнейшей судьбой.

Что представляет из себя Соколов? Присмотримся к нему! Что же, это, пожалуй, очень близкое звено к Гусеву в той самой цепочке, звеньями которой они являются. Что он из себя представляет? Та же идеология, те же взгляды, если хотите больше – почти та же самая биография, та же самая служба у Колчака, все то же самое и, наконец, финал общий, контрреволюционная работа общая, вместе они на скамье подсудимых и завтра или послезавтра вместе будут дожидаться вашего приговора, будут дожидаться ответа на вопрос о дальнейшем своем существовании, о том, будут ли они дальше жить или не будут.

При оценке вопроса о мотивах сознания Соколова я просил бы вас, товарищи судьи, учесть следующий момент. В деле вы найдете два заявления Соколова, где он принес свое чистосердечное раскаяние еще органам ОГПУ, еще задолго до суда!

Больше того, здесь на суде Соколов даже подчеркнул такие моменты, которые дают право, мне кажется, ответить положительно на вопрос о том, что его раскаяние глубоко и искренно. Ведь Соколов здесь признал, что первые его вредительские действия, первые вредительские акты относятся еще к 1927 г. и что эти вредительские действия были им совершены без соучастия с Макдональдом и другими. Этот момент надо взвесить, этот момент надо оценить! И если раскаяние Соколова является глубоким, является искренним, то не свидетельствует ли оно о том моральном перерождении, которое у него началось?! Не свидетельствует ли это о глубине этого начавшегося процесса?

Правда, товарищ прокурор, подводя окончательные итоги обвинения, не указал конкретно тех мер социальной защиты, применения которых требует обвинение. Но мы, товарищи судьи, знаем, что в данных условиях, в данной обстановке и в данный момент обвинения, предъявленные Гусеву и Соколову, могут повлечь применение высшей меры социальной защиты.

Позволю себе сказать, что даже в данных условиях и в данный момент высшая мера является мерой исключительного порядка и применение этой высшей меры целесообразно и необходимо в тех случаях, когда вопрос о перерождении обвиняемого, вопрос о возможности его исправления окончательно и бесповоротно разрешается в отрицательную сторону.

Товарищ прокурор признал здесь, что и Гусев и Соколов даже и вредителями-то являются второго сорта. Я затрудняюсь так их распределять по сортам, но мне кажется, что по какой угодно классификации надо будет сказать, что все-таки они, если их можно разбивать по сортам, то в пределах второго, третьего или четвертого сорта, но во всяком случае не высшего и не первого.

Я думаю, товарищи судьи, что если у вас не явится сомнений в их искренности и в глубине душевного перелома того, который в них произошел, то они могут надеяться на то, что в том приговоре, который будет им вынесен через сравнительно короткий промежуток времени, в этом приговоре расстрел для них может быть заменен иной мерой социальной защиты.

Перехожу к последнему из своих персонажей – к Олейнику. Неприглядными красками обрисовал фигуру Олейника т. Вышинский. Ничего хорошего не рассказал Олейник вам здесь о себе. Свое тяжкое преступление он тоже охарактеризовал достаточно метко и достаточно правильно. Олейник на шестом десятке лет попал сюда на скамью подсудимых. Олейник долгие, долгие годы, бывая за границей и здесь у нас в Союзе, проработал в иностранной фирме. Олейник с этой фирмой сжился. Олейник, как он утверждал здесь на суде, находился со своим начальством по службе в таких взаимоотношениях, что он считал неудобным в чем-либо им отказать.

Олейник, когда впервые начал свою контрреволюционную работу, то он тогда еще не отдавал себе отчета, впервые, вначале, о том, где кончается грань законного и дозволенного, где он собирает ту информацию, которую можно собирать и где она переходит в сферу недозволенного, и тут Олейник незаметно, сам для себя, начинает заниматься шпионажем, начинает заниматься такими действиями, которые влекут за собой тяжкую меру социальной защиты.

Олейник даже себе не представлял, как жить без иностранных хозяев. Он – хороший специалист, с большим практическим стажем. Он был послушным исполнителем, был орудием в руках гражданина Торнтон. Мистер Торнтон и те лица, по заданию которых он действовал, обратили Олейника, в сущности говоря, в механического исполнителя тех заданий, которые ему давались. Ведь даже прокуратура здесь признала, что Олейник во многих случаях пытался выполнять задания по шпионажу, но это ему не всегда удавалось, исполнитель был из него никуда не годный.

Является или не является Олейник тем человеческим мусором, который нужно уничтожать, вы решите, но, разрешая этот вопрос, не забудьте, товарищи судьи, и тот момент, что если подходить к разрешению вопроса о мере социальной защиты в отношении Олейника даже формально, то и тогда нужно признать, что Олейник не является государственным служащим, что Олейник служащий фирмы «Метрополитен-Виккерс» и что на Олейника не распространяется тот закон о повышенной ответственности государственных служащих, о котором здесь так много говорилось!

Вот, товарищи судьи, и приходят к концу все те крайне ограниченные, скромные и может быть недостаточно веские аргументы, которые можно привести в их пользу, в их защиту.

Я в данном случае не склонен заниматься какими-либо лирическими отступлениями, но мне хотелось бы просить вас о том, что когда вы будете через день, полтора или два писать приговор, писать документ мирового значения, содержание которого станет известно всему миру, чтобы в этом документе мои подзащитные могли бы прочесть те слова, которые бы дали им возможность надеяться на то, что может быть через тот или иной, может быть и очень продолжительный срок, они когда-нибудь сумеют приобщиться к той великой стройке социалистического общества, которая у нас происходит, что когда-нибудь через большой промежуток времени они смогут принять участие в этой стройке как полезные граждане и еще глубже осознают всю ту пропасть, в которую они попали.

Председатель. Слово имеет член Московской коллегии защитников Шварц.

Шварц. Граждане судьи! Настоящий процесс несомненно имеет международное значение. Острота политического его значения ясна и очевидна. Общественное мнение всего Советского союза объединяется одним чувством – это чувство большого возмущения, чувство, вызванное теми тяжкими преступлениями, которые совершили сидящие сзади нас на скамье подсудимых. В самом деле, мы можем так поставить вопрос: есть ли страна в мире, где бы технический персонал, специалисты получили возможность так развернуть свои таланты, так развернуть свои способности, так легко и свободно работать, как в Советском союзе; есть ли страна, где бы так заботились о техническом персонале, как у нас.

Вот почему всем нам прискорбно наблюдать, прискорбно слышать, что еще не извлеклись окончательно вредители, что еще не забыто и не брошено это позорное ремесло, именуемое вредительством. В самом деле, есть ли страна, где с такими темпами развивалось бы строительство, как у нас. Возьмите любой уголок Советского союза, вспомните Днепрострой, которому завидует Западная Европа. И невзирая на это, есть еще отдельные специалисты, которые не забыли об этом позорном деле, именуемом вредительством.

Но надо признать – русская интеллигенция целиком не только считает необходимым, но с большим подъемом и энтузиазмом работает в интересах строительства социализма, только отдельные исключения, маленькая горсточка, только она еще отстала от массы интеллигенции, только она еще не забыла об этом позорном ремесле. Не только вся русская интеллигенция, но великие умы Западной Европы так же признают успехи Советского союза и вместе с нами стремятся работать в интересах строительства социализма. Я не буду утомлять вас выдержками из многих трудов и работ интеллигентов Западной Европы, позвольте мне только вкратце процитировать одну выдержку из письма Ромена Роллана в редакцию «Известий»:

Он писал: «Будьте уверены – со всей энергией, которой у меня хватит, а у меня ее еще хватит и хватает, я буду защищать то героическое дело, авангардом которого является СССР. После того громкого процесса, который обнаружил гнойник в самом сердце интеллигенции, воспользовавшейся своим привилегированным положением, чтобы изменить трудовому народу, из среды которого она вышла, непозволительно более оставаться нейтральной всей честной и здравомыслящей интеллигенции. Будем вместе с Союзом советских социалистических республик трудящихся!»

Вот вам голос крупного ума, большого интеллигента Западной Европы. Это один из многих, который вместе со всей советской интеллигенцией ратует за строительство социализма.

В этом процессе встал большой вопрос. Его поднял Прокурор Республики – это вопрос сопоставления в деле о вредительстве наших государственных служащих со специалистами иностранных держав. Большой вопрос. Конечно, вы увидите из некоторых соображений по этому делу, что в отдельных случаях отдельные иностранцы-специалисты являлись не только соучастниками вредительства, но даже и подстрекателями. Отсюда, конечно, не следует, что умалывается значимость преступлений советских государственных служащих. Наоборот, советский государственный служащий должен быть таким, что ежели иностранный специалист подходит к нему с предложениями не в интересах Советского союза, он первый должен ударить его по рукам для того, чтобы отбить охоту подстрекать к вредительству.

Эта проблема решается только таким образом и иначе не может быть решена. Вот почему в своих объяснениях, защищая советских служащих, обвинявшихся во вредительстве, я не буду так ставить вопрос, что они были подстрекаемы иностранными специалистами и потому менее ответственными. Наоборот, я считаю, что советский сотрудник должен быть крепким и твердым, что он должен отбивать охоту у всякого, который пытается его подстрекать.

Но вы, товарищи судьи, разрешая эту проблему, примите, во внимание обстоятельство, отчасти говорящее в пользу отдельных обвиняемых, вы не забудьте той роли, которую параллельно играли и другие люди, другие специалисты – иностранные специалисты.

Бывает такое положение, что человек объективно склонен к вредительству. Он, скажем, определенный период времени, будучи идейным врагом советского строительства, оставался пассивным, но когда со стороны к этому присоединился сильный волевой толчок, это настроение превратилось в действие. Повторяю, это не умалывает ответственности государственного служащего, но это многое объясняет и вам, товарищи судьи, в своей совещательной комнате нельзя будет отойти и от этого вопроса.

Когда я перехожу к защите отдельных своих подзащитных, граждане судьи, я должен одно признать – отсутствие у меня уликовой защиты. Я защищаю таких обвиняемых, в отношении которых я лишен возможности вести защиту в плоскости уликовой борьбы. Мои подзащитные сознались и в этом смысле моя задача несколько более проста, но в смысле психологическом она очень сложна.

Вот почему психологические переживания отдельных обвиняемых играют не последнее место и здесь в судебном процессе. Возьмите вы такую цельную фигуру, как обвиняемый Сухоручкин – начальник эксплуатационного отдела 1-й МГЭС. Вы слышали его показания. Фигура несомненно волевая. Когда вы, товарищи судьи, будете решать вопрос о нем, вы не только дадите оценку его показаниям, данным здесь, вы расцените его как человека в целом.

И вот, с этой точки зрения, позвольте проанализировать фигуру Сухоручкина. Он совершил очень тяжкие преступления. Он в них чистосердечно сознался. вспомните, как он давал показания. Он был антисоветски настроен. Он этого не скрывал перед вами. Шаг за шагом он раскрывал всю свою вредительскую деятельность, перед Верховным судом он ничего не утаивал. Я перед собой все время ставил вопрос. Такой человек сильной воли, как Сухоручкин, здесь на суде и ранее в органе дознания от начала до конца раскрывший все свои преступления, заслуживает ли доверия, когда говорит перед советским судом, что в совершенных преступлениях он раскаивается, что в дальнейшем он желает честно, добросовестно работать в интересах строительства социализма, я полагаю, что такому человеку можно верить.

Параллельно, конечно, я ставил и ряд других вопросов. Что содействовало тому, что этот Сухоручкин, большой и крупный специалист, мог пойти на эти акты вредительства в течение целого ряда лет. Я полагаю, что я буду совершенно прав, если скажу: да, он совершил самые тяжкие преступления перед советской властью. Он не только не оправдал доверия, он грубо и преступно нарушил оказанное ему доверие. Совершенно правильно. Но вы не забудьте, в какой среде вращался этот самый Сухоручкин. Он не верил в успехи пятилетки. Антисоветские настроения у него все больше и больше усиливались. Он стал вредителем. Но когда он убедился в успехах пятилетки, когда он стал убеждаться в том, что строительство социализма – это реальный факт, что Советский союз гигантскими шагами идет вперед, он, Сухоручкин, как заявил здесь, бесповоротно рвет с прошлым.

Большие преступления совершил бывший начальник ремонтно-монтажного отдела 1-й МГЭС инженер Крашенинников. Но вот интересно вспомнить, как Крашенинников, советский инженер, мог дойти до таких тяжких преступлений против советской власти. Надо признать, что Крашенинников не сразу вступил на путь вредительства. Постепенно, исподволь он сам настроенный антисоветски был двинут на этот преступный путь. Вот здесь, конечно, сыграли большую роль другие люди.

Вы вспоминаете – раньше Крашенинников работал честно и добросовестно. Он сталкивается на производстве с механиком англичанином Джоллеем. Джоллей начинает присматриваться к инженеру Крашенинникову. Крашенинников спорит с Джоллеем, заставляет его ремонтировать машины энергичнее, монтировать быстрее, настаивает, ругается и даже жалуется на Джоллея. вспомните рассказ Крашенинникова. Он идет жаловаться на Джоллея к своему начальнику инженеру Рязанову, который расхолаживает Крашенинникова, предлагает снисходительнее обращаться с Джоллеем и в итоге выясняется, что его начальник инженер Рязанов был осужден за вредительство.

Крашенинников подчинился влиянию среды, постепенно скатывается на путь преступлений и вредительства. Джоллей его не только обхаживает, но и подчиняет. Вот и Крашенинников в контрреволюционной организации. Тут, конечно, вы видите, что влияние среды, отдельных живых людей, сыграло не последнюю роль в том направлении, чтобы нашего советского инженера склонить к преступному пути, по которому он потом пошел. Правда, зачатки были заложены и в самом Крашенинникове.

Уезжает Джоллей, Крашенинников передается по назначению, Вместо Джоллея появляется на 1-й МГЭС представитель Торнтон в лице Олейника, привозит ему пакет от Торнтон с 500 рублями, и вот Крашенинников – окончательно завербованный член контрреволюционной организации. Он совершил целый ряд преступлений. Вы помните, как подробно, постепенно Крашенинников рассказал о всех актах вредительства, которые он совершил на 1-й МГЭС. Тяжкие преступления – без всякого сомнения.

Мы заинтересовались, как сам Крашенинников к этому относится, как он расценивает свои преступные действия против советской власти. Он дал ответ и он же здесь сказал, что к концу 1932 г. у него произошел резкий перелом. Он понял и осознал те великие преступления, которые он совершил перед советской властью, он понял и осознал, как он нарушил доверие, оказанное ему советской властью. Он раскаялся и здесь вспоминается деталь его рассказа. В конце 1932 г., когда он был оторван от производства, он имел время и возможность продумать преступный путь, пройденный им за последние годы. Он сам осознал эти преступления, почувствовал в себе большой перелом и вместе с подробным рассказом о совершенных преступных деяниях принес перед вашим судебским столом свое искреннее и чистосердечное раскаяние.

Позвольте перейти к последнему из своих подзащитных – доценту Зорину. Он был старшим инженером тепловой группы отдела рационализации. На инженере Зорине мы еще легче проанализируем то положение, когда советский инженер, настроенный антисоветски, переходит к активным вредительским действиям уже под влиянием другой воли, другого человека.

Вы вспомните историю вступления в контрреволюционную организацию обвиняемого Зорина. 9 лет он работал честно и добросовестно на трамвайной станции. Одновременно он занимался в одном из институтов. Он работает, как полагается советскому инженеру. Работает и научно и практически. Все гладко, все хорошо. В нем, конечно, имеются задатки контрреволюционера, несомненно они к тому времени еще не были вытравлены, но активных действий с его стороны еще не было.

И вот, когда он становится старшим инженером тепловой группы он сталкивается с Торнтоном. Вы помните из материалов судебного следствия, как понемногу и постепенно вовлекается в контрреволюционную организацию инженер Зорин. Происходит первая встреча его с Торнтоном. Зорин в заседании защищает интересы Мосэнерго. Там идет деловое заседание. И он защищает интересы Мосэнерго, и вот в Зорине почувствовали человека, который может мешать. Зориным стали интересоваться. После заседания – деловой разговор, где Зорин прощупывается. Разговоры о поставках не только английской фирмы, но и других фирм. Зорин дает кое-какие сведения в отношении конкурирующих фирм. Сразу почувствовал опытный человек, что Зорин объект для разговора подходящий.

Дальше происходит следующая встреча, граждане судьи, через некоторый период времени. Чем дальше в лес, тем больше дров. Разговор этот начинает принимать уже определенный политический характер. Зорин прощупывается дальше. Но все-таки Зорин продолжает защищать интересы Мосэнерго. Он еще больше заинтриговывает и заинтересовывает. После этого – третья встреча, Зорин все еще не поддается. Он все еще объект изучения, разговоров и подготовки. Четвертая встреча – несколько ближе к делу и в конце концов только при пятой встрече Торнтон завербовывает в контрреволюционную организацию инженера Зорина.

Граждане судьи, это замечательное явление. Тут вы констатируете определенное положение, что Зорин не сразу поддавался на активные действия, но он поддался чужой и довольно сильной воле. Зорин вступает в контрреволюционную организацию. Он сознался перед судебским столом в совершении определенных вредительских актов. 1 000 рублей, полученные им от Торнтонна, были авансом за будущие вредительские действия, но работа его не развернулась, она была пресечена органами власти. Примерно, в ноябре у него был сговор с Торнтоном, когда он получил эти самые деньги, в декабре Зорин ушел в отпуск, Торнтон уехал в Англию. Зорин из отпуска не вернулся, ибо он был арестован. Вот почему связи с другими членами организации не успел установить.

Таким образом вы видите, граждане судьи, что хотя преступления Зорина огромные и серьезные, но значительно меньше преступлений других членов контрреволюционной организации. Правда, не от него это зависело, прервали его контрреволюционную деятельность, но объективно она оказалась меньше.

Я полагаю, что сознание моих подзащитных освобождает меня от детального разбора отдельных актов преступлений, ими совершенных, мы об этом их детально допрашивали, и во время судебного следствия об этом говорится подробно в их показаниях и нет нужды перед судом разбирать каждый отдельный акт вредительства, но перед нами стоит большой важности вопрос, вопрос о том, как вы с ними поступите в дальнейшем, что мы можем вам предложить в смысле реальных мер социальной защиты в отношении наших подзащитных, в частности в отношении Сухоручкина, Крашенинникова, Зорина.

Граждане судьи, в этом процессе Прокурор Республики поднял очень интересный вопрос, даже ряд вопросов в области права. Всем известно, что прокурор Республики очень талантливый и знающий юрист. И в самом деле эта экскурсия в область нашего и иностранного законодательства и нужна и полезна для данного вопроса. Позвольте мне коснуться только одного вопроса из области уголовного права.

Наше уголовное право знает «меры социальной защиты». Мы бросили терминологию – «преступление и наказание». Дело, конечно, не в словах.

Позвольте вам напомнить, что в научных кругах много лет тому назад ставился вопрос о содержании понятий «наказание» и «меры социальной защиты», когда шел спор о терминологии. Наше уголовное право восприняло самые революционные теории в области уголовного права, приняло и понятие мер социальной защиты и самую терминологию.

Что это значит? Это значит, что нашему советскому уголовному праву чужда идея и мысль о мести, советский суд не мстит; он защищает диктатуру пролетариата от врагов, от опасных действий. Вот почему вопрос о мере социальной защиты связывается параллельно с другим большим вопросом – что можно суду предложить, когда перед нами сидят люди, совершившие тяжкие преступления, но в дальнейшем способные на исправление.

Вот почему в этом процессе вопрос о мерах социальной защиты является одним из больших вопросов. Конечно, в этом деле меры социальной защиты должны отвечать всем требованиям, которые ставит перед нами ст. 9 Уголовного кодекса.

Прокурор Республики в отношении подсудимых сказал – это вредители второго сорта. Бесспорно. Вредительство у нас еще не извелось, но при темпах нашего строительства, при тех успехах, которые каждый день одерживает Советский союз, при тех завоеваниях, свидетелями которых мы являемся, последствия этих преступлений не в силах умалить роста советского хозяйства. Это лишний раз подтверждает, какие успехи совершает советское хозяйство, какими темпами, какими шагами строительство социализма идет вперед. Никакие враги ему не страшны и не могут быть страшны.

Когда так ставится вопрос, граждане судьи, вы параллельно можете поставить и другой вопрос – какую же меру социальной защиты можно предложить в отношении Сухоручкина, Крашенинникова, Зорина. Есть ли уверенность в том, что Крашенинников, Сухоручкин и Зорин, отбыв длительный срок лишения свободы, после принесенных перед Верховным судом искренних раскаяний, могут дальше работать и принести пользу строительству советского хозяйства.

Вы слышали их показания, вы их видели сами, граждане судьи. Вспомните как они давали показания. Разные, правда, бывают раскаяния с точки зрения судебного анализа. Бывает раскаяние, стремящееся умалить свою вину. Такому раскаянию вы не поверите. Но вы изучаете стоящего перед вами подсудимого, и когда вы убеждаетесь, что раскаявшись он рвет совершенно и бесповоротно с прошлым, вы такому раскаянию поверите.

Если вы им поверите, вы скажете, что они, совершив тяжкое преступление перед советской властью, осознав свои преступления, раскаявшись в них, должны понести суровую меру социальной защиты, в виде лишения свободы, они должны трудом, усиленным трудом, переходящим в пафос и энтузиазм, загладить вред, причиненный советскому хозяйству. Об этом я прошу вас, граждане судьи, и на этом позвольте мне окончить свои объяснения.

Председатель. Слово имеет член Московской коллегии защитников т. Пинес.

Пинес. Товарищи судьи, мне совершенно понятно то негодование по адресу сидящих на скамье подсудимых и то волнение, которым была проникнута речь Прокурора Республики как вчера, так и в сегодняшнем утреннем заседании, это вполне естественно и вытекает из существа и характера настоящего процесса.

И в самом деле, не только каждого судебного работника, принимающего участие в настоящем заседании, волнуют обстоятельства этого дела, но и рядовому честному советскому гражданину трудно сохранить спокойствие, когда речь идет о таких преступлениях, которые инкриминируются настоящим подсудимым, трудно потому, что преступления их направлены против главной отрасли советского народного хозяйства, скажу более, направлены против социалистического строительства.

Но, однако, позвольте уверить, что защитой будут приложены все старания к тому, чтобы в оценке деятельности каждого из тех подсудимых, интересы которых мне вверены, будет сохранено полное спокойствие и полная объективность, ибо это лучшие спутники для правильного разрешения возложенной на защиту задачи.

Должен сказать, что в качестве защитника как Лобанова, так Лебедева и Зиверта, мне посчастливилось, и посчастливилось по той простой причине, что все эти трое обвиняемых избрали правильный метод самозащиты. Все они как на первом же допросе в ОГПУ, так и на последующих, а равным образом и на допросе у следователя по важнейшим делам при Прокуратуре Республики раскаялись и выложили все, что было в их сознании, открыли всю свою душу, ничего не скрывая, ни единого слова, ни единого момента не утаили, а раскаявшись, как я уже сказал, выложили все, что совершили, объяснив подробно и искренне как они дошли до жизни такой.

Лобанов, например, так и заявил на первом допросе в ОГПУ 24 марта: «Я решил со всей откровенностью сознаться органам ОГПУ и вскрыть всю ту вредительскую работу по умышленной порче оборудования, которая проводилась мной и английским специалистом Нордволлом». Вот из этих первых же слов признания Лобанова уже явствует, насколько является бесполезным и излишним говорить о квалификации того деяния, которое инкриминируется Лобанову. Это ст. 58 Уголовного кодекса и тут спора с обвинителем не может быть.

Он признал, что это было умышленное вредительство. И в дальнейшем, товарищи судьи, задача защиты сводится к тому, чтобы не последовать примеру Прокурора Республики, который также отнесся с полным доверием к показаниям Лобанова, и убедить вас ображениями делового порядка, что и в той части, где Лобанов говорит, что он является жертвой английского специалиста Нордволла, и в этой части к подсудимому Лобанову нужно отнестись с полным доверием.

И если в отношении Лобанова у меня с представителем государственного обвинения есть расхождение, то единственно по этому моменту. Если представитель государственного обвинения сказал: «Я не хотел бы поддерживать версию Лобанова о том, что он является жертвой Нордволла», то я прямо должен сказать, что он является именно жертвой Нордволла, и к сему имеется целый ряд с моей точки зрения весьма веских и убедительных данных в материалах дела.

Что из себя представляет Лобанов? Ведь вы всегда, гг. судьи, придаете немаловажное значение личности, социальному лицу сидящего перед вами на скамье подсудимого. С этой стороны Лобанову, конечно, увы, похвастаться нечем. Он сын заводчика, сын арендатора мельницы, торговца. Он остался после смерти своего отца, когда ему было только 10 лет. Уже в средней школе и в высшем учебном заведении Ивановском политехническом институте он учился на средства и за счет своего брата, тоже арендатора мельницы. Он говорил вам в какой среде он вращался, будучи в средней школе. Кто его окружал. Его окружали товарищи, которые принимали участие в антисоветских восстаниях. Тоже дети торговцев, дети капиталистов. И в институте у него было подобное же окружение.

И если Прокурор Республики совершенно прав, что Лобанов явился на Ивановскую электростанцию морально неустойчивым человеком, то я к этому прибавлю еще, что и в политическом отношении он явился туда таким же неустойчивым или, точнее сказать, без всяких политических воззрений.

И в самом деле, Какие могут быть убеждения у человека, который, будучи в институте, где проходил курс с 1920 г. по 1928 год, не только не принимал участия ни в какой общественной работе, по его собственному признанию, не только не принимал участия ни в каких кружках, не только ничем не интересовался, кроме учебы, но даже, к его стыду, даже газеты читал лишь изредка.

У него сложились антисоветские настроения, которые выражались в том, что он вообще недоволен был всем тем, что происходит вокруг него. Мало ему жалованья, недостаточно удобная обстановка, неблагоприятные бытовые условия. Он пришел на службу на Ивановскую электростанцию, позвольте сказать, самым рядовым обывателем, мещанином...

Товарищи судьи, мы прекрасно знаем, что ведь с антисоветскими настроениями есть у нас люди. Но от антисоветских настроений до вредительства целая пропасть. Для вредительства требуются специфические качества, которыми к счастью весьма немногие обладают. Недостаточно быть только антисоветски настроенным человеком. Недостаточно быть недовольным тем, что происходит вокруг, желать чего-то лучшего для себя. Нет, вредителю нужна решимость, нужна энергия, нужна смелость, нужна инициатива.

Я скажу, что эту решимость, эту смелость, доходящую до дерзости и цинизма, в душу Лобанова вложил не кто иной, как английским специалист Нордволл.

Надо признать, товарищи судьи, что английские специалисты в избрании методов воздействия на советских граждан, государственных служащих, однообразием не страдали. Они прекрасно всегда учитывали и изучали предварительно, прежде чем склонить на шпионскую вредительскую деятельность того или иного советского работника, прекрасно изучали его прошлое, великолепно изучали его психологию, и соответственно этому прибегали к тем или иным способам воздействия.

Узнавши и убедившись из частых бесед с Лобановым во время их поездок с электростанции в город Иваново в особом поезде о том, что представляет собой Лобанов по своему социальному происхождению, он на эти темы обычно и вел беседы с подсудимым Лобановым. И когда, товарищи судьи, в одной из бесед, а что эти беседы были многочисленны – это признал перед лицом суда и сам Нордволл, когда в одной из этих бесед Лобанов стал говорить о том, что он плохо обеспечен, что ему неважно живет как инженеру, то как реагировал на эту реплику подсудимый Нордволл, этот большевик без пяти минут, как тут некоторые его называли.

Он не сказал ведь Лобанову – как, вы недовольны, вы молодой советский инженер, проработавший только без году неделю на электростанции, уже через короткое время получивший командировку в Ленинград на курсы по повышению квалификации инженеров за счет администрации станции, вы, являющийся членом ИТР, каковые пользуются целым рядом преимуществ, привилегий и благ по вашим законам, вы, молодой инженер, проработавший около года на станции, получающий уже 500 рублей, недовольны, как вам не стыдно? Нет, не это сказал ему Нордволл. Нордволл, учитывая настроение и психологию Лобанова, произнес следующую фразу: «А у нас в Англии инженеры лучше живут». И после этого через короткое время, встретив Лобанова в кабинете, уже прямо заявил ему: «Ну, довольно слов, надо приступать к делу, вы не останетесь в обиде».

Товарищи судьи, нельзя не верить Лобанову, что это именно было так, что не кто [иной], как Нордволл втянул его в контрреволюционную организацию. Лобанов правдив и тогда, когда признает и то, что во всяком случае для Лобанова не на пользу. Никто не ставлял, никто не тянул за язык Лобанова говорить о том, что именно он завербовал, что именно он вовлек Лебедева, который служил в его отделе мастером, во вредительскую организацию.

Вот лучшее доказательство того, что человек действительно ничего не утаил. Позвольте же верить, что и в отношении Нордволла была сказана Лобановым сущая правда.

И напрасно Нордволл уверяет, что все это неправда. У Лебедева на вечеринках, которые протекали при участии английского специалиста Эллиота, по словам Лебедева, неоднократно упоминалась фамилия Нордволла, в связи с разговорами на тему о вредительстве, о его «деловой» связи с Лобановым.

И вот, товарищи судьи, я бы считал, что факт воздействия, факт подстрекательства со стороны Нордволла Лобанова является безусловно доказанным. Лобанов прослужил всего около года на электрической станции и заметьте, что это вообще первая его служба по окончании политехнического института, потому что в 1929 г. хотя он служил на Ивгрэсе, но служил простым чертежником, затем конструктором, а инженером начал служить с 1930 г. Встреча с Нордволлом была в 1931 г. Лобанов обыватель, недостаточно еще опытный специалист, не охвативший еще всей работы, всех частей этого колоссального предприятия, как Ивановская станция, неспособен был самостоятельно, по своей инициативе на совершение вредительских актов. Он работал до встречи с Нордволлом, безусловно, добросовестно, это подтверждается командировкой его на курсы в Ленинград. Ведь мы знаем, что на курсы, связанные с расходом для учреждения, посылаются только те, которые выдавались своей работой, своим отношением к служебным обязанностям.

И вот, товарищи судьи, когда возникает вопрос, какой же должен быть подвергнут Лобанов мере социальной защиты, позвольте сказать, неужели тот человек, тот подсудимый, хотя бы и совершивший исключительно тяжкие преступления, но тот, который был введен на путь этого преступления другим, более сильным лицом, тот, по отношению которого в данном случае английский специалист является вдохновителем, неужели вдохновляемый, соблазняемый и подстрекаемый должен понести исключительно суровую меру социальной защиты. Не забудьте, что Лобанову только 35 лет. Он молод и специалист он совсем еще молодой, и если вы облегчите его участь, то я не сомневаюсь в том, что в течение своей будущей жизни он сумеет доказать, что он действительно может и хочет работать для построения социализма. В этом он нас уверял, товарищи судьи, и позвольте надеяться, что и в этом вы поверите ему.

Очень кратко позвольте остановить ваше внимание на моих подзащитных Лебедеве и Зиверт. Какое их прошлое? Лебедев – сын бухгалтера в Нижнем-Новгороде, с 16 лет начал сам работать. У него ко дню ареста был больше чем 30-летний стаж трудящегося, в качестве слесаря, монтера, машиниста на разных государственных предприятиях.

С первых дней революции он так же работает по своей специальности. Ни одного темного пятнышка нет в его прошлом. И вот, на 53 году жизни абсолютно честный трудящийся становится на путь вредительства. Не нужно приводить никаких догадок, никаких доказательств, никаких соображений, чтобы быть твердо убежденным в том, что на этот путь его привел кто-то другой, и этим лицом был не кто иной, как английский специалист Эллиот. Эллиот прекрасно учел одну слабость Лебедева – это выпить и закусить, и вот начинается обработка Лебедева именно с того, что, при содействии сотрудницы Ивановской электростанции Волковой, в один прекрасный вечер Эллиот появляется с Волковой в квартире Лебедева и там после выпивки и закуски под звуки патефона начинаются нашептывания Эллиота на тему о вредительстве, выпивший человек дал согласие и затем все время действует по указаниям Лобанова и Эллиот.

Лебедев «работал» плохо. Работой Лебедева были все недовольны. Претило ему это занятие и в 1931 г. он добровольно уходит с Ивгрэса, отказавшись от тех благ, которые ему сулили английские специалисты, и переходит в другое учреждение на службу. Позвольте считать, что Лебедев получит возможность трудиться и в будущем.

А Зиверт? О Зиверте приходится еще меньше говорить, потому что я являюсь его вторым защитником. Первым защитником был сам Прокурор Республики, который правильно отметил, что преступление Зиверта является очень маленьким и он несомненно был вовлечен на путь вредительства подсудимым Торнтоном.

Зиверт является человеком, который всю жизнь увлекался вопросами электрификации. Он так и говорит, что цель и задача моей жизни – это изучить электрификацию, электротехнику. И вот, когда в 1931 г. он на Ивгрэсе сталкивается с Торнтоном, который любезно разъясняет ему все детали машин и все интересующие Зиверта технические вопросы, он приходит в восторг от этого иностранного специалиста. Он так здесь и показал – какой милый, обязательный человек Торнтон.

Наивный, доверчивый старик Зиверт и не подозревал в то время, что в студии Торнтонна, где он помогал Зиверту разбираться в технических трудностях, главным предметом является теория и практика шпионажа и вредительства; по своей доверчивости и наивности Зиверт попался на удочку Торнтонна. «Не нужно так усердно работать» изрек Торнтон, и в это время сует в карман Зиверта 500 рублей. Зиверт, товарищи судьи, быстро спохватился в какое он попал жуткое окружение и твердо решил бежать от них.

Он уезжает на Днепрострой и порывает всякую связь и с Торнтоном и с другими английскими специалистами. «В 1932 г., говорит Зиверт, мне случайно пришлось быть в Москве и встретиться с Торнтоном, Торнтон предложил мне службу в конторе «Метро-Виккерс», предложил прекрасные условия, тысячу рублей жалованья, бонусы и прочие блага». Отказался от этого соблазна Зиверт и продолжал служить на Днепрострое.

Позвольте рассчитывать, товарищи судьи, что вы учтете всю обстановку, в которой случайно сделался вредителем Зиверт, соответственно этому расцените его преступления и не отнесетесь к нему строго.

Объявляется перерыв в 9 час. на 20 минут.

Заседание возобновляется после перерыва в 9 час. 20 мин.

Председатель. Слово имеет член коллегии защитников т. Смирнов.

Смирнов. Позиция и рамки защиты подсудимого Макдональда, товарищи судьи, прежде всего определяются его сознанием в тех тяжких государственных преступлениях, которые вменяются ему в вину. Это сознание, пользуясь эпитетами товарища прокурора, искреннее, добросовестное и мужественное, во всех подробностях вскрыло фактическую сторону его преступных деяний и не только его, но и ряда других участников этого дела.

Таким образом фактическая сторона вне спора, и, как сказал уже один из моих товарищей, почвы для уликовой борьбы здесь нет.

Нет спора, конечно, и по чисто юридическому вопросу, по вопросу о квалификации преступных деяний Макдональда. Точь-в-точь как по мерке укладываются они в оправу тех юридических формулировок, которые заключаются в различных подразделениях 53 статьи Уголовного кодекса. Но есть одна, на первый взгляд быть может небольшая область, в которой трактовка государственного обвинителя представляется мне дающей почву для спора, это роль подсудимого Макдональда в деле, оценка его личности, его характера, его значения.

Убедительно и талантливо изобразил здесь перед нами прокурор Республики общую картину этого огромного политического международного значения дела. Необычайно ярко осветил общий фон, на котором оно разыгралось, глубоко проанализировал его в целом. Но при расстановке отдельных фигур, мне кажется, прокурор Республики допустил некоторое и может быть значительное нарушение перспектив. Мне кажется, что даже маленькая, совершенно случайная aberrация, в которую впал здесь товарищ прокурор (исправивший ее потом), когда он упомянул, что Макдональд прожил в России 20 лет, уже до известной степени показывает, что расстановка фигур на этом общем огромном фоне оказалась несколько затруднительной, и поэтому, когда в одной группе – я не говорю и не буду и не думаю говорить, о виновности Монкгауза и Торнтонна, но когда в одной группе очутились все эти трое подсудимых, мне показалось, что здесь нарушена перспектива.

Для того, чтобы свою мысль доказать вам, для того, чтобы ее сделать более убедительной, граждане судьи, мне необходимо вернуться неминуемо к некоторым чертам биографии этого гражданского инженера Макдональда, как назвал его прокурор Республики.

Кто такой Макдональд. Давайте вспомним по тем скудным данным, которые дают нам материалы по делу. Я обращаюсь к его анкете, я обращаюсь к его показаниям, которые имеются в конце XII тома дела, относящегося к нему. Я вспоминаю то, что здесь сказал он на суде, и передо мной встает картина мелкобуржуазной английской семьи, в которой в 1903 г. родился Вильям Макдональд.

По этой анкете и по его собственным объяснениям мы знаем, что отец его инженер. Отец, мать и старший сын, этот самый Вильям. Потом, через три года в этой семье родилась дочь. Еще через 6 лет – близнецы брат и сестра. Семья английского инженера, инженера несомненно не крупного, инженера, который перебрасывается из одного города в другой. В Лондоне родился Вильям, учился в Шеффилде, где, как он показывает, живет сейчас его семья.

Что такое вообще английский инженер? Что называется инженером в Англии? Вы слышали здесь и мы знаем, что иногда инженером в Англии называется чуть-чуть побольше того, что у нас называется монтером. По-видимому к числу таких инженеров принадлежал и отец Макдональда. Я думаю, что я не ошибаюсь, когда говорю так, потому что о недостатках этой семьи можно судить из той же самой анкеты.

Мы знаем, что уже 17-ти лет Вильям Макдональд, не закончивши высшего образования, идет работать за плату в 3 фунта стерлингов в неделю. Из той же анкеты, из опроса Макдональда мы знаем, что его сестра служит в библиотеке, а младший брат, которому теперь идет только 21 год, служит где-то бухгалтером. Все в семье трудящиеся. Все трудятся, кроме весьма пожилой уже матери, которая несет обязанности домашней хозяйки.

Разве в такой семье интересуются политикой вообще? Разве в такой семье могут иметь хоть сколько-нибудь правильное представление о Советском союзе?

В биографии Вильяма Макдональда есть еще одно обстоятельство, которое, несомненно, должно было отразиться и на всем его характере, и на его психологии, и на его мироощущении и, наконец, на его житейском опыте.

Совсем еще ребенком, 10-11 лет, он ушиб себе ногу и ушиб так, что у него сделалось какое-то искривление кости в бедре. Несколько месяцев он лежал, а потом, в течение 5 лет он ходил с особым аппаратом. Вы видите здесь живое свидетельство этому. Его хромота осталась до сих пор, останется, вероятно, и на всю жизнь. Во всяком случае 10-летний Вильям Макдональд был уже калекой, прикованным сначала к своей кровати, потом к этому аппарату.

Если бы у него были здоровые ноги, может быть они занесли бы его в рабочее предместье, где он встретился бы с каким-нибудь другим, но более черномазым Вильямом, увидел бы уголок какой-то другой жизни, чем эта маленькая буржуазная, средняя интеллигентская английская семья, представление о которой я думаю можно черпать даже из старых романов Диккенса или каких-нибудь других авторов, изображавших эту среду.

И вот этот 16-летний Вильям Макдональд, который ничего кругом не видел, который, вероятно, и не выходил за пределы своего палисадника или двора, этот Вильям Макдональд, как только он выздоровел, едва только он поступил в высшую школу, уже направляется, очевидно, отцом на работу. Нечего тут кончать высшую школу – иди работать, практически учишься зарабатывать деньги. Для меня совершенно ясно, что это семья, для которой вопросы личного благополучия, личного комфорта являлись может быть пределом жизненных стремлений. Из одного того, что Вильям Макдональд, которому шел всего 17-й год, поступивши на службу, получал 3 фунта в неделю, поистине мизерное содержание, и это мизерное содержание сохранял в течение нескольких лет, по-моему совершенно определенно видно, что такое он был по своему социальному лицу.

Ведь не только потому, что он был молод, не только потому, что он был калека, он не был офицером, он не был представителем того подлинно буржуазного класса английского общества, о котором мы можем судить тоже по каким-нибудь более современным романам. Он не был представителем той семьи, члены которой получают воспитание в Оксфорде или Кембридже или оканчивают иногда, как Монкгауз, два факультета высшей школы, которым семья может дать законченное высшее образование, для того, чтобы они свое благополучие завоевывали, будучи вооруженными для этого с ног до головы.

И вот, через несколько лет благодаря друзьям своего отца (как говорил Вильям Макдональд), ему предлагают ехать в Советский союз, работать в СССР, и здесь ему дают уже 12 фунтов в неделю. Что такое Россия, что такое Советская Россия, что такое Россия в 1928 г. – откуда это знать Вильяму Макдональду? Ведь даже если предполагать, граждане судьи, что в этот тесный замкнутый круг его семьи и попадали газеты и наверное попадали, то газеты исключительно английские. Что же касается английских газет, то не помню, кто здесь на суде, но чуть ли не кто-то даже из самих англичан-подсудимых говорил о том, какие сведения о Советской России печатаются в английских газетах.

С каким представлением уехал он в Советскую Россию в 1923 г., что он знал о ней, что мог он о ней знать кроме того, что там господствуют какие-то большевики, что это технически отсталая страна, которая во что бы то ни стало стремится догнать и перегнать даже передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны, что там нужно иностранное техническое оборудование, а поэтому нужны и иностранные техники, монтеры и инженеры и этим техникам, монтерам и инженерам платят хорошие деньги и их ценят, что там можно будет хорошо пожить, можно будет заработать такие деньги, чтобы часть их, значительную часть, откладывать на текущий счет в банк.

Вот с какими представлениями о России приехал Вильям Макдональд в 1928 г. в Москву. Граждане судьи, он приехал с абсолютным незнанием русского языка, он не умел говорить по-русски, да и негде ему было конечно научиться. Он приехал, не зная ни одного русского слова.

Может быть поэтому он сначала и работал поближе к Московской конторе, в Москве, в Ленинграде, где встречал людей, знакомых с его родным языком. Но конечно эти люди не из рабочей семьи. Но вот он попал в Златоуст. Когда я начинаю думать об этом, граждане судьи, мне делается стыдно, больно, страшно при мыслило том, что Россия, о которой Вильям Макдональд не имел, собственно говоря, никакого представления, предстала перед ним в этом страшном, ужасном, кошмарном образе Василия Алексеевича Гусева.

Он приехал в Советскую страну. Кто его встретил здесь? Он приехал сюда работать. Он слышал, что здесь строится громадное дело и прежде всего он увидел человека, который начал ему выражать свое недовольство советскими порядками, который прежде всего и в первую голову начал разговаривать с ним о том, что у него недостаточное количество брюк, что он недостаточно хорошо обедает по его вкусам, что ему не хватает того и другого, то есть начал говорить с ним на преувеличенном языке тех идеалов мещанского благополучия, которые он видел в своем кругу, в своей семье.

И вот, граждане судьи, мне представляется, что для того чтобы изобразить эти первые разговоры Гусева с Макдональдом, чтобы вскрыть всю их сущность, все их психологическое значение, для этого конечно нужен острейший художественный зонд Достоевского, для этого нужно писательское перо, а не бледные слова судебного защитника. И когда здесь, не со стороны представителя государственного обвинения, а к сожалению из-за стола защитников, выдвигается версия о том, что Макдональд явился развратителем Гусева, я говорю: это неправда. Развратителем кого явился Макдональд? Развратителем добровольного соратника Колчака, который в рядах белой армии воевал против большевиков, который в 1922 г. пришел на Златоустовскую станцию в качестве дежурного мастера и которого эти самые большевики в течение 7 лет довели до должности начальника этой станции? И вот этот-то Гусев мог быть развращен Макдональдом? Можно ли вообще развращать, можно ли развратить человека, который за несколько сотен рублей способен продать свою родину?

Вот, граждане судьи, представитель государственного обвинения говорил здесь о национальном достоинстве. Не буду употреблять более высоких слов, но все мое национальное достоинство возмущается при мысли о том, что советский инженер Гусев, который за эти 7 лет сделал прекрасную даже с его точки зрения карьеру, мог за 500 рублей продать иностранцу свою страну.

И когда здесь говорят о том, что Макдональд подстрекатель, что Макдональд развратитель, что если бы не пришел Макдональд, то Гусев шел бы по честному пути, что у Гусева был какой-то перелом, я; говорю – нет, этого перелома не было, потому что нельзя говорить о переломе у человека, который за чечевичную похлебку готов продать родину. И еще, граждане судьи, хотя это и не имеет прямого отношения к Макдональду, я скажу, странным мне показался аргумент любимого и уважаемого мною товарища Пинеса, который недоумевал, почему же этот «почти большевик» Нордволл не научил Лобанова, как надо поступать, как же он не сказал Лобанову: «Что ты делаешь Лобанов? Разве так нужно поступать? Ты должен честно работать, быть честным советским работником. Ты в стране строящегося социализма, если уже ты не работаешь с пафосом и энтузиазмом, то во всяком случае ты должен честно класть кирпичи в фундамент нового здания».

Чего же хотят защитники Лобанова? Чего же хотят защитники Сухоручкина, чего хотят защитники Гусева? Они хотят, чтобы английский инженер приехал обучать русских государственных служащих, которые, как признает сам Пинес, ничего кроме хорошего не видели от советской власти (и тот же самый Лобанов имел очень хороший заработок), они хотят, чтобы английский инженер останавливал их в их попытках вредительствовать.

Нет, товарищи судьи, я вместе с товарищем прокурором думаю, что эту версию о подстрекательстве, о развращении бедных невинных овечек нужно отбросить – это здесь ни при чем. Я думаю, что люди пришли и случайно попали на такую почву, на которой эти ядовитые травы, этот ужасный сорняк рос без всяких особых посевов...

Теперь позвольте немного коснуться Макдональда с другой стороны.

Что такое Макдональд в смысле положения, которое он занимает в фирме? Разве он имеет какое-нибудь значение там, в Московской конторе? Разве его приглашают на какие-нибудь совещания, разве кто-нибудь и когда-нибудь нам об этом говорил? Нам говорят: давались ему определенные предписания. Поезжай в Златоуст, поезжай в Зуевку, и он без всяких разговоров покорно переезжал с места на место, когда ему приказывали, и делал то, что ему приказывали делать. При этом ему давались задания, при этом ему говорилось: помни, ты работаешь в фирме, ты работаешь в частном предприятии, интересы хозяина для тебя должны быть важнее всего.

Он это помнил, он это знал. С младенческих лет, в своей буржуазной стране, в своей капиталистической Англии вместе с молоком матери всосал он эти именно понятия, именно эти представления: в первую очередь интересы предприятия. И когда старший говорил – эти интересы таковы, то он этому верил, особенно как дисциплинированный англичанин, его дело слушаться.

Граждане судьи, я думаю, и представитель государственного обвинения стоит по моему на такой же точке зрения, что существует огромная, колоссальная разница между тем, как должны мы подходить к слугам социалистического государства, слугам-хозяевам государства, с одной стороны, и слугам частного капитала – иностранцам – с другой. Это для меня ясно до такой степени, что говорить дальше на эту тему, это значит из букв делать склады, которые понятны сами по себе.

Да, он собирал сведения. Ему говорили: собирай сведения. И он их собирал. Когда мне говорят, что Макдональд хитрый и тонкий человек, я возражаю: «Нет, это не так». А если даже он и хитрый человек, то во всяком случае не в настоящую минуту, не тогда, когда он предстал перед следственными властями, тогда этот Макдональд ни на какие хитрости, ни на какие уловки пускаться не стал и я думаю, что строки одного из его последних показаний правдивы до самого конца.

Позвольте мне их процитировать. Это на 58 листе XII тома его показаний от 17 марта. «Полагаю, что известную роль в своих преступлениях сыграли условия, в которых я жил в Англии, вырос и развивался». Это сказал сам Макдональд 17 марта в своих показаниях. «Эти условия были обычными буржуазными условиями, обстановка которых не давала мне возможности правильно понимать, что происходит в Советской России».

И дальше: «В аппарате фирмы я занимал небольшое место. По-видимому Торнтон и Монкгауз не считали меня способным к большой самостоятельной работе. Полагаю, что в силу этих моих личных качеств мне была отведена сравнительно малая роль в работе против советов».

Я считаю, что заподозривать эти показания в неправдивости едва ли есть какие-нибудь основания, если человек дал их после того, как до этого в течение 5-6 дней он на все поставленные вопросы о том, совершал ли он вредительство, собирал ли он шпионские сведения, организовывал ли он диверсионные акты, отвечал – да, да и да.

И вот, граждане судьи, с моей точки зрения играет очень большую роль то, что он здесь был лицом подчиненным, может быть по-буржуазному, в пошлом, я бы сказал, смысле слова, слушался того, что приказывало начальство.

Я думаю поэтому, что освещать тем же светом эту фигуру, ставить ее на тот же план, на который поставлены Монкгауз и Торнтон, независимо от их вины, но в зависимости от их возможностей, от их значения, от возможности совершать то, что приписывается Макдональду, неправильно.

Такова же, мне кажется, была роль Макдональда и в Зуевке. Представитель государственного обвинения на этом эпизоде остановился очень бегло, да конечно и нет надобности его повторять. Если Котляревский и не был добровольцем у Колчака, то сам он говорит о своих антисоветских настроениях, о том, что он был весьма недоволен условиями, в которых он жил, весьма был недоволен обстановкой.

Сам Котляревский с необыкновенным, я бы сказал, наивным даже цинизмом, с полным забвением этого чувства национального достоинства чуть не при первом разговоре с Макдональдом начал ему рассказывать о том, что ему трудно живется, что у него тяжелое материальное положение и так далее и принял от Макдональда 500 рублей. Правда, Котляревский думал, что это ему дается взаймы, но я сомневаюсь в том, что он действительно думал, что он их отдаст, я сомневаюсь в том, что он хоть на одну минуту намеревался их отдать, по крайней мере, когда он второй раз представил Макдональду чертежи, как будто чертежи довольно незначительные с точки зрения военного шпионажа и получил вторые 500 рублей, то он хотя и понял, что первые даны не взаймы, но все-таки не имел мужества от них отказаться и считая, что он тонет, решил тонуть еще глубже и получать эти пятисотрублевки и в дальнейшем.

Значит и здесь говорить о каком-нибудь развращении Котляревского не приходится. Вот я и думаю, граждане судьи, что это подчиненное положение Макдональда, рядового, самого рядового инженера – он сам тут сказал: «Нет, несколько повыше монтера», но не сказал, что он инженер, Макдональда, у которого нет диплома, он пробыл в университете неполный год, неполных 2-3 семестра, вот это положение Макдональда как рядового служащего фирмы, обязанного подчиняться своему прямому начальству, с одной стороны, условия его воспитания, его жизни, его работы – с другой, и та необычайно благоприятная почва, на которой росли самые ядовитые цветы и шпионажа и вредительства, и на которую он наткнулся в первые же годы своей работы тогда, когда он уже мог немного объясняться на русском языке, мог хоть сколько-нибудь осмотреться в том, что происходит, вот я думаю, что все эти условия надо принять во внимание для того, чтобы правильно поставить и осветить фигуру Макдональда.

Есть еще с моей точки зрения огромного значения обстоятельство, которое должно послужить к смягчению участи Макдональда – это его сознание. Представитель государственного обвинения сам назвал это сознание даже не тем банальным словом, которым его обычно называют – чистосердечное, гражданин прокурор употребил более редкие эпитеты, он сказал: «Искреннее, добросовестное, мужественное сознание».

Да, оно было искреннее, да, оно было добросовестное, да, оно было мужественное, граждане судьи.

Действительно его поведение, поведение Макдональда, этого гражданского инженера, было неоспоримо мужественнее, чем поведение «храброго мессопотамского воина», как назвал представитель государственного обвинения Торнтон. Если вы примете во внимание вот это подчиненное положение Макдональда и если подумаете о том, что ему приходилось свидетельствовать не только против русских инженеров, не только против русских вредителей, но и против своих соотечественников, которые и здесь, пока он пребывает в России, являются его покровителями, быть может и в дальнейшем являлись бы людьми, которые должны были определить его карьеру, но и там в доброй старой Англии тоже являлись для него людьми, имеющими большое значение – вы согласитесь, что дать такое сознание, это значит иметь действительно подлинное настоящее мужество.

Вот, граждане судьи, когда здесь говорится о переломах, которые произошли, о каком-то необычайном, внезапном раскаянии, то мне всегда кажется, что в этом есть какая-то фальшь, что психологически это неверно. А вот что касается Макдональда, то может быть потому, что по своим социальным корням он вовсе не классовый враг, может быть потому, что он происходит из семьи трудящихся и ему легче понять и постигнуть то, что совершается в России, я думаю, что поэтому, граждане судьи, это сознание действительно и добросовестное и искреннее. Я не буду говорить ни о каких переломах, которые совершились в душе Макдональда.

Здесь говорилось о молодости Лобанова. А я так же мимоходом подчеркиваю это быть может не очень значительное обстоятельство, что самый молодой на всей скамье подсудимых – это именно Макдональд, ему всего 29 лет. Ему идет 30-й год. Его жизнь еще впереди. Я думаю, что Вильям Макдональд задумался быть может в первый раз во всей своей жизни, под влиянием действительно огромных событий, совершившихся в его собственной жизни, и под влиянием всего того, что он наконец разглядел своими глазами. Когда вырванный оттуда, из этой мирной мелкой обстановки своей Англии он попал сюда, здесь его учителями были Гусев, Соколов и Котляревский. И когда он из этой школы, все равно почему, ушел и вырвался, то может быть здесь он действительно первый раз в своей жизни по-настоящему задумался: что же такое случилось? Почему случилось так? Задумался и остановился.

Граждане судьи, есть одно маленькое никем как-то не отмеченное обстоятельство. Макдональд уехал из Зуевки в 1932 г., он был потом в Орехово-Зуеве и так далее. Эта эпоха его деятельности как будто бы никаких вредительских действий, которые были бы по крайней мере описаны в обвинительном заключении по настоящему делу, в себе не содержат. Мне кажется, не был ли этот сентябрь 1932 г. тем моментом, когда Макдональд задумался?

На эту мысль меня и наводит вот это маленькое никем не отмеченное обстоятельство. Здесь много, очень много говорилось о знаменитом показании Торнтонна на 26-м листе его дела – об этой самой «сетке Торнтонна». И вы вспомните, что в этой сетке имеются два главных отдела. В одном говорится о тех, кто состоял в шпионской организации, во вредительской организации и перечисляется 27 имен с разными подразделениями. Среди этих имен и имя Макдональда.

И дальше есть второй отдел, где говорится: на 11 марта 1933 г. в организации состоит ... – и здесь уже имени Макдональда нет. Как бы ни рассматривать этот документ, как бы ни рассматривать показания Торнтонна, все равно. Разделите ли вы точку зрения представителя государственного обвинения, что в этом документе изложена подлинная правда, что если Торнтон и был склонен, то скорее прибавлять имена, как быть может прибавил он невзначай имя Грегори, но отнюдь не убавлять.

Разделите ли точку зрения Торнтонна (я не знаю, что будет говорить его защитник по поводу этого документа) и скажете: да, в этом документе есть ложь. Но во всяком случае не будет никакого основания думать, чтобы Торнтон забыл о Макдональде. Можно было бы не упомянуть имя Грегори, кого-нибудь еще, но Макдональд достаточно заметная фигура, все время непосредственно находящаяся под наблюдением и воздействием Торнтонна и забыть его в этой части своей записки я думаю ему было нельзя.

Мне кажется, что на 11 марта 1933 г. Макдональд уже не состоял в этой организации, на него уже плохо рассчитывали. Здесь подтвердилось то, что говорил Макдональд: «В аппарате я занимал небольшое место, по-видимому Торнтон и Монкгауз не считали меня способным».

Я думаю, граждане судьи, что мне конечно нет никакой нужды, и это было бы просто с моей стороны бесполезной тратой времени, останавливаться на отдельных эпизодах, на отдельных фактах вредительской или шпионской деятельности Макдональда. Об этом я конечно говорить не буду. Но мне кажется, что освещение, которое я придаю этой деятельности, то понимание, которое создалось у меня, должно быть принято во внимание нами. Мне кажется, что теперь, как я говорю, этот человек задумался, что он встал на распутье.

Есть в деле и еще один документ, документ не оглашенный, но который конечно, я в этом уверен, вы просмотрите в вашей совещательной комнате, на 62-м листе тома Макдональда, там, где Макдональд обращается к прокурору республики говорит: да, я теперь осознал то, что делал, да, я понимаю, что я совершил грех против советской власти, что я совершил преступление против советской власти, и я даю торжественную клятву, что впредь я этого делать не буду.

Мне кажется, что этой клятве, этому обещанию нужно поверить, что есть все основания для того, чтобы поверить ему, и я думаю, что вы, граждане судьи, в вашем приговоре можете этому человеку, остановившемуся на распутье, пойти по честной трудовой дороге и в дальнейшем быть может послужить на пользу социалистической стране.

Председатель. Объявляю перерыв до 10 часов утра.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 18 апреля 1933 г. 10 час. 30 мин.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь, пожалуйста. Заседание возобновляется. Слово имеет член Коллегии защитников товарищ Брауде.

Брауде. Граждане судьи, обвиняемый Торнтон на судебном следствии заявил, что он не признает себя виновным ни в чем кроме собирания экономической информации, что он отрицает большинство сделанных им на дознании и на предварительном следствии показаний, но против Торнтонна говорят и показывают почти все наличные обвиняемые инженеры и советские техники, но против Торнтонна показывают и уличают его своими показаниями его подчиненные по службе Кутузова и Олейник, но против Торнтонна выступает так же с обличительными показаниями его соотечественник, товарищ по службе и друг – Макдональд, но против Торнтонна и его собственные, написанные собственноручно, данные на предварительном следствии и дознании его личные показания.

И я должен прямо признать перед вами, граждане судьи, что с точки зрения формальных судебных доказательств мы имеем против Торнтонна то, что называется почти замкнутым кругом улик, ставящим защитника Торнтонна в бесконечно тяжелое положение. Но обвиняемый Торнтон категорически настаивает на отрицании, но обвиняемый Торнтон с первого момента судебного следствия и до последнего утверждает, что он не виноват, и это обстоятельство, это отрицание обвиняемого, несмотря на то, что отрицает это он один против всех, не представляет в распоряжение защиты ни документов, ни фактов кроме голого отрицания, все же обязывает его защитника, ставит перед его защитником задачу неизбежно в этих условиях подойти аналитически к имеющемуся в деле материалу, попробовать, попытаться построить иную версию, иные предположения, иную гипотезу, чем та, которую утверждает здесь обвинение.

И вот приступая к этой, далеко не легкой задаче, я должен отметить, товарищи судьи, одно обстоятельство – необходимость внести известные коррективы в эту ситуацию, которая здесь прошла по показаниям самих обвиняемых и в речах защиты.

Когда прослушаешь обвиняемых по настоящему делу, когда прослушаешь всех этих инженеров и техников, дававших свои показания против Торнтона, тогда невольно как бы приходишь к выводу, что все это люди без собственного лица, что это люди без инициативы, без воли, люди, которые не имеют ничего своего, которые шли полностью на поводу у Торнтона, которые сами без Торнтона не могут ничего сделать, ни одного шага предпринять. Таких положений в жизни не бывает.

И когда прослушаешь речи защиты, которые в этом отношении, да простят они мне, шли на поводу у своих подзащитных, создается совершенно нелепое с точки зрения жизненных отношений положение, совершенно нелепая с точки зрения жизненных отношений ситуация; когда один из защитников пытается здесь утверждать может быть не лишённым остроумия, но мало правдоподобным образом, что у Торнтона была студия, где проходили теорию и практику шпионажа, а Торнтон был директором этой студии, я должен сказать моему товарищу, что это свидетельствует о его большой любви к театральным образам, но мало правдоподобна такая попытка воплощения этого образа в жизнь.

Когда другой товарищ, выступавший здесь в качестве защитника, буквально за руку, как институт, привел троих своих подзащитных в объятия Торнтона, я должен отметить, что это чрезвычайно наивный подход к подзащитным.

И когда третий защитник пытался говорить о Торнтоне, как о соблазнителе, как о подстрекателе, как о Торнтоне, вне личности которого никто не может ничего сделать преступного, я должен сказать, что такая точка зрения не является здоровой и нормальной для подхода к делу.

Мы, товарищи судьи, в нашей стране живем в эпоху здорового материалистического понимания жизненных отношений. Нам не к лицу идеалистические бредни о сильной всепоглощающей личности, подчиняющей всех окружающих своей воле, заставляющей всех окружающих выполнять ее желания, нам не к лицу мистические образы о демоне зла, гении соблазна и искуителя, как это рисуется в выступлениях защитников. Мы с точки зрения нашего материалистического миропонимания знаем только здоровые нормальные взаимоотношения между людьми, и в этой плоскости взаимоотношений я попытаюсь описать мои предположения в отношении Торнтона в части предъявленных к нему обвинений.

Переходя к существу предъявленных Торнтону обвинений, я прошу товарищей судей обратить внимание, что главным, самым серьезным и самым страшным обвинением в отношении Торнтона является обвинение во вредительстве, в подготовке диверсионных актов, аварий, и это обвинение, им отрицаемое, действительно страшное обвинение.

Разве не страшно, когда говорят человеку: ты принадлежишь к тем, которые заключили с нами, с нашей страной договор на помощь восстановления нашей промышленности, на техническую помощь, а ты вместо этого, принимая вид, что ты это делаешь, одновременно разрушаешь наше хозяйство, уничтожаешь нашу промышленность, создавая диверсии, аварии, одной рукой делаешь вид, что создаешь, а другой рукой разрушаешь то, что производишь и подрываешь героические усилия трудящихся нашей страны.

Я понимаю Торнтона, что он эти обвинения с ужасом отвергает, что Торнтон инстинктивно понимает это как самое страшное, как самое суровое из предъявленных к нему обвинений.

Но, товарищи судьи, я опять-таки должен сказать, что и в этом отношении его уличают все советские инженеры и техники, находящиеся здесь на скамье подсудимых, его уличает его товарищ – Макдональд, его уличает Кутузова, его уличает Олейник, его уличают почти все, кто находится на скамье подсудимых, но одно я должен подчеркнуть здесь, что он сам в этом отношении себя нигде не уличает, что каковы бы ни были его показания, в большом числе разбросанные по этому объемистому делу, в каком бы состоянии он это ни делал, даже тогда, когда по его словам он находился в состоянии усталости, пусть это падает на его совесть, но он никогда ни разу ни в одном показании, ни в одном своем заявлении не признал себя нигде виновным во вредительстве и диверсионной работе. Этого вы никогда и нигде не найдете.

И когда все-таки он один против всех в этом вопросе путем голого отрицания, не представляя в распоряжение защиты ни документов, ни фактов, отвергающих заявление остальных обвиняемых, продолжает все-таки утверждать свою невиновность, я невольно должен буду сделать некоторую аналитическую попытку гипотетического порядка в части остальных обвиняемых: а не может ли быть здесь иначе, не может ли быть со стороны обвиняемых попытка свалить на него свою вину, и в этом отношении я должен остановиться на некоторых соображениях.

Для нас, старых судебных деятелей, поседевших в судебных боях в течение четверть-вековой работы, является незыблемым одно основное правило. Обвиняемый на суде по общему правилу всегда уклоняется от истины; говорит ли он намеренно неправду, отрицая свою вину, частично ли он признает себя виновным, хочет ли говорить истину, он невольно всегда к истине примешивает известную частицу лжи, что на языке судебной психологии называется реактивным защитным движением, стараясь представить себя лучше, чем он на самом деле есть, стараясь смягчить свою вину.

И наша судебная практика, практика высших судебных установлений нашей страны и наши законодательные органы в силу этого только что высказанного мною соображения к показаниям обвиняемых, к так называемым оговорам, независимо от того, ложны они или правдивы, подходят с чрезвычайной осторожностью. Нашим судам дана высшими судебными органами прямая и точная директива, которая свято ими выполняется.

Эта директива говорит: относиться осторожно к оговорам обвиняемых на суде, считая, что одно только показание обвиняемого является шатким доказательством, и вчера уважаемый наш противник в лице товарища Вышинского, в лице которого в нашей стране осуществляется высший судебный контроль и надзор за судебными решениями, эту точку зрения наших высших судебных учреждений выявил в чрезвычайно определенной, точной, категорической форме. Он сказал: оговор только тогда является доказательством по делу, когда он подтверждается другими объективными данными по делу. Это вчера в речи сказал мой уважаемый противник, и товарищ Вышинский оказался верен себе в этой точке зрения до конца, когда отказался от обвинения Грегори, потому что хотя Торнтон в каком-то своем показании оговорил Грегори, но прокурор объективно находит, что этот момент в показаниях Торнтона не подтверждается объективными данными, и что поэтому от этого обвинения Грегори он отказывается. Это положение, высказанное товарищем Вышинским, дает мне право проверить с точки зрения наличия доказательств и показания остальных обвиняемых.

Товарищи судьи, я должен с совершенной откровенностью признать, что здесь мы имеем несколько иное явление, здесь мы имеем не единичный оговор, не единичное показание обвиняемых по делу, а мы имеем множественное, коллективное и даже комбинированное с точки зрения того, что дают показания различные категории – и друзья, и знакомые, и близкие, и чужие.

С внешней стороны это производит убедительное впечатление, с внешней стороны для защитника это создает непреодолимые улики, ибо здесь количество переходит в качество. Но тем не менее, товарищи судьи, я должен и здесь поставить вопрос, что и в таком контексте, и в таком положении, и такое сочетание улик, такое сочетание показаний обвиняемых может быть сильным судебным доказательством лишь в том случае, если нельзя предположить наличия общего стимула к даче таких показаний общего психологического момента, который дает без сговора с их стороны неизбежную, определенную линию поведения.

Этот стимул я имею основание предполагать с большей или меньшей убедительностью. Этот стимул нащупан мной прежде всего в речах защиты, в показаниях самих обвиняемых, которые вместе с защитой, или, вернее, защита с ними, стараются доказать, что они являются слепым орудием, беспомощным орудием в руках Торнтонна. Я нащупал этот стимул и в речи уважаемого противника товарища Вышинского, когда он бросил весьма образную фразу о том, что обвиняемым не поможет то, что они прячутся за спину Торнтонна.

То, что они прячутся, я согласен. Но если они прячутся за спину Торнтонна, то где предел этому устремлению спрятаться за спину обвиняемого Торнтонна. А может быть, если они прячутся за спину Торнтонна, они стараются спрятать не только часть вины, но всю вину и все содержание преступления взвалить на Торнтонна. Я понимаю, что это положение – гипотеза, но я вправе ее поставить, и неизбежен вопрос, вытекающий при такой постановке, это вопрос – а могли ли они сами, без помощи Торнтонна совершать эти преступления, которые Торнтон отрицает.

Позвольте мне по этому поводу высказать несколько соображений. Товарищ Вышинский чрезвычайно интересно здесь уже упомянул в своей речи о том, что такое представляет собой вредительство в нашей стране. Я позволю себе в нескольких словах коснуться снова этого момента. Вредительство действительно является у нас не новым. С момента перехода буржуазной интеллигенции от контрреволюционного саботажа к вынужденной работе с советской властью уже начинается вредительская работа части буржуазной интеллигенции, и на протяжении всей истории советской власти вредительство, как одна из форм классовой борьбы, принимало самые разнообразные положения, пока в конце концов не вылилось в единую вредительскую организацию с руководящим центром в СССР – вспомните блок «Промпартии», «ТКП» и меньшевиков и единый эмигрантский центр за границей «Торгпром», руководимый и субсидируемый наиболее агрессивными империалистическими кругами.

Органами ОГПУ, нашими судебными органами вредительская организация была разгромлена, но отдельные осколки ее несомненно случайно уцелели в различных концах нашего Союза, в различных отраслях нашего народного хозяйства. И не случайно здесь некоторые обвиняемые вынуждены были на вопросы суда установить связь между ними и этими осколками. Не случайно некоторые из обвиняемых вынуждены были признать, что у них и до встречи с Торнтонном были вредительские устремления, вредительские убеждения, вредительская психология. И оно понятно, потому что социальные корни у одних из них, буржуазные пережитки у других, импульсированные ожесточенной классовой борьбой, еще имеющей место в нашем Советском союзе, являются достаточным для них стимулом, чтобы вести и продолжать против единственного в мире государства трудящихся, против их родины, продолжать вредительские и диверсионные действия.

Я позволю себе взять на выдержку несколько обвиняемых по настоящему делу, и вы увидите, что мои соображения в этом смысле подтверждаются попытками самого легкого психологического и политического анализа.

Гусев – бывший белогвардеец, сражавшийся в рядах белых войск против Красной армии, принимавший участие в пролитии крови лучших сынов трудового народа. Гусев, по выражению товарища прокурора, яркий и вполне сложившийся тип контрреволюционера.

Соколов – тоже махровый белогвардеец, ранее совершавший, по его собственному признанию, акты вредительства.

Зорин – контрреволюционер, убежденный контрреволюционер, который здесь на суде должен был договориться до того, что даже свои личные обиды он претворял в плоскость общественных обид, в плоскость обид против советской власти. Зорин, который представляет собой тип закостенелый, проникнутый прежними буржуазными пережитками, ничего не воспринявший в течение всей творческой работы советской власти, тип махрового черносотенного полуученого, Зорин пытается нас убедить, что для того чтобы перейти к вредительским действиям, ему понадобилось пять бесед по нескольку минут с Торнтоном, и этот пламенный Демосфен – Торнтон – сумел его убедить и склонить к вредительским актам, а сам он без него не мог этого сделать.

И наконец возьмем Сухоручкина, который здесь на мои вопросы сам признался, что его контрреволюционным убеждениям вполне соответствует производство вредительских актов, что они вытекают из самой сущности его убеждений, из самой сущности его психологии.

Нужен ли при таких условиях для них толчок, импульс в лице Торнтона, когда импульс – классовая борьба в нашей стране, когда их импульс – ожесточенная ненависть к Советскому союзу и трудящимся нашей страны. И невольно я ставлю вопрос, что же: можно ли считать, что для них необходим Торнтон. Они, мне кажется (теоретически конечно, но это подтверждается и моими психологическими соображениями), могли совершать преступления и без такого подстрекательства извне.

Я позволю себе поставить еще такой вопрос: доказано ли вообще, что вредительство имело место. Да, товарищи судьи, я должен прямо сказать, та папка экспертизы, на которую ссылается товарищ прокурор, убеждает и меня. Пока не представлено никаких возражений против этого. Почтенные имена участников экспертизы не могут вызвать никаких сомнений в правильности экспертизы. Пока обвиняемые не могут представить никаких документов, которые бы могли убедить нас в неправильности экспертизы. Я наконец вижу лиц, которые не наговаривали ведь на себя о том, что они совершали вредительские акты.

Конечно, у меня нет никаких оснований к тому, чтобы в какой-нибудь мере сомневаться в том, что эти вредительские акты имели место. Но повторяю, для уличенных в совершении этих вредительских актов, для совершавших эти вредительские акты чрезвычайно большой соблазн укрыться за спину кого-нибудь другого, кто представляется в данном случае наиболее центральной фигурой, более сильной, могущей руководить, снабженной материальными средствами, данными для соблазна, данными для использования их робких, якобы жалких и нерешительных фигур.

Но остаются еще показания Макдональда, которые также показывают против Торнтонна. Мне могут сказать: ну, а Макдональд – какой смысл ему на своего товарища, на своего друга показывать. Я должен был бы ответить на это опять-таки в форме тех же самых моих предположений, вытекающих из соотношения обстоятельств, что Макдональд – тоже обвиняемый и ему также свойственны все те черты, все те стремления, все те реактивные защитные движения, которые свойственны и остальным обвиняемым.

И наконец я должен невольно вернуть ваше внимание к тем словам, которые были здесь в свое время сказаны Торнтоном. Здесь он логически прав. Совершив известного рода преступления, Макдональд сознался в них. Прекрасно. Пускай же он отвечает за них, поскольку он делал это за свой страх и риск и не доказал, что он это делал по поручению Торнтонна.

И наконец показания Кутузовой. Бывшая служащая. Друг, как говорилось здесь ею на суде, большой друг, как подчеркивала она. Где разгадка ее показания? Догадками я заниматься не могу, потому что она сама на вопрос товарища Вышинского по поводу ее личных взаимоотношений с обвиняемым не дала ответа, а я не считаю себя вправе копаться в этих личных взаимоотношениях, в различных тонких нюансах женской натуры, которые могли бы пролить свет на характер этих взаимоотношений. Но я позволю себе сказать о другом. Я позволю себе сказать о ее показаниях как таковых. Я позволю себе поставить перед вами вопрос, который вы разрешите в своей совещательной комнате.

Мыслимы ли и жизненны ли показания ее? Возможны ли с точки зрения реальной действительной жизни, чтобы достаточно опытные в жизни люди – англичане, спокойные, холодные, серьезные и рассудительные – обсуждали опаснейшие диверсионные акты, конструировали опаснейшие планы об авариях и вредительствах в присутствии своей служащей, в каких бы дружеских отношениях она с ними ни находилась, если она им для этой работы не нужна, если к ней обращаться для этой работы не приходится, и если она помогает только в их работе информационной в смысле экономического шпионажа? Мало вероятно, чтобы они стали знакомить ее с такой работой.

Наконец я снова обращаю ваше внимание, как на последнее соображение в этой плоскости улики, на показания самого Торнтонна. Нигде ни в одном показании Торнтон не признает себя виновным во вредительстве, не признает себя виновным в диверсиях, не признает себя виновным в совершении подрывной работы. И если прокурор в своей чрезвычайно интересной речи останавливается в значительной степени и на показаниях самого Торнтонна, считает, что он на дознании и следствии говорил в большинстве случаев в основном правду, то будет логически возможно продолжать эту мысль до конца – если он говорил правду в основном и в большинстве случаев, то он говорит правду, и тогда, когда отрицает свою виновность во вредительстве.

Я перехожу ко второму обвинению, выдвинутому против Торнтонна, которое он отрицает, обвинению тяжкому, обвинению в военном шпионаже и шпионаже вообще. И здесь, товарищи судьи, я должен несколько разойтись со своим обвиняемым. Я считаю, что по законам нашей страны я обязан это сделать. Мы не можем не считаться с фактами, проходящими на суде. И если Торнтон на целый ряд вопросов, заданных прокурором и сторонами, должен был признать, что он собирал экономическую информацию, то с точки зрения нашего закона в экономическом шпионаже он конечно повинен. Но военный шпионаж он отрицает, и я позволю себе по этому поводу высказать несколько соображений, подтверждающих в той или иной степени его отрицание.

Прежде всего, чтобы решить вопрос о том, занимался ли Торнтон военным шпионажем, я обращаю ваше внимание на его показания, имеющиеся в деле. У него там целый ряд показаний, и из сопоставления этих показаний (я не буду их цитировать, чтобы не задерживать вашего внимания) мы можем видеть только одно, что его понятия о шпионаже чрезвычайно путаные, что его понятия о шпионских сведениях чрезвычайно неопределенны и расплывчаты. В одном месте он говорит об оборонительных и наступательных возможностях, в другом месте – относительно собирания политических сведений, а приводит чисто экономические сведения, в третьем месте говорит об экономических сведениях, а приводит политические.

Ясно, что человек – продукт иной среды, иной государственной системы, чуждый нам, чуждый нашим взаимоотношениям в нашей стране не вполне понимает, не вполне усваивает, что такое шпионские сведения.

Но, товарищи судьи, если мне поставят вопрос о том, получал ли он военные сведения, получал ли сведения, считающиеся по закону государственной тайной, то я должен сказать прямо – да, бесспорно, получал независимо от своих субъективных намерений, независимо от субъективного умысла и сейчас объясню почему. Вот в силу того, что, становясь уже на путь нелегального собирания, запрещенного в нашей стране, экономических сведений, он в силу отмеченных мною психологических особенностей его, не может найти грани, где кончается разрешенное, где начинается запрещенное, где кончается экономика, где начинается политика и где кончается политика, и начинаются военные тайны. Особенно когда идет вопрос о предприятиях, связанных с военным производством, тогда вполне возможно, что он принимает и военные сведения, хотя субъективно его воля и умысел на военные сведения не направлены.

И второй момент, который убеждает меня в том, что он получил военные сведения независимо от его субъективного желания, это взгляд на этих людей, людей, опустившихся до того, что они способны предать интересы своей родины и во имя каких-то несчастных грошей давать иностранцам, чужеземцам сведения, которые он получает, которые будут использованы для коммерческой фирмы, а может быть иначе. Люди, которые идут на такое дело, для них все равно, они тащат все, что попадает под руку, и военные, и невоенные сведения, и все приносят заказчику, хотя бы он ни просил их об этом.

Вот почему фактически я это допускаю, но должен ли он отвечать здесь за субъективные намерения, за умысел – это вопрос, который подлечит вашему обсуждению в совещательной комнате; но при обсуждении вопроса об экономическом шпионаже, который я признал с точки зрения формальной квалификации, по второй части статьи 58-6 Уголовного кодекса, при обсуждении вопроса о мере социальной защиты вы неизбежно должны будете, товарищи судьи, встать перед другим вопросом, перед тем, с кем вы имеете дело, перед особенностями психологии обвиняемого Торнтонна, неизбежно вызывающими необходимость иного к нему отношения, нежели к нашему государственному служащему.

В самом деле, вот товарищ прокурор, товарищ Вышинский, вчера нам сообщил чрезвычайно интересные сведения об английских законах о шпионаже, но ведь эти сведения касаются «запретных» мест, как там сказано. Они касаются государственных тайн, а то, что у нас здесь в нашей стране, в стране планового хозяйства, в стране государственной торговли называется экономическим шпионажем, в капиталистическом мире с его анархией производства, доминирующей частной торговлей и доминирующей частной собственностью является повседневным бытовым, совершенно обычным явлением конкурентной борьбы внутрикапиталистического хозяйства. Там каждая фирма, каждое коммерческое предприятие стремится узнать секреты другой фирмы и своего заказчика, и своего компаньона, и своего конкурента, и противника, и печально, что обвиняемые перенесли сюда в нашу страну планового хозяйства методы капиталистического мира и изучали нашу промышленность совершенно бесспорно не только как своего заказчика, но и как своего бесспорного в недалеком будущем конкурента на мировом рынке.

И вот с этой точки зрения, с точки зрения разницы психологии, с точки зрения разницы государственных систем, воспитывающих эту психологию, когда вы будете разрешать вопрос о мере социальной защиты для него, вы учтете моменты, которые я сейчас имел честь доложить.

Остается вопрос о взятке, о подкупе. Товарищ прокурор нам здесь так же прочел законы о взяточничестве в Англии. Интересные законы, но ведь они касаются государственных чиновников, а ведь мы имеем опять-таки дело с представителями капиталистической фирмы, и нужно прямо сказать, что в капиталистическом хозяйстве хозяин сквозь пальцы смотрит на то, что его служащий берет деньги от контрагента, заказчика, компаньона и т.д. Беда в том, что обвиняемые перенесли эти методы капиталистического хозяйства в нашу страну, где государственное и плановое хозяйство, и рассматривают нашего заказчика – государство – как частного. В этом – глубочайшая их ошибка и несчастье, но психологически можно этим объяснить такой легкий подход к нашим государственным служащим. Там у них это законный куртаж, у нас – это тяжкое уголовное преступление. И вот здесь, с этой точки зрения разницы в психологии, разницы государственных систем, вы учтете этот момент.

Я должен, коснувшись отдельных моментов, остановиться и на взятке. Для меня вопрос о Долгове разрешается несколько в другой плоскости, чем это интерпретируется здесь обвиняемыми. Дал ли он деньги Долгову в долг без отдачи или иначе, но дача государственным служащим денег вообще есть преступление. Но учитывая психологические моменты, предшествовавшие даче этих денег, вы должны будете признать, что он в этом смысле мог заблуждаться. Но давал ли он взятку или это был подкуп за вредительство?

Здесь я должен был бы вернуться ко всем тем соображениям, которые здесь были высказаны. Я здесь расхожусь с заявлением подсудимого Торнтонна, потому что считаю, что собирание информации должно оплачиваться, даром никто заниматься собиранием информации об экономических и политических сведениях не будет. Но уличенные в экономическом шпионаже и во вредительстве, не могут ли они, я ставлю этот вопрос перед судом, попытаться смягчить свою вину, уличенные и в экономическом шпионаже и во вредительстве, они деньги, полученные за информации, переключают быть может в подкуп за вредительство все в тех же целях.

Все эти моменты при рассмотрении вопроса о Торнтоне я просил бы товарищей судей учесть.

Председатель. Слово имеет член Коллегии защитников товарищ Долматовский.

Долматовский. Товарищи судьи, я защищаю Грегори и Нордволла. О Грегори мне не придется говорить много, поскольку материалы, которые были суду предъявлены, оказались недостаточными, по мнению прокурора, для того, чтобы его признать виновным.

Я думаю, что мне незачем по этому поводу говорить. Единственная просьба у меня, это спросить – нужно ли, чтобы ему, Грегори, переводили те немногие слова, которые здесь будут произнесены, чтобы не было потом недоразумений из-за такой пустяковой причины. Я с Грегори это согласовал. Он знает, что говорилось вчера о нем, что буду говорить я, и считая себя вполне удовлетворенным, он не нуждается в переводе, но я просил бы через переводчика передать ему мои слова.

Председатель. Хорошо. Подсудимый Грегори, желаете ли вы, чтобы вам по фразам переводили речь защитника в части, касающейся вас, или вы можете ограничиться последующим переводом уже по стенограмме? (Переводчик переводит).

Грегори (перевод). Я буду пользоваться переводом после, по стенограмме.

Долматовский. Гораздо сложнее моя задача в отношении подсудимого Нордволла. Подсудимый Нордволл уличается здесь целым рядом лиц. В частности наиболее существенные показания и те обстоятельства, в связи с которыми эти показания даны, подсудимых Лобанова, Олейника, и затем Торнтонна. Мне придется разобрать эти показания в отдельности. Но до того, как я перейду к подробному анализу всех тех улик, которые имеются здесь в отношении Нордволла, я должен вспомнить то, что говорил представитель государственного обвинения относительно этих двух обвиняемых – Лобанова и Олейника.

Он для них нашел слова такие резкие, которых он не нашел для других обвиняемых. Он назвал их мразью, отбросами, он говорил о Лобанове, что это морально разложившийся тип. Напрасно защитник Лобанова понял эти слова представителя государственного обвинения так, что он будто бы говорил о нем как о человеке, политически неустойчивом. Политически неустойчивый и морально разложившийся, это нечто весьма разное. Он говорил именно поэтому так о них и в своей общей части и когда конкретизировал обвинение каждого в отдельности, что он ставил под сомнение вообще возможность верить чему бы то ни было, что говорят они. Он в общей части назвал их вредителями по природе. Характеризуя их таким образом, он сказал, что они при всяких обстоятельствах будут продолжать свое вредительство, то есть он допускал, что они и здесь в суде будут продолжать свое вредительство, свое пакостничество, ибо они вредили по природе.

В связи с этим я думаю, что нельзя не остановиться на такой мысли. Если сделать на некоторое время предположение, что Нордволл не виновен, не участвовал в организации, которая ставила перед собой задачи таких тяжких преступлений, если предположить и вспомнить, что он одновременно являлся иностранным специалистом, который проявил себя в особо желательном смысле у нас в Советском союзе, то тогда это их вредительство, пакостничество по отношению к Нордволлу может стать понятным, если он действительно таков, каким его изображают доказательства, которые представлены мной суду.

Если правильно отношение к нему в Макеевке, когда его избрали в президиум на торжественном заседании, когда представили наркому тяжелой промышленности, когда он произнес речь в качестве члена президиума, когда получил премию в 1 000 рублей, когда о нем писали не только в местных газетах, но и в столичных, я представил номер газеты «За индустриализацию», в которой речь идет о его работе, где сказано, что образцы ударной работы дал Нордволл, если мы сделаем, повторяю, предположение, пока временно, о том, что он не виноват с одной стороны, а будем помнить, что эти лица, которые его оговорили, таковы, что они продолжают и теперь пакостничать, то тогда станет понятным, почему они ведут себя так по отношению к Нордволлу, почему так обличают и характеризуют его.

Олейник здесь себя достаточно показал и характерно, что представитель государственного обвинения даже не счел нужным его легковесную в смысле обвинения других фигуру положить на чашу весов, когда взвешивал улики против Нордволла. Он об Олейнике не думал. Но я думаю, что если не следует упомянуть об Олейнике, как о лице, уличающем Нордволла, то кое-что из его показаний: приходится принять в пользу Нордволла.

Олейник характеризовал Нордволла как человека почти большевика, который может пойти в РКИ пожаловаться, как человека, который сочувствует советской власти, как человека, который ему крайне несимпатичен. Почему он мог быть несимпатичен, он вынужден был рассказать. Потому, что там в Макеевке, где протекал последний период его деятельности, Нордволл пользовался большим уважением, большим признанием за большую работу, которую там проводил. Эти моменты говорят в пользу Нордволла, а никак не против него. Олейника предупреждали другие, что Нордволл в этом смысле для него опасный человек. Если он для него являлся опасным человеком, то вследствие именно этого мы должны сказать, что он не должен быть признан опасным.

Олейник – величина малая, гораздо сложнее фигура Лобанова. Но это не значит, что Лобанову на суде можно верить. Нужно взять из его показаний то, что известным образом вяжется с фактами. Во всяком случае о Лобанове придется говорить более подробно. Я скажу почему, мне кажется, Лобанову в отношении Нордволла верить нельзя.

Прежде чем перейти к более мелким моментам, я остановлюсь на том вопросе, который так много занял в речи представителя государственного обвинения, когда он обвинял Нордволла. Речь идет о шубе, которую Нордволл передал Лобанову. Здесь представитель государственного обвинения, говорил, что Нордволл запутался, допустил четыре ошибки, которые его изобличают. Какие это ошибки?

Первая ошибка. Он сказал, что не 500 рублей, как впоследствии говорил, а 400 рублей он получил от Лобанова за эту шубу. Я все-таки не могу понять, в чем здесь может быть большая улика против Нордволла, почему если он сказал однажды 400 рублей, а потом 500 рублей, почему можно сделать вывод, что он говорил неправду. Он, во-первых, сказал в своих показаниях: «Кажется 400 рублей». Было это свыше года тому назад, потом, когда он стал вспоминать, проверять, он сказал 500 рублей.

Если бы он хотел говорить неправду, то проще было бы назвать одну сумму и продолжать ее утверждать. Но если человек начинает что-то вспоминать, путать, то скорее эта путаница может объясниться тем, что протекло известное время, и он не помнит факта, а вовсе не тем, что он пытается что-то скрыть. Вот почему я не вижу, почему ему нужно было говорить вместо 500 рублей 400 рублей, добавить «кажется» и в чем та улика, которая будто бы его изобличает.

Другая улика против Нордволла заключается в том, что он сказал, что он не считал денег, которые ему передал Лобанов. В протоколе не записано то, что он это говорил, очевидно этому не придали значения, и очевидно это было принято как такое положение, которое не может служить к его изобличению. Если бы теперь, после того, что открылось здесь на суде, он вынужден был бы иметь дело с Лобановым, он бы конечно ему не поверил, но тогда он, возможно, не счел нужным пересчитать деньги, потому что он ему доверял, и просто положил их в свой карман, а затем уже дома быть может их проверил. Я не вижу в этом серьезного обвинения, которое могло бы служить в качестве улики против Нордволла.

Сложнее вопрос о том, как произошел перевод этих денег. Опять-таки и здесь Нордволл сказал, что он не помнит, как произошло это дело. Посмотрим, изобличает ли это его? Он вначале сказал, что он нуждался в деньгах, и поэтому Тейлор должен был вместо них получить деньги с его текущего счета. Сначала он сказал, что в конторе «Метро-Виккерс», но потом, когда проверили, оказалось, что по книгам это не было проведено, он вспомнил, что по-видимому деньги были переведены через банк в Лондоне. Это видно из его показаний от 28 марта, в которых он говорит, что у него есть сбережения в английском банке в сумме около 300 фунтов стерлингов. Потом он вспоминает, что деньги были переведены через банк. На листе дела 253 имеется телеграмма из банка через наши органы НКВД, пересланная сюда. Я опять-таки не понимаю, в чем здесь состоит обвинение, которое могло бы возбудить подозрение.

Если вникнуть в это дело, то можно притти к совершенно другому заключению – ничего тут нет такого, в чем можно было бы обвинить Нордволла кроме запямятования. Опять-таки скажу, если бы он хотел просто лгать, то зачем ему нужно было бы путать. Он просто сказал бы: 500 рублей получил, передал Тейлору, Тейлора здесь нет и все концы в воду. А между тем он подробно рассказывает, как это было, и это вовсе не вяжется с тем, что было раньше, в частности с тем, что у него были сбережения около 300 фунтов в английском банке. И мы получаем телеграмму, подтверждающую, что соответствующая сумма в соответствующее время его матерью была передана в Лондоне Тейлору – сумма в 51 фунт, что соответствует приблизительно 500 рублям. Я думаю таким образом, что и здесь нет ничего такого, о чем можно было бы сказать, что это улика против Нордволла.

Но здесь представитель государственного обвинения отметил еще один момент как раз в связи с инцидентом с шубой. Он говорит: Почему там нужен был Нордволл как переводчик, если там на месте был переводчик Воронин, при чем же тут Нордволл? Во-первых, мы не знаем, был ли в тот момент вечером, когда нужно было разговаривать с Лобановым, переводчик, а во-вторых, если даже и так, что особенного в том, что Тейлор попросил своего компатриота поговорить с Лобановым о передаче шубы, тем более, что Нордволл просил Тейлора оставить ему деньги здесь с тем, чтобы Тейлор в конторе в Лондоне получил эти деньги. Я думаю, что и здесь нет решительно ничего такого, что можно было бы поставить в вину Нордволлу.

Конечно недоразумений он сам нагромоздил довольно много. Все это нужно было проверить. Но если все это тщательно взвесить, то нельзя это ставить в вину Нордволлу.

Остается большой и серьезный вопрос: что же говорил Лобанов, главный уличающий Нордволла обвиняемый, и можно ли верить тому, что говорил Лобанов.

Лобанов говорил, что он здесь встречался часто с Нордволлом. Я думаю, что после судебного следствия должно быть ясно, что скорее Нордволл говорил правду, когда утверждал, что они встречались не часто. Лобанов говорил, что встречался с Нордволлом несколько раз в месяц на производстве или же в поезде. Несколько раз в месяц – это три-четыре раза, что не отрицал и Лобанов. А между тем оказывается, что они были вместе на производстве не 6 мес., как первоначально утверждал Лобанов, а всего лишь 2 месяца. И действительно Нордволл был на Ивгрэсе только первые два месяца своей работы в Союзе – сентябрь и октябрь, с конца сентября до середины ноября. Приблизительно так. И так, только два месяца, следовательно здесь они могли встретиться 6, ну 8 раз, если верить Лобанову, а вовсе не так много, как он об этом говорил.

Наконец надо же иметь в виду, что это были первые месяцы работы Нордволла в Союзе. Разве он мог так хорошо говорить по-русски в это время, чтобы подробно объясняться и договариваться с Лобановым, если конечно у них не было другой связи вроде пирушек и так далее. А мы видим дальше, что как раз Нордволл в этих пирушках никакого участия не принимал. Следовательно и здесь можно верить ему. Следовательно и здесь нужно подвергнуть сомнению показания Лобанова, который утверждает, что они так подробно, обстоятельно разговаривали, так что могли договориться о тяжком преступлении.

Больше того. Он утверждает, что в феврале месяце, то есть, когда Нордволл был здесь 4, 4½ месяца, он будто бы употребил такое выражение: «Ну давайте теперь от слов переходить к делу». Опять-таки если бы он сам от себя выразил эту мысль Нордволла, то это бы куда ни шло. Но он, Лобанов, здесь, на судебном следствии категорически заявил: «так и было сказано». Я думаю, что и эта характерная черточка, правда незначительная, но все же свидетельствует о том, что верить Лобанову абсолютно ни в чем нельзя.

И наконец дальше самый разговор их. Представитель государственного обвинения и защитник Лобанова говорили, что будто бы в этих разговорах Нордволл высказывал анти-советские суждения. Нордволл этого не подтверждает. Наоборот, он отрицает это и говорит, что высказывал противоположного характера суждения, причем интересно, что Лобанов на судебном следствии также вынужден был признать (правда он очень пренебрежительно говорил об этом): «да, он что-то такое говорил по поводу того, что надо исполнять долг службы». И здесь он, правда, очень осторожно, уклончиво говорил о каких-то возражениях в этом разговоре со стороны Нордволла. Значит опять-таки надо скорее поверить Нордволлу, который говорит, что он не высказывал анти-советских суждений, возражал на суждения анти-советского характера Лобанова.

Представитель государственного обвинения указывал, что если Нордволл был почти большевик, то почему же он так легко отнесся к этим антисоветским суждениям, почему не сделал того вывода, который должен был сделать этот уже почти большевик. Но надо иметь в виду, что встречи их в Иванове были в первые месяцы работы Нордволла, а затем надо все-таки точно знать, в какой форме, насколько в резкой форме выражал свои анти-советские суждения Лобанов. Если они были только в такой форме, что он недоволен отношением к инженерно-техническому персоналу, что ему тяжело живется и тому подобное, то тогда, разумеется, не было оснований для того, чтобы идти и об этом сообщать, это были обыкновенные разговоры, которые часто ведутся, которые не влекут за собой такого положения, чтобы идти об этом сообщать. Так что и это соображение не является правильным, таким, которое надо было бы положить на чашу весов, на которой лежит тот груз, который обвиняет Нордволла.

Но если мы возьмем еще другие объективные факты, то здесь увидим, что Лобанов постоянно и везде говорит неправду. Его защитник говорил, что 24 марта он заявил, что чистосердечно сознался и все показал. Стоит проверить том Лобанова, чтобы убедиться в том, что он ни на одном показании не говорит чистосердечно, а постоянно неправду.

Возьмем показания его и Лебедева. Товарищ Вышинский, мне кажется, совершенно правильно, характеризуя Лобанова и Лебедева, сказал, что Лебедев с моральной точки зрения гораздо более положительный тип, чем Лобанов. А между ними существуют до настоящего момента противоречия в их показаниях и как раз в том, что очень характерно вообще и для Лебедева в частности, как распределяли деньги. Лобанов говорил, что дал два раза по 500 рублей, а здесь заявил, что дал сразу 1 000 рублей, «чтобы он почувствовал».

Лебедев, которому надо больше верить, утверждает, что получил только 250 рублей и то 30 рублей взяли обратно взаймы и назад не возвратили. Кому же больше надо верить в данном случае – Лобанову или Лебедеву? Конечно Лебедеву. Поэтому и в остальном я считаю, что нельзя полагаться на слова Лобанова, даже тогда, когда он говорит, что получал деньги, потому что какой может быть интерес, говорить, что именно данное лицо передавало деньги, а не другое. Это такой вопрос, который разгадать нельзя, потому что Лобанов человек, способный на все. Совершенно правильно отметил представитель государственного обвинения, что это морально разложившийся человек, и ему ни в чем верить нельзя.

Ну конечно меньше всего и смешно говорить о том, что Лобанова надо было развращать. Посмотрите показания Угрюмова, как он рассматривает его: это постоянный дезорганизатор производства. Да и вся фигура его говорит о том, что ему извне толчка не нужно, что он сам способен на все, а между тем выходит так, что Нордволл его соблазнил, и без Нордволла он может быть не пошел бы по этому ужасному пути.

Наоборот, Лобанов, когда его на судебном следствии спросил его же защитник, не было ли у него с Нордволлом разговора о том, не следует ли прекратить вашу преступную деятельность, то он презрительно и пренебрежительно в отношении Нордволла сказал: «Я бы об этом его спрашивать не стал и без него обошелся бы, если бы нужно было». Почему же, когда нужно было кончать, он обошелся бы без Нордволла, а когда нужно было начинать, ему надо было получить толчок от Нордволла. Вряд ли и эти соображения могут говорить против Нордволла, а наоборот нужно иметь в виду, что не Нордволл мог быть инициатором в данном деле.

Затем еще одна Характерная черта. Лобанов говорил сначала на очной ставке с Лебедевым и в своих показаниях, что он не участвовал в вечеринках, которые устраивал Эллиот в Иванове. Между тем характерно, что Нордволл не принимает участия в этих вечеринках.

Спрашивается почему: если своя компания, один другого все равно встречаются постоянно, почему Эллиот встречается и почему Нордволл не встречается? Скорее это надо объяснить тем, что Нордволлу были по-настоящему чужды те люди, которые на этих вечеринках участвовали. Скорее надо предполагать, что он интересовался другим – своей работой, своей семейной жизнью. Он, как известно, женился на советской гражданке, сотруднице Огиза, и эти интересы по-видимому его занимали больше, чем всякие вечеринки с Лебедевым, Лобановым, где производились кутежи.

Почему бы ему вообще не встречаться с Лобановым. Нет никаких оснований думать, что он не мог бы встречаться с ним помимо производства. Поэтому я думаю, что все то, что говорит Лобанов в отношении Нордволла, должно быть гораздо больше подвергнуто сомнению, чем все то, что утверждает здесь Нордволл, и я думаю, что скорее неправду говорит Лобанов, чем Нордволл.

Затем остается одна серьезная улика против Нордволла – это, во-первых, сетка Торнтон и его показания относительно Нордволла, в частности о 112 рублях и вообще все его показания о Нордволле. Но если опять-таки заняться тщательно этими показаниями, то необходимо притти к выводу, что ничего не приходится вменить Нордволлу. Во-первых, 112 рублей эти разъяснились здесь на судебном следствии в том смысле, что там, на Макеевке, где Нордволл руководил оборудованием первого советского блюминга, там ему пришлось произвести расход.

Торнтон говорил о 112 рублях, а Нордволл говорит: 120 рублей. Но между прочим по-видимому об этих деньгах упоминает и Олейник, когда говорит, что Нордволл подкупал рабочих. Правда, ни Специальное присутствие, ни прокуратура не стали даже вникать в эти слова Олейника, потому что они видели, что ему по-видимому нет оснований вообще доверять, но очевидно это тот самый «подкуп» рабочих, то есть плата за какие-то расходы, которые должна была произвести фирма, о которых в показании от 12 марта 1933 г. Торнтон говорит, что эти деньги поставил в кредит Нордволлу, то есть Нордволл представил счет, и он был оплачен.

Так вот, что же показывает в сущности говоря Торнтон относительно шпионской деятельности Нордволла? Он говорит так: «Нордволл – Иваново и Томский завод». Главные этапы деятельности Нордволла протекали, с одной стороны, в Иванове, но не на Ивгрэсе, а на Шуйской и 1-й подстанции, откуда дано и то свидетельство, которое я представил, которое сделано одним из его товарищей по работе – ответственным лицом, и затем большая часть его работы протекала еще в Макеевке. А кроме того были более мелкие периоды – отпуск, Минск, Кузнецкстрой, Балахна и другие, но основные этапы его работы это Иваново и Макеевка.

Так вот значит Торнтон говорит: Иваново и Томский завод. «Этот человек был в Иванове на монтаже подстанционного выключателя, а затем ведал монтажом на Томском заводе. Нордволл обучился говорить очень быстро по-русски, пока жил в Иванове. Он являлся для меня новым человеком и как будто не давал мне никакой информации, когда был в Иванове»... Он говорит об информации в Макеевке, а в Иванове, он говорит, что как будто бы совсем не давал информации, когда он там был.

Конечно можно сделать предположение, что Торнтон говорит так потому, что ему нужно скрыть преступную работу Нордволла в Иванове, но ни из чего не видно, чтобы что-нибудь Торнтону в данном случае нужно было скрывать.

Так вот он говорит, что он является для него новым человеком. И дальше: “На Томском заводе, когда я посетил его в этом году, он дал мне следующую шпионскую информацию. Он удостоверил, справившись, не знаю у кого, что «Метро-Виккерс» конечно получил заказ на привод для сортового стана и другое оборудование. Он дал мне также общую (шпионскую) информацию об условиях жизни рабочих и так далее в Макеевке”.

И дальше: «У нас были некоторые затруднения с индукционными моторами. Он исправил это дело и послал отчет на 112 рублей, причем я эту сумму провел и отнес за его счет». Что говорит дальше Торнтон о Нордволле?

«Нордволл был и есть по-моему сочувствующим правительству в этой стране. Он один раз сказал свое мнение о Красной армии, я не помню что, но его мнение совпадает с моим». Если говорят, что он сочувствующий советскому правительству, то он мог сказать что-нибудь лестное, а то, что добавляет Торнтон, это дела не касается.

Затем: «Нордволл был лишь короткое время в Кузнецке с Макдональдом. Нордволл считает советское правительство прочным».

Вот что говорит о Нордволле Торнтон. Я думаю, что эти показания опять-таки должны послужить в пользу Нордволла, а не наоборот.

Характерно и то, что Олейник, предупрежденный Торнтоном, говорит, что нужно опасаться Нордволла, который является им чуждым, который является почти большевиком. Это, конечно, нужно поставить в плюс Нордволлу и считать, что это характеризует его не как вредителя, а что скорее требуется, чтобы к нему отнеслись с доверием.

Затем интересно то, что ряд лиц, которые дают показания о других лицах, о том что они являются участниками диверсионной и вредительской работы, Макдональд, Угрюмов; которые дают показания по группе в Иванове, не упоминают Нордволла; даже Лебедев не упоминает иногда Нордволла, когда он перечисляет участников группы Иванова; он называет себя, Лобанова, Эллиота, а Нордволла не называет и если говорит о Нордволле, то только со слов Лобанова.

В заключение характерно, что Лебедев показывает, что Нордволл его не замечал и говорит об этом с некоторой обидой. Спрашивается, если они были участниками одной группы, если они работали в одном месте, во всяком случае он два месяца работал на Ивгрэсе, почему бы Нордволл не замечал Лебедева. Лебедев, которому можно больше верить, говорит, что Нордволл с ним дела не имел. Больше того, если бы Нордволл участвовал в группе, он бы вошел с Лебедевым в общение, потому что не замечать его никаких оснований и побуждений не было.

Таким образом я и думаю, что все обвинения, которые здесь Нордволлу были предъявлены, конечно обвинения серьезные, имеющие за собой известные данные, они все-таки при той проверке, которой они подвергались здесь на судебном следствии, должны быть отвергнуты, и я думаю, что если Олейник считает его для себя опасным человеком, то его нам для себя считать опасным не приходится. Если Лобанов относится к нему с презрением, считает, что Нордволл для него нечто нижестоящее, то я думаю, что его нужно поставить в иную плоскость, чем та, на которой стоит Лобанов.

Я прошу суд оправдать Нордволла.

Председатель. Слово имеет член Московской коллегии защитников товарищ Лидов.

Лидов. Защита Кушни – это спор об уликах и серьезный спор о силе и значении представленных прокурором доказательств. В таком процессе, как этот, это и трудный и ответственный вопрос. Трудность защиты заключается в том, что обвинение по отношению Кушни прямолинейно и просто; я бы сказал, оно необычайно просто – оно зиждется на трех коротких утверждениях прокурора: если упомянуто о Кушни в сетке Торнтонна, значит он разведчик. Если есть показания Емельянова в одном из томов о том, что Кушни говорил во время пребывания в Баку, что следует портить машины, значит он диверсионные акты совершает. Если были разговоры на вечеринках у Медведева и других лиц, значит он собирает шпионские сведения.

Попробуйте опровергнуть эти обвинения. Ответственность защиты заключается в том, что сам Кушни отвергал и категорически отвергает свою виновность.

Это обязывает и вас как судей и меня как защитника постараться проверить те основные положения, которые прокурор в этой категорической и простой форме предложил на ваше разрешение. Проверить их можно только путем серьезного анализа, после серьезной, оценки этих доказательств по существу.

Основное обвинение Кушни – это совершение диверсионного акта в Баку в 1928 г. Я уже не говорю про отдаленность этого момента – это имело место 5 лет тому назад и мы должны теперь в 1933 г. разбирать этот случай. Что мы знаем об этом случае? Если обратиться к источнику – к показаниям Олейника, данным здесь на суде, который не расположен к Кушни, который не хочет благоприятствовать Кушни, то мы увидим, что он рассказывает следующее: «Случай произошел так: сменились кочегары, вместо опытных кочегаров в одну из смен попали неопытные, попали самостоятельно, без ведома заведующего. Кочегары отношения к Кушни не имели, в его подчинении не состояли, он ими не распоряжался. Кочегары перекачали воду в большем объеме, чем это нужно, вода попала в Турбину и произошла остановка».

Вот показания Олейника. Этот скудный материал не дает нам основания определенно говорить о том, что имело место в Баку в 1928 г. Ни расследования этого случая, которое несомненно было, ни судебного дела, которое, как утверждает Кушни, было возбуждено против кочегаров очевидно за халатность, а может быть против лиц, которые недосмотрели эту смену, перед нами нет. Можно верить, можно не верить тому или другому утверждению, но мы лишены возможности сделать самое главное и существенное, что требуется от вас и в чем заключается ваша судейская работа – это проверить это положение, проверить этот факт, оценить и взвесить при тех или иных доказательствах совокупность сведений, которыми мы могли бы располагать.

Чем подкрепляет мой уважаемый противник выводы о виновности Кушни во время его работы в Баку? Он здесь перед вами ссылается на показания Емельянова. Емельянов говорит: такое показание имеется, допрошенный теперь, в 1933 г., вызванный из Баку, он говорит: «Кушни мне говорил о необходимости вообще портить машины». Коротких две строчки. Когда, при каких условиях, почему, какое слесарь Емельянов имел отношение к этим сложным установкам, имел ли он доступ туда, просили ли его самого или через кого-нибудь другого – в этих двух строчках об этом ни слова не говорится. Показание дается в 1933 г.

Обычно во всех тех случаях, которые перед нами проходили по отношению к другим обвиняемым, мы всегда имели налицо подтверждение, не только косвенное, но и прямое обвинение в том или ином вредительстве. Мы не имеем ни одного бескорыстного случая вредительства, которое бы человек совершал в силу того, что он сам этого желал. Всегда платятся деньги и всегда человек получает поощрение. По отношению к данному случаю может ли быть поставлен вопрос о подкупе? Я думаю, что я имею право утверждать – не может быть.

Что говорит тот же Емельянов о денежных отношениях? «Я иногда, как и другие работники, занимал и получал мелкие суммы от Кушни. Иногда я их возвращал, кажется 40 рублей не отдал». Вот все, что сам Емельянов утверждает – «кажется 40 рублей не отдал». Возможно ли допустить такое отношение, что совершенно развращенный, не настроенный антисоветски, не контрреволюционер, русский рабочий куплен за 40 рублей, данных ему под видом заимообразной ссуды. Можно ли при этих условиях считать, что это является доказательством? Можно ли считать при этих условиях с точки зрения судебных доказательств, что показания Емельянова в этой части являются достоверным судебным доказательством?

Я думаю, что по существу надо быть или совершенно безумным, или во всяком случае глупым человеком, чтобы при этих условиях решиться на такой слишком упрощенный и простой способ действия, а во всяком случае по отношению к Кушни поставить вопрос, что это глупый человек – мы не имеем права. Мы не имеем права говорить, что Кушни не знает, что он делает. Так ставить вопрос, это значит признать, что Кушни отдает себя целиком в руки Емельянова. Если он честный человек, он, взявши, пойдет донесет и не донести не может. Если он бесчестный человек – это значит отдать себя ему в руки и стать не хозяином положения, а стать в полную зависимость от него, он будет шантажировать, вымогать и т.д.

Разве этот случай похож на те сложные отношения, которые мы имеем в отношении других обвиняемых? Я думаю, что, оставаясь в пределах проверки судебного материала, можно и должно поставить вопрос о том, что это показание Емельянова по его категоричности недостаточно, недостаточно в смысле подробностей мотивированной обстановки самого случая, недостаточно по его слишком большой краткости, по неопределенности, по невозможности чем-нибудь иным подкрепить и проверить и таким образом не может быть принято вами за судебное доказательство вины в тяжчайшем серьезнейшем государственном преступлении.

Я уже указал, что во всех остальных случаях мы всегда имеем дело с проверкой того или иного случая через показания или через допросы того или иного обвиняемого, который по этому случаю был привлечен к делу.

Возьмите обвинение Макдональда. Непрерывно имеется проверяющий его материал в лице например Гусева. Возьмите обвиняемого Торнтон. Торнтон имеет показания в лице других обвиняемых. По отношению к Емельянову я смею утверждать, что по делу не имеется никаких сведений о том, чтобы он был как участник заподозрен. Он к делу до 1933 г. не привлечен. Он как работал при Кушни, так и работает в Баку. О нем за все это время нет никаких порочащих введений. Приходится ставить вопрос прямо и просто: Емельянов обыкновенный простой русский рабочий, которого, допустим, Кушни хочет использовать в скверных целях. И он за незначительную сумму предлагает ему вредительство в самой яркой, в самой вредной форме. Вероятно ли это? Я думаю, что этот вопрос я имею право поставить перед вами как вопрос, требующий разрешения отрицательного.

Но чтобы проверить вообще, можно ли останавливаться на этом моменте с точки зрения взаимоотношений Кушни по службе, мне кажется важным остановиться и посмотреть вообще на его жизнь в Баку. Прокурор правильно поставил вопрос с точки зрения обвинителя по этому делу, относящегося или имеющего право относиться чрезвычайно подозрительно и осторожно к каждому действию обвиняемого, что Кушни поддерживает отношения с рядом лиц, что Кушни бывал у Емельянова и у других лиц в гостях, что Кушни бывал в ресторанах. Кушни, как говорит прокурор, завязывал эти отношения для того, чтобы получать сведения. Но получал ли он эти сведения для шпионажа? Вот в чем вопрос. Получал ли он эти сведения и завязывал ли он эти отношения для того, чтобы иметь возможность получать материал определенно преступного характера?

Позвольте обратить ваше внимание на тот скудный материал, который лежит в этой тощей папке, которая называется делом Кушни. И посмотрите соображения, которые привел по этому поводу мой уважаемый противник. Прокурор говорит: он посещал Медведева. Посещал. У Медведева жена, которая говорит по-английски, и может быть здесь можно найти известные нити, которые указывают на какие-либо отношения. Может быть? Возможно. А возможно другое? Возможно. Может быть он посещал Медведева просто потому, что у него жена, которая говорит по-английски, и ему как англичанину просто приятно было поговорить на родном языке?

А может быть он посещал Медведева потому, что его жена интересная собеседница, и ему просто приятно было с ней поговорить, человек он еще молодой (смех)? Тоже может быть? Я понимаю, когда посещения Медведева берутся под сомнение для того, чтобы приступить к проверке. Доказано вообще что-нибудь скверное в отношении его знакомств, о которых он здесь сам говорил и о которых мы имеем сведения в деле? Нет. Он был два раза на вечеринке у Емельянова, Бочкарева и был в ресторане. Прокурор говорит, «что он бывал» на вечеринках и в ресторанах. Давайте допустим, что он бывал не один раз. Ну что же – это контрреволюционное сборище? Мы имеем хоть один материал...

Председатель. В деле есть указания, что Емельянов арестован по данному делу.

Лидов. Совершенно правильно – сейчас в 1933 г., после показания и в связи с показаниями, которые он сам дал. Я говорю про материалы, которые касаются 1928 г. Я об этом два слова потом скажу. Я не хочу абсолютно ни одно обстоятельство в этом деле обойти молчанием и дать перед вами картину, исключительно благоприятную для Кушни. Именно на основании этого факта я и утверждаю. Емельянов после того, как дал эти показания, арестован. А кто назвал Емельянова, Бочкарева, кто сказал про Медведева?

Поистине мы имеем совершенно непреложный документ. Разве Кушни отрицал эти факты? В протоколе от 13 марта Кушни прямо утверждает: я бывал у Емельянова, у Бочкарева, у Медведева. Это то, о чем я говорил. Теперь конечно эти факты должны быть проверены. Емельянов правильно должен быть заподозрен, Емельянов правильно должен быть привлечен к ответственности. Но каков был сам по себе характер этих собраний? Нельзя же делать вывод, что если Емельянов теперь дал эти показания, то лица, собиравшиеся у него в 1928 г., были определенно такого же подозрительного свойства и характера. Мы опять становимся тут в положение невозможности этот момент проверить.

А возможно допустить совершенно иное, что этот инженер, приехавший сюда на работу, сталкивается по работе с Емельяновым и другими монтерами и мастерами. Он не имеет, да и не может иметь по свойству своей работы близкого общества специалистов, которых и не так много было в Баку в 1928 г. Может он иногда пойти по их приглашению и может быть зайти в ресторан со своими рабочими для того, чтобы поговорить в частной беседе, поинтересоваться жизнью и бытом русского человека, посмотреть, как он живет, и получить целый ряд сведений? Но можем ли мы утверждать, что в данном случае получались сведения, определенно секретного характера, которые даны с определенной целью людьми, специально подобранными, подкупленными или иным образом развращенными? Никакого материала в этом отношении нет.

И позвольте обратить ваше внимание на то, что такого материала не могло бы не быть, как это имеет место по отношению к остальным обвиняемым. Эти факты в той или иной форме обнаружались бы. Если бы остались семена, о которых говорил прокурор, посеянные в 1928 г., то согласитесь, что 5 лет достаточно для того, чтобы их всходы были проверены по Баку. Между тем по Баку мы имеем меньше, чем по другим электростанциям. Кроме этого случая мы никаких упоминаний о каких-либо дальнейших действиях подрывного характера в этом районе не имеем. Поэтому можно опять предполагать, допускать, но считать это установленным по материалам дела мы на основании этих моментов не можем.

Прокурор утверждает, что несомненно если Кушни проводил время иногда с монтерами и слесарями, то он делал это для того, чтобы получить от них сведения. Допустим, я готов встать на точку зрения прокурора, для того, чтобы проверить это утверждение. И вот проверим по показаниям Емельянова, о чем шли там разговоры, ибо это у нас единственный источник, который поможет осветить этот вопрос.

Емельянов говорит, и прокурор делает отсюда очень опасный вывод, что Кушни интересовался настроениями и снабжением Красной армии. Отсюда прокурор говорит: вот подтверждения разведывательной шпионской работы. А может быть он интересуется этими настроениями и снабжением Красной армии не для шпионажа, может быть разговор идет в общей форме? Ведь нет указаний о том, какие сведения; были даны кем-нибудь из собеседников, или какие сведения он получил, а только интересовался настроениями и снабжением Красной армии. Можно допустить, что в это время он мог интересоваться ими и не для шпионажа. Я думаю опять, что мне не может быть брошен упрек; в том, что я хочу неправильно представить перспективу этого дела.

1928 г. – начало пятилетки. Брошен смелый вызов перед лицом всего мира: мы в 5 лет постараемся сделать то, что вы делали в течение десятилетий. Англичанин, специалист, представитель мощной, технически образованной страны приглашен нами, учениками, учить нас чему-то, для технической помощи. Он же это знает, он понимает это, он понимает и другое, что этот вызов встречает недоброжелательное отношение, что мы в тот момент стояли, как и теперь, перед угрозой тех или других военных действий для того, чтобы предотвратить развитие СССР. Пусть скептически улыбались и говорили, что это пустяк, но многие и многие там, за рубежом, понимали и серьезно беспокоились. Как вы представляете себе, чтобы любой иностранец не интересовался бы, а какие же силы у вас для того, чтобы противостоять в этот момент, если какая-нибудь мощная страна, ну, например, Великобритания, считающая себя царицей морей, вздумает на вас обрушиться? С чем вы думаете противостоять натиску? Что у вас есть, что за ваша армия, какова ее мощь? Эти вопросы, которые могут и должны интересовать и шпиона, специального разведчика, но они могут интересовать и любого иностранца, и любого путешественника, и не могут не интересовать.

И если Кушни будет говорить, что я этими вопросами не интересовался, то субъективно это правильно, что это специально не входило в его круг интересов, что он не ставил таких задач, но разговор об этом мог и должен был быть.

Разница здесь в другом. Разница, товарищи судьи, заключается в том, чем кто интересуется и как интересуется. Вот этого материала мы в деле не имеем. Ведь шпион интересуется не тем, что вообще представляет армия. Его интересует главным образом, что у армии есть, какое количество вооружения, количество снарядов, то что имеем по всем другим случаям.

А человек, который вообще интересуется, интересуется, есть ли у вас чем бороться, есть ли танки, есть ли пулеметы или аэропланы, или вы только люди, которые технически учитесь. И вы помните, мне кажется, не нужно вам напоминать, когда недавно в своей речи, перед лицом всего мира товарищ Ворошилов, вспоминая эти годы, говорил, что мы, которые имели в эти годы только разрозненные и отбитые у неприятеля танки, теперь можем говорить так, как люди, имеющие прекрасное вооружение. Это дает право сказать прокурору то, что он сказал вчера Торнтону в своей речи: «А попробуйте, а посмейте...»

Товарищ Смирнов здесь говорил, что люди, приехавшие из Англии, имели совершенно неправильное представление об этой сказочной стране, в которой не то жарят на сковороде всякого несогласно мыслящего, не то представляющейся в виде какого-то гиганта. Он должен был стараться понять, что за настроения у этого народа. Человек мог встречать отдельные и восторженные и недовольные голоса, но в общем и целом первый вопрос должен был быть – «а ваша армия».

Конечно такие отзывы, которые при этом получают, служат и для целей шпионажа, но и для целей правильного осведомления и правительств и представительств других стран, которые решают по-разному вопрос о наших отношениях.

Естественно, что Кушни не может от этого уйти, как человек не может уйти от жизни, но разве имеется твердое основание для того, чтобы утверждать, что Кушни собирал определенные секретные, тайные сведения о каких-либо особых подробностях вооружения, системах вооружения, снабжения, количества снарядов и так далее. Кроме общей формы, я повторяю – кроме Емельянова, мы никакого материала в этом деле не имеем. А этих материалов с точки зрения судебных доказательств недостаточно, чтобы обвинить его в военном шпионаже.

Больше того. Я считаю, товарищи судьи, что мы имеем некоторый материал, который обязывает меня как защитника перед вами утверждать, что имеются доказательства, не только не подтверждающие, но опровергающие предположение прокурора по этому вопросу, и материалы в достаточной степени убедительные, ибо они исходят от лиц, по отношению к которым не может быть поставлен вопрос о том, чтобы они чего-то не знали или знали, но не захотели сказать.

Сам Кушни категорически отрицал с самых первых слов и до конца свою виновность. Но имеется сетка Торнтон. Там среди других фамилий упоминается и Кушни. Но разве в сетке Кушни назван как военный разведчик? Сетка лежит перед вами, что там сказано? Собирает сведения экономического и политического характера. Я не склонен думать, что он не мог собирать другие сведения, но в этой сетке Кушни не рисуется как человек, занимающийся военным шпионажем. Вот Макдональд – это человек, который дает определенный ключ к расшифровке дела, так ставит дело обвинительное заключение, так ставит вопрос прокурор. Но Макдональд на суде на предложенный вопрос прокурору о Кушни сказал: «Я предполагаю, что Кушни участвовал в разведывательной работе». «Предполагаю». Он очень осторожен и скуп на слова.

Что это значит? Это значит, что он точно не может утверждать. А если он не утверждает, тогда естественно нужно проверить, что это за работа, какой ее характер. Мы в этом отношении имеем показание Кутузовой. Когда ей прямо был поставлен вопрос на суде, она прямо говорит: Торнтон и Монкгауз организовали вредительскую работу и были организаторами шпионажа. Если Кушни играет значительную роль, если он работает здесь в конторе, то почему она не называет его? Это не случайно. Кутузова – женщина, как она сама сказала, которая все знает, и от которой скрыть что-нибудь трудно».

Если это так, если такие отношения были, если от нее ничего не скрывали, то ей должно быть это известно. Я хотел бы перед вами поставить вопрос с точки зрения судебных доказательств. Ее показание должно быть учтено? Должно быть. И когда вы сопоставите это категорическое, именно категорическое утверждение о том, что определенные лица это делали, а о Кушни не имеется таких указаний, за исключением тех указаний, которые даны Емельяновым и относятся к 1928 г., если учесть, что и как указывал сам председательствующий, Емельянов по этому делу привлечен к ответственности, следовательно, у него есть основание и желание в данном случае по чувству самозащиты побольше про других рассказать, чтобы выгородить себя, а он во всяком случае, зная почему другого и за что привлекают, может сказать только одну общую фразу, занимающую две строчки в его показаниях, я скажу, что в данном случае, чтобы признать Кушни виновным, судебных доказательств, достаточных и полных, не имеется.

Но есть еще одно и это самое главное. Это то, о чем мой уважаемый противник, при его чрезвычайно внимательном подходе к делу, а в отношении Кушни прокурор был так краток и скуп, все же упустил и не обратил должного внимания... Это не упрек. Мы часто в своей работе пропускаем через собственную оценку и оставляем без достаточных объяснений тот или иной момент.

В данном случае это показания Олейника. Олейник на суде утверждал с полной категоричностью: «До 1929 г. я работал, как он выразился, и по шпионажу и по всем этим неприятным скверным делам с Торнтоном». С 1929 г. он работал с Монкгаузом. Правильно это или неправильно – не мое дело ценить, во всяком случае это показание, как оно дано, я готов условно принять. Значит, нужно сделать вывод: до 1929 г. он работает с Торнтоном. Кушни он знает в 1928 г., ибо работал тогда с ним в Баку. Кушни является своим человеком, «свой парень», как они говорили один про другого, и вдруг такому человеку ни одного слова не говорят о Кушни.

Я понимаю, когда в какой-нибудь сложной системе разведчиков один разведчик не будет говорить про другого, это естественно и понятно. Нужно проверить действия одного человека действиями другого. Здесь другое дело. Здесь все знают друг друга, и во всяком случае такой человек как Кушни, находящийся в центре работы, не мог быть спрятан от Олейника. Ведь Олейник начал раньше работать в фирме, жизнь его, как он сам говорит, была связана с этой фирмой, здесь он научился хорошо владеть английским языком, здесь ему было оказано особое доверие, здесь на него смотрели как на своего человека. Как ему не сказали – поезжай в Баку и свяжись с Кушни. Что-нибудь подобное сказал Олейник?

Нет. Он в 1932 г. слышит от Торнтон в виде упрека, что он что-то плохо сделал, что надо было бы взять пример с Кушни, который в 1928 г. в Баку так хорошо провел дело с этой порчей турбин. Странное показание. Оно просто непонятно. Прежде всего, что это за упрек Олейнику, который правильно про себя говорит: «я, как все, делал добросовестно, так добросовестнейшим образом выполнял и всю работу по вредительству и шпионажу». Это он про себя точно говорит. В чем его может упрекать Торнтон, чему учить? И зачем этот разговор в 1932 г., зачем ему ставить в пример Кушни?

А вот в 1928 г., когда нужно было об этом сказать, тогда ему не говорили. Чем объясняется этот разговор? Я прошу учесть один момент, который на меня лично произвел большое впечатление. Я не могу из него сделать твердых выводов, но по-моему вы как люди, привыкшие проверять жизненные отношения на суде и в жизни, не можете пройти мимо. Вы помните то недоброжелательство, с которым Олейник говорил о Нордволле? Почувствовалось недоброжелательство старого спеца, каким он считает себя в этом деле, по отношению к сравнительно молодым, позвольте мне употребить слова, которые вытекают из его концепции, выскочкам. «Эти молодые приходят и хотят меня учить, когда я больше знаю» – вот его мысли. У Олейника есть известное нерасположение к этим молодым приехавшим английским специалистам. Может быть это и понятно.

Он борется за свое существование, за свой авторитет. Это человек, который вероятно прекрасный мастер, и если бы он был только мастером по турбинам и не делал бы другой работы, то он был бы для нас ценным работником. Отсюда может быть понятна некоторая неправильная оценка того же самого Кушни в его словах. Может быть эта фраза, которая неизвестно как точно была сказана Торнтоном, в его сознании преломилась в категорическую опасную форму? Но может ли быть сделан судом вывод о том, что мы имеем налицо категорическое признание Торнтон, сделанное Олейнику, что Кушни в 1928 г. совершил этот акт? Этот вывод сделать нельзя.

Вот вывод, который должен быть сделан и из сказанной фразы, и из сетки Торнтон, и из объяснений Кушни. Это вывод о том, что собрание сведений экономического и политического характера имело место. Да, но здесь мы подходим к вопросу о том, как расценивать эти действия, являются ли они и в какой степени наказуемыми.

Я не буду повторять того, что сказал Прокурор Республики о 53 статье со знаком 6 Уголовного кодекса. Там совершенно определенно уголовный закон трактует не о простом собирании каких бы то ни было сведений, а тех, которые являются государственной тайной, и единственное исключение – это собирание или передача сведений служащими тех или иных учреждений, которые имеют у себя воспрещение по линии административной передавать такие сведения по своей специальности. К Кушни эта часть не относится – он не служащий нашего государственного учреждения. Значит, вопрос должен быть поставлен прямо: собирал ли Кушни такие сведения секретного характера, которые подходят под понятие государственной тайны?

Я на этот вопрос затрудняюсь ответить, я этого не знаю – предполагать можно, но чтобы написать в приговоре, что твердо установлено, что Кушни собирал такие сведения, которые подходят под понятие государственной тайны, достаточных данных нет. А если это так, то появляется известное сомнение, можно ли вынести обвинительный приговор Кушни по статье 58-6? Разве бывают подходы не только к личности людей, но и к оценке их положений? Если бы я защищал русского гражданина, который был бы уличен, что он фигурирует в такой сетке, что он собирал сведения хотя бы не запрещенного политического и экономического свойства для передачи иностранному государству, тут должен быть один вывод.

Я скажу, что этого не только достаточно, но это вполне достаточно для того, чтобы предъявить ему тяжелое обвинение и сказать: теперь вы потрудитесь доказать, что это неверно. Это то, что имеет в виду и английский закон, который цитировал товарищ прокурор. Самый факт такого сношения, самый факт передачи сведений да еще денежное вознаграждение заставляют поставить вопрос о социальной опасности деяния. Но другое дело, когда мы подходим к вопросу о таком человеке, как Кушни, который является все же иностранцем, приехавшим к нам, и который может и должен не только делать свое дело, но не может не интересоваться и окружающим именно в силу значимости и большой значимости явлений, которые происходят вокруг него. Я думаю, что бесплодно отрицал бы это и сам Кушни и его защита. Не только ему, но и всем приехавшим сюда иностранцам вероятно дается поручение сообщать, осведомлять о той жизни, с которой они здесь сталкиваются.

И мы об этом знаем. Читаем дебаты в палате общин по вопросу не теперешнего момента, связанного с этим процессом, которые выходят за пределы изучения того или иного материала, а представляют собой субъективную, весьма оригинальную оценку, а по вопросу о взаимоотношениях, которые намечаются между разными государствами. Разве мы не слышим там указаний: по отзывам наших специалистов, которые приехали в Россию, замечаются те или иные явления. И странно было бы, если бы то или иное лицо, занимающее ответственную должность в своем коммерческом учреждении, работающее здесь у нас, не интересовалось бы, как у нас обстоит дело и не осведомляло своих.

И правильно говорил здесь Кушни: «Когда я приезжал из любого города, где был на работе, то Торнтон или Монкгауз непременно меня спрашивали, и я им делал доклад». Но можно ли по отношению к такому докладу, к такой информации, к такой беседе поставить вопрос, который мы могли бы поставить к русскому человеку, который вздумал бы делать доклад Торнтону. Я бы тогда молчал, я бы не смел сказать ни одного слова, ибо ты не можешь ходить и делать доклады даже очень почетным иностранцам. Не твое дело разрешать вопрос, что ты за сведения будешь сообщать. Но другое дело, когда это делает Кушни в пределах своих взаимоотношений. Если мы его сюда выписали, мы вправе ему сказать: не посягай на уголовный закон, не смей делать того, что не смеет делать ни один из наших подданных в пределах, прямо запрещенных. Но беседа с Торнтоном о настроении рабочих, это – твое право. Ты не можешь этим не интересоваться.

Представьте себя в положении человека, который приехал в Индию. Разве мы не заинтересовались бы в первую очередь не только чудесными растениями или постройками, но и настроениями рабочих и их отношением к Англии, к колониальному государству Англии. Это вполне понятно. Кушни был бы лгуном, и вы бы не поверили ему, если бы он сказал: я был узким специалистом, работал над турбиной, смотрел, как работают винты, гайки, лопатки, а потом ложился спать. Конечно, нет.

Кушни с 1925 г. работает в СССР. Он приехал еще молодым человеком. Он уже 8 лет здесь. Не может он уйти от жизни. Это было бы противоестественным. Конечно разговаривал, конечно интересовался. И перед нами, товарищи судьи, чрезвычайно сложная работа. Я понимаю подозрительное отношение обвинения. Оно не может не быть таким. Но я повторяю, что когда передо мной лежат эти все-таки скудные материалы дела, то говорить решительно о возможности осудить человека за то, что он собирал сведения именно определенного секретного порядка, которые представляют государственную тайну, для этого достаточных материалов не имеется. Иногда можно сделать этот вывод, потому что человек покупает эти сведения, платит за них. По отношению к Кушни в этом случае другое. Он никому ничего не уплатил. Нельзя же говорить о том, что он давал мелкие суммы рабочим...

Возьмем концепцию обвинения – давал мелкие суммы. Но ставить вопрос так, что непременно были получены секретные сведения, это можно только предполагать. Думаю, что за 40 рублей, данных Емельянову в долг, едва ли можно было рассчитывать получить государственные тайные сведения.

К тому же, какими сведениями могли располагать Емельянов и другие рабочие? Эти сведения могли быть о быте, о жизни, о том, как они относятся к тому, что им дается, и так далее. Это тоже интересно. Это может быть во вред нам. Но это не те сведения, о которых говорил здесь товарищ Вышинский, которые являются сведениями уголовного порядка.

На предположениях строить приговор нельзя. Это простая и старая аксиома. И нельзя строить этот приговор потому, что предположение – это всегда работа нашей фантазии, остроты нашей нервной и другой восприимчивости. Один человек сумеет сделать лучше предположения, и другой хуже. У одного предположения ярко сформулированы, у другого нескладно и нелепо.

Закон правильно говорит. В судебской работе, когда дело доходит до подведения итогов, предположению нет места. Только точные выводы из доказательств, проверенных на суде. Этих доказательств, проверенных на суде, точных, которые давали бы непреложный вывод о том, что виновность Кушни установлена по всем этим трем моментам, мы не имеем. И мне кажется, дело не в том, чтобы непременно осудить или не осудить Кушни. Не в этом дело. Это один из эпизодов этого большого процесса. Приговор останется таким же значительным и так же будет убедителен независимо от оправдания или осуждения Кушни.

Но когда я подхожу к этому вопросу, мне хочется перед вами поставить другой вопрос, по-моему нужно избежать в этом приговоре того, что могло бы подвергнуть сомнению его непреложность и его силу, а когда имеется вопрос о сомнении при судебном следствии, то в этом приговоре обвинительному приговору места быть не должно.

И вот лучше всего доказывает, что здесь дело идет о больших сомнениях, само обвинение по отношению к Кушни в последней части тех соображений, которые представил товарищ Вышинский, когда он обратился к вам вместо фактов дела с оценкой его поведения на предварительном следствии. Вы помните, что сказал товарищ Вышинский: «Вот там на предварительном следствии Кушни отказался отвечать на вопросы, там он показал себя как матерый разведчик, это они не говорят, они скрывают», и он противопоставил Кушни Торнтону, который немедленно все рассказал.

Правда, вывод из этого неутешительный; потому что Торнтон рассказал и тоже является хотя и скверным, но разведчиком, Кушни не рассказал и является тоже разведчиком.

Но давайте говорить не об этом, а о том, можно ли расценивать это поведение как улику против Кушни, можно ли его брать и предлагать вам в качестве судебного доказательству виновности? Я думаю, что в этом отношении прокурор неправ, и я имею право поставить здесь этот вопрос.

Разве Кушни отказался говорить на предварительном следствии. Разве он там не говорил? Возьмите том дела и посмотрите. Он арестован в ночь на 12 марта. 13 марта он дает подробные показания по всем предложенным вопросам. 13 марта Кушни, как я уже говорил, называет целый ряд знакомых в Баку, подробно рассказывает о всем, о чем его спрашивают и чем интересуются. Я полагаю, что опытный разведчик сразу понимает, в чем дело, и сразу отказывается говорить, а здесь названы и подтверждены все фамилии, дается возможность проверить, дается возможность итти по этому пути. Все связи, все нити указаны. Я имею право утверждать, что 13 марта Кушни дает показания.

Через 2 дня – 15 марта – очная ставка, допрос. Кушни говорит, дает показания, подтверждает одно, отрицает другое. 22 марта Кушни сказал то, что и здесь несколько раз говорил. Мы конечно проверяем только протоколы, и возможно, что были беседы промежуточные, недостаточно конкретного содержания, которые в протокол не заносились, но до 22 марта Кушни продолжает давать объяснения на очной ставке. Он говорит, он сталкивается с Торнтоном, говорит, что показание того верно в такой-то части, неверно в другой части, отрицает категорически обвинение в военном шпионаже и так далее, рассказывает относительно бесед, как они проходили, какого рода информация давалась. Кушни говорит. И только после этого в тот же день 22 марта при втором допросе, когда его начинают спрашивать: скажите, через кого из русских граждан вы получали эту информацию, эти сведения, когда ставится ряд других вопросов, Кушни говорит: я не желаю отвечать и дальше давать показания.

Давайте остановимся на один момент на этом вопросе. Разве только так можно это объяснить, как делает прокурор. Я думаю, что если этому вопросу придается большое значение, то можно было и следовало спросить Кушни. Я же не могу, как защитник, давать за Кушни показания. Я потом спросил его, но я перед вами не свидетель.

Но если такое значение придавать этому моменту, почему во время судебного следствия не спросить было Кушни, а почему вы не пожелали давать этих показаний, и вероятно Кушни объяснил бы, я не знаю убедительно или нет – мы тогда это проверяли бы и оценивали бы. Но когда обвинение проходит мимо этого момента, когда обвинение не придавало этому значения, я должен сказать, что имел право и обвиняемый сам этого вопроса не касаться. А почему можно было ему не придавать значения?

Я поставил вопрос перед вами: разве только разведчики имеют право молчать. А разве мы в суде не говорим каждому обвиняемому, что он имеет право не отвечать на любой вопрос, на который не желает отвечать, и разве это служит доказательством виновности? Никогда. Разве следователь, который, как совершенно правильно говорил прокурор, в наших условиях не только обвиняет, но и охраняет интересы и права обвиняемых, разве он не говорит, что если не желаете отвечать, это ваше право. Конечно, это гораздо хуже, потому что вы затрудняете следствие, но вообще можете не отвечать. Разве этого не говорят, и почему это делается? Потому, что положение обвиняемого, закон это понимает, такое тяжелое и сложное, что иногда он конечно имеет право не отвечать на некоторые вопросы, и мне не нужно пускаться в предположения, почему это сделано, ибо я буду здесь голословен и односторонен. Но вы не пройдете мимо одной строчки в показании.

13 марта между прочим Кушни отвечал на один вопрос: среди ваших знакомых был кто-нибудь близок к вам из женщин. Он ответил: да и назвал фамилию. Посмотрите, что дальше происходит. После этого одни из свидетелей по этому делу утверждают, что сведения и информацию давала ему женщина, ему близкая. Когда 22 марта ставится вопрос в другом разрезе, Кушни знает, что уже предъявляется обвинение в шпионаже, правильно или неправильно с его точки зрения – это дело другое, он говорит: я отвергаю, я думаю, что не виноват в этом. Но его продолжают обвинять в шпионаже. Он понимает, что это тяжчайшее преступление. Ему задают специальный вопрос: а кто же давал эти сведения? Он говорит: я не хочу называть этих фамилий. Не называть, а правильнее: я не хочу их повторять. Это существенная разница. Именно не хочу их повторять, ибо они названы уже, но еще раз повторить в этом разрезе ему представляется, что это может создать для них целый ряд неприятностей и тяжелых допросов и расспросов.

Это его право, и я не могу сказать, что из этого можно сделать какой-нибудь иной вывод кроме того, что можно предполагать, что у него были серьезные основания не давать показаний. Но здесь на суде разве Кушни хотя бы одним словом обмолвился, что хотел бы кого-нибудь не называть? Разве он не ответил хоть на один вопрос? Он даже поступил немножко бестактно, когда единственный из обвиняемых вскочил с места во время речи прокурора и возразил. Он не молчит здесь, а говорит. Поэтому давайте подойдем к этому вопросу так, как надлежит подойти.

Это его поведение по этому делу в разрезе того момента, когда это было сказано, не дает права сделать вывод ни за, ни против Кушни. Это – момент, который, если ему придавать значение, должен был быть здесь надлежаще выяснен.

Теперь, товарищи судьи, позвольте подвести итоги так, как сделал это и товарищ обвинитель, тому, что мы здесь получили. Я считаю, что в результате судебного следствия, проведенного перед вами в отношении военного шпионажа, теми фактами, о которых я говорил, не только не подтверждается разведочная работа в специальном смысле слова, которая влечет ответственность именно за шпионаж, но она опровергается показанием Кутузовой.

В отношении подрывной работы мы должны прийти к выводу, что у нас нет достаточных материалов, потому что после 1928 г. никаких намеков на какие-нибудь акты или в Баку или в другом месте, к которым бы имел касательство Кушни, мы не имеем.

Я ошибся и должен оговориться – кроме вопроса о лопатках турбин. Правда прокурор в своей речи не ставил это ему в вину в отдельности, но это идет в общем контексте, потому что и у него были турбины, и у него ломались лопатки. Мы имеем бесспорное положение, которое подтверждено экспертизой, что конструкция лопаток неудачная. Следовательно в конструкции машины имеются неудачные детали.

Но Кушни здесь только монтирует, только собирает лопатки, я уж не знаю, готовыми они прикрепляются уже в Англии к турбине, или он их здесь насаживает, но он только монтирует, а не делает их. Здесь можно делать разные выводы, можно подозревать, что кто-то, где-то хотел сконструировать такие лопатки, но Кушни здесь отвечает только за себя и за принятие мер, которые он должен принять. А мы по делу знали, что об этом было не только заявлено, но что на основании его сообщений и заявлений, которые он делал и делали государственные учреждения, собирались комиссии, долго длились обсуждения, вырабатывались разные меры, но эти меры выработаны не были.

Это обстоятельство само по себе не служит доказательством его виновности в том, что он производил вредительство путем допущения к работе турбин с такими лопатками. Это не вытекает из всех существующих материалов.

Остается – собирание экономических и политических сведений, о которых я говорил. Здесь может быть две точки зрения. Я считаю, что поскольку прокурором не установлена секретность этих сведений, их характер, составляющий государственную тайну, вы должны будете в своем приговоре расценить соображения сторон и дать тот или иной ответ.

Я думаю, что на этом могу закончить свою речь, что я смею ставить перед вами вопрос, что вы можете сделать вывод о недоказанности его вины, ибо если вообще огромное значение будет иметь приговор по этому делу, то оправдательная часть приговора в отношении Кушни будет звучать не меньше, а гораздо более громко и убедительно.

Если в этом приговоре найдется утверждение, что вопреки требованию прокурора на суде, суд не нашел доказанным с точностью вину Кушни во вредительстве и в военном шпионаже, то это будет лишним доказательством, что из советского суда дорога ведет не только в тюрьму, о чем говорил прокурор, приводя мнения, высказывающиеся в Лондоне, а и на свободу. Для тех, виновность которых установлена неопровержимо и точно, должны быть открыты двери тюрьмы, потому что государство должно поступать так с каждым, кто наносит ему вред и подрывает его мощь. Но в отношении тех, о которых есть сомнение в виновности, для них двери тюрьмы должны быть закрыты, как бы громко и властно прокурор здесь об этом ни просил, потому что там, где есть сомнение, советский суд не выносит обвинительного приговора.

Председатель. Объявляю перерыв – 12 часов 40 минут.

Председатель. Заседание продолжается. Слово имеет товарищ Коммодов.

Коммодов. Можно позавидовать, товарищи судьи, наивности тех, кто полагает, а иногда и утверждает, что всякий иностранный специалист, который приезжает в Советский союз работать, едет сюда с одним только настроением – настроением творческого пафоса, поэтому он не может быть ни шпионом, ни контрреволюционером, ни вредителем. Я не настроен так идеалистически. Люди есть люди, и как таковые руководствуются в своем поведении определенными стимулами. Самый стимул вырабатывается под воздействием целого ряда социологических и психологических фактов воспитания, образования, среды, происхождения, традиции, уклада личной жизни, уклада общественной жизни и т.д.

Вот почему думать, что вся та масса иностранных специалистов, которая приехала сюда, приехала только с одним настроением, конечно нельзя. Несомненно есть некоторые, которые приехали сюда и принесли с собой антисоветские настроения и, движимые ими, может быть больше вредят, нежели работают. Я далек от мысли не только утверждать, но даже предполагать, что таковых большинство. О нет, я думаю, что большинство, подавляющее большинство иностранных специалистов, которые находятся здесь у нас, честно и добросовестно работают. Одни работают добросовестно может быть в силу профессиональной честности – по-чиновничьи – они приняли на себя ряд обязательств и они их добросовестно выполняют. У других к этой степени профессиональной добросовестности примешивается вероятно значительная доля любопытства и интереса как к работе в новых условиях, в новом невиданном укладе жизни, с новыми темпами, и может быть они, наблюдая тот творческий подъем многомиллионной страны, которая иногда с лишениями для себя, с большим пафосом осуществляет и претворяет в жизнь идеи, которые являлись лучшим достоянием человеческого ума, как честные люди не могут не волноваться. Творческий подъем великого народа не может их не волновать. Я уверен, что есть некоторые, которые работают с не меньшим энтузиазмом, чем работает вся страна. Это – искренние друзья Советского союза, которые понимают, что тот идеал, которым живет, которым дышит Советский союз, это идеал общечеловеческий, что то общество, которое строится, оно неизбежно рано или поздно придет, оно будет жизнью всех.

При таком понимании работы иностранных специалистов, мне кажется, что здесь могут быть отдельные представители, которые действительно приезжают для того, чтобы больше может быть вредить, чем работать. В каждом конкретном случае это приходится точно учитывать. И мы видим, что привлечение к суду иностранных специалистов у нас составляет редчайшее исключение. Ведь вредительство как форма искусственного разрушения народного хозяйства, как форма задержки его развития нам хорошо известно по тем процессам, которые проходили раньше – это процесс «Промпартии», процесс меньшевиков, в особенности Шахтинский процесс.

Но случай привлечения иностранцев-специалистов – это редчайшее явление. Это объясняется не только осторожностью следственной власти, но главным образом тем, что иностранцы-специалисты в большинстве работают добросовестно, потому что в каждом отдельном случае, когда иностранный специалист перешагнул бы тот барьер, который именуется советским законом, он неизбежно был бы привлечен к уголовной ответственности – иностранное происхождение как и иностранное подданство иммунитета в этом смысле создать не могут. Это пора понять всем и каждому.

Отвлекаясь от этих общих положений и переходя непосредственно к персональной защите Монкгауза, естественно поставить вопрос: к какой же из этих двух категорий должен быть отнесен Монкгауз, к тому ли большинству, которое честно и добросовестно выполняет принятые на себя обязательства по тем или иным мотивам, или к тому печальному меньшинству, которое забыло эти обязательства и во имя может быть личных настроений работает недобросовестно, а иногда и преступно.

Вы слышали, товарищи судьи, что обвинение Монкгаузу предъявлено в полной мере того объема, который имеется в обвинительном заключении. Обвинение Монкгаузу предъявляется по всем тем трем основным линиям, которые характеризуются, как шпионаж, как вредительство и как подкуп.

С другой стороны, вы слышали отрицание Монкгаузом своей вины. У Прокурора Республики, когда было предъявлено обвинение Монкгаузу, он сказал: «Я не признаю себя виновным в шпионаже, я не признаю себя виновным во вредительстве, я могу признать себя виновным в соучастии во взятке».

Таким образом [имеются] две взаимно исключаящие себя концепции.

Наша задача, как сторон, заключается в том, чтобы представить вам соображения, подтверждающие ту или другую версию, а в горниле судебных прений в связи с теми материалами, которые имеются у вас, родится та правда, которую вы отразите в своем приговоре, и перед которой мы в молчании склоним свои головы. В такого рода делах вы понимаете, товарищи судьи, что у защиты нет простора для эмоционального пафоса. Поэтому высокоталантливости противника я противопоставляю тщательный, детальный, я бы сказал, буднично-разбор тех улик, которые выдвигаются против Монкгауза.

Я проведу эту персональную защиту, стараясь по возможности не нападать на кого бы то ни было. Скамья подсудимых тяжела для всех. Казенной мерки, измеряющей человеческие переживания, когда человек находится в несчастье, нет и сказать, кому труднее – невозможно. У меня нет нужды отягчать чью-либо участь, и я постараюсь этого избежать.

Что является основным базисом обвинения по настоящему делу? Это конечно не показания Кутузовой, это конечно не показания Олейника. Если бы даже их исключить – все равно основные черты обвинения остались бы в силе. Основным базисом обвинения является златоустовское дело. Такова моя точка зрения. Показания Гусева, показания Соколова, показания Макдональда, данные различными людьми, в различное время, взаимно дополняющие, взаимно подтверждающие друг друга, скрепленные бесспорностью фактов и экспертизой – вот та база, которая для нас, защитников, является убийственной в смысле уликовой борьбы.

Именно в Златоустовском деле особенно четко, особенно выпукло нашли отражение все основные линии обвинения: и шпионаж, и подкуп, и вредительство.

Вопрос о шпионаже всегда бывает очень спорным. Английский закон, о котором вчера говорил товарищ Вышинский, очень широко понимает шпионаж. А самое главное то, что центр тяжести там переносится не на объективные моменты, не на то, какую бумажку, какие сведения вы взяли, а на субъективные моменты: с какой целью вы это сделали. Поэтому здесь широта и простор в толковании очень большой.

Наш закон более справедлив в этом отношении. Наш закон в ст. 58-б учитывает объективные моменты. Ст. 58-б имеет, как известно, две части. В одной говорит о тайнах, специально охраняемых законом. В другой – о тайнах, которые не подлежат просто оглашению.

Это более справедливо. Я бы сказал, более человечно. И это не дает произвола личному усмотрению. Но с точки зрения этого более узкого закона тот шпионаж, который проводился на Златоустовской станции, не вызывает ни у кого никаких сомнений. Это есть именно шпионаж, потому что, если можно еще спорить о том, какого характера сообщались сведения экономического или политического, то всякому ясно, что когда вам сообщают, какие типы снарядов или какой тип авиационных моторов, или какова мощность для выработки военного снаряжения – совершенно бесспорно, это есть специально охраняемая государственная тайна.

Вот почему я говорю, что именно в этом деле, в Златоустовском деле, так выпукло и так четко обрисовались все три основные линии обвинения.

И тогда я позволю поставить перед собой риторический вопрос: допустимо, ли, возможно ли представить себе, чтобы один из самых действенных вредителей, возглавляющий по мысли обвинения организацию, не имел причастности к этой работе прямо или косвенно? Давайте посмотрим в этом случае показания людей, которые являлись живыми проводниками и шпионажа, и вредительства, и подкупа. Вам дали здесь показания Гусев, Соколов, Макдональд, с исчерпывающей полнотой, с исчерпывающей искренностью и пусть эта искренность будет лучшим доводом их защиты, без различия англичане или русские – они бичевали себя. И что же разве в этих указаниях, где они говорили не просто слова, а указывали факты, они упомянули хоть один раз имя Монкгауза?

Перед вами прошел Гусев, Соколов. Я поставил в упор вопрос: вы сказали от кого вы получали сведения, сказали, кому вы давали информацию, сказали у кого получали деньги, ну а непосредственно вы были связаны с Монкгаузом хоть когда-нибудь и в-чем-нибудь? И я получил отрицательный ответ. Может быть вы мне скажете, что это естественные опасения в отношении русских инженеров. Допускаю. Но ведь Макдональд свой сослуживец, Макдональд свой соотечественник, а я Макдональду поставил тот же вопрос и получил тот же ответ.

Товарищ Вышинский указал, что в одном из показаний Макдональд указывает, что Монкгауз являлся возглавляющим фирму и тоже участвовал в этой нелегальной деятельности. Это правильно, но нельзя забывать, что Монкгауз здесь на суде показал, что он думал, так [как?] предполагал, и это он сказал не только на суде. У меня имеются показания Макдональда, которые были даны на предварительном следствии лист 64-й, том XII, где он говорит: «Я считаю необходимым просить записать в протокол этого допроса, что все директивы и инструкции по шпионажу и организации аварий и порче машин я получал от Торнтонна. Считаю необходимым отметить в этом протоколе, что сведения шпионского характера передавались мною Торнтону, а последний передавал Интеллидженс Сервис».

Вот другое показание: “Признаю виновным в том, что эти преступления против СССР я проделал не только в соучастии с привлеченными мною русскими инженерами, но в соучастии с другими названными мною в ранее данных показаниях работниками фирмы «Метро-Виккерс»; непосредственно с Торнтоном предполагал участие в этой деятельности Монкгауз, Кушни, Ноэлль”.

Это он подтвердил и на суде. Но я поставил вопрос иначе. Там на месте, когда вы осуществляли свои вредительские планы, когда вели шпионскую работу, когда получали сведения, когда получали деньги, там имели ли вы какое-нибудь отношение, какое-нибудь касательство к Монкгаузу? Он отвечает отрицательно. А ведь не можем мы заподозривать Макдональда в пристрастии к своему соотечественнику, потому что Макдональд, показаниям которого я верю, сказал о Торнтоне, своем соотечественнике, что он ему передавал свои сведения и если он умалчивает о Монкгаузе, это не случайно. Я знаю, какое мне сделают возражение. Оно само напрашивается логически. Мне скажут: нужен ли был Монкгауз, когда имеется Торнтон, как посредствующая инстанция. Я этого вопроса коснусь специально, когда буду говорить и разбирать личные и деловые отношения между Монкгаузом и Торнтоном. Это самый опасный момент для Монкгауза. Я это знаю. Но сейчас позвольте коснуться только фактов.

Так обстояло дело на Златоустовской станции. Посмотрите вредительские действия на других станциях и вы, товарищи судьи, увидите ту же самую картину. Большинство давали показания, которым нельзя не верить. Некоторые из этих показаний даны были с такой внутренней экспрессией, что они подавляли своей искренностью. И что же? Ни в одном из этих показаний вы не встречаете имени Монкгауза. Для меня особенно важны, товарищи судьи, показания тех инженеров, которые работали на МГЭС и вот по каким основаниям. Олейник в одном показании сказал: когда меня Монкгауз послал на МОГЭС, он сказал – там есть группа инженеров, которые сочувствуют нашей фирме. А одного из них – Крашенинникова – он назвал – это «хороший парень» В субъективном восприятии Олейника это преломилось теперь как характеристика вредителя. Мне не важно, как это преломляется в субъективном восприятии Олейника, я буду считаться только с фактами.

Казалось бы, при этих условиях непосредственная связь с Монкгаузом тех, кто работает на [1-й] МГЭС и вредит там, должна была быть обязательно. Перед вами прошли подсудимые Зорин, Крашенинников и Сухоручкин. Разве они хотя бы одним словом, или одним намеком сказали о Монкгаузе. Разве они установили свою непосредственную связь с ним. А показания были очень сильные. Возьмите искреннее показание Сухоручкина, который буквально бичевал себя, страшное показание, убеждающее, и разве Сухоручкин, который пришел сюда и у которого произошел глубокий душевный перелом, пощадил кого-нибудь? Ведь он говорит о Торнтоне так же просто, с такой же искренностью, как говорит и о себе. Ваше дело верить или не верить его судебным показаниям, касающимся другого, но для меня важно то, что он вообще ни слова не сказал о Монкгаузе, так же как об этом не сказал ни Крашенинников, ни Зорин. Я еще прибавлю одно соображение. Если бы можно было говорить, что по занимаемой должности Монкгауз не выезжал часто в провинцию, то ведь МГЭС здесь рядом и все-таки вы не видите той связи, того касательства, которое естественно должно было быть у отдельных вредителей и Монкгауза. Ее нет. Это тоже случайность? Таким образом получается, что из всех тех вредителей, которые являлись живыми проводниками на местах тяжелых преступлений, мы не видим ни одного, который дал бы показание против Монкгауза.

Правда, есть один подсудимый, который дал показание против Монкгауза и я не обойду молчанием этой улики и коснусь ее – это показание Олейника. Я хотел бы подходить к показаниям, которые даются здесь с презумпцией известного доверия.

Прокурор охарактеризовал Олейника как человека, который страдает недержанием слова. Он много действительно наговорил, но мне важно не это. Отвлекаясь от всех тех субъективных настроений, которые давали возможность Олейнику много говорить, я коснусь только тех показаний его, в которых он указывает причастность Монкгауза. Следовательно правильно я поставил ему вопрос: скажите, Олейник, какие конкретно поручения шпионского, диверсионного характера вам давал Монкгауз? Позволю себе сделать одно общее замечание, касаясь показания Олейника. Олейник здесь заявил, и это бесспорно установлено, что до 1929 г. он имел дело с Монкгаузом. После 1929 г. перестал непосредственно с ним иметь деловые отношения и таковые установились между ним и Торнтоном. Я поставил далее вопрос: а до 1929 г. вы совершали какие-нибудь вредительские акты? Он ответил отрицательно, и это правда. Таким образом и в данном случае мы приходим к выводу, что в момент, когда Олейник имел непосредственное касательство к Монкгаузу, он вредительских актов не совершал. На поставленный следователем вопрос Олейник указывает два случая, в которых причастность Монкгауза безусловна.

Позвольте мне взять эти показания Олейника, не изменяя ни одного слова, я скажу больше, товарищи судьи, позвольте мне взять эти показания Олейника, доверяя ему.

Вопрос: Какие поручения шпионского и диверсионного характера вы получили от Монкгауза?

Олейник отвечает: В 1928 г., когда я ехал на Урал, мне было поручено узнать о состоянии Надеждинского завода, на который я ехал, и вообще о состоянии транспорта и промышленности на Урале.

Как расценивал Олейник такого рода поручения?

Ему задают следующий вопрос: «Расскажите, как вы были втянуты в работу по шпионажу?» Он отвечает: «Я в фирме работаю давно, вначале мне давали поручения о собирании сведений, в связи с заказами фирмы, и я считал, что в интересах фирмы я обязан был это делать. Это было в 1928 г. В 1931 г. мне было сказано Торнтоном, что нужно сведения доставлять о промышленности, транспорте и электростанциях, а в 1932 г. предложили шпионскую работу».

Что же получается?

В 1928 г. Монкгауз, провожая служащего своей фирмы Олейника на Урал, просит собрать сведения о состоянии промышленности и тот воспринимает это не как шпионские сведения секретного характера, а как сведения, необходимые для расширения заказов фирмы. Он так понял, а я скажу, их иначе понимать нельзя.

Возьмите в этом изложении показания Олейника, как он сказал, не изменяя и доверяя тому, что он показал, вы не увидите того, что могло бы подходить к первой части 56 статьи Уголовного кодекса. Но Олейник сказал и другое, более важное в своем показании.

Следователь его спросил не только, какие поручения были шпионского характера, но какие давались поручения диверсионного характера. На это Олейник ответил: «В части диверсий я от Монкгауза заданий не получал». Здесь он это подтверждает.

Олейник указывает не на один случай, а на два.

Второй случай я тоже не обойду молчанием, причем опять возьму показание Олейника, не изменяя ни одного слова и всецело доверяя его показаниям.

«На Штергрэсе, – говорит Олейник, – Монкгауз дал мне задание затянуть сроки, и турбины были сданы, в эксплуатацию без испытания, так как это фирме невыгодно».

Я представил вам письмо Олейника на имя фирмы, в котором сообщается, что главный инженер Виноградов требовал отсрочки испытания, говоря, что «те приборы, которые необходимы для испытания, еще не готовы».

Но если сделать худший вывод из того, что говорил Олейник, то и тогда мы будем иметь дело с коммерческой недобросовестностью, а не с уголовным, или контрреволюционным преступлением, подобным тому, которое мы сейчас разбираем.

Только такой я могу сделать вывод из показаний Олейника, из показаний, которые я целиком и полностью принимаю, не изменяя ни одного слова.

Перехожу к показаниям Кутузовой. Я не могу их обойти молчанием, поскольку они являются судебным аргументом, и в этом отношении я расхожусь с прокурором. Я бы и здесь хотел подойти к ним с доверием, с каким всегда стараюсь подходить к показаниям свидетелей и даже к показаниям подсудимых. Но я не могу этого сделать, я не могу признать показания Кутузовой достаточным судебным аргументом по двум основаниям.

Первое – Кутузова не дает никаких конкретных фактов. Кутузова говорит: «Я слышала», «я знаю», не указывая ни одного факта, который подтверждал бы ее показания.

Второе – в силу внутренних противоречий этих показаний. Ведь на чем зиждутся показания Кутузовой? На вопрос: «Откуда вы могли знать о вредительстве Монкгауза», она говорит: «По той степени доверия, которую ко мне питали Торнтон и Монкгауз. Я была их служащей, служила много лет, была их другом». Отсюда естественной кажется та степень исключительного доверия, о котором она говорит. Это верно, но тогда как же помирить с этим положением следующие ее показания, которые занесены в обвинительное заключение?

Позвольте зачитать. Вот показания. На листе 126, том XIX: «Уже в 1930 г. я стала замечать, что Торнтон, Кушни, Монкгауз, Макдональд и другие сотрудники представительства помимо дел, связанных с интересами и заданиями фирмы, занимаются еще какой-то нелегальной работой. У них происходили секретные беседы с какими-то советскими гражданами, они часто запирались в кабинете, вели секретные записи и так далее».

Разве эти показания Кутузовой свидетельствуют о той полноте доверия, о которой она говорит? Разве при том доверии, о котором она говорила, нужно было запирались в кабинете, вести секретные разговоры. Разве приходилось бы узнавать и выпытывать о характере секретных разговоров, разве об этом приходилось бы гадать? Как можно все это примирить? Но это не единственное показание. В другом месте гражданка Кутузова говорит: «Я предполагаю, что в своей шпионской работе Торнтон и другие работники представительства передавали сведения и подчинялись Ричардсу. Это я заключаю из того, что когда приезжал Ричардс, с ним вели секретные разговоры и кроме того фамилию Ричардс упоминали Торнтон и Монкгауз в своих секретных разговорах».

Позвольте еще привести одно ее показание: «Все вместе взятое заставило меня настоятельно относиться к их поведению. Я не оставила своей мысли проверить это более точно и подробно. Я выбрала удобный момент, когда Торнтон был особенно ко мне расположен, будучи сильно выпивши, и он мне сказал, что он не только работает у фирмы, но одновременно исполняет поручение «Интеллидженс Сервис».

Если возьмете это показание как судебный аргумент, и доверитесь ему, то речь идет не о Монкгаузе, речь идет о Торнтоне. Таким образом, при всем желании подойти с доверием к показаниям гражданки Кутузовой, я не могу, ввиду внутренних противоречий этих показаний, ввиду отсутствия конкретных фактов, подтверждающих эти показания, и сделать их судебным аргументом, который можно было бы положить за основу того или другого приговора, так же не могу. Кутузовой замыкается круг улики против Монкгауза. Я не исчерпал бы всего обвинительного материала, касающегося Монкгауза, если бы не коснулся показаний Торнтонна. Когда говорят о показаниях Торнтонна, естественно возникает вопрос, какие показания? Вы видели как Торнтон часто меняет свои показания.

Товарищи судьи, я всегда снисходительно отношусь к вибрирующим показаниям и настроениям подсудимых, может быть здесь сказывается инстинкт защитника, выработанный долгими годами адвокатской работы. Но эта вибрация меня, как судебного работника, заставляет к этим показаниям относиться с особой осторожностью. Какое показание Торнтон можно в данном случае взять? То, которое товарищем прокурором было возложено на его совесть. Это лучшая аттестация показания Торнтон, с которым можно на этом покончить. Когда мы говорим о Торнтоне применительно к защите Монкгауза, лучше поставить вопрос не о показаниях Торнтон, а вопрос более глубокий и более серьезный – о структуре личных и деловых отношений этих двух лиц, так как в этом вопросе скрывается самая большая опасность для Монкгауза.

Проследим эти отношения, основываясь исключительно на фактах. С 1911-го по 1918 год эти люди были связаны одной и той же работой в России. В 1918 г. оба они уехали из России через Владивосток. Один приехал в Месопотамию, другой с экспедиционным корпусом в Архангельск. После этого в 1924-м или в 1925 г. они снова поступают вместе на службу в одну фирму – один в качестве монтажного инженера, другой – заместителя, потом один стал уполномоченным фирмы, другой – монтажным инженером. Живут на одной даче. Какой вывод из этих фактов можно сделать? Вывод только один – здесь атмосфера подлинной дружбы, которая дает право сказать, что у этих людей не было друг от друга секретов. Когда Монкгауза спрашивают, он не скрывает своих дружеских отношений ни к Ричардсу, ни к Торнтону. При таком положении вполне логично поставить Торнтону и Монкгаузу вопрос: «Если вы так дружно жили друг с другом, если вас связывало долготное знакомство, одни настроения, которые заставили вас в 1918 г. бежать из Советской России, если у вас общность интересов, то не естественно ли предположить, что, давая информацию Монкгаузу, вы, Торнтон, передавали всю ту информацию, которую сами получали, а поскольку получаемые вами сведения по свидетельству Гусева, Макдональда и Соколова несомненно носят шпионский характер, то следовательно вы питали ими и Монкгауза. Единственный логический вывод.

И я понимаю, почему товарищ Вышинский, опытный судебный боец, не первый раз мы встречаемся с ним в зале суда и как он говорит, скрещиваем свои шпаги, почему он задал Монкгаузу только два вопроса, касающиеся шпионской деятельности: первый: «Вы сведения получали?» – «Да, получал сведения политического и экономического характера». «От кого получали – от Торнтон и Кушни?» Он сказал «да», и товарищ Вышинский на этом остановился.

Казалось бы этот вопрос нужно было продолжить – какие сведения, так как центр тяжести именно в этом. Но этого не было сделано, спрашивается, почему, потому, что естественно предположить, если Торнтон получал сведения, которые нам известны из показаний Гусева и Макдональда, и если он был так близок с Монкгаузом, что не было между ними секретов, то естественно логический вывод, что сведения, получаемые от Гусева, он целиком передавал Монкгаузу. Вот, где действительная опасность для Монкгауза.

Товарищи судьи, что сказать на это? Одним из основных начал уголовного права и уголовного процесса всех культурных стран и кодексов является персональная ответственность и персональная вина. Глубоко неправы те, кто в уголовном процессе создает круговую поруку и заранее ручается за всех, презумпировав их невинность. Эту позицию мы защищать не будем, она ложная в процессуальном смысле, а в государственном смысле не серьезная. Но если существует персональная вина и ответственность, то, при условии взаимной близости подсудимых, всегда возможно допустить одну психологическую ошибку, перенести впечатление с одного подсудимого на другого, именно в силу близких личных или деловых отношений, а иногда совместного пребывания в одном месте. Уголовная хроника знает такого рода тяжелые ошибки.

Вот почему я и считаю своим долгом предостеречь вас, товарищи судьи, от возможности такой ошибки. Применительно к взаимоотношениям Монкгауза и Торнтонна я должен сказать, что положение Торнтонна в процессе бесконечно тяжелое. Тяжелое потому, что при полном отрицании своей вины имеется целая пирамида улик объективного и субъективного порядка, которые оставляют впечатление полной виновности в тех обвинениях, которые ему предъявлены. Защитник Торнтонна товарищ Брауде говорил здесь, что против его подзащитного имеются показания русских инженеров, показания его соотечественника Макдональда, показания служащих фирмы и наконец показания самого Торнтонна.

Против Монкгауза нет этих улик, но зато есть близость большая к уличаемому Торнтону. Вот что меня заставляет опасаться за возможную небольшую ошибку в оценке действий Монкгауза, за возможную спутанность впечатлений. Это будет большая несправедливость, так как я легко могу допустить, товарищи судьи, что, сохраняя дружеские отношения, один изменился в своих собственных настроениях, а другой остался прежним. Я легко могу допустить и другое, что если Торнтон виновен, то он мог действовать за свой личный страх, за свой личный риск, даже в своем личном интересе.

Я говорил вам, что если делать судебным аргументом показания Кутузовой, то необходимо вспоминать о том, что Торнтон по ее показаниям непосредственно был связан с отдельными кругами в Англии. А вспомните девять тетрадей, о которых Торнтон сам показывает, что он увез их в Англию. Вспомните всю оплату за вредительство, которая проходила не здесь, и не через Монкгауза, а через Торнтонна. Вспомните признания в этой части самого Торнтонна, и тогда может быть вы согласитесь со мной, что у меня есть полное основание полагать, что Торнтон, если он действительно совершал преступления, действовал за свой личный страх, за свой личный риск, в своих личных интересах, потому что у Торнтонна и был личный интерес, если вспомнить его положение в дореволюционной России.

Я говорю, что у Монкгауза могло измениться настроение. В 1918 г. Монкгауз был в экспедиционном корпусе в Архангельске. Факт большого отрицательного значения. С тех пор прошло много лет. Мы живем в такое время, когда каждый год, прожитый нами, является эпохой, когда каждый год дает новый язык эпохи. И мы знаем, что за эти годы многие, которые с оружием в руках сражались против советской власти, пришли на поклон и раскаялись в своих преступлениях.

Монкгауз 20 лет живет в России. 9 лет приблизительно или 10 в Советской России и около 10 лет жил в царской России. Монкгауз, как умный человек, как человек с широким кругозором, не может не видеть, как изменился за эти годы облик нашей земли, как изменилось лицо деревни, как изменилось лицо наших полей. Он не может этого не видеть. В 1918 г. этого он не мог конечно заметить. Монкгауз по своей работе часто выезжал в деревню, выезжал в провинцию и он лично мог наблюдать за эти годы, как изменился облик страны. Он видел, что там, где раньше стоял трактир, сейчас школа или больница. Там, где раньше мужик деревянной сохой копал свою землю – сейчас проходит трактор и плуг. Там, где раньше были землянки, в которых как кроты жили те, кто производит все ценности – сейчас стоят рабочие дворцы и клубы. Там, где раньше были только кирпичные заводы – сейчас стоят гиганты.

Для него, человека умного, с широким кругозором – это не могло пройти незаметно. Это не Макдональд, который только что приехал из Англии и не знает условий быта и жизни дореволюционной деревни. У Монкгауза, который знает условия жизни царской России и советской, перед которым стоят эти две контрастирующие системы, преимущества последней не могли не создать известного психологического перелома.

И если он в 1918 г. участвовал в экспедиционном корпусе в Архангельске, то не забывайте, что он отказался от участия у Деникина. Если первое мы расцениваем, совершенно справедливо, как отрицательный факт, то второй – нужно расценивать, как факт положительный. Под этим углом зрения оцените улики, выставленные обвинением против Монкгауза, оставляя в стороне все то, что относится к его соотечественнику и сослуживцу Торнтону.

Я перехожу к взятке Долгову. Мы видели и здесь две версии, которые дал Монкгауз. Одна из них та, которую он дал на предварительном следствии, и которая сводится к тому, что он признает себя виновным: и в соучастии; в даче взятки. Теперь он говорит, что это были деньги, данные займы. Когда перед вами ставятся две версии, то естественно возникает вопрос о том, которая из них более жизненная и более убедительная. Если бы меня спросили, какая версия по моему мнению является более жизненной, то я сказал бы та, которую дал Монкгауз на предварительном следствии и вот почему. Заем без расписки, заем без возвращения денег, заем человеку, с которым не имеешь дружбы и родства, заем человеку, с которым находишься в деловых отношениях и от которого зависят рекламации или отвод для фирмы – очень подозрителен.

Я поставил Монкгаузу здесь вопрос – вы сами говорили, что нужно взять расписку, но ведь расписка взята не была. Вы говорили, что эти деньги должны быть возвращены, но они возвращены не были. Как же при этом условии в вашем сознании могло это отразиться? На предварительном следствии это отразилось у него как подарок. Пусть подарок, о словах спорить не будем. Но мы этот подарок расцениваем как взятку. Но если признать, что эта версия правдоподобна и жизненна, тогда необходимо помнить три следующие факта, которые устанавливают, какое отношение к этой взятке имел Монкгауз.

Первое – взятка была дана, когда Монкгауза не было в Москве. Торнтон дал ее без Монкгауза. Таким образом человек был поставлен перед совершившимся фактом. Второе – деньги были даны с личного счета Торнтон и третье – деньги были списаны Монкгаузом по распоряжению его начальника Ричардса.

Эти факты дадут вам возможность, в вашей совещательной комнате, при признании правильности этой версии, поставить вопрос, что здесь имеется соучастие, согласно 17-й статье Уголовного кодекса или недоносительство, если конечно вы не признаете в этой взятке контрреволюционного действия. В зависимости от юридической квалификации последуют и юридические последствия.

На суде Монкгаузом выдвинута другая версия – займа. В пользу этого может говорить только одно, что эти деньги были проведены по книгам. Но когда эти две версии ставишь честно перед самим собой, и когда учиываешь общие условия, при которых были даны эти деньги, то приходишь к убеждению, что более жизненной, более убедительной версией является та, которую Монкгауз дал на предварительном следствии.

Вот соображения, которые я хотел бы привести в защиту Монкгауза. Его дело очень сложное, улики серьезные, хотя и спорные. Это заставляет меня, как защитника, поставить перед вами вопрос о доказанности самого факта совершения преступления и я уверен, что вы на него ответите со всей тщательностью и осторожностью, которые присущи нашему суду. Ваш ответ отразит ту правду, которая родится в результате наших судебных прений и в результате рассмотрения всего материала, который имеется по настоящему делу.

Председатель. Слово имеет член Коллегии защитников товарищ Либсон.

Либсон. Товарищи судьи, мы подходим к концу портретной галереи обвиняемых, которые сидят на скамье подсудимых, и остается остановиться только на двух образах – инженера Котляревского и гражданки Кутузовой.

Заканчивая цикл речей выступавших защитников, я хотел бы предпослать персональной защите некоторые мысли об общем впечатлении, которое получается от выступлений и прокурора и моих товарищей по защите.

Получилось как будто бы так, что и все это дело, а за делом и прения сторон раскололись на две части. Имеются на скамье подсудимых обвиняемые англичане, имеются на скамье подсудимых русские и вполне понятно, вполне естественно, что в речи Прокурора Республики мы услышали такую мысль. Он, обращаясь непосредственно к защите, сказал: «Товарищи, предостерегаю вас, чтобы вы не увлекались тем, чтобы за спиной англичан не прятались обвиняемые из граждан СССР...»

Товарищ прокурор предупредил нас, защитников, о том, чтобы мы воздержались от этого легкого метода защиты. Но мои товарищи по защите в дальнейшем, выполняя возложенные на них обязанности, все же воспользовались этим методом. Все же в их речах, в их доводах сквозили возражения о том, что мы имеем на скамье подсудимых англичан, что мы имеем на скамье подсудимых русских.

Я бы сказал, что этого соблазнительного метода защиты не миновали и товарищи, которые защищали англичан. Так, например, из уст защитника Брауде, мы здесь услышали разговор о том, что, защищая русских, мои товарищи дошли до крайних пределов и мистических представлений, что как будто бы нам представлялось и грезилось, что эти англичане в каких-то сильных мистических образах давили на русских, и поэтому они совершали преступления. Но это конечно не так.

Неправ и товарищ прокурор, который предупреждал нас о том, чтобы мы не прятали русских за спину англичан. Неправ он хотя бы и потому, что сам он не сделал этой ошибки, потому что за спиной русских он не прятал англичан. Правы товарищи, защищавшие русских инженеров, которые не оставили в стороне весь тот материал, который давался действиями и поступками англичан и неправы конечно защитники, защищавшие англичан, которые говорили о том, что нас может увлечь эта идея. Мы, защитники русских, нет, здесь этот термин неправилен. Мы, советские защитники, прекрасно помним и понимаем, что Ричардс – не Мефистофель, что Торнтон – не Фауст и что русские инженеры – не Маргарита.

А прекрасно понимая это, мы помним и другое, что при судебном анализе всего материала, в результате которого должно последовать решительное слово самого высокого суда Союза, в анализе материала мы должны коснуться всего и не имеем права закрывать глаза ни на что. Нам все равно, англичанин ли это, другой ли национальности человек, нам важно: враг ли он или нет. И только с этой точки зрения мы будем рассматривать его действия, мы будем рассматривать значимость его действий.

Еще одну мысль, товарищи судьи, хотел бы я предпослать моей персональной защите.

Ведь вот здесь ряд моих товарищей уже останавливался на этой мысли, и я боюсь, что в моих устах она будет звучать несколько трафаретной. Задавались вопросы, о том, что влияло на действия наших подзащитных, что толкало их на эти преступления, и здесь, мне кажется, нужно ответить на два вопроса.

Первый – что это, исключительно только влияние Торнтона, Монкгауза, Макдональда и других, или быть может это субъективное настроение обвиняемых, быть может предпосылки для совершения преступлений живут в них самих, быть может они сами действительно вредители по своему внутреннему настроению, по своему миропониманию, по своим целям и установкам, тогда зачем говорить об англичанах?

И когда мы ставим вопрос так, тогда мы анализируем прошлое, тогда мы анализируем эти предпосылки, и когда мы приходим к выводу: да, старое довлеет, тени прошлого еще крепко держат в руках, люди не ушли от навыков прошлой жизни, их душе мило то, что было и то, что не вернется, тогда мы понимаем это преступное настроение, и тогда мы говорим, что англичане не являются первоисточником для них, и анализ действий этих Торнтонов, Монкгаузов и других не может истолковываться в смысле облегчения их участи, потому что они являются только их союзниками в этих вредительских действиях.

Но когда мы анализируем настоящее, когда мы заглядываем в душу наших молодых советских специалистов, когда мы изучаем их жизнь и видим, что этих предпосылок нет, тогда обязаны поставить вопрос о том, какие же причины, что толкнуло тебя на совершение этого преступления? И я считаю, товарищи судьи, что и этом месте мы подходим еще к вопросу огромной важности, огромной значимости, которому мы не можем не придать большого значения.

Когда присматриваешься к минувшим делам о вредительстве, когда видишь, что по этим делам проходит вереница лиц, убеленных сединой, лиц, у которых сложились убеждения, лиц, которые, так сказать, психологически совершенно отстоялись, тогда становится горько и больно и тогда думаешь о том, что это тяжелое явление нужно изжить какими-то иными путями. Но когда видишь, что вовлекается молодежь в эти преступления, тогда это особенно больно ударяет по нас, потому что ведь это молодежь, родившаяся и выросшая в советских условиях, являющаяся результатом нашей советской культуры, она особенно нам дорога, как все то, что создается всей нашей новой советской культурой.

Вот почему в этом деле особенно приходится проанализировать все соображения, все моменты для того, чтобы понять, как случилось то, что молодые специалисты в данном случае были вовлечены в эти преступления. И думается мне, что хорошей иллюстрацией для этого анализа является мой подзащитный инженер Котляревский. Вы посмотрите на его недолгое прошлое. Ему всего только 29 лет.

Родился он в трудовой семье. Из представленного документа мы знаем, что отец его, сейчас занимающий должность главного механика на заводе, имеет 44-летний трудовой рабочий стаж. Трудовая атмосфера, трудовая школа. И вы обратите внимание, что обвиняемый не прямо начал учиться в гимназии, в 1919-1920 г. там была еще гимназия, а сначала он учится в высшей начальной школе, стало быть он, как выходец из бедной трудовой семьи, в этом городке на Украине не имеет доступа в гимназию, и только по окончании этой школы он уже поступает в гимназию, а по окончании гимназии поступает в советский вуз. Таким образом мы видим, что нет социальных корней, нет этих предпосылок в семейном окружении, в силу которых у него могли бы сложиться антисоветские настроения. Эти корни чисто трудовые, чисто советские.

Итак, он кончает политехникум, он становится советским инженером. Ну что ж, быть может дальше судьба его слагается так, что он является неудачником? Что ему не удастся жизнь, и это порождает озлобление? Нет, этого мы не видим; он сразу поступает на Штеровку, и если проследите по его анкетным данным об его трудовом стаже, вы видите, что он сразу расценивается как хорошо подготовленный инженер. С 1927-го до 1931 г., начиная с рядового инженера, он кончает службу заведующим машинным залом. Стало быть человек продвигается, стало быть у человека не может быть озлобления, недовольства советской властью. Происходит маленькая заминка в связи с наводнением. Начинается следствие. У него отбирают подписку о невыезде. Дело кончается, с него снимается всякое обвинение, и он ничего не потерял. Переходит на службу в злосчастную для него Зуевку также в качестве ответственного инженера.

Таким образом, товарищи судьи, мы видим и потом, как протекала его карьера советского специалиста и инженера, мы видим, что нет никаких предпосылок, нет никаких моментов, которые могли бы его антисоветски настраивать.

Посмотрим дальше. Когда приезжает на Зуевку, то монтаж уже закончен. Обратите ваше внимание на это. Стало быть весь период монтажа, а мы знаем, что многие последствия диверсионного порядка связаны с самим монтажом, уже закончился и Котляревский, как инженер, не имеет к этому никакого отношения.

Приезжает в ноябре: до февраля работает спокойно. Когда приезжает в Зуевку, он застаёт уже здесь большую группу английских инженеров. Вы помните их перечень. Здесь находится и Макдональд и Корн, Эллиот, Вилькот, Агню. Здесь же работают Васильев и Фомичев.

С ноября по февраль мы не имеем никаких материалов, которые бы порочили Котляревского, как честного работника. Но вот подходит момент, который влечет за собой трагические последствия. Вы помните, как он рассказывает на предварительном следствии, что он подтвердил и здесь, он знакомится с Макдональдом, которому тоже 29 лет, который тоже молодой инженер. Они близко знакомятся. Они сначала сталкиваются по работе, потом это переходит в личную дружбу, они все больше и больше сближаются, Котляревский начинает посещать Макдональда на квартире, и Макдональд подтверждает, что Котляревский говорит правду. Завязывается тот узел, который впоследствии его губит. Он принимает займы 500 рублей.

Вот здесь, товарищи судьи, мы подходим к тому моменту, где необходимо, думается мне, остановиться на вопросе о том, что же это со стороны инженера Котляревского были действительно совершенно сознательно сделанные шаги навстречу Макдональду-вредителю, или же все сложилось так, что впоследствии Котляревский был поставлен в безвыходные психологические условия, и в силу этого низко пал и совершил те преступления, в которых он чистосердечно признается.

Я обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на этот момент предварительного следствия, где он рассказывает, как он получил займы 500 рублей, ему просто одолжили по товарищески, но когда деньги у Котляревского уже были в кармане, к нему через несколько дней обращаются с «невинной» просьбой достать чертежи. Он дает это обещание. А вот когда он приносит эти чертежи и когда вручает их, тогда ему выносят, без его просьбы, вторые 500 рублей. Что это? И когда, как он рассказывает, он начал отказываться, то этот добрый товарищ, милый, приятный английский инженер Макдональд, с которым было проведено столько вечеров на Зуевке за слушанием патефона, за сладким чаем, преображается, становится сухим и резко заявляет: «Вы понимаете, какие документы вы мне дали, вы за это получили деньги».

Котляревский уже должен 500 рублей, и его начинают шантажировать. Он не выдерживает, берет деньги и выполняет те скверные дела, о которых он сам так подробно здесь рассказывал. Этот момент шантажа, который несколько не зависит от того, кто Макдональд – немец, англичанин, русский, еврей, это испытанный метод, давно известный метод, когда при помощи такого шантажа, давая сначала займы, заставляют делать одолжение, на первый взгляд совершенно незначительное, заставляют вторично брать деньги, и этот путь ставит в трагическое положение, из которого выйти не хватило сил у Котляревского.

Конечно здесь можно было бы сделать очень просто, здесь можно было бы поступить, как Долгов – пройти в ОГПУ и прямо рассказать о создавшемся положении. У Котляревского не хватило сил, не сумел он этого сделать, проявил слабость.

Это начало, а впоследствии мы имеем его преступные действия, но свидетельствуют ли они о столь низком падении Котляревского, что действительно нельзя уже говорить о том, что нет никакой надежды на то, что Котляревский может вернуться в честную семью рабочего класса? Я думаю, что нет.

Давайте взглянем на дальнейшие даты, на дальнейшие поступки. Это было в феврале, апрель, май, июнь – время аварий. Он сознается в чем? Он сознается, во-первых, в том, что он активно не протестовал против лживых объяснений причин этих аварий, и, во-вторых, что сознательно бросил болт в турбину. Это было в апреле, мае, июне. В июле Котляревский бежит из этого страшного места – его не увольняют, он сам бежит. Он уходит в отпуск и не хочет возвращаться, не хочет возвращаться в это страшное заболоченное место, где он потерял свою честь, где он попал в эти страшные тиски. Это было в июле 1932 г., когда ничто из окружающего не давало оснований предполагать, что вот уже начали раскрываться преступления, все было тихо. Он сам уходит от этих преступлений, переходит в Оргэнерго на службу. После этого он едет в Казань, где он честно до ареста работает.

Товарищи судьи, я обязан сделать предупреждение о возражении, которое может возникнуть на мои доводы. Если бы Котляревский примкнул к этой преступной организации, если бы Котляревский совершенно потерял себя, если бы Котляревский считал, что он поврал совершенно с нашими советскими интересами, что он продался диверсантам, тогда конечно он не в Оргэнерго пошел бы и поехал бы работать, не в Казань, а поехал бы работать туда, куда ему показали бы агенты, туда, где работают агенты. А мы видим, что Котляревский работал там, где не работал ни один из всех диверсантов, которые сидят на скамье подсудимых.

Таким образом, товарищи судьи, по моему мнению, можно считать доказанным, что у моего подзащитного Котляревского в его прошлой жизни нет никаких предпосылок, в силу которых можно было бы говорить о том, что этот человек еще от прошлого принес в себе яд, и что поэтому не может быть никакой надежды на то, что он может исправиться; во-вторых, что в короткое время под давлением шантажа он примкнул и совершил преступные действия, в которых совершенно чистосердечно раскаялся, и, в-третьих, что совершенно добровольно сам бежал от этого страшного места, потому что его это тяготило, потому что он не хотел быть диверсантом.

Я полагаю, товарищи судьи, что исходя из этих трех предпосылок, вы и будете выносить Котляревскому свой приговор.

Товарищи, у нас в нашей жизни над всем довлеет наше социалистическое строительство. И вот все наши зодчие, все наши каменщики, которые принимают в этом строительстве участие, когда берут кирпичи, предназначенные для стройки, очень бережливо, хозяйственно смотрят на каждый кирпич: нет ли на нем трещины. И если эта трещина есть, они не кладут его в фундамент, не пускают его на облицовку, а откладывают его в сторону, чтобы использовать его в другой части стройки, и этот кирпич с трещиной, крепко спаянный цементом, будет полезен в нашем строительстве.

И я верю, что эта трещина у Котляревского временная, и что вы, как зодчие, как строители, не отбросите его, а бережно отложите.

Мне остается высказать свои соображения в защиту второй моей подзащитной – Кутузовой. Я и здесь принужден начать с возражений уважаемому товарищу прокурору. Я никак не могу понять эту трактовку Кутузовой, как легковесной барыньки, которая раскатывает на автомобиле из Перловки в Московскую контору, и в которой из всего того, что прошло здесь перед нами и на предварительном и на судебном следствии, вырисовываются черты человека, который в силу своих легких вкусов пошел на службу туда, где лучше одеваются, туда, где лучше кормят, там, где условия благоприятнее.

И здесь, товарищи судьи, я вас попрошу припомнить биографические черты из жизни Кутузовой. Я считаю, что из тех данных, которыми мы располагаем, вырисовывается совершенно другой образ. Ведь в течение 20 лет она трудится. Вы знаете, что она, тоже происходит из трудовой семьи, первое время занимается педагогической деятельностью, обладает знанием французского, немецкого, английского языков, все время работает, и мы видим, что ее труд расценивается очень высоко. Мы видим, что ни один год жизни у нее не проходит без этого труда.

Мы видим, что она, начиная с маленького, достигает высокого. Начав с машинистки в Волховстрое, она становится секретарем главного инженера Графтио. А когда кончается работа на Волховстрое, ее трудовая репутация настолько утверждена, что когда в «Метро-Виккерс» требуется сотрудник в качестве именно секретаря для главного руководителя фирмы, то очевидно по рекомендации этого Графтио и других сотрудников и наконец по непосредственным наблюдениям ее работы там, потому что англичане – Монкгауз и Торнтон – работали долгое время вместе с ней в течение целого ряда лет, приглашают именно ее.

Мне думается, было бы неправильным такое представление, что время Кутузовой в этой работе секретаря главного инженера фирмы «Метро-Виккерс» протекало, с одной стороны, только в том, что она крепко чувствовала блага, которые получала на своей службе и, с другой стороны, наблюдала за диверсионной деятельностью. У нее была большая работа в крупной фирме, которая разбросала своих сотрудников по целому ряду ГРЭС – на Зуевке, на Штеровке, в Челябинске, и в Баку. Она находилась в главном штабе, где сплетаются все нити, откуда исходят все распоряжения, охватывающие сотни трудящихся людей, и она являлась фактически управляющим делами. Она ведет всю переписку, она играет действительно главную роль в конторе как русская сотрудница, но мало того, она живет вместе с англичанами, у них огромное хозяйство, и она как секретарь конечно заведует этим хозяйством тоже. Вот как представляется мне образ Кутузовой. Это деловая женщина, которая действительно способна на большую работу и она эту работу вела.

И когда здесь ставится второй вопрос, вопрос о том, почему же Кутузова именно связана с работой иностранной фирмы, то я думаю, что этот вопрос возникать у нас не должен. Поскольку она долгое время работала в «Треугольнике», поскольку она владеет французским, немецким, английским языками, поскольку сталкивается с англичанами в Волховстрое, поскольку, имея в виду знание языка, ей очевидно приходится соприкасаться с этими иностранцами, вполне логично и нормально, что она идет на службу в «Метро-Виккерс», когда оттуда есть приглашение.

Я считаю, товарищи судьи, что моя подзащитная Кутузова в смысле ее трудового лица не оставляет никакого сомнения. А теперь надо поставить только два вопроса по делу Кутузовой и на них дать ответ.

Первый вопрос – говорит ли Анна Сергеевна Кутузова правду в своих показаниях, когда она рассказывает о том, что, по ее словам, ее уши слышали, глаза ее видели. Вполне естественно, что мои товарищи по защите, в отношении которых это показание играет роль оговора, потому что Кутузова является обвиняемой, а не свидетельницей, категорически возражают против того, чтобы вы доверяли тому, что она говорила.

Вот последний защитник Коммодов указывает на противоречия в показаниях Кутузовой и из этих противоречий делает вывод о том, что нельзя ей доверять.

Товарищ Коммодов здесь перед вами цитировал ее показания для обоснования своей мысли, но он или не договорил, потому что забыл, или потому, что нужно было забыть о других частях ее показания – о 3 000 Долгова, о которых она говорила и которые являются бесспорным фактом, о Макдональде, который все время был там и который являлся узловым во всей диверсионной работе, и наконец о посылке Гусеву, о которой тоже нет никаких сомнений.

Это, товарищи судьи, уже факты. Если, товарищи судьи, я остановился на этом небольшом вопросе, то остановился только потому, что в отношении Кутузовой здесь пытаются говорить так, что не верьте ей, она говорит неправду. А раз вы не верите ей, если она способна говорить неправду, тогда вы, пожалуй, не поверите ей и в той части ее показаний, которые чрезвычайно существенны для меня, как для ее защитника, потому что возникает второй вопрос, вопрос основной и главный: почему же Кутузова, советская гражданка, которая, начиная с 1927-го по 1932/33 год жила вместе с этими англичанами и наблюдала все то, о чем она впоследствии рассказала, почему же она не сказала об этом раньше?

Мы с вами знаем все материалы по делу. Мы прекрасно помним все, что Кутузова говорила на предварительном следствии, все, что показывала здесь, и помним ее слова о том, что близкая дружба с Монкгаузом, близкая дружба с Торнтоном создавала сложные психологически запутанные отношения. Наконец ведь это не шутка, человек был связан с ними в течение целого ряда лет, все это до известной степени психологически обязывало, и что поэтому ей решиться и совершить этот шаг, быть может, было и трудно.

Правы быть может и те товарищи, которые говорили и о специфических психологических переживаниях, свойственных ей как женщине. Быть может и здесь играет известную роль и эта психология. Все это так. И вы все это, товарищи судьи, в дальнейшем учтете.

Но для меня как для защитника Кутузовой чрезвычайно важно следующее: она вам говорит правду, и когда ее спросили об этом, она ничего не утаила и рассказала. И важно еще в отношении Кутузовой считать установленными следующие факты, в отношении которых я так же расхожусь с представителем государственного обвинения.

Ей предъявляют обвинения в том, что она являлась активной соучастницей, и что действия, в которых она принесла свою повинную, нужно толковать и трактовать как непосредственно активное соучастие.

А какие же факты? Вы посмотрите, как это жестко формулировано в обвинительном заключении. Ведь здесь говорится о том, что она систематически пересылала, выдавала деньги и так далее. А какими же мы располагаем фактами после того, как все это уже проверено на судебном следствии? Посылка от вымышленного адресата Иванова, направленная Гусеву. Посылка-взятка. Посылка, как теперь совершенно определенно и ясно мы знаем, связанная с диверсионными действиями Гусева. Но ведь это мы знаем сейчас. Сколько посылок проходило через ее руки. Конечно, она понимала, что это нелегальная посылка, потому что Макдональд сказал ей, что здесь должен быть вымышленный отправитель. Конечно она это понимала, но разве эту посылку, этот факт, можно рассматривать как активное соучастие во вредительских актах? Пусть приведут какие-нибудь фактические данные, из которых можно было бы сделать вывод о том, что она не только знала, она содействовала, активно содействовала хотя бы отдельным диверсионным актам? Разве она имеет хотя какую-нибудь непосредственную связь со всеми теми персонажами, играющими непосредственную роль диверсантов и шпионов, которые проходят здесь перед нами? Нет, товарищи судьи, нет ни одного – такого факта.

Когда моя подзащитная Кутузова давала свои показания, то она их формулировала так, что она сама являлась соучастницей, и в то же время добавляет, что она в свое время не сказала об этом. Но я, ее защитник, не согласен с такой юридической формулировкой, которую невольно дает она в своем фактическом изложении.

Она чистосердечно рассказывает о том, что видела, что слышала и что наблюдала, говорила о том, что она не нашла в себе решимости, чтобы своевременно об этом сообщить, рассказывает, как она мучилась при этом, как она обращалась к Торнтону и другим, прося, чтобы не вовлекали ее в это дело. А ведь мы должны дать совершенно точную юридическую формулировку, потому что вам придется судить по определенной статье закона, потому что вам придется решать вопрос о мере социальной защиты.

И я настаиваю перед вами, товарищи судьи, что в действиях Кутузовой нет соучастия, нет того, что предусмотрено в обвинительном заключении, а есть недоносительство, о чем говорится в 58 статье со знаком 12, потому что нет абсолютно ни одного факта, который бы говорил об ее активных: действиях, который бы говорил о ее непосредственном участии. Это есть типичное недоносительство, которое так же подлежит определенным наказаниям, которое сформировано в своем содержании, как недоносительство о достоверно известных контрреволюционных преступлениях.

И моя просьба, товарищи судьи, когда вы будете разрешать вопрос о судьбе Кутузовой, вы поставьте перед собой вопрос о 58-й со знаком 12, а когда вы будете в разрезе этой 58 статьи со знаком 12 обсуждать вопрос, какое ей наказание дать, то не забудьте о том трагическом положении, в котором она находилась в течение долгого времени, когда она в качестве недоносительницы, и только недоносительницы, носила в себе эту страшную тайну, когда она была в этих запутанных психологических сетях, порвать которые не находила в себе силы, вы конечно понимаете, что те мучительные переживания, которые выпали на ее долю, являются для нее тяжелым переживанием, тяжелым наказанием, и исходя из этого, дадите ей возможность вернуться к трудовой жизни.

Заканчивая свою защиту, товарищи судьи, позвольте мне в заключение высказать одну мысль.

Многие обвиняемые, которые сидят здесь на скамье подсудимых, чистосердечно рассказали о том, что они делали. Из их рассказов рисуется картина тяжких преступлений. Но можем ли мы, товарищи судьи, забыть о том, что сейчас 1933 год? Можем ли мы, товарищи судьи, забывать о том, что если Монкгауз приехал к нам в Россию, проживая долгое время, до 1933 г. включительно, очевидно забыл о том, что Москва 1933 г. – это не Архангельск 1919-1920 г., то мы-то прекрасно помним, что в 1933 г. все эти преступления, в которых обвиняются и Гусев, и Лобанов, и Котляревский, и Макдональд, все они относятся ко времени, после которого прошло 5 лет, с 1928-1929 г. Когда мы идем действительно такими громадными шагами вперед, когда с каждым годом крепнем, тогда, прав товарищ прокурор, нам не страшны эти диверсионные действия, а если это так, то конечно мы имеем и право и возможность, хотя и суров закон 14 [от] марта, который требует особого сурового подхода к разрешению вопроса об ответственности государственных служащих, поставить перед собой вопрос о том – смерть или жизнь в ответ на действия этих диверсантов.

У истоков русской истории стоит легенда о том, как предки обратились к варягам и сказали: «Земля наша велика и обильна, приходите и владейте нами». Много воды утекло с тех пор много испытал русский народ – он знал татарское иго, он знал немецкие шпицрутены, он знал и другие влияния, при помощи которых царская власть укрепляла свой трон. Все это рухнуло, и сегодня – в 1933 г. – земля наша также «велика и обильна», но мы никого не приглашаем владеть нами, нам не нужны варяги, и грустно разочарованный варяг стоит у границы, тот варяг, который чувствует себя в истории безработным и который с вожделием смотрит на бесконечные нефтяные вышки, на дымящиеся фабричные трубы, что растут с каждым днем, на могучие ГЭС [(государственные электрические станции)], что бросают новые яркие электрические снопы света на нашу развивающуюся советскую стройку.

И грустно становится варягу, когда он видит на нашей границе вооруженного красноармейца. Варяг с глубокой ненавистью смотрит на наше ГПУ, а оно стоит крепко и не дает врагу прохода, а если кто проскользнет, возьмет за ушко и на солнышко. Всякие диверсии, всякие выпады, всякие попытки к выпадам бессильны и вызывают только злобу.

Мы остаемся с глубокой верой в то, что мы делаем правое дело и там – за рубежом – лучшие умы, чистейшие души, как Ромэн Роллан, Бернард Шоу и другие, которых сотни и тысячи, все трудящиеся и рабочие, они с нами, они верят в наше великое дело, и мы только на них ориентируемся, только на тех, кто действительно понимает нас, на тех, кто с нами. И вот, товарищи судьи, с глубокой верой, что мы делаем правое дело, с глубокой верой в победу этого правого дела, в то, что мы крепки и непобедимы, прошу вас перед лицом сурового закона поставьте перед собой вопрос: что же смерть или жизнь обвиняемым. Я как защитник прошу вас о том, чтобы по данному делу не было смерти!!!

Председатель. Прокуратура желает воспользоваться правом реплик?

Вышинский. Нет, не встречается в этом необходимости.

Председатель. Приступаем к последним словам.

Подсудимый Гусев, желаете воспользоваться последним словом?

Гусев. Да. Граждане судьи, я рассказал о тех преступлениях, которые я совершил. Здесь на суде я снова с особенной остротой и силой пережил всю тяжесть этих преступлений. Я прошу суд поверить искренности моего признания и раскаяния и дать мне возможность дальнейшей честной, действительно честной работой загладить мои преступления и исправить тот вред, который я причинил государству. Я здесь даю слово, что всю свою остальную жизнь я посвящу честной работе, которая будет направлена к исправлению того зла, которое я причинил.

Председатель. Подсудимый Соколов.

Соколов. Я вполне признал тяжесть всех преступлений, которые мною совершены. Я пережил и на предварительном следствии и здесь на суде всю тяжесть этого. Я даю обещание, если мне будет дана возможность исправить свои ошибки, я честным трудом на пользу социалистического отечества докажу свою преданность рабочему классу и заглажу свои преступления в моей дальнейшей жизни, если она мне будет оставлена.

Председатель. Подсудимый Макдональд.

Макдональд. Я признаю себя виновным и ничего больше не могу добавить.

Председатель. Подсудимый Зиверт, желаете вы воспользоваться последним словом?

Зиверт. Граждане судьи, я здесь дал вам показания о том, что я как рабочий нанес преступление своему классу. Но как вам известно, в то время, когда Торнтон занимался в высшем учебном заведении Лондона, я был пастухом. Я хочу честной деятельностью оправдать мое преступление. Я чувствую, что я убил свою семью и убил самого себя. Мне очень горько приходится это переносить. Надеюсь, что суд это учтет и даст возможность эту вину искупить.

Председатель. Подсудимый Котляревский. Желаете вы воспользоваться последним словом?

Котляревский. Граждане судьи, те преступления, которые я сделал, очень тяжелы. Я рассказал все, что я сделал. Я глубоко раскаиваюсь в этих преступлениях. Я прошу суд дать мне возможность честной работой загладить эти преступления, и если мне эта возможность будет дана, то я обещаю все свои силы и все свои знания положить на то, чтобы эти преступления загладить.

Председатель. Подсудимый Кушни, желаете вы воспользоваться последним словом?

Кушни. Я хочу говорить по-английски.

Председатель. Пожалуйста.

Кушни (перевод). После того, как я сегодня заслушал очень умелую защиту своего защитника, мне очень мало что остается сказать. Мой защитник разбил вдребезги построенное государственным обвинением против меня обвинение. Я все время настаивал на том, что я не виновен и во время процесса не было представлено ни одного кусочка настоящего доказательства моей вины. Независимо от того, каким будет приговор, я уйду из этого суда честным человеком, таким, каким я пришел сюда.

Председатель. Подсудимый Лобанов, вы желаете воспользоваться последним словом?

Лобанов. Граждане судьи, я как на предварительном следствии, так и здесь на суде старался возможно подробнее показать как тяжесть всех содеянных мной преступлений, а также и свое жизнеописание. Об этом я не хотел бы больше говорить. Единственная просьба у меня к суду – дать мне возможность исправиться и остаток своей жизни употребить на дело великой стройки, на цели и задачи великого пролетарского государства, на дело построения социализма.

Я даю слово, что если мне будет позволено, я буду остатки своей жизни, поскольку мне позволят здоровье и возможности, употреблять на проведение тех великих задач, которые поставило перед собой советское государство. Я просил бы так же учесть ту среду, которая во мне воспитала нехорошие наклонности, а так же учесть то, что мне еще не так много лет, и что я являюсь преступником, которого можно исправить и который может исправиться.

Председатель. Садитесь. Подсудимый Нордволл.

Нордволл. Я хочу говорить на английском языке.

Председатель. Пожалуйста.

Нордволл (перевод). Для меня очень больно было слушать речь государственного обвинителя. Я такой человек, который интересуется исключительно своей работой и всегда старается работать добросовестно. Я всегда поддерживал интересы, планы строительства СССР и сделал все зависимое от меня, чтобы помочь выполнению этих планов. Моя частная жизнь в России была посвящена исключительно моей семье, я жил среди русских людей. После тех показаний, которые я выслушал на суде, и после той справедливости, которая мне была оказана в ГПУ, после моего ареста я, как я уже ранее указал, всегда был другом Советского союза и считаю, что суд имеет в своем распоряжении документальные доказательства этого. Я уверен, что суд может вынести только один приговор – это приговор оправдательный, а не обвинительный. И в настоящий момент я остаюсь другом Советского союза и не боюсь это сказать даже в присутствии всех представителей прессы.

Председатель. Подсудимый Лебедев?

Лебедев. Граждане судьи, я признаю в своей тяжелой вине и даю обещание, перед Верховным судом, если суд даст мне возможность, загладить мои преступления.

Председатель. Подсудимый Торнтон.

Торнтон (перевод). С начала этого процесса я не признал себя виновным, и сейчас я тоже настаиваю на своей невиновности. Я утверждаю, что показания, фигурирующие здесь против меня, не заслуживают доверия. Это все, что я хочу сказать.

Председатель. Подсудимый Зорин?

Зорин. Граждане судьи, я просил бы при наложении мер взыскания учесть то обстоятельство, что на первом же допросе я признал полностью всю вину и просил бы в дальнейшем учесть, что, если мне будет предоставлена возможность в будущем, я могу принести еще пользу Советскому союзу на строительстве социализма.

Председатель. Подсудимый Сухоручкин.

Сухоручкин. Я полностью признаю тяжесть совершенных мною преступлений. Как при первоначальном допросе, так и здесь на суде, я принес чистосердечное раскаяние, и это последнее дает мне возможность просить суд, чтобы он дал мне возможность использовать свой опыт и свои знания, загладить свою вину и стать честным советским гражданином.

Председатель. Подсудимый Монкгауз?

Монкгауз. (перевод). К тяжелым обвинениям, которые выдвинуты против меня, во вчерашней речи государственный обвинитель прибавил еще одно обвинение, которое я считаю весьма серьезным. Может быть это было сделано не официально, но тем не менее, он прибавил одно весьма тяжкое обвинение в том, что он обвинял меня в намеренном обмане британского правительства, который содержался в информации, данной мною после освобождения с Лубянки. Это несправедливо по отношению ко мне. Я не сделал ни одного заявления, расходящегося с фактами, за исключением разницы в часах, которую я могу объяснить лишь тем обстоятельством, что по-видимому со мной особо внимательно обращались, когда я был в тюрьме. За условия, в которые я был поставлен, я должен поблагодарить, но они ввели меня в заблуждение, ибо на стенке моей камеры было вывешено объявление о времени раздачи пищи и о других правилах, и эта надпись была для меня единственной возможностью судить о времени.

Государственное обвинение так же обвиняет меня в том, что я дал неправильные сведения о количестве людей которые меня допрашивали. Я утверждал, что меня допрашивали три человека, и я до сих пор это утверждаю. Я могу этих людей назвать, но в этом нет надобности.

Государственное обвинение так же утверждает, что мне было дано время для принятия пищи. Не подлежит сомнению, что это была прекрасная пища, привезенная извне, но нужно так же сказать, что я не оставался один при принятии этой пищи. Одно из главных лиц следовательской части вместе со мной обедало и меня нельзя уверить в том, что имевшие место во время совместных обедов беседы не являлись частью моего допроса.

Я хочу сделать эти замечания, потому что меня сильно затронули утверждения государственного обвинения, будто бы я ввел в заблуждение представителя правительства его величества в Москве.

Теперь в отношении тех обвинений, которые против меня выдвинуты. Первое обвинение, это обвинение в шпионаже. Единственной серьезной уликой, которую я вижу против себя, в доказательство моего обвинения в шпионаже, является документ, который здесь фигурирует под № 26 и подписан мистером Торнтоном.

Я хочу сказать, что я знаю мистера Торнтон в течение последних 22 лет и я полностью уверен, что он не способен подписать подобный документ добровольно. Этот документ содержит фамилии 27 лиц. Все они обвиняются Торнтоном в том, что они состоят членами шпионской организации. Один из этих людей признал, что он связан с мистером Торнтоном. Четыре человека это не признали и я полностью убежден, что остающиеся 22 человека так же не признали бы себя причастными. Я считаю, что в любом суде я буду прав, если скажу, что такой документ не считается доказательством. Наконец по обвинению в шпионаже. Я отрицаю, что я проявлял какие-либо шпионские действия. Я понимаю шпионаж как собирание секретной и государственной информации, и этим я не занимался.

Второе обвинение было против меня – это обвинение во вредительстве. Выдвигая это обвинение, государственный обвинитель весьма удивил меня своим заявлением, что якобы интересы моей фирмы и интересы советского правительства противоположны друг другу. Это не так и не может быть так.

Я бы просил суд помнить, что советское правительство в настоящее время должно нашей фирме 15 миллионов золотых рублей, 1½ миллиона фунтов, и фирма надеялась получить дальнейшие заказы.

Председатель. Этот вопрос не касается судебного рассмотрения. Гражданские взаимоотношения мы на этом суде не рассматриваем.

Монкгауз (перевод). Тот вывод, который я хочу сделать из этого: мы подрубили бы сук, на котором сидим, если бы вздумали заниматься вредительской работой, которая подрывала или ослабила платежеспособность Советского союза.

Я очень гордился последние 8 лет своим участием в огромном развитии электрификации в СССР. Я гордился и очень гордился тем, что я был связан с такими людьми – как нынешний глава Главэнерго и Главэнергопрома и других таких же учреждений. Я всегда делал все от себя зависящее, чтобы помочь в этой работе. Я естественно гордился тем, что я связан; с этой работой. Поэтому для меня неприятно, что меня можно каким-нибудь образом обвинить в том, что я связан с вредительством в этой области. Инженеры, строящие сооружения такого характера, рассматривают их, как свои собственные детища, я еще не знаю того родителя, который согласился бы заколоть свое собственное дитя.

Третье обвинение против меня – это обвинение во взяточничестве. Я лично никогда не давал взятку, никогда в жизни, и никогда не буду их давать. Прокурор сделал вчера одно замечание, которое я хотел бы здесь вспомнить. Он говорил, что московское отделение нашей фирмы имело плохую традицию тогда, когда я взял на себя руководство этим отделением. Это неправильно, ибо не было Московской конторы к тому времени, когда я был назначен уполномоченным.

Все мои конторские книги уже были рассмотрены прокуратурой, все мои частные дневники последних 9 лет так же были просмотрены в ГПУ, все мои личные и частные расходные счета последних 8 лет так же были в руках ОГПУ и так как мне ничего не сказали, то я представляю себе, что там не нашли ни одной цифры, которая указала бы на какое бы то ни было взяточничество. Я не хочу быть обвиненным во взяточничестве, так как это против моих принципов.

Я не имею ничего больше прибавить кроме того, что я стою сейчас здесь перед вами абсолютно невиновный во всех обвинениях, которые против меня выдвигаются.

Председатель. Подсудимый Крашенинников.

Крашенинников. Я взял последнее слово не для того, чтобы оправдаться перед пролетарским судом, а для того, чтобы просить суд учесть то обстоятельство, что я уже в конце 1932 г. отошел от вредительства. Поэтому при первом же моем допросе в следственных органах ОГПУ я во всех своих тяжелых преступлениях сознался, полностью политически разоружился там, я полностью политически разоружился и здесь.

Олейник. В первый же день моего ареста я признал все те преступления, которые были мною содеяны и всю свою вину, а также и сознал ее. Я повторял это и на следствии и сейчас повторяю. За это время я очень много передумал. За время ареста я передумал больше, чем за предыдущие 15 лет. Много, что для меня было неясно, и что представлялось в другом свете, теперь я вижу иначе. И поэтому мои отношения изменились. Я работаю 40 лет. С 11 лет я начал работать и только в течение очень короткого промежутка времени, а работал я нужно сказать честно, только в последнее время свернул на преступный путь. Если мне будет дана возможность опять работать, то это будет все, что я хочу. Больше ни о чем я не мечтаю. Работа – это есть единственная цель и утешение моей жизни.

Председатель. Подсудимая Кутузова?

Кутузова. Граждане судьи, я происхожу из трудовой семьи и с 16½ лет живу исключительно на свой заработок, которого мне всегда хватало не только на содержание себя, но и на помощь моим многочисленным родственникам.

Я работаю больше 20 лет и из этих 20 лет я 10 лет состояла на государственной службе, между прочим на Свирьстрое, Волховстрое, где за свою честную и добросовестную работу, я, единственная из женщин-служащих, получала персональную ставку.

Но независимо от материального положения я никогда и никому себя не продавала. Анну Сергеевну Кутузову купить нельзя. Это знают все, и никто даже не пытался это делать, а тем более за духи, пудру и помаду, которые мне вчера ошибочно приписал гражданин прокурор Верховного суда. Даже состоя на государственной службе, я имела эти духи и пудру и в дальнейшем я не собираюсь отказываться от этих вспомогательных средств в своей жизни. Я еще добавлю, что работая на Волховстрое, я также покачивалась на мягких подушках, но только не автомобиля Бьюик, а Паккард.

Гражданин прокурор так же поставил мне в вину, что у меня было особое желание поступить в английскую фирму. Он прав, у меня это желание действительно было, но это желание было вызвано тем, что я сильно издергалась и физически устала от непосильной дневной, вечерней, а иногда и ночной работы на Волховстрое и хотела немного отдохнуть. А почему я выбрала английскую фирму – вполне понятно, потому что в это время у меня были знакомые только представители английской фирмы, а кроме того немецкая и французская нации мне были менее по душе.

Но и поступив в представительство фирмы «Метро-Виккерс», я продолжала так же честно и добросовестно работать, и никто из знающих меня не посмеет мне бросить в лицо, что я не внесла своего посильного дела в дело выполнения первой пятилетки. Я беру на себя смелость и даже дерзость сказать суду и следствию, что я может быть сделала больше, чем многие из русских граждан, которые кичатся тем, что у них на шее имеется ярлык советских государственных служащих.

Я никогда не была и не буду врагом советской власти, но я знаю, что вина моя велика и она тоже имеет свои объяснения. Как я говорила уже суду, из 6 лет моей работы в фирме «Метро-Виккерс» я 4 года почти неразлучно и тесно прожила в английской среде и впитала в себя все их привычки, их взгляды на нашу страну. И мне другого выхода и не было, и я об этом тоже уже говорила. Только потому, что я работала в иностранной фирме, мне никто не сдавал комнату в Москве. Только потому, что я работала в иностранной фирме, от меня отвернулись русские граждане и знакомые и друзья. А те два-три лица, с которыми мне по необходимости приходилось иногда встречаться, тоже боялись меня и наверное после моего визита не спали ночами, а на другой день ставили свечи святому Серафиму, чтобы предотвратить беду от визитов этой роковой Анны Сергеевны.

Такова была моя жизнь. И поэтому я действительно крепко и плотно сдружилась с англичанами и в силу этой дружбы совершила большую ошибку, то есть дала слово никогда и никому не раскрывать дело шпионской диверсионной группы, которое разбиралось на этом процессе и на котором я попала на скамью подсудимых.

Я даже не ставлю себе в заслугу то, что поставил гражданин прокурор Верховного суда, что я на первом же допросе на другой день рассказала честно, что знала по этому делу. Это не слишком большая заслуга. Я знаю, что вина моя все-таки остается такой же тяжелой, что я переступила порог гражданского долга, признаю себя виновной, но надеюсь на справедливость пролетарского суда.

Председатель. Суд удаляется на совещание для вынесения приговора. В 15 часов 35 минут.*

* Итак, ГПУ раздуло из «вредительства» (а, на самом деле, из многочисленных аварий, которые происходили в том числе из-за того, что большевики насильствовали энергетиков и технику на электростанциях – стране для индустриализации нужна была как воздух электроэнергия) масштабный политический процесс, с примешиванием сюда экономического и военного шпионажа. Вся эта туфта сквозит кстати через выступления защитников которые позволяли себе корректно не соглашаться с грозными обвинениями А.Я. Вышинского.

НОЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 19 апреля 1933 г. 1 час.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Объявляется приговор специального присутствия Верховного суда СССР.

Именем Союза Советских Социалистических Республик Специальное присутствие Верховного суда Союза ССР в составе: председателя Ульриха В. В. членов – Мартенса Л.К. и Дмитриева Г.А., запасного члена – Зеликова А.В. при секретаре – Костюшко А.Ф.

с участием государственных обвинителей: прокурора РСФСР Вышинского А.Я. и его заместителя Рогинского Г.К.; защиты: членов Московской коллегии защитников – Брауде, Смирнова, Коммодова, Лидова, Долматовского, Шварца, Пинеса, Казначеева и Либсона в открытых судебных заседаниях 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18 апреля 1933 г. рассмотрело дело по обвинению:

1. Гусева Василия Алексеевича, 35 лет, уроженца г. Пензы, холостого, с высшим техническим образованием, государственного служащего, не судившегося, бывш. начальника Златоустовской электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

2. Грегори Альберта Вильяма, 52 лет, уроженца Англии, женатого, с высшим техническим образованием, английского подданного, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

3. Зиверта Юлия Ивановича, 50 лет, государственного служащего, уроженца бывш. Курляндской губернии, слесаря, с низшим образованием, не судившегося, бывш. мастера по монтажу трансформаторов и масляных выключателей на Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

4. Зорина Николая Григорьевича, 59 лет, уроженца г. Москвы, с высшим образованием, по специальности инженера-механика, женатого, не судившегося, государственного служащего, бывш. старшего инженера тепловой группы Мосэнерго, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

5. Крашенинникова Михаила Дмитриевича, 35 лет, уроженца села Новое, бывш. Владимирской губ., с высшим образованием, государственного служащего, по специальности инженера-электрика, не судившегося, бывш. начальника ремонтного монтажного отдела 1-й Московской городской электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

6. Котляревского Моисея Львовича, 29 лет, уроженца Бобринец, Зиновьевского округа, с высшим образованием, государственного служащего, по специальности инженера-механика, не судившегося, женатого, бывш. заведующего турбинным цехом Зуевской государственной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

7. Кутузовой Анны Сергеевны, 37 лет, уроженки г. Ленинграда, со средним образованием, не судившейся, бывш. секретаря уполномоченного иностранной формы «Метрополитен-Виккерс» в СССР, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

8. Кушни Джона, 35 лет, уроженец г. Иоганнесбурга в Африке, акционера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», английского подданного, с высшим образованием, бывш. офицера британской армии, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

9. Лебедева Вячеслава Петровича, 52 лет, государственного служащего, уроженца г. Иваново-Вознесенска, со средним образованием, бывш. старшего унтер-офицера царской армии, женатого, бывш. мастера Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

10. Лобанова Александра Тимофеевича, 35 лет, государственного служащего, уроженца Владимирской губ., слободы Старопашенная, сына заводчика, с высшим техническим образованием, женатого, не судившегося, бывш. начальника эксплуатационного отдела Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

11. Макдональда Вильяма Лионель, 29 лет, уроженца г. Лондона, сына инженера, с высшим техническим образованием, английского подданного, холостого, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

12. Монкгауза Аллана, 46 лет, уроженца г. Статфорд в Новой Зеландии, сына фермера, бывш. капитана инженерных войск британской армии, с высшим техническим образованием, женатого, английского подданного, работавшего в СССР в качестве уполномоченного английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

13. Нордволла Чарльза, 31 года, уроженца г. Берлина, сына инженера, с высшим техническим образованием, женатого, английского подданного, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

14. Олейника Петра Еремеевича, 52 лет, уроженца хутора Перекрестовщица, бывш. Полтавской губ., со средним образованием, женатого, не судившегося, старшего монтера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

15. Соколова Василия Андреевича, 33 лет, государственного служащего, уроженца села Аскино Бирского района БАССР, сына кустика, со средним техническим образованием, по специальности техника-электромеханика, женатого, не судившегося, бывш. помощника начальника электростанции Златоустовского завода, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

16. Сухоручкина Леонида Александровича, 39 лет, государственного служащего, уроженца станицы Новопавловской Северокавказского края, сына торговца, с высшим образованием, по специальности инженера-электрика, женатого, не судившегося, бывш. начальника эксплуатационного отдела 1-й Московской городской электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

17. Торнтон Лесли Чарльза, 45 лет, уроженца г. Ленинграда, сына фабриканта, английского подданного, женатого, с высшим образованием, не судившегося, старшего монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

Данными предварительного и судебного следствия Специальное присутствие Верховного суда Союза ССР установило следующее:

В течение ряда лет на крупных электростанциях Союза ССР—на электростанциях, входящих в систему Мосэнерго, Златоустовской, Челябинской, Ивановской, Бакинской и других имели место систематические аварии отдельных котлов, моторов, турбин, генераторов и т.д., выводившие их из строя на более или менее длительные сроки и понижавшие мощность электростанций.

Образованная в стадии предварительного следствия и вызванная в судебное заседание специальная техническая экспертная комиссия на основе представленных ей данных пришла к заключению о наличии во всех обследованных случаях аварий либо преступной небрежности, либо прямого вредительства со стороны технического персонала, обслуживавшего перечисленные станции.

На основе прошедшего перед судом материала судебного следствия суд устанавливает, что причиной указанных аварий была вредительская деятельность контрреволюционных групп, состоявших из государственных служащих электростанций, в большинстве из высшего технического персонала, действовавших в соучастии с некоторыми служащими частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», работающей в СССР по договору с Народным комиссариатом тяжелой промышленности об оказании технической помощи.

I. Вредительство на Златоустовской электростанции

1. Начальник электростанции, государственный служащий Гусев В. А., бывший доброволец колчаковской армии, поставив себе целью нанесение урона государственной промышленности и обороноспособности СССР, совместно с государственным служащим, своим помощником Соколовым В.А. и рядом других лиц, дела о которых выделены в особое производство:

а) систематически выводил из строя в течение 1931 и 1932 годов мотор в 1 400 л.с., приводивший в действие крупносортовый стан прокатного цеха Златоустовского металлургического завода, в частности путем введения куска железа в междужелезное пространство с целью приостановить выпуск снарядов и снарядных заготовок. В результате одной из таких аварий снарядные цехи не работали полтора месяца;

б) в конце 1931 г. заморозил котел № 8 для ослабления котельного хозяйства электростанции;

в) в конце того же 1931 г. вывел из строя углеподачу № 1 путем закладывания металлических предметов между зубьями зубчатой передачи, в результате чего была разбита эта передача и фундамент. После этого вся углеподача по распоряжению Гусева была разобрана и тем самым выведена из строя на полтора года, до момента ареста Гусева;

г) умышленно, с вредительской целью, задержал на длительные сроки монтаж котлов №№ 1, 2, 11.

В результате этих преступных действий Гусева мощность электростанции была снижена наполовину, с 12 000 до 6 000 киловатт.

2. Гусев и Соколов в то же время подготовляли ряд аварий, которые должны были вывести из строя электростанцию и лишиться электрической энергии Златоустовские заводы в момент ожидавшегося вредителями военного нападения на СССР.

3. Эта преступная деятельность Гусева и Соколова совершалась по договоренности со служащими английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», монтажным инженером Макдональдом В.Л., принимавшим участие в разработке планов аварий.

4. Сверх того, по поручению того же Макдональда, Гусев и Соколов непосредственно и через третьих лиц собирали для Макдональда и передавали ему во вред СССР секретные сведения военно-государственного значения, касавшиеся:

а) работы военных цехов Златоустовских заводов;

б) производства снарядов и их типов;

в) производства высококачественных сталей для военных нужд и

г) мобилизационных планов электростанции и Златоустовских заводов.

5. За указанные преступные действия Гусев и Соколов получили от Макдональда взятки – Гусев одновременно всего 2 500 рублей и Соколов – 1 000 рублей.

б. Преступные действия Макдональда были им совершены с ведома и по заданию английского подданного, главного монтажного инженера Московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Торнтон Л.Ч., с которым так же, как и с Макдональдом, Гусев лично обсуждал планы аварий при свидании в Златоусте в 1931 г. и на станции Харцызск в 1932 г. При этих сведениях Гусев передал Торнтону ряд секретных сведений военно-государственного значения.

Преступные действия Гусева, Соколова и Макдональда предусмотрены ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Преступные действия Торнтон квалифицированы ниже.

II. Вредительство на Зуевской государственной районной электростанции

Основным вредителем на Зуевской электростанции был заведующий турбинным цехом станции, государственный служащий Котляревский М.Л., который в целях нанесения урона промышленной мощи СССР произвел аварию турбогенератора № 3 путем введения болта в генератор в июне 1932 г. и, совместно с умершим впоследствии Васильевым, организовал аварии с масляными насосами турбины № 1 и 3 путем умышленного засорения этих насосов.

Эти вредительские акты были совершены Котляревским в соучастии с тем же Макдональдом, от которого Котляревский получил за эти преступные действия взятку в 1 000 рублей.

Преступные действия Котляревского предусмотрены ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

III. Вредительство на Ивановской государственной районной электростанции.

На Ивгрэсе вредительство осуществляли: заведующий эксплуатационным отделом Лобанов А.Т. в соучастии с мастером той же электростанции Лебедевым В.П., служащим фирмы «Метрополитен-Виккерс», английским подданным Нордволлом Ч. и другими лицами, дело о коих выделено.

1. Лобанов организовал следующие аварии:

а) систематически выводил из строя моторы цепных решеток путем перелома кабеля, питающего эти моторы;

б) умышленно засорял песком подшипники мотора питательного насоса котлов, вследствие чего мотор выбыл из строя;

в) умышленно вывел из строя мотор дымососа котла № 5 путем закрытия вентиляции мотора;

г) в целях нарушения бесперебойной работы электростанции неоднократно умышленно выключал фидера собственных нужд станции.

В результате этих вредительских актов имели место перебои в работе станции и сокращение электроснабжения заводов и фабрик, питаемых Ивгрэсом.

2. Непосредственным исполнителем аварий, отмеченных в пп. а) и б)- п. 1, являлся Лебедев, действовавший по заданию Лобанова.

3. За эти вредительские действия Лобанов получил от Нордволла взятку в 5 000 рублей из коих около 300 рублей передал Лебедеву.

Преступные действия Лобанова, Лебедева и Нордволла предусмотрены ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

4. На той же Ивгрэс, вне связи с указанными лицами по прямому предложению Торнтон, мастер станции, государственный служащий Зиверт, тормозил в 1931 г. монтаж трансформатора, за что получил от Торнтон взятку в два приема всего 800 рублей.

Преступные действия Зиверта предусмотрены ст. ст. 58-7, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

IV. Вредительство на электростанциях Мосэнерго.

На электростанциях Мосэнерго вредительство осуществлялось следующими лицами:

Начальником эксплуатационного отдела 1-й Московской городской электростанции государственным служащим Сухоручкиным Л.А.

Старшим инженером тепловой группы по турбинному хозяйству Мосэнерго, государственным служащим Зориным М.Г.

Начальником ремонтно-монтажного отдела 1-й Московской городской электростанции, государственным служащим Крашенинниковым М.Д.

1. Сухоручкин:

а) на протяжении 1928-1932 гг. систематически скрывал по договоренности с Торнтоном серьезные дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования, а так же скрывал дефекты при монтаже этого оборудования, что привело к ряду аварий, уменьшало работоспособность станции и приводило к невозможности взыскания с фирмы «Метрополитен-Виккерс» в порядке рекламации соответствующих денежных сумм;

б) в конце 1931 г. лично с целью вызвать аварию на 1-й МГЭС соединил свинцовую оболочку однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 с железной полкой. Авария была предотвращена лишь благодаря бдительности рабочих;

в) в 1930 и 1931 гг., неоднократно встречаясь с Торнтоном, договаривался с ним о способах разрушения электростанции в момент начала войны против СССР.

2. Зорин по договоренности с тем же Торнтоном в 1931-1932 гг. с целью нанесения ущерба промышленности СССР провел на 1-й МГЭС и на Ореховской теплоэлектроцентрали ряд вредительских мероприятий, скрывая органические дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования, что привело к систематическим авариям на этих станциях, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм.

3. Крашенинников на протяжении 1928-1932 гг. провел на 1-й МГЭС ряд вредительских актов, скрывая дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования и его монтажа, что приводило к систематическим авариям на станции и к потере рекламационных сумм.

За указанные преступные действия Сухоручкин, Зорин и Крашенинников получили от Торнтоната взятки в сумме: Сухоручкин – 2 000 рублей и 350 рублей торгсиновскими бонами, Зорин – 1 000 рублей и Крашенинников – 500 рублей.

Преступные действия Сухоручкина, Зорина и Крашенинникова предусмотрены ст. ст. 58-7, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР, а Сухоручкина кроме этого ст. 58-9 Уголовного кодекса РСФСР.

V. Вредительская контрреволюционная деятельность указанных выше государственных служащих электростанций была увязана, как явствует из приведенных выше фактов, с преступной деятельностью отдельных служащих частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс».

Суд установил следующее:

1. Среди служащих фирмы «Метрополитен-Виккерс» руководящая роль по совершению контрреволюционных преступлений принадлежала Торнтону Л. Ч. – главному монтажному инженеру этой фирмы, под руководством которого осуществляли вредительство на отдельных электростанциях СССР и инженеры и монтеры фирмы, английские подданные, упоминавшиеся выше – Макдональд и Нордволл, а равно и инженер Кушни и гражданин СССР монтер фирмы Олейник П.Е.

Через этих лиц, как равно и непосредственно, Торнтон:

а) вступал в связь с контрреволюционными группами государственных советских служащих на электростанциях, договаривался с ними (Гусев, Сухоручкин, Зорин) о совершении аварий, о сокрытии дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» (Крашенинников, Зиверт), и давал взятки государственным служащим за совершенные ими преступные действия;

б) занимался военным шпионажем на территории СССР, собирая через Макдональда, Кушни и Олейника секретные сведения военно-государственного значения, и давал за полученные сведения через указанных лиц взятки советским государственным служащим (Гусев, Соколов и др.).

Преступные действия Торнтоня предусмотрены ст. ст. 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

2. Уполномоченный Московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Монкгауз:

а) был осведомлен о действиях Торнтоня по организации совместно с вредительскими контрреволюционными группами советских государственных служащих электростанций аварий на этих электростанциях;

б) принимал участие в даче взяток государственным служащим электростанций за сокрытие дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», а так же за сокрытие дефектов монтажа этого п оборудования, что приводило к авариям.

Преступные действия Монкгауза предусмотрены ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

3. Исполнителем вредительских заданий Торнтоня на Бакинской электростанции был монтажный инженер фирмы «Метрополитен-Виккерс» – Кушни, организовавший в 1928 г. на этой станции аварию с турбиной № 11 и собиравший секретные сведения военного характера для передачи Торнтону.

Преступные действия Кушни предусмотрены ст. ст. 58-6, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

4. Исполнителем преступных заданий Торнтоня на ряде электростанций (1-й МГЭС, Макеевка, Мотовилиха) был служащий Московской конторы фирмы «Метро-Виккерс», гражданин СССР – Олейник:

а) систематически скрывавший дефекты оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», что привело к ряду аварий и

б) собиравший военно-секретные сведения и вербовавший агентуру для Торнтоня.

Преступные действия Олейника предусмотрены ст. ст. 58-6, 58-7, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

5. Кутузова А.С., состоя на службе в Московской конторе фирмы «Метрополитен-Виккерс» в качестве секретаря и зная о контрреволюционной работе вышеупомянутых служащих этой фирмы, систематически передавала и пересылала денежные вознаграждения отдельным участникам контрреволюционных групп государственных советских служащих электростанций за их шпионскую и вредительскую деятельность.

Преступления Кутузовой предусмотрены ст.ст. 58-6 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

VI. На основании изложенного, исходя из установленных судом обстоятельств дела, степени вины каждого из поименованных выше лиц и на основании постановления ЦИК Союза ССР от 14 марта сего года, в силу которого советские государственные служащие, изобличенные во вредительстве, как изменники своего отечества, подлежат более суровой ответственности, чем служащие частных предприятий

Суд приговорил:

I.

1. Гусева Василия Алексеевича,
2. Сухоручкина Леонида Алексеевича,
3. Лобанова Александра Тимофеевича, государственных служащих, граждан СССР, к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества. Избрание этой меры репрессии вместо расстрела суд обосновывает исключительно тем, что преступная вредительская деятельность указанных осужденных имела локальный характер и не нанесла серьезного ущерба промышленной мощи СССР.

II.

4. Соколова Василия Андреевича,
5. Зорина Николая Григорьевича,
6. Котляревского Моисея Львовича, государственных служащих, граждан СССР, по тем же основаниям – к восьми годам лишения свободы с указанными выше последствиями.

III.

7. Крашенинникова Михаила Дмитриевича, государственного, служащего, гражданина СССР, по тем же основаниям – к пяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет без конфискации имущества.

IV.

8. Лебедева Вячеслава Петровича, государственного служащего, гражданина СССР, принимая во внимание, что он являлся лишь орудием в руках Лобанова и руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР к двум годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

V.

Служащих Московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс».

9. Английского подданного Торнтон Лесли Чарльза – к трем годам лишения свободы.
10. В отношении английского подданного Макдональда Вильяма Лионель, как действовавшего по прямому подстрекательству его непосредственного начальника Торнтон, с одной стороны, и ввиду чистосердечного признания на суде своих преступных действий, руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, смягчить требуемую законом меру репрессий и ограничиться осуждением к двум годам лишения свободы.

В отношении английских подданных:

11. Монкгауза Аллана,
12. Нордволла Чарльза, как не принимавших непосредственного участия в совершении аварий на электростанциях, и
13. Кушни Джона, ввиду давности совершенного им преступления (1928 г.), руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, ограничиться удалением их из пределов СССР с запрещением въезда в СССР сроком на 5 лет.

Осужденные Монкгауз, Нордволл и Кушни обязаны оставить пределы СССР в течение трех суток с момента вынесения приговора.

14. Олейника Петра Еремеевича, гражданина СССР, принимая во внимание его зависимость по службе от Торнтон и как служащего частной фирмы, к трем годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

15. Кутузову Анну Сергеевну, гражданку СССР, по тем же основаниям – к полутора годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

Всем осужденным к лишению свободы зачесть срок предварительного заключения.

VI.

16. В отношении Зиверта Юлия Ивановича, государственного служащего, гражданина СССР, принимая во внимание, что своей работой после 1931 г. он доказал, что искренне порвал с вредителями, на основании ст. 8 Уголовного кодекса РСФСР мер репрессии не применять и из-под стражи освободить.

17. Грегори Альберта Вильяма английского подданного по недостаточности улик, оправдать.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и вступает в силу немедленно с момента его оглашения.

Председатель. Тов. комендант! Обвиняемого Зиверта освободите из-под стражи, подсудимого Торнтонна возьмите под стражу.

Тов. секретарь! Отберите подписку от подсудимых Нордволла, Монкгауза и Кушни о выезде из СССР в трехдневный срок с момента объявления приговора.

Заседание специального присутствия Верховного Суда СССР объявляю закрытым.

Дотошный читатель может самостоятельно ознакомиться со сканами сего издания:

(file:///C:/Users/user/Downloads/Дело%20о%20вредительстве%20на%20электрических%20станциях-1-Ч-Б.pdf),

(file:///C:/Users/user/Downloads/Дело%20о%20вредительстве%20на%20электрических%20станциях-2%20Ч-Б.pdf),

(file:///C:/Users/user/Downloads/Дело%20о%20вредительстве%20на%20электрических%20станциях-3%20Ч-Б.pdf).

Вместо послесловия

Неужели и британцев превратят в попугаев? Дело о вредительстве на электрических станциях СССР. Советско-британский дипломатический скандал

Газета «Известия» в номере от 14 марта 1933 г. огорошила своих читателей очередной сенсацией на модную по тем временам тему. Под заголовком «Сообщение ОГПУ» шел напористый текст: «Произведенным ОГПУ расследованием ряда неожиданных и последовательно повторявшихся аварий, происшедших за последнее время на крупных электростанциях (Московская, Челябинская, Зуевская, Златоустовская), установлено, что аварии эти являются результатом вредительской деятельности группы преступных элементов из числа государственных служащих в системе Наркомата тяжелой промышленности <...> В деятельности этой вредительской группы принимали активное участие также некоторые служащие английской фирмы «Метро-Виккерс», работающие в СССР на основании договора с этой фирмой о технической помощи предприятиям электропромышленности СССР».

К этому времени сами «преступные элементы», состоящие из 12 советских граждан и 6 подданных Великобритании, уже несколько дней находились на Лубянке и по просьбам следователей давали признательные показания.

Очередной открытый процесс инженерно-технических специалистов стартовал 12 апреля 1933 г. по уже сложившейся традиции в Колонном зале Дома Союзов. Спецприсутствие Верховного суда ранее уже играло здесь откровенные договорняки – «шахтинское дело» (июль 1928 г.) и «процесс Промпартии» (ноябрь-декабрь 1930 г.).

Однако при всей стилистической схожести «дело о вредительстве на электростанциях» имело ряд существенных отличий от вышеуказанных публичных судов. Во-первых, в течение 1931-1932 гг. по стране прокатилась действительная, а не вымышленная серия аварий на электростанциях. Другой момент – «шахтинцы» и «промпартийцы» целиком и полностью являлись третируемыми советской властью «старыми спецами», представителями инженерной корпорации старой России. В то время как энергетики-вредители все как на подбор инженеры «советского разлива».

Главные обвиняемые по «делу о вредительстве»: начальник Златоустовской электростанции Василий Гусев, помощник начальника той же электростанции Василий Соколов, начальник эксплуатационного отдела 1-й Московской ГЭС (МОГЭС-1 на Раушской набережной) Леонид Сухоручкин, начальник ремонтно-монтажного отдела Могэс-1 Михаил Крашенинников, начальник эксплуатационного отдела Ивановской ГРЭС Александр Лобанов, зав. турбинным цехом Зуевской ГРЭС (на Донбассе) Моисей Котляревский – все окончили вузы в советское время. И заняли указанные должности сразу после «процесса Промпартии», когда прежние инженеры были либо арестованы, либо уволены. И третье – на процесс с изначально планируемым публичным покаянием в качестве обвиняемых были выведены иностранцы. Да не абы какие, а англичане, воспитанные в правовых традициях, уважающих человеческую личность. Что, несомненно, вносило дополнительную интригу – неужели и британцев превратят в говорящих попугаев?

Председательствовал на процессе Василий Ульрих, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР. Это был его дебют в гражданском судопроизводстве. Новостью стало участие в процессе сразу двух обвинителей, причем отборных, — прокурора РСФСР Андрея Вышинского и его заместителя Григория Рогинского. Защиту осуществляли члены Московской коллегии защитников, причем у англичан были персональные адвокаты, а советских раздали по трое в одни руки.

Всем обвиняемым вменялась тяжелая 58-я статья УК РСФСР. Обвинительное заключение выделило три направления «контрреволюционной деятельности вредительской группы»: шпионаж, вредительство с целью подрыва мощи советской промышленности, взяточничество и подкуп отдельных служащих государственных электростанций для целей вредительства.

На предварительном следствии все они свою вину признали. В суде советские инженеры продолжали охотно признаваться. Английские инженеры (Аллан Монкгауз, уполномоченный представитель фирмы «Метро-Виккерс» в СССР, Лесли Торнтон, старший монтажный инженер, Альберт Грегори, Джон Кушни, Вильям Макдональд, Чарльз Нордволл, монтажные инженеры) все как один отказались от показаний, данных в ОГПУ, утверждая, что они добыты непрерывными допросами по многу часов в день (назывались цифры от 12 до 18). В их пользу говорило и то, что человека со стороны приведенные на суде факты аварий не убеждали в «прямом вредительстве», скорее — в низкой квалификации работников электростанций («наберут по объявлению, потом удивляются...»): «Зимой 1932 года на Златоустовской электростанции произошла авария с котлом №8, стоявшим в холодном резерве. Персоналом котельной не были закрыты шиберы (заслонки в дымоходе. — А.М.) и не была спущена вода, вследствие чего произошли замораживание котла и разрыв ряда трубок».

Авария 4 декабря 1931 г. на Шатурской ГРЭС: «Во время перехода с одного маслоохладителя на другой персоналом было допущено неправильное переключение вентилей, повлекшее оплавление всех подшипников турбогенератора».

Обвинители, стремясь заставить англичан признаться во вредительстве и шпионаже, устроили им настоящий «конвейер». Вышинский буквально набрасывался на обвиняемого с градом вопросов. Затем его сменял Рогинский. Когда и у него иссякал пыл, вновь поднимался Вышинский и еще добрых полчаса задавал выпотрошенному и осата-невшему подсудимому все те же наводящие вопросы. Но англичане держались стойко.

За исключением, пожалуй, Макдональда, самого из них молодого, с признаками былой инвалидности (после перенесенного в детстве заболевания он сильно хромал; на суде эта его особенность почему-то исследовалась очень подробно). Который ближе к концу процесса явно «поплыл». Попытки же обвинителей уличить англичан с помощью признаний советских инженеров и техников приводили к курьезным случаям.

Вот советский техник Зиверт обличает инженера Грегори во вредительстве на Днепрогэсе:

Зиверт. Здесь есть монтер «Метро-Виккерс» Грегори, который начал делать полный прорыв и порчу оборудования... Я делал за 8 часов 5 изоляторов. Грегори за 12 часов ставил только один... Когда ему был задан вопрос, он ответил, что он приехал в Россию не работать, а деньги нажить.

Грегори (перевод). Я не делал такого заявления.

Зиверт. Грегори начал говорить нашим рабочим, что у вас здесь люди ничего не имеют кушать, а у нас за 25 копеек кушают масло, белый хлеб и прочее. Вообще он вел агитацию...

Грегори (перевод). Но я не умею говорить по-русски.

Ульрих. На каком языке Грегори разговаривал?

Зиверт. По-английски.

Ульрих. Вы понимаете по-английски?

Зиверт. Нет...

Грегори (перевод). Этот человек — Зиверт — порочит мою репутацию, и вы принимаете это заявление без доказательств. Справедливо ли это?.. Я говорю, что если бы эта работа была проделана в меньший срок, то от этого пострадало бы качество работы.

В конечном итоге единственное, что удалось доказать суду, это факты дачи англичанами денег советским инженерам и техникам. За выполнение сверхурочных работ, когда необходимо было завершить монтаж агрегата, а у советских — или обед по распорядку, или конец рабочего дня. За закрытие глаз на различные мелкие дефекты поставляемого оборудования. За благоприятствование их фирме при получении новых заказов.

Вышинский в обвинительной речи много и пространно рассуждал о классовый природе советского суда. Затем пустился в долгую критику буржуазного суда вообще и английского в частности. Затем, обильно цитируя товарища Сталина («Вредители, — говорил товарищ Сталин, — есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение»), перешел к характеристике способов вредительства вперемешку с пропагандой советских достижений. Проговорив несколько часов, Вышинский так и не потребовал конкретных мер, предусмотренных 58-й статьей.

Суд удалился на совещание в 15 часов 35 минут 18 апреля, а приговор был оглашен в час ночи 19 апреля. Видно, ждали мнение «зубцов». Упомянувшиеся здесь советские инженеры Гусев, Сухоручкин, Лобанов были приговорены «к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества». «Избрание этой меры репрессии вместо расстрела, — объяснил Ульрих, — суд обосновывает исключительно тем, что преступная вредительская деятельность указанных осужденных имела локальный характер и не нанесла серьезного ущерба промышленной мощи СССР».

Соколов и Котляревский получили по восемь лет с теми же поражениями в правах и конфискацией. Крашенинников пять лет с поражением, но без конфискации. Так и не признавшегося ни в чем, кроме «подарков», Торнтон Спецприсутствие приговорило к трем годам лишения свободы. Макдональда, единственного англичанина, частично признавшего вину, — к двум годам. Монкгауз, Нордволл и Кушни приговорены к «удалению из пределов СССР с запрещением въезда сроком на 5 лет». Грегори оправдан «по недостаточности улик».

Утром 19 апреля объявлено о введении эмбарго на импорт в Англию советского сырья и хлеба. Через три дня последовало советское контрэмбарго, аннулирующее промышленные заказы в Англии. До конца июня держались торговые холода.

Затем начались переговоры на уровне глав дипломатических ведомств. 2 июля все столичные газеты поместили сообщение ТАСС:

«1 июля днем британское правительство отменило эмбарго на ввоз советских товаров, наложенное в апреле с.г., а Народный комиссариат внешней торговли отменил принятые им в ответ на эмбарго контрмеры. В этот же день на вечернем заседании Президиум ЦИК СССР в порядке амнистии заменил осужденным Верховным судом СССР Макдональду и Торнтону заключение высылкой из СССР».

Александр Меленберг. «Новая газета», 15 октября 2010 г.

Инженер-электрик Ф.А. Рязанов в своих воспоминаниях так описывал жуткую обстановку в 1930-е в энергетике и на Урале, куда он попал после ареста по «Делу Промпартии», освобождения и работы в Горьком и Москве (ф. 9592 РГАЭ):

Летом 1936 г. неожиданно приказом Главэнерго я был командирован на работу в Уралэнерго на Кизеловскую ГРЭС. Когда я позвонил [новому] начальнику Главэнерго К.П. Ловину и выразил сожаление и недовольство этим откомандированием, Ловин ответил: «Поверьте, Федор Алексеевич, что так нужно».

На Кизеловской ГРЭС главным инженером служил тов. Зайченков, ранее работавший на Шатурской станции. Я был назначен заместителем главного инженера. На станции, сжигающей угольную пыль, положение было очень тяжелое. Котлы и вспомогательное оборудование были сильно изношены, нуждались в капитальном ремонте, а из-за острого недостатка электроэнергии в системе Уралэнерго ни одного котла не разрешали вывести в капитальный ремонт. Позволяли только останавливать тот или иной котел для ремонта с вечера субботы до утра понедельника – всего максимум на 40 часов. За этот срок можно было лишь залатать наиболее опасные дыры. Почти каждую ночь проводились ремонты шаровых мельниц и другого котельного оборудования. Спать приходилось очень мало, и то каждую минуту ждешь, что позвонят по телефону и сообщат о выходе из строя какого-либо оборудования.

Но случилось почему-то так, что после моего приезда на станции число аварий уменьшилось и количество недоданных ею киловатт-часов в течение двух месяцев заметно сократилось. Начальство Облисполкома, которое сильно интересовала [надежная] работа станции, как-то по этому поводу выразилось: «Вот, получили настоящего специалиста, и дело пошло на лад». Когда мне передали об этом, я настойчиво стал уверять всех, что уменьшение аварий просто счастливое совпадение. Серьезно указывал на необходимость останавливать по очереди котлы для капитального ремонта; в противном случае следует ожидать в ближайшем будущем больших аварий и очень большого недоотпуска электроэнергии. Но радикальных мер не принималось и останавливать котлы на требуемый для ремонта срок не разрешали.

В конце декабря [1936 г.] в системе Уралэнерго случилась большая авария, повлекшая за собой выключение почти всех заводов области. На Кизеловской ГРЭС в понедельник по расписанию должна была к 14 час включена остановленная на воскресенье турбина. В 13 час. 30 мин. турбина была уже на оборотах, и я решил пойти пообедать. Только успел дойти [до квартиры], как сообщили, что с турбиной авария.

Вернувшись на станцию, узнал, что сильно запарила трубка, подающая пар к масляной турбинке. Чтобы добраться до этой трубки, требовалось поднять рифленые листы у фронта турбины. Но листы прикипели. С ними долго провозились, и турбину включили с запозданием на час. Оказалось, что как раз в это время произошел ряд аварий и на других станциях и в высоковольтных сетях. В связи с этими авариями [районное управление] Уралэнерго издало грозный приказ. Относительно меня было сказано, что я направляюсь в распоряжение Главэнерго.

Это было очень неожиданно и удивительно и для меня, и для всех инженеров станции, но я был весьма доволен и быстро уехал. В Москве я все добивался аудиенции у К.П. Ловина, но в течение трех дней по разным причинам он меня не принимал. Тогда я написал заявление с просьбой освободить меня от работы в системе Главэнерго. Это было вызвано тем, что мое здоровье оказалось сильно подорванным тяжелыми условиями труда на Кизеловской ГРЭС, и я боялся, что меня направят на такую же трудную станцию. Заявление я передал секретарю Ловина и сказал, что если на заявлении будет написано: «Не возражаю», меня это вполне удовлетворит и я не буду добиваться свидания. На другой день я получил от секретаря свое заявление с просимой резолюцией.

В первый момент как-то странно было, что я, работавший в течение почти 25 лет на электростанциях, оказался свободным от этой работы. Решил пойти первым делом в трест «Тепло и Сила» (ныне «Центроэнерго-ремонт») и потом в Теплотехнический Институт, куда раньше меня приглашал директор А.А. Юркин.

В тресте «Тепло и Сила» я зашел к главному инженеру. Им оказался Т.Е. Григорьев, сравнительно молодой инженер, который в 1925 г. ходил ко мне на 1-ую МГЭС с дипломным проектом, как к руководителю проектированием в Плехановском Институте. Он сразу узнал меня, очень обрадовался, и когда я рассказал, что покончил с Главэнерго и ищу места, предложил мне на выбор две должности – либо начальником вновь организуемого отдела по проектированию монтажа, либо заместителем начальника отдела по пуску и наладке котлов. Я выбрал второе, как более мне знакомое, и в тот же день оформился.

Бригады инженеров и техников отдела работали на многих крупных и небольших станциях. Раза два-три в год приходилось выезжать и мне на объекты, главным образом, на приемку котлов от наших монтажников перед их пуском, а иногда для помощи бригаде.

Вскоре я узнал, что через три недели после моего отъезда из КизелГРЭС на станции было арестовано очень много инженеров и техников. А позднее, через несколько лет ко мне в Центроэнерго-ремонт приехал из КизелГРЭС по каким-то делам начальник технического отдела этой станции, с которым в период своей работы там мы были в хороших отношениях. Естественно, разговор зашел о событиях на станции в январе 1937 г. Он рассказал, что было арестовано почти все начальство станции. Мое неожиданное откомандирование в Москву, оказывается, было вызвано тем, что меня пожалели. Кто «пожалел», он не знал.

Только в марте 1967 г. при разговоре с П.Г. Грудинским о [начальнике Главэнерго] Ловине в связи с тем, что я написал перед этим воспоминания о последнем для предполагаемой к изданию в Челябинске книги, Петр Григорьевич сказал мне, что «пожалел» меня тогда Ловин. Грудинский находился у него в кабинете, когда Ловин давал распоряжение в Уралэнерго о немедленном откомандировании в Москву меня и главного инженера Уралэнерго. Несомненно, этим Казимир Петрович спас меня от второго ареста.

В свете этого мне кажется, что и удивившее многих инженеров и меня согласие Ловина на оставление мною работы в системе Главэнерго следует объяснить так же его желанием не подвергать меня опасности второго ареста. Дело в том, что через несколько месяцев после моего ухода из системы Главэнерго было арестовано много инженеров во главе с К.П. Ловиным.

В общем, большевики, как мы уже квалифицировали, всю насильствовали оборудование электростанций и энергетиков, а когда случались аварии, списывали их на «вредительство энергетиков»... А чекисты «шили» грандиозные дела не только о вредительстве, но и о военно-экономическом шпионаже...

Приведем еще пару выдержек из воспоминаний Ф.А. Рязанова (ф. 9592 РГАЭ) – о том, как чекисты грубо лепили сценарии «вредительства» (в рамках негласного суда над инженерами МОГЭС в 1931 г. – верхушкой которого был гласный «Процесс Промпартии»):

При аресте [в январе 1931 г.] мне было предъявлено несерьезное обвинение в том, что я, главный инженер 1-й МГЭС, довел запас нефти на станции до однодневного расхода. Мои объяснения и письменное заявление о том, что в течение более чем полмесяца я бил по этому поводу тревогу всюду, включая высшее начальство и Моссовет, который распределял нефть, не помогли. Через неделю меня впервые вызвали на допрос и предложили писать о диверсионной организации и вредительстве на станции. О нефти разговора и не было. Конечно писать мне было нечего. Вначале я просидел на Лубянке два месяца в общей камере, где было десять человек.

<...> В течение этого времени меня часто вызывали на допрос, держали там по полчаса и больше, но время проходило однообразно. Допрос обычно проводился наиболее мирно настроенным следователем Ф.И. Протасовым. Он спрашивал: «Ну как, Федор Алексеевич, будем писать?» Я обычно отвечал: «Вы же знаете, Федор Иванович, что писать мне не о чем». На это он спокойно отвечал: «Писать нужно, нужно». После этого отправлял меня обратно в камеру.

Через два месяца такие мирные встречи со следователем кончились. Меня перевели в одиночную камеру и лишили передач. Это было чувствительно. Без передач было довольно голодно. Показателен следующий эпизод. Обычно утром раздавался через дёрку в двери хлеб на сутки – примерно по 200 граммов.

<...> По истечении нескольких дней вызвали на допрос. Характер допроса изменился. Сообщили, кто из арестованных могэсовцев написал обо мне, что я входил во вредительскую организацию. Через несколько дней показали частично писательства некоторых инженеров, в том числе и схему организации диверсионных ячеек, причем во главе диверсионной ячейки 1-й МГЭС значился я.

Во время одного из таких допросов Протасов сказал, что надо писать о вредительской организации. Я ответил, что ни в какую вредительскую организацию не входил и это утверждение голословно. – «Как же не входили, если ГПУ утверждает это, а ГПУ никогда не ошибается». Меня это взорвало, и я ответил: «Что же ГПУ – папа Римский, который тоже никогда будто бы не может ошибаться? Я вот тоже могу утверждать, что Вы входили в такую организацию».

Этого даже спокойный Федор Иванович вынести не мог. Он густо покраснел от гнева, поднялся и так стукнул кулаком по столу, что чернильница упала на пол. На шум открыл дверь [другой следователь] Григорьев. Посмотрел, в чем дело. Видит, что я сижу спокойно перед взволнованным Федором Ивановичем, и закрыл дверь.

<...> Вскоре после этих событий на меня при допросе произвели сильный нажим сразу два следователя, потом подошел и третий. Мне показали еще одно писательство с разоблачением меня и требовали, чтобы я начал писать. При этом они сказали: «Неужели Вы думаете, что мы поверим Вам одному, когда против Вас написали семь человек». Я был уже к этому времени сильно надломлен и решил, что, пожалуй, для меня лучше будет начать писать.

Я сообщил об этом следователям, но добавил, что не знаю о чем писать. На это мне ответили: «Вам достаточно сообщали и показывали, о чем пишут другие». Я согласился писать. После первых фраз о том, что я потворствовал вредительству, мне дали письменные принадлежности, чтобы я писал дальше в камере. При последнем допросе вторым следователем был Григорьев, третьим – Семенов, оба очень жестокие.

<...> Как-то меня вызвали из камеры [Бутырской тюрьмы], прочитали решение Военной коллегии. Выяснилось, что я обвинен по трем пунктам статьи 58 – во вредительстве, диверсии и в чем-то еще. И приговорен к десяти годам заключения. Потребовали расписаться в том, что я извещен об этом.

<...> В конце 1957 г. как-то мне позвонил сын В.Д. Кирпичникова – Юрий Викторович и сказал, что хочет возбудить ходатайство о посмертной реабилитации отца. При этом спросил, может ли он сослаться на меня, как человека, хорошо знавшего В.Д. Кирпичникова и согласного дать необходимые сведения о нем. Я конечно не возражал.

Через несколько месяцев после этого меня попросили зайти на Лубянку. Там предъявили мне мои основные «писательства», в которых я сообщал о своих «вредительствах». Это касалось главным образом перевода 1-ой МГЭС с нефти на уголь и сооружения нового распределительного устройства на 6 600 вольт. Хотя проектирование этих устройств не относилось к функциям 1-ой МГЭС, но я как главный инженер обвинялся в том, что не проявил достаточной настойчивости в ускорении перевода станции на уголь и не протестовал против «излишне роскошного» распределительного устройства, которое в связи с этим дорого стоило.

После того, как я прочитал там свои «писательства», представитель Госбезопасности спросил, правильно ли то, что я писал. Я ответил, что совершенно неправильно. Станцию нерационально было переводить на уголь, а щит 6 600 вольт построен рационально в соответствии с требованиями того времени. Далее он сказал: «Значит, если бы станция была переведена на уголь, это и было бы вредительством?» Я ответил: «Совершенно правильно, это было бы вредительством». На вопрос: «Зачем же Вы об этом писали», я ответил: «Я понял, что этого от меня требовали в целях раскаивания, прозрачно намекая на это».

В заключение представитель Госбезопасности сказал, что предварительно были вызваны 40 высококвалифицированных инженеров, в том числе Г.М. Кржижановский и А.В. Винтер, и все эти эксперты сказали о моих «вредительствах» то же, что сообщил ему сейчас и я.

В апреле 1958 г. я получил справку о том, что «дело по обвинению Рязанова Федора Алексеевича, работавшего до ареста 28 января 1931 г. зам директора 1-й МГЭС по технической части, пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 27 марта 1958 г. Постановления от 15 июня 1931 г. и от 28 июля 1931 г. в отношении Рязанова Ф.А. отменены и дело прекращено за отсутствием состава преступления». Был ли при этом разговор о В.Д. Кирпичникове – не помню. Но примерно в это же время В.Д. Кирпичников был так же реабилитирован, к сожалению посмертно.

Из «Краткой биографии талантливого электротехника Н.И. Языкова и воспоминаний о нем» того же Ф.А. Рязанова (май 1972 г., ф. 9592 РГАЭ):

В начале 1931 г. (или в последних числах 1930-го?) наряду с арестами многих ведущих инженеров станции и МОГЭСа был арестован и Н.И. Языков. По словам его старшей дочери [Антонины] при аресте [чекисты] забрали все бумаги Николая Ивановича, вместе с его трудами. Что представляли собой эти труды, она не знала. Знала о них, вероятно, младшая его дочь Валентина Николаевна, но она, к сожалению, уже умерла, так же как и [средняя] дочь Вера Николаевна.

<...> О том, что на Лубянке Николай Иванович отказывался писать показания о «вредительстве» на станции, я слышал при моих допросах от следователей. Когда я три месяца тоже отказывался писать [признательные показания], следователи говорили между собой: «Вот, этот такой же, как Языков. Не то что другие инженеры МОГЭСа, которые давно поняли, что лучше писать, а не отказываться».

Позднее Николай Иванович рассказывал дочерям, что его заставляли писать, давали ручку, чернила и бумагу; но как только он начинал писать о том, что ни в каких вредительских делах не участвовал, следователи вырывали бумагу и рвали ее, говоря, что не это им нужно. Так повторялось 17 раз!!!

В течение лета 1931 г. все арестованные инженеры МОГЭСа были приговорены Военно-Революционным Трибуналом к заключению – кто на пять, кто на десять лет, и направлены на работу по специальности, в разные предприятия. А Н.И. Языков продолжал сидеть!

В конце лета 1931 г. старшая дочь Антонина Николаевна встретила как-то своего [прежнего] товарища по учебе тов. Джаваху, с которым у нее сохранились приятельские отношения. Антонина Николаевна знала, что тов. Джаваху близок к тов. [Авелю] Енукидзе [(секретарю ЦИК СССР)], и, рассказав об аресте отца, попросила что-либо сделать для него. Через несколько дней после этого Николай Иванович вернулся, и Антонина Николаевна вместе с тов. Джавахой пошли на квартиру к младшей дочери, у которой жил Николай Иванович.

Он рассказал, что после того, как его выпустили из тюрьмы, пошел к себе на квартиру при станции. На его звонок открыли дверь и спросили, что ему нужно. Он ответил, что пришел на свою квартиру. Ему объяснили, что Языковы здесь уже несколько месяцев как не живут, и дали новый их адрес. Позднее выяснилось, что семью Языковых переселили на Калужскую улицу в комнату, которую прежде занимал старый работник МОГЭС М.С. Радин.

Умер Николай Иванович в 1936 г. от инсульта на лестничной клетке, когда поднимался к себе в квартиру. Через несколько дней после его смерти на квартиру явились агенты ГПУ и спросили Н.И. Языкова. Его дочь [Валентина] поинтересовалась, зачем он им нужен и почему не оставляют старика в покое. На это они ответили, что Н.И. Языков большой специалист. Дочь объявила, что «большой специалист» не захотел ждать, чтобы его арестовали второй раз, и недавно умер.

Уместно здесь напомнить, что при первых арестах в 1930 г., когда взяли видных инженеров МОГЭСа, Н.И. Языков как-то сказал: «Вот Роберт Эдуардович [Классон] не захотел ждать, когда его арестуют – заранее умер». В 1936 г. и Николай Иванович последовал этому примеру своего бывшего старшего товарища.